МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЕЛЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. И.А. БУНИНА»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Сборник материалов Международной
научно-практической конференции,
посвящённой 120-летию со дня рождения профессора
Ивана Александровича Фигуровского

Елец – 2019

УДК 81
ББК 81
А 43

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина
от 31.01.2019 г., протокол № 1

Научный редактор – Г.Д. Фигуровская, доктор филологических наук, профессор

Редакционная коллегия:
Т.М. Свиридова, доктор филологических наук, доцент (отв. редактор);
Т.Е. Шаповалова, доктор филологических наук, профессор (г. Москва);
В.А. Телкова, кандидат филологических наук, доцент;
У.И. Турко, кандидат филологических наук, доцент

А 43 Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания языка: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения профессора Ивана Александровича Фигуровского. – Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. – 511 с.
ISBN 978-5-00151-031-4

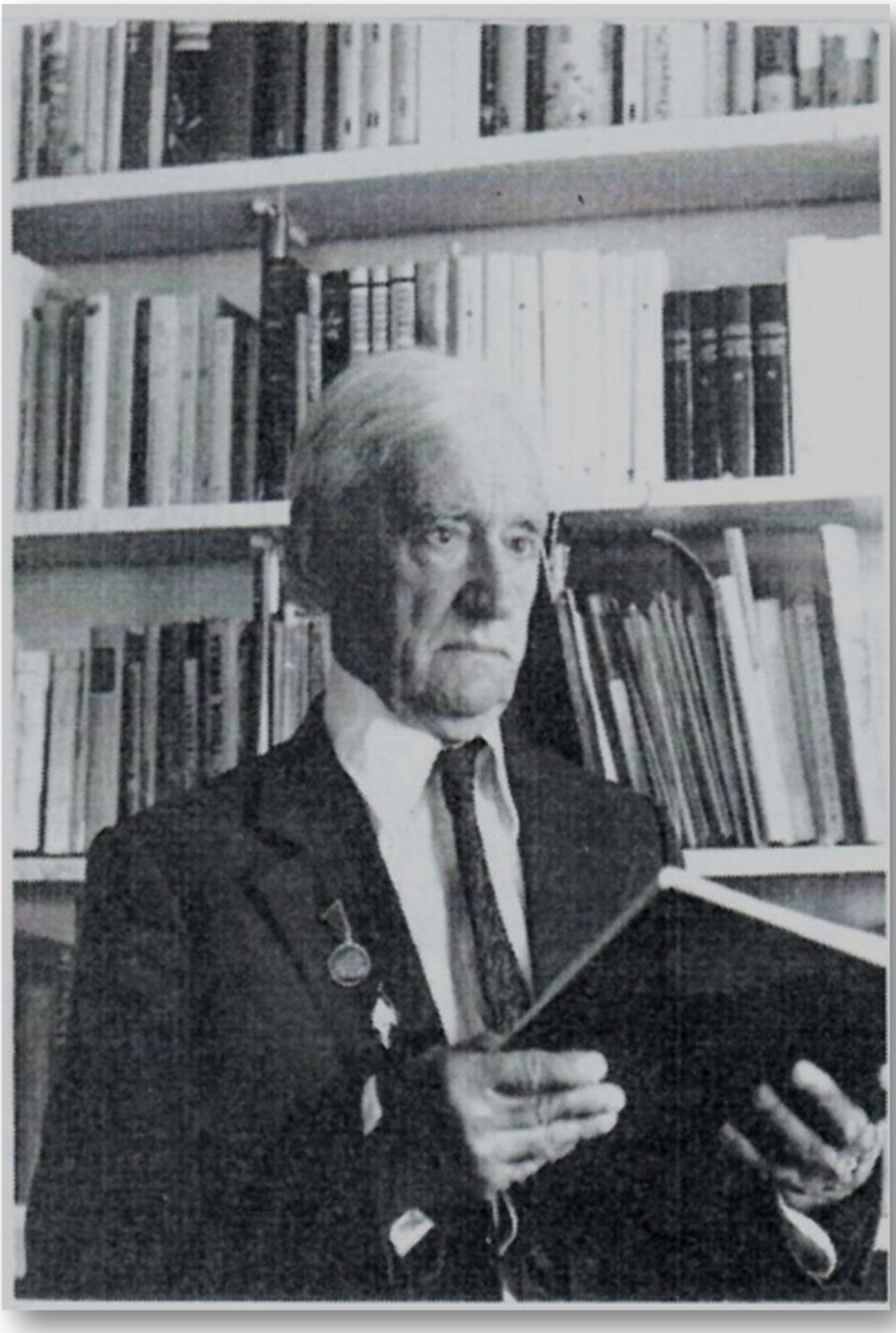
Сборник содержит доклады, в которых рассматриваются проблемы синтаксиса предложения и текста, теории и практики филологического анализа текста и дискурса, языковые единицы в системно-структурном, функциональном и семантическом аспектах, проблемы лингвокультурологии и лингвокогнитологии, лингводидактики.

Для специалистов в области русского языка, общего языкознания, методики преподавания языка, преподавателей, аспирантов, студентов.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-00151-031-4

© Елецкий государственный
университет им. И.А. Бунина, 2019

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И.А. ФИГУРОВСКОГО И РАЗВИТИЕ ЕГО ИДЕЙ СОВРЕМЕННЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

УДК 81-119

ПОНЯТИЕ ТЕКСТА И ЕДИНИЦЫ ТЕКСТА В КОНЦЕПЦИИ И.А. ФИГУРОВСКОГО

БУРЦЕВ ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ
д. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка,
методики его преподавания и документоведения,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, kafedra.tirj@mail.ru

Кратко рассматривается концепция И.А. Фигуровского по синтаксису целого текста. Согласно этой концепции характеристики текста и закономерности его построения могут быть определены только после установления характера и свойств единицы, конституирующей текст. В качестве таковой И.А. Фигуровский описал компонент целого текста, базовым свойством которого была определена смысловая связанность самостоятельных предложений.

Ключевые слова: И.А. Фигуровский, текст, единица текста, сложное синтаксическое целое, компонент текста, когерентность.

Основной круг вопросов, обсуждаемых в лингвистических исследованиях текста, определился уже задолго до ситуации, метко названной С.Г. Ильенко «осада текста» [1, с. 7]. Прежде всего следует отметить две работы: статью Н.С. Поспелова «Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры» [4] и книгу И.А. Фигуровского «Синтаксис целого текста и ученические письменные работы» [8]. Можно, пожалуй, утверждать, что эти исследования, доказавшие свою теоретическую значимость в разработке вопросов лингвистики текста, фактически образовали те направления по тексту в отечественной лингвистике, которые сложились к концу 80-х гг.

Одно из них, грамматика текста, в явной форме определилось именно в названной книге И.А. Фигуровского.

Книга делится на две части. В первой части, теоретической, излагаются «законы синтаксиса целого текста, по которым соединяются законченные предложения». Во второй части предлагаются методические рекомендации, посвященные приемам обучения школьников письменной речи в жанровых рамках изложений и сочинений.

По мнению И.А. Фигуровского, характеристика текста в целом не может обойтись без установления и дефиниции его конституирующей единицы. В качестве таковой И.А. Фигуровский называет «компонент целого текста». Он пишет: «Группы законченных предложений, объединенные общностью и замкнутостью содержания, общим отвлеченным значением и общим средством

его выражения, являются цельными речевыми единицами, которые составляют иногда значительные части целого текста. По этому, последнему, признаку их можно назвать употребительным в науке и кратким термином компоненты (целого текста). Поскольку эти единицы состоят из нескольких соединенных законченных предложений, их можно назвать соединениями законченных предложений» [8, с. 33].

Центральным для теории текста является вопрос о содержании понятия «единица текста». В существующих концепциях эта проблема рассматривается почти исключительно в применении к группе предложений. Всестороннее обсуждение этой проблемы, в ходе которого единица текста многократно терминировалась (сложное синтаксическое целое (ССЦ), сверхфразовое единство, прозаическая строфа и др.), определило два основных подхода к решению проблемы единицы текста. Различие между ними состоит в разном понимании того, какой признак следует считать доминирующим при оценке группы предложений как ССЦ.

Согласно первому подходу, для ССЦ важнейший признак – когезия, формальная связанность предложений. Под ССЦ в этом ключе понимается наивысшая форма синтаксической формальной организации текста. Идея такой интерпретации заложена в работах Н.С. Поспелова [4; 5], рассматривавшего ССЦ как такое синтаксическое единство, которое обладает замкнутой синтаксической структурой. Идеи Н.С. Поспелова были развиты в исследованиях Л.М. Лосевой [2], Г.Я. Солганика [6], В.П. Луневой [3] и др. Такой подход во многом определил линию развития лингвистики текста как синтаксиса текста, основной задачей которой стало описание сверхпредложенческих единств, составляющих особый, суперсинтаксический уровень языка, а также выявление и характеристика средств когезии в разных типах текста.

Согласно второму подходу, важнейший признак ССЦ – когерентность, смысловая связность. Специфику ССЦ видели в той цели, с которой оно используется говорящим в речи, – формирование и выражение концептуально значимого смысла, являющегося элементом содержательной концепции данного текста. Текст при этом рассматривался как продукт интеграции значений отдельных предложений. В зарубежной лингвистике было даже выдвинуто понятие «упорядочивающей инстанции», под которой понималась семантическая суперструктура текста, где упорядочены значения отдельных предложений [7, с. 321].

Представляется, что именно этот подход отразился в работах И.А. Фигуровского. Одна из идей, высказанных И.А. Фигуровским, это идея о нечленимости «компонента целого текста» (ССЦ) на семантическом уровне. По этому поводу важным является замечание И.А. Фигуровского о том, что для компонента целого текста особенно важно, что законченные предложения в составе компонента объединяются «не только общностью темы и замкнутостью содержания, но и вдобавок общим для всего соединения отвлеченным содержанием [7, с. 3]. В данной работе это иллюстрируется следующим примером:

- Ваше мнение? – сказал старичок.

Лысоватый прокурор встал и, держась одной рукой за конторку, быстро заговорил, приводя цифры. В его голосе не слышно было страшного.

Но в то же время сухой, колючий налет бередил и тревожил сердце матери – было смутное ощущение чего-то враждебного ей. Оно не угрожало, не кричало, а развивалось неведомо. Лениво и тупо оно колебалось где-то вокруг судей, как бы окутывая их непроницаемым облаком, сквозь которое не достигало ничего извне… (М. Горький. Мать).

По словам И.А. Фигуровского, здесь «все соединение законченных предложений, начиная с предложения «*но в то же время…*», противопоставляется предыдущему предложению. Нельзя было бы закончить противопоставление одним только предложением, отделив остальные красной строкой. Нельзя вместо точки поставить запятую, окончательно оторвать интересующее нас предложение от следующих за ним предложений» [8, с. 31].

Обращение И.А. Фигуровского к семантическому соответствию между предложениями поставило важную для теории текста проблему понимания текста как связного целого. Предыдущий цитированный анализ из работы И.А. Фигуровского, в котором представлен линейный характер текста (как последовательности высказываний), подчеркивает доминирующее значение семантики высказывания (предложения в контексте) в формировании категории связности и определенности текста и текстовых единиц как целостных элементов. В лингвистике текста семантические отношения между высказываниями стали приниматься в расчет лишь после расширения понятия «текст» и выведения его на уровень коммуникации. Этому, в частности, способствовали работы чешских ученых (см. обзор в [7]), продолживших традиции Пражской школы функциональной лингвистики. В отечественном языкознании анализ текста сводился к анализу связанности, а последний – к перечню условий, которые должны быть соблюдены, чтобы текст воспринимался как связанный. Так, А.А. Леонтьев писал: «Лингвистика текста, в том виде, в каком она сформировалась к настоящему времени, почти полностью замкнулась на лингвистических признаках связи двух или нескольких высказываний (предложений) между собой» (цит. по [7]). В этом плане прежде всего поднимался вопрос повторяемости элементов, которая эксплицировалась на лексико-грамматическом уровне.

И.А. Фигуровский, предприняв попытку описать связи между предложениями на уровне общей семантики компонента целого текста, наметил, как представляется, особое направление в изучении текста. Имеется в виду не грамматика текста, а дискурс-анализ, который сегодня нередко рассматривается как направление, связывающее построение целого текста с внутренними семантическими связями между предложениями и компонентами текста (ср. понятие «риторических отношений», предложенное У. Манном и С. Томпсон).

По мнению И.А. Фигуровского, там, где речь идет о связи законченных предложений в структуре текста, задача исследователя заключается в анализе

синтаксических отношений и установлении типов их формальной реализации [8, с. 3]. Ученый полагал, что «многообразие существующих отношений между единицами различной сложности является не случайным набором, а единой системой. В речи, имеющей стройный, осмысленный характер, при соединении слов в речевые единицы любого размера … выражаются с возрастающей силой отвлечения и все большей свободой в использовании средств связи одни и те же основные отношения» [8, с. 167].

Говоря об одних и тех же отношениях, И.А. Фигуровский имел в виду структурно-синтаксические значения, реализуемые между подлежащим и сказуемым, определением и определяемым, сказуемым и обстоятельством, сказуемым и дополнением. Это мнение исследователя, очевидно, было обусловлено прежде всего осознанием глубинной аналогии, проявляющейся в идентичности семантических типов отношений внутри предложения и между предложениями. Доказательством, по мнению И.А. Фигуровского, этой аналогии, может служить тот факт, что семантически дифференцированные связи между частями текста, оформляющие обобщенные, отвлеченные отношения, создаются типизированными средствами языка, а именно – служебными или сходными с ними функционально иными лексико-грамматическими средствами. И.А. Фигуровский также считал, что аналогия отношений внутри и между предложениями детерминирована наличием особых категорий, подобных синтаксическим категориям, «а потому возможна классификация законченных предложений» [8, с. 11].

Как представляется, основанием такой классификации являются не только типы синтаксических отношений на границах предложений, но и семантический объем самих предложений, а также степень их когерентности. Все это явления, отмеченные И.А. Фигуровским, но, к сожалению, не терминированные им. Очевидно, весь этот комплекс явлений имеет отношение к логико-семантическим свойствам компонентов текста, поскольку, как показывает исследователь, компонент текста формируется за счет семантических контекстуальных связей между предложениями, которые рассматриваются как части целого текста или его фрагмента по отношению к общему контексту или общему логико-семантическому отношению. Это можно понять из положения, где И.А. Фигуровский предлагает оценку предложений (именно как единиц текста) по их семантической роли в формировании компонента текста. Так, И.А. Фигуровский пишет, что «нужно различать однородные и неоднородные законченные предложения. Однородными являются предложения, которые одинаково, равноправно, независимо друг от друга констатируют факт за фактом, признак за признаком, подобно тому, как это наблюдается в сложносочиненных предложениях. Однородные предложения понятны сами по себе, без опоры на предыдущие предложения... Неоднородными являются такие предложения, которые используют данное ранее обозначение предмета для распространения сведений о нем, заключают в себе следствие или причину, опираются на указанное ранее время, место и т.д. Эти предложения не могут быть полностью независимыми от предыдущих.

Довольно часто зависимость их настолько велика, что без предыдущего предложения содержание их непонятно» [8, с. 11]. Таким образом, основанием для выделения компонента целого текста служат семантические связи в определенном речевом отрезке.

Глава 3 книги посвящена структуре компонентов, главы 4 и 5 – описанию отношений и способов сочетаний компонентов между собой. Здесь И.А. Фигуровский рассматривает еще одну текстовую единицу – «сложный компонент». Это «такое органическое соединение компонентов, когда они объединены, во-первых, общей темой (которая распадается на подтемы); во-вторых, общим отвлеченным значением и общим средством для их выражения, обычно соотносительным словом, переносящим на себя содержание двух или нескольких компонентов [8, с. 68].

По мнению И.А. Фигуровского, и законченные предложения, и компоненты, и сложные компоненты в конкретных текстах накладываются друг на друга, образуя сложную сеть взаимоотношений. Эти отношения можно выявить и типизировать, причем типизация должна носить объективный характер, так как его иллюстрацией способны служить отклонения от типизированных отношений, приводящие к речевым ошибкам. Речевые ошибки, как известно, отражают правила построения связного текста в поддающемся объяснению виде.

В связи со сказанным можно предположить, что И.А. Фигуровский интерпретировал текст как единицу общения, конституирующим признаком которой является когерентность, смысловая связность законченных предложений в составе компонента. Категория когерентности проявляется на разных уровнях текста и в разной совокупности отношений. Поэтому к дифференциальному признаку текста может быть отнесено наличие в нем системы содержательных единиц, от которой и зависит построение текста. В этой связи можно упомянуть положение И.А. Фигуровского, касающееся признака обязательности/необязательности составляющих текста. Характеризуя сложные компоненты, он, в частности, отметил, что они «встречаются не в каждом произведении и даже не у каждого писателя» [8, с. 75].

Список литературы

1. Ильенко С.Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц. Л.: Ленинградский государственный педагогический институт им. А.И. Герцена, 1998. С. 7-22.

2. Лосева Л.М. Основные функциональные типы сложных синтаксических целых // Русский язык в школе. 1977. № 1. С. 100-104.

3. Лунева В.П. О степени самостоятельности предложений в сложном синтаксическом целом // Русский язык в школе. 1972. № 1. С. 86-89.

4. Поспелов Н.С. Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 2. М. - Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 43-68.

5. Поспелов Н.С. Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке // Уч. зап. МГУ. Вып. 137. Кн. 2. М., 1948.

6. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). М.: Высшая школа, 1973. 213 с.

7. Фивегер Д. Лингвистика текста в исследованиях ученых ГДР //Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 314-324.

8. Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961. 171 с.

УДК 902/904

И.А. ФИГУРОВСКИЙ И СЛАВЯНСКАЯ ПАЛЕОГРАФИЯ

РОМАНОВ ДМИТРИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
д. филол. наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула, kafrus@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с реконструкцией И.А. Фигуровским протоглаголического письма. Деятельность ученого представлена в контексте графической орнаменталистики, компаративной палеографии, общей теории письма, научных и дидактических концепций современного славяноведения.

Ключевые слова: славянская письменность, эпиграфика, палеография, алфавит, глаголица, кириллица, руническое письмо.

Со времени написания статей И.А. Фигуровского, посвященных древнерусской палеографии (1957-1964 гг.), наука сделала значительный шаг вперед: открыты новые архаические артефакты, введены в лингвистический оборот ранее не расшифрованные и не распознанные письменные материалы, получили достаточную апробацию новые методы и методики как собственно палеографического, так и сопровождающих его типов анализа (археологического стратиграфического, химического, рентгенологического, биохимического и т.д.). Практические достижения современной палеографии наиболее наглядно представлены в анализе конкретных памятников письменности и научном обсуждении такого анализа: общие вопросы современного палеографического исследования очерчены, например, в работе А.А. Гиппиуса [1], достижения палеографии берестяных грамот – в публикациях А.А. Зализняка и В.Л. Янина (например, одна из последних – [2]), открытия новейшей рунической палеографии детально описаны Е.А. Мельниковой [3]. Примеры можно продолжать.

Разумеется, в наши дни статьи И.А. Фигуровского воспринимаются как пройденный этап в истории славянской палеографии. Но вехи развития науки дают разные проекции в ее нынешнее состояние. Статьи И.А. Фигуровского не

носят характер абсолютно исчерпанного и полностью преодоленного последующими достижениями научного отрезка. Как раз наоборот, по смелости мысли и, если так можно выразиться, «по дерзновенности своих устремлений» они созвучны сегодняшнему дню. В отличие от многих работ современных ученых-любителей они дают пример достаточно строгого подхода к фактам и критического отношения к собственным выдвигаемым гипотезам. Хотя статьи И.А. Фигуровского и смелы по своим предположениям, но эта смелость всегда оправдана. Эти работы ни в коем случае не могут быть названы работами любителя, а являются сочинениями серьезного ученого, имеющего, бесспорно, прекрасную лингвистическую подготовку. Конечно, это не предостерегает их от некоторых ошибок, но происхождение этих ошибок понятно (объяснимо состоянием тогдашнего лингвоисторического знания), а их анализ достаточно поучителен. И, пожалуй, самое главное: многие идеи И.А. Фигуровского до сих пор служат палеографии и определяют перспективы ее развития. На этом в первую очередь и хотелось бы остановиться.

Известны две большие статьи И.А. Фигуровского: «Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных “загадочными знаками”» и «Надпись на луке из Старой Ладоги», а также две его краткие заметки: одна для съезда славистов – «О древнерусской доглаголической азбуке», другая полемическая – «Письмо-протест против интерпретации статей о доглаголических письменах в книге В.А. Истрина “1100 лет славянской письменности”». В каждой из них есть достаточно интересные и глубокие мысли.

Для начала заметим, что, несмотря на довольно вольную трактовку В.А. Истриным идей И.А. Фигуровского, в настоящее время именно благодаря многотиражным и широко распространенным книгам Истрина молодые ученые обращаются и к оригинальным работам самого Фигуровского, которые не слишком хорошо доступны. Их найти гораздо труднее, чем «Историю письма» и «1100 лет славянской азбуки» Истрина. Причем нужно заметить, что в «Истории письма» концепция И.А. Фигуровского изложена гораздо более корректно. Во всяком случае, именно оттуда тянется современный «живой» вектор к разысканиям И.А. Фигуровского в области протоглаголицы.

Хотя исторические свидетельства о наличии письменности у восточных славян в дохристианское время сейчас хорошо растиражированы (VIII глава «Жития святого Кирилла», сказание «О письменах» черноризца Храбра, отрывки из записок арабских путешественников и ученых Ибн-Фадлана, Аль-Массуди, Ибн-эль-Недима и проч. переходят из книги в книгу, из учебника в учебник), тем не менее следует заметить, что те из них, на которые опирался И.А. Фигуровский в своих построениях, достаточно нетривиальны. Кстати, они меньше других приводятся в современных работах по палеографии. В первую очередь это свидетельство персидского историка начала XIII века Фахр-ад-дина о некоей хазарской письменности, в которой 22 буквы взяты из румейского алфавита, называемого «русским». А большая часть хазар, которые употребляют это письмо, являются евреями. Видимо, речь идет о какой-то

группе населения каганата семито-хамитского происхождения. Из чего И.А. Фигуровский делал вывод о том, что хазарская эпиграфика потенциально может опираться на какой-то ранний, дохристианский восточнославянский (русский) алфавит, а соответственно, семитские корни в подобных надписях могут оформляться графемами русского происхождения. Сейчас эта идея практически забыта, но в ней, видимо, есть доля истины. Нынешняя палеография рассматривает хазарские надписи преимущественно как рунические. Но, памятуя о мысли И.А. Фигуровского, не исключено, что хазарские руны могут быть связаны с рунами северо-запада через русское посредство. О «контактных зонах» письменности дохристианской и ранней христианской Руси современные палеографы высказываются так: «В соответствии с пестрым этническим составом населения, вовлеченного в широкий круг славянского и скандинавского взаимодействия, эти следы письменности относятся к разным алфавитам, к разным этносам, к разным языкам. Для … Восточной Европы IX-X вв. характерны находки скандинавских рунических, куфических арабских, греческих, кириллических славянских надписей» [5, с. 8].

И второе интересное историческое свидетельство, на которое опирается И.А. Фигуровский. Это свидетельство в Заключении (приписке) к Реймскому евангелию, где говорится о том, что вторая часть этого евангелия, написанная так называемой «угловатой» хорватской глаголицей в конце XIV в., создана «русским письмом». Значит, глаголица считалась у западных славян русским алфавитом. В настоящее время практически доказано, что данная приписка сделана монахом чешского происхождения (по количеству богемизмов в тексте) и косвенно указывает на восточнославянское происхождение глаголицы. О дохристианской истории глаголического письма здесь ничего не сказано. И вместе с тем, мысль о том, что глаголическое письмо могло быть древнейшей (в том числе дохристианской) русской письменностью, этим не опровергается. Русские истоки первой (кириллической) части Реймского евангелия не исключают русского же происхождения хорватской глаголицы.

При расшифровке надписи на новочеркасских корчагах (И.А. Фигуровский их именует на старый лад «баклажками») ученый высказывает совершенно справедливую идею о родстве между хазарской письменностью и древней русской графикой. Только И.А. Фигуровский считает, что это связь с реконструированной им протоглаголицей, а на самом деле ситуация может быть несколько сложнее. Если базироваться на данных современной палеографии и считать хазарское письмо руническим, то вполне вероятна преемственная связь юго-восточных рун с северо-западными (скандинавскими) через посредство Руси. И хотя наука отвергла возможность прочтения новочеркасских надписей как протоглаголических, тем не менее возможность присутствия семитских корней в хазарской надписи вполне допустима. Как отмечают современные палеографы, окраинные, так называемые «контактные» зоны древних государственных образований предполагают самые различные языковые взаимодействия. Если не брать

сугубо лексические реконструкции, которые делает И.А. Фигуровский в своей первой и самой обширной статье, то мысль о прочтении хазарских рун Новочеркасского музея с учетом возможной семитской связи их лексики совершенно не исключена.

В этой же статье И.А. Фигуровский выдвигает оригинальную мысль, которая в настоящее время не доказана, но вполне может быть подтверждена при расширении археологических эпиграфических данных. Это мысль о том, что русский глаголический извод в основе своей содержит прямые и ломаные линии, которые являются каркасом буквы, а уже затем на него наносятся округлости и завитки, так характерные глаголице. И действительно, только такое графическое «развертывание» дохристианских русских письмен логически укладывается в свидетельство черноризца Храбра о «чертах и резах». Во всяком случае, таблица, которую создает И.А. Фигуровский, т.е. таблица реконструкции протоглаголического письма не выглядит фантастической. Другое дело, что эпиграфического подтверждения наличия такой алфавитной системы до сих пор не найдено.

И.А. Фигуровский совершенно прав в своей мысли о том, что древнейшие формы русского письма включали смешанные типы, т.е. написанные кириллицей и какой-то другой разновидностью письма. Действительно, многие до конца не расшифрованные эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что к вполне различимым кириллическим (или греческим унциальным) графемам добавляются графемы совершенно иного рода, в том числе рисуночные (пиктографические), а также родо-собственнические (танги). Не беремся судить, насколько убедительна расшифровка надписи на так называемом «камне Степана», предлагаемая И.А. Фигуровским, но сама идея комбинированной надписи безусловно продуктивна, и ее высказывают до сих пор многие авторитетные палеографы.

И.А. Фигуровский также справедливо отмечал, что многие компоненты русского письма (речь идет о второй половине IX и начале X века) включали разнообразные вязи. Видимо, сюда следует отнести и разнообразные лигатурные построения, состав которых оказываются непредсказуемым. Своего рода «пророчество» И.А. Фигуровского заключается в том, что изученная позднее Гнёздовская надпись окончательно не расшифрована именно потому, что ее предпоследний компонент носит лигатурный характер. Он вполне может быть расценен как собственно лигатура, или как буква с диакритикой, или как внедрение глаголического, или тамгального элемента, что вполне укладывается в определение «вязи» И.А. Фигуровским. Таким образом, на сегодняшний день наиболее авторитетное мнение о Гнёздовской надписи таково: «…до тех пор, пока не появились новые данные, нужно констатировать факт, что Гнёздовская надпись – славянская, написана в начале X в. письмом с определенными графическими особенностями, не находящими в настоящее время однозначного объяснения» [4, с. 31].

В целом смешанный характер восточнославянской дохристианской письменности в настоящее время уже не вызывает никакого сомнения, но это

значительно осложняет работу палеографов. Оставляя за пределами рассмотрения точность смыслового воспроизведения надписей на прясленах, предпринятого И.А. Фигуровским, нужно отдать должное смелости ученого, который утверждал, что эти надписи представляют собой сочетание кириллицы и древнерусских протоглаголических символов.

То же самое можно говорить о возможности внедрения в дохристианский русский текст идеографических и даже пиктографических элементов. В этом отношении достаточно трогательно выглядят рассуждения И.А. Фигуровского о включении неполного изображения летящей птицы (соловья) в надпись на вышгородском пряслене. Даже если это и не замена компонента *слав-* (*солов-*), как полагает ученый, все равно использование пиктограмм и танг в надписях вполне возможно. А.А. Медынцева в своем исследовании «Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века» отмечает, что в древнеболгарском граффити из комплекса близ села Равна тангический элемент вписан в кириллическое слово *аминь* [4, с. 30]. А это – реальное подтверждение предположений И.А. Фигуровского.

Ученый справедливо проводил параллель между деятельностью специалистов по дохристианской славянской письменности и трудом исследователей египетских иероглифов. Он говорил о том, что С. де Саси и Т. Юнг допускали множество ошибок, но именно они подготовили открытие Ж. Шампольона. Аналогично в настоящее время положение палеографов, расшифровывающих дохристианскую восточнославянскую эпиграфику. Здесь много предположительного и, разумеется, ошибочного. Но, может быть, впереди их ожидает научный прорыв.

Дешифровка Фигуровским надписи на луке из Старой Ладоги в настоящее время выглядит, конечно, невозможной, но ее окружают весьма продуктивные и для современной палеографии мысли, первая из которых состоит в том, что письменные знаки надписей, сделанных в одной и той же алфавитной системе, могут заметно отличаться друг от друга. Разные алфавитные системы проблематичны в плане преемственности. Но они могут пересекаться на одних и тех же территориях в одно и то же время. Конечно, руническое письмо нельзя свести к кириллическому или глаголическому. Однако разновидности кириллицы и глаголицы необходимо учитывать при расшифровке. Современная палеография достигла здесь значительных успехов, работая с эпиграфикой новгородских и киевских надписей второй половины IX – начала X века. Т.В. Рождественская почти во всех своих исследованиях утверждает, что древние новгородские надписи могут представлять собой приспособленное к славянской речи византийское (греческое) письмо, которое пришло в северо-западную Русь ранее христианской кириллицы [5, с. 11]. Описаны многочисленные приемы палеографического различения букв собственно кириллического извода и прототипических для них букв унциала. В подавляющем большинстве случаев современная палеография может с точностью утверждать, является надпись русской или греческой.

Смелость попытки Фигуровского расшифровать 50 знаков староладожского лука впечатляет и в настоящее время. Не будем говорить о собственно языковой стороне этого вопроса, но еще раз подчеркнем, что идея о выписывании основных прямолинейных черт глаголицы с последующим добавлением к ним округлых элементов является очень перспективной. Разумеется, она должна быть экстраполирована на собственно славянские памятники.

В своем резюме съезду славистов И.А. Фигуровский настаивал на том, что глаголица в ее прототипическом виде существовала на Руси раньше ее восточного христианского извода и уж тем более раньше кириллицы. Он также говорил о том, что в Древней Руси было несколько начерков каждого алфавита и что кириллические буквы ближе к древнерусским, т.е. протоглаголическим, чем собственно глаголические, а это косвенно доказывает справедливость утверждения Жития святого Кирилла о корсунских книгах, которые были подарены Константину-философу. Из этих книг он мог взять основы графем для собственно славянских звуков.

Повторимся, что воспроизведение в книге В.А. Истрина таблицы сопоставления тридцати трех знаков дохристианского восточнославянского письма с глаголическими элементами до сих пор представляет интерес и рассматривается как один из аргументов в пользу более древнего происхождения глаголицы в сравнении с кириллицей. Прошло время, улеглись страсти, и упоминание Истриным И.А. Фигуровского выглядит вполне безобидно на фоне современных интернетовских полемик палеографического характера. Не будем называть имен, однако опровержения мнений оппонентов многими современными чрезвычайно популярными в Сети любителями-палеографами (в том числе и опровержение идей И.А. Фигуровского) выглядят куда более бесцеремонными. В своем ответе Истрину, опубликованном в журнале «Филологические науки», И.А. Фигуровский говорил о том, что его задачами было разрешение проблемы сложности глаголицы в ее внезапном появлении на Руси, постановка проблемы ее предшественницы и попытка разгадать древние «черты и резы», о которых говорил Храбр. Можно считать, что И.А. Фигуровский внес достойный вклад в попытку разрешения всех этих вопросов. Без его концепции протоглаголической азбуки ныне невозможно ни научное, ни дидактическое рассмотрение проблем славяноведения (см., например: [6, с. 213, 252-253]).

Из конца 1950-х гг. И.А. Фигуровский сумел сказать даже о только начинавшей тогда изучаться Гнёздовской надписи. В этой же полуторастраничной заметке в «Филологических науках» он указал на то, что слово на корчаге из Гнёздова является смешанным типом надписи, соединяющим кириллические и протоглаголические знаки. Наверное, это не поможет (во всяком случае, на современном этапе развития археологии и палеографии) точной расшифровке самой древней кириллической славянский надписи, но точно добавит еще один аргумент в оценку сложности и

«переплетенного состояния» разных графических систем в дохристианской Руси.

Список литературы

1. Гиппиус А.А. Социокультурная динамика письма в Древней Руси // Русский язык в научном освещении. № 1 (7). М., 2004. С. 171-194.
2. Зализняк А.А., Янин В.Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2011 и 2012 гг. // Вопросы языкознания. № 4. М., 2013. С. 3-16.
3. Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Наука, 2001. 215 с.
4. Медынцева А.А. Грамотность в Древней Руси. По памятникам эпиграфики X – первой половины XIII века. М.: Наука, 2000. 290 с.
5. Рождественская Т.В. Язык и письменность средневекового Новгорода. Богослужебные надписи и берестяные грамоты XI-XV вв. СПб.: СПбГУ, 2008. 135 с.
6. Романов Д.А. Славянские языки и культуры (Общее славяноведение). Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2014. 262 с.
7. Фигуровский И.А. Избранные труды. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина. 2004. 480 с.

УДК 81(091); 81(092)

ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В ТРУДАХ И.А. ФИГУРОВСКОГО И А.М. СЕЛИЩЕВА

СВИРИДОВА ТАМАРА МИХАЙЛОВНА
д. филол. наук, доцент,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, kafedra.tirj@mail.ru

В статье рассматриваются основные научные концепции, которые разрабатывали в сфере славянского языкознания профессор И.А. Фигуровский и профессор А.М. Селищев. Ученые создали глубоко продуманные теории, отличающиеся объективностью исторической оценки лингвистического объекта, системностью, генерированием идей, которые оказали значимое влияние на развитие науки о языке. Учебные труды И.А. Фигуровского и А.М. Селищева расширяют и углубляют языковедческую подготовку обучающихся, имеют большое образовательное значение для высшей школы.

Ключевые слова: И.А. Фигуровский, А.М. Селищев, проблемы славяноведения, учебные труды.

Профессор И.А. Фигуровский и профессор А.М. Селищев были известными советскими языковедами, авторами научных и учебных изданий. Представляется чрезвычайно актуальным определить общие моменты в научном творчестве столь крупных исследователей языка. Несомненно, они духовно близки в славяноведческой направленности их созидательной

деятельности. Анализируемые ими исторические аспекты языка являются весьма плодотворными благодаря адекватным интерпретациям специфического материала. Они находили новые ракурсы в традиционных проблемах, вскрывали важные закономерности в историческом исследовании.

Интерес к славянскому миру И.А. Фигуровского и А.М. Селищева обусловлен накоплением обширной и разнообразной оригинальной информации и её комментированием, постановкой перспективных задач и их содержательным разрешением. Всё это способствовало формированию базовых научных положений, раскрытию многих ключевых проблем языкознания.

Будучи наблюдательными лингвистами, понимавшими систему языка, они поражали глубиной познаний, авторской интуицией, настоящим творческим трудом. Фундаментальные труды И.А. Фигуровского и А.М. Селищева являются образцом исследований для учёных и актуальны по своей тематике до сегодняшних дней. Они были подлинными мыслителями, высококвалифицированными педагогами и внесли огромный вклад своими научными разработками в языковедческую область.

И.А. Фигуровский исследовал вопросы истории русской письменности, проанализировав большое количество материала, носящего принципиальный характер. Специфика исторической действительности, в которой находится предмет рассмотрения, неоднородна и сложна.

В статье «Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных “загадочными” знаками» [5, с. 370-386] И.А. Фигуровский, используя исторические сведения, отмечает развитую культуру восточных славян и наличие у них своеобразной письменности. Он репрезентировал максимально возможную объективность в области собственного исследования, весьма существенно расширив хронологические рамки привлекаемых источников.

В связи с изучением древних источников И.А. Фигуровский делает предположение о некоей связи между хозарскими письменами и глаголицей. Для подтверждения своих теоретических положений Иван Александрович привлекает известные надписи, обнаруженные археологами на предметах. Это позволило учёному создать в значительной мере познавательное разностороннее повествование о выписывании букв в древнерусских письменах, открыть неожиданный и своеобразный мир истории языка.

И.А. Фигуровский ставил вопросы и высказывал мысли, которые требовали дальнейшего развития. Учёный указывал на возможную связь глаголицы с древнерусскими письменами, которые характеризовались родственными отношениями с ней и которые использовались хозарами. Иван Александрович приходит к выводу, что «древнерусские письмена должны состоять из основных прямолинейных черт, не украшенных еще характерными для глаголицы петлями» [5, с. 374].

И.А. Фигуровский адекватно трактует надписи, в которых обнаружились черты кириллицы и древнерусских письмен, и выявляет отличие русского письма от хозарского: «в то время как в хозарском письме каждая буква

выписывалась отдельно, в русском письме буквы часто сливались в разнообразные вязи» [5, с. 376].

Исторические рассуждения проф. И.А. Фигуровского оказались весьма плодотворными и позволили ему говорить о наличии своеобразных черт древнерусской письменности, о её самобытности. Многие учёные такое утверждение не поддерживали.

В статье «Надпись на луке из Старой Ладоги» [5, с. 386-399] И.А. Фигуровский акцентировал внимание на том, что самобытная письменность в древней Руси оставила реальный след «не только в “загадочных” надписях, но и в глаголице» [5, с. 398].

Проф. И.А. Фигуровский широко привлекает авторитетные труды учёных, четко ставит ключевую проблему, определяет её научный статус и достигает качественных результатов, которые включаются в научный оборот, являются стимулирующим фактором для дальнейших изысканий.

Исследованием славянских древностей занимался А.М. Селищев, который интересовался, в частности, прародиной славян. Он отстаивал мысль, что прародина славян находилась к северу от Карпат. Подтверждением этому являются исторические свидетельства о направлении движения отдельных славянских племён, окружавшая природа, рельеф территории славянской прародины. Афанасий Матвеевич анализирует этнографические труды, в которых актуализировалось понятие «славянство».

В программе курса «Введение в славянскую филологию» (1938 г.) [2, с. 2-4] А.М. Селищев даёт исторические, этнографические, филологические сведения о славянских языках. Эти знания отражают древнейшие судьбы славянских народов, источники соответствующих времён, главные черты общественной и культурно-бытовой жизни славян этого периода (род, племя, языковое состояние родового строя, земледелие, скотоводство, рыболовство, пчеловодство, охота, орудия производства, жилище, его устройство, места укрепления, одежда, её изготовление, оружие, торговля, верование, элементы искусства). Данные извлечены из результатов археологических раскопок и относятся к доисторическому периоду жизни славянских народов.

А.М. Селищев не оставляет без внимания историю о славянском колонизационном движении в VI-VIII веках. Учёный имел чёткое представление об условиях и обстоятельствах общественно-культурной жизни славянских народов на востоке, на юге, на западе Европы. Он подробно интересуется историей славянских народов, формированием разных диалектических групп, возникновением памятников славянской письменности.

Частные аспекты этой темы касаются расселения славян на разных территориях Европы и в других областях, взаимоотношений славян с другими народами, образования государственных организаций, возникновения письменности на славянских языках, культурных тенденций.

А.М. Селищев писал пособия, в которых содержались соответствующие рекомендации по изучению южнославянских и западнославянских языков.

Примечательно, что И.А. Фигуровский активно использовал тексты на русском, украинском, белорусском, чешском, словацком, польском, болгарском, немецком, датском, норвежском, голландском, английском, французском, испанском, итальянском языках.

Одной из особенностей работ проф. И.А. Фигуровского является разработка общей теории синтаксиса целого текста индоевропейских языков. В своей статье «Проблема сравнительного синтаксиса целого текста индоевропейских языков»[5, с. 404-412] учёный писал, что «во всех языках законченные предложения целого текста большей частью связаны друг с другом различными отношениями. В любом языке речь может быть связной только при этом условии» [5, с. 404].

Иван Александрович осуществлял сравнительный анализ на материале разных языков, ставил главную задачу – упорядочить знания о сравнительном синтаксисе целого текста индоевропейских языков. Решение этой задачи позволяло проф. И.А. Фигуровскому выделить важные признаки в обозначенной проблеме: неоднородность охватываемых явлений, специфику отдельного языка, грамматические закономерности и др., которые обеспечивают понимание основных смыслов заданного исследования.

Принципиальный аспект исследования проф. И.А. Фигуровского определяет его значимость в связи с изучением синтаксиса предложения, структуры литературного произведения, характеристики стилистических различий, природы и практики переводов, связной речи на неродном языке. И.А. Фигуровский считал, что разработанная общая теория синтаксиса целого текста индоевропейских языков может быть предназначена и для структуры анализа языков других семей.

Лингвистические наблюдения и выводы И.А. Фигуровского углубляют представление в целом о природе текста, корректируют его характеристики.

В своей статье «Сложные предложения с отношениями причины и следствия в славянских языках» [5, с. 424-429] И.А. Фигуровский уделяет внимание значимому вопросу лингвистики – языковому выражению понятий причины и следствия. В данных обстоятельствах учёный сопоставляет ряд союзов и их значений, которые функционируют в славянских языках (в частности, русском, украинском, болгарском, словацком, чешском, польском).

Проф. И.А. Фигуровский обоснованно утверждает, что в славянском языкознании такие значения, как причина, цель, следствие, в заявленном контексте толкуются по-разному, изучены недостаточно ясно. Так, «общее понятие причины в славянских языках получает дифференциацию: причина на грани сосуществования; причина, обусловливающая, порождающая следствие; причина усиленная; причина предполагаемая, причина отрицаемая»[5, с. 427]. Иван Александрович квалифицирует их как категории понятийные, грамматические, с «особыми грамматическими средствами» [5, с. 427].

Результаты исследования позволили проф. И.А. Фигуровскому утверждать, что заявленные отношения были взаимосвязаны, в славянских языках «эти понятия дифференцировались», но признаки давних отношений

наблюдаются [5, с. 428]. Учёный считает, что сравнение союзов с избранными для анализа отношениями в славянских языках способствует определению «закономерностей их становления» [5, с. 428].

Проф. А.М. Селищев указывает на большое значение старославянского языка в системе славянского языкознания. Его научный труд «Старославянский язык» [1] очень важен для тех, кто изучает славяноведение. Афанасий Матвеевич определяет основные вопросы славянского языкознания, звуковые явления общеславянского характера, которые необходимы для понимания закономерностей славянских языков.

Проф. А.М. Селищев использует историко-палеографические сведения, связанные с содержанием общеславянским и древнецерковнославянским, включает фотографии древних памятников, указывает на взаимосвязь славянских языков, на их отношения с языками индоевропейскими.

А.М. Селищев высказывает идеи о возникновении славянской письменности, оценивает деятельность Константина и Мефодия, определяет особенности двух славянских азбук, древнейших церковнославянских памятников, при написании которых использовались обе азбуки.

Довольно подробно представлен материал, касающийся языкового состояния славян доисторического периода – фонетика общеславянского языка в сравнении с другими языками, а также звуковые значения букв старославянских азбук.

Сведения о быте славян данного периода, когда родовая организация была на стадии разложения, свидетельствуют о его отражении в языке – в именах родства, в терминах скотоводства, земледелия, ремёсел и др. [3, с. 41-43].

При исследовании южнославянских языков отмечается их коренное сходство и исконное отличие от северных групп славянских языков, учитываются условия образования полногласных в восточнославянской группе языков (русском, белорусском, украинском) [3, с. 31-37]. А.М. Селищев вычленяет главные особенности и черты прошлого языкового фонда, объединяющие славянские языки.

Научный труд профессора А.М. Селищева отличает сравнительно-исторический подход к языковым фактам, сопровождается списком пособий, текстами, к которым прилагается словарь (даются отрывки из старославянских памятников и лексика на греческом, латинском и русском языках, а парадигмы склонений и спряжений содержат комментарии о происхождении и употреблении их форм).

Академик Б.М. Ляпунов писал о том, что труд А.М. Селищева «представляет крупное явление нашей лингвистической литературы и по исполнению охваченного им обширного плана» [3, с. 35].

При исследовании вопросов славяноведения профессор И.А. Фигуровский не упускал из вида учебник «Старославянский язык» А.М. Селищева.

Большое значение в ряду изданий имело учебное пособие «Введение в общее языкознание» проф. И.А. Фигуровского [4]. С выходом в свет данного труда обогатилась учебная литература по языкознанию. Эта книга затрагивает весьма широкий круг проблем, представляет собой ценный научный труд, выполненный на высоком уровне, с учетом достижений лингвистики.

Пособие предназначено для самостоятельной работы студентов-заочников факультетов русского языка и литературы. Каждая глава включает методические указания, контрольные вопросы и отражает основные проблемы языка.

Учёный акцентирует внимание на задачах курса «Введение в общее языкознание», на том, какое место занимает языкознание в системе наук и какое его практическое значение. В пособии раскрываются природа языка, его возникновение, закономерности исторического развития языков, составляющие языковой системы, а также рассматриваются языки мира. В результате многоаспектно представляется лингвистический мир, который расширяет и углубляет знания обучающихся.

В методических указаниях, относящихся к главе «Введение», «Сущность языка» автор рекомендует составить план теоретической части, ответить на заявленные вопросы, пересказать прочитанное по обозначенному плану. Проф. И.А. Фигуровский акцентирует внимание на том, чтобы студенты усваивали научные понятия.

Главу «Языки мира и их классификация. Сравнительно-исторический метод изучения языков» проф. И.А. Фигуровский репрезентирует как довольно сложный материал, требующий заучивания и понимания языковых примеров.

Для усвоения главы «Происхождение языка. Закономерности исторического развития языков» проф. И.А. Фигуровский предлагает изучить избранную основную литературу, затем приступить к чтению параграфов. На заключительном этапе осуществляется изучение теории с критической точки зрения.

Достаточно объёмно и полно представлены в пособии проф. И.А. Фигуровского разделы науки о языке: «Фонетика», «Письмо», «Грамматика», «Лексика», характеризующиеся единством своих частей.

Раздел «Фонетика» определяется учёным как «необходимый для хорошего усвоения любой лингвистической дисциплины» [4, с. 21]. Студентам нужно читать тексты в фонетической транскрипции, знать систему транскрипции, выполнять упражнения, способствующие знанию произношения.

Проф. И.А. Фигуровский соотносит разделы «Фонетика» и «Письмо». Он считает, что орфографию надо изучить основательно. «Это обеспечит учителю русского языка уверенное преподавание, так как написания, основанные на фонетическом или на морфологическом принципах, допускают применение разных приёмов обучения» [4, с. 71].

Иван Александрович предупреждает о возникновении возможных трудностей при усвоении пиктографии и идеографии, алфавита и графики.

Проф. И.А. Фигуровский призывает особое внимание обратить на раздел «Грамматика», который является «мощным средством развития мышления детей» [4, с. 84] в школе. Оказывается, очень важно различать вещественные и грамматические значения, понимать специфику грамматических форм и грамматических категорий, выделять объект морфологии и объект синтаксиса. Выполнение упражнений – главный этап успешного усвоения грамматики.

Автор пособия привлекает студентов к работе со словарями, о чём чётко зафиксировано в методических указаниях, относящихся к разделу «Лексика».

В приложении даётся примерная контрольная работа и образец её оформления, а также международная фонетическая транскрипция.

Научная книга проф. И.А. Фигуровского отвечала действующим программам по языковедческому курсу «Введение в языкознание».

И.А. Фигуровский создал компактный курс лекций, который отражает наследие науки о языке, принципы языка и который способствует повышению качества и эффективности обучения. Учебный материал выстроен так, чтобы студент мог результативно его использовать в ходе решения познавательных задач; продуктивно применять в практической деятельности.

Книга «Введение в общее языкознание» И.А. Фигуровского, используемая на занятиях, позволяет преподавателю достигнуть поставленных целей, зафиксированных образовательными программами. Большой научный и педагогический опыт проф. И.А. Фигуровского предопределил ценностное содержательное наполнение учебного пособия, его востребованность, интерес к изучаемому предмету.

Учебное пособие соответствует важнейшим общедидактическим принципам, профессиональной направленности обучения, обеспечивает студентов достаточно полной теоретической базой знаний, расширяет и углубляет образовательную подготовку.

Таким образом, особое место в творческом наследии проф. И.А. Фигуровского и проф. А.М. Селищева занимает изучение вопросов славяноведения, создание научных трудов, которые послужили стимулирующим фактором для развития новых изысканий, для определения широких возможностей исследований.

Их разнообразные работы полны глубоких и верных наблюдений над языком, являются образцом живой научной мысли, характеризуются широким охватом необходимой информации.

Учёных объединяет изучение конкретных проблем фундаментального языкознания, истинное представление о предмете исследования, научный поиск и несомненная творческая смелость, позволяющие расширить рамки устоявшихся взглядов.

Плодотворная деятельность проф. И.А. Фигуровского и А.М. Селищева представляет большой научный интерес, получила широкое признание среди специалистов и заслуживает глубокого осмысления.

Список литературы

1. Российский государственный архив литературы и искусства // Фонд № 2231. Опись № 1. Единица хранения № 35. 589 с.
2. Российский государственный архив литературы и искусства // Фонд № 2231. Опись № 1. Единица хранения № 39. 58 с.
3. Российский государственный архив литературы и искусства // Фонд № 2231. Опись № 1. Единица хранения № 177. 46 с.
4. Фигуровский И.А. Введение в общее языкознание. М.: Просвещение, 1969. 232 с.
5. Фигуровский И.А. Избранные труды. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. 483 с.

УДК 81

РОЛЬ КОНЦЕПЦИИ И.А. ФИГУРОВСКОГО В РАЗВИТИИ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА: АСПЕКТ ИМПЛИЦИТНОЙ СЕМАНТИКИ

ФАКТОРОВИЧ АЛЕКСАНДР ЛЬВОВИЧ
д. филол. наук, профессор кафедры истории, языка
и правового регулирования массовых коммуникаций,
Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар, af03@mail.ru

Статья посвящена преемственным связям в науке о тексте. Рассматривается концепция И.А. Фигуровского в развитии, а также во взаимосвязях между текстологическими парадигмами других лингвистов. Специальное внимание уделено текстообразующим функциям имплицитной семантики и их концептуализации в различных направлениях лингвистики текста (в том числе на новом эмпирическом материале). Уровень текста-дискурса при этом соотносится с уровнем предложения. Особенности эллипсиса характеризуются в связи с референтным тождеством и референтными различиями.

Ключевые слова: дискурс, имплицитная семантика, категоризация, концепция, корефентность, семантические (референтные) различия, текст, И.А. Фигуровский, уровень предложения, эллипсис.

1. В современной науке о тексте, а также в лингводискурсологии всё разнообразнее воплощаются преемственные связи с более ранними этапами. В развитии этих сфер филологии закономерна опора на положения Г.В. Колшанского, И.А. Фигуровского, Г. Харвега, других исследователей сложных целых, сверхпредложенческого континуума: в новейший период их концепции явили заметную прогностическую силу. Данная познавательная ситуация делает уместной задачу, поставленную в предлагаемой статье, - отметить роль концепции И.А. Фигуровского в развитии лингвистики текста, причем в качестве эмпирического пространства привлечь относительно неизученную область – имплицитную семантику. Поставленная задача

предполагает два основных аспекта: во-первых, отмечается специфика категоризации в данной области; во-вторых, с учетом выявленных категориальных связей между концепцией И.А. Фигуровского и современными теориями текста характеризуется эмпирический материал.

Первоначально обратимся к категоризации исследуемого объектно-проблемного пространства. Приоритетность идей И.А. Фигуровского для лингвистики текста в общем является общепризнанной, ее подчеркивают историки науки – как при анализе становления этой области, который выполнен в академическом источнике В.Е. Шевяковой, закономерно выстроившей ряд: Н.С. Поспелов, И.А. Фигуровский, Х. Вайнрих и нек. др. [7, с. 435]. Аналогичные категориальные переклички и в многоаспектных работах на материале различных языков, с указанием на исследования В.В. Виноградова, О.И. Москальской, Е.А. Реферовской и т.д. В связи с эллиптической анафорой в том же категориальном пространстве учитываются труды В.А. Белошапковой, Е.В. Падучевой, О.И. Реуновой.

Преемственность и взаимосвязи теорий сопрягаются с динамикой в объектах, сверхпредложенческих целых, как можно заключить и по публикациям 2018-2019 гг.: [8, с. 91; 13, с. 99]. Такая общая характеристика наследия И.А. Фигуровского создает условия для более конкретной категоризации.

Конкретизируем характеристику с учетом трех сторон категоризации. В концепции ученого подчеркивается, во-первых, содержательная значимость неполноты (в других, смежных понятийно-терминологических системах – невербализованная семантика, имплицитность, неназванное значение, незамещенная позиция и т.п.); во-вторых, выявляется ее обусловленность; и, в-третьих, возможные недочеты, связанные с неполнотой. Содержательная значимость, насыщенность имплицитной семантики фиксируется исследователем в таких характеристиках неполных конструкций в составе текста: «Без предыдущего предложения содержание их непонятно» [18, с. 40, раздел «Неполнота предложений»]. И емко, доказательно представлена обусловленность этой стороны текстообразования. Сущность текста как специфического целого, в единстве общего и особенного, объяснена как система особенность компонентов: «Седьмая особенность строения компонентов – довольно обычная неполнота предложений. Причина неполноты заключается в том, что соединение предложений отражает круг мыслей, взаимно дополняющих и поддерживающих друг друга» [18, с. 50]. Полнота систематики позволяет И.А. Фигуровскому в единой системе отразить и уместную, закономерную неполноту, и опущение как «недочет», например, в творческих работах школьников (дети «опустили и исказили значительную часть мыслей» [18, с. 88]).

Все три стороны категоризации имплицитного значения в его текстообразующем статусе представлены в ряде позднейших лингвистических работ, в том числе со ссылками на И.А. Фигуровского. Так, на содержательную значимость явления указывает Р. Харвег в труде с показательным заглавием

«Редуцированная речь»: выражение «может быть имплицитно дополнено» [19, с. 398]. Показательна характеристика, данная этому явлению В.А. Белошапковой в соответствующих разделах академической «Грамматики-1970» [1, с. 667; впервые – в более ранних работах 1960-х гг.]. Ученый фиксирует «неповторение» – речь идет о неповторении однократно выраженной формы при распределении ее значений на две и более синтаксических позиций. Единомышленники, последователи, представители других научных школ разделяют такую концептуализацию [20, с. 70; 14 и др.].

В созвучии с вышеприведенной формулировкой И.А. Фигуровского отмечает причину, обусловленность текстовой роли имплицитности О. Кафкова: «имплицитные высказывания …являются закономерным следствием неотрывности высказывания от речевого акта» [4, с. 238. См. также 5]. Системную соотнесенность в текстовом аспекте неполноты «правильной» и «неправильной» характеризует Е.В. Падучева в связи с нарушением «закономерностей правильной структуры» [10, с. 173-176].

Многогранность в развитии концепции И.А. Фигуровского и ее категориальных связей с иными подходами отражается и в динамике отношения к соответствующим терминам. Почти полвека назад звучали призывы к пересмотру привычного понятийно-терминологического аппарата: «При использовании модели, – полагает А.А. Чувакин, - говорящий ничего не опускает. Понятие «опущение» может быть, по нашему мнению, применено к тому, что ранее было, но чего теперь нет. (…). Сущность неполноты следует видеть не в отсутствии или наличии “опущения”» [19, с. 25-26. Автор рассматривал конструкцию «Устала немножко»]. Но соответствующие термины сохраняют объяснительную силу – в том числе ввиду их органичной связи с концептом окружения. См. многомерное оптимальное обобщение, включающее обсуждаемый – выделенный нами – термин: «Актанту, **опущенному** при эллипсисе, соответствует (…) нулевой анафорический знак…» [11, с. 184. См. также: 17, с. 59 и мн. др.].

В актуальной исследовательской парадигме центральной становится строгая систематика синтаксических нулей. См. положение из относительно недавней статьи Е.В. Падучевой: «Третьеличный нуль, как и эгоцентрический, относится к разряду субстантивных нулевых знаков – в отличие от анафорического нуля, который имеет неопределенную синтаксическую природу» [12, с. 28; см. там же на с. 33 о возможной корефентности третьеличных нулей]. На совместимость различных парадигм указывают при анализе исследовательской практики – см. показательное обобщение: «Как развитие мысли В.В. Виноградова о важности порядка слов при интерпретации “неопределенно-личных предложений“ можно рассматривать предложенный Еленой Викторовной (*Падучевой. – А.Ф.)* критерий для отграничения неопределенно-личных предложений от неполных» [9, с. 156]. Приведенные обобщения нацеливают на систематику соответствующих феноменов в единстве цельности и многообразия. Отмеченная концептуализация

подтверждает характерную гносеологическую закономерность – обобщение совместимых новационных и традиционных трактовок. Гносеологическая актуальность приведенного обобщения соответствует общей ситуации в науке о языке и, в частности, в русистике, когда «…сохраняются и учитываются все предшествующие достижения, обладающие объяснительной силой в рамках новой научной парадигмы» [2, с. 7].

2. Отметив первый аспект поставленной задачи (категориальные связи между концепцией И.А. Фигуровского и позднейшими подходами к тексту), обратимся ко второму – к характеристике эмпирического материала.

2.1. Так, нижеприводимый художественный текст открывается неполным предложением: при предикате ОТКАЗАТЬ не замещены две обязательные позиции со значениями адресата и содержания (с делиберативным оттенком: отказать кому в чем; имплицитное значение представлено одним из общепринятых условных знаков - #). См. зачин:

«Сначала она отказала. Сережа настаивал, возмущался, говорил, что это просто некрасиво – отказывать в такой малости человеку, с которым ее связывает нечто большее, чем школьная дружба.

Сергей звал ее на какой-то остров. (…) Потом Лене позвонила жена Лаленкова (…) После чего позвонил Лешка Смирнов, тоже одноклассник… И тогда она согласилась. Смирнов убедил ее, что возле этого острова уникальная роза ветров…» (Островская Е. Остров невезения // Эксмо, 2019. С. 26. Автор удостоена литературных премий за цикл новелл, включающий и данную).

См.: «**ОТКАЗАТЬ**. 1. *(кому*). Ответить отрицательно на просьбу, требование или какое-л. предложение» (Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: РАН, 2011. С. 746). При синтаксическом лексикографировании [3, с. 355, 398] определяется глагол «модально-отложительного значения с общим смыслом «отвергнуть нежелательное явление», синтаксема от + Род. Это значение, как и семантика обязательной позиции адресата, выражено имплицитно, модель представлена такой реализацией:

…отказала #кому #в чем.

Такой эллиптический зачин, специально рассматривавшийся, например, на материале прозы И.А. Бунина [16, с. 9-11], - яркое подтверждение идеи И.А. Фигуровского о текстообразующих возможностях неполноты. Неполнота, как и иные компоненты текста, обладает особым качеством, являет функциональную свободу высокого порядка в сочетании с теснотой связей. На такой основе возникает специфическая катафора, близкая запаздывающему дейксису. Без этого был бы невозможен экспрессивный потенциал такого зачина, интригующий эффект.

Подтвердим выявленную специфику имлицитности на примере специфической референтности в различных видах конструкций, с учетом корреляций между текстом и предложением. Существенное исходное положение – признание у эллипсиса, у синтаксического нуля способности представлять референтную дифференциацию, а не только кореферентность.

[Референтная дифференциация впервые была введена в ряд с кореферентностью и коассигнацией при эллипсисе в работе: Дикарева, 1982, с. 7 и след.].

Привлекаемый материал подразделяется на четыре соотносимых, хотя и обособленных группы, представленных примерами /2/ - /7/.

2.2. Во-первых, может акцентироваться имплицитность модально-временного плана предиката. В нижеприводимом примере это значение реального прошедшего – при том, что значение «был» не эксплицировано. См. выделенный нами фрагмент:

/2/«Как-то Иван спросил Таборова: – Слушай, а что за парень этот Сашка?

Спросил вроде бы невзначай, между прочим, умышленно пропустив слово «был»: догадается Таборов, о ком речь, – хорошо, не догадается – еще лучше. Таборов догадался и после затяжного, пристального раздумья сказал: – Парень как парень, Ваня. Обыкновенный. Как мы с тобой. Не лучше, не хуже… Еще что-нибудь хочешь знать? – Нет. Всё ясно». (В. Шугаев. Дождь на радуницу // Повести и рассказы. М.: Современник, 2010. С. 218).

Иван (никогда не знавший покойного Сашку, женившийся на его вдове, которая никак не может забыть первого мужа и в конце концов бросает Ивана, - а его она тоже полюбила) мучается неведением. И в этом неведении, в парадоксе отношения к нему любимой женщины, «определяет» покойного как живого.

Его собеседник Таборов принимает эти дискурсивно-ситуативные условия. Такая имплицитность возможна в пространстве, где обобщена опора на дискурс, ситуацию и апперцепционную базу. Лишь в составе объемного текста определяется адекватное значение прошедшего времени. Такая системно насыщенная, референтно мощная реализация подтверждает широкий круг возможностей имплицитной семантики, намеченный И.А. Фигуровским в связи с неполнотой как «компонентом текста».

2.2. Во-вторых, с имплицитностью может быть связано отграничение референтного тождества от различия – на грани речевого нарушения. См.:

«В Туапсе в парке мужчине сломали переносицу. В Новороссийске - # # ногу. В Сочи незнакомцы избили приезжего» (Л. Ткачева. В водовороте дней. Краснодар, 2009. С. 14).

Только в очень широком текстово-дискурсивном пространстве, сопровождающем вышеприведенную криминальную хронику, проясняется референция. А именно – определяется, что во второй части текстового единства представлен другой объект, нежели в первой [свободная синтаксема объекта-адресата, см.: 3, с. 398]. То есть в Туапсе травмировали одного мужчину. А в Новороссийске – другого. Таким образом, имплицитное представление тождеств-различий может выявляться именно в системе текста.

2.3. В-третьих же, наоборот, при всей значимости текста-дискурса, в рамках реализации предложения также определяются специфические референтные соотношения между имплицитной и «опорной» семантикой. И

свои особые возможности реализуются в единстве закономерностей уровней предложения и текста-дискурса. Так, в рамках реализации сложного предложения уступительная ситуация благоприятствует выражению как референтных тождеств /4/, так и различий /5/:

/4/ «Прошлый раз, как ни упрашивал Михаила Евсей Мошкин #, он не мог заставить себя заглянуть домой» (Ф. Абрамов Ф.А. Братья и сестры. М.: Сов. Россия, 1992. С. 198)

Ср. экспликацию с корефентностью: …как Евсей ни упрашивал Михаила заглянуть домой…

/5/ «Петька и Гришка, как Лиза ни уговаривала их #, гнались за телегой до самой Синельги» (Там же. С. 221)

Ср. экспликацию с референтной дифференциацией: …как Лиза ни уговаривала Петьку и Гришку остаться/вернуться…

Возможности имплицитно выраженных референтных различий относительно разнообразны. Так, в следующей паре примеров имплицитно выражен объект-содержание волеизъявления. Для стандартных анафорических отношений, для кореферентности условий нет.

Показательны, однако, и отличия от «предложенческого» уровня в экспликации, характеризующие единство реализации предложения с дискурсивным окружением. Ср.:

/6/ «Наливать – тоже наука. Нужно знать, кому сколько» (Разумовская Л. Брудершафт // Пьесы. М.: Театр, 2002. С. 118)

/7/ «Мишин дочку в спецшколу устроил, а наш оболтус так и будет в обычной загорать. Ванин стенку импортную достал, а ты даже в очередь записаться не можешь…. А всего-то нужно знать – когда, кому и сколько #» (Коссаковский В.В. Лопух // Русский сатирический рассказ. СПб.: Руно, 2006. С. 232).

В случае /7/ семантика целого организована таким образом, что с опорой на значения ‘устроить’, ‘достать’, ‘мочь’ (см. подчеркнутые лексемы) определяется референтно дифференцированное значение – дать, ср. когда, кому и сколько дать. Примечательно отражение этих связей в специальных словарях. Так, к дескриптору ДАТЬ отнесены семантические множители устро-, достав-, возмо- [15, с. 61]. Сходная связь представлена и в «Русском ассоциативном словаре».

3. Выполненные наблюдения дают основания для двух взаимосвязанных выводов, уточняющих роль текстологического подхода И.А. Фигуровского в развитии науки о языке.

3.1. Во-первых, в его концепции обогащают друг друга теория предложения и теория текста, текстовые и «дотекстовые» феномены различаются, не разрываясь; образуемый ими сложнейший континуум определяется с единых позиций, как целое. Текст, при всей его сущностной самобытности, не абсолютизируется как носитель общесистемных свойств, находит место в общей систематике лингвистических феноменов. В дальнейшем это распространяется и на дискурс, причем лингводискурсологи

при характеристике своего объекта опираются на ряд положений И.А. Фигуровского.

3.2. Во-вторых, его подход дает возможность показать, что отмеченные возможности имплицировать семантику дополняют друг друга. Одни семантические соотношения при имплицитности проявляются именно в реализации предложения. Другие особенности тяготеют к тексту-дискурсу. Богатство текста не исключает особых возможностей уровня предложения в сфере имплицитности. В материале намечается неоднозначная экспликация имплицитной семантики – системно обусловленный специальный способ выражения значений, который в определенном дискурсе может выступать как единственно возможный или предпочтительный. Такой способ специфичен именно для текста-дискурса; в силу этой специфичности он оказывается значимым для его типологии.

Список литературы

1. Всеволодова М.В. Язык и его место в мироздании. К вопросу об актуальной грамматике // Вестник МГУ. Сер.9: Филология. 2010. № 2. С. 5-19.
2. Дикарева С.С. Анафорический эллипсис в аспекте семантико-синтаксического анализа текста: Дис. … канд. филол. наук. Л., 1982. 212 с.
3. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.
4. Кафкова О. О роли контекста в разных типах коммуникатов // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 236-247.
5. Кожевникова Кв. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 49-67.
6. Леонтьева Н.Н. Семантический анализ и смысловая неполнота текста: Дис. … канд. филол. наук. М., 1968. 172 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Макерова С.Р. Когнитивный механизм импликации и грамматические способы его реализации в художественном тексте. Майкоп: АГУ, 2018. 250 с.
9. Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. XLШ Виноградовские чтения в МГУ // Вопр. языкозн. 2012. № 4. С. 153-159.
10. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса: Материалы к трансформационной грамматике русского языка. М.: РАН, 1998. 292 с.
11. Падучева Е.В. Неопределенно-личное предложение и его подразумеваемый субъект // Вопр. языкозн. 2012. № 1. С. 22-35.
12. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. Изд-е 5-е, испр. М.: РАН, 2008. 426 с.
13. Пацюкова О.А., Петрова Н.Е., Широкова Е.Н. Динамические явления в русском языке и русской речи: Монография. Н. Новгород: Нижегор. гос. пед. ун-т им. К. Минина, 2019. 230 с.

14. Реунова О.И. Эллипсис как лингвистическое явление. Пятигорск: ПГЛУ, 2000. 116 с.

15. Русский семантический словарь: Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1989. 676 с.

16. Факторович А.Л. Потаенная ясность (Эллиптический зачин в прозе И.А. Бунина и В.В. Вересаева) // Рус. речь. 1990. N 5. С. 9-14.

17. Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка. М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 206 с.

18. Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961. 172 с.

19. Харвег Р. Редуцированная речь // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 388-401.

20. Черемисина М.И. О сложных предложениях с бесподлежащным придаточным // Синтаксис и интонация. Вып. 2. Уфа, 1973. С. 68-74.

21. Чувакин А.А. Структурно-семантические разновидности ситуативных неполных предложений в современном русском языке: Дис. … канд. филол. наук. Рязань, 1971. 190 с.

УДК 81

ОТНОШЕНИЯ И СВЯЗИ МЕЖДУ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ В СИНТАКСИСЕ ЦЕЛОГО ТЕКСТА И.А. ФИГУРОВСКОГО И В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ ТЕКСТА

ФИГУРОВСКАЯ ГАЛИНА ДМИТРИЕВНА
д. филол. наук, профессор кафедры русского языка,
методики его преподавания и документоведения
Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, kafedra.tirj@mail.ru

В статье показано, что в современной лингвистике текста изучаются преимущественно межфразовые связи, в плане анализа смысловых отношений между единицами текста актуально изучение семантики указательно-местоименной связи, метаконструкций.

Ключевые слова: текст, синтаксические связи, синтаксические отношения, функционально-смысловые типы речи, категории текста, метаконструкции.

В трудах И.А. Фигуровского по синтаксису целого текста отмечаются следующие важные положения, которые в целом соответствуют тем подходам к описанию синтаксических явлений, которые сложились в русском языкознании. Соответствия этому мы видим и во многих современных исследованиях синтаксиса. В качестве первого такого положения назовём приоритет отношений перед средствами их выражения при классификации

синтаксических единиц. Эта черта концепции И.А. Фигуровского отмечена, в частности, Г.Я. Солгаником [24, с. 18-19].

Второе положение – подчёркивание аналогии отношений на всех уровнях синтаксиса, особенно аналогии отношений в сложном предложении и тексте. Одно из любимых наблюдений И.А. Фигуровского – наблюдение над однородностью компонентов того или иного отношения, в частности, над однородностью членов предложения и придаточных, ср. общеизвестное: *Я думал уж о форме плана и как героя назову* (П.). Мнение об аналогии между отношениями и связями в предложении и тексте высказывалось и многими другими авторами. Так, В.Г. Адмони говорил об изоморфизме структуры текста и структуры предложения [2, с. 67], ср. [11, с. 61]; [21], [6, с. 95], [17, с. 9], [18, с. 19], [20, с. 57] и также мн. др. работы. Аналогия отношений в предложении и тексте показана во многих исследованиях отдельных отношений или средств связи: [30], [26] и др.

Существует и другая точка зрения на этот вопрос, но, думается, достаточно напомнить такой аргумент, как использование подавляющего большинства связующих средств как в предложении, так и в тексте. Сугубо текстовых служебных слов, которые использовались бы только между самостоятельными предложениями и между фрагментами текста, по нашим наблюдениям, немного (мы не имеем в виду в данном случае метакоммуникативные показатели связи, метаконструкции, тем более что и они встречаются не только в тексте, но и в составе сложного предложения). Например, таким средством можно признать *итак*, в то время как такие средства как *вообще, в общем, словом, одним словом* не только употребляются в сложном предложении, но и способны осложнять члены предложения.

Вместе с тем И.А. Фигуровский подчёркивал, что отношения в тексте более сложные, в связи с этим отмечал трудности в определении отношений [27, с. 28-29].

Одно из различий отношений в СП и в тексте И.А. Фигуровский определял словами «охват отношением» разных по объёму (в тексте – больших, чем в СП) и количеству единиц [29, с. 133]. Он писал также о наличии отношений между предложениями, характерных только для текста, не выражаемых СП, в частности, отметил «выделительное отношение, возобновление действия, обоснование с допущением противоречащего факта. Иногда между двумя предложениями наблюдаются два различных отношения. Например, в следующем соединении предложений усматриваем присоединительное и противительное отношение: *Разведчики принадлежали к батарейной аристократии. Слов нет, они жили богато, по-хозяйски. Один знаменитый чайник чего стоил. Но и орудийный расчет жил тоже не худо* (В. Катаев)» [29, с. 66].

В современных исследованиях специфические для текста отношения описаны, в основном, в коммуникативном, прагматическом плане, как разновидности метакоммуникации, обозначаемые такими терминами, как «метакоммуникативные сигналы», «метаорганизаторы высказывания»,

«метаоператоры высказывания» [9, с. 192], метапоказатель, метапоказатель-скрепа [22, с. 32] и др. Отметим также многочисленные метаконструкции для выражения многих синтаксических отношений, отмеченные в наших работах.

Следующее положение концепции И.А. Фигуровского – интерес к совмещению, наслоению отношений, мысль о двусторонности отношений между предложениями. Эти явления он показывал на примере местоименно-соотносительных и местоименно-союзных предложений (в терминологии структурно-семантической классификации): ***Какова*** *яблоня,* ***таковы*** *и яблочки* (Посл.); *Удар* ***так*** *ловок был,* ***что*** *череп врозь раздался* (Крылов) и т.п. [28, с. 63-64].

Покажем это на примере такого широко распространённого вида совмещения, как выражение отношений ограничения и сопоставления на фоне временной последовательности или одновременности в повествовании.

И в надежде, что еще удастся чем-то подкормиться, лиса неутомимо бежала по железной дороге, то и дело шмыгая с одной стороны насыпи на другую.

Но вдруг она замерла на бегу, приподняв переднюю лапу, точно бы застигнутая чем-то врасплох (Ч. Айтматов. И дольше века длится день).

В таких широко распространённых сочетаниях предложений в повествовании основное отношение, специфичное для данного функционально-смыслового типа речи – временная последовательность, – выражается видо-временными формами глаголов, обстоятельствами времени, а отношение ограничения или собственно противительное – союзом *но*. Такое совмещение отношений можно трактовать как выражение отношений ограничительных на фоне временных.

В плане анализа именно текстовых связей И.А. Фигуровский подчеркнул наличие многосторонности отношений одного предложения в тексте с другими, иначе говоря, разнонаправленность отношений: [28, с. 66]. Приведём небольшой пример:

– Вот они, твои глаза и уши, – пренебрежительно <u>сказал</u> комдив начальнику штаба и сел в машину. "Виллис" <u>тронулся</u>.

Разведчики <u>постояли еще минуту, затем</u> Травкин медленно пошел дальше, <u>а за ним двинулись и остальные</u> (Э. Казакевич. Звезда). Последняя предикативная единица связывается с предыдущими отношениями временной последовательности (связь глаголов-сказуемых при помощи интонации, слова *затем,* сопоставительными (союз *а)* и отождествления (частица *и*).

Таким образом, перечисленные положения синтаксиса целого текста и синтаксиса предложения в концепции И.А. Фигуровского согласуются с одной из магистральных линий развития синтаксической науки, отмеченной вниманием к синтаксической семантике. Однако во многих монографических описаниях текста, в практике преподавания лингвистики текста и филологического анализа текста, представленной в учебных пособиях, наблюдается иная картина: с разной степенью подробности описываются связи между предложениями и другими компонентами текста, но недостаточно

внимания уделяется описанию отношений или даже они не описываются вовсе. Так, в [16] к семантико-синтаксической связности относится «связность, осуществляемая посредством так называемых пресуппозиций и импликаций»; то же самое в [4]. Н.С. Валгина, приводя примеры для иллюстрации левосторонней и правосторонней связи с вводным словом *например,* личным местоимением, союзом *но,* не говорит об отношениях, как и во всём пособии [5]. Нет описания отношений между предложениями и в [13], [31] и др.

В то же время во всех учебных пособиях как центральное, важнейшее в анализе связности текста повторяется деление видов связи в тексте на цепную и параллельную, введённое Г.Я. Солгаником. Г.Я. Солганик рассмотрел связи, которые осуществляются местоимениями *этот, это, такой, таков* и др., при этом главное внимание уделил тому, какую роль в предложении они выполняют, в результате названы соотношения типа «подлежащее – подлежащее», «подлежащее – дополнение», «предшествующее предложение – дополнение» и т.п. Об отношениях, которые выражаются в предложениях, связанных данными способами, не говорится [24], см. также и новые работы, ср. анализ употребления *так* в [10: 2.1.]. Конечно, эти виды связи существуют, но вопрос в том, насколько рассмотрение их как центральных в анализе связности текста способствует проникновению в содержательную сторону текста. При этом определение синтаксических отношений не является чем-то само собой разумеющимся, автоматическим: характеристика отношений, как любой семантики, нередко представляет значительные трудности, эта проблема требует систематического изложения. Ещё в 1986 г., анализируя понимание семантических связей в тексте в лингвистике текста и поиск специфических качеств текста, А.Т. Кривоносов положительно оценивает мысль И.А. Фигуровского о том, что между самостоятельными предложениями должны быть определенные, легко проясняемые логико-синтаксические связи [14, с. 26], и отмечает, что лингвистика текста «не предприняла никаких шагов для изучения логико-грамматической структуры текста на материале конкретного языка, хотя вплотную подошла к этой проблеме», отрицательно высказался против приписывания прагматике ведущей роли в определении последовательности предложений в тексте [там же, с. 26-27]: этот аспект анализа должен быть подчинён логико-грамматическому [там же, с. 35].

В связи с вопросом о синтаксических отношениях отметим, что вообще уделяется недостаточное внимание семантике указательно-местоименной связи, начиная с описания сложносочинённых, бессоюзных сложных предложений, в то время как эти средства, особенно в сочетаниях с частицами, вводными словами, метасловами, сочинительными союзами, являются очень частотными, ср. хотя бы неполный перечень указательно-местоименной связи со словом *такой*: *такой же, именно такой, таким образом, таким же образом, в таком случае, с такой целью, такая причина* и мн. др. В этом плане анализ связей и отношений пока ещё неполон. Одним из первых в классификации БСП и ССП роль указательных местоимений учёл Л.Ю. Максимов, выделив соединительно-распространительные с *и это, и поэтому* [15, с. 22-23] и распространительно-

присоединительные БСП с личными местоимениями во второй части и с *тот, там, туда, оттуда, это, вот что* (с. 137-138). Но семантика их не описана детально, кроме того, нет разграничения связей, которые не выражают отношений, и связей, выражающих отношения. Так, анафорическая замена членов предложения местоимениями и местоименными наречиями (*сад – он, в саду – там* и т.п.) не служит средством выражения отношений; лишь в том случае, когда указательное местоимение замещает предикативную единицу, а в целом тексте и несколько предложений, указательно-местоименная связь становится средством выражения синтаксических отношений. Особую роль в формировании семантики указательно-местоименной связи играют производные предлоги (ср. *после этого, благодаря этому, несмотря на это*) и синтаксические метаслова: *причина, цель, условие* и др. (ср.: *по этой причине, с этой целью, при этом условии* и т.п.) (подробнее см. об этом в наших работах).

Значительный шаг в повышении статуса указательно-местоименной связи был сделан «Русской грамматикой» [23], где было введено понятие конкретизаторов при сочинительных союзах, к которым, помимо частиц и вводных слов, были отнесены и указательные местоимения. Конечно, во всей полноте семантика предложений с участием данного вида связи не проведена.

В современных исследованиях, посвящённых частным проблемам синтаксиса предложениях и текста, отмечаются отдельные разновидности указательно-местоименной связи, хотя и не всегда с анализом её семантики, например, *в таких случаях* [1, с. 13-14], *более того, мало того* [3] и др.

И. А. Фигуровский описывал семантику указательно-местоименной связи в соответствии с существующим уровнем описания синтаксиса. Предложения, связанные местоимением *это* в Им. п., И.А. Фигуровский относил к соотнесенно-подлежащным, с *это* в косвенных падежах – с соотнесенно-дополнительным или, при наличии предлогов, к обстоятельственным в соответствии с преобладающей в годы написания его работ логико-грамматической классификацией сложных предложений, а в структурно-семантических классификациях предложений анализа семантики указательно-местоименной связи практически не было, классификации на основе синтаксических отношений между предложениями отсутствовали. С точки зрения именно этого последнего подхода единицы, связанные указательно-местоименной связью, могут интерпретироваться иначе, прежде всего, при *это*-подлежащем и *это*-дополнении. В этих случаях могут выражаться отношения оценки, квалификации, идентификации, модусно-пропозициональные, каузативные и др.:

На другой день случилось ему на базаре увидеть поломанный звонок, стал копить деньги от завтраков, купил, разобрал, сложил, достал углей, цинку, банку и раз – какое счастье ***это*** *было!* (М. Пришвин. Кащеева цепь); ср.: *это хорошо / плохо, правильно / неправильно* и т.п.: отношения оценки; *И старый Гиммер, лукаво сощурившись, вдруг начал издавать такие звуки, как будто в горло к нему попала рыбья кость.* ***Это была его манера смеяться***. (А. Фадеев. Последний из удэге); *Наблюдения за полетом снаряда не давали возможности*

определить, какой груз он несет. Было ***ли это*** *первым* ***визитом*** *на Землю дружественных разумных существ, обитателей далеких миров,* ***или началом*** *обстрела нашей планеты завоевателями космического пространства?* (И. Варшавский. Молекулярное кафе): отношения квалификации; *Она, конечно, хитрила,* ***и это*** *было видно по ее прищуренным глазам*. (К. Паустовский. Время больших ожиданий); ср.: *это подчёркивает / подчёркивается, обнаруживает / обнаруживается* и т.п.; *Но моряки были спокойны,* ***и это*** *подбадривало* ***и*** *нас, обыкновенных смертных*. (К. Паустовский. Время больших ожиданий), ср.: *это способствовало / мешало / вызывало* и мн. др.: модусно-пропозициональные отношения.

При существительных-метасловах в качестве сказуемых при *это*-подлежащем отношения осложняются, ср. пример выражения квалификации содержания предшествующего компонента как причины, причём причина оценивается как вероятная, благодаря вводному слову, и как единственная, благодаря частице: *От страшного испугу у меня сделалась горячка… **Вероятно, это только и было причиною,** что он меня бросил больную в каком-то городе*… [А.Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. (1848)].

Приведённые примеры показывают, что для характеристики отношений между предложениями, выраженных указательно-местоименной связью, важна семантическая классификация лексики. В этом плане в учебных пособиях и монографиях по синтаксису предложения и текста отношения не рассматривались.

Недооценка синтаксических отношений имеет место и при описании категорий текста, в частности, категории темпоральности, темпоральной структуры текста, а также функционально-смысловых типов речи. Так, И.Р. Гальперин отмечает повтор как средство выражения ретроспекции, называет характерные для выражения категорий ретроспекции и проспекции выражения, фразы, но не отмечает таких широко распространённых, самоочевидных средств выражения этих категорий, как придаточные времени и соотносительные с ними конструкции с указательно-местоименной связью типа *до этого / до этой поры / до сих пор, с этих пор, после этого* (в терминологии И.А. Фигуровского «соотнесённые») [8]. З.Я. Тураева отмечает, что в создании категории темпоральности организующая роль принадлежит глаголу [26, с. 86, 89]. При описании коммуникативных регистров Г.А. Золотова также указывает на ведущую роль видо-временных форм глагола. Но не меньшую роль играют упомянутые выше синтаксические средства.

При анализе темпоральной структуры повести Ч. Айтматова «И дольше века длится день» З.Я. Тураева, кроме видо-временных форм глаголов, отмечает графические средства – отбивки, разные типы шрифтов – реалистического и фантастического методов представления действительности, переноса действия с маленького степного полустанка в космическое пространство (с. 92-93). Но видо-временные формы действуют на малом пространстве текста, в рамках одного функционально-смыслового типа речи

(коммуникативного регистра) или его фрагмента, а вехи в повествовании маркируются членами предложения, придаточными, метаконструкциями, указательно-местоименной связью.

Приведём лишь некоторые примеры из этой повести, так как их количество очень велико.

Метаконструкции:

«Так обстояли дела в тот вечер накануне выезда на Ана-Бейит, и все бы ничего, если бы не один неприятный случай».

Первая часть этого сложного предложения охватывает фрагмент сюжетного повествования, начиная с предложения «Вечер и ночь того дня коротали все вместе, по-соседски, во дворе перед домом умершего, благо и погода к тому располагала», включая лейтмотивное предложение «А на разъезде Боранлы-Буранном, как всегда, приходили и уходили поезда: сходились с востока и запада и расходились на восток и запад...».

А вторая часть – «если бы не один неприятный случай» раскрывается также фрагментом повествования, включающим в себя и рассуждения, и завершается повтором уже высказанной мысли: «Да, вот **такая нехорошая история** вышла накануне похорон», тем самым синтаксическая структура текста является чётко обозначенной автором. (Этот пример иллюстрирует и указанное выше положение о разнонаправленности связей и отношений одного предложения в тексте).

Подобные предложения, в терминологии И.А. Фигуровского, обобщающие, распространены очень широко в самых разных текстах.

Приведём другие метаконструкции, выражающие временные, фазисные отношения в данном произведении: «На том их разговор и закончился»; «Время к полуночи подошло»; «Время шло»; «Начались ожесточенные столкновения»; «И с этого момента, как бы от нового рубежа, для Абуталипа началась какая-то особая жизнь»; «С той зимы все и началось» и др.

Ещё более широко распространена для выражения временных отношений указательно-местоименная связь. Так, словосочетание *в те дни* (*В те дни вечерами уже холодало, дело шло к осени. По ночам же почва быстро выхолаживалась, и к рассвету степь покрывалась белесым, как солончак, налетом недолговечного инея* и далее) охватывает предтекст с самого начала первой главы и выражает отношения одновременности. Одновременность параллельных событий выражает указательно-местоименное сочетание *тем временем*:

Последний раз помахали друг другу... Промелькнули – лицо, взгляд, рука, семафор...

***А** поезд **тем временем** уже мчался, оглашая громыханием молочное заснежье сарозеков, молча наплывающих и молча проносящихся по сторонам как белый сон. Ветер задувал в паровоз, привнося к неистребимому запаху выгоревшего шлака в топке запах свежего, первозданного степного снега...*

Отношения временной последовательности выражаются широко распространёнными средствами связи *потом, после этого* и др.

Всё это очевидные и наиболее распространённые средства выражения временных отношений, в том числе ретроспекции и проспекции, которые, разумеется, не исключают поиска сугубо текстовых соотношений для достижения необходимой полноты описания.

В заключение подчеркнём ещё раз то, что, с нашей точки зрения, является главным: необходимое для синтаксиса предложения и текста описание связей как первичный этап анализа нужно дополнить описанием их семантики с последующим изменением основы всей классификации – на семантической, а не на структурной основе.

Список литературы

1. Авдеев А.А. Проблемы широкозначности и ее соотношение с полисемией и дейксисом (на материале имен существительных английского, русского и французского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 20 с.

2. Адмони В.Г. Грамматика и текст // ВЯ. 1985. № 1. С. 63-79.

3. Апресян В.Ю. Фраземы с наречиями малого количества: мало ли // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово. 30 мая – 3 июня 2007 г.) / Под ред. Л.Л. Иомдина. Н.И. Лауфер. А.С. Нариньяни. В.П. Селегея. М.: Изд-во РГГУ. 2007.

4. Белова Н.А. Филологический анализ художественного текста: реализация интеграции лингвистического и литературоведческого подходов в школе: Учебно-методическое пособие / Мордов. гос. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. Саранск, 2008. 205 с.

5. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с. http://www.vipstudent.ru/index.php?q=lib&r=23&id=1182416714

6. Вейхман Г.А. Лингвистика текста и проблема сложноподчиненных предложений // ВЯ. 1984. № 5. С. 95-107.

7. Вихрян О.Е. Лекции по филологическому анализу текста. http://www.studfiles.ru/preview/2378054/

8. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.

9. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: Монография. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. 288 с.

10. Завязкина И.Н. Семантические, грамматические и функциональные особенности слова «так» в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2003. 229 с. http://albooking.net/book_168.html

11. Золотова Г.А. К типологии простого предложения // ВЯ. 1978. № 3. С. 49-61.

12. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 528 с.

13. Кольцова Л.М., Лунина О.А. Художественный текст в современной лингвистической парадигме: Учебно-методическое пособие для вузов. Воронеж: ВГУ, 2007. 51 с.

14. Кривоносов А.Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // ВЯ. 1986. № 6. С. 23-37.

15. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык: Синтаксис сложного предложения. 2-е изд. М.: Просвещение, 1977. 192 с.

16. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. М.: Издательство «Ось-89», 1999. 192 с.

17. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.

18. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2003. 43 с.

19. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru.

20. Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: Учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и лит. / Авт.-сост. М.Ю. Олешков: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия. Нижний Тагил, 2006. 146 с.

21. Онипенко Н.К. Сложное предложение на фоне коммуникативной типологии текста // ВЯ. 1995. № 2. С. 91-98.

22. Перфильева Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006. 43 с.

23. Русская грамматика: В 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1982.

24. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика: (Сложное синтаксическое целое). М.: Высшая школа, 1973. 214 с.

25. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.

26. Устинова Н.М. Содержание идентифицирующих отношений и средства его выражения в системе сложного синтаксического целого и текста: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2011. 24 с.

27. Фигуровский И.А. Пунктуация целого текста // РЯШ. 1936. № 5. С. 143-147 / Избранные труды, 2004. С.27-32.

28. Фигуровский И. А. К вопросу о закономерностях в соединениях законченных предложений // Уч. зап. Елецкого пединститута, 1955. С. 74-95.

29. Фигуровский И.А. Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз, 1961. 171 с. / 2004. С. 52-70.

30. Филимонов О.И. Скрепа-фраза как средство выражения синтаксических связей между предикативными единицами в тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь. 2003. 186 с.

31. Филиппов К.А. Лингвистика текста: Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 336 с.

УДК 81.'01

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ АБЗАЦЫ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В СВЕТЕ ИДЕЙ И.А. ФИГУРОВСКОГО

ХАРЧЕНКО ВЕРА КОНСТАНТИНОВНА
д. филол. наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород, wera_kharchenko@mail.ru

В статье рассматриваются особенности итоговых, заключительных абзацев в текстах публицистического характера на примерах публицистики журнала «Нева» за 2018 год. Отмечается актуальность изучения этих фрагментов в свете идей И.А. Фигуровского, справедливо оценивающего итоговый характер заключительных предложений в любом тексте.

Ключевые слова: публицистика, текст, абзац, итоги, конец текста.

Особое, отдельное изучение заключительных предложений любого текста – задача в равной степени актуальная и интересная. Толчком к такому исследованию может служить статья И.А. Фигуровского «Предложения, завершающие структуру высказывания», опубликованная в 1966 году в Ученых записках Курского государственного педагогического института [4, с. 4-9]. «Прощание с текстом» реально становится квинтэссенцией всего сказанного, но нередко добавляет и новые краски к изложению.

Действительно, с одной стороны, в итоговых предложениях наиболее ярко высвечивается главная или одна из главных мыслей всего текста. В этом плане, с одной стороны, заключительные фразы справедливо относятся к сильным позициям текста. С другой стороны, в них же отражена и своеобразная, индивидуально-авторская мысль, ego-риторика, то, что отличает стиль именно данного автора от стиля остальных. И.А. Фигуровский в своей статье описывал произведения М.М. Пришвина, мы же обратимся не к семейным родословным, что было исследовано нами ранее, и не к художественным произведениям, а к современным публицистическим текстам.

Считается, что феномен толстых журналов весьма показателен для нашей страны, и раздел «Публицистика» занимает в них достойное место. Материалы взяты нами из наиболее авторитетного издания – журнала «Нева». В этом журнале чётко разграничены разделы помимо прозы и поэзии: публицистика, критика и эссеистика, из архива, петербургский книговик, пилигрим. Мы брали сугубо публицистические тексты, которые представлены в том или ином журнальном номере (отметим, что в № 9 за 2018 год их нет). Для анализа был принят 2018 год, и проанализированы солидные по объёму материалы, принадлежащие перу авторов, для которых письменный текст является ведущим в творчестве. Первый отрывок принадлежит Константину Фрумкину, автору предшествующей отрывку статьи.

«В то же время само знание о том, что у наших поступков обязательно будут также и неизвестные последствия, является своего рода позитивным знанием, заставляющим иметь в виду тёмную сторону любого действия. Как говорит немецкий философ Готтхард Бехманн, «риски появления возможных ущербов уже сегодня должны предписываться любым принятым решениям, хотя невозможно определённо знать ни размера ущерба, ни того, будет ли он принесён вообще». По словам Бехманна, такое «незнание» становится составной частью принимаемых решений [1, с. 42]. На практике реакция на «зону незнания» обычно выражается в той или иной политике создания резервов на непредвиденные случаи – это могут быть, например, финансовые страховые резервы или резервные запасы прочности у технических сооружений» [5, с. 163].

В этот заключительный фрагмент включена мысль Готтхарда Бехманна о необходимости предписывания рисков появления возможных ущербов любым принятым решениям. Как видим, стиль последнего абзаца принципиально не отличается от стиля статьи в целом, и, может быть, поэтому итоговый абзац производит весьма сильное впечатление, тем более что предшествует ему рассказ об «эффекте бабочки», вызывающий большой эффект через малое, точечное воздействие. Обратимся к другому отрывку.

«На сайте Института восточных рукописей (именно так называют теперь бывшее Ленинградское отделение Института востоковедения) стоит подзаголовок «Востоковедение как образ жизни». Очень точное название. Наверное, для каждого человека, занимающегося наукой, как, впрочем, любой другой творческой профессией, его любимое занятие становится «образом жизни», которому подчиняется всё другое. Так, если кто-то из членов твоей семьи решил, к примеру, поехать на горный курорт покататься на лыжах в компании друзей, ты всё же постараешься уклониться от этого и предпочтешь посидеть дома за письменным столом в тишине и одиночестве. Как пишет Леонид Зорин, письменный стол – это мука, которая всегда с тобой (Бубенчик). Правда, не всем членам семьи, особенно мужчинам, нравится такое поведение со стороны женщины, к тому же ещё и бабушки, но мне кажется, что моя бабушка была бы мной довольна» [2, с. 186].

Мы обращаем внимание здесь на цитату из Леонида Зорина о том, что письменный стол – это мука, которая всегда с тобой. И в этом отрывке заметно изящное окончание достаточно большого текста, высвечивающее его главную мысль – о торжестве любимого дела. Обратимся к третьему отрывку.

«Он помогал мне собирать материалы по русско-японским отношениям в Российском государственном архиве Военно-Морского флота, в Публичной библиотеке, делился своими воспоминаниями о писателях и журналистах, которые были причастны к Японии. Когда же он приехал в гости ко мне в Японию, ему предложили выступить с лекцией и рассказать о своей работе в Советском Союзе. Интересно, что, даже не зная японского языка, он мог «разговориться» с японцами прямо на улице, собрать вокруг себя компанию японских девушек, которым был интересен «российский старичок». А с моим деканом профессором Хираи Томоеси, советологом по профессии, который и пригласил меня на работу в Японию, они просто стали друзьями. Таким образом, отец вновь почувствовал свою востребованность, и его деятельная натура на время ожила. Но если мама легко привыкла к жизни в Японии – лишь бы я была рядом, то отец не мог жить, как он говорил, «без гранитных камней Ленинграда». Пришлось везти назад сначала его, а потом и маму, благо Япония всё же соседка России. К счастью, исследование русско-японских отношений позволяло мне ездить в Россию по три раза в год. Отцу Япония была интересна своей необычной культурой, организованностью жизни, тем, как японцы возродили Хиросиму. Однако душа его принадлежала России, какой бы она ни была» [3, с. 194].

Цитат в этом отрывке нет, но включены яркие свидетельства «чужой речи», речи отца: *российский старичок, без гранитных камней Ленинграда*.

Они делают фрагмент весьма «говорящим», не предполагающим окончания текста.

Что же перед нами? Публицистика? Да, конечно, но какая? В итоговых абзацах нет ни завышенного числа однородных членов, о чем писал И.А. Фигуровский [4, с. 6], нет впечатления незаконченности, что, по мысли И.А. Фигуровского, тоже весьма характеризует заключительные фразы в тексте [4, с. 9], нет особых союзов как завершающих средств. По-видимому, существуют (условно, конечно!) два пласта законченности текста: для всех и для особо талантливых людей, к которым мы и относим К.Г. Фрумкина и Ю.Д. Михайлову. Можно создать талантливый текст, опираясь на разработанные структурные феномены, но можно идти и своим путём, подчиняясь диктату времени и места.

И, тем не менее, следуя мысли И.А. Фигуровского, мы обратимся сейчас не к заключительным абзацам, а только лишь к заключительным предложениям публицистического текста в каждом из трёх рассматриваемых отрывках.

В первом отрывке конец выглядит следующим образом: *«На практике реакция на «зону незнания» обычно выражается в той или иной политике создания резервов на непредвиденные случаи – это могут быть, например, финансовые страховые резервы или резервные запасы прочности у технических сооружений»*. По существу это признание необходимости таких зон незнания, касающихся финансирования или/и запасов прочности технических сооружений. Речь идёт о «тёмной стороне» принимаемых решений, о некоторой их незавершенности и о чётком способе эту незавершённость преодолевать.

Во втором отрывке заключительный пассаж связан с эмоциональными переживаниями автора текста: *«Правда, не всем членам семьи, особенно мужчинам, нравится такое поведение со стороны женщины, к тому же ещё и бабушки, но мне кажется, что моя бабушка была бы мной довольна»*. Здесь на конкретном примере раскрывается мысль, что «Востоковедение как образ жизни», влияющая на отношения в семье, но в силу всего изложенного в статье принимаемая героиней повествования. Идея незавершённости присутствует, но парадоксально отметается в последнем предложении.

Наконец, третий отрывок заканчивается ещё более кратким предложением: *«Однако душа его принадлежала России, какой бы она ни была»*, отображающим внутреннее, глубинное чувство отца, которое в самом тексте почти не названо, но которое определяет поведение отца и его переживания. Идея некоторой незавершённости есть перед этим фрагментом, однако эту «незавершённость» снимает в том числе своей краткостью последнее предложение.

Известно, что, наряду с произведениями, не законченными по каким-либо причинам, И.А. Фигуровский выделяет произведения, последние предложения в которых не создают впечатления законченности, наоборот, «автор намеренно создает впечатление незаконченности, предстоящего продолжения» [4, с. 9]. В жанре семейных родословных мы сталкивались с парадоксальной ситуацией,

когда подчеркнутая семантически, синтаксически и даже графически (многоточием) незавершенность срабатывает как заключительный, во многом ожидаемый и естественный сигнал конца текста. В современных публицистических текстах последнего периода этой недоговорённости будто бы нет, но главная мысль, суть её выражена вполне определённо даже если перед этим и звучала идея некоторой незавершённости.

Как видим, И.А. Фигуровский ещё в 1966 году поставил весьма интересную задачу выявления специфики итоговых, заключительных предложений текста. Полагаем, что с этих позиций возможно и то особое внимание, которое уделяется заключительным фразам в художественной литературе, и сопоставительное изучение текстов, относящихся к самым разным жанрам и разным культурам, и выявление диалектики своего и «чужого», традиционного и новаторского в оформлении итоговых мыслей.

Список литературы

1. Бехманн Готтхард. Жизнь в обществе риска // Философские науки. 2011. № 6.

2. Михайлова Юлия. Записки девочки из «обеспеченной» семьи. Размышления о жизни и науке // Нева. 2018. № 7. С. 170-186.

3. Михайлова Юлия. Хренков Дмитрий Терентьевич (1918-2002). Воспоминания дочери // Нева. 2018. № 8. С. 169-194.

4. Фигуровский И.А. Предложения, завершающие структуру произведений // Краткие очерки по русскому языку. Ученые записки Курского государственного педагогического института. XXV / Под ред. Г.В. Денисевича и Г.И. Герасимова. Курск, 1966. С. 4-9.

5. Фрумкин Константин. Лабиринты ответственности // Нева. 2018. № 12. С. 152-163.

УДК 81

«В ДИАЛОГЕ С МЭТРОМ»: ОБ ОДНОМ КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОДХОДЕ В СИНТАКСИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ И.А. ФИГУРОВСКОГО

ШАТАЛОВА ОЛЬГА ВАСИЛЬЕВНА
д. филол. наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и литературы,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Россия, г. Липецк, shat_o_v@mail.ru

В статье рассматривается концепция синтаксических доминант И.А. Фигуровского в соотношении с современными тенденциями развития грамматической теории. Также обосновывается возможность включения в спектр обсуждаемой проблематики вопроса о

приоритетных синтаксических конструкциях как параметрическом принципе в характеристике языковой личности на примере анализа текста рассказа И.С. Тургенева «Свидание».

Ключевые слова: синтаксис, Фигуровский, синтаксические доминанты, приоритетные конструкции.

Иван Александрович Фигуровский – исследователь-лингвист и педагог, который в своей деятельности не разграничивал по степени важности для науки и методики преподавания вопросы теории и практики. Подобный подход определяет объективность уникального научно-методического принципа – принципа интегративного взаимодействия, или даже взаимозависимости, теории и практики, который сегодня представляется существенным для оценивания вклада И.А. Фигуровского в становление и развитие современной гуманитарной, в частности – филологической и педагогической, среды.

Так, во-первых, обозначенный принцип реализуется в том, что общетеоретические постулаты научной грамматики, во многих случаях новаторские, противоречащие признанным на тот момент каноническими учениям, И.А. Фигуровский смело вводил в школьное преподавание [4, с. 6-11].

Во-вторых, исследуя различные языковые явления, в том числе и синтаксические конструкции, ученый отстаивает единство грамматического значения и средств его выражения, что, прежде всего, определяет обусловленность теоретических (обобщенных) выводов текстовым употреблением анализируемых единиц.

Обозначенные принципы исследовательской деятельности в сочетании с широтой интересов при удивительной языковой чуткости и научной прозорливости определили то, что в «научном портфеле» И.А. Фигуровского можно обнаружить многочисленные работы, в которых в той или иной степени полно либо достаточно конспективно обозначены не только отдельные постулаты, но в некоторых случаях целые направления лингвистических учений, которые в силу исторических и научно-прагматических условий получили развитие намного позже.

Говоря о такого рода исследовательских идеях И.А. Фигуровского, нельзя пройти мимо небольшой статьи «Развитие синтаксических доминант в советской прозе за 50 лет (1917-1967)», которая представляется нам значимой для развития теории языковой личности, хотя на момент ее публикации в 1969 году теория языковой личности носила еще вид перманентно развивающейся идеи, обращенной в основном к анализу вербально-семантической составляющей языковой личности, а о синтаксической репрезентации языковой личности ученые не задумывались, поскольку на тот момент даже вопросы синтаксической характеристики текста были еще не до конца разрешены.

В статье И.А. Фигуровского на основе наблюдений над стилем художественных произведений советского периода делается попытка обоснования существования **синтаксических доминант** как характерного признака индивидуального почерка конкретного писателя либо характерного признака определенного, если можно так выразиться, стилистического образа.

В первом случае исследователь обращается к произведениям А. Веселого, Б. Горбатова, Г. Троепольского, О. Кожуховой: выбор художественного материала, естественно, определяется в значительной степени конъюнктурой, но исследовательский взгляд остается принципиальным и объективным, позволяющим ученому отмечать различные языковые и прагматические нюансы в идиостиле советских писателей. Тогда как, по мнению исследователя, манера письма классиков XIX столетия позволяет, скорее, говорить об общности синтаксической организации речи: «Так, трудно различимы доминанты Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Гончарова, сходны доминанты важнейших произведений Л. Толстого и В. Короленко» [5, с. 273].

И.А. Фигуровский в характерной для него манере выявления той или иной языковой закономерности на основе анализа текстового материала обозначает несколько видов доминант: «а) с явным преобладанием констатирующих предложений; б) со слабым использованием неоднородных связей; в) с широким использованием сложных конструкций и неоднородных связей» [4: 274]. По нашему мнению, предлагаемая И.А. Фигуровским концепция отражает, в первую очередь, значимую для последующего развития лингвистики идею синтаксических доминант (в терминологии других исследователей – частотных конструкций, широко используемых конструкций [1], конструкций со свойством повторяемости [3], синтаксических предпочтений [2], приоритетных конструкций [6] и пр.). Однако в представленной классификации в качестве сопоставимых единиц, или элементов, обозначатся предложения в их интонационной характеристике (а) и типы предложений по структуре (б, в). На наш взгляд, данные основания для характеристики синтаксических единиц должны быть разграничены.

В целом же необходимо признать, что идея синтаксических доминант И.А. Фигуровского в исследованиях XX – начала XXI вв. получала определенное отражение. В частности, в предлагаемой нами методике характеристики языковой личности в аспекте грамматико-синтаксической организации речи [6] находит отражение идея И.А. Фигуровского о доминантности тех или иных конструкций. Однако, на наш взгляд, синтаксическая характеристика языковой личности должна строиться с опорой на анализ частотности использования предложений различного типа. При этом сопоставление прагматической направленности многочленных сложных конструкций и с однородными, и с неоднородными связями становится одним из аспектов исследования языковой репрезентации личности. В качестве иллюстрации принципа частотности как объективного и прагматически продуктивного представим результаты исследования текста рассказа И.С. Тургенева «Свидание» как основу для характеристики личности героя-рассказчика, от лица которого ведется повествование в «Записках охотника».

(Принципиальным фактором отбора материала для анализа является формальная объективность фиксации грамматических моделей высказывания в предложениях того или иного типа. Поскольку на процесс выбора типа синтаксической конструкции для передачи определенной информации

(художественной интенции) автором могут оказывать косвенное влияние такие факторы, как литературное редактирование и корректура при издании текстов, историческое изменение норм пунктуации, актуализация тех или иных системных, стилистических и коммуникативных тенденций синтаксиса, то для оценивания формально-статистической организации художественного текста, по нашему мнению, должны привлекаться прежде всего канонические тексты русской литературы, формально-грамматическое и пунктуационное оформление которых является неизменным в рамках современного русского литературного языка во всех его историко-хронологических модификациях).

Формально-статистический (стилометрический) анализ текста рассказа И.С. Тургенева «Свидание» позволяет выявить следующие синтаксические приоритеты в речи рассказчика: ПП распространенные и нераспространенные (39%), БСП (21%), МСП с различными видами связи (20%). ССП, СПП представлены менее активно (9% и 11% соответственно).

Простые неосложненные предложения образуют своеобразную лирическую канву повествования: *Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Она [Акулина] была очень недурна собою. Сквозь чащу быстро замелькала фигура мужчины. Я с любопытством посмотрел на него из своей засады. Девушка не могла тотчас ему [Виктору] отвечать. (Он опять зевнул). (И он наморщил свой тупой нос). (И он спокойно потянулся и опять зевнул). Она умолкла. Виктор поиграл стальной цепочкой своих часов. Акулина глядела на него... (Она робко поднесла его [монокль] к глазу). Акулина потупилась. Они оба помолчали. И слезы полились у ней ручьем. Долго сдержанное горе хлынуло наконец потоком. Прошло несколько мгновений... Я остановился...*

В представленном, на первый взгляд, достаточно «упрощенном варианте» изложения сюжета рассказа четко просматривается не только фабула, но и вся гамма сюжетных оттенков: трепетное отношение автора к природе, отражающее его концептуально-философскую позицию, близкую к идеям натурфилософии; нежное любование Акулиной – любящей, страдающей, искренней; ироничное презрение к самоуверенному и недалекому Виктору, представляющему тип камердинера-хама, избалованного непритязательной и сытой жизнью при барине; страдание автора от сознания бессилия, невозможности повлиять на представленную ситуацию.

Заинтересованность повествователя в происходящем, глубокое личное переживание требуют не только многостороннего представления ситуации, фактического изложения, но и выражения авторской позиции – по ходу всего повествования. Именно эта авторская интенция определяет приоритетность многочленного сложного предложения (МСП), позволяющего, с одной стороны, передать достаточно большой объем информации, «уплотняя» информативность сообщения за счет объединения разнородных фактов в рамках одного высказывания, а с другой стороны, обозначить открыто или завуалированно позицию автора (повествователя). Например, в «пейзажном» замечании, касающемся всего лишь отношения автора к осине, предваряющем

сцену свидания Акулины и Виктора, которая произвела на рассказчика сильное эмоциональное впечатление, в подтексте уже намечаются чувства, которые овладеют повествователем в финале рассказа: *Я, **признаюсь**, **не** слишком **люблю** это дерево – осину – с ее бледно-лиловым стволом и серо-зеленой, металлической* [неприятие холодности в отношениях] *листвой, которую она **вздымает** как **можно выше*** [возмущение высокомерием] *и дрожащим **веером раскидывает** на воздухе* [ироничность к внешним эффектам]*; **не люблю** я вечное качанье ее круглых **неопрятных** листьев, **неловко прицепленных*** [презрение к нечуткости и духовной неразвитости] *к длинным стебелькам.*

В качестве синтаксического приоритета в речи повествователя также можно обозначить использование в составе предложений разного типа обособленных и необособленных определений, например: *Она [осина] бывает хороша только в иные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, приходится в упор **рдеющим** лучам **заходящего** солнца и блестит и дрожит, **с корней до верхушки облитая одинаковым желтым багрянцем**, – или когда, в ясный ветреный день, она вся шумно струится и лепечет на синем небе, и каждый лист ее, **подхваченный стремленьем**, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль.* Подобные описательные фрагменты тематически ограничены изображением природы. Но каноничность соотнесения изображения природы с эмоциональным состоянием автора или героев повествования является общепризнанным фактом. И доминантность (в терминологии И.А. Фигуровского) приема использования подобных грамматических моделей подтверждает лирическую направленность представления личности повествователя.

Таким образом, формально-структурная приоритетность тех или иных синтаксических конструкций в тексте является формой, объективирующей внутренний коммуникативно-прагматический потенциал синтаксических единиц и текста в целом. Именно эта специфическая совокупность приемов взаимодействия конструкций различного типа, которые являются **приоритетными** для речи личности, может быть, на наш взгляд, соотнесена с понятием синтаксических **доминант** в концепции И.А. Фигуровского. Не претендуя на право категоричной критики взглядов выдающегося ученого, мы считаем возможным представленное в статье развитие идеи доминантности, представленной в работе И.А. Фигуровского достаточно конспективно, но содержащей многочисленные перспективы для развития грамматической теории.

Список литературы

1. Артюшков И.В. Безличные и инфинитивные предложения во внутренней речи как средство изображения модально-волевой сферы персонажей // Вестник ВЭГУ. 2007. № 1. С. 7-13.

2. Бец Ю.В. Языковые признаки речевой индивидуальности // Язык как система и деятельность. Материалы Международной научной конференции. Ростов н/Д.: НМЦ «ЛОГОС», 2010. С. 86-88.

3. Галкина Т.Г. Психолингвистическое обоснование методики исследования орбразов авторского сознания в художественном тексте (на материале прозы В.В. Набокова) // Пушкинские чтения-2009: Материалы XIV международной научной конференции «Пушкинские чтения» / Под общ. ред. В.Н. Скворцова, отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2009. С. 301-307.

4. Фигуровская Г.Д., Фигуровский В.И. Иван Александрович Фигуровский: научная деятельность // Фигуровский И.А. Избранные труды. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. С. 5-21.

5. Фигуровский И.А. Развитие синтаксических доминант в советской прозе за 50 лет (1917-1967) // Фигуровский И.А. Избранны труды. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. С. 273-278.

6. Шаталова О.В. Синтаксическая характеристика языковой личности. СПб.: ЛГУ им.А.С. Пушкина, 2012. 200 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА

УДК 81

СЕМАНТИКА ВРЕМЕННЫХ ФОРМ СТРУКТУРООБРАЗУЮЩЕГО КОМПОНЕНТА СХЕМ «ЧТО СВЕТИТ ЧЕМ», «КТО/ЧТО ОСВЕЩАЕТ ЧТО»

АЛЬ ХАСНАВИ АЛИ РАДИ МАШДЖЕЛЬ
д. филол. наук, преподаватель,
Университет Ти-кара,
Ирак, г. Насирия, Ali88_A2000@mail.ru

Статья посвящена выявлению семантики временных форм глаголов-предикативов, формирующих структурные схемы простого предложения «что светит чем» и «кто/что освещает что», которые репрезентируют синтаксический концепт «свет». На основе анализа фактического материала (420 высказываний, полученных методом сплошной выборки из произведений русских писателей и Национального корпуса русского языка) выявлена продуктивность функционирования структурной схемы «что светит чем» по сравнению со схемой «кто/что освещает что».

Ключевые слова: семантика временных форм, глаголы светообозначения, неактуальная семантика, свечение, момент речи, совпадение.

Когда речь идет о выражении времени глагола, необходимо строго различать между общим понятием времени, лексическим его значением и собственно грамматическим временем. Диалектико-материалистическое понимание времени характеризует его как универсальную форму постоянного, последовательного изменения явлений.

Время и пространство тесно связаны между собой. Они всеобщие формы существования материи. Будучи основными формами существования материи, пространство и время являются неотъемлемыми и абсолютно зависимыми от человеческого восприятия свойствами реальности. С другой стороны время, как и другие объективные факторы Вселенной, отражается человеком через его восприятие, интеллект находит свое выражение в его языке.

Естественно, что время, рассматриваемое как универсальная форма последовательного изменения вещей, должно оцениваться человеком по отношению к моменту его непосредственного восприятия внешней действительности. Этот момент непосредственного восприятия или «настоящего момента», постоянно меняющийся во времени служит как граница между прошлым и будущим.

Актуальность исследования определяется важной ролью языковых единиц, маркирующих свет в языковой картине мира. Кроме того, семантика временных форм структурообразующего компонента схемы «кто светит чем» и

«кто/что освещает что» не попадала в поле зрения русских языковедов, хотя в русской лингвистике глаголам светообозначения как лексико-семантическому классу уделялось достаточно много внимания.

Цель исследования – выявить временные формы глаголов-предикативов, в содержательной структуре которых имеются семы ‘свет’, ‘блеск’, ‘сияние’, и их продуктивность.

Эмпирическим материалом послужили высказывания, изъятые методом сплошной выборки из текстов русской художественной литературы, представленной произведениями Ф.М. Достоевского, Г.В. Иванова, А.А. Кабакова, М.М. Пришвина и К.М. Симонова, а также из Национального корпуса русского языка.

Основой построения высказываний, объективирующих световой признак как одно из средств описания языковой картины мира, являются структурные схемы «что светит чем» и «кто/что освещает что».

Обе схемы трехкомпонентные. Первая схема «что светит чем» продуктивнее, чем вторая: из общей выборки 420 высказываний с семой ‘свет’ она составляет 83,3% (350 примеров). Схема «кто/что освещает что» представлена 70 высказываниями (16,7% от общего числа нашей выборки). Частотность функционирования структурной схемы «что светит чем» объясняется ее значимостью в организации высказывания по той или иной семантике.

Структурообразующим компонентом схем являются глаголы светообозначения. Под глаголами светообозначения понимаются лексемы, в содержательной структуре которых имеются семы ’свет ’, ’блеск ’, ’сияние ’, например: *блестеть, блистать, брезжить, вспыхивать, гореть, загораться, зажигаться, заниматься, засвечивать, затепливать, золотить, искривляться, мелькать, меркнуть* и др.

Позицию субъектива схемы «что светит чем» занимают наименования неживых предметов: небесные тела и светила (*звезда, луна, месяц, солнце*), водные пространства, водоемы (*гладь, лужица, Нева, озеро, океан*), отходы производственной обработки, выделки, отбросы (*огарок*) и др.

В позиции субъектива схемы «кто/что освещает что» выступают лексемы конкретных лиц, номинанты номинального класса, характеризующего лицо по возрасту (*старуха*), родству (*родители*) национальной принадлежности (*немец*), а также наименования осветительных устройств (*лампочка*, *ночник, фонарь*), атмосфер земли, воздушных пространств, небесных свечений (*молния*).

Позиция объектива (чем) схемы «что светит чем» представлена словоформами различных предметов: детали постройки (*балкон, комната, стекло*), части растений (*корень кустов*), части тела человека (*лицо, плечо*) и др.

Позиция объектива «что» схемы «кто/что освещает что» репрезентирована словоформами различных предметов: части растений (*корень кустов*), осветительные устройства (*лампа, свет, фонарь*), части тела человека (*лицо, плечо*), части городов (*улица*), и др.

В процессе речевой реализации заявленные схемы подвергаются грамматическим и структурно-семантическим модификациям. В данной картотеке мы ограничимся выявлением грамматических модификаций (именно временных), поскольку изменением временных форм глагольного компонента схемы обеспечиваются лишь грамматические модификации.

Под грамматическими модификациями структурной схемы мы понимаем изменение грамматических показателей предикативности исходной модели, прежде всего значений модальности и времени. Г.А. Золотова грамматические модификации сопоставляет с осью, «повертывающейся разными гранями или разными наклонами в каждой из грамматических модификаций и несущей в себе постоянный состав компонентов» [4, с. 139, 203-205].

Рассмотрим темпоральную семантику структурообразующего компонента обеих схем.

1. Структурная схема «что светит чем».

Инвариант схемы, репрезентированный формой настоящего времени, малопродуктивен в функционировании: он встречается в 95 примерах (27,1% от общего количества высказываний). В определении семантики временной формы предикатива мы вслед за А.В. Бондарко учитываем признак актуальной/неактуальной, совпадения/несовпадения ориентации на момент речи.

Говоря о разграничении двух типов речи, по-разному влияющих на реализацию ряда грамматических значений времени, А.В. Бондарко использует понятия ситуативно актуализированной/неактуализированной речи, связанные с актуальностью/неактуальностью речевой ситуации и связанной с ней ситуативной информации для содержания высказывания [2, с. 116-125].

Ситуативно актуализированная речь характеризируется «непосредственной связью содержания высказывания с ситуацией речи», тогда как неактуализированная же речь отличается отсутствием «непосредственной связи между содержанием высказывания и речевой ситуацией, в частности, с позицией говорящего (пишущего) в момент речи» [3, с. 11].

Что же касается момента речи, то исследователь различает два вида момента речи: внеязыковой, элемент объективного времени и грамматический (языковой), представляющий собой «отражение реального момента речи в языке, скорее, элемент системы языка». «Он заключен в самой системе временных форм русского глагола, в дифференциальных семантических признаках данной системы» [1, с. 48-49].

Момент речи является демаркационной точкой, отделяющей прошедшее от будущего. Он обладает разграничительной функцией. Однако момент речи может быть центром большего или меньшего промежутка времени (настоящего времени), причем в этом случае разграничительная функция снимается [5, с. 32].

Одним из основных языковых средств, участвующих в объективации темпоральной семантики и формирующих «временной дейктический центр» [3, с. 9], наряду с лексическими и грамматико-контекстуальными средствами,

являются временные формы глагола. Временная семантика глагольной формы зависит от отношения действия, события, состояния, представленных глаголом в той или иной временной форме к ориентиру отсчета времени [7, с. 56]. За грамматическую точку отсчета времени принят «избираемый говорящим воображаемый момент восприятия событий и воспроизведения их в речи по отношению к самим событиям» [1, с. 49; 4, с. 175].

Форма настоящего времени в нашем исследовании объективирует конкретное время. Полное совпадение грамматического времени, момента речи и онтологического времени подчеркнуто высказываниями: *Да смотрите же на горы! Смотрите, как они* ***светлеют*** (Пришвин. Хибинские горы); *Пошли мы на кухню. Она так и* ***сияет*** (Иванов. Аврора).

Несинхронность момента речи онтологическому времени приводит к его неактуальности, абстрактности. Неактуальная семантика не участвует в «формировании предикативной оси предложения, не соотносится с закрепленной за формой точкой на временной оси» [6, с. 7]. В приводимых ниже примерах форма настоящего времени маркирует виртуальное, абстрактное время*:* ***Помню,*** *мне показалось, что на небе* ***сверкают*** *какие-то полосы, похожие на радугу* (Пришвин. Вопленица); ***Представляется*** *спящему,* ***будто*** *над дверцей шкафа медный крючок не висит, а топориком стоит и* ***блестит*** (Пришвин. За волшебным колобком). Неактуальное настоящее время конкретизируется лексемами *помню*, *представляется* и союзом *будто*.

Форма настоящего времени материализует также абстрактное время при наличии лексических единиц с семантикой повторяемости, итеративности типа *каждый день, зимой, опять, снова: С* ***каждым днем светлеют*** *все ночи, потому что я еду на север и потому что время идет* (Пришвин. Море); *Свет* ***загорается снова****, на часах десять* (Симонов. Русские люди).

Семантика заявленной формы функционирует в плане настоящего исторического. Это употребление особенно характерно при передаче воспоминаний, когда говорящий как бы видит происходившее перед глазами [8, с. 50]. Однако сфера употребления настоящего исторического не ограничена передачей воспоминаний, но и она стала одним из установившихся, привычных образцов, способов повествований (1, с. 145): *Он заметно постарел. Резкая складка легла у краев красивого рта, светлые ледяные глаза смотрят еще жестче, в редких волосах* ***блестит*** *ранняя седина* (Иванов. Аня Вырубова); *Точно отразилось в них навсегда то утро, когда она, 16-летней девчонкой, стояла на Двине у катка и глядела с завистью, как сталь коньков* ***сверкает*** *на льду* (Иванов. Московский форштадт).

Второстепенное значение формы настоящего времени предикатива репрезентировано его функционированием в значении будущего: *Ах да, скоро весна, облака* ***светятся*** (Пришвин. За волшебным колобком); *Через минуту робкий луч солнца уже* ***блестит*** *в лужах дороги, на полосах падающего, как сквозь сито, мелкого прямого дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы* [Л.Н. Толстой. Отрочество (1854)] [НКРЯ].

Функционируя в 68,7% 240 примеров, подвергшихся исследованию, форма прошедшего времени более частотна. При этом в функционировании превалирует актуальное прошедшее время, предшествующее моменту речи: *Затемненные улицы* ***посветлели****, можно было даже различать лица прохожих, если они проходили совсем близко и так же, как он, не торопились* (Симонов. Живые и мертвые); *Он сделал резкое движение и сразу сел на своём месте; глаза его странно* ***сверкнули*** [В.Г. Короленко. Мороз (1900-1901)] [НКРЯ]; *Свеча* ***догорела*** *до середины* (Симонов. Свеча): - *Она врачиха, скажешь нет? – Профосов смотрел снизу, и все прыщи* ***сияли*** *под солнцем* (Кабаков. Маршрутка).

Однако эта же форма может быть представлена ситуацией, отраженной только в памяти говорящего в связи с предшествующим его опытом, маркируя неактуальное время: ***Будто*** *заря* ***занималась, светились*** *золотые клены и березы вокруг синего озера* (Пришвин. Птичье кладбище); *Он* (Голядкин) *поднял глаза и увидел, что и на ресницах Клары Олсуфьевны, тут же стоявшей, тоже* ***как будто блеснула*** *слезинка* (Достоевский. Двойник); *Наконец Воланд заговорил, улыбнувшись, отчего его искристый глаз* ***как бы вспыхнул:*** [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 /гл. 19-22 (1929-1940)] [НКРЯ].

Неактуальное прошедшее время в нашей картотеке является результатом итеративности или неоднократности явления: *Потом* ***снова*** *свет ярко* ***горел*** *– кто его зажег – я или она?* (Иванов. Невеста из тумана); *На крайнем севере* ***горела елка*** *и стояло вечное Рождество* (Иванов. Распад атома).

Сочетание глагольной лексики в форме прошедшего времени с темпоральным компонентом типа *теперь* обозначает несоответствие грамматического времени и времени темпоральной лексемы: *Она опустилась пред ним на колена, тут же на улице, как исступленная; он отступил в испуге, а она ловила его руку, чтобы целовать ее, и точно так же, как и давеча в его сне, слезы* ***блистали теперь*** *на ее длинных ресницах* (Достоевский. Идиот). Семантика темпорального конкретизатора *все время* показывает синхронность текстового времени и лексического значения конкретизатора: *Из опроса слуг выяснилось, что он очень долго, должно быть, до утра, сидел наверху, в кабинете, – свет там* ***все время горел*** (Иванов. Третий Рим).

Форма будущего времени в материале нашей выборки непродуктивна в функционировании (4,2% – 15 высказываний). Семантика будущего времени зафиксировала в нашей выборке как конкретное, так и абстрактное время. Актуальное будущее время отмечено в следующих примерах: *Вода маленько* ***посветлеет****, пойдём с тобой перемёты ставить – милое дело* [В.М. Шукшин. Калина красная (1973)] [НКРЯ]; *Лампада горела. Женщина в черном платье стала рассказывать: в эту ночь светлый мальчик родится и звезда* ***загорится*** *и поведет к нему людей* (Пришвин. У стен града невидимого).

Абстрактное будущее время – результат представления его в сознании: *Растворится небо, раскроется,* ***будто загорится*** (Пришвин. За волшебным колобком).

Названная форма функционирует в плане настоящего исторического в сочетании глагольной формы с частицей *как,* создавая эмоциональную окрашенность высказывания*: А нам-то любо было смотреть на нее; и не увидишь, **как** свечка **нагорит**, не слышишь, как на дворе подчас и вьюга злится и метель метет* (Достоевский. Бедные люди).

Лексический показатель темпоральности *с каждым днем* характеризует ситуацию предикативной основы как повторяющуюся, многократную. При этом семантика лексической единицы влияет на темпоральный план свернутой пропозиции: *Ночи **будут светлеть с каждым днем**, и где-то далеко отсюда, за Полярным кругом, в Лапландии, настанут настоящие солнечные ночи* (Пришвин. Колобок).

Будущее отвлеченное также маркирует ситуацию, соотносимую с прошлым, имеющим место до момента речи*: – Ка! Ка! – кричим мы в последний раз и трогаем лошадей <…> Степное большое солнце везде светит ровно, не **мигнет**, не заблудится за деревьями!* (Пришвин. Черный араб); ***Вспыхнут** все лампы, и мы встанем как ни в чём не бывал*о [Василий Аксенов. Звездный билет / гл. 1-6 // «Юность», 1961][НКРЯ].

2.Структурная схема «кто/ что освещает что».

Инвариант схемы «кто/что освещает что» непродуктивен (10% – 7 примеров). Он соотнесен с актуальным временным планом*: В Большом театре на премьере они, протискиваясь между седьмым и восьмым рядами, машут приветливо ручкой кому-то в бельэтаже, в "Метрополе" они сидят за столиком у самого фонтана, и разноцветные лампочки **освещают** их штаны с раструбами* [М.А. Булгаков. Театральный роман / Главы 1-11 (1936-1937)] [НКРЯ]; *Солнце, ещё не скрытое облаками, ярко **освещает** ее мрачную фигуру и серые полосы, которые от неё идут до самого го*ризонта [Л.Н. Толстой. Отрочество (1854)] [НКРЯ].

Функционируя в плане настоящего неактуального, лексический конкретизатор с темпоральным значением в сочетании с глагольной лексемой маркирует ситуацию, не соотносимую с определенной точкой на временной оси: *В моей комнате, пред образом, **всегда зажигают** на ночь лампадку* (Достоевский. Идиот). Темпоральный конкретизатор *всегда* в приводимом примере указывает на повторяемость ситуации.

Актуальное прошедшее время (88,5% – 62 высказывания) реализовано структурной схемой «кто/что освещает что» в высказываниях, представляющих ситуацию свечения, имеющую место до момента речи: *Немцы дали еще несколько очередей и **осветили** берег позади Сабурова, там, где лежал мертвец* (Симонов. Дни и ночи); *Старый нотариус **зажег** свой дорожный фонарь и предложил де Грассенам проводить их, потому что их слуга еще не пришел за ними, не предвидя несвоевременного окончания вечера* (Достоевский. Идиот); *Тень меловой горы сюда не доставала, и весь берег **заливала** лу*на [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 / гл. 19-22 (1929-1940)] [НКРЯ].

Неактуальное прошедшее время в нашей выборке – результат повторяемости, неоднократности ситуации свечения*: Малышка **снова***

засветила *свой фонарик* (Симонов. Малышка); *Их даже* ***два раза освещали*** *фонарём, но принимали, как Травкин и предполагал, за своих* [Э.Г. Казакевич. Звезда (1946)]. Формальным показателем повторяемости ситуации в первом высказывании является лексическая единица *снова*, во втором – конструкция *два раза,* указывающая на определённую повторяемость ситуации по количеству.

Форма будущего времени в нашем материале непродуктивна (0,2% – 2 примера). В единичных примерах она представлена только актуальным значением: *Ну, так как сегодня день рождения Евгении, так* ***зажжем*** *другую свечку* (Достоевский. Бедные люди).

Резюме.

1. Структурная схема «что светит чем» более продуктивна по сравнению со структурной схемой «кто/что освещает что».

2. Непродуктивный инвариант схемы «что светит чем» представляет как актуальное, так и неактуальное время. Актуальное время реализуется при полном совпадении грамматического времени, момента речи и онтологического времени, тогда как неактуальное (абстрактное) же время осуществляется при а) несинхронности момента речи онтологическому времени; б) наличии лексических единиц с семантикой повторяемости, итеративности типа *каждый день, зимой, опять* и др.; в) функционировании инварианта в значении будущего времени.

3. Грамматическая форма прошедшего времени предикатива в анализируемых текстах более частотна. Она объективирует, как правило, актуальное время, предшествующее моменту речи, и неактуальное, представленное ситуацией, отражающей в памяти говорящего предшествующий опыт.

4. Непродуктивная в функционировании форма будущего времени представлена как актуальной, так и абстрактной семантикой. Абстрактное будущее является результатом представления ситуации в памяти автора высказывания или результатом сочетания глагольной лексики с лексическими единицами со значением повторяемости.

5. Структурная схема «кто/что освещает что» непродуктивна. Инвариант схемы в одних случая соотнесен с актуальным временным планом, в других – такой соотнесенности нет. Форма прошедшего времени маркирует как актуальное, так и неактуальное время. Форма будущего времени в нашем материале непродуктивна.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М.: Просвещение, 1971. 239 с.

2. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. 176 с.

3. Бондарко А.В. Темпоральность // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990. С. 5-58.

4.Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 350 с.

5. Иванова И.П. Вид и время в современном английском языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1971. 200 с.

6. Казарина В.И. К вопросу о темпоральной семантике модификатора должен // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2017. № 46. С. 5-21.

7. Казарина В.И. Простое предложение в аспекте структурно-семантического подхода. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2017. 182 с.

8. Frey J.R. The Historical Present in Narrative Literature, Particularly in Modern German Fiction. JEGPh, 1946. vol. 45. P. 43-67.

Источники

1. Достоевский Ф.М. Идиот: Роман. М.: Дрофа, 2003. 688 с.

2. Достоевский Ф.М. Полн. соб. соч. и писем: В 35 т. Бедные люди; повести и рассказы 1844-1846. СПб: Наука, 2013. Т.1. 816 с.

3. Иванов Г.В. Соб. соч.: В 3 т. Проза. М.: Согласие, 1993. Т. 2. 480 с.

4. Кабаков А.А. Маршрутка: Рассказы. М.: Аст: Астрель, 2010. 345 с.

5. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru [НКРЯ] (дата обращения: 25.010.2018).

6. Пришвин М.М.Произведения 1906-1914.Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 1. 830 с.

7. Симонов К.М. Дни и ночи: Повесть; Рассказы: (1943-1945); Пьесы (1940-1945). Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1980.Т. 2. 622 с.

8. Симонов К.М. Живые и мертвые: Роман: В 3 кн. Кн. 2. Солдатами не рождаются. Собр. соч.: В 10 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 5. 647 с.

УДК 801.8

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ И НЕВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ НЕПОЛНЫЕ ДВУСОСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОБДУМАННОГО ДЕЙСТВИЯ

ВОЛКОВА ЕЛЕНА ПЕТРОВНА

к. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков,
Московский государственный технологический университет «Станкин»,
Россия, г. Москва, helen8357@mail.ru

Статья посвящена описанию повествовательных восклицательных и невосклицательных неполных двусоставных конструкций, репрезентирующих семантику необдуманного действия. Данные синтаксические типы представлены простыми, сложносочинёнными и сложноподчинёнными предложениями. Исследуемая семантика передаётся посредством модальных глаголов в сочетании с инфинитивом, а также с помощью контекста.

Ключевые слова: необдуманное действие, модальные глаголы, повествовательные восклицательные и невосклицательные неполные двусоставные конструкции, простые, сложносочинённые и сложноподчинённые предложения, инфинитив.

Семантика необдуманности рассматривается нами как модальное значение, выражающее отношение к нецеленаправленному действию, нецелесообразному с точки зрения его полезности, логичности, а также действию, приводящему к нежелательным последствиям.

Основным средством, выражающим модальное значение необдуманности, являются модальные глаголы, которые в сочетании с инфинитивом представляют «модальность, включённую в форму предиката» [1, с. 67].

В рамках темы данной статьи мы проанализируем повествовательные восклицательные и невосклицательные неполные двусоставные конструкции с указанным значением.

1. Повествовательные восклицательные неполные двусоставные конструкции

Данная синтаксическая разновидность включает простые, осложнённые однородными сказуемыми и сложносочинённые предложения.

Приведём примеры: – *Обязательно позвоню, – пообещал он* [Игорь Веселовский] *так, что Родионов подумал про него равнодушно – вот папильон, а? Ещё, чего доброго,* ***ухаживать*** *за ней* [Машей Вепренцевой] ***вздумает****, заморочит ей голову, а мне потом забот не оберёшься! – Мы летом в основном в повторах выходим, а к осени ближе начинаются съёмочные сессии* (Т. Устинова).

В представленном контексте семантика необдуманности оформлена в конструкции с восклицательной интонацией, передающей чувство опасения.

Семантика опасения выражена лексически при помощи частицы *ещё*. Для этой частицы характерно сочетание с вводным компонентом *чего доброго* [7, с. 199-200], который репрезентирует оценку рассматриваемой ситуации: «употребляется для выражения опасения по поводу того, что может произойти какое-либо неприятное для говорящего событие» [4, с. 371].

Данное предложение сложносочинённое с сочинительными распределительными отношениями.

В этом примере представлено распределение двух лиц. Это значение актуализировано. Эмфаза выделения сосредоточена на лице – носителе признака [2, с. 138-139].

Контекстуальное неполное двусоставное предложение с пропущенным подлежащим находится в первой части этого предложения, вторая предикативная единица сообщает о возможных нежелательных последствиях для говорящего. Неполнота конструкции показывает её лаконичность. Лицо, которое может осуществить действие, определяется только по широкому контексту.

– Гм... подумаешь, – заговорил он [нэпман]*... или, вернее, не заговорил, а как-то заскрипел, – свинячили, свинячили четыре года, а теперь* ***вздумали***

чистоту наводить! *К чему, спрашивается, было всё это разрушать? И вы думаете, что я верю в то, что у них что-нибудь выйдет? Держи карман. Русский народ – хам. И всё им опять заплюёт!* (М. Булгаков.)

Значение необдуманности представлено в первом восклицательном предложении контекста, выражающем чувство удивления.

Это предложение контекстуальное неполное двусоставное с пропущенным подлежащим. Субъект действия определяется по широкому контексту. Данное предложение осложнено однородными сказуемыми, соединёнными при помощи интонации и сочинительного распределительного союза *а*. Этот союз связывает лексемы *свинячили* и *вздумали чистоту наводить*, передающие действия, приписываемые одному субъекту и не соответствующие друг другу. Субъект, совершая первое действие, обесценивает значимость второго.

В данном предложении распределительные отношения осложняются значением несоответствия [2, с. 148-152]. Это значение развивается на почве контраста двух действий, которые происходят, сменяя друг друга. Глагол *свинячили* имеет негативную коннотацию. Его интенсифицирующий повтор указывает на типичность ситуации. Выполнение действия, связанного с ликвидацией последствий предыдущего, становится необдуманным и бессмысленным, по мнению автора высказывания, который в последующих предложениях контекста разъясняет свою позицию, давая отрицательную характеристику всей нации и показывая нежелательный результат.

Междометие *гм* и вводное слово *подумаешь* употребляются для выражения недоверия [4, с. 88, 267]. Эти лексемы усиливают нецелесообразность описанной ситуации.

Надысь ко мне полицейский капрал какой-то наехал: «Я, мол, до вас, ваше благородие... (вишь, чем ***удивить вздумал!..*** *я и сам знаю, что рождён благо...) имею до вас дело»* (И. Тургенев).

Рассматриваемое нами значение оформлено в восклицательном предложении, передающем чувство удивления. Вводное слово *вишь* «употребляется для выражения иронии по поводу сообщаемого» [4, с. 55].

Субъект, названный в широком контексте, совершает действие, которое говорящий считает необдуманным и даёт объяснение своей точки зрения.

– Ах ты чёртов кум этакий! Провались ты и с своею каморой! Вишь, чем ***потчевать вздумал!*** (А. Толстой);

– Ну Таисия, ну шельма! ***Придумала*** *гнилой товар* ***с рук сбыть!*** *Поздно ты приехал, мы уже по рукам ударили!* (Д. Донцова);

– Что? что ты сказал? «Ори ещё больше»?.. ***грубиянить вздумал!*** *– закричал толстяк, весь побагровев* (Ф. Достоевский).

В двух первых примерах говорящий негативно отзывается о деятеле. В третьем – выражает удивление по поводу высказываний собеседника. Необдуманное действие субъекта, которое характеризовал автор высказывания, представлено в последующих предложениях контекстов. В них говорящий

передаёт при помощи интонации чувство негодования, а в последнем примере – посредством лексем *закричал* и *побагровев*.

2. Повествовательные невосклицательные неполные двусоставные конструкции

Данный тип представлен простыми и сложноподчинёнными предложениями.

– А что, братцы, – проговорил он [молодой арестант], *– ведь Газин-то сегодня догуляется до греха! ей-богу! Когда* ***гулять вздумал***. *Неравно осмиглазый приедет* (Ф. Достоевский).

В данном примере исследуемое нами значение описано в контекстуальном неполном двусоставном предложении с пропущенным подлежащим. Деятель известен и назван. Обстоятельство времени – «невопросительное» слово *когда* в значении «не вовремя» – указывает на то, что действие является для говорящего необдуманным только из-за несвоевременности.

Конструкции, выражающие чувство недовольства, предшествуют предложению со значением необдуманности. В них, а также в высказываниях, находящейся в постпозиции по отношению к предложению с семантикой необдуманности, переданы возможные печальные последствия действия.

Автор высказывания уверен в том, что его предсказания сбудутся. Об этом свидетельствует употребление междометия *ей-богу*. В Иллюстрированном толковом словаре современного русского языка представлено значение этого междометия: ‘Уверение в значении действительно, в самом деле’ [3, с. 167].

На следующий день, часу во втором, Инсаров явился к Стаховым. Как нарочно, в ту пору в гостиной Анны Васильевны сидела гостья, соседка протопопица, очень хорошая и почтенная женщина, но имевшая маленькую неприятность с полицией за то, что ***вздумала*** *в самый припёк жара* ***выкупаться*** *в пруду, близ дороги, по которой часто проезжало какое-то важное генеральское семейство* (И. Тургенев).

В представленном нами контексте второе предложение является сложноподчинённым с последовательным подчинением предикативных единиц. Главная часть связана с придаточной 1-й степени подчинения при помощи функционального союза *что*.

В главной части употребляется неконструктивное соотносительное усилительно-выделительное местоимение *за то* [6, с. 63]. Между придаточной частью 1-й степени подчинения и придаточной предикативной единицей 2-й степени подчинения устанавливаются атрибутивные отношения, части соединены с помощью союзного слова *которой*.

Рассматриваемое нами значение представлено в придаточной 1-й степени подчинения. В ней описана ситуация, негативные последствия которой показаны в главной предикативной единице. Необдуманным это действие считает говорящий, а выполняет его другое лицо, которое определяется по контексту.

Вводный компонент *как нарочно* «употребляется для указания на событие, действие, которое, случайно совпав по времени с другим событием, действием, настолько не соответствует, противоречит ему, затрудняет его реализацию, что кажется, будто это совпадение объясняется злым умыслом» [4, с. 161]. Он указывает на неуместность событий, описанных в двух предложениях контекста, которые происходили одновременно.

– *Дочь моего заклятого врага! Как ты* [Раиса] *дерзнула! Ещё* ***обниматься вздумала*** (И. Тургенев).

Необдуманность действия субъекта показана в последнем предложении контекста. Деятель определяется по первому предложению, в котором также дана его отрицательная характеристика и тем самым представлено объяснение того, почему говорящий считает действие субъекта неуместным.

Частица *ещё* употребляется для придания выразительности и оттенка неудовольствия по поводу соответствующего заявления [4, с. 118].

Купфер, вероятно, понял, что напрасно ***вздумал расшевелить*** *своего приятеля...* (И. Тургенев.)

Данное предложение сложноподчинённое с изъяснительной придаточной частью. Глагол, обозначающий мыслительную деятельность, является изъясняемым в главной предикативной единице. Вводное слово *вероятно* «употребляется для выражения того, что высказываемое утверждение основывается не на точном знании, а на предположении говорящего» [4, с. 52]. Употребление этого вводного компонента обусловлено спецификой глагола в главной части, который имеет семантику мысли, что тесно связано с выражением предположительного значения [5, с. 138].

При помощи союза *что* устанавливается факт сообщения о действии субъекта, который назван в главной части. Автор высказывания уверен в необдуманности действия этого субъекта, на это указывает обстоятельство образа действия, но сомневается в том, что деятель осознал свой поступок.

Таким образом, исследованные нами конструкции – контекстуальные неполные двусоставные предложения с пропущенным подлежащим. Деятель определяется по широкому контексту, им является определённое лицо или круг лиц. Иногда одному субъекту приписываются действия, взаимоисключающие друг друга. Так передаётся бессмысленность действия субъекта.

В данных конструкциях при помощи восклицательной интонации передаются чувства опасения, удивления. Частицы могут употребляться для усиления указанных значений.

Сложносочинённые предложения с сочинительными распределительными отношениями и простые предложения, осложнённые однородными сказуемыми, соединённые сочинительным распределительным союзом *а*, являются продуктивными. Распределительные отношения иногда осложняются значением несоответствия выполняемых действий.

В сложноподчинённых предложениях необдуманное действие оформлено в придаточной предикативной единице, а его негативные последствия – в главной.

Вводные слова с семантикой неуместности, предположения, опасения, недоверия присутствуют в данных примерах. Междометия свидетельствуют о полной уверенности автора высказывания в сообщаемом.

Нежелательные последствия или объяснения неуместности действия приводятся в контексте.

Список литературы

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53-87.

2. Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.

3. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Иллюстрированный толковый словарь современного русского языка. М.: Эксмо, 2007. 928 с.

4. ОСРЯ – Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; В.В. Морковкин, Н.М. Луцкая, Г.Ф. Богачёва и др. / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель: АСТ, 2002. 432 с.

5. Топтыгина Е.Н. К вопросу о функционировании модификаторов предположения в сложном предложении // Русское слово и высказывание: рациональное и эмоциональное. М.: МГОУ, 2006. С. 138-139.

6. Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. М.: КомКнига, 2007. 240 с.

7. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Азбуковник, 2003. 378 с.

УДК 811.161.2-367.5

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ТРАДИЦИОННОМ И НОВЕЙШЕМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

ГРОЗЯН НИНА ФЕДОРОВНА

к. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой украинской филологии,
Крымский инженерно-педагогический университет,
Россия, Республика Крым, г. Симферополь, n.f.grozyan@mail.ru

В статье представлен аналитический обзор теоретических концепций изучения членов предложения в традиционном и новейшем языкознании. Определены категории членов предложения как многоаспектного явления, выяснены их классификационные критерии. Концепции изучения минимальных синтаксических единиц объединены в четыре группы: логико-грамматическая, психолого-грамматическая, формально-грамматическая (традиционная) и функциональная. Обоснована действенность функционального подхода,

согласно которому минимальные синтаксические единицы анализируются на фоне формально-синтаксической, семантико-синтаксической и коммуникативной структур предложения. Сделан вывод, что целостное исследование минимальных синтаксических единиц основывается на их формальной, семантической и коммуникативной дифференциации, а поэтому создание трехмерной типологии членов предложения объективно мотивировано.

Ключевые слова: член предложения, синтаксема, коммуникатема, формально-синтаксический ярус, семантико-синтаксический ярус, коммуникативный ярус, логико-грамматическая концепция, психолого-грамматическая концепция, формально-грамматическая концепция, функциональная концепция.

Системный подход к описанию синтаксиса простого предложения предусматривает установление его модели как минимальной, но структурно и семантически достаточной единицы. Признание многоаспектности предложения актуализирует проблему его сегментации – деление на члены предложения (минимальные синтаксические единицы, компоненты предложения, синтаксемы т.д.). Синтаксическая традиция и новейшие научные концепции по-разному классифицируют члены предложения, что обусловлено неодинаковыми подходами к выяснению их специфики и статуса, определению принципов дифференциации. Перспективным направлением современного синтаксиса является комплексный анализ минимальных синтаксических единиц [8, с. 11].

На сегодняшний день в лингвистике выполнены весомые научные исследования, представляющие различные подходы к изучению членов предложения. Теоретическое осмысление формально-синтаксической структуры предложения представлено в трудах В.В. Бабайцевой [1], В.А. Белошапковой [2], И.Р. Выхованца [3, 4], Н.В. Гуйванюк [9], А.А. Загнитко [11], Н.Л. Иваницкой [13; 14; 15], Н.В. Мирченко [18], К.Ф. Шульжука [20] и др. Проблемы минимальной семантико-синтаксической единицы исследовали И.Р. Выхованец [4], Е.Г. Городенская [6], А.А. Загнитко [11], Г.А. Золотова [12], Е. В. Кульбабская [16] и др., коммуникативный аспект – Т.Ф. Дацко [10], М.А. Винтонив [5].

Несмотря на такую мощную научную потребность, «вопросы анализа членов предложения окончательно не решены, поскольку на каждом этапе научного познания появляются новые аспекты их описания» [7, с. 88]. Актуальность темы подчеркивает наличие различных, нередко противоположных, концепций и подходов, касающихся места анализируемых компонентов среди других синтаксических единиц, их типологии и формальной, семантической и коммуникативной дифференциации.

Цель статьи – сделать аналитический обзор представленных в языкознании концепций изучения членов предложения. Достижению поставленной цели будет способствовать реализация следующих задач: обобщить проблемы современного состояния теоретического изучения членов предложения; определить категорию членов предложения как многоаспектного явления; обосновать действенность функционального подхода, по которому минимальные синтаксические единицы проанализированы на фоне формально-

синтаксической, семантико-синтаксической и коммуникативной структур предложения.

Хронологически в истории классического синтаксиса выделяют три этапа, для которых характерны различные направления познания и описания синтаксических объектов: логический (XIX ст.), психологический (конец XIX – начало XX ст.) и формальный (XX ст.). В соответствии с этим, теоретическое изучение членов предложения сформировало три концепции: логико-грамматическую, психолого-грамматическую и формально-грамматическую, которые и теперь конкурируют друг с другом и являются основной причиной дискуссий о принадлежности слов к определенному члену предложения и критериях разграничения членов предложения вообще [14, с. 62].

Сторонники логико-грамматической концепции (Ф.И. Буслаев, Н.И. Греч, К.Ф. Беккер) отождествляли логику с грамматикой, поэтому за основу изучения грамматики они приняли законы формальной логики, что повлекло смешивание логических и грамматических категорий. На этом основании предложение истолковано как суждение, а его компоненты соотнесены с логическими категориями суждения (подлежащее – субъект, сказуемое – предикат).

Логическую концепцию сменила коммуникативно-психологическая, представители которой (Г. Пауль, А.А. Потебня) каждый член предложения, независимо от его грамматической формы, квалифицировали как психологический (психологическое подлежащее, психологическое сказуемое), а предложение – как сочетание в психике говорящего нескольких представлений. А.А. Потебня предложил новый подход к анализу главных и второстепенных членов предложения, большинство его квалификаций и сегодня актуальны. Определяющим признаком исследовательской позиции ученого является толкование сказуемого как наиболее самостоятельного члена предложения, который может обойтись без других членов предложения [19, с. 74].

Против отождествления языковых категорий с логическими и психологическими и недооценки формальной стороны языка выступили те лингвисты, которые на первый план поставили формальные особенности языка (Ф.Ф. Фортунатов и др.) [14, с. 62]. Формально-грамматическая концепция научно синтезировала предыдущие наработки и стала основой традиционного синтаксиса. В ней сегментирована синтаксическая модель предложения на члены предложения, которые составляют взаимосвязанную систему понятий, объективно отражающих его структуру [15, с. 70]. Несмотря на некоторые противоречия в традиционном учении о членах предложения, весомым его достижением считают деление компонентов на главные и второстепенные (главные и неглавные), в частности подробное описание главных членов предложения и высокая степень грамматической абстракции членов предложения, что обнаружено в заметном абстрагировании от коммуникативной и смысловой организации предложения (формальное деление компонентов на главные и второстепенные направлено не на предложение как речевую единицу с конкретным лексическим наполнением, а на предложение как абстрактную конструкцию) [3, с. 71].

Исследователи называют основные недостатки традиционной модели членов предложения:

1) неспособность в рамках действующей системы членов предложения охватить и классифицировать все речевые элементы предложения;

2) разные подходы, положенные в основу классификации признаков членов предложения (разновидности главных членов предложения дифференцируют преимущественно по формальным показателям; второстепенные члены предложения – на основе смыслового критерия, однако учитывая и формальные признаки);

3) отсутствие однозначных критериев различия членов предложения и невозможность, учитывая действующие критерии (формально-грамматические и семантические), разграничить члены предложения в конкретных высказываниях;

4) сочетание в толковании члена предложения семантических и формальных признаков и разграничение на основании этого конкретных членов предложения;

5) характеристика компонентов предложения безотносительно к выявлению признаков обязательности/необязательности в синтаксической структуре предложения;

6) отсутствие обработки специфики и сущности определительных, объектных и обстоятельственных отношений, положенных в основу определения классов второстепенных членов предложения;

7) нивелирование лексико-семантических характеристик слов как членов предложения, их парадигматических связей;

8) характеристика членов предложения без учета предсказуемости/ непредсказуемости формы нецентрального элемента и т.д. [3, с. 70-72; 11, с. 489; 13, с. 37].

Пересмотр традиционного учения о членах предложения, по мнению А.А. Загнитко, вызванный такими факторами:

1) неодинаковым уровнем связи членов предложения;

2) различными видами синтаксической связи в пределах предложения;

3) разной функцией слов в предложении (степень значимости в предложении);

4) асимметрией между формой синтаксической подчинительной наречной связи и типом семантико-синтаксического отношения;

5) наличием различных типов межкатегориальных переходов и трансформаций и рядом других причин. Не все мысли на сегодня являются убедительными, но ясно одно, что традиционное учение о членах предложения не способно объяснить все синтаксические явления, хотя оно и привлекает своими базовыми понятиями – типологией форм, формой синтаксической подчинительной связи, разновидностью семантико-синтаксических отношений и т.д. [11, с. 491].

Несмотря на ряд недостатков, традиционная формально-грамматическая концепция просуществовала более ста лет. И.Р. Выхованец видит

теоретическую значимость традиционного учения в начертании функциональной «дифференциации членов предложения, обусловленной семантикой опорного слова, синтаксической позицией в предложении, характером синтаксических связей и семантико-синтаксических отношений» и др. [3, с. 72], что и определило специфику современных подходов к выяснению сущности и типологии минимальных синтаксических единиц.

Функциональная концепция обусловила выделение двух рядов членов предложения – формально-синтаксических (собственно членов предложения) и семантико-синтаксических (синтаксем). Благодаря развитию теории актуального членения комплексная схема дифференциации членов предложения была дополнена и их коммуникативно-позиционными характеристиками. Н.Л. Иваницкая отмечает, что «практическое определение члена предложения основывается на основе комплекса семантических и формальных признаков с учетом коммуникативного назначения предложения и отдельных его частей», поэтому «объем понятия «член предложения» позволяет синтезировать все аспекты: логико-синтаксический, структурно-синтаксический и коммуникативно-синтаксический» [14, с. 78].

Как справедливо отмечает Т.П. Ломтев, уже само понимание языка как средства общения между людьми, обмена мнениями предусматривает различия по крайней мере трех фактов: того, что есть собственно средством общения (языковые знаки), того, что является предметом общения (содержание, то есть мысли, чувства, понятия, которыми обмениваются люди), и того, что является целью общения (взаимопонимание) [17, с. 126-128]. Учитывая это, основной задачей синтаксиса является разграничение членов структуры предложения (формальной и семантической) и единиц высказывания.

И.Р. Выхованец разработал типологию функциональных подходов к синтаксическим явлениям, четко разграничив формально-грамматический, семантико-синтаксический, собственно семантический и коммуникативный ярусы синтаксиса. Исследователь отмечает, что полный функциональный синтаксис соответствующего языка должен охватывать как семантический синтаксис, так коммуникативный и формальный [4].

На сегодняшний день основными аспектами предложения признаны формально-синтаксический, семантико-синтаксический и коммуникативный. Формально-синтаксический предусматривает дифференциацию членов предложения по типу синтаксической связи на главные и неглавные. Семантико-синтаксический отражает предметы и явления внеязыкового мира и их отношения, поэтому разделение синтаксем основывается на семантико-синтаксических отношениях. В коммуникативном аспекте сегментация на компоненты предложения мотивирована коммуникативной целью.

Основным критерием определения и разграничения членов предложения являются те отношения, в которые они вступают с другими компонентами, то есть корреляции между: собственно членами предложения (формально-синтаксический аспект), синтаксемами (семантико-синтаксический аспект),

коммуникатемами – компонентами, которые в основном квалифицированы как тема и рема (коммуникативный аспект).

Таким образом, в классической и новейшей лингвистике представлены четыре концепции изучения минимальных синтаксических единиц: логико-грамматическая, психолого-грамматическая, формально-грамматическая (традиционная) и функциональная. Функциональная концепция, согласно которой минимальные синтаксические единицы проанализированы на фоне формально-синтаксической, семантико-синтаксической и коммуникативной структур предложения, является наиболее обоснованной, поскольку целостное исследование минимальных синтаксических единиц должно базироваться на их формальной, семантической и коммуникативной дифференциации. Разработка концептуальных основ исследования членов предложения сделает возможным создание трехмерной модели сегментации предложения – с точки зрения структуры, семантики и прагматики, устранит противоречия сложившейся классификации членов предложения.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Система членов предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1988. 159 с.

2. Белошапкова В.А. Современный русский язык: Синтаксис. М.: Высш. шк., 1977. 248 с.

3. Вихованець І.Р. Граматика української мови. Синтаксис: підручник. К.: Либідь, 1993. 368 с.

4. Вихованець І.Р. Нариси з функціонального синтаксису української мови: Монографія. К.: Наук. думка, 1992. 222 с.

5. Вінтонів М.О. Актуальне членування речення і тексту: формальні та функційні вияви: Монографія. Донецьк: Донецький нац. ун-т, 2013. 327 с.

6. Городенська К.Г. Деривація синтаксичних одиниць: Монографія. К.: Наук. думка, 1991. 192 с.

7. Грозян Н.Ф. Основні концепції вивчення членів речення в класичній і новітній лінгвістиці: аналітичний огляд // Межкультурные коммуникации: тезисы докладов участников международной конференции. Симферополь, 2017. С. 88-89.

8. Грозян Н.Ф. Підходи до визначення терміна «член речення» у мовознавстві: аналітичний огляд // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия «Филология. История». 2017. № 1-2. С. 10-15.

9. Гуйванюк Н.В. Формально-семантичні співвідношення в системі синтаксичних одиниць: Монографія. Чернівці: Рута, 1999. 336 с.

10. Дацко Т.Ф. Коммуникативная структура простого предложения в английском и русском языках: Дис. … д-ра филол. наук. Краснодар, 2006. 337 с.

11. Загнітко А.П. Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис. Донецьк: ТОВ «ВКФ «БАО», 2011. 992 с.

12. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Наука, 1988. 440 с.

13. Іваницька Н.Л. Семантична структура двоскладного речення // Українська мова і література в школі. 1986. № 1. С. 36-41.

14. Іваницька Н.Л. Теоретичний синтаксис української мови. Частина перша. Вінниця: ВДПУ ім. М. Коцюбинського, 2002. 169 с.

15. Іваницька Н.Л. Член речення як синтаксична категорія // Наукові записки ВДПУ ім. М. Коцюбинського: зб. наук. праць. Серія: Філологія. 2000. Вип. 2. С. 70-74.

16. Кульбабська О.В. Вторинна предикація у простому реченні. Чернівці: Чернів. нац. ун-т, 2011. 672 с.

17. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. Избранные работы. М.: Наука, 1976. 381 с.

18. Мірченко М.В. Структура синтаксичних категорій: Монографія. Вид. 2-ге, переробл. Луцьк: Ред.-вид. відд. «Вежа» ВДУ ім. Лесі Українки, 2004. 393 с.

19. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.: Учпедгиз, 1958. Т. 1-2. 536 с.

20. Шульжук К.Ф. Синтаксис української мови: підручник. К.: Видавничий центр «Академія», 2004. 408 с.

УДК 81-133

О НЕКОТОРЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ КОННЕКТОРОВ: КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ АНАЛИЗА

ИНЬКОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА
д. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
Женевский университет; с.н.с. ИПИ ФИЦ ИУ РАН,
Швейцария, г. Женева; Россия, г. Москва, Olga.Inkova@unige.ch

В статье рассмотрены синтаксические свойства коннекторов и приводятся и комментируются статистические данные, полученные в надкорпусной базе (НБД) коннекторов для сочинительных и подчинительных союзов и т.н. «текстовых скреп». Эти данные, с одной стороны, подтверждают тенденции употребления, упоминаемые для этих коннекторов в исследованиях, а с другой – позволяют констатировать неоднородность синтаксических свойств коннекторов внутри этих трех морфологических классов. Намечены перспективы дальнейшего исследования, в частности, возможная взаимозависимость синтаксической природы фрагмента текста, вводимого коннектором, и логико-семантического отношения, которое он выражает.

Ключевые слова: семантика, лингвистика текста, корпусная лингвистика, надкорпусные базы данных, коннекторы, русский язык, статистические данные.

Языковые единицы, входящие в функциональный класс коннекторов, имеют, как известно, разную морфологическую природу. Это и союзы, подчинительные и сочинительные, и так называемые «аналоги союзов»

(различные наречия, вводно-модальные слова и сочетания и др.), и некоторые предлоги [1]. Термин «коннектор» был введен как раз для того, чтобы избежать необходимость приписывать к определенному морфологическому классу разнообразные языковые единицы, способные выполнять функцию выражения логико-семантических отношений между фрагментами текста, тем более, что список таких единиц все время пополняется. Вполне понятно, что синтаксические свойства коннекторов также различны, причем эти различия наблюдаются не только у коннекторов, относящимся к разным морфологическим и семантическим классам, но и у коннекторов внутри одного класса. Ср., например, различную возможность вводить деепричастный оборот для коннекторов контактного предшествования; подробнее см. [3]:

(1) Мы выбежали из-за утеса, *едва* отдышавшись после перехода над пропастью [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)][1].

(1а) Мы выбежали из-за утеса, **как только* отдышавшись после перехода над пропастью.

Известно также, что некоторые коннекторы чаще связывают части сложного предложения, а для других более характерно связывать самостоятельные предложения. К последним относится, например, *вместе с тем* (2):

(2) Долгое время информация о поездах и график их прохождения передавались по телетайпу в вычислительный центр дежурными по станции. *Вместе с тем* по всей длине железнодорожной магистрали размещались реле, контролирующие и реагирующие на состояние рельсовой цепи. [Владислав Кулаков. Из конца в конец // «Computerworld», 2004].

За такими коннекторами закрепился термин «текстовая скрепа»: «слово или фразеологизм, находящийся, как правило, в начале высказывания, создающий связь высказываний и обозначающий определенный тип отношений» [5, с. 135]. При этом скрепы противопоставляются по своим синтаксическим свойствам союзам, и утверждается, например, что «трудно предположить, чтобы при самом широком понимании сочинения предложений мы нашли бы такой пример, где первая П<редикативная>Е<диница> находилась бы в одном абзаце, а вторая – в другом» [4, с. 93]. Ср., однако (3), где предложение, вводимое *но*, не только находится в другом абзаце, но и отделено от предшествующего текста пробелом (мы приводим лишь часть левого контекста коннектора *но*, включающего несколько абзацев):

(3) Кто, кроме меня, в этой аудитории может знать все модификации сурьмы? <...>

Впрочем, если обобщить вышесказанное, все равно не понятно, почему я сижу именно в этой аудитории, а не в другой… Мда. (Счастливая натура, хихикает Олежка, только уж больно беспокойная. И хвастунья притом, аж уши вянут. Погоди, тебя тут приструнят. В МГУ все гении, не ты одна.)

Но я отвлеклась. Олежка меня опять отвлек, и я быстро забыла про темно-русого, который тогда пошел отвечать первым, хотя его никто и не вызывал.

На наш взгляд, синтаксическая дихотомия сочинение – подчинение, уже показавшая свою недостаточность для анализа структуры сложного предложения (ср. основополагающую статью [12]), для анализа текста вообще лишена смысла, поскольку, с одной стороны, в состав связующих средств

[1] Примеры для исследования заимствованы из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), <http://www.ruscorpora.ru>.

входят единицы, которые нельзя описать с этой позиции, а с другой – она мало что говорит о смысловой организации текста и функциональных особенностях коннекторов.

С другой стороны, термин «текстовая скрепа» определен нечетко, поскольку за текстовыми скрепами закрепляется возможность употребляться и в рамках одного высказывания «без текстовой функции» [5, с. 138]; см. также [4]. Поэтому в их число попадают как языковые единицы, которые, действительно, употребляются только для связи высказываний (*итак, так*), так и те, которые могут иметь оба употребления (*наоборот, иначе говоря, впрочем*). Кроме того, в состав «текстовых скреп» в [4] включаются такие языковые единицы, за которым трудно признать функцию выражения некоторого логико-семантического отношения между фрагментами текста: ср. *последний вопрос, интересное обстоятельство, вот и все, так и есть, как видим, показательно, что* и др.

В работах Е.В. Урысон (в частности, [7], [8]) для анализа синтаксических свойств связующих средств используются термины «жесткий» и «мягкий» союз. В этих работах союз снова противопоставляется другим связующим средствам, на этот раз, коннектору на том основании, что «<г>лавное свойство коннектора состоит в том, что он может связывать не только высказывания, но и т.н. ‘‘сверхфразовые единства’’» [7]. Это свойство, как хорошо известно характеризует, однако, и союзы; ср. (2) с *но* и (4) с *или*:

(4) Во время одной из их встреч в канцелярии двойник, фамильярно щёлкнув Голядкина, «с самой ядовитой и далеко намекающей улыбкой проговорил ему: «Шалишь, братец, Яков Петрович, шалишь! хитрить мы будем с тобой, Яков Петрович, хитрить» (I, 289). *Или* несколько далее, перед объяснением их с глазу на глаз в кофейной: «Дескать, так и так, Душка, – проговорил господин Голядкин-младший, слезая с дрожек и бесстыдно потрепав героя нашего по плечу, – дружище ты этакой; для тебя, Яков Петрович, я готов переулочком (как справедливо в оно время вы, Яков Петрович, заметить изволили) [М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)]

Союзы, способные связывать не только предложения или высказывания, но и даже целые группы высказываний, называются Е.В. Урысон «мягкими». «Жесткие» союзы могут связывать только два предложения в составе сложного. Они, согласно Урысон, не должны включаться в класс коннекторов. К мягким, в классификации Е.В. Урысон, относятся союзы *и, а, но*, к жестким – *а также*. Это, в целом, не вызывает сомнения. Однако утверждение о том, что «все те союзы, которые состоят из двух дистантных элементов», являются жесткими представляется преувеличенным. Если это справедливо для *чем... тем* или *если... то*, то для союза *то... то*, также приводящегося в качестве примера жесткого сочинительного союза [6, с. 318], это неверно. Ср. пример из «Детства» Л. Толстого, который упоминал еще И.А. Фигуровский [9, с. 96]:

(5) *То* твердил он несколько раз сряду: «Господи, помилуй», но каждый раз с новой силой и выражением; *то* говорил он: «Прости мя, Господи, научи мя, что творить... научи мя, что творити, Господи!» – с таким выражением, как будто ожидал сейчас же ответа на свои слова; *то* слышны были одни жалобные рыдания... [Л.Н. Толстой. Детство (1852)].

Повторяющийся союз *то... то... то* употребляется здесь в составе периода, части которого в двух случаях из трех уже являются сложными предложениями. Разделяющие их точки с запятой могут быть заменены на точки, не нарушив связности текста[2].

Как бы то ни было, синтаксические свойства эта оппозиция между «(текстовыми) скрепами», мягкими и жесткими союзами до сегодняшнего дня не получила количественного обоснования. Как правило, для того или иного связующего средства говорится о возможности того или иного употребления, о его «преимущественном» употреблении (ср., например, [10, с. 153]). А Е.В. Урысон отмечает, что, несмотря на существование мягких и жестких союзов, «возможно, что для мягких и даже максимально мягких союзов самой обычной является позиция внутри сложносочиненного предложения, а не позиция между отдельными высказываниями или группами таких высказываний» [7]. Вопрос о квантификации возможности у связующей единицы вводить фрагмент текста определенной синтаксической структуры приобретает, таким образом, теоретическое значение.

Благодаря Надкорпусной базе данных коннекторов (НБД), разработанной в ИПИ ФИЦ ИУ РАН (подробнее см. [11]), мы имеем возможность получить статистику по этому синтаксическому параметру. Это позволяет описывать свойства коннекторов, руководствуясь не только языковой интуицией, но и используя верифицируемые количественные данные. НБД функционирует на основе параллельных (французского и итальянского) подкорпусов НКРЯ. Общий объем текстов (оригиналов и их переводов) составляет около 9 млн. словоупотреблений. В НБД сформирован представительный массив аннотаций, часть из которых (более 7500) представлена на сайте http://a179.frccsc.ru/RSCF10004/main.aspx.

Информация о функциональных свойствах коннекторов хранится в НБД в виде двуязычных аннотаций, представляющих собой двухместные кортежи вида: фрагмент текста на языке оригинала, содержащий коннектор (столбец 1 на рис. 1), и соответствующий ему фрагмент текста перевода (столбец 3), содержащий его функциональный эквивалент (ФЭФ). Во втором и четвертом столбцах – признаки, характеризующие контекст употребления коннектора и его ФЭФ. Эти признаки объединены в пять кластеров: Отношения, Структура, Позиция, Порядок и Статус.

[2] Возможность поставить между фрагментами текста точку используется Е.В. Урысон для демонстрации различия синтаксических свойств у жестких и мягких союзов На обратную возможность, т.е. возможность заменить точку, стоящую между законченными предложениями, соединенными сочинительными союзами, на точку с запятой, указывал И.А. Фигуровский [9, с. 98].

Контекст коннектора	Коннектор и его признаки	Контекст ФЭФ	ФЭФ и его признаки
Если в этот срок решение Совета Федерации не будет принято, обвинение против Президента считается отклоненным.	**если** <условные> <с предикацией> <начальная> <CNT q p> <CNT >	**Si**, dans ce délai, il n'est pas adopté de décision par le Conseil de la Fédération, l'accusation contre le Président est considérée comme rejetée.	**si** <условные> <с предикацией> <начальная> <CNT q p> <CNT>

Рис. 1. Пример аннотации коннектора и контекста его употребления

В приведенном на рис. 1 примере коннектор *если* переведен на французский язык коннектором *si*. Оба они выражают условные отношения (<условные>), вводят фрагмент текста с предикацией (<с предикацией>), занимая в нем начальную позицию (<начальная>). Оба коннектора вводят препозитивное придаточное (<CNTqp>). Метка <CNT> обозначает, что исследуемая языковая единица в данном контексте употреблена в функции коннектора; эта метка важна для аннотирования употреблений полифункциональных единиц, которые могут выполнять в структуре высказывания другие функции (ср., например, два различных употребления *особенно*: *Мне **особенно** понравился пирог. – Сегодня все ходят уткнувшись в телефон, **особенно** молодежь*)

По каждому из пяти перечисленных кластеров признаков в НБД можно получить статистические данные. В данной работе нас будет интересовать кластер «Структура». Он включает следующие признаки, позволяющие с высокой степенью детализации размечать контексты употребления коннекторов:

- маркирует самостоятельное вопросительное предложение;
- маркирует самостоятельное восклицательное предложение;
- маркирует самостоятельное повествовательное предложение;
- маркирует часть предложения с предикацией;
- маркирует сложное предложение (в составе сложного предложения);
- маркирует сверхфразовое единство;
- маркирует вставочное предложение;
- маркирует часть предложения без предикации с глагольной формой;
- маркирует часть предложения без предикации с неглагольной формой.

Полученные в НБД на основе представительного массива аннотаций статистические данные подтверждают для сочинительных союзов возможность выступать в функции текстовой скрепы (или мягкого союза), т.е. вводить самостоятельное высказывание, но доля такого употребления у трех проанализированных нами союзов – *а, но, или* – различна. Наиболее высока она у *но*: 34% (237 случаев из 820), для *а* она составляет 16,6% (70 случаев из 421).

Самая низкая она у *или*: 2,25% (6 случаев из 255), и на этом основании он должен считаться скорее жестким союзом (в терминологии Е.В. Урысон).

Статистика о функционировании трех сочинительных союзов в рамках сложного предложения приведена в табл. 1[3].

Союз	Сложное предложение	С предикацией	Б/предикации (глагол)	Б/предикации (не-глагол)	Вставка
а	14%	**84,3%**	0,85%	0,3%	0,5%
но	**28%**	57,6%	1,3%	13%	0%
или	0,4%	24,1%	2%	**70,1%**	2,4%

Табл. 1. Употребление союзов *а, но, или* в рамках сложного предложения

Три союза существенно различаются по своим синтаксическим свойствам. Если у *а* и *или* есть явно выраженная доминирующая синтаксическая структура (для *а* фрагмент текста с предикацией, а для *или*, наоборот, неглагольная непредикативная единица), то у *но*, хотя и доминируют предикативные структуры, но на них приходится чуть более половины его употреблений. Обращает на себя внимание его употребление в такой синтаксической конфигурации, когда коннектор вводит часть сложного предложения, но которая уже сама является сложным предложением (и может быть отделена от первой части запятой или точкой с запятой). По этой позиции *но* лидирует (28% против 14% для *а* и 0,4% для *или*):

(6) Как мы уже сказали, окончательный образ Алексея Ивановича довольно существенно отличается от этого замысла, *но* намеченная в замысле амбивалентность не только остаётся, но и резко усиливается, а недоконченность становится последовательною незавершимостью; <...> [М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)].

При рассмотрении синтаксических свойств союзов об этой конфигурации, как правило, не упоминается (приводятся примеры на сложное предложение, части которого являются простыми), но именно здесь хорошо видно, что логико-семантические отношения, устанавливаемые коннектором внутри высказывания и между высказываниями, не должны радикально противопоставляться и что чисто синтаксический аспект при анализе структуры текста уходит на второй план. Заметим также, что в переводах фрагменты текста, соединяемые коннектором в таких синтаксических конфигурациях, часто оформляются как самостоятельные высказывания.

Интересно, что *то есть*, который по синтаксическим свойствам часто приравнивается к сочинительным союзам, имеет схожие показатели с некоторыми из них: как *а* он вводит самостоятельное высказывание в 16% (98 из 579 случаев), но наиболее характерная для вводимого им фрагмента синтаксическая структура (почти 50% случаев) – непредикативная, как в (7), что сближает его с *или*; подробнее о синтаксических свойствах *то есть* см. [2].

(7) При понижении объектности стремятся к слиянию голосов, *то есть* к слову первого типа [М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)].

[3] Суммы чисел в строках таблиц могут не равняться 100, что связано с округлением до десятой процента.

Статистика для прототипических подчинительных союзов разных семантических классов приведена в табл. 2.

Союз	Самостоят. выск-ние	Сложн. пред-ние	С предик.	Б/предик. (глагол)	Б/предик. (не-глагол)	Вставка
потому что	0%	4,1%	**95,9%**	0%	0%	0%
если	1,5%	3,8%	**85,8%**	0%	0%	7,7%
хотя	**15,9%**	6,1%	64,2%	0%	2,4%	6,4%
как	1,1%	0%	19,1%	0%	**57,1%**	**22,5%**

Табл. 2. Синтаксические свойства некоторых подчинительных союзов

Легко заметить, что если *потому что* и *если* имеют схожие условия употребления с явным предпочтением к предикативным структурам, то *хотя* менее требователен к синтаксической структуре фрагментов текста и способен соединять независимые предложения, имея такую же долю этих употреблений, как *а*. Союз *как* тоже характеризуется своеобразными синтаксическими требованиями, вводя почти в 60% неглагольные непредикативные синтаксические группы (ср. схожие показатели у *или*) и употребляясь во вставках в 22,5% зафиксированных в НБД случаев.

Наконец, приведем статистику по некоторым т.н. «текстовым скрепам» (табл. 3).

Союз	Самостоят. выск-ние	Сложн. пред-ние	С предик.	Б/предик. (глагол)	Б/предик. (не-глагол)	Вставка
кроме того	**86,7%**	3,3%	10%	0%	0%	0%
впрочем	**75,5%**	1,3%	9,5%	2,9%	7,5%	2,9%
однако	**73,6%**	2,4%	**19,6%**	1,2%	1,2%	1,8%
например	61,6%	3,6%	4,1%	0,4%	12,3%	**17,8%**

Табл. 3. Синтаксические свойства некоторых «текстовых скреп»

Как и в случае союзов, «текстовые скрепы» характеризуются разнородностью своих синтаксических свойств. Если употребление в самостоятельном высказывании является для них доминирующим, тем не менее обращает на себя внимание высокая доля употреблений в сложном предложении у *однако* (почти 20%) и во вставочных конструкциях для *например* (почти 18%; ср. 22% у *как*), а кроме того, возможность для трех из четырех скреп вводить непредикативные структуры (такая возможность появляется у *кроме того* в сочетании с союзом *и*), что, в принципе, мало совместимо с «текстовой функцией». Особенно высок этот показатель у *например*. Ср. (8) и (9) с непредикативными структурами для *например* и *впрочем* и (10) и (11) со вставочными конструкциями для *например* и *как*.

(8) Писец оглядел его, *впрочем* без всякого любопытства [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

(9) Он был убежден положительно, что во многом тогда ошибался, *например* в сроках и времени некоторых происшествий. [Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)].

(10) Там, где изображение всецело установлено на идеологический вывод, перед нами идейный философский роман (*например*, « Кандид» Вольтера) или же – в худшем случае – просто грубо тенденциозный роман. [М.М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского (1963)].
(11) Майор, *как* видно из этого, решился на сей раз немного поподличать [Н.В. Гоголь. Нос (1836)].

Приведенные статистические данные будут еще уточняться по мере пополнения НБД и охватывать все более широкий круг языковых единиц, но уже сейчас они позволяют сделать некоторые выводы. Во-первых, они подтверждают отмечаемую для некоторых коннекторов тенденцию употребляться для введения самостоятельного высказывания, но речь идет лишь о тенденции, и здесь возникает вопрос о «пороге», при котором тот или иной коннектор может быть отнесен к «текстовым», и том наборе синтаксических и семантических характеристик, который позволяет это сделать. По-видимому, здесь, как и при анализе других языковых явлений, следует говорить о центре и о периферии. Во-вторых, статистика показывает неоднородность синтаксических свойств коннекторов трех типов (сочинительных и подчинительных союзов и «текстовых скреп»), что ставит под вопрос объяснительную силу этого разделения связующих средств для анализа организации текста.

Что касается перспективы дальнейшего исследования синтаксических свойств коннекторов, то особого анализа требует возможная взаимозависимость синтаксической природы фрагмента текста, вводимого коннектором, и логико-семантического отношения, которое он выражает. Так, вполне очевидно, что коммуникативная функция однородных непредикативных членов, связанных союзом *или*, и непредикативных групп, вводимых *например*, будет различна; ср. в этом отношении (10), где присутствуют оба коннектора. Но важно, тем не менее, понять, между какого рода синтаксическими фрагментами текста может быть в принципе установлено то или иное логико-семантическое отношение. И, напротив, вряд ли отношение, выражаемое или союзом *но* в рамках сложного предложения, принципиально отличается по своей семантике от отношения, устанавливаемого им между двумя высказываниями.

Такого рода анализ позволит, в частности, на современном уровне лингвистического знания ответить на вопрос, поставленный в свое время И.А. Фигуровским: насколько близки отношения между законченными предложениями и отношениями в рамках сложного предложения.

Список литературы

1. Инькова-Манзотти О.Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках. Сопоставительное исследование. М.: Информэлектро, 2001. 429 с.

2. Инькова О.Ю., Гурьев А.С. К вопросу о категории пояснения в русской грамматике // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1. С. 46-73.

3. Кобозева И.М. Коннекторы контактного предшествования в русском и французском языках в зеркале надкорпусной базы данных // Съпоставителное зикознание. 2017. № 4. С. 48-62.

4. Прияткина А.Ф. Текстовые «СКРЕПЫ» и «СКРЕПЫ-ФРАЗЫ» (О расширении категории служебных единиц русского языка) // Предложение. Текст. Речевоефункционированиеязыковыхединиц. Елец: ЕГУ, 2002. С. 90-100.

5. Прияткина А.Ф., Стародумова Е.А. Текстовые скрепы в «Словаре служебных слов» // Сибирский филологический журнал. 2015. № 2. С. 134-141.

6. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. 336 с.

7. Урысон Е.В. Союзы, коннекторы и теория валентностей // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 627-638.

8. Урысон Е.В. Синтаксис союзов и коннекторов и теория валентностей // Вопросы языкознания». 2013. № 3. С. 3-24.

9. Фигуровский И.А. Избранные труды / Г.Д. Фигуровская (отв. ред.). Елец: ЕГУ, 2004. 482 с.

10. Черемисина М.И., Колосова Т.Ф. Очерки по теории сложного предложения. М.: Либроком, 2010. 226 с.

11. Inkova O., Popkova N. Statistical data as information source for linguistic analysis of Russian connectors // Informatics and applications. 2017. Vol. 11. No. 3. Pp. 123-131.

12. Lehmann Ch. Towards a typology of clause linkage // Clause combining in grammar and discourse / J. Haiman, S.A. Thompson (eds), Amsterdam&Philadelphia, John Benjamins. Pp. 181-225.

УДК 81.367.7

ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ ПОЛЯ МОДАЛЬНОСТИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)

КИРЕЕВА ЕЛЕНА ЗАКИРОВНА
к. филол. наук, доцент, доцент кафедры документоведения
и стилистики русского языка,
Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого, Россия, г. Тула, L89107032507@yandex.ru

В статье систематизируются средства выражения модальных микрополей, организующих поле модальности текста официального документа. Предпосылкой исследования послужила идея, что текст документа представляет собой взаимоувязанный комплекс модальных значений, употребление которых обусловлено интенциями субъекта документной речи с учетом их характеристик официально-делового стиля, варьирующихся в

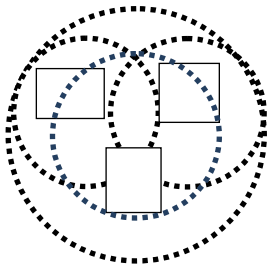
зависимости от жанровой принадлежности текста. В результате исследования выявляются комплексы средств выражения модальных микрополей.
Ключевые слова: модальность, поле, текст, официальный документ.

Юридический язык представляет собой условную систему по отношению к естественному языку, поскольку право – это рационально-искусственное образование [2, URL]. Тексты интерпретируются «через призму закона» [там же] и только потом – через общеязыковые значения. Выражение категории модальности на столь специфическом материале имеет особенности. Источниками языкового материала исследования послужили тексты официальных документов, которые образуют систему подзаконных нормативных правовых актов, принимаемых органами государственной власти и местного самоуправления в Тульской области [6].

Основаниями для выделения семантических типов модальности текста стали три основные функции языка как средства познания и общения: дескриптивная (описательная), инструментальная и оценочная. В тексте эти функции реализуются в семантических типах модальности: эпистемическом и деонтическом (термин выбран с учетом материала исследования) – и их обязательном оценочном компоненте. В рамках функционально-семантического подхода эти типы стали семантической основой эпистемического, деонтического и оценочного микрополей. Непрерывность взаимодействия микрополей модальности текста проявляется через их частичное наложение и образование зоны постепенных переходов (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Функционально-семантическое поле категории модальности на уровне ее текстовой репрезентации (модель представления).

1 – деонтическое микрополе;
2 – эпистемическое микрополе;
3 – оценочное микрополе

План содержания поля модальности находит реализацию в системе языковых средств – конституентов поля. Принимая в расчет преемственность семантического и формального содержания категории на разных уровнях языковой системы (высказывания и текста), на основании учета связи модальности с другими функционально-семантическими и грамматическими категориями мы определили комплексы средств выражения модальных микрополей.

При определении ядра и периферии мы исходили из данных словаря [7, с. 550-551], применяли разработки калининградских ученых [1; 5; 8] и учитывали:

– интенсивность признаков модальных значений, емкость их модальной семантики; частотность средств выражения, регулярность их употребления;

– специализированность средств выражения модальных значений;

– представленность единицы в сильной позиции текста. Так, к сильным позициям текста постановления (как жанра) мы относим его преамбулу, жанрообразующий перформатив, постановляющую часть;

– текстовую значимость единиц. Она определяется на основании экстралингвистических факторов, к которым относятся правовые последствия использования единиц в юридически значимых формулах. Например, перформативы и их актанты в текстах жанров волеизъявления определяют обязательный или рекомендательный характер правовой нормы.

План выражения поля модальности формируют, кроме собственно модальных репрезентантов, средства выражения грамматических категорий наклонения, залога и вида, функционально-семантических категорий персональности и темпоральности, экспликаторы эвиденциальных и оценочных значений. Указанные категории на уровне их функционирования связаны с модальностью по двум критериям: а) по критерию, определяющему соотнесенность значения языковой категории с основными модальными отношениями: *отношение субъекта документной речи к содержанию сообщения* и *отношение содержания сообщения к действительности*; б) по критерию *отношение к субъекту документной речи.*

Деонтическое микрополе модальности имеет следующую структуру:

а) **ядро** образуют узуальные директивные перформативы (в тексте документа – *приказывать, предписывать, предлагать, требовать, запрещать, разрешать, рекомендовать, просить, обязывать;* в тексте формы документа – *предлагать, просить, ходатайствовать*) и «неканонические» перформативы (в тексте документа – *постановлять, решать*), ср.: *... правительство Тульской области постановляет:*

... е) на сурка (серого), рысь, выдру, норку (европейскую), хоря (степного), горностая, ласку и рябчика охоту запретить (О введении на территории Тульской области ограничений и запретов на использование охотничьих ресурсов…). Перформативы могут выражаться формами страдательного залога (*запрещается (запрещено), воспрещается, (не) разрешается, (не) разрешено, (не) допускается, предоставляется право*). К ядру микрополя относим также форму «настоящего предписания» (*выполняет* ‘должен выполнять’), ср. фрагмент текста рубрики «Права и обязанности членов Комиссии»: *4.3. Председатель Комиссии:*

1) организует ‘должен организовывать’ *работу Комиссии;*

2) созывает и ведет ‘должен созывать и вести’ *заседания Комиссии…* (О Положении о комиссии по контролю за соблюдением законодательства…).

Вид речевого акта и степень категоричности «неканонических» (термин Ю.Д. Апресяна) перформативов определяют их актанты: глаголы речи, способные к перформативному употреблению (*требовать, разрешить, запретить, возложить ответственность, обязать, поручить, предложить,*

рекомендовать, просить, предупредить). Актанты могут быть выражены глаголами со значением одобрения, утверждения, называния и назначения, передачи, отчуждения, отмены, отказа (*принять к сведению, согласиться, одобрить, утвердить, назначить, упразднить, освободить от должности, исключить, признать утратившим силу*), ср.: *Тульская областная Дума постановляет:*

1. Упразднить с 1 апреля 2009 года комиссии Тульской областной Думы:

– по аграрным вопросам;

2. В связи с упразднением комиссий Тульской областной Думы с 1 апреля 2009 года освободить от должности: ... (Об упразднении отдельных комиссий Тульской областной Думы). С перформативами синтагматически сочетаются другие средства выражения категории персональности (личные местоимения 1-го лица, лексические средства как результат транспозиции).

Языковой материал иллюстрирует, что непосредственные экспликаторы модальности (*должен, обязан*), в узусе организующие ядро микрополя, употребляются в ограниченном перечне жанров, в которых регламентируются права и обязанности (функции) участников правовой коммуникации. На основании критерия частотности они могут быть отнесены к ядру микрополя условно. Однако по другим критериям: непосредственное выражение модальных значений, емкость модальной семантики, системообразующая роль в правовом дискурсе – мы относим средства выражения деонтической необходимости (в ее частном значении долженствования) и деонтической возможности (обусловленной юридическими нормами) к ядру деонтического микрополя. Значение деонтической возможности репрезентируется глаголом *мочь,* глагольно-именными образованиями *иметь право, иметь возможность,* предикативными наречиями *возможно, можно*, *нельзя.* Значение деонтической необходимости выражается посредством сочетаний кратких прилагательных *должен, обязан, нужен, необходим, призван* с зависимым инфинитивом, ср.: *Муниципальный служащий, сознавая свою ответственность перед государством, обществом и гражданами, призван:*

– исполнять должностные (служебные) обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне... (Об утверждении общих принципов служебного поведения муниципальных служащих…). Репрезентантами значения деонтической необходимости являются также конструкции с предикативными наречиями *нужно, надо, необходимо*; безличными глаголами *следует, надлежит, полагается*;

– в околоядерную зону включаются комиссивные перформативы, поскольку побуждение в них автореферентно. В тексте документа это глагол *гарантировать;* в тексте формы документа – *гарантировать, обещать, обязываться,* глагольно-именное образование *давать согласие,* краткое прилагательное *согласен*, ср.: *Договорные обязательства по обслуживанию обязуюсь выполнять. Согласен с обработкой моих персональных данных...* (Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги "Социальная поддержка и социальное обслуживание граждан пожилого

возраста и инвалидов…"). С ними синтагматически сочетаются средства выражения категории персональности (личные местоимения 1-го лица, лексические средства как результат транспозиции), ср.: *Я, _ (Ф.И.О.), прошу… Гарантирую подлинность и достоверность информации.* Перформативы могут выражаться в форме страдательного залога (*гарантируется*);

2) **ближнюю периферию** организуют средства выражения репортативных эвиденциальных значений (*в соответствии, согласно, на основании, по данным*) и эвиденциальных значений инференции (*заслушав и обсудив, принимая во внимание, рассмотрев, руководствуясь*) в сочетании с сущ. К ближней периферии относим также:

– формы глаголов совершенного и несовершенного вида настоящего времени (за исключением перформативов и форм в значении настоящего предписания) и будущего времени, ср.: *В случае если расчет оплаты труда и компенсации расходов адвоката произведен* (‘будет произведен, производится, был произведен’) *Тульской областной адвокатской палатой неверно, министерство данный расчет производит* (‘будет производить, произведет’) *самостоятельно* (О мерах по реализации Закона Тульской области от 16 июля 2012 года № 1782-ЗТО…);

– транспозитивную видо-временную форму глаголов прошедшего времени совершенного вида в значении настоящего перформативного (*постановил* ‘постановляет’);

– формы несовершенного вида, потенциальные значения которых характеризуются следующими модальными оттенками: качественной характеристики субъекта предписания (в настоящем времени); долженствования, готовности, уверенности в осуществлении/неосуществлении действия (в будущем времени). Например, грамматическое значение формы будущего времени несовершенного вида выражается в модальном оттенке готовности, или убежденности субъекта документной речи в постоянной готовности адресата (как субъекта предписания) совершать повторяющиеся, типовые действия, ср.: *3. Казачье общество обязуется, что его члены… будут выполнять* (‘готовы выполнять’) *обязанности честно и добросовестно, соблюдать дисциплину...* (Об утверждении Положения о порядке заключения администрацией города Тулы договоров (соглашений) с казачьими обществами);

– форму будущего времени совершенного вида, которая выражает модальные оттенки деонтической возможности или долженствования (*выполнит* ‘обязан выполнить’). Экспликаторы модальности употребляются в повествовательных предложениях, в том числе в сложноподчиненных предложениях с придаточными условия;

3) **периферия** представлена местоимением *вы*, глаголами в форме 2-го л. мн. ч. наст. вр. и в форме повелительного наклонения, инфинитивами с императивным значением в волеизъявительных (побудительных, инфинитивных с императивным значением) и вопросительных предложениях. К периферии микрополя относим оптативные предложения:

сложноподчиненные предложения с составным глагольным сказуемым в главной части, выраженным сочетанием безличного глагола (*хочется, хотелось бы*) и инфинитива, ср.: *Хочется отметить свою работу в решении проблемы застройки многоэтажными домами территорий, располагающихся в южной части так называемого парка им. 250-летия Тульского оружейного завода* (Отчет заместителя председателя Тульской городской Думы И.Ю. Филатова за период работы с 30.03.2011 по 31.12.2011).

Кроме того, периферию организуют реализующие свой модальный потенциал в тексте стилистически обусловленные языковые средства (средства выражения обращений, эвфемизмов, лексических обстоятельственных конкретизаторов). Так, лексические обстоятельственные конкретизаторы могут быть выражены наречиями *срочно, незамедлительно*, фразеологизированными сочетаниями *в кратчайшие сроки, в срочном порядке*, ср.: *...постановляю: 1. Органам исполнительной власти МО Тульской области:*

1.1. В срочном порядке пересмотреть систему санитарной очистки и уборки территории населенных мест… (О проведении экстренной санитарной очистки территорий и профилактических дезинфекционных мероприятий…).

Эпистемическое микрополе модальности структурируется следующим образом:

1) в **ядро** включается глубинный (имплицитный) перформатив *сообщаю*, который есть в любом повествовательном предложении. Эксплицитные репрезентативы представлены в тексте документа глаголами *утверждать, заявлять, сообщать, извещать, информировать, напоминать, подтверждать, удостоверять, уведомлять*; в тексте формы документа – *информировать, сообщать, подтверждать.* С ними синтагматически сочетаются другие средства выражения категории персональности (личные местоимения 1-го лица, лексические средства как результат транспозиции). Перформативы могут выражаться формами страдательного залога (*утверждено, согласовано, одобрено*). Так, краткое страдательное причастие *утвержден (-а, -о, -ы)* входит в перформативное предложение, форма выражения которого отличается от узуальной, ср.:

Утвержден
Постановлением администрации
Тульской области
от 04.12.2006 № 589

Порядок предоставления дополнительной социальной выплаты молодым семьям при рождении (усыновлении) одного ребенка за счет средств бюджета Тульской области

2) **ближнюю периферию** организуют непосредственные и опосредованные экспликаторы значений модальности – формы глаголов совершенного и несовершенного вида настоящего и будущего времени (за исключением перформативов) и транспозитивная видо-временная форма глагола настоящего времени несовершенного вида для обозначения будущих или прошедших действий; перформативы в форме страдательного залога,

которые по критерию частотности не могут быть отнесены к ядерной зоне (*удостоверяется, устанавливается, регламентируется, определяется*). К ближней периферии микрополя относим также средства выражения репортативных эвиденциальных значений (*в соответствии, согласно, по данным*) в сочетании с существительным;

3) в **периферию** включаются реализующие свой модальный потенциал в тексте стилистически обусловленные языковые средства (средства выражения обращений, эвфемизмов, лексических обстоятельственных конкретизаторов); непосредственные экспликаторы модальности, которые выражают разные модусы: знания, мнения (*естественно, конечно, действительно*), полагания (*считаем, полагаем, понимаем, уверен, на наш взгляд, очевидно, возможно, по-видимому*), веры (*надеемся, верим*), желания (*хотим, хочется, желаем*), чувственного восприятия (*видим, наблюдаем*). Их выражают глаголы пропозиционального отношения и средства выражения прямой эвиденциальности (*наблюдать(ся)*), некоторых эвиденциальных значений инференции (*сделать вывод, заключить, установить, полагать, планировать* в главной части сложноподчиненного предложения) и репортативности (*с точки зрения, по мнению, по сведениям, по сообщению, по расчетам*). Из-за низкой частотности непосредственные экспликаторы модальности, несмотря на емкость модальной семантики и прямое выражение модальных значений, включаться в ближнюю периферию микрополя не могут. Периферия организуется формами глаголов совершенного и несовершенного вида прошедшего времени изъявительного наклонения в повествовательных предложениях.

Для **оценочного микрополя** характерна диффузность, поскольку оценка рассредоточена по всему полю модальности текста, а средства выражения принадлежат разным ярусам языковой системы. К конституентам микрополя относим:

а) репрезентанты обще- и частнооценочных значений, единицы с оценочной семой в денотативно-сигнификативном макрокомпоненте лексического значения, эвфемизмы. Так, на синтаксическом уровне эвфемизация заключается во введении в текст дискурсивных единиц, выраженных наречиями *пока, еще, мало: Малый и средний бизнес достаточно рационально подходит к поиску и привлечению финансирования... Государственная поддержка как источник финансирования для бизнеса имеет также существенное значение, в то же время мало используется лизинг и* ***пока не работают*** *венчурные фонды* (О Стратегии инвестиционного развития муниципального образования Кимовский район…). Субъект документной речи оптимистично преподносит проблему как решаемую, трудности – временные;

б) модальные экспликаторы: репрезентанты значений уверенности – неуверенности в достоверности сообщения, реальности – ирреальности действия, его необходимости, возможности, желательности, выполнимости; репрезентанты модусов мнения, веры, знания или предположения. Так,

предписания невозможно проконтролировать, и, следовательно, остается открытым вопрос об их исполнении, если не указываются конкретные параметры, которые позволяют определить результативность работы, ср.: *усилить работу по выполнению требований противопожарных норм; повысить требовательность при осуществлении надзора за технологиями водоподготовки; принять исчерпывающие меры по сохранению и развитию оздоровительной базы Тульской области.*

Постепенные переходы от одного типа модальных отношений к другому, частичные пересечения, общие сегменты поля позволяют увидеть связь и обусловленность отношений в языковой структуре, которая является проекцией характеристик человеческого мышления. Эти характеристики отражаются во взаимно дополняющих друг друга способах рассмотрения объекта и мира: их описания, изменения [3] и оценки [4].

Список литературы

1. Ваулина С.С., Лашкова И.С. Особенности выражения модального значения необходимости в языке русских и литовских газет // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. Вып. 8. С. 8-13.

2. Голев Н.Д. Юридический аспект языка в лингвистическом освещении // Юрислингвистика-1. Проблемы и перспективы: межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. URL: http://www.studmed.ru/docs/document1973/.

3. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 216 с.

4. Ивин А.А. Импликации и модальности. М.: ИФ РАН, 2004. 126 с.

5. Магдалинская Е.Н. Ситуативная модальность как функционально-семантическая полевая структура (на материале современных русского и польского языков): Дис. … канд. филол. наук. Калининград, 2014. 243 с.

6. Справочно-правовая система КонсультантПлюс: Сводное региональное законодательство. Тульская область. URL: http ://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=home&utm_csource=online&utm_c medium=button (дата обращения: 12.10.2016).

7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.

8. Федорова И.Р. Модальность возможности в современном русском языке (на материале газет): Учебное пособие / Калинингр. ун-т. Калининград, 2000. 85 с.

УДК 81'36

ЭМОТИВНЫЙ СИНТАКСИС РАННИХ РАССКАЗОВ А.П. ЧЕХОВА

КОРОСТОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА
к. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка,
Южный федеральный университет,
Россия, г. Ростов-на-Дону, svetolen@yandex.ru

Статья посвящена исследованию чеховского текста как эмотивно-оценочного пространства, сформированного прежде всего за счет эмотивных диалогов персонажей. Особое место в системе средств репрезентации категории эмотивности занимают коммуникемы, вопросительные и энантиосемичные конструкции, выражающие скрытые смыслы, актуализирующиеся в эмотивных ситуациях.

Ключевые слова: эмотивное высказывание, художественная коммуникация, эмотивно-оценочные смыслы.

С каждым годом растет интерес к творчеству А.П. Чехова. Особое место Чехова в русской и мировой литературе обусловлено как особенностями его художественного стиля, содержанием, тематикой и проблематикой его произведений, так и особенностями языка. Следует заметить, что уже к 1885 году малая проза принесла автору большую популярность, он стал мастером в этом жанре, передавая в маленьком рассказе всю жизнь человека, его чувства и переживания. Языковое представление эмоциональных состояний персонажей в ранних рассказах писателя связано с общей эмоциональной доминантой творчества А.П. Чехова этого периода.

Любой художественный текст представляет собой особое коммуникативное и эмотивно-оценочное пространство, в котором реализуются процессы «оязыковления» концептуальной картины мира автора. Значительную роль в этом процессе играют средства эмотивного синтаксиса, актуализирующие эмотивно-оценочные смыслы прежде всего в зоне персонажа или рассказчика (в перволичном нарративе).

Эмоциональная ситуация, часто связанная с анормативным с точки зрения коллективного сознания поведением героя, определяет референтные границы эмотивных высказываний. Отраженная в рассказах писателя эмоциональная ситуация, конфликтная или предконфликтная, представляет собой определенный фон, благодаря которому происходит интерпретация эмотивно-оценочного смысла адресатом, читателем. Прагматическая направленность эмотивных высказываний связана с их функционированием в сфере адресата, «ты»-сфере, которая включает эмоции, оценки, субъективные взгляды говорящего на положение вещей, т.е. выражает отношение человека к действительности и к другим людям, так или иначе вовлеченным в коммуникацию.

Коммуникативное пространство художественного текста содержит единицы эмотивного синтаксиса, для которых типична возможность

синтаксических трансформаций субъективно-оценочного характера. Речь идет прежде всего об энантиосемичных конструкциях, занимающих особое место в системе средств актуализации эмоций персонажей ранних рассказов А.П. Чехова.

Энантиосемичные высказывания часто вводятся в диалоги персонажей, что объясняется скрытыми смыслами, заключенными в их содержании и легко воспринимаемыми носителями языка. Эмотивно-оценочные коннотации рассматриваемых синтаксических конструкций возникают за счет «сосуществования в одном контексте двух противоположных значений, двух голосов, по М.М. Бахтину [1], которые не превращаются в третье, а воспринимаются одновременно. Самым распространенным средством создания иронии является так называемое «двухголосое» слово или высказывание: «Посмотрите, какой он умный!» (не умный, а глупый) или «Хорош вечер!» (не вечер, а ночь). Подобные высказывания имплицитно содержат негативную оценку события или адресата, при этом развивается энантиосемичное значение высказывания. Второй голос декодируется контекстом, а маркером иронии является интонация, которая всегда сопутствует «двухголосому» слову, но может и самостоятельно выражать ироническую оценку» [3, с. 104-105].

Рассматривая энантиосемичные конструкции с когнитивной точки зрения, Г.Ф. Гаврилова замечает: «Передаваемая информация в случаях синтаксической энантиосемии – повторение того, что находится в сфере знания собеседника, но уже в виде «маски» отрицательного высказывания, содержащего иронию, сарказм в отношении того, в чем, по мнению говорящего, ошибочно убежден собеседник. При этом в роли вторичных возможны только такие структуры, семантика которых как бы находится на грани утверждения и отрицания. Это конструкции с предикатами в форме будущего времени, повелительного наклонения; вопросительные предложения, которые отражают незнание говорящим, существует ли этот факт в реальности» [2, с. 21].

В рассказах Антона Павловича Чехова энантиосемичные высказывания в речи персонажа способствуют созданию образа героя, в большинстве случаев выражающего негативное эмоциональное состояние, например:

– Желал бы я знать, ***какая скотина ходит здесь и не затворяет дверей?*** – ворчит он сердито, запахиваясь в халат и громко отплевываясь. (А.П. Чехов. Отец семейства).

Вопросительное предложение передает здесь явно агрессивное речевое поведение говорящего, его раздражение, отраженное и в имитации фонетических особенностей произнесения эмотивного высказывания, а не желание выяснить, кто же ходит и не закрывает двери.

Иногда энантиосемичные конструкции могут выражать позитивное эмоциональное состояние говорящего персонажа, например, удовольствие от ситуации:

– Опоздал! – захохотал Шилохвостов. – Донесли шпионы, да поздно! Ха, ха! ***На-кося выкуси! Что, съел? Вот тебе и неподкупен!*** Ха, ха! (А.П. Чехов. Не судьба).

Представленные эмотивные высказывания можно квалифицировать как коммуникемы. Эмотивность данных конструкций связана с функциональной семантикой высказывания, предназначенного для выражения спонтанного эмоционального состояния говорящего. Семантика подобных синтаксических единиц, относимых к коммуникемам, определяется общей тенденцией к развитию асимметрии языкового знака − несовпадению плана выражения и плана содержания в процессе актуализации конструкции в эмотивном дискурсе, благодаря чему в семантической структуре высказывания появляются дополнительные эмотивно-оценочные смыслы.

Коммуникемы (или коммуникативы) представляют собой единицы живой речи, поэтому они возникают в диалоге и, как правило, составляют содержание ответных реплик. Как справедливо замечает В.Ю. Меликян, коммуникемы «выработаны языком как более экономные, более краткие и более эмоциональные формы выражения отношения говорящего к объективному миру» [4, с. 9]. В ранних рассказах А.П. Чехова создаются образы разных по социальному статусу персонажей, однако, независимо от общественного положения, все они так или иначе выражают свои позитивные или, что чаще, негативные эмоции как реакции на определенные жизненные ситуации. В рассказе «Анюта» коммуникемы интенсифицируют диалог двух студентов – медика и художника:

– А что вы пишете? – спросил Клочков.

– Психею. Хороший сюжет, да все как-то не выходит; приходится все с разных натурщиц писать. Вчера писал одну с синими ногами. Почему, спрашиваю, у тебя синие ноги? Это, говорит, чулки линяют. А вы все зубрите! Счастливый человек, терпение есть.

– Медицина такая штука, что никак нельзя без зубрячки.

– Гм… Извините, Клочков, но вы ужасно по-свински живете! ***Черт знает как живете!***

– То есть как? Иначе нельзя жить… От батьки я получаю только двенадцать в месяц, а на эти деньги мудрено жить порядочно.

– Так-то так… – сказал художник и брезгливо поморщился, - но можно все-таки лучше жить… Развитой человек обязательно должен быть эстетиком. Не правда ли? ***А у вас тут черт знает что****! Постель не прибрана, помои, сор… вчерашняя каша на тарелке… тьфу!* (А.П. Чехов. Анюта)

Коммуникемы с лексемами *черт* и *бог* довольно часто используются в диалогах героев ранних рассказов: ***Черт бы ее взял совсем!*** (75000), *Есть же такие мерзавцы,* ***черт бы их взял совсем*****!** (А.П. Чехов. Слова, слова и слова), ***Черт же меня возьми совсем!*** (А.П. Чехов. Ах, зубы!), *Что глядеть! Да гляди я в эти отчеты хоть тысячу лет, я ничего не пойму!* ***Черта лысого я понимаю!*** (А.П. Чехов. Беда), *Разойдитесь, сдай назад****, чтоб тебя черти взяли…*** (Брожение умов), ***Черт знает что за пьеса!*** *Это возмутительно!*

(А.П. Чехов. В Москве); ***Накажи меня бог**, ты болен! На тебе лица нет!* (А.П. Чехов. Актерская гибель), ***Накажи меня бог!** Клянусь! Чтоб мне ни дна, ни покрышки!* (А.П. Чехов. Антрепренер под диваном), ***Дай бог,** чтоб! – говорил он, уходя…* (А.П. Чехов. Архиерей), *Ишь ты! И сто даст, лишь бы только захотел! **Побей бог,** даст!* (А.П. Чехов. Барыня), ***Бог с ним совсем!*** (А.П. Чехов. Беспокойный гость), *Отец Паисий, надо полагать, на требу идет, - сказал Почилихин. – **Помогай ему бог!*** (А.П. Чехов. Брожение умов).

Упоминание нечистой силы в коммуникемах используется для выражения крайней степени возмущения, негодования, злобы, разочарования или досады. Причем, как правило, подобные коммуникемы вводятся в речь персонажей, говорящих о третьем лице или о ситуации в целом. Исключение составляет нечленимое предложение ***Черт же меня возьми совсем!***, которое неоднократно вводится в речь героя рассказа «Ах, зубы!», перепутавшего этажи в поисках зубного врача: *Застрелюсь, **чёрт вас возьми!** Повешусь!; – Но я страдаю! – кипятится он. – **Чёрт возьми,** я переживаю ужасные минуты!* Чехов использует лексему *черт* и в авторском повествовании, тем самым интенсифицируя описание физического состояния человека, страдающего от зубной боли: *Кажется, **сам чёрт с чертенятами** засел в его зуб и работает там **когтями, зубами и рогами**. У бедняги лопается голова, сверлит в ухе, зеленеет в глазах, царапает в носу. Он держится обеими руками за правую щеку, бегает из угла в угол и орет благим матом…*

Коммуникемы с лексемой Бог, Христос (*Накажи меня бог! Побей бог!* и под.) чаще вводятся в диалог или реплику-реакцию на ситуацию, непосредственным участником которой становится сам говорящий, причем эта реплика выражает уверенность в объективности собственного высказывания:

– Хоть бы рожу-то вымыл! – продолжал Сигаев. – Стыдно глядеть! Ты натрескался или... болен, что ли? Да что ты молчишь? Я тебя спрашиваю: ты болен?

Щипцов молчал. Как ни была опачкана его физиономия, но комик, вглядевшись попристальнее, не мог не заметить поразительной бледности, пота и дрожания губ. Руки и ноги тоже дрожали, да и всё громадное тело верзилы-простака казалось помятым, приплюснутым. Комик быстро оглядел номер, но не увидел ни штофов, ни бутылок, ни другой какой-либо подозрительной посуды.

*– Знаешь, Мишутка, а ведь ты болен! – встревожился он. – **Накажи меня бог,** ты болен! На тебе лица нет!* (А.П. Чехов. Актерская гибель).

Коммуникема *Бог с ним совсем!* выражает несогласие с репликой-стимулом, нежелание совершать действие, к которому призывает собеседник. Например:

– Что ж ты сидишь? – крикнул охотник на лесника. – Нешто не пойдешь?

– Куды?

– На помощь!

– Куда мне! – махнул рукою лесник, пожимаясь всем телом. – ***Бог с ним совсем.***

– Отчего же ты не хочешь идти?

– После страшных разговоров я теперя и шага не ступну впотьмах. ***Бог с ним совсем!*** *И чего я там в лесу не видал?* (А.П. Чехов. Беспокойный гость).

В рассказе А.П. Чехова «Барыня», повествующем об унизительном положении работника, который должен сделать выбор между любимой женой, семьей и привилегированным положением любовника барыни, используется коммуникема *А Христос его знает!*, означающая, что говорящий не знает, почему нет работника. Однако чеховское слово в тексте, по тонкому замечанию Н.М. Щаренской, «не имея само по себе тропеического значения, в то же время может быть результатом «действия» базовой метафоры, являясь ее продолжением. Это один из источников образующегося добавочного веса слова, его «событийности». «Незамысловатое» чеховское слово может иметь символическое значение, воплощающееся в любом действии, движении, состоянии героя, в любой его реплике проявление закономерности жизни, изображенной с помощью привычной языковой метафоры» [5, с. 9]. В коммуникеме вводится личное имя собственное *Христос,* причем фраза имеет и прямой, и переносный смысл, типичный для этих конструкций. Символическое значение фразы *А Христос его знает!* связано с образом главного героя рассказа кучера Степана, который осознает, что близкие толкают его совершить грех, и всячески сопротивляется этому:

– А ежели душе грех? – спросил вдруг Степан, повернувшись к Семену.

– Гре-ех? Откудова грех? Бедному человеку ничего не грех.

– В пекло к черту и бедный пойдет, ежели… А нешто я бедный? Я не бедный.

– ***Да какой тут грех?*** *Ведь не ты к ней, а она к тебе! Пугало ты!*

– Разбойник, и рассуждение разбойничье…

Вопросительное энантиосемичное предложение содержит общеотрицательное значение, дополненное эмотивной коннотацией уверенности в собственном высказывании (ср. <*Нет никакого греха*>)

Понимание того, что совершает грех, продает «*душу нечистому*», меняет сознание Степана, в нем уже нет ничего человеческого, его душа мертва, потому он становится способным на убийство. Авторское отношение к герою определяется фразой: *В этот вечер степь и небо были свидетелями, как он продавал свою душу.*

Как имплицитное утверждение в лингвистике рассматривается риторический вопрос, который непосредственно связан с выражением эмоционально-оценочных оттенков смысла, с прагматической фокусировкой актуальной проблемы, например:

– Я не бранюсь, а говорю. Занялась бы чем-нибудь, матушка, чем сидеть этак, сложа руки, и на спор лезть! Не понимаю этих женщин, клянусь честью! Не по-ни-маю! ***Как они могут проводить целые дни без дела?****…* (А.П. Чехов Отец семейства).

Однако вопросительная конструкция в авторском повествовании и в речи персонажа может выражать и значение отрицания названного действия, и негативное эмоциональное переживание говорящего, при этом семантика поиска информации нейтрализуется, например:

Он в «Гусином вестнике» только секретарь. Его дело не путать адресы, принимать подписку и глазеть, чтоб типографские не крали редакционного сахара – только, ***но кому из публики известен круг его деятельности?*** (А.П. Чехов. Тряпка);

*Он видел, как по голубому небу носились белые облака и птицы, как разоблачались дачницы, как из-за прибрежных кустов поглядывали на них молодые люди, как полная тетя, прежде чем войти в воду, минут пять сидела на камне и, самодовольно поглаживая себя, говорила: «****И в кого я такой слон уродилась?*** *Даже глядеть страшно»* (А.П. Чехов. Маска).

Анализ рассматриваемых конструкций в ранних рассказах А.П. Чехова позволил сделать вывод о том, что в них обнаруживается синкретизм вопросительной и эмотивно-оценочной семантики, причем оценочные значения, как правило, и составляют смысловую доминанту самого высказывания. Вопрос интенсифицирует выражаемое эмотивно-оценочное значение, придает ему характер императива, обращенного к собеседнику или к самому говорящему. При этом релевантными оказываются условия эмоциональной ситуации, определяющие интенции субъекта речи, и интонация, свидетельствующая о своеобразном «разыгрывании» диалога, внешнего или внутреннего, в котором синтаксической конструкции навязываются импликативные значения, например:

– *...А ежели беспорядки?* ***Нешто можно дозволять, чтобы народ безобразил? Где это в законе написано, чтобы народу волю давать?...*** (А.П. Чехов. Унтер Пришибеев);

Коллежский секретарь задумался… Сорок лет писал он бумаги, написал он их тысячи, десятки тысяч, но не помнит ни одной строки, которая выражала бы восторг, негодование или что-нибудь в этом роде…

«И прочие чувства… – думал он. – ***Да нешто в бумагах нужны чувства?*** *Их и бесчувственный писать может…»* (А.П. Чехов. Восклицательный знак. Святочный рассказ).

Эмотивный синтаксис ранних рассказов А.П. Чехова определяется общей эмоциональной доминантой диалогов персонажей, которые вступают в состояние конфронтации с собой и окружающим их миром. Типичными для этого периода творчества писателя можно назвать вопросительные конструкции и коммуникемы, большая часть которых выражает удивление, неодобрение, возмущение или негодование, т.е. различные отрицательные реакции на конфликтную или предконфликтную ситуацию. Эмотивные синтаксические конструкции, вводимые в диалогические реплики персонажей, создают живую разговорную речь, характеризуют речевой портрет героев, фокусируют внимание читателя на ключевых эмотивно-оценочных смыслах текста.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. М., 1972. 464 с.
2. Гаврилова Г.Ф. Синтаксис предложения. Избранные труды. Ростов н/Д.: Изд-во РГПУ, 2005. 168 с.
3. Коростова С.В. Поле эмотивности: структурно-семантическая типология микрополей // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2010. № 3. С. 98-108.
4. Меликян В.Ю. Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта: Наука, 2001. 240 с.
5. Щаренская Н.М. Жизнь в метафорическом зеркале: повесть А.П. Чехова «Моя жизнь»: Монография. Ростов н/Д.: Издательство Южного федерального университета, 2016. 254 с.

УДК 811.82.415.61.

ФУНКЦИИ ЭМОТИВНЫХ НОМИНАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

КОТОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА
магистрант,
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Казахстан, г. Петропавловск, irina.ospanova.72@mail.ru

В статье рассматривается вопрос об особенностях семантики, структуры и функционировании номинативных конструкций эмотивной семантики в произведениях русского писателя А.П. Чехова.

Ключевые слова: номинативные предложения, имена чувств, субъект состояния, градация чувств.

В эмотивных номинативных конструкциях в качестве главного компонента выступают существительные со значением эмоционального состояния: *тоска, скука, скорбь, меланхолия, отчаяние, досада, стыд, разочарование, грусть, радость, волнение, злоба, ужас* и др. Традиционно имена чувств относятся к отвлеченным именам, которые противопоставляются конкретным именам, выражающим номинации предметов и живых существ. С абстрактными именами их связывают грамматические признаки: они не поддаются счету, не сочетаются с количественными определителями и не имеют формы множественного числа. Внутреннее состояние, опредмеченное в сознании человека, представляется в языке как субстанция.

При функционировании в речи некоторые эмотивные существительные приобретают событийное значение: «В семейной жизни не одни *радости*, но и *страдания*» («Моя жизнь»).

Когда имена эмоций функционируют в контекстах, описывающих состояние в его количественной реализации, они приобретают глагольный

признак процессуальности, движения во времени в сторону увеличения степени проявления эмоций. В речи имена чувств могут приобретать качества пропозитивных имен (событийность), признаки конкретных имен (наблюдаемость), глагольные свойства (процессуальность). У имен чувств прослеживается связь категориальных семантических изменений с условиями функционирования в тексте.

Субъектный компонент в эмотивных именных конструкциях имеет разные грамматические значения и способы выражения. Для обозначения психического состояния в языке используются субстантивные конструкции с субъектом-номинативом в именительном падеже (*Тоска*), с субъектом-локативом, выраженным предложно-падежными формами в+предложный падеж и на + предложный падеж (*На лице скука*), с субъектом-рецепиенсом в форме винительного и творительного падежей (*Его охватила тревога. Им овладела скука*); состояние в предложении может передаваться предложно-падежными формами (*Он в восторге*).

Специфика номинативных предложений состоит в том, что их структурная схема организуется компонентом, в котором субъект слит воедино с предикатом. В классификации семантических типов номинативных предложений Н.Ю. Шведовой конструкции с рассматриваемой нами семантикой формируют класс определенно-субъектных предложений со значением состояния. Их семантическая структура: субъект состояния – наличие, существование состояния [2, с. 465]. Единственный компонент номинативной конструкции словесно представляет компонент семантической структуры – денотат (состояние) и его существование, объединяя при этом назывное значение с грамматическим значением бытийности. Синтаксически он соответствует двум компонентам семантической структуры номинативного предложения.

Номинативные предложения отражают определённую степень абстрагированности в познании действительности. Облекая мысль в номинативную конструкцию, говорящий субстантивирует, опредмечивает её. Процесс опредмечивания предполагает определенную степень абстрагирования. Образ эмоции в субстантивном оформлении мыслится как существующий самостоятельно, обобщенный, абстрагированный от конкретного лица. С помощью таких конструкций внутреннее состояние героя описывается от первого лица. Конструкции употребляются в описании, в составе прямой речи, диалоге, внутреннем монологе.

Для чеховской драмы характерны точность и лаконизм, на первом плане в его пьесах не действия, а переживания героев. Жанр произведения также влияет на отбор и комбинацию языковых средств. В драме авторское начало передается только через скудные ремарки, поэтому писателю-художнику необходимо очень тщательно отбирать языковой материал, чтобы кратко и в то же время всесторонне описать состояние героев. Номинативные предложения с присущей им лаконичностью и семантической емкостью оказываются наиболее целесообразными в этой функции.

Для такого явления, как состояние, характерно квантитативное измерение. Значение степени, интенсивности, входящие в характеристики измерения, в номинативной конструкции передаются прилагательными, наречиями, частицами; при условии градации признака используются сочетание этих средств, повторы, инверсия. «*Стыд, жгучий стыд*…» («Пьеса без названия»), «*Просто отчаяние*» («Иванов»). Своеобразно построение следующего эмоционально окрашенного текста.

Иванов: Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска. *Какая тоска*! Не спрашивай, отчего это. Я сам не знаю. Клянусь истинным Богом, не знаю: здесь тоска, а поедешь к Лебедевым, там еще хуже; вернешься оттуда, а здесь опять тоска, и так всю ночь… *Просто отчаяние*! («Иванов»)

Предложения в этом контексте расположены так, что каждое последующее представляет более сильное чувство. В первом предложении определяется время появления тоски, состояние героя передается с помощью фразеологизма «тоска давит». В следующем номинативном предложении передать более высокую степень проявления состояния помогает восклицательная частица «какая» и восклицательная интонация. В последующих двух предложениях герой говорит о невозможности объяснить происходящее с ним. Состояние тоски не покидает Иванова и в условиях перемены мест, в гостях ему «еще хуже». Компаратив и частица «ещё» подчеркивают градационный характер состояния. Нарастание этого чувства естественно приводит к появлению обобщенно-личного предложения «вернешься оттуда». Тоска не исчезает и тогда, когда герой возвращается от Лебедевых, она «опять» с ним и длится «всю ночь». Местоимение «всю» подчеркивает длительность состояния, этим целям служит и многоточие в конце предложения. С помощью последнего номинативного предложения подводится итог переживания. Существительное «отчаяние» выражает состояние крайней безнадежности и тем самым указывает на предельную степень проявления чувства. Эмотивность высказывания усиливается употреблением частицы «просто» и восклицательной интонацией высказывания.

Анализируя функции номинативных предложений в тексте, З.П. Табакова и Е.А. Твердохлебова пришли к выводу, что «в номинативном предложении признак, присущий явлению, событию и способный проявляться в большей или меньшей степени, при субстантивном оформлении приобретает значение высшей степени качества». Оценка субстанции по степени ее проявления рассматривается ими как добавочный, прагматический компонент схемной семантики субстантивных предложений, который позволяет говорящему «выразить отношение к сообщаемому и донести его до слушающего» [1, с. 238]. Справедливость этих выводов подтверждается анализом текстов А.П. Чехова:

«Вы честный, великодушный, редкий человек, я сознаю это каждую минуту, но *меня* все дни *мучила тоска»* («Рассказ неизвестного человека»).

«Я-то отдежурю и выйду отсюда, а он весь свой тараканий век здесь продежурит, - подумал он, потягиваясь. – *Тоска*! Сапоги себе почистить, что ли?» («Мелюзга»).

В первом предложении интенсивность состояния передается глаголом воздействия «мучить». Во втором примере номинативное предложение конструктивно представляет высшую степень проявления чувств.

Для описания внутреннего состояния используются ряды номинативов, репрезентирующие эмоционально-окрашенные переживания и сопутствующие им поступки.

Венгерович 2: Уже два часа… В это время нужно уже спать, а я не сплю… *Бессоница, шампанское, волнение*… Ненормальная жизнь, благодаря которой разрушается организм… («Пьеса без названия»).

Ряд субстантивов в данном тексте представляет атрибуты «ненормальной жизни». Волнение и бессоница – это не просто временные психические состояния субъекта, а состояния, ставшие постоянными в жизни героя, ее характеристиками. В ряд с ними включается конкретное существительное «шампанское», которое в этом контексте ассоциируется не с маркой вина, а с тем состоянием, которое вызывается употреблением этого напитка.

А.П. Чехов широко использует прием градационного оформления рядов номинативов как для самохарактеристики героя, так и для характеристики персонажа другими лицами. В пьесе «Иванов» одноименный герой так описывает свое состояние:

«Я надсмеялся над собою и от стыда едва не сошел с ума. (Смеется) *Меланхолия! Благородная тоска! Безотчетная скорбь*! Недостает еще, чтобы я стихи писал».

Градационное расположение номинативных предложений рисует состояние как бы отстраненным от субъекта, оцениваемым субъектом как не свойственное ему. Градационность эмоциональной напряженности усиливают определения: тоска – благородная, а скорбь – безотчетная. Чувство стыда, испытываемое Ивановым, принимает такие аффективные формы, что можно сойти с ума. Еще более полный ряд, характеризующий состояние Иванова, представлен в характеристике «со стороны»:

Боркин: Посмотрите, на что он похож: *меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть*… («Иванов»)

В этой характеристике нет ни благородной тоски, ни безотчетной скорби, она более жестко оценивает пассивность героя, о чем свидетельствует и вводящая описание стандартная конструкция: «*Посмотрите, на что он похож*…».

Номинативные предложения используются для передачи градации чувств как в пределах одного предложения, так и в пределах текстового фрагмента. В произведениях А.П. Чехова они употребляются в составе прямой речи, диалоге, внутреннем монологе. Ряды субстантивных предложений могут представлять характеристику персонажа, общую картину его внутреннего состояния.

Список литературы

1. Табакова З.П., Твердохлебова Е.А. Квантитативность как прагматический компонент субстантивных моделей предложения // Вестник СКУ. 1998. № 3. С. 237-240.

2. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. М., 1973. С. 458-467.

УДК 81'367.3

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ ИНВАРИАНТОВ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

КРУЧИНКИНА НИНА ДМИТРИЕВНА
к. филол. наук, доцент, доцент кафедры романской филологии,
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
Россия, г. Саранск, ndk-07@mail.ru

В статье простое предложение в его инвариантном функциональном семантико-синтаксическом плане рассматривается как полный знак проецируемых языковым сознанием типов событийных номинатов с функциональными отношениями адресации, локации, каузации, локативности, акциональности, состояния и свойства.

Ключевые слова: событие, пропозитивный номинант, предложение, функция, инвариант, категоризация.

Как известно, теоретическая лингвистическая мысль долго не могла найти ответ на вопрос, на какой объективной основе проводить категоризацию содержательного аспекта предложения как коммуникативной единицы. Речь шла в первую очередь о простом предложении. Это означало, что предложение в этот период не могло рассматриваться в парадигматическом статусе. Соответственно, только после обнаружения объективного основания категоризации можно было вести речь и о знаковом статусе предложения как пропозитивного номинанта.

Важную роль для дальнейших теоретических поисков сыграла, в этом отношении, на наш взгляд, теория членов предложения. Члены предложения – это функциональные конституенты предложения, т.е. выполняющие определённые роли в этой синтаксической единице. В их дефиниции в отечественной лингвистической традиции присутствовала и семантическая составляющая их ролевого содержания. Существовало и объективное функциональное средство определения их пропозитивной роли – вопрос. Однако это не могло помочь столь же объективно и унифицированно категоризовать всё огромное содержательное богатство событийной действительности, отражённой в рамках простого предложения. Дело в том, что всякая категоризация должна быть основана на единстве базовых принципов,

включающих общее категориальное содержание и закрытую по своей конечности парадигму средств выражения этого общего содержания, т.е. иметь небольшое количество членов парадигмы, в данном случае – пропозитивной парадигмы.

Ответ, как нам представляется, непроизвольно пришел из теоретических изысканий французского синтаксиста Л. Теньера, который в своём известном труде исследовал **структурный аспект синтаксиса** в его главной составляющей – предложении [28]. Вполне закономерно, что невозможность обойтись при этом только формальной стороной проблемы привела его к семантическому видению предложения. Лингвист обратил внимание на семантический статус предложения как целостной событийной единицы. Он образно назвал предложение драмой в её сценической процессуальности. Выполняющие в этой драме заданные роли, соответственно, были уподоблены актёрам и названы актантами (*actants*) – действующими лицами (от французского глагола *agir*), а обстоятельства – сирконстантами [28, с. 102-103].

Синтаксическое исследование этого процесса в языковой материализации показало, что централизующей синтаксической осью, к которой крепятся все конституенты процесса, является глагол. Эта интерпретация поэтому названа вербоцентрической. Л. Теньер показал, что тип процесса связан как с количеством актантов, так и с их ролью относительно друг друга в заданном типе процесса. Он также представил **позиционные** пропозитивные функции каждого из актантов (первого, второго и третьего – *primeactant, secondactant, tiersactant*) [28, с. 105-109].

Важность и своевременность появления вербоцентрической теории Л. Теньера была отмечена известными отечественными лингвистами В.Г. Гаком [9, с. 9], В.М. Алпатовым [3, с. 278]. Явление глагольной валентности, представленное лингвистом, было оценено В.Г. Адмони, который заметил, что Л. Теньером было выдвинуто на авансцену синтаксиса «явление, на основе которого можно исследовать саму структуру предложения» [1, с. 43]. В.Г. Гак посчитал, что «Теньер явился провозвестником семантического синтаксиса» [9, с. 14]. Можно сказать, на наш взгляд, что и другая ветвь теоретических изысканий, связанных с предложением, при этом получила теоретически объективное обоснование – синтаксическая семантика [22; 24].

Для того чтобы научно обосновывать появление нового научного направления, необходимо систематизировать полученные в результате исследований данные, определить элементарную единицу, осуществить иерархизацию полученных моделей на базе определённой типовой единицы, т.е. выстроить парадигму категориальных конституентов полученной системы. При проведении комплексных исследований в области простого предложения как базовой коммуникативной единицы, как было отмечено Г.А. Золотовой, в результате была определена «важная роль семантики в синтаксисе, введено понятие семантической структуры предложения, показано, что синтаксическая семантика поддается членению, описанию, даже формализации» [10, с. 16].

Категориальная систематизация простых предложений в предыдущем столетии, в связи с многоаспектностью этой единицы, проводилась на логико-семантическом [4], синтаксико-семантическом [2; 21; 23], семантико-синтаксическом [5; 8; 11] основаниях. В итоге было выявлено, что предложение должно быть изучено также и в соотнесённости с отражаемым им событийным содержанием. Это означало, по мнению Г.А. Золотовой, что была подготовлена теоретическая основа для «систематического изучения синтаксической семантики» [10, с. 15; см. также: 13; 15; 19, с. 103; 22; 23; 24; 25, с. 227-257; 29, с. 103-123].

Парадигматический статус простых предложений как синтаксико-семантических функциональных конструктов в рамках **семантического синтаксиса** или как семантико-синтаксических образований в рамках **синтаксической семантики** позволил, на наш взгляд, последовательно перейти к интерпретации предложения в двуединстве формы и содержания **как знакового образования, как целостного знака пропозитивной природы,** в отличие от неполного (элементного, словесного) знака [5; 6; 8, с. 231, 281; 12].

В современном видении процесса номинации невозможно обойтись без учёта антропологического фактора, который ранее лингвистами не учитывался. Мы имеем в виду работу языкового сознания, которое отражает событийную действительность, структурирует её, классифицирует и категоризует в соответствии с закономерностями системы конкретного языка [10, с. 17-19; 14; 16; 18]. Адекватная когнитивная деятельность языковой личности способствует изоморфному и изофункциональному декодированию воспринимаемых сознанием прототипов событий и последующему языковому кодированию их в форме инвариантов пропозитивных номинантов [7; 10, с. 5-6, 16-17, 129; 13; 15; 17; 20, с. 21-22; 25, с. 232-234].

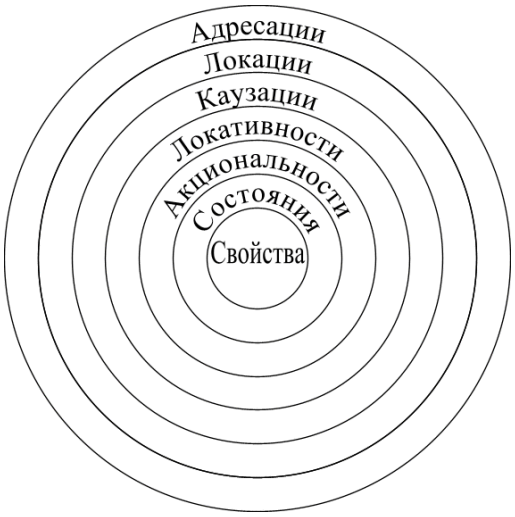
Роль глагола-предиката в конструировании предложения как целостной единицы не может снижать роль актантов. Онтологически **процесс** не может существовать сам по себе: он осуществляется благодаря участию в нем **субстанций** в их «долевых» ролях [См. также об этом: 10, с. 163]. Д. Виллемс и К. Кербрат-Ореккиони, также обращаясь к онтологической природе имён субстанций и процессов, независимо друг от друга пришли к идентичным выводам [26, с. 66; 30, с. 8].

Интерпретация предложения как целостного знака вполне адекватна, так как языковым сознанием взрослой языковой личности объективная действительность воспринимается в элементарном варианте событийно. Поэтому именно предложение – десигнат отражённого функционального события – и расценивается как базовая коммуникативная единица. Коммуникативная функция как языка в целом, так и его базовой (элементарной) единицы, т.е. простого предложения, может быть осуществлена только в том случае, если язык и его основная коммуникативная единица будут адекватно отражать внеязыковую событийную действительность в её функциональной интерпретации. Следовательно, пропозитивный знак, согласно

знаковой теории Ф. де Соссюра, должен иметь двустороннюю сущность: единство формы и содержания – означающего и означаемого [22; 24].

В инвариантной знаковой пропозитивной репрезентации [7; 15] прототип каждого типового события, как и само функционально отмеченное событие, и в своём означаемом должны иметь в качестве актантов и сирконстантов конституенты определённой семантической природы, роль которых связана с семантической структурой типовых процессов. Заметим, что для большей конкретизации релятивной роли актуализатора процессов – глагола – мы проводили исследование на базе французского языка только **с глагольными предикатами.**

С учётом функциональной сущности пропозитивного номинанта и функционального назначения каждого из актантно-сирконстантных пропозитивных конституентов нами определена на данный момент парадигматическая система пропозитивных номинантов, отражающая картину событийного мира, в количестве семи репрезентантов. Это пропозитивные номинанты с функциональными отношениями: адресации, локации, каузации, локативности, акциональности, состояния и свойства [15; ср.: 29, с. 103-123]:

Представим функциональную семантику этих типовых пропозитивных отношений:

1) **адресация** означает передачу предмета (субстанции) одним лицом другому: *Le professeur distribute des manuels aux enfants;*

2) **локация** означает перемещение предмета (субстанции) каким-то лицом в пространстве или помещение его в (на, под…) некое пространство: *L'enfant met le crayon sur la table. Le père met la voiture dans le garage*;

3) **каузация** означает воздействие лица на неодушевленную или одушевленную субстанцию: *La fillette casse le vase. La mère embrasse son enfant*;

4) **локативность** означает самостоятельное перемещение лица в пространстве или нахождение лица (предмета) в каком-то пространстве (местонахождение лица или предмета): *L' élève va au lycée. L' élève reste au lycée*;

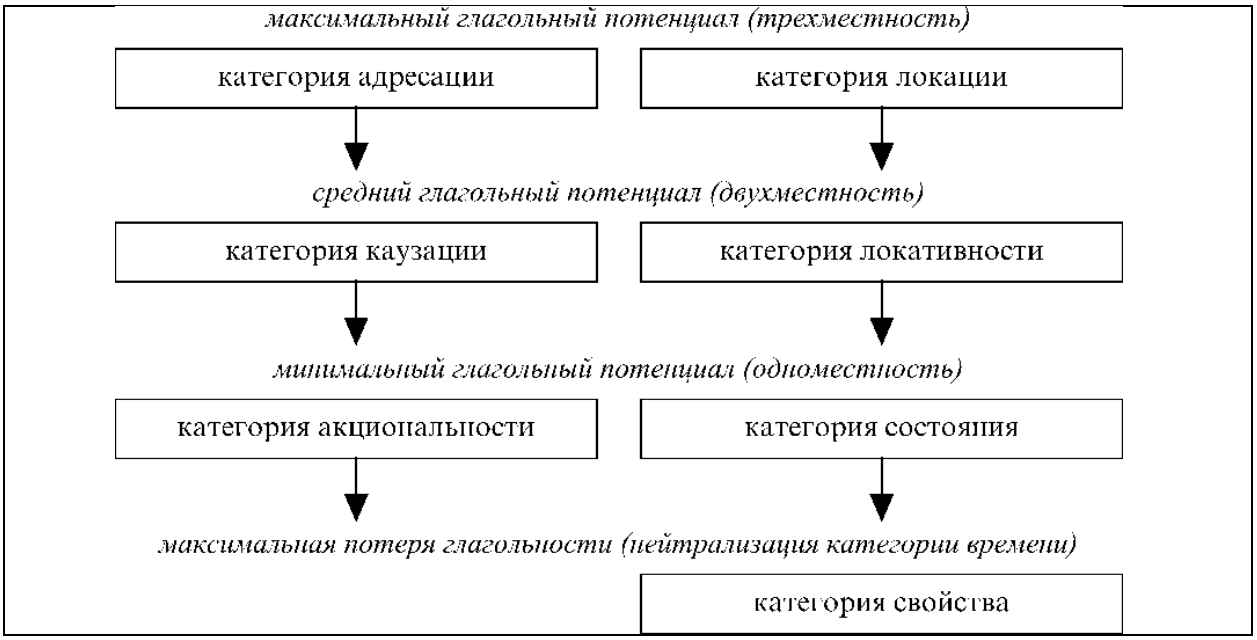
5) **акциональность** означает инициируемое лицом произвольное действие: *Le bébé joue (tout le matin)*;

6) **состояние** означает непроизвольный, протекающий в определённом отрезке времени процесс по отношению к субъекту: *Le grand'père dort (= est en train de dormir)*;

7) **свойство** означает характеризуюший субъекта или субстанцию определённый вневременной процесс: *Son mari fume* (*=Il est fumeur*). *L'eau bout à cent degrès*.

Приведённая систематизация инвариантных значений пропозитивных номинантов и сопровождающие её примеры показывают наш принцип иерархического структурирования парадигмы. Она построена, исходя из степени проявления глагольной валентности и, соответственно, синтаксической распространённости пропозитивных структур. Парадигматическая иерархизация пропозитивных номинантов (от наиболее распространённых (трёхместных) пропозитивных структур к нераспространённым (одноместным)) связана с тем, что именно наиболее линейно и функционально распространённая структура глагольного предиката в наибольшей степени демонстрирует его «глагольность», его релятивную способность. В нераспространённых структурах и, в частности, в пропозитивном номинанте с функциональным значением свойства, релятивная способность глагола находится на промежуточном уровне между прилагательным и глаголом [25, с. 256]. Она вторична поэтому для глагольного сказуемого. О такого рода пограничном статусе глагола (между глаголом и прилагательным) пишет Дж. Лайонз [27, с. 323-325].

Как видно из описания значений функциональных отношений разных конституентов парадигмы, в ней имеются пропозитивные номинанты с одинаковым количеством обязательных конституентов. Этот факт может быть также продемонстрирован в таблице:

Однако, как также очевидно из выше представленных дефиниций функциональных семантических отношений таких пропозитивных структур, только количественное наличие актантно-сирконстантных конституентов не определяет их семантические ролевые отношения. Фактический материал показывает, что на это влияет и лексико-семантическая соотнесённость актантов или актантов и сирконстанта по отношению друг к другу. В этих случаях, как видно из выше приведенных примеров, наряду с синтагматическим фактором при декодировании пропозитивного отношения учитывается и лексическая семантика субстантивов в пропозитивных номинантах в их актантных и сирконстантных функциях. Так, например, в инвариантных репрезентациях трёхместных событийных отношений адресации и локации, как видно из выше представленных дефиниций и приведённых примеров, отличие состоит в лексико-семантическом содержании третьего участника. Следует заметить, что в лексико-семантическом плане глагол-предикат в таких пропозитивных структурах обладает наибольшей зависимостью от актантно-сирконстантного окружения.

В функциональном отношении адресации третий участник в инварианте представлен именем лица. В линейной структуре пропозитивного номинанта его функциональная роль актуализируется третьей синтагматической позицией, чаще всего с предлогом *à*, а в функциональном отношении локации – именем с пространственным значением, предваряемым тем или иным пространственным предлогом: *Le garcon jette la balle <u>à</u> son partenaire. / Le garçon jette la balle <u>dans</u> le panier. La mère met le vase <u>sur</u> la table. Le bébé jette le joujou <u>sous</u> le divan.*

В двухместных пропозитивных репрезентациях отношений каузации и локативности второй участник в первом случае представлен именем предмета, представителя фауны или лица в беспредложной актуализации, во втором – именем пространства, актуализируемого при помощи того или иного пространственного предлога: *La fillette caresse le chaton. / La fillette est <u>dans</u> la classe. La jeune fille va <u>au</u> cinéma.*

Для функционально распространённых пропозитивных структур (трёхместных, двухместных) уже сама **функциональная конструкция** и **лексико-семантическое содержание актантов или актантов и сирконстанта** достаточны для декодирования её категориального функционального статуса. Для определения категориального функционального статуса одноместных пропозитивных структур приходится обращаться **к семантике глагола-предиката** и использовать также **морфологический (временной) признак и контекст**. Так, для формирования функционального значения свойства глагол-предикат употребляется в панхроническом значении настоящего или прошедшего времени, т.е. приходится выходить за пределы синтаксического уровня.

Прототипический характер отражаемого языковым сознанием события в проекции на категориальный пропозитивный номинант по аналогии вызывает изофункциональный инвариант структурирования [17]. Он может быть даже

грамматизован, как в знаменитой фразе Л.В. Щербы: *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрёнка.* В данном предложении нет ни одной лексемы русского языка, но, благодаря реальным флексиям этого флективного (синтетического) по грамматической организации системы языка, абсолютно легко можно установить функциональные пропозитивные отношения между конституентами предложения. Это отношения каузативности. Более того благодаря наличию частеречных формантов легко устанавливается их частеречная принадлежность.

Пример с *глокой куздрой* показывает, что формирование отражения событийных прототипов в языковом сознании с последующей репрезентацией в функциональной структуре инварианта предложения как пропозитивного номинанта с определённым категориальным функциональным отношением между конституентами отражаемых событийных партиципантов в реальном языке многоуровнево [Ср.: 10, с. 174].

Для аналитического французского языка при отсутствии развитой системы флексий важная роль принадлежит аналитическим средствам: предлогам и строгому порядку слов. Поэтому синтагматическая позиция конституентов функциональных отношений играет во французском языке важнейшую роль. Нижеследующая таблица с лексикализованным представлением категориальных пропозитивных инвариантов демонстрирует эти позиции:

Позиция подлежащего	Позиция глагола--предиката	Позиция прямого дополнения	Позиция косвенного дополнения	Позиция обстоятельства места	Временная форма	Лексический контекст	Название пропозитивной категории
La mère	donne	le bonbon	à sa fille				категория адресации
Le père	met	la voiture		au garage			категория локации
La femme	coupe	le pain					категория каузации
L'élève	reste			au lycée			категория локативности
Le père	travaille					aujourd'hui	категория акциональности
L'enfant	dort				Présent continu	à ce moment	категория состояния
Cet homme	fume				Présent panchronique	d'habitude	категория свойства

Придуманный академиком Л.В. Щербой грамматизованный вариант предложения позволяет видеть действие принципа изоморфизма [20, с. 21-22; 25, с. 232-234] и его синтаксического проявления – изофункционализма даже при проецировании языковым сознанием функционального прототипа мифического события на инвариантное, грамматически нормированное выражение конкретного язык [17].

Список литературы

1. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теорияграмматики. Л.: Наука, 1988. 240 с.

2. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1971. 294 с.

3. Алпатов В.М. История лингвистических учений: Учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.

4. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 384 с.

5. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 204 с.

6. Богданов В.В. О трёх аспектах организации предложения как знакового объекта // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 3. Л., 1987. С. 16-25.

7. Гак В.Г. О семантическом инварианте предложения // Проблемы синтаксической семантики. М., 1976. С. 22-26.

8. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М.: Наука, 1977. С. 230-293.

9. Гак В.Г. Л. Теньер и его структурный синтаксис // Вступ. статья к: Л. Теньер. Основы структурного синтаксиса / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1988. С. 4-12.

10. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.

11. Кручинкина Н.Д. Синтагматика и парадигматика пропозитивного номинанта: Монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1998. 104 с.

12. Кручинкина Н.Д. Пропозитивный номинант как тип языкового знака // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Серия «Филологические науки». Вып. 2. 2009. С. 6-8.

13. Кручинкина Н.Д. Простое двусоставное предложение как инвариант означающего номинанта (языковое выражение прототипа событийного отношения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2009. № 2 (10). С. 178-183.

14. Кручинкина Н.Д. Категориальное пропозитивное семантико-грамматическое оформление концептуализации прототипов событий // Когнитивныеисследования языка. Вып. 7. 2010. С. 386-396

15. Кручинкина Н.Д. Система инвариантных знаковых языковых выражений событийных отношений // Вестник Томского государственного университета. № 335 (июнь 2010). С. 18-25.

16. Кручинкина Н.Д. Концептуализация и категоризация предметно-событийного мира в языковой репрезентации // Когнитивныеисследования языка. Вып. 20. 2015. С. 826-836.

17. Кручинкина Н.Д. Изофункциональное проецирование типовых событий на пропозитивное выражение // Когнитивные исследования языка. Вып. 31. 2017. С. 137-145.

18. Кручинкина Н.Д. Поэтапная деятельность языковой личности в коммуникативном процессе // Когнитивные исследования языка. Вып. 29. 2017. С. 628-636.

19. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 159 с.

20. Курилович Е. Очерки по лингвистике. Сборник статей. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 456 с.

21. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М.: Высш. школа, 1974. 156 с.

22. Москальская О.И. О предмете синтаксической семантики // Проблемы синтаксической семантики. М., 1976. С. 37-39.

23. Сусов И.П. Семантическая структура предложения. Тула, 1973. 143 с.

24. Юрченко В.С. О соотношении семантической и формальной сторон предложения (на материале русского языка) // Проблемы синтаксической семантики. М., 1976. С. 52-55.

25. Brousseau A.-M., Roberge Y. Syntaxe et sémantique du français. Québec, Saint-Laurent, 2000. 352 p.

26. Kerbrat-Orecchioni C. De la sémantique lexicale à la sémantique de l'énonciationi. En 3 t. T. 1. Lille: Univ. de Lille III, 1979. 597 p.

27. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge University Press, 1968. 532 p.

28. Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. P.: Klincksieck, 1959. 659 p.

29. Verspoor M., Dirven R. & Radden G. L'assemblage des concepts: la syntaxe // Linguistique cognitive. Bruxelles: Ed. Delbecque, 2002. P. 103-136.

30. Willems D. Syntaxe, lexique et sémantique. Les constructions verbales. Gent: Rijkuniversitet te Gent, 1981. 276 p.

УДК 81'1

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТЕ

МЕЛЬНИЧЕНКО НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА
к. филол. наук, ученый секретарь ученого совета,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, nataliamelnichenko@yandex.ru

В работе рассматриваются ограничительные отношения в тексте и грамматические средства их выражения. Анализ конструкций, которые они образуют, позволяет отметить различные смысловые оттенки, которые вносят частицы, союзы, вводные слова, а также выделить виды ограничительных отношений.

Ключевые слова: отношения ограничения, ограничивающий и ограничиваемый компонент.

Ограничительные отношения в русском языке двухкомпонентны (один из компонентов может быть не назван в контексте, но обязательно подразумевается): ограничиваемый и ограничивающий компоненты могут быть

выражены словами (членами предложения), предикативными единицами и частями текста. Их маркируют различные грамматические средства выражения отношений ограничения: частицы, союзы, вводные слова и др., а также отдельные слова с широким абстрактным значением – метаслова.

В данной работе мы рассмотрим отдельные грамматические средства выражения отношений ограничения в тексте.

Основным средством выражения ограничительных отношений является частица-союз *только*, так как она наиболее однозначна и стилистически нейтральна: *На том месте, где садилась тарелка, лежал ровный, нетронутый снег. Они выбежали на крыльцо – молодой месяц, как попугай, сидел на ветке. И-ни следа, ни пятнышка!* ***Только*** *на столе стояло пять чашек вместо двух, а ведь если бы Ёжик с Медвежонком были вдвоём, зачем бы им понадобилось ещё три чашки?* (Сергей Козлов. Новогодняя сказка // «Мурзилка», 2003). Ср.: И.А. Фигуровский отмечает *только* как средство выражения выделительных отношений [7, с. 39], А.Ф. Прияткина описывает выражаемое частицей-союзом *только* значение как значение противительного ограничения [3, с. 28].

Данное слово возглавляет синонимические ряды: 1. Только, лишь, всего, всего-навсего, всего лишь, всего только; 2. Только, лишь, исключительно, единственно [4]. Они соответствуют значениям: 1) «не больше чем столько-то, ничего другого, кроме»; 2) «единственно, исключительно».

Синонимичные частице *только* грамматические средства также могут участвовать в выражении ограничительных отношений в тексте: *Город Чуфырино, разбросанный по уральским предгорьям, в общем-то, состоял как бы из отдельных посёлков, плотно приникших к бокам и округлостям холмов.* ***Лишь*** *возле завода и ближе к станции стояли двумя улицами кирпичные дома без архитектурных излишеств, только у двух-трех домов, где жило, как догадался Данила, местное начальство, по второму этажу было сооружено что-то вроде веранд, антресолей или ещё как, меж недавно побелённых колонок виднелись деревянные цветочные ящики, тоже совсем недавно покрашенны*е (Виктор Астафьев. Пролетный гусь).

Близки к данным грамматическим средствам не названные в словарях синонимов частицы-союзы *разве*, *разве что*, *разве только*. Выполняя функцию союзов, они могут связывать предложения в тексте, в качестве частицы осложняют какой-либо член предложения. Например: *Почему истерлись эти сердечные нити, которые, казалось бы, не были омрачены* ***ничем****?* ***Разве только*** *возрастом? Их, уходящих, уже не появляющихся в их доме из-за болезней, слабости, просто старости, он, П.П., просто отодвинул, забыл, погружаясь в большой – как ему казалось тогда – раскрывающийся перед ним мир дела и крупного успеха* (Александр Мишарин. Белый, белый день // «Октябрь», 2003). В данном случае ограничительные отношения выражаются при помощи союза *разве что* в конструкции, где ограничиваемый компонент представлен дополнением, выраженным отрицательным местоименным наречием.

Позиция ограничивающего компонента – члена предложения – может быть замещена предикативной единицей, в том числе ТО-ЧТО-предложением, представляющим собой придаточную изъяснительную часть вместе с местоимением *то*: ***Что я ей мог возразить? Разве только то, что мы-то с ней здесь**, значит, еще не все…* (Евгений Шкловский. Последние); *Ну, **чем я лучше Симонова**, думал я. **Разве что тем, что не побоялся встретиться с Виталием*** (Виктор Некрасов. Саперлипопет). Ср. также: *И вдруг Аля подумала, что, может быть, напрасно удивляется. **Что она знает о Нине? Только то, что видит на сцене**. А там – то Джульетта, то Бесприданница, попробуй пойми!* (Анна Берсенева. Полет над разлукой). Типы ограничиваемых компонентов в контекстах с союзами *разве*, *разве что*, *разве только*, *только*, *лишь* одинаковы по структуре. Данные единицы, безусловно, близки по значению и представляют собой семантические синонимы. Их объединяет ограничительное значение исключения чего-то из того, что обозначает ограничиваемый компонент: «я ничем не лучше Симонова, разве только тем, что не побоялся встретиться с Виталием; она ничего не знает о Нине, только то, что видит на сцене».

При этом анализ конструкций показывает и различие данных грамматических средств. Так, союзы-частицы *только* и *лишь* используются для выражения уверенности говорящего в существующем ограничении. При употреблении союзов-частиц *разве*, *разве что*, *разве только* высказывается предположение о наличии ограничения, которое может представляться как маловероятное и несущественное: *«Может быть, вы и правы. Однако, как я понимаю, у вас есть какие-то свои интересы в этом деле? – **Ни Боже мой**, – ответил Матвей Сергеевич. – **Разве что пустяк, маленькое одолжение**, о котором, возможно, и не стоит сейчас говорить»* (Петр Галицкий. Опасная коллекция). Неполная уверенность может дополнительно подчеркиваться другими языковыми средствами, например, вводными словами: *Прошедшее неподвластно человеку, ничего уже изменить нельзя. **Разве что** в настоящем и, **может быть**, в будущем – у того, у кого оно есть* (Василь Быков. Короткая песня).

Кроме союзов-частиц в качестве средств выражения ограничительных отношений могут выступать различные сочетания, употребляемые в значении наречия, частицы, вводного слова и др.

Вводное сочетание *во всяком случае* в современном русском языке преимущественно выполняет функцию модального слова со значением уверенности. Наблюдается явление грамматикализации. Об этом свидетельствуют и синтаксические функции, которые оно выполняет. Сочетание *во всяком случае* может осложнять члены предложения: *Ни у меня, ни у моей спутницы **не обнаружилось оружия. Во всяком случае такого, которое можно было бы отобрать*** (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все). Данное осложнение – один из видов вторичных союзных связей [2, с. 262-268.]

Кроме членов предложения, сочетание *во всяком случае* осложняет предложения, входящие в состав сложных предложений и фрагментов текста. Наиболее часто сочетание *во всяком случае* осложняет компонент со значением вывода в составе конструкций с отношениями основания – вывода. Оно представляет основание как наиболее бесспорное с точки зрения говорящего и, следовательно, как минимально достаточное для вывода, раскрытого в первой части конструкции: ***Мне показалось, что он уже успокоился. Во всяком случае, поза его на мотоцикле выражала обычную для него ленивую расслабленность*** (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема) (Книга 1).

Вывод в рассматриваемых конструкциях обычно является предположительным, на что указывают разнообразные средства (помимо модальной рамки, как в приведённом примере, вводные слова, частицы, контекст). Значение минимально достаточного основания, внесённое единицей *во всяком случае,* способствует некоторому усилению уверенности в выводе. Достоверность основания может быть дополнительно подчёркнута лексическими средствами: *Я сознательно (чегемские старцы!) не даю более точного адреса. Что касается его бывшей жены, то* ***она благополучно живет со своим монтером, насколько благополучно можно жить с человеком, который в пьяном виде поколачивает ее, не без основания утверждая, что она в свое время изменяла мужу. Во всяком случае, можно отдать голову на отсечение, что он ее не называет своим маленьким оруженосцем*** (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема) (Книга 3).

Сочетание *во всяком случае* может осложнять компоненты сложных предложений и фрагментов текста и с другими отношениями, например, компонент со значением причины: *Я целую неделю болезненно привыкал к своей роли наживки на крючке, а потом внезапно успокоился и даже* ***испытал некоторое облегчение. Во всяком случае, быть в неведении еще хуже****, а за страхи, иногда все же меня посещавшие, с лихвой вознаграждали наши изменившиеся, потеплевшие отношения с Лартом* (Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник).

Помимо осложнения членов предложения и предикативных единиц, сочетание *во всяком случае,* как и многие другие модальные слова, может выполнять союзную функцию, связывая предложения в тексте, предикативные единицы сложного предложения, однородные сказуемые и другие члены предложения.

Значительную часть конструкций, в которых сочетание *во всяком случае* выполняет союзную функцию, составляют предложения с отношениями частичной конкретизации. Данные отношения между предложениями и в тексте были рассмотрены Г.Д. Фигуровской [6]: *В морях и океанах Эо Тау уже уничтожены* ***подводные хищники. Во всяком случае, те из них,*** *которые близко подходят к берегам* (Виталий Губарев. Путешествие на Утреннюю Звезду); *В своем восхищении Петькой он был абсолютно уверен, что тот знает* ***практически все. Во всяком случае – все, что касалось военных*** (Андрей Геласимов. Степные боги).

Другую группу конструкций, где сочетание *во всяком случае* выполняет с союзную функцию, составляют предложения и единицы текста с собственно ограничительными отношениями. Они выражают ограничение полноты проявления того или иного положения дел тем, что является безусловным его проявлением: *Ему не с кем было поделиться. В Академии его любили, но одновременно завидовали. На факультете состряпалось несколько бытовых персональных дел и* ***бдительность постоянно повышалась. Во всяком случае, разводы никак не поощрялись*** *и просьбы такого рода командование оставляло в лучшем случае без последствий* (Владимир Корнилов. Демобилизация); полноты проявления признака, качества, оценки, квалификации: *Епископы рассказывали брату Всеволоду, что* ***франкский король представительный воин. – Во всяком случае, он высокого роста, и у него приподнятые плечи****, что говорит о большой силе (А.П. Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции*); отрицания частичным утверждением: *Я вам дам телефон Георгия Багратовича и свой,* ***но вы ему не звоните. Во всяком случае, сначала позвоните мне, перед тем как звонить ему****, а я, в свою очередь, запишу у себя в календаре, чтобы предварительно проконсультироваться…* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2); *Когда она села рядом со мной, я ощутил запах духов, которыми она* ***раньше не пользовалась. Во всяком случае, при Сереже от нее всегда пахло иначе*** (Андрей Геласимов. Год обмана); неизвестного достоверно известным: ***Не знаю, что она делала там за своей закрытой дверью. Во всяком случае, точно уж не спала****. Невозможно поверить, что человек может спать с такой силой, с такой бесконечной решимостью и с такой злостью, что ему требуется настолько плотно закрытая дверь* (Андрей Геласимов. Рахиль (2004) // «Октябрь», 2003) и др.

Сочетание *другое дело, что* при выражении ограничительных отношений вводит какой-то факт, противоречащий сказанному ранее и тем самым ограничивающий его: *Прямо говорю: много есть людей умнее, талантливее, веселее меня…* ***Другое дело, что*** *встретить кого-либо из них до сих пор почему-то не удалось* (Анатолий Трушкин. 208 избранных страниц). Описываемое сочетание функционирует также в варианте *но другое дело, что*: *Вся информация заложена там, в генах.* ***Но другое дело, что*** *она закрыта. Есть блокирующий какой-то механизм* (Евгений Коваленко. Коллекционер! // «Пятое измерение», 2002).

Сочетание *другое дело, что* занимает позицию между ограничиваемым и ограничивающим компонентами, вводя последний. Данные конструкции имеют четкую структуру: ограничивающий компонент следует за ограничиваемым. Они выражаются предикативными единицами (одной или несколькими): *Что-то успело сцепиться, какие-то крючочки, ниточки – бог его знает, он не смог бы этого объяснить, – но* ***почти не сомневался, что никуда она не уйдет и что ей хочется высказаться****.* ***Другое дело, что он не знал, где у этой девушки кончается искренний порыв и начинается заранее задуманная программа****…* (Вера Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный). Данное средство не обладает способностью связывать отношениями ограничения члены

предложения. Это определяется структурой сочетания: союз в его составе присоединяет ограничивающий компонент, выраженный усечённой придаточной частью сложноподчиненного предложения.

С помощью сочетания *другое дело, что* выражаются разные виды ограничения: ограничения существующего положения дел, ограничение действия, ограничение оценки, ограничение суждения, предположения о чем-ком-либо: *Корреспондент за кадром сказал:* «*Все эти действия легко подпадают под соответствующие статьи – о шпионаже, о разглашении государственной тайны, об измене Родине. Еще недавно за них легко можно было схлопотать – высшую меру наказания». Эфэсбэшник, сидевший к камере спиной, кивнул: «Нет,* ***статьи эти до сих пор определяют довольно серьезные наказания. Другое дело, что поймать шпионскую фирму, как говорится, за руку практически невозможно****»* (Андрей Житков. Кафедра) – ограничение существующего положения дел.

Существительное *ограничение* способно выражать синтаксические отношения в метонимическом значении, выступая как метаслово. При таком употреблении валентные позиции данного слова не замещены. Метаслово образует различные метаконструкции при обозначении ограничительных отношений (см. подробнее об этом: [5]).

Благодаря своему широкому абстрактному значению оно формирует связи между предикативными единицами (ПЕ) в СП и предложениями в тексте: *У нас, белых магов, запрещено лезть друг другу в мысли. Вот у черных магов – у них все запросто.* ***Хоть с нежитью якшайся, хоть испепеляющие молнии швыряй – полная свобода. Разве что одно ограничение – добрых дел не твори, не то плохо будет*** (Дмитрий Емец. Таня Гроттер и магический контрабас). Можно заменить данную конструкцию: «они обладали полной свободой, только не могли творить добрые дела». Существительное *ограничение* в именительном падеже в функции сказуемого относится к предшествующей предикативной единице, называющей ограничиваемый компонент. Ср. также: подобные конструкции возможны при функционировании другого метаслова, выражающего ограничительные отношения, – существительного *исключение*: ***Светских приятелей у него не было, собутыльников из литературной богемы он презирал*** *и окончательно порвал с ними, после того как бросил пить, а* ***с именитыми коллегами не знался из гордости****, не желая терпеть покровительственного к себе отношения. – Единственное* ***исключение*** *–* ***Тургенев****, – закончил Довгайло. – Они с Николаем Евгеньевичем были дружны* (Леонид Юзефович. Князь ветра).

Ограничение выражается в форме отношений конкретизации в следующих примерах: ***Обед****, который готовился на конкурс поварами вагонов-ресторанов,* ***имел только одно ограничение. Фантазия кулинаров должна была укладываться в 40 рублей*** (Полина Соколова. Самые вкусные обеды – в калининградском поезде «Янтарь» (2001) // «Аргументы и факты», 2001.06.06); *Но сами созидатели этого мартиролога отнюдь не сознавали себя извергами – да и в глазах посторонних не слыли за таковых. Просто говорилось: «С детьми*

без этого нельзя». И допускалось в этом смысле ***только одно ограничение: как бы не застукать совсем****. Ср.: «приготовление обеда ограничивалось только стоимостью 40 рублей», «детей можно было бить, но только не убивать»*.

Таким образом, синтаксические отношения ограничения могут на уровне текста выражаться с помощью разных грамматических средств. Они способны вносить дополнительные смысловые оттенки, создавать конструкции, выражающие различные виды ограничения.

Список литературы

1. Национальный корпус русского языка: http://www.ruscorpora.ru/.

2. Прияткина А.Ф. Вторичные союзные связи // Исследование по славянской филологии. Сборник, посвященный памяти академика В.В. Виноградова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. С. 262-268.

3. Прияткина А.Ф. Союзные связи в простом предложении: Учебное пособие. 2-е изд., дополн. Владивосток, 2005. 80 с.

4. Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л.: Наука, 1970.

5. Фигуровская Г.Д. Отношения частичной конкретизации в предложении и в тексте // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». 2014. № 4. С. 46-62.

6. Фигуровская Г.Д. Метаконструкции в сложном предложении // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. Т. II. М., 1998. С. 169-171.

7. Фигуровский И.А. От синтаксиса отдельного предложения к синтаксису целого текста // Избранные труды. Елец, 2004. 483 с.

УДК 81'1: 659.

РОЛЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

МИСЯЧЕНКО СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА
к. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Казахстан, г. Петропавловск, svet_mis74@mail.ru

В статье рассматривается прагматический аспект, включающий освещение проблем, связанных с адресантом, адресатом, стратегией и тактикой речевого поведения и предполагающий исследование прагматически значимых единиц языка в текстах современной рекламы.

Автор статьи приходит к выводу, что современная реклама представляет собой актуальный вид информирования населения о товарах, о работе фирм. Огромными возможностями воздействия на потенциального потребителя располагают языковые средства, в том числе синтаксические.

Ключевые слова: реклама, прагматика, вопросительные предложения, императивные конструкции, безглагольные предложения.

Современная лингвистика характеризуется поворотом от системно-структурной лингвистики к лингвистике языкового общения, прагматической лингвистике. Можно сказать, что в последние годы лингвистика обратилась «лицом к жизни». Еще В. фон Гумбольдт подчеркивал, что языковая деятельность есть форма жизни человека. Язык «встроен» в жизнь и деятельность человека и не может быть понят без обращения к ним. «Учет прагматических факторов – это одно из проявлений наблюдаемого сегодня общего поворота от изучения языка как идеальной, противоречивой системы, которой пользуются идеальный говорящий и идеальный слушающий, к изучению языка как системы сложной и нередко непоследовательной, от исследования языка как системы в себе к исследованию языка как системы, функционирующей и изменяющейся в условиях и для целей общественного взаимодействия людей» [5, с. 152].

Воздействующая функция рекламы напрямую связана с языковыми средствами языка, в частности с синтаксисом. При умелом использовании в современной рекламе синтаксических средств языка у потенциального потребителя появится желание приобрести товар или воспользоваться услугами фирмы.

Одним из коммуникативных типов предложений в рекламе являются побудительные, императивные конструкции, призывающие к немедленному совершению действия: Попробуй! Купи! Приобрети! Спешите купить! Спрашивайте в аптеках! Сделайте ваш выбор! Позвони и купи сейчас! Увидел – купи!

Основная установка рекламных текстов в большинстве случаев может быть выражена глаголом: «Покупайте!». Призывную функцию выполняет императивная функция глагола, которая в своем прямом значении выполняет апеллятивную функцию.

С.С. Ваулина справедливо замечает, что «…повелительное наклонение относится к прагматическому аспекту» [1, с. 13], так как, в сущности, «хоть императив и является глагольной формой, он выражает не процесс, не действие как таковое, а волю говорящего, его приказ или просьбу о том, чтобы было совершено действие» [1, с. 67], в то время как изъявительное и сослагательное наклонения «к прагматике непосредственного отношения не имеют» [1, с. 13].

Мы считаем, что повелительные глаголы в рекламе выполняют функцию направляющих команд, которые контролируют сознание и заставляют сделать нужный выбор. Формы императива отражают референтную ситуацию апеллятивного общения, т.е. побудительную ситуацию, причем императив отражает волеизъявление говорящего относительно выполнения/невыполнения действия.

Императивные конструкции в рекламных текстах обычно призывают к немедленному совершению покупки, причем сразу же объясняется очевидная

выгода, необходимость такого действия. Например: «Холстейд». Продли свою молодость!» (реклама предлагает купить не просто напиток, а приобрести и продлить молодость, тем самым подчеркивая достоинства рекламируемого продукта); «Используйте «Бост» для хорошего запаха во рту» (реклама предлагает приобрести нужный для потенциального покупателя товар); «Тюнс». Настройся на здоровый лад»; «Тюнс». Настройся на новый лад» (императивная конструкция *настройся на здоровый лад* представляет с собой трансформированное крылатое выражение: *на новый лад.* Реклама предлагает новое средство избавления от боли в горле, ненавязчиво обещает избавиться от этого недуга). «Забудьте о морщинах! Крем Nivea Vizage Q 10» (реклама предлагает эффективный крем против морщин и обещает избавиться от морщин).

Необходимо иметь в виду, что «убедить человека купить товар можно только в том случае, если у него есть к этому товару интерес» [3, с. 13]. Одним из способов создания рекламного сообщения является создание позитивного отношения к рекламируемому товару. Потребитель желает не только качественных товаров, ему нужны позитивные образы товаров. Примером такой рекламы может служить реклама мыла «Duru: «*Дарите праздник, дарите настроение!* Мыло «Duru»; «Мыло «Duru». Чистое наслаждение!».

Авторы рекламы стремятся повлиять на потенциального покупателя, убедить его в истинности сказанного посредством таких слов, которые способны вызвать определенные мысли, положительные эмоции: *праздник, подарок, хорошее настроение.*

Императивные конструкции содержат в себе стратегию убеждения адресата в необходимости приобретения рекламируемых товаров для повышения собственной привлекательности, гламурности, неотразимости: *Преображайся!*; *Не бойся быть яркой!*; *Удивляй! Уверенность в себе – твой главный плюс!; Перед тобой – «Visions». Стань супермодной!*; *Коллекция «Camay». Будь неотразимой!*

Авторы рекламы используют прием скрытой команды. Функция побуждения прослеживается в подтексте фразы: «Если Вам нужна чистота, выбирайте «Тайд». Последняя фраза повторяется во всех рекламных роликах этого порошка, стала девизом фирмы:

«Тайд» представляет сенсационное открытие.

Новая улучшенная формула «Тайд».

Чистота – чисто «Тайд».

Компания заявляет о себе: продукцию фирмы узнают по девизу: *Чистота – чисто «Тайд».*

Иногда рекламный текст представляет собой только одну фразу, так как рекламируемый продукт уже настолько известен всему миру, что не нуждается в развернутой рекламе. Иногда достаточно одного слогана, чтобы обратить внимание на рекламу. Например: *«Knorr». Вкусен и скор»* (под этой маркой дают полезные кулинарные советы и мастер-классы известные шеф-повара)*;* «*M&M's. Тает во рту, а не в руках!* (реклама самых популярных конфет,

название которых легко расшифровывается: Марс и Мьюрри'с – это две фамилии двух основателей компании производителя); «Rondo». *Свежее дыхание облегчает понимание!»* (в 90-е годы вышла целая серия рекламы мятных конфет «Rondo», которая стала узнаваемой).

Важная составляющая специфики рекламного текста связана с его минимальными размерами: такой текст должен быть лаконичным, легко читаемым, легко запоминаемым. Например:

«Чай «Принцесса Нури» – согласие в вашем доме!»;

«Kindersurprise». Всегда радость!»;

«Ариэль» – чистота без тени сомнения».

Лаконичность данных рекламных текстов используется для достижения коммуникативного эффекта. Составители рекламы ставят потенциального потребителя перед фактом: необходимо приобрести именно эти товары. Задача авторов рекламы – отыскать емкие, значимые изобразительные средства языка для воздействия на потенциального потребителя, поскольку «хорошая реклама не просто нравится, запоминается и заинтересовывает товаром или услугой, но формирует в сознании потребителя объемный, рекламный образ товара, который и побуждает впоследствии желание воспользоваться товаром или услугой».

Создатель рекламы использует такие языковые средства, которые вызывают конкретные представления об объекте рекламы и воздействуют на адресата.

Так, в рекламе чая «Принцесса Нури» заложена информация о том, что именно данный чай поможет обрести счастье, гармонию и согласие в семье. Стоит только купить чай этой марки. А шоколад марки «Kindersurprise» подарит радость любому ребенку. В рекламе стирального порошка «Ариэль» заложена мелиоративная информация: *чистота без тени сомнения*. Составители рекламы использовали известную фразеологическую единицу, подчеркнув с абсолютной уверенностью качественные свойства рекламируемого порошка.

Для привлечения внимания к продукции авторы рекламы используют доверительный тон. Непринужденность изложения создается дружеским обращением и вопросо-ответной конструкцией. В качестве зачина выступает вопросительное предложение, но вопрос ставится не с целью получить на него ответ, а чтобы привлечь внимание потребителя. Однако развитие темы дается как предполагаемый ответ на этот вопрос: «Почему бы и нет…».

Так, в рекламном тексте:

«Могут ли красивые волосы без перхоти сделать мечту ближе? Почему бы и нет, если ты используешь новый «Headandshoulders». Новый «Headandshoulders» содержит восстанавливающие элементы. Он препятствует образованию перхоти и поддерживает здоровье кожи головы. А это основное условие роста красивых и здоровых волос. «Headandshoulders». И ты готов ко встрече с мечтой» – используется разговорный стиль. Текст завершается слоганом, который подводит итог сказанному (рекламный текст повторяет четкое оформление: «сделать мечту ближе» – желание, высказанное в зачине

рекламы, находит свое разрешение в слогане, завершающем рекламу – «и ты готов ко встрече с мечтой»).

В рекламе использованы лексические повторы, составляющие цепочку зависимостей: *красивые* волосы – *здоровье* кожи головы – *красивые* и *здоровые* волосы. Авторы текста апеллируют к чувствам потенциального покупателя: во-первых, каждый хочет иметь красивые и здоровые волосы без перхоти; во-вторых, у каждого есть мечта, которую хочется «сделать ближе». Рекламисты предлагают такой шампунь, с помощью которого можно «встретиться с мечтой». Таким образом, составители рекламы пытаются достичь своей цели.

Иногда вопросы ставятся один за другим. Подобные вопросительные комплексы являются ярким выразительным средством. С точки зрения теории речевых актов они получили более емкое и точное определение – «суггестивные квеситивы» [4, с. 113-116], которые могут приобретать гибридную форму «квеситивных директивов» с учетом их ситуативной полиинтенциональности» [2, с. 113-116].

В рекламных текстах вопросительные предложения частотны. Копирайтер старается предугадать вопросы потребителя, задает эти вопросы и отвечает на них:

«Где отдохнуть вечером вдвоем?
Где попробовать изысканное блюдо?
Где потанцевать под негромкую музыку?
Ресторан «Тет-а-тет».

Создается эффект участия потребителя в разговоре.

Еще больший эмоционально-воздействующий эффект достигается употреблением вопросов с анафорическим началом, что создает ритмическую организацию текста и способствует логическому усилению авторской речи. Например:

«Ты молода телом, душой и сердцем?
Ты независима и оригиналь
Ты уверена в себе?
Ты хочешь быть современной во всем?
Не надо долгих поисков.
Перед тобой – «Visions».
Стань супермодной!»;

«*Вы* не любите долго ждать?
Вы привыкли жить в темпе?
Вам даже некогда перекусить?
«Gallina Blanka представляет Вам «Быстросуп».
«Быстросуп» − для жизни в темпе».

Для эффективного запоминания рекламного текста используются оценочные слова: *независимый, оригинальный, современный, супермодный.* Содержание данных слов раскрывает человеческие потребности, запросы: быть супермодным, современным, самостоятельным, неповторимым, оригинальным, особенным.

Такое стремление человека объясняется через «пирамиду потребностей» американца Абрахама Маслоу, согласно которой наивысшей потребностью является самоутверждение. Люди покупают вещи, которые им вовсе не нужны. Причиной этому является стремление к самоутверждению. Реклама говорит об индивидуальности человека, входящего в определенную группу себе подобных, самобытности в определенных обстоятельствах. Идет своеобразная игра в повышение социального статуса, основа которой – иллюзия личностного превосходства.

Как отмечает Геращенко Л.Л., «…цель рекламы – максимальное удовлетворение интересов потребителя, а не самолюбия ее создателей» [3, с. 188].

Так, авторы рекламы кубиков «Gallina Blanka» учитывают интересы современного человека, который «привык жить в темпе». Они предлагают продукт от «Gallina Blanka» «Быстросуп». Само название говорит о свойстве товара: быстрый в приготовлении, способный утолить голод (низшие потребности – по «пирамиде потребностей»).

Синтаксис рекламы представляет широкие возможности для функционирования безглагольных предложений. Составители рекламы стремятся к точности, краткости. Этим объясняется частотность безглагольных предложений в тексте рекламы.

Экспрессивными и прагматически значимыми являются безглагольные предложения, выступающие в функции рекламного слогана. Они экспрессивны, эмоциональны, содержат оценочный компонент:

«Йогурт «Айналайн» – наслаждение вкусом»;

«Чарующий аромат чая «Гранд»;

«Олимп» – божественный вкус»;

«Чай «Шах» – царский напиток»;

«Bonagua» – достоинство чистой воды».

Эти конструкции способны не просто называть, но и давать оценку, выявлять наиболее выразительные, значимые, с точки зрения прагматики, детали рекламируемого товара или услуги. Так, создатели рекламы йогурта «Айналайн» обещают потенциальному покупателю наслаждение от вкуса этого продукта. Эмоционально-оценочная нагрузка лежит также на ключевых словах: *чарующий, божественный, царский.* Чай «Гранд» характеризуется как напиток с приятным, душистым запахом; обладающий притягательной, чарующей силой.

В условиях конкуренции составители рекламы разных фирм пытаются построить «уникальное торговое предложение», выделиться из множества других фирм, не повторяться. Как отмечают знатоки рекламного дела, «…рекламное сообщение должно быть также конкурентно способным и уникальным, потребителю нужно помочь понять, в чем суть уникальности рекламируемого товара» [3, с. 192].

Так, овеяна легендой реклама напитка «Олимп»:

«Из глубины веков дошло до нас
предание о прелести *напитка для богов.*
«Олимп» – божественный вкус»!

С точки зрения авторов рекламы, потенциального потребителя может подкупить сравнение напитка «Олимп» с напитком для богов. В древнегреческой мифологии напитком для богов считался нектар, дающий им бессмертие и вечную юность. Напиток с древнегреческим названием «Олимп» представляется как прекрасный, живительный, божественный. В безглагольном предложении подчеркиваются божественные вкусовые качества этого напитка: *прекрасный, бесподобный, превосходный, ни с чем не сравнимый по своим вкусовым качествам*.

Реклама учитывает стремление человека к индивидуализации, к желанию выделиться. В слогане рекламы чая *Чай «Шах»: Чай «Шах» – царский напиток»* создается иллюзия личностного превосходства посредством такого словосочетания, как *царский напиток.* Чаю дается высшая оценка: он характеризуется как роскошный, богатый по своим вкусовым качествам (сравните: *царский ужин, царский подарок)*. Оценивается и вкус покупателя: тот, кто выбирает этот чай, обладает безупречным вкусом.

Безглагольная конструкция в слогане рекламы *«Bonagua» – достоинство чистой воды»* подчеркивает главное достоинство воды – достоинство *чистой воды.* Вода «Bonagua» оценивается как чистая, без примесей, пригодная для употребления.

Таким образом, составители рекламы стремятся завоевать внимание и доверие потребителя, привлечь на свою сторону и решить проблему сбыта товара. С этой целью в рекламных текстах специальные синтаксические конструкции, в том числе безглагольные предложения, выступающие в функции слогана. Воздействие рекламы – это сложный, непрерывный и постоянный психологический процесс. Среди других видов рекламы телевизионная реклама обладает максимальным воздействующим потенциалом.

Главная коммуникативная задача авторов рекламных текстов – убеждение адресата совершить покупку или воспользоваться услугами фирмы – реализуется различными средствами языка, в частности синтаксическими конструкциями с эмоционально-оценочным потенциалом. Составители рекламы выполняют коммуникативную задачу – убедить потенциального покупателя сделать правильный выбор, приобрести рекламируемый товар, воспользоваться услугами фирмы.

Создатели рекламных текстов выбирают такие средства языка, которые обеспечивают оптимальный эффект восприятия конкретного текста. Каждая языковая единица в рекламном тексте служит реализации коммуникативно-прагматических целей. На синтаксическом уровне прагматически значимыми являются императивные конструкции, вопросительные, безглагольные предложения.

Список литературы

1. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. 142 с.

2. Воейкова А.А. Структурно-функциональные особенности вопросительных предложений (на примере текстов русской рекламы) // Вестник ТПГУ. 2015. № 6 (159). С. 113-116.

3. Геращенко Л.Г. Азбука рекламы. М.: ООО Издательский дом «Диаграмма», 2005. 320 с.

4. Коротченко Н.В. Функционально-прагматическое поле квеситива (на материале современного английского языка): Дис. … д-ра филол. наук. Днепропетровск, 2005. 242 с.

5. Почепцов Г.Г. О месте прагматического элемента в лингвистическом описании // Предложение и текст. М., 1998. цит. в ст. Ким Г.В. Прагматические ориентиры в художественном тексте // Вестник КазНУ Серия филологическая. 2005. № 2 (54). С. 152-155.

УДК 811.161.1

ПРЕДИКАТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В ФУНКЦИИ ОБРАЗА УСТОЙЧИВОГО СРАВНЕНИЯ

ОГОЛЬЦЕВА ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА
д. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва, tertiumcomp@mail.ru

В статье рассматриваются устойчивые сравнения, образная основа которых представляет собой предикативную единицу – предложение. В результате анализа словарных дефиниций и материалов Национального корпуса русского языка выявлены некоторые особенности подобных компаративных конструкций: наличие глагола – семантического ядра

образного представления; гипотетическая (иррациональная) ситуация как способ образной характеристики; широкие возможности структурного и лексического варьирования компонентов.

Ключевые слова: предикативная конструкция, устойчивое сравнение, компаративная фразеология, структурная модель устойчивого сравнения, образ сравнения, объект образной характеристики, компаративно-предикативная конструкция, вариативность.

Наиболее распространённая структурная модель устойчивых компаративных единиц русского языка – ***mB***, где ***m*** – показатель компаративных отношений, ***B*** – образ сравнения, выраженный существительным (субстантивированным прилагательным или причастием) в форме именительного падежа: *как столб* (стоять / неподвижно); *как автомат* (работать / напряжённо, бесперебойно); *как мышка* (тихий, неприметный); *как мертвец* (бледный); *как клещ* (вцепиться); *как оголтелый* (кричать, орать); *как угорелый* (бежать, мчаться); *как литой* (крепкий, плотный / о теле человека) и т.п. Эта модель может быть названа «прототипической»; в самом деле, именительный падеж существительного – наиболее яркая, наглядная и простая форма языковой репрезентации образа сравнения.

Устойчивые сравнения (далее УС) с компонентом ***B*** – существительным в форме косвенного падежа – это уже более сложные компаративные структуры: *как в лихорадке* (трястись), *как от огня* (бежать). Если УС базовой модели выражают сравнение конкретного предмета действительности с тем или иным понятием, то УС с формой косвенного падежа существительного обладают возможностью образного выражения фрагмента ситуации. Каждое подобное УС представляет собой своего рода эллипсис – конструкцию, в которой опущено основание сравнения (чаще всего глагол или предикатив): *как на базаре* – шумно; *как на бал* – собираться; *как из прорвы* – валиться, сыпаться; *как от <назойливой> мухи* – отмахиваться; *как<солёного> зайца* – гонять; *как <дорогого> гостя* – встречать и проч. При этом признак-основание сравнения (компонент ***C***), как правило, эксплицируется в ситуации употребления, в контексте, в то время как УС типа *как столб* или *как мышка* нередко употребляются без слов-сопроводителей в силу самоочевидности последних и их не столь тесной синтаксической связи со словом, выражающим компонент ***B***. Кроме того, в контексте находит выражение и компонент А – объект образной характеристики: *– Приказы (А) сыплются (С),* ***как из прорвы:*** *разгромить банду такую-то, ликвидировать там-то, уничтожить то-то!...* (А.А. Фадеев. Последний из Удэге).

Иногда образ – существительное им. п. имеет при себе «синтаксический распространитель» (условно обозначим его литерой ***β***): *как жук в навозе* (копаться); *как дерьмо в проруби* (болтаться); *как новый гривенник* (сиять); *как угорелая кошка* (бежать, нестись): *– А что же, вы хотите, чтобы восемнадцатилетний парень, выйдя из школы, смотрел на девушек* ***как баран на новые ворота****? Считаете, что это мужества ему прибавит?* (К.М. Симонов. Последнее лето).

Совершенно особый (и относительно редкий) случай – **выражение образа сравнения предикативной конструкцией**, которая представляет собой простое двусоставное предложение: *как Бог на душу положит, как гора с плеч свалилась, как (словно, точно) столбняк нашёл, точно реченька журчит* и т.п.

Специфику семантики и употребления подобных устойчивых сравнений впервые отметил В.М. Огольцев в монографии 1978 года «Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии». Указав на то, что «в одноэлементной устойчивой компаративной структуре элемент ***В*** может быть представлен словом *(как слепой)*, словосочетанием *(как кисейная барышня)* и <…> предложением *(как Мамай прошёл)*», автор отметил целый ряд особенностей, которые отличают УС последнего типа от других структурных моделей:

1. «Сравнение характеризуется двойными элементами А и В. Элемент А представлен субъектом и предикатом мысли (А + С-1), и ему соответствует элемент В, также представленный субъектом и предикатом (В + С-2)»: *Некто* (А) / *живёт* (С-1) / *(вольготно)* ($С_2$) / *как (словно)* (m) / *сыр* (В) *катается* (С-2) / *в масле* (γ). Признаки С-1 и С-2 выступают в качестве двух параллельных заданных членов сравнения.

2. Представление, которое передаётся подобными сравнениями, «способом прямого описания может быть передано лишь приближённо, что достигается обычно рядом синонимов: *хорошо, вольготно, беззаботно, в довольстве* и т.д.»

3. В качестве признака, выражаемого сравнениями данного типа, «выступает ощущение, которое в силу характерной для всякого ощущения индивидуальности не находит выражения в слове и по этой же причине не может конкретизироваться принадлежностью какому бы то ни было предмету (субстанции)». Поэтому ощущение получает выражение путем прямого отождествления с определённой ситуацией. «Компаративно-предикативная конструкция как раз и является языковым выражением этой ситуации» [7, с. 107-109]

Подобных УС в русском языке насчитывается около двадцати, причём преобладают единицы, входящие в идеографическую группу «эмоциональное состояние и его изменение»: *как (словно, точно) гора с плеч свалилась; словно (точно, будто) камень с души [плеч, сердца, груди] упал; как (будто, словно) бомба разорвалась; словно (точно, будто) пелена [упала] с глаз; словно (точно, будто) кошки скребут [на душе, на сердце]; словно (будто, точно) крылья <за спиной, за плечами> выросли; как столбняк нашёл, словно (точно), будто) мороз пробежал по коже [спине], словно что-то оборвалось [в душе, в груди, в сердце]*.

УС данной модели могут также выражать: поведение человека и его изменение (как правило, резкое, неожиданное): *как (словно, как будто) вожжа под хвост попала, словно (точно, будто) муха укусила;* особенности деятельности: *как бог на душу положит;* отношения между людьми: *словно (точно, будто) чёрная кошка пробежала.*

Очевидно, что выражение образа сравнения предикативной конструкцией предопределяет выражение состояния, поведения, внешнего вида человека в их изменении, в динамике: *Приняв не без внутренней борьбы такое решение, Юра явственно повеселел, у него* ***будто камень с души свалился.*** (Э.Г. Казакевич. При свете дня); – *Мало тебе, – ворчал Степан Фёдорович на юношу, – вчера в море бросили – сегодня ещё хочешь горячего хлебнуть. Заартачится,* ***будто вожжа под хвост попала****…* (К.С. Бадигин. Секрет государственной важности); *Вы знаете, Лёня, у нас в последнее время дома* ***как будто чёрная кошка пробежала.*** (В.С. Розов. В поисках радости) [5]. Эта особенность компаративно-предикативных УС связана прежде всего с наличием в их структуре глагола как грамматического и смыслового центра, что предопределяет, в свою очередь, способность таких структур выражать наглядную, конкретную ситуацию: «Источником глагольного значения является ситуация (обращение к ситуации естественно и неизбежно при решении разных лингвистических, в частности, лексикографических и логико-семантических задач» [3, с. 36]. В нашем случае «обращение к ситуации» оказалось необходимым для объяснения логико-семантической специфики устойчивых сравнений предикативной структуры.

Кроме того, устойчивые сравнения рассматриваемого структурного типа – одно из ярких средств языкового выражения семантики «неопределённости» (ср. семантические признаки «непонятно как», «будто по чьей-то (не собственной) воле», проявляющиеся в значениях целого ряда компаративных единиц). Неясность цели и последствий поступков, действий, состояний передают УС: *словно (точно, будто) бес дёрнул [толкнул, попутал]* (‘О непроизвольном, якобы внешнем импульсе к какому-л. нежелательному действию, поступку’) [6, с. 54]; *как бог на душу положит* (‘Делать что-л., поступать по собственному желанию, прихоти, разумению или же как-нибудь, небрежно, не задумываясь о результатах и последствиях’) [6, с. 64]. Важно отметить, что в качестве грамматически главенствующих компонентов в этих компаративных структурах выступают образы высших сил – «сверхъестественных существ», стоящих над человеком.

Отмечая некоторые мотивы, «устойчиво повторяющиеся в значениях многих лингвоспецифичных и трудно поддающихся переводу русских лексических единиц и фразеологизмов», А.Д. Шмелёв отмечает, в частности, возможность непредвиденных обстоятельств и ситуаций, которые трудно предугадать и которыми невозможно управлять. [2, с. 24]. В рассматриваемой нами группе УС этот мотив также проявляет себя, хотя и весьма своеобразно. В семантической структуре многих единиц присутствуют компоненты «непроизвольный, якобы внешний импульс, побуждающий совершать поступки, неожиданные для самого человека» (*словно бес попутал*); «все прихоти, желания человека на самом деле «попускаются Богом», они мало зависят от человеческой воли» (*как бог на душу положит*). В УС рассматриваемой группы регулярно проявляются семантические признаки «неожиданное и необъяснимое исчезновение кого-л. / чего-л.» (*как корова*

языком слизала, как водой смыло) или, наоборот, «неожиданное и трудно объяснимое появление кого-л. / чего-л.» (*как с неба свалился*), а также «внезапное, неожиданное и необъяснимое изменение поведения, настроения, состояния, привычек, внешнего вида человека» (*словно вожжа под хвост попала, словно бес вселился, словно муха укусила*; ср. похожие по семантике УС других моделей с глагольными компонентами: *словно белены объелся, словно подменили, словно переродился, словно заново на свет родился*).

Многие компаративные единицы характеризуются богатой лексической вариантностью, причем видоизменения касаются прежде всего глагольного компонента: Так, УС *словно (точно, будто) бес попутал* употребляется также в ином варианте *словно (точно, будто) бес толкнул: Она бросилась к двери и чуть было не опрокинула ведро с водой. И тут её* ***словно бес попутал.*** *Не помня себя, Нюшка схватила ведро и с размаху выплеснула воду в печь, на горящие дрова.* (А.И. Мусатов. Земля молодая); ***Будто бес толкнул:*** *я взял и плеснул ему в ковш чернил.* (Н.М. Амосов. Дневник). СР. также: *как (словно, точно) сердце чуяло [чувствовало]; как (словно, точно) Мамай прошёл [воевал]; словно пелена спала [упала] с глаз* [5]. Однако возможно и варьирование именного зависимого компонента, стоящего в форме одного из косвенных падежей: *словно камень с души [с плеч, с сердца, с груди] свалился; словно кошки скребут на душе [на сердце]; словно крылья за спиной [за плечами]выросли, словно мороз пробежал по коже [по спине]; словно что-то оборвалось в груди [в сердце, в душе]*.

Основной семантической особенностью многих подобных конструкций является ирреальный характер тех ситуаций, которые представляют образ сравнения: «бес толкнул», «гора с плеч свалилась», «камень с души свалился», «кошки скребут на душе», «крылья выросли за спиной», «мороз пробежал по коже», «пелена спала с глаз». Возможно, именно поэтому из всех вариантов выражения показателя компаративных отношений (элемента ***т***) как в художественных (публицистических) текстах, так и в живой разговорной речи чаще всего выступает союз *словно* (чуть реже – *будто, как будто, точно*). Впрочем, анализ семантической специфики каждого из варьирующихся союзов требует специального исследования. Л.Ю. Максимов, к примеру, полагал, что отличие союзов *будто, словно, точно, как будто* от союза *как* «лежит не в плоскости реальности-ирреальности, а в плоскости достоверности (*как*) – предположительности (*будто* и др.). Последние союзы вносят <…> не ирреальную модальность, а значение недостоверности, предположительности устанавливаемых в сравнении связей». Соответственно, учёный предлагал называть такие союзы «предположительно-сравнительными» или «иррационально-сравнительными» [4, с. 594-595.]

«Персонажами» подобных гипотетических (или «предположительных») ситуаций, помимо сверхъестественных сил (*Бог, дьявол / бес*) выступают опасные для человека предметы, применение которых чревато тяжелыми или непредсказуемыми последствиями (*бомба, вожжа),* объекты и силы природы

(гора, река, гром, молния, мороз, камень), животные *(корова, кошка, муха),* исторические деятели *(Мамай).*

Некоторые из УС-предикативных структур имеют синонимы, причём в качестве выражений, близких по смыслу, часто выступают также предикативные конструкции. Например, сравнение *словно вожжа под хвост попала* имеет синонимы *словно бес вселился* и *словно муха укусила;* УС *как гора с плеч свалилась* – синоним *как камень с души [с плеч, с сердца, с груди] свалился;* УС *как корова языком слизала* – целый ряд синонимических выражений: *как ветром сдуло, как водой смыло, как в воду канул, как сквозь землю провалился, как испарился, как метлой смело.*

Ряд устойчивых сравнений характеризуется интересной особенностью: эти компаративные единицы могут употребляться без глагольного компонента. Парадоксально то, что глагольный компонент – предикативный центр конструкции – оказывается в этих случаях факультативным:

• *как гора с плеч свалилась – как гора с плеч;*

• *как камень с души упал – как камень с души;*

• *словно мороз пробежал по коже – словно мороз по коже.*

Возможность подобного эллиптического употребления подтверждается многочисленными примерами из текстов: – *Спасибо тебе, Вам, огромное.* ***Как гора с плеч.*** *Вы мне жизнь спасли.* (Маша Трауб. Бочка); – *Слава богу, что прислали тебя!* ***Как гора с плеч.*** *А я, признаться, опасался, что пришлют какого-нибудь шустрого обормота из молодых да ранних, который и переговоры-то вести не способен.* (Семён Данилюк. Бизнес-класс); *Та же дрожь щипковых, струнных слышится в третьей части любимой мною его Четвёртой симфонии, где ничего не происходит, лишь слышится тягостный холод ожидания, что за ним придут, и* ***как мороз по коже*** *этот леденящий шорох – шшшшш.* (Андрей Вознесенский. На виртуальном ветру); – *Я тоже выпью стаканчик, – сказал Максим Козмич, – у меня целый день* ***как мороз по коже.*** (О.И. Сенковский. Потерянная для света повесть) [5].

Если УС с предикативной конструкцией в её полном варианте выполняют, как правило, функцию сказуемого (вся компаративная конструкция целиком), то УС, образ которых представляет собой двусоставное предложение неполной структуры, могут быть как сказуемыми, так и определениями, в зависимости от особенностей высказывания, в котором они употреблены. Нередко подобные эллиптические компаративные структуры оформляются как самостоятельные высказывания (эти случаи близки к парцелляции) (см. два первых примера в приведённом выше ряду).

Ещё одна, довольно распространённая в русском языке модель компаративных фразеологизмов – структуры с безличным предложением в качестве образной основы. По нашим подсчётам, подобных УС более двадцати, причем преобладают структуры с безличным глаголом в форме прошедшего времени среднего рода: *словно (точно, будто) осенило, как (словно, точно) прорвало)* и т.п. Такие сравнения регулярно сочетаются с объектом (чаще

названием живого существа – человека либо животного) в форме винительного падежа.

В подавляющем большинстве случаев безличный глагол в структуре подобных выражений имеет при себе распространитель в виде творительного падежа существительного с орудийным значением. В подобных случаях образ представляет собой гипотетическую ситуацию, в которой субъект действия в творительном падеже одновременно является орудием действия: *как (словно, точно) варом обдало, как (словно, точно) ветром сдуло, как (словно, точно) водой смыло, как (словно, точно) громом поразило* и т.д.

В качестве такого субъекта-орудия могут выступать: названия веществ *(как варом обдало, как кипятком ошпарило, как водой окатило);* наименования разнообразных явлений природы, её стихийных сил *(как ветром сдуло, как громом поразило), как светом озарило, как <электрическим> током ударило, как громом [молнией] убило;* названия предметов, чаще всего орудий – колющих, режущих *(как ножом по сердцу резануло, как обухом по голове хватило, как дубиной по голове ударило [хватило]*.

Устойчивые сравнения этой модели также в основном выражают эмоции человека. Так, один из богатейших синонимических рядов образуют сравнения с общим значением «ошеломило, поразило неожиданным неприятным событием, известием, мыслью»: *как (словно, точно) варом обдало, как громом поразило, как дубиной по голове хватило, как <холодной> водой окатило, как жаром обдало, как кипятком ошпарило, как ножом по сердцу резануло, как огнем обожгло, как обухом по голове ударило.* Во всех случаях физическая боль предстает как образное выражение боли душевной. Для именных компонентов, грамматически зависимых от безличной формы глагола, характерна общая сема «что-л., способное причинить человеку физическую боль» – уколоть, ранить, порезать, ушибить, ошпарить, заморозить.

Другая (тоже довольно значительная) группа УС этой структурной модели выражает значение «исчез, убежал, ушёл – вдруг, моментально, поспешно, полностью (о человеке, животном, конкретных или отвлеченных предметах» [6]: *как ветром сдуло, как метлой смело, как водой смыло, как языком слизнуло:*

Однажды, застав меня на репетиции, Катя, бывшая жена Михаила Рощина, пристально оглядев мой пижонский прикид, внятно произнесла: видали мы таких драматургов. Меня ***как ветром сдуло****. А после ещё одного подобного столкновения с другим актёром я и вовсе зарёкся мешаться под ногами в процессе постановки, полагая, что своё дело уже сделал.* (Николай Климонтович. Далее – везде); *Помните, у нас целая свадьба была этих наехавших из Ставки, а потом их* ***как метлой смело.*** (Н.С. Хрущёв. Воспоминания); *Ночью кутили и бушевали, а утром их* ***как водой смыло.*** (Елизавета Скобцова (Кузьмина-Караваева). Клим Семёнович Барыкин); Координаты! *А на третий день Алиса пропала. Это было совершенно исключительное происшествие. – Где нашли девочку? Координаты! И половину присутствующих* ***как языком слизнуло.*** **(**Кир Булычёв. Девочка с Земли).

[НКРЯ] Все приведённые здесь сравнения выражают таинственное исчезновение чего-л. (кого-л.) – целиком, без остатка и следа – явления, выражающие у человека удивление и недоумение перед действием каких-то непонятных сил.

Наконец, УС *как громом [молнией] убило* характеризуется значением ‘умер – внезапно, неожиданно, скоропостижно»’: *Только поднял отец Гурий правую руку с крестом, а Кирилл его топором прямо по лбу и благословил. Даже не дохнул старик,* ***точно*** *его* ***молнией ушибло.*** (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца); *Она подошла к нему, сдёрнула одеяло, смотрит – а он уж холоднёхонек – умер, маточка, умер Горшков, внезапно умер,* ***словно громом убило*** (Ф.М. Достоевский. Бедные люди) [6, с.140].

Мы обнаружили лишь четыре УС, внутренняя форма которых выражает идею положительного (или, по крайней мере, нейтрального) воздействия на душу (разум) человека: *как (словно, точно) <светом> озарило* (‘внезапно вспомнил, понял что-л., догадался о чём-л.’ [6, с. 427] и его синоним *словно осенило; как (словно, точно) прорвало)* (‘1.1. Начал, возобновил какие-л. действия – интенсивно, бурно, после длительного воздержания. О человеке; 1.2. Заговорить – вдруг, эмоционально, многословно, стремясь высказаться после длительного воздержания’ [6, с. 515]; *как рукой сняло* (‘Исчезло, прекратилось, прошло – сразу и полностью. О болезни (человека или животного), недуге, хандре, усталости, сонливости или хмеле’ [6, с. 560].

Как и в предыдущей группе, УС с компонентом В – безличной конструкцией характеризуются развитым варьированием глагольного компонента: *как (словно, точно) варом обдало [окатило, обварило]; как ветром сдуло [сдунуло, выдуло, смахнуло, смело]; как громом поразило [оглушило]; как кипятком ошпарило [обдало, окатило, обварило]; как <электрическим> током ударило [пронзило, кольнуло, дёрнуло]*. Глаголы в составе подобных конструкций всегда совершенного вида; они выражают неожиданные, резкие, внезапные действия.

Возможно и варьирование именного компонента, в том числе его факультативное употребление: *как <u>громом</u>[<u>молнией</u>] убило; как <<u>огнём</u>> обожгло, как <<u>светом</u>> озарило.*

В художественных текстах довольно часто встречается эллиптическое употребление подобных конструкций без глагольного компонента (при очевидности общего компаративного значения – результата образного отождествления: *как ножом по сердцу резануло – как ножом по сердцу; словно обухом по голове хватило – словно обухом по голове:*

1) Свободой их ***словно обухом по голове <u>ударило</u>****, и так, ещё в оглушении, были они и сюда выкинуты.* (З.Н. Гиппиус. Невоспитанность); (В.Я. Шишков. Угрюм-река); *И только уж когда он вдоволь надрожался, вдруг его* ***словно обухом по голове****: а ведь это у меня в носу. Так-то-с.* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши); *А теперь…* ***Словно обухом по голове****. Костя долго сидел на берегу, думал, но ничего придумать не мог.* (Борис Якимов. В степи); 2) ***Как ножом <u>полоснуло</u>*** *Алексея от этих слов старорусского «жального*

плача»… (П.И. Мельников-Печерский. В лесах); *Барин лежит на софе в одной рубахе, с завязанной головой… барыня стоит возле на коленях – и рыдает… кругом четверо малюток…Меня* ***как ножом по сердцу****!.. «Что тебе надобно, добрый человек?»* (Ф.В. Булгарин. Извозчик-ночник); *В этот день 1-ый дивизион нашего полка напоролся на засаду, потерял три боевые машины, две транспортные… И опять мат. «Дра-па-ете?» – и с такой злостью, остервенением –* ***как ножом по сердцу****. И стыд, и досада, и обида, и чувство невольной трусости – всё вместе. Мы с Мишкой молчим.* (И.П. Максимов. Январская карусель. Из фронтового дневника) [5].

В качестве именного компонента в структуре компаративных единиц с предикативной структурой выступают главным образом конкретные существительные, называющие предметы быта, орудия труда и их части, предметы, служащие мерой размера и веса, названия транспортных средств (*цепь, рубль, нож, обух, вожжа, воз, аршин, пуд, бомба, метла, молоток, пелена, столб*); названия природных явлений, частей природного ландшафта и прочих пространственных понятий (*мороз, жар, гром, молния, огонь, камень, гора, земля, небо, бездна, яма*); названия веществ (*вода, кипяток, дерево, кость, вар*); животных (*корова, кошка, курица, муха*).

Наш материал косвенно подтверждает выводы исследователей, исключающих возможность употребления тех или иных типов слов в качестве образа компаративной конструкции. К примеру, многие учёные считают, что «образ сравнения не может иметь конкретную предметную референцию» [1, с. 277], что имена собственные могут использоваться в структуре образного сравнения лишь при условии их всеобщей известности, которая расценивается как «ступень к нарицательности» [8, с. 38]. В составе компаративно-предикативной конструкции *как Мамай прошёл* мы имеем дело именно с таким случаем: имя исторического деятеля, татарского полководца Золотой Орды, широко известно, оно обросло коннотациями и давно стало восприниматься как прецедентное имя.

Таким образом, в русской фразеологической системе насчитывается примерно около 50 УС, в структуре которых образ представлен не словом или словосочетанием, а предикативной структурой – двусоставным либо односоставным предложением. Смысловым центром подобных «предикативных образов» является глагол.

Рассмотренные нами модели устойчивых сравнений характеризуются богатой системой структурных и лексических вариантов, способностью к эллиптическому (безглагольному) употреблению, возможностью выражать тонкие нюансы душевного состояния и поведения человека не через образ-субстанцию, а через целостную ситуацию, участвуют в репрезентации некоторых ключевых идей русской языковой картины мира, в частности, мотива «неуправляемости» ситуации, её независимости от воли субъекта.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Образ (опыт концептуального анализа) // Референция и проблемы текстообразования: Сб. науч. трудов. АН СССР, ИН-т языкознания. Проблемная группа «логический анализ языка». М.: Наука, 1988. С. 117-129.
2. Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сборник статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
3. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
4. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка) / Под ред. А.А. Бурова и К.Э. Штайн. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во СГУ, 2011. 680 с.
5. Национальный корпус русского языка [НКРЯ]: http: //www.ruscorpora.ru (дата обращения: 07.04.2019)
6. Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический). М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО Издательство АСТ», 2001. 800 с.
7. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии: Монография. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1978. 157 с.
8. Ушакова Ю.Ю. Лексическая наполняемость и структурно-семантические особенности компаративных тропов в русском языке: Монография. Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. 268 с.

УДК 81.367

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

ПАПУША ИРИНА СЕРГЕЕВНА
д. филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой культуры речи и риторики
Московский государственный областной университет
Россия, г. Москва, lastotchka@flexuser.ru

В статье рассматриваются особенности функционирования сложного синтаксического целого в поэтическом тексте. Особое внимание уделено полю языкового напряжения этой языковой единицы, благодаря которому у реципиента появляется возможность через грамматические формы и категории замкнутой группы предложений транслировать и идентифицировать глубинные смыслы, интенционально заложенные автором в поэтическое произведение в процессе его продуцирования.

Ключевые слова: сложное синтаксическое целое, поле языкового напряжения, гермы.

Говорить о закрытой группе законченных предложений, сегодня именуемой *сложное синтаксическое целое* (ССЦ), без упоминания имени Ивана Александровича Фигуровского, полагаем, невозможно, так как именно он ввёл это понятие в синтаксическую науку и выявил специфические особенности соединения законченных предложений, отличающегося «единством и замкнутостью содержания и, что особенно важно, тем, что вся группа охвачена определённым грамматическим значением, которое выражено свойственным ему грамматическим средством» [12, с. 56]. Сложное синтаксическое целое как предельная языковая единица обрела в его научных трудах чёткие критерии её выделения. На наш взгляд, это одно из величайших достижений филологической науки XX века.

Сложное синтаксическое целое как единица языка вписывается в определённый порядок следования компонентов текста, составляющих его структуру, обусловленную его грамматической организацией. Этот факт лежит в основе реализации текстообразующих возможностей ССЦ, которые, с одной стороны, через синтаксическую статику проявляют план языковой системы, а, с другой стороны, через синтаксическую динамику воплощают языковую структуру в речь. Сферой реализации сложного синтаксического целого является текст, где данная грамматическая единица на равных с другими грамматическими единицами проявляет собственные семантические, структурные и функциональные особенности.

В лингвистическом плане сложное синтаксическое целое художественного текста характеризует свобода авторского самовыражения, широкое использование всех стилистических слоёв языка, употребление индивидуальных нестандартных сочетаний, создание авторской неповторимой манеры письма, идиостиля, в понимании В.В. Леденевой [6, с. 38]. «Художественность» такого сложного синтаксического целого создаётся сочетанием словесно выраженных значений и имплицитных вторичных смыслов, «подтекстных» явлений, знаки которых имеются и на эксплицитном уровне, но трудны для восприятия неподготовленных реципиентов. «Поэтические средства скрыты в морфологической и синтаксической структуре языка…» [14, с. 66], добавим: а также – в фонетической, морфемной, словообразовательной, лексической структурах. «Позиция, мнение автора *неизбежно* проявляются в его речи, в тексте» (выделено нами. – И.П.) [4, с. 98].

Образность как феномен художественности проявляется в каждом языковом элементе сложного синтаксического целого художественного текста в двух разновидностях: образность тропеическая и образность нетропеическая [КРР, с. 377]. Тропеическая образность характерна для целого текста, для сложного синтаксического целого более естественна нетропеическая образность, достигаемая посредством адекватных целеустановке отбора и расстановки обычных языковых средств. С этой точки зрения «в структуре литературно-художественного произведения острые экспрессивно-образные функции могут выпасть даже на долю семантически нейтральных, совсем без*о*бразных местоименных слов» [1, с. 125], но, мы могли бы добавить, при

условии их пребывания в ядерном герме ССЦ [11, с. 85]. Первоначальное проявление эстетической функции языка усматривается во всех случаях, когда автор специально обращает внимание на форму словесного выражения, как-то её оценивает, отражая важную общую закономерность – особое внимание к языку, к тому, как, с помощью каких языковых средств выражена мысль, как достигается совершенство языковой формы и её гармония с содержанием. Вслед за Н.В. Халиковой мы считаем, что образность «создается художественной двуплановостью речи, а не только метафоричностью» [13, с. 19]. Синтетичность художественного образа базируется на одновременном проявлении его свойств. Поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом художественного текста позволяет «вскрыть» коды существенных свойств художественного языка, «который надстраивается над естественным языком как вторичная моделирующая система» [8, с. 46]. Этот факт был отмечен И.Р. Гальпериным, считавшим, что о содержании можно говорить в объёме текста, о значении – в объёме морфем, слов, словосочетаний, а о смысле – в объёме мысли и сообщения, заключённых в предложении или сверхфразовом единстве (сложном синтаксическом целом. – *И.П.*) [2, с. 20].

На уровне продуцирования именно смысл программирует отбор и распределение языковых единиц и тем самым задает ту или иную форму сложного синтаксического целого. При понимании смысл также играет существенную роль, будучи не только результатом его декодирования, но и средством такого декодирования. Поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом предоставляет реципиенту возможность деавтоматизации восприятия, то есть осмысления, базирующегося на декодировании грамматических категорий и форм языка.

Вся языковая ткань сложного синтаксического целого, каждый его языковой элемент в силу интерсубъектной природы смысла подчинён целеустановке автора, предполагающей восприятие. Но как производное от процесса понимания возникает смысл, заключённый в микроидее сложного синтаксического целого и интенционально заложенный в сложное синтаксическое целое в процессе его продуцирования. Этот уровень смыслов и содержит поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом, в этом проявляется основная функция поля языкового напряжения в ССЦ художественного текста. Смысл, содержащийся в поле языкового напряжения в сложном синтаксическом целом и представляющий микроидею ССЦ, не регламентирован – он возникает на базе формальных показателей языковых единиц разных уровней как абстрактная языковая данность, отражаемая сознанием антропоцентров – автора и реципиента – сложного синтаксического целого.

Исследователи поэтического текста, такие, как В.М. Жирмунский, Ю.Н. Тынянов, М. Эйхенбаум, С.М. Бонди и другие, указывали, что его основной функцией является эстетическая. Я. Мукаржовский писал, что «цель поэтического выражения – эстетическое воздействие. Однако, эстетическая функция, которая таким образом доминирует в поэтическом языке (будучи в

других функциональных языках только сопутствующим явлением), делает центром внимания сам языковой знак, выступая, следовательно, в качестве прямой противоположности действительной ориентации на цель, каковой в языке служит сообщение» [10, с. 202]. Выделяя две лингвистические стороны поэтического языка: звуковую (соотношение отдельных звуков, эвфонию, ритм, рифму, слог, интонацию, экспирацию и т.п.) и смысловую (морфемы, лексику, семантическую направленность и т.п.), – учёный рассматривает их с точки зрения строения языкового знака и участия отдельных элементов в построении поэтического произведения. Если учитывать тот факт, что слово – знак, то в «поэтическом языке слово имеет двойное соотношение: оно соотносится с неязыковым объектом и с закреплённым в поэтическом языке «эмоционально-эстетическим комплексом», или «поэтическим денотатом», под которым мы понимаем совокупность некоторых ситуаций и связанных с ними эмоциональных состояний, эстетически осмысленных и репрезентируемых в поэтическом языке» [9, URL]. Таким образом, в поэтическом тексте знак-слово (звук, морфема, словосочетание, предложение, сложное синтаксическое целое и т.д.) сам моделирует свое содержание. «Поэтический язык самой своей формой предлагает адресату поэтического сообщения осознать причины и следствия выбора именно такого (порой необычного), а не какого-либо иного способа выражения» [7, с. 37]. Но и адресант поэтического сообщения не всегда осознаёт причины и следствия выбора того или иного языкового выражения. И это в полной мере доказывает анализ сложных синтаксических целых художественных текстов, поэтических в том числе.

Отталкиваясь от выдвинутых в научной литературе теоретических положений, мы можем утверждать, что сложное синтаксическое целое как специфическая единица языка, участвуя в создании поэтического текста и формируя его «инаковость», позволяет продуценту кодировать, а реципиенту декодировать такие уровни смыслов, которые являются причиной возникновения интенции автора и предваряют её, потому что принадлежат самой языковой матрице. Языковые единицы в рамках сложного синтаксического целого приобретают значимость в силу своей позиции и комплекса языковых особенностей, являющихся определяющими факторами для дифференциальных и функциональных характеристик герма [11, с. 85]. Гермы как компоненты линейной структуры ССЦ – активные языковые позиции, позволяющие воспринимать произведённое как равное произведённому, тем самым значительно упрощая процесс продуцирования / восприятия сложного синтаксического целого. Информационность герма базируется не столько на лексико-семантических значениях его составляющих, сколько на всём комплексе формирующих его языковых особенностей. И, благодаря этой данности, наличие гермов разных зон поля языкового напряжения позволяет вычленить из поэтического текста, где смыслом могут наделяться любые составляющие языковой и речевой структур, особые значимости. И эти субъективные, на первый взгляд, воззрения автора поэтического текста «носят объективный характер, так как основываются на

отражении в сознании языковой личности объективной действительности. Субъективность индивидуального восприятия опирается на объективность языковых единиц, отражающих внеязыковую действительность так, как она сформирована в нашем языковом сознании» [3, с. 181].

Продемонстрируем выдвинутые положения на анализе функционирования гермов сложных синтаксических целых поэтического текста Л. Пастернака «Быть знаменитым некрасиво»:

Но надо жить без самозванства,
Так жить, чтобы в конце концов
Привлечь к себе любовь пространства,
Услышать будущего зов.

И надо оставлять пробелы
В судьбе, а не среди бумаг,
Места и главы жизни целой
Отчёркивая на полях.

И окунаться в неизвестность,
И прятать в ней свои шаги,
Как прячется в тумане местность,
Когда в ней не видать ни зги.

Тема ССЦ: *Но надо жить.* Оно построено по комбинированной языковой матрице вида «песочные часы»: первое предложение (зачин) – сложноподчинённое минимальной структуры с придаточным изъяснительным; второе предложение – простое; третье предложение (концовка) – сложноподчинённое с несколькими придаточными в последовательном подчинении (придаточные – сравнительное и времени). Эта матрица довольно продуктивна и частотно употребляется для построения сложных синтаксических целых художественного текста.

Поле языкового напряжения этого ССЦ состоит из тринадцати гермова и имеет следующую картину перепадов: 5 –2 – 3 – 4 – 5 – 4 – 2 – 3 – 4 – 5 – 4 – 3 – 3. Такая картина перепадов поля языкового напряжения характерна для сложных синтаксических целых художественного текста, но отсутствие в концовке перепадов в двух соседних гермах периферийной зоны прерогатива публицистического книжного стиля. В данном случае это можно рассматривать либо как намеренное противопоставление автором гермов разных зон (ядерных и околоядерных периферийным), либо как проявление объективного факта вне субъективных языковых предпочтений автора. Надо отметить то, что гермы периферийной зоны обеспечивают продуцирование / восприятие целеустановки автора, то есть – его задачи. Целеустановка этого ССЦ заключается в формулировании неких постулатов жизни, которые соответствуют основному посылу всего текста, – *Быть знаменитым некрасиво*. Два герма концовки – *Как прячется в тумане местность* и *Когда в ней не видать ни зги* – представляют сравнительное придаточное предложение и зависимое от него придаточное

предложение времени, которые совместно рисуют конкретную картину онтологической реальности, противопоставленную всем остальным абстрактным образам ССЦ, сосредоточенным в ядерной и околоядерной зонах поля языкового напряжения сложного синтаксического целого.

Ядерных (активизированных на пяти языковых уровнях) гермов, формирующих совместно с околоядерными гермами микроидею ССЦ, три: *Но надо жить без самозванства, Услышать будущего зов* и *И окунаться в неизвестность.* Наличие однокоренных слов в первых ядерных гермах является сигналом особой значимости корня *-зов- / -зв-*. В толковом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой слово *зов* имеет следующие дефиниции: 1) а) Слова, крик, звуки, выражающие просьбу прийти, приблизиться, откликнуться; призыв, клич., б) *перен.* Внутреннее побуждение, потребность проявления какого-либо чувства, инстинкта и т.п., 2) *разг.* Приглашение. Полагаем, что *будущего зов* не только призыв, и не столько потребность проявления чувства, сколько осознание лирическим героем своей миссии. Тогда становятся прозрачными для понимания антитетические понятия (*самозванство – зов*), использованные в ядерных гермах. *Зов будущего* как «зов крови», как «зов предков» и т.п. Из антитезы, реализуемой в ядерных гермах, рождается понимание интенции автора ССЦ: з*ов будущего* связан *с пространством, с судьбой, с неизвестностью,* а не *с местностью,* не *с жизнью*. *Самозванство* возможно в *местах жизни,* в *главах жизни.* Это подтверждают и околоядерные (активизированные на четырёх языковых уровнях) гермы ССЦ: *Привлечь к себе любовь пространства, И надо оставлять пробелы В судьбе, Отчёркивая на полях, И прятать в ней свои шаги*.

Понятие «пространство» в поэзии Б. Пастернака многомерно и, как отмечают исследователи его творчества (Ю.М. Лотман, Л.Я. Гинзбург, В.С. Баевский, А. Синявский, Л.А. Озеров, В.Н. Альфонсов, В.Н. Топоров, И.П. Смирнов и др.), неразрывно связано с понятием «время»: «Ассоциация по смежности – послушный инструмент в руках Пастернака-художника – перетасовывает пространство и смешивает временные ряды» [14, с. 330]. Хронотоп в этом ССЦ представлен совмещением ядерного герма *Привлечь к себе любовь пространства* и околоядерного герма *Услышать будущего зов*, находящихся в изъяснительном придаточном первого предложения. По позиции в герме поля языкового напряжения в анализируемом ССЦ *пространство* – это то, что – *в конце концов*, то есть – за гранью хронотопа *жизни*. Это пространство *судьбы*, в которой поэт и рекомендует *оставлять пробелы*. Новая философская энциклопедия определяет пространство как форму «созерцания, восприятия представления вещей, основной фактор эмпирического опыта», и по этой научной дефиниции пространство не может быть субъектом, но в околоядерном герме поля языкового напряжения сложного синтаксического целого слово «наращивает» в своём толковании глубинные смыслы, и *пространство* уже воспринимается как субъект, как нечто живое, способное чувствовать, участвовать, рефлексировать.

В таком понимании *пространства* и понятие «судьба» обретает иные смыслы. Судьба по определению философской энциклопедии – «в мифологии, в иррационалистических философских системах, а также в обывательском сознании неразумная и непостижимая предопределённость событий и поступков человека». Но автор декларирует необходимость вмешательства в «предопределённость событий» – *надо оставлять пробелы.* Одно из значений слова *судьба* в толковом словаре Д.Н. Ушакова – «участь, доля, жизненный путь». Возникают вопросы: *Участь* от *участвовать*? *Участь – часть? Доля* – чего?

Наиболее остро встаёт вопрос об этимологии используемого в герме слова, образованного при помощи суффикса *-б-(а)*, выделяемого в именах существительных женского рода со значением процесса действия, которое названо мотивирующим глаголом (*борьба, ворожба, гоньба, гульба, дружба, косьба, молотьба, мольба, пальба, просьба, резьба, служба, стрельба, тяжба, ходьба* и т.п.). Этимологические словари (В.И. Даль, М. Фасмер, Н.М. Шанский и Т.А. Боброва, П.Я. Черных) отсылают к существительному «суд» и глаголу «судить», где, кроме семантического «набора» суд – судилище – приговор, есть и значения: *предопределение, договор, связь, объединение, дело, сделанное вместе*. И, исходя из этих значений, можно понять космичность мироописания Б.Л. Пастернака. Благодаря смыслам, извлекаемым из суммы смыслов ядерных и околоядерных гермов поля языкового напряжения сложного синтаксического целого, представляется возможным определить микроидею ССЦ: главное в жизни – судьба, предопределённая пространством и являющаяся делом человека, его долей, его счастьем, его сутью (о глаголе *суть*, ставшем именем существительным, см. В.В. Виноградов «История слов»). Интересно, что только человек, наделённый (пространством, небом, богами) судьбой (как частью их демиургического делания), получает способность *окунаться в неизвестность* – в пространство, в вечность, в бессмертие и т.п.

Без исследований закрытой группы предложений (ССЦ), проведённых Иваном Александровичем Фигуровским, описывать эту языковую единицу было бы невозможно. Полагаем, что, благодаря своим научным трудам – делу, он «окунулся в неизвестность» и обеспечил бессмертие своему имени.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Издательство АН СССР, 1963. 252 с.

2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 144 с.

3. Герасименко Н.А. Соотношение объективного и субъективного компонентов смысла в бисубстантивных предложениях // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2012. № 4. С. 177-181.

4. Герасименко Н.А, Филиппова О.А. Превращение как характеристика и оценка персонажа (на материале бисубстантивных предложений) // Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2012. С. 82-102.

5. КРР – Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

6. Леденёва В.В. Идиостиль (к уточнению понятия) // Филологические науки, 2001. № 5. С. 36-41.

7. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: «Гнозис», 1994. С. 10-257.

8. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб: «Искусство – СПБ», 1998. 704 с.

9. Маслова Ж.Н. Особенности формирования смысла поэтического текста. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-formirovaniya-smysla-poeticheskogo-teksta (дата обращения: 4.03.2019).

10. Мукаржовский Я. Преднамеренное и непреднамеренное в искусстве // Эстетика и теория искусства XX века: Хрестоматия. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 198-243.

11. Папуша И.С.Сложное синтаксическое целое: структура, семантика, функционирование: Монография. М.: Издательство МГОУ, 2011. 256 с.

12. Фигуровский И.А. Избранные труды. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. 453 с.

13. Халикова Н.В. Образность художественной прозы: Монография. М.: МГОУ, 2003. 160 с.

14. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 454 с.

УДК 81-367.333

ДЕТЕРМИНАНТНЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)

ПРУДНИКОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА
старший преподаватель кафедры украинской филологии,
Крымский инженерно-педагогический университет,
Россия, Республика Крым, г. Симферополь, adamsi@inbox.ru

В статье прослеживается история становления и развития понятия «детерминант» в лингвистике. Установлен статус детерминанта в структуре предложения, определены основные критерии его выделения. Охарактеризована лингвистическая природа детерминантных членов как самостоятельных распространителей предложения, проанализированы основные грамматические признаки детерминантов как выразителей дополнительной предикации. Классифицированы и описаны семантические группы и подгруппы детерминантных членов предложения в современном украинском языке, определены семантические варианты детерминантных структур.

Ключевые слова: детерминант, член предложения, детерминантная связь, распространитель предложения.

В современной лингвистике актуальным остается вопрос классификации и квалификации членов предложения. Считаем необходимым разграничить два основных подхода в интерпретации второстепенных членов предложения: традиционный (формально-грамматический) (Ф.И. Буслаев, Д.Н. Овсянико-Куликовский, А.М. Пешковский) и новый (функциональный) (И.Р. Выхованец, Е.Г. Городенская, А.А. Загнитко, О.Б. Сиротинина, Н.Ю. Шведова).

Актуальность исследования обусловлена недостаточным изучением статуса детерминантных членов предложения в современной лингвистике. Углубленный анализ этих компонентов будет способствовать не только установлению закономерностей употребления распространителей в структуре предложения, но и основательному освещению общих и частных проблем относительно особенностей функционирования детерминантных конструкций в предложениях разного типа.

Цель статьи – установить квалификационно-классификационные признаки детерминантов, выяснить их функциональный потенциал и семантическую емкость в современном украинском языке.

В свое время Д.Н. Овсянико-Куликовский акцентировал внимание на наличии в предложении слабой подчинительной связи, которую он назвал «ненастоящим управлением». Характеризуя разновидности дополнений, исследователь утверждал, что некоторые из них только примыкают к глаголу, находятся возле него, а не управляемы им непосредственно [9, с. 240]. Несмотря на это, ученый не отказался от теории прикрепления второстепенных членов предложения к отдельному компоненту. А.М. Пешковский выступил против классификации второстепенных членов предложения исключительно по типам связи, поскольку они не являются сокращенными обозначениями установленных понятий, а потому вызывают у читателя мысль, что выражают какую-то другую сторону дела, кроме понятий второстепенного предмета, второстепенного (находящегося в покое) признака, признака действия, абстрагированного от деятеля. К тому же никакого другого аспекта, по мнению исследователя, здесь нет [10, с. 267]. А.М. Пешковский избегает вышеупомянутых терминов и устанавливает понятие об управляемых, согласованных и прилегающих второстепенных членах предложения.

Несмотря на то, что история вопроса о детерминантных членах предложения достаточно полно отражена в специальных исследованиях и отдельных работах последних десятилетий [2; 4; 5; 6], некоторые параметры нуждаются в уточнении. Само понятие детерминантных членов предложения, введенное Н.Ю. Шведовой, и сегодня трактуют неоднозначно. Одни исследователи, сужая понятие детерминанта, выводят за его пределы словоформы с субъектно-обстоятельственной семантикой [7, с. 104-105], другие авторы расчленяют этот термин, сохраняя его для субъектного детерминанта, а распространители с обстоятельственным значением называют ситуантами [1, с. 22].

Новую классификацию членов предложения предложил И.И. Мещанинов, поделив члены предложения на самостоятельные (главные и второстепенные) и зависимые (от них), однако последние лишил статуса члена предложения, хотя они, по его мнению, и отличаются от второстепенных по характеру синтаксической зависимости и по роли в распространении предложения [8, с. 116-117]. Все это дало основания для обработки концепции детерминированных членов предложения, последовательно обоснованной в трудах И.Р. Выхованца, А.А. Загнитко, Г.А. Золотовой, В.П. Малащенко, О.Б. Сиротининой, Н.Ю. Шведовой и др. ученых.

Н.Ю. Шведова предлагает определение детерминантов именно с опорой на такие формы, имеющие зависимые компоненты словосочетаний со слабой, нерегулярной связью [3], то есть детерминантные члены предложения – это падежные формы или предложно-падежные группы, совпадающие по форме с именным компонентом простого двучленного словосочетания, соединенного с глаголом связью нерегулярного (слабого) управления. Такие распространители по своим формам и функциям объединены в два класса:

1) субъектно-объектные детерминанты, напр.: ***Його*** *то кидало в жар, то морозило, аж трясло, і невідомо було, що готує йому ця тривожна, заметільна ніч* (О. Гончар); ***В нього*** *кругом свої!* (О. Гончар); ***У неї****личко справжнє, рожевеньке, з білим мачком на крихітному носику й червоними плямками на щічках* (Улас Самчук);

2) обстоятельственные детерминанты напр.: ***Над водами*** *й* ***сушею*** *схрещувались невидимі їхні траси, і весь час було чути, як навіть ті літаки, що ніби й не швидко пропливають у глибинах неба, залишають далеко за собою мов відлуння грому, свій власний гуркіт* (О. Гончар); ***Тепер*** *і ці, розгодовані біля корит монополій квіслінги, скороспечені вельможі навчились подавати себе публіці досить ефектно: ось і для цього прийому вибрано готель найфешенебельніший, де мають звичай зупинятися мультимільйонери та президенти, в залі створено цілковиту ілюзію джунглів з криваво-червоними, якимись аж зловісними вогнищами, з несамовитим гуркотом тамтамів...* (О. Гончар); ***Спокійно*** *снується на екрані неба фільм його молодості, його життя* (О. Гончар).

О.Б. Сиротинина отмечает, что термин «детерминанты» необходимо применять только к тем членам предложения, которые по традиции называют косвенными дополнениями, поскольку использование для них термина «косвенное дополнение» нивелирует принципиальные различия между связанными и самостоятельными членами предикативной конструкции. Распространители с обстоятельственным значением О.Б. Сиротинина квалифицирует как «ситуанты», которые, в отличие от детерминантов, лишь дополняют основную информацию, представленную предикативной единицей, с указанием на различные обстоятельства [13, с. 42].

В отличие от детерминантов, ситуанты не различают ни конструктивных, ни семантических моделей предикативных единиц, напр.: ***В Липецьку*** *як випустять жовтий дим – так, кажуть, одразу купа заяв у міськраду. А* ***в нас***

звикли, мовчать (О. Гончар). Детерминанты обозначают участников события, его действующих лиц, ситуанты – только время и место события, то есть ситуацию действия или состояния.

Широкое понимание детерминантных членов предложения представлено в пражской «Российской грамматике», где все распространители предиката разделены на обязательные и факультативные детерминанты, что нарушает в лингвистике не только общую типологию детерминантных членов предложения, но и класс традиционно выделяемых второстепенных членов предложения. В отдельных случаях неопределенный синтаксический статус предоставлен самостоятельным распространителям предложения, синтаксическая роль которых сведена к особым случаям функционирования дополнений и обстоятельств [12, с. 115], или они вообще вынесены за пределы второстепенных членов предложения [7].

Как отмечается в работах последних лет, детерминанты имеют набор структурно-семантических характеристик, что является достаточным основанием для квалификации их как второстепенных членов предложения на основе особого типа подчинительной связи, названного свободным примыканием. Этот тип связи возникает только на уровне предложения, объясняя не любой из его главных членов или главный член односоставного предложения, не отдельную словоформу в составе предложения, а основу в целом или все предложения в случае его распространения. В современной синтаксической науке обращают внимание преимущественно на два типа синтаксических связей, направленных на отражение отношений между словами, на основании чего они «коррелируют с семантико-синтаксическими отношениями между компонентами синтаксических единиц, формально их обнаруживают» [2, с. 17].

Детерминантную связь можно сравнить с подчинительной связью, реализованной между главной и подчинительной частями некоторых семантических типов, где зависимый компонент относится ко всей главной части. Именно это различие позволяет противопоставлять детерминантные члены предложения другим распространителям предложения, поскольку они:

а) выделяются на базе словосочетания;

б) имеют двунаправленные отношения;

в) определяют отдельные члены предложения, не вступая с ними в наречную связь. Эти квалификационные параметры, на наш взгляд, не дают оснований безоговорочно включать детерминантные члены предложения в разряд второстепенных, поскольку в этом случае не будет учтен основной дифференциальный признак второстепенных членов предложения – наречный характер. Возможно, конечно, предположить, что поскольку дифференцированно распространенное предложение как синтаксическая единица и есть распространяемая часть предложения – главные члены и распространяющая – компоненты предложения, выполняющие эту функцию, то есть второстепенные члены предложения.

Если отказаться от термина «член предложения», что, как известно, сделано в «Российской грамматике», где за детерминантом закреплено введенное Н.Ю. Шведовой понятие «самостоятельный распространитель предложения» [11], то это еще не означает, что главным членам предложения противопоставлены второстепенные члены. Им могут быть противопоставлены единицы, способные создать оппозицию, то есть «не главные члены предложения». Такое противопоставление акцентирует на том, что для второго члена оппозиции главные / неглавные члены предложения не характерен основной признак первого члена – способность выражать грамматическое значение предложения – значение предикативности. И только после этого возможно разделение «неглавных членов предложения» на неглавные члены предложения, имеющие наречный характер (традиционно выделяемые второстепенные члены), и неглавные члены предложения, которые имеют ненаречный характер, к которым и следует зачислять детерминанты.

Детерминант – это самостоятельный семантический распространитель предложения, наличие которого обусловлено коммуникативными потребностями высказывания, напр.: ***Десь на другій вулиці*** *гармошка виводила добре знайомий мотив довоєнної пісні* (В. Собко).

На конструктивном уровне детерминант выступает факультативным распространителем, который может быть опущен без нарушения формального строения предложения. Фактор «опущение» такого компонента из структуры предложения без влияния на его семантику является доводом в пользу выделения детерминанта. В этом заключается основное отличие детерминантов от наречных распространителей – конструктивно обусловленных элементов, введенных в предложение по законам валентности.

Детерминант – категория уровня предложения, ему присуща особая детерминантная связь. Связь детерминанта с предикативной основой предложения является непредсказуемой и необязательной, напр.: ***До самого ранку*** *битва лютувала з перемінним успіхом* (І. Малик); ***Другого дня*** *ми були в Києві* (Ю. Щербак). Словоформы *з перемінним успіхом*; *в Києві* являются валентно обусловленными, вне их семантика глагола не выявляема, а словоформы *до самого ранку; другого дня* – семантически непредсказуемы и выполняют функцию детерминантов.

Относительно семантической природы анализированных компонентов среди детерминантов экзистенционной семантики некоторые ученые [4, с. 10; 5, с. 70] предлагают выделять такие типы:

1) фоновые детерминанты, напр.: ***Отам*** *проходила, на галяві заснула, І біля неї тихо скорбна мати сіла* (О. Зуєвський); ***Скоро*** *// буде вечір і в тихій кімнаті зазвучать, заридають солов'ї поцілунків* (В. Сосюра); 2) детерминанты обусловленности: ***Від сорому****, який нащадків пізних Палитиме, заснути я не можу* (І. Франко); ***На біду****зустрілись ми з тобою* (Ю. Збанацький); 3) детерминанты схарактеризирующим значеним: ***Спокійно*** *шуміла вода,*

підмиваючи береги (Є. Гуцало); ***Трохи*** *вірить серце в забобони, логікам усім наперекір* (М. Рильський).

Детерминант определяемый слабой синтаксической связью с грамматическим ядром предложения, а его позиция всегда периферийная, независимо от того, имеется ли в предложении одна детерминантная субпозиция: ***Ледь-ледь*** *блискотять із імли степові їхні зорі*... (О. Гончар), или их гораздо больше: ***Тоді у лісі*** *було темно* (Є. Гуцало).

Таким образом, основательный пересмотр учения о второстепенных членах предложения обусловлен абсолютно новым подходом к определению элементарной синтаксической единицы. Не все мысли на сегодня являются убедительными, но можно констатировать одно, что традиционное учение о членах предложения не способно объяснить все синтаксические явления, которые все шире проникают в язык, хотя оно и привлекает своими базовыми исходными понятиями – типологией форм, формой синтаксической подчинительной связи, разновидностью семантико-синтаксических отношений и тому подобное.

Список литературы

1. Алексеев Б.О. Ситуанты времени и места как особые члены предложения (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. … канд. филолог. наук. Саратов, 1987. 20 с.

2. Вихованець І.Р. Граматика української мови. Синтаксис: підручник. К.: Либідь, 1993. 368 с.

3. Грамматика современного русского литературного язика / Глав. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1970. 710 с.

4. Грозян Н.Ф. Традиційні та нові підходи в дослідженні фонових детермінантів в українській мові // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия «Филология. История». 2017. № 3-4. С. 8-12.

5. Грозян Н.Ф. Фонові детермінанти в українській мові // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2018. № 2(34). С.67-73.

6. Загнітко А.П. Теоретична граматика української мови: Синтаксис: Монографія. Донецьк: ДонНУ, 2001. 662 с.

7. Иванова Н.М. К вопросу о предикативном значении пространственных словоформ в структуре простого предложения // Слово и словосочетание как компоненты структуры предложения: ингвистический сборник. М., 1978. Вып. 12. С. 49-55.

8. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1945. 321 с.

9. Овсянико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка; 2-е изд. СПб.: Овсянико-Куликовский, 1912. 322 с.

10. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1935. 452 с.

11. Русская грамматика: В 2-х т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 2. М.: Наука, 1980. 710 с.

12. Русская грамматика: В 2 т. Praha: Academia, 1979. Т. 2. 1093 с.

13. Сиротинина О.Б. Лекции по синтаксису русского языка. М.: Высшая школа, 1980. 142 с.

УДК 81'367.32

ТЕМПОРАЛЬНО-ПЕРСУАЗИВНАЯ СЕМАНТИКА РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

ШАПОВАЛОВА ТАТЬЯНА ЕГОРОВНА
д. филол. наук, профессор,
профессор кафедры современного русского языка,
Московский государственный областной университет,
Россия, г. Москва, kaf-sovrusl@mgou.ru

В предлагаемой статье представлено описание темпорально-персуазивной семантики русского предложения на материале повести А.П. Чехова «Дуэль». Анализу подвергаются парадигматические и синтагматические связи глагола в художественном тексте. Выявляется грамматическая семантика предложения в конструкциях с вводно-модальными компонентами *безусловно, несомненно, в самом деле, конечно, должно быть, вероятно, очевидно, пожалуй, может быть* и *быть может, кажется* и *казалось*, в результате время в тексте рассматривается в единстве с субъективной оценкой содержания высказывания говорящим. Презентацию получает целый комплекс смыслов – денотативных, прагматических, экспрессивных.

*Ключевые слова***:** предикативность, синтаксическая модальность, синтаксическое время, вводно-модальные компоненты, предложение, высказывание, текст.

Сущность грамматических категорий, которые формируют предложение, продолжает находиться в центре внимания синтаксистов, развивающих лингвистические воззрения В.В. Виноградова, его идею предикативности и входящих в неё синтаксических категорий модальности, времени и лица. Интерес к содержательной стороне языковых явлений поддерживает пафос коммуникативного, психолингвистического, когнитивного, социолингвистического и других современных подходов к анализу категорий языка [3; 5; 6]. Однако собственно лингвистические методы содержательного анализа грамматического строя языка не утрачивают своей актуальности и сегодня. В частности, структурно-семантический подход [4], как нам представляется, вовсе не исчерпал себя.

Темпорально-персуазивная составляющая русского предложения поддерживается лингвистами разных научных направлений отечественного языкознания, хотя и предложение, и его основные признаки интерпретируются в грамматических исследованиях различно. В нашем понимании предложение – «это грамматически оформленная по законам данного языка целостная <…>

единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [1, с. 254]. Общее грамматическое значение предложения составляет отвлечённая категория предикативности, в которой «отнесённость высказываемого содержания к реальной действительности» [2, с. 227] проявляется в модальной, темпоральной и персональной презентации. Целью настоящих заметок стало исследование того, как отражается объективно-модальное значение реальности / ирреальности, а также временной определённости / временной неопределённости в предложении с вводно-модальными компонентами, передающими отношение говорящего субъекта к сообщаемому. Речевым материалом послужили контексты из повести А.П. Чехова «Дуэль».

Е.Н. Орехова рассматривает субъективную модальность как самостоятельную коммуникативно-прагматическую категорию, которая эксплицируется разными субъективно-модальными операторами [6, с. 6]. М.Ю. Федосюк отмечает, что содержание любого предложения включает сигнификативный, референциальный и прагматический аспекты, и разграничивает синтаксическое значение и синтаксические смыслы, передаваемые предложениями с вводными конструкциями: «Синтаксическое значение предложений с вводными конструкциями состоит в смысловом выделении передаваемой информации. <…> Синтаксические смыслы вводных конструкций как раз и сводятся к выражению модусного аспекта содержания предложения.<…>различают конструкции, направленные:

(1) на оценку пропозитивного содержания предложения<…>;

(2) на оценку степени достоверности сообщения<…>;

(3) на сообщение об источнике передаваемых сведений <…>;

(4) на указание на характер связи мыслей в изложении <…>;

(5) на оценку приёмов и способов оформления высказываемых мыслей <…>;

(6) на активизацию внимания адресата <…>» [8, с. 134-135].

Такой подход к описанию аспекта субъективной модальности предложения, выделяемого наряду с аспектами объективной модальности и модальности предиката, представляется нам необоснованно широким. В своём исследовании темпорально-персуазивной семантики русского предложения мы опираемся на способы (морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический, интонационно-синтаксический, конструктивно-синтаксический) и средства (морфологические, лексические и синтаксические) выражения синтаксического значения предложения и их показатели – на взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия, которые находятся в системных отношениях. Лексико-синтаксический способ выражения субъективно-модальных значений той или иной конструкции представлен лексическими средствами – модальными словами, которые подчёркивают присутствие говорящего в предложении. Это обусловлено свойством естественного языка, феноменом его антропоцентричности и эгоцентричности. Именно поэтому мы выделим два обобщённых значения, свойственных вводно-модальным словам:

- степень достоверности – убеждённость, уверенность говорящего в том, что высказывается, передаётся, по материалам повести, элементами *безусловно, несомненно, конечно, в самом деле*, например: *На востоке из-за гор вытянулись два зелёных луча, и это**, в самом деле**, было красиво*. Вводно-модальный компонент *в самом деле* подтверждает достоверность сообщаемого; *– Значит, любовь в том, чтобы сильный побеждал слабого? –* ***Несомненно.*** Убеждённость говорящего в достоверности сообщаемого реализована в использовании модального слова *несомненно* в качестве нечленимого предложения со значением согласия [7, с. 22];

- степень достоверности – неуверенность, предположительность передаётся, как показал собранный речевой материал, элементами *должно быть, вероятно, очевидно, может быть* и *быть может, кажется* и *казалось*, например: *Надежда Фёдоровна опять увидела людей в белом, которые ходили по набережной и разговаривали по-французски; и почему-то опять в груди у неё заволновалась радость и смутно припомнилась ей какая-то большая зала, в которой она когда-то танцевала или которая,* ***быть может****, когда-то снилась ей*. Слабая степень предположения достоверности подчёркнута вводно-модальным компонентом *быть может*.

Приведённые и все остальные предложения нашей картотеки подтверждают, что вводно-модальные компоненты лишены формальной – сочинительной или подчинительной – связи с членами предложения, в котором используются, но смысловая связь присутствует и отражается в грамматической семантике предложения. Особенно она интересна взаимодействием вводно-модальных компонентов с глагольными формами – изосемическим средством выражения в структуре предложения объективно-модальных значений и значений категории синтаксического времени.

В контекстах с семантикой собственно уверенности говорящего в достоверности сообщаемого А.П. Чехов использует вводно-модальное слово *конечно*, которое создаёт добавочный оттенок в отношении к главным членам двусоставного предложения, например: *Вы люди университетские и образованные и,* ***конечно****, сами видите в дуэли одну только устарелую, пустую формальность.*

Говорящий выступает как субъект мнения и представляет результат своей ментальной деятельности. Сильная степень предположения достоверности эксплицируется в тексте повести вводно-модальным компонентом *должно быть*, который реализует семантику предположительной реальности в темпоральных планах неотмеченного настоящего, а также отмеченных синтаксических времён – прошедшего и будущего: *В море,* ***должно быть****, теперь штормяга – ой, ой!*; *–* ***Должно быть****, я не буду нынче спать*; *Каждое утро ему подавали на подносе чашку кофе, высокий гранёный стакан с водою и со льдом и рюмку коньяку; он сначала выпивал коньяк, потом горячий кофе, потом воду со льдом, и это,* ***должно быть****, было очень вкусно, потому что после питья глаза у него становились маслеными <…>*

Собственно предположение достоверности эксплицируется компонентами *вероятно*, *очевидно*, как правило, во временном плане прошедшего. События, на которые указывают глагольные формы прошедшего времени, относятся к действительному миру, но неактуальны в момент речи, например: *Лаевский почувствовал неловкость: в спину ему бил жар от костра, а в грудь и в лицо – ненависть фон Корена; эта ненависть порядочного, умного человека, в которой таилась,* ***вероятно****, основательная причина, унижала его, ослабляла <…>*; *Глядя на бледное, насмешливо улыбавшееся лицо фон Корена, который,* ***очевидно****, с самого начала был уверен, что его противник выстрелит в воздух, Лаевский думал, что сейчас, слава богу, всё кончится и что вот только нужно надавить покрепче собачку*; *На рейде стояли два каких-то незнакомых парохода с грязными белыми трубами,* ***очевидно****, иностранные грузовые*; *Года два ты прожил в любви, а теперь,* ***очевидно****, твоя семейная жизнь вступила в тот период, когда ты, чтобы сохранить равновесие, так сказать, должен пустить в ход всё своё терпение…*

По отношению к событиям настоящего времени модальные слова выражают субъективную оценку возможности или вероятности факта:– ***Очевидно****, господа, – сказал он, – вам угодно, чтобы г. Лаевский вернулся домой великодушным и рыцарем, но я не могу доставить вам и ему этого удовольствия*; *– Я не знаю, про какого зверька ты говоришь, – сказал фон Корен, –* ***вероятно****, про какого-нибудь из насекомоядных*.

Модальное слово *пожалуй* вносит в предложение оттенок нерешительности, колебания с оттенком допущения факта в констатирующем настоящем: *«Контрабанда,* ***пожалуй****», – подумал дьякон*; в неопределённом будущем: *А только я прошу вас убедительно, никому не говорите, что я был тут, а то мне,* ***пожалуй****, влетит в загривок от начальства*; *«****Пожалуй****, не напали бы чеченцы», – думал дьякон, слушая, как его палка стучала о мостовую и как звонко и одиноко раздавался в ночной тишине этот стук*.

Для передачи семантики слабой степени предположения достоверности А.П. Чехов использует вводно-модальные компоненты *кажется*, *казалось*, например: *– В окрошке,* ***кажется****, чего-то недостаёт… – сказал Самойленко, желая переменить разговор*; *Пустынный берег моря, неутолимый зной и однообразие дымчатых, лиловатых гор, вечно одинаковых и молчаливых, вечно одиноких, нагоняли на него тоску и,* ***как казалось****, усыпляли и обкрадывали его*. Очевидно отглагольное происхождение этих модальных слов. Сема ‘непосредственное чувственное восприятие явления, о котором говорящий располагает необходимым минимумом предварительных знаний’ сохранилась в модальном слове *кажется*, которое встречается в контекстах с разной временной семантикой:

- настоящего синтаксического времени: *–* ***Кажется****, всё готово, – сказал он, запыхавшись*; *– Ваш муж,* ***кажется****, инженер? – робко спросила Марья Константиновна; Он вспоминал в мельчайших подробностях всё происшедшее и удивлялся, как это он мог заискивающе улыбаться ничтожному человеку и вообще дорожить мнением мелких, никому не известных людишек, живущих в*

ничтожнейшем городе, которого, ***кажется****, нет даже на карте и о котором в Петербурге не знает ни один порядочный человек*;

- прошедшего синтаксического времени: – *Я всегда была полной и теперь,* ***кажется****, ещё больше пополнела*;

- временной неопределённости: *Мне до такой степени жутко, что если бы мне сказали, положим, что я обязан прожить с нею ещё хоть один месяц, то я,* ***кажется****, пустил бы себе пулю в лоб*.

Модальное слово *казалось* соотносит план восприятия действительности с прошлым и используется в контексте прошедшего синтаксического времени: *И от его крика,* ***казалось****, гудел весь дом*; *Нелюбовь Лаевского к Надежде Фёдоровне выражалась главным образом в том, что всё, что она говорила и делала, казалось ему ложью или похожим на ложь, и всё, что он читал против женщин и любви,* ***казалось ему****, как нельзя лучше подходило к нему, к Надежде Фёдоровне и её мужу* (имперфективный оттенок); *После долгой ночи, потраченной на веселье, бесполезные мысли, которые мешали спать и,* ***казалось****, усиливали духоту и мрак ночи, Лаевский чувствовал себя разбитым и вялым* (аористивный оттенок). Сема ‘предположение’ и сема ‘передача чувственного восприятия действительности’ в прошлом сохранены.

Слабая степень предположения достоверности характерна и для вводно-модальных компонентов *может быть*, *быть может*, например: *Он лёг на диван и опять вспомнил, что муж Надежды Фёдоровны,* ***быть может****, умер по его вине*; – ***Может быть****, по-учёному, и хорошо опаздывать, но, по-моему, это свинство*; *Что же касается мужа, то я,* ***быть может****, косвенным образом был одною из причин его смерти, но опять-таки виноват ли я в том, что полюбил его жену, а жена – меня?*

Модальный компонент *может быть* в сочетании с глаголом в форме будущего времени и под воздействием грамматического значения потенциальности и предсказуемости приобретает оттенок надежды: – *Я правил дуэли не знаю, чёрт их подери совсем, и знать не желаю;* ***может быть****, он подумает, что Лаевский струсил и меня подослал к нему*. Этот вводно-модальный компонент свободно употребляется в предложениях с формами сослагательного наклонения: *Я натура вялая, слабая, подчинённая;* ***быть может****, в хорошую минуту и протянул бы ему руку, но он отвернулся бы от меня… с презрением*. Обратим внимание на разные функции глагольных форм: сослагательное наклонение выражает значение гипотетичности, а модальный оператор – предположения.

Заметим, что вводно-модальные компоненты семантической группы ‘степень достоверности – неуверенность, предположительность’ в тексте повести А.П. Чехова принимают участие в построении предложения, выполняют функции, близкие к функции альтернативного союза, например: ***Быть может****, он очень умён, талантлив, замечательно честен;* ***быть может****, если бы со всех сторон его не замыкали море и горы, из него вышел бы превосходный земский деятель, государственный человек, оратор, публицист, подвижник*. Персуазивная семантика объективно-модального значения

предположительности характерна всему сложному предложению усложнённой структуры, но более отчётливо и ярко она обнаруживается во второй части бессоюзного сложного предложения с подчинением. Ирреальное узуальное условие, представленное в союзном сложноподчинённом предложении расчленённой структуры, способствует реализации семантики ирреальной предположительности и временной неопределённости [9].

Таким образом, вводно-модальные компоненты, будучи показателями субъективно-модальных, или персуазивных, значений, отражают сферу внутренних точек зрения говорящего и используются в разных временных контекстах, становясь необходимым компонентом структуры предложения: и в позиционном, и в смысловом отношении они тяготеют к предикативному центру, относятся ко всему предложению в целом или к одному из главных членов, эксплицирующих новую информацию, степень достоверности которой и определяют.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
2. Виноградов В.В. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» Академии наук СССР (19154) // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. 560 с.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 528 с.
4. Лекант П.А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 192 с.
5. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис русского языка: Учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 254 с.
6. Орехова Е.Н. Субъективная модальность как текстовая категория: Учебное пособие. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 32 с.
7. Свиридова Т.М. Категория согласия / несогласия в русском языке: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2008. 36 с.
8. Федосюк М.Ю. Синтаксис современного русского языка: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2013. 245 с.
9. Шаповалова Т.Е. БЫ в структуре русского предложения // Педагогическое образование и наука. 2017. № 5. С. 132-135.

УДК 811.161.1.’367.633

О СЛУЖЕБНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ МОДЕЛИ В+N_6

ШЕРЕМЕТЬЕВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА
д. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы,
Дальневосточный федеральный университет,
Россия, г. Владивосток, sheremeteva.es@dvfu.ru

В статье на примере существительного «русло» рассматриваются условия развития у знаменательных словоформ свойств предлога. Выдвигается идея специализации отдельных форм на выполнении функций, аналогичных функциям служебного слова.

Ключевые слова: синтаксис, служебные слова, производный предлог, синтаксические отношения, грамматикализация.

Одним из актуальных направлений современной русистики является изучение процессов, приводящих к изменению грамматического статуса слова. В фокусе внимания оказываются словоформы, демонстрирующие отрыв от парадигмы и функционирование в качестве более или менее самостоятельных единиц. Наиболее активно такой процесс затрагивает систему форм имени существительного [6; 8; 11]. Лексикализация, фразеологизация, грамматикализация как следствие изменения функций отдельных словоформ заставляет ставить вопрос о существовании не частеречных, а функциональных классов единиц, обслуживающих сферу синтаксических связей и отношений и формирующих «поле служебности». Частным проявлением этого процесса является движение косвенных, прежде всего предложно-падежных, форм существительного в сторону функционального поля предлога [2; 3; 9; 10 и др.].

Поскольку названный процесс далек от завершения, перед исследователями возникает ряд проблем, связанных с квалификацией возникающих в результате этого процесса новообразований.

Центральная проблема – определение статуса новообразований предложного характера (наиболее активно она обсуждалась в первое десятилетие XXI) – привела к появлению ряда терминов, отражающих как совпадение, так и различие точек зрения исследователей на данную проблему: наряду с традиционными «производный предлог» и «вторичный предлог» (сейчас уже малоупотребительным) в научный обиход вошли «лексический предлог» и «фразеологический предлог», «эквивалент (аналог) предлога», «отыменный релятив».

Путь знаменательного слова (словоформы) в разряд служебной определяется как грамматикализация. Этот процесс обычно носит стадиальный характер. В статье Е.Н. Виноградовой названы механизмы грамматикализации, релевантные и для новообразований предложного типа. К ним относятся десемантизация (семантический фактор), генерализация контекстов (синтаксический фактор), декатегоризация (морфологический фактор) [2].

Однако необходимо учитывать, что перед вступлением на путь грамматикализации словоформа может претерпевать еще и другие изменения, а именно метафоризацию, лексикализацию и фразеологизацию. Безусловно, не все названные изменения обязательно будут затрагивать каждую словоформу, но какая-то из фаз необходимо предшествует началу процесса грамматикализации, особенно если это касается существительных предметной семантики.

С точки зрения названных выше механизмов развития у полнознаменательных словоформ служебных функций, отдельный интерес представляют имена существительные, у которых формально-семантические изменения затрагивают не одну, а несколько словоформ. При этом обычно оказывается, что только одна из словоформ действительно вступила на путь грамматикализации или прошла его полностью, а другие остановились (по крайней мере на данном этапе) на какой-то определенной стадии. В большинстве случаев грамматикализуется предложно-падежная словоформа модели *в+ N_6*, например: *в деле, в духе, в свете, в плане, в области, в сфере, в порядке, в районе* и др.

Такую ситуацию можно проиллюстрировать рядом словоформ существительного «русло». Материалом для анализа послужили факты их Национального корпуса русского языка.

Вопрос о служебных функциях словоформ данного существительного можно ставить только применительно к его функционированию в переносном значении. Поэтому сначала остановимся на некоторых положениях, связанных с возникновением у слова переносных значений, в частности, на основе метафоры.

Г.И. Кустова, рассматривая механизмы формирования переносных значений, выдвинула идею прототипической ситуации как базы для развития разных значений одного слова. В этом плане слово определяется как «инструмент когнитивного освоения реальности» [5, с. 55], который может использоваться неоднократно. Исследователь говорит о семантическом потенциале исходного значения, который понимается не только как возможности, но и как ограничения: «из исходного значения можно получить не любое производное, а прежде всего такое, которое предусмотрено, предопределено его типом и связанной с ним ситуацией» [5, с. 54-56].

По аналогии с идеей семантического потенциала исходного значения слова, по нашему мнению, можно поставить вопрос о грамматическом, точнее – служебном потенциале словоформы.

Если спроецировать представленные теоретические установки на развитие значений существительного «русло», то обнаруживается следующее.

Прямое, исходное значение существительного «русло» - «углубление в почве, по которому течет водный поток» [1, с. 1134]. Это предметное существительное *пространственной* семантики, называющее пространство, имеющие границы. Поскольку это номинация материального природного физического явления, функционирование существительного, его контексты

должны отражать прототипическую ситуацию, включающую стихийные процессы, события или целенаправленные действия, так или иначе связанные с физическим объектом, названным существительным «русло».

Приведем ряд примеров прямого значения существительного: *Надо отметить, что здесь* ***выйти из русла*** *ей помешал высокий берег*. [Известия, 2013.10.25]; *Он с шумом катил свои волны, буро-желтые от грязи,* ***перекатывая по руслу*** *гальку и даже валуны*. [В.А. Обручев. Видение в Гоби (1947)]; *Грузно, тихо двигались миноноски; уже первые остановились у берега и начали работу, когда последние только еще* ***входили в русло реки***. [В.В. Верещагин. Дунай. 1877 (1899)]; *В десяти метрах* ***в русле реки лежал*** *большой плоский камень* [Новый мир, 2013].

Прототипическая ситуация и семантический потенциал исходного значения обусловили определенный тип метафорического функционирования существительного «русло»: «направление, путь, по которому идет движение, развитие чего-л.» [1, с. 1134]: *жизнь обрела русло, русло финансового потока* и под. В «Семантическом словаре» Н.Ю. Шведовой это значение существительного включено в раздел «ход бытия» [7, с. 31]. Произошел типичный перенос представления о физическом пространстве на пространство общественной и интеллектуальной сфер жизни человека. В результате развития устойчивой метафоры «жизнь – река» возникают контексты типа: ***По руслу автобиографического течения плыть*** *легко, попробуйте-ка против течения* [М.К. Куприна-Иорданская. Годы молодости (1966)]; *Оно* ***выйдет из русла берегов советской реки*** *и образует приливную волну, которая смоет все барьеры и подпорные стены нашего общества* [О. Гриневский. Тысяча и один день Никиты Сергеевича (1997)].

Метафоризация охватывает всю систему форм существительного, однако наблюдается различие в сочетаемости у разных словоформ. Это различие становится фактором, открывающим или преграждающим дальнейший путь развития в сторону грамматикализации.

Важным этапом для слова / словоформы является функционирование в контекстах, в которых уже отсутствует лексика типа *течение, берег, разливаться, водораздел* и под., устанавливающая образную связь с физической предметно-пространственной ситуацией, например: ***Переговоры*** *Родионова с Соланой с первой минуты* ***пошли по руслу****, о котором предупреждал нашего министра генерал Ивашов*. [В. Баранец. Генштаб без тайн. Книга 2 (1999)]; *Не припомню, чтобы наши с ней* ***диалоги выходили из русла интеллигентных светских бесед и споров***. [Комсомольская правда, 2013.09.28]; <…> *я не позволяла ни себе, ни им* ***выпасть из русла вопроса-ответа.*** [И. Полянская. Прохождение тени (1996)].

Наибольший интерес в этом плане представляют словоформы «в русле» и «в русло». Другие предложно-падежные словоформы («из русла», «по руслу») в значительно меньшей степени зафиксированы в Национальном корпусе русского языка в метафорическом употреблении, что не дает основания для обсуждения развития у них релятивных функций.

Что касается словоформ «в русле» и «в русло», то обе единицы включены в «Реестр русских предложных единиц» в статусе «аналог предлога» [4, с. 378-379], словоформа «в русле» имеет помету «в значении предлога» в Большом толковом словаре под редакцией С.А. Кузнецова [1, с. 1134].

При решении вопроса о том, насколько правомерно говорить о развитии служебной (предложной) функции у словоформы, необходимо проанализировать левую и правую сочетаемость этой словоформы. В данном случае мы должны рассмотреть модели **V в русле N_2 и V в русло N_2**. Под левой сочетаемостью мы понимаем характер управляющего слова (глагол или его дериват), правая сочетаемость – это лексико-семантический тип существительных, занимающих позицию зависимого компонента (N_2).

Как уже было сказано, о грамматикализации «в русле» можно говорить только в отношении метафорического значения существительного. Метафоризация обусловливает расширение сочетаемости словоформы «в русле», что проявляется в следующем.

В позиции зависимого компонента словосочетания появляется лексика, называющая процессы социальной, экономической, политической жизни (*современные тенденции, государственная политика, традиция, курс* и др.) и явления интеллектуальной деятельности (*теория, концепция, задача* и под.), например: *осмысление диалектики в русле неомарксизма*; *современная проза движется в русле углубления психологического анализа*; *находиться /действовать в русле политики президента; двигаться в русле мирного процесса*.

В позиции управляющего компонента фиксируются бытийные глаголы и глаголы движения (*идти, лежать, находиться* и под.), предопределенные исходным значением существительного. Примеры: *Просвещение* ***идет в русле*** *«госзаказа»* [Независимая газета, 2003.07.09]; *это* ***находится в русле*** *политики президента* [Время МН, 2003.06.19]; *Их пастырство* ***находилось в русле*** *традиций зосимовского старчества* [Альфа и Омега, № 26, 2000]; *В этом смысле фантастика полностью* ***лежит в русле*** *древнейшей традиции, загадочным образом присущей нашему духу* [Октябрь, № 11, 2001]. Этот тип глаголов преобладает, что показывает тесную связь метафорического и исходного значений существительного «русло».

Дальнейшее значительное расширение сочетаемости словоформы «в русле» проявляется в том, что для позиции управляющего компонента становятся характерны предикаты действия и деятельности (*действовать, сотрудничать* и под.) и, что очень важно, ментальная лексика, а именно глаголы и их дериваты со значением познания и осмысления (*исследовать, анализировать; рассматривать* и др.). Примеры:

Предикаты действия и деятельности: *все стороны будут* ***действовать в русле этого заявления*** [Новый регион 2, 2009.07.02]; ***Сотрудничая*** *между собой* ***в русле нового политического мышления***<…> [М. Горбачев. Как это было]; ***В русле этой идеи*** *«Интерфейс-МФГ» активно* ***развивает*** *университетскую программу* <…>. [Computerworld, 2004.07]; *С 1970 г.*

лаборатория ***работает в русле концепции М.И. Лисиной*** <...> [Вопросы психологии, 2004.04.13]; Поэтому мне очень симпатична именно **подготовка в русле переквалификации**. [Рекламный мир, 2003.03.31].

Предикаты познания и осмысления: *отец Сергий Булгаков также обращался к восточным отцам, но* ***переосмыслял их в русле воззрений Владимира Соловьева и отца Павла Флоренского*** [Неприкосновенный запас, 2003.11.11.]; *В этом выводе нет ничего нового, если* ***рассматривать его в русле идей досократиков*** <...> [Знание – сила, 1997]; *Эти и многие другие вопросы являются базисными для нашей концепции могут быть* ***решены в русле экологического подхода*** *к социальной установке*. [А.А. Девяткин. Явление социальной установки в психологии XX века (1999)]; *Естественно и закономерно* ***рассматривать*** *книгу Нины Габриэлян* ***в русле женской прозы*** [Октябрь, 2002].

Появление ментальной лексики в сфере действия словоформы «в русле» уже не связано с прототипической ситуацией, это уже развитие в рамках переносного, метафорического значения. Ментальная лексика слева коррелирует с лексикой, называющей явления, связанные с интеллектуальной деятельностью: *анализировать в русле определенной теории / концепции* и под.

Расширение сочетаемости – факт генерализации контекстов, то есть один из признаков грамматикализации.

Возникает вопрос, можно ли говорить о десемантизации по отношению к словоформе «в русле» в метафорическом значении. Говоря о функциях предлога, мы указываем его роль в оформлении отношений в словосочетании. Следовательно, признаком приобретения знаменательной словоформой предложной функции обязательно должно быть выражение этой словоформой синтаксического отношения.

На наш взгляд, словоформа «в русле» способна выражать такие отношения – это отношения соответствия: *действовать в русле политики президента = действовать в соответствии с политикой президента / соответственно / согласно политике президента*. И в этом случае оказывается, что возможность формировать отношения соответствия обусловлена не только метафорическим, но и прямым значением существительного «русло».

Казалось бы, семантика соответствия не заложена в исходном значении. Однако в прямое значение существительного «русло», обусловленное прототипической ситуацией, входит идея пространственной границы, а отношения соответствия также предполагают указание на ограничение каким-либо нормативом.

В результате можно сделать вывод, что десемантизация «в русле» – это потеря части семного состава первичного значения и абстрагирование вторичного, переносного значения.

Обратимся к другой словоформе существительного – «в русло».

Сочетаемость словоформы «в русло» в метафорическом значении существенно отличается от сочетаемости «в русле». Левый, управляющий, компонент имеет лексико-семантическое ограничение: в 75%

проанализированных фактов это объектно-направленные, реже – субъектно-направленные глаголы перемещения (*переводить / перевести; направить; возвращать / возвратить; (по)вернуть(ся); влить(ся); переходить / перейти*) и бытийные глаголы (*укладываться, ложиться*). Примеры:

Уже на третьей минуте знакомство вошло в русло непринужденной болтовни о чем угодно [Октябрь, 2003]; *дробление Вооруженных сил чревато переводом межреспубликанских, межнациональных противоречий в русло военной борьбы* [В. Баранец. Генштаб без тайн. Книга 1 (1999)]; *направить его коллектив в русло военных разработок* [Интернет-альманах «Лебедь», 2003.12.28]; *возвращение процесса косовского урегулирования в русло восстановления многоэтнического общества* [Дипломатический вестник, 2004.06.29]; *В русло этой гипотезы укладывается и то, что США и Япония высказали настороженное отношение к AIIB* [Эксперт, 2015].

Такая сочетаемость объясняется исходной семантикой формы «в русло»– директив (движение внутрь, в пределы объекта). Форма «в русло» (в+N_4) при данных глаголах предопределена характером синтаксической связи: сильное управление, предлог «в» по существу является послелогом. Этого нельзя сказать о форме «в русле» (в+N_6): предлог «в» никаким образом не предопределяется глаголами действия и деятельности и особенно – ментальными глаголами.

Правый компонент словоформы «в русло» с точки зрения семантической – это в основном номинации разных процессов, явлений и состояний: интеллектуальных, социальных, политических (*беседа, борьба, воспроизводство, деятельность, европеизация, государственность* и др.).

В подобных контекстах словоформа «в русло» не развивает способности оформлять какой-либо вид синтаксических отношений. Ее функция – вместе с глаголами перемещения формировать контексты с общим значением ‘смена ситуации’. В этом смысле можно говорить о строевом характере словоформы «в русло». Однако привязанность данной словоформы к лексике определенного и ограниченного типа свидетельствует скорее о стадии фразеологизации, чем грамматикализации. Во всяком случае, у нее отсутствуют и признак расширения сочетаемости слева, и признак десемантизации.

Таким образом, сопоставление сочетаемостных свойств двух словоформ одного существительного показывает, что одна словоформа («в русле») уже находится на стадии грамматикализации, тогда как другая («в русло») еще не имеет достаточных признаков для того, чтобы приписать ей начало грамматикализации.

Аналогичные процессы наблюдаются и в отношении других лексем пространственной семантики, например, значительно расширяют контексты, проявляют существенные признаки десемантизации словоформы «в области», «в сфере», «в рамках», в то время как другие формы, построенные по моделям из+N_2 (из области / сферы / рамок), в+N_4 (в область / в сферу / в рамки) ограничены в сочетаемости [9].

Все это позволяет говорить, что модель в+N_6 обладает потенциалом, который приводит к развитию служебной функции у словоформ, построенных по этой модели.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
2. Виноградова Е.Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов) // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 25-50.
3. Всеволодова М.В. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления // Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: URSS, 2014. 304 с.
4. Всеволодова М.В. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления // Книга 2: Реестр русских предложных единиц: А-В (объективная грамматика). М.: URSS, 2018. 800 с.
5. Кустова Г.И. О семантическом потенциале слов энергетической и экспериенцальной сферы // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 53-79.
6. Кустова Г.И. Семантические механизмы грамматических изменений: теория и словарь // Вестник РГНФ. 2015. № 1. С. 144-153.
7. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Т. 4. М.: РАН. Институт русского языка: Азбуковник, 1998. 948 с.
8. Сергеева Г.Н.Лексикализованные словоформы: динамика языкового развития: избранные работы. К 60-летию кафедры русского языка. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. 296 с.
9. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 236 с.
10. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск: Изд-во Челяб. госпед. ун-та, 2001.
11. Шнырик Е.А. Лексикализованная словоформа «по идее» в аспекте текстообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): В 3-х ч. Ч. 3. С. 165-169.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81:070.1(063)

ЗАГОЛОВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС В СТРУКТУРЕ МАСС-МЕДИЙНОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ВЕРСИИ «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ»)

АВКСЕНТЬЕВА АНЖЕЛИКА МУЛЛАНУРОВНА
аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков,
Горловский институт иностранных языков,
ДНР, г. Горловка, angelik_409@list.ru

В статье рассматривается связь заголовочного комплекса и его элементов с текстом статьи в функционально-семантическом аспекте на примере публикаций интернет-версии издания «Российская газета».

Ключевые слова: заголовок, заголовочный комплекс, медиатекст, дискурс.

Вследствие развития современных телекоммуникационных технологий, расширения роли средств массовой информации и огромного влияния виртуального информационного пространства возник новый вид дискурса, который называют медиадискурс, масс-медийный дискурс или дискурс СМИ. В последние годы данное понятие прочно вошло в обиход гуманитарных наук. Понятие масс-медийного дискурса находится в центре внимания как западных ученых (Т. ван Дейк, Дж. Оруэлл), так и отечественных лингвистов (В.Г. Костомаров, Ю.В. Рождественский, Н.И. Клушина). Цель масс-медийного дискурса – воздействовать на общественное сознание и формировать актуальное общественное мнение относительно тех или иных фактов социальной жизни человека. В настоящее время интерес к дискурсивному аспекту вызван появлением новой области исследования – медиа-лингвистики (см. работы Г.Я. Солганика, Т.Г. Добросклонской).

Единицей медиадискурса выступает медиатекст, который позволяет упорядочить и структурировать движение медиапотока в условиях информационного общества и обладает рядом характеристик. Одной из них является «нелинейность», иначе говоря, наличие сложной многоуровневой структуры, при которой текст за счёт выстраивания межтекстовых связей развивается одновременно в нескольких измерениях: вербальном, медийном и гипертекстуальном. Ощущение «объёмности» медиатекста усиливается благодаря особенностям его развёртывания на каждом из уровней, что дополняется различными возможностями сочетания вербальных и невербальных компонентов и придаёт медиатексту ещё более сложный характер.

Не менее важной характеристикой медиатекста является его открытость как своеобразный вид массмедийной интертекстуальности. Как отмечает Ю.Д. Артамонова, тексты СМИ «представляют собой совокупность фраз бесконечных гипертекстов, где все является ссылкой друг на друга и бесконечным цитированием» [6, с. 5]. Это дает возможность множественности интерпретаций одного и того же текста.

Следует отметить, что понятие «медиатекст» выступает как обобщающее для всех текстов массовой коммуникации и включает следующие разновидности: журналистские, рекламные, PR-тексты [3, с. 325]. Мы в своей работе рассматриваем журналистские тексты, т.е. тексты СМИ, которые направлены на оперативное периодическое распространение информационных сообщений.

Ввиду того, что тексты СМИ играют огромную роль в современном мире и оказывают большое влияние на адресата, нам представляется актуальным более детальное изучение их заголовков и заголовочных комплексов с позиции их соотношения с текстом публикации и функционально-семантических особенностей. Материалом исследования послужили заголовки и заголовочные комплексы интернет-версии ежедневной «Российской газеты».

В современной медиасфере имеет место тенденция использования не одиночного заголовка, а развернутого заголовочного комплекса, который включает надзаголовок, собственно заголовок, рубрику, подзаголовок, вводки (лиды). Все элементы заголовочного комплекса занимают определённую позицию: они входят в масс-медийный дискурс, но стоят на «выдвинутой», надтекстовой позиции, что и определяет их функции. Рассмотрим функции, которые выполняет заголовочный комплекс в масс-медийном дискурсе с позиции адресата. Считаем, что такой подход позволит наиболее точно раскрыть особенности анализируемой части текста.

Так, заголовочный комплекс и его части отделяют тексты публикаций друг от друга в составе одного издания и определяют их границы, тем самым выполняя графически-выделительную функцию, которая реализуется неязыковыми средствами: с помощью шрифтовых выделений, использования цвета, графических средств, приемов верстки. Если мы обратимся к интернет-версии издания «Российская газета», то увидим, что элементы заголовочного комплекса подаются разными размером и цветом шрифта. Например, рубрика – черный шрифт, оранжевое выделение, 11 кегль; заголовок – черный полужирный шрифт, кегль 24; подзаголовок – серый шрифт, кегль 16. Заголовки статей, которые требуют особого внимания читателей, оформлены оранжевым цветом.

Номинативная, или назывная, функция заключается в том, что заголовок должен, во-первых, показать читателю сферу жизни, о которой будет говориться в статье, а во-вторых, сузить эту тему до конкретной проблемы и передать содержание статьи в компрессированной форме. Например, в рубрике *«В мире»* интернет-версии «Российской газеты» мы встречаем заголовок *«Кандидаты в президенты Украины сдали анализы на наркотики и алкоголь»*

(«Российская газета», Апрель 04, 2019), который сообщает нам название страны, о которой будет идти речь (Украина), и определяет сферу жизни и проблематику публикации – политика и выборы (кандидаты в президенты).

Оценочно-экспрессивная функция реализуется, когда по названию статьи читатель понимает отношение автора к написанному. Для этого авторы часто используют аллюзии – намеки на какой-либо общеизвестный текст, явление, событие, а также реминисценции – фрагменты чужого текста, в некоторых случаях несколько видоизменённые, использующиеся без указания на авторство и название. Эти приемы позволяют создать эффект образности, эмоциональности и оценочности. Например, надзаголовок статьи «*Brexit: Великобритания покидает Евросоюз*», заголовок *«"Овсянка", сэр!»* и следующий за ним подзаголовок *«Британия и Евросоюз готовятся к "жесткому "брекзиту"»* («Российская газета», Март 26, 2019) показывают нам ироническую и осуждающую позицию автора. Заголовок обращает читателя к фильму «Собака Баскервилей», однако в статье идет речь не о каше из овсяной крупы, а об овсянке как маленькой птице отряда воробьиных. Статья посвящена проблеме выхода Великобритании из Евросоюза, однако автор в элементах заголовочного комплекса называет желание властей разорвать все связи с ЕС и выйти из соглашения с жестким решением, влекущим за собой негативные последствия, а комплексный план подготовки страны к данному событию, разработанный правительственным комитетом, имеет название «Операция овсянка». Таким образом, лексическая омонимия помогает создать комический эффект.

Рекламная функция заголовка заключается в привлечении внимания читателей. Для этого заголовок должен обладать такими характеристиками, как лаконичность, рациональность, с одной стороны, и содержательность, эмоциональность, яркость – с другой. Например, заголовок статьи *«Порошенко призвал Зеленского "быть мужиком"»* («Российская газета», Апрель 04, 2019) включает цитату политика, которая обеспечивает лаконичность высказывания.

Несмотря на то, что заголовочный комплекс и его компоненты структурно находятся вне текста и выделены графически, они представляют единое смысловое пространство вместе с текстом самой публикации и являются ее полноправными компонентами. Из этого следует и многообразие выполняемых им функций, то есть его полифункциональность, которая направлена на именование, характеристику текста, прогнозирование его содержания и интерпретацию.

Заглавие тесно связано с текстом публикации, однако ключом к его пониманию оно становится лишь при полной семантизации, то есть смысл заголовка имплицитно или эксплицитно раскрывается при прочтении целого текста. Заглавие может быть понято только в результате восприятия текста как структурно-семантического единства, характеризующегося целостностью и связностью. Для создания такого единства заголовок должен компрессированно содержать смысл публикации.

Например, при прочтении статьи *«Гуайдо анонсировал начало "операции по свержению Мадуро"»* («Российская газета», Март 27, 2019) мы встречаем в тексте цитату, которая упоминается в заголовке: *«…операция по свержению Мадуро должна начаться 6 апреля…»*, а также глаголы *свергать, объявлять, начинать, активизироваться*, которые помогают привлечь внимание к проблеме государственного переворота в Венесуэле.

Тесная связь заголовка и публикации прослеживается также в статье *«Восток Кореи объявлен зоной природного бедствия в связи с пожаром»* («Российская газета», Апрель 05, 2019). Тема природной катастрофы, заявленная в заголовке, обыгрывается в статье с помощью таких лексических единиц, как *огонь, вспыхивать, зона природного бедствия, борьба, ущерб, эвакуация, безопасность, ликвидация.*

Таким образом, заглавие оказывается связано с текстом довольно сложными отношениями взаимозависимости, при нарушении которых разрушаются и смысловые связи заголовка с текстом. Последующая разработка данной проблематики, по нашему мнению, предусматривает анализ использования различных лексических и стилистических особенностей заголовков, что позволит более детально изучить проблему заголовка в современной медиасфере.

Список литературы

1. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20-33.

2.Жуков А.С. О соотношении понятий «лид» и «хэдлайн» в новостных материалах традиционных и интернет-СМИ // Молодой ученый. 2013. № 4. С. 669-671.

3. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста. Лингвистика речи // Медиастилистика: кол. моногр., посвящ. 80-летию проф. Г.Я. Солганика. М., 2012. С. 320-334.

4. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М.: МГУ, 2008. 242 с.

5. Колесниченко А.В. Практическая журналистика: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та., 2010. 192 с.

6. Кузьмина Н.А. Современный медиатекст: Учеб. пособие. Омск, 2011. 414 с.

7. Российская газета: [сайт]. URL: https://rg.ru

8. Солганик Г.Я. К определениюпонятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Моск. ун-та. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7-15.

УДК 81.119 + 811.161.1

ОБРАЗ ГОРЛОВКИ В МЕСТНЫХ СМИ

ДМИТРИЕВА ЮЛИЯ ЛЕОНИДОВНА
к. филол. наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания
и славянских языков,
Горловский институт иностранных языков,
ДНР, г. Горловка, iksta_aravar@mail.ru

В статье дано определение понятию «образ», сформулированы основные его черты как категории языкового сознания индивидуума и/или социума. Основными когнитивными признаками образа Горловки, объективированного в текстах СМИ, автор считает размер, степень населённости, государственную принадлежность объекта онтологического мира. Кроме того, в топониме, объективирующем образ Горловки, зафиксирована информация об одном из основателей города.

Ключевые слова: образ, топоним, когнитивный признак, категория языкового сознания.

Языковой образ неоднократно становился объектом изучения лингвокультурологов, лингвокогнитологов, семиотиков и др. Он рассматривался как единица сознания, участвующая в процессах категоризации и концептуализации мира, как компонент концепта и семантической структуры слова, а также как базовая единица лингвокультуры. В современных исследованиях значительное внимание уделяется описанию образа города сквозь призму лингвокраеведения. Появляются работы, в которых рассмотрена проблема восприятия города как места жительства, его привлекательность по сравнению с другими населенными пунктами (см. работы С.Л. Васильевой, Д.Ф. Мымриной, С.С. Касаткиной, Ю.Л. Балюшиной и др.). Образ Горловки как одного из крупных городов Донецкого края ранее не был объектом исследования, что обуславливает актуальность нашей работы.

Цель исследования – описание средств экспликации образа Горловки в местных СМИ. Материалом изучения послужили ответы поисковых систем, а также тексты электронных горловских СМИ. Автор использовал инструментарий когнитивной лингвистики – понятия когнитивного признака, образного представления и образа как категории языкового сознания.

Вслед за Н.Ф. Алефиренко, под образом мы понимаем вербализованное (преимущественно зрительное) восприятие действительности, фиксирующее основные значимые для индивидуума и/или социума признаки конкретного предмета [1, с. 115]. Образ позволяет соразмерно отобразить объект онтологического мира и воссоздать его из коллективного опыта, закреплённого в естественном языке. Рассматриваемая единица характеризуется целостностью и смысловой содержательностью, которая формируется восприятием, памятью, воображением и накопленными впечатлениями. Так, образ Горловки актуализируется в сознании людей, прежде всего, топонимом *Горловка*, который обобщает совокупность основных признаков анализируемого образа в

сознании индивидуума и/или социума. Данное обобщение наглядно демонстрируют ответы, получаемые от поисковых систем Google и Яндекс при введении в поле поиска ключевого слова *Горловка.* Первые результаты, которые получаем, – ссылки на новостные сайты (например, https://admin-gorlovka.ru; http://gorlovka-news.su и т.д.), ссылки на карту города, а также разнообразную рекламную информацию. Кроме того, справа на мониторе предоставляются общие сведения об объекте, названном ключевым словом. На основании краткой справки, данной поисковой системой Яндекс, можем выделить несколько базовых признаков образа Горловки:

1) соотнесение с конкретным объектом онтологического мира (***Горловка*** *– город в Украине* [6]);

2) принадлежность к определённому государству (***в Украине;*** *контролируется* ***ДНР*** [6]);

3) размер и количество населения (***Площадь****: 422 км². **Население:** 256 714 чел. (1 января 2013 г.)* [6]).

Аналогичную справку предоставляет и поисковая система Google. Исходя из размещённых данных, выделяем следующие доминантные признаки рассматриваемого образа города:

1) соотнесение с конкретным объектом онтологического мира (***Горловка*** *– город в Донецкой области Украины* [5]);

2) указание на статус города с иерархии городов (***Горловка*** *– город областного подчинения* [5]);

3) принадлежность к определённому государству (***в Донецкой области Украины;*** *контролируется самопровозглашённой* ***Донецкой Народной Республикой*** [5]);

4) размер и количество населения (***Площадь***: *422 км². **Население:**245 746 (2017 г.)* [5]);

5) указание на главу администрации города (***Мэр:*** *Иван Сергеевич Приходько* [5]).

Следовательно, ключевыми признаками образа Горловки являются размер, степень населённости, государственная принадлежность объекта онтологического мира. Второстепенными, однако актуальными для сознания человека и/или социума, – признаки статуса города в иерархии других населённых пунктов, указание на главу администрации города. Кроме того, в проанализированных справках поисковых систем Google и Яндекс даются ссылки на другие города данного региона.

Отметим, что топоним *Горловка* актуализирует в сознании индивидуума и/или социума и краеведческую информацию. Согласно данным Е.С. Отина, рассматриваемое наименование репрезентирует данные об истории основания населённого пункта. «В 1871 году под руководством инженера П.Н. Горлова началось строительство рудника “Корсуньская копь № 1”. Возле рудника образовался рабочий посёлок, положивший начало городу» [8, с. 48]. В историческом очерке о городе также зафиксированы факты об основателе города: «*Согласно условиям концессии, строитель дороги С.С. Поляков*

обязался построить железоделательный завод, рудники и копи вдоль дороги, для чего в числе других инженеров был приглашен ***П.Н. Горлов****. В 1871-1873 гг.* Петр Николаевич *построил на участке угленосной земли с. Железного мощную шахту «Корсуньская копь» (совр. ш-та «Кочегарка»), которая по техническому оснащению и организации горных работ была одной из лучших шахт Донбасса, и где, впервые в России, внедрил потолкоуступный способ отработки крутопадающих угольных пластов*» [4]. Память об инженере, внёсшем вклад в создание и развитие г. Горловки, закреплена также и в агорониме *площадь Горлова* [3].

В сознании человека образ формируется постепенно, а набор базовых когнитивных признаков возрастает при постоянном взаимодействии индивидуума с объектами онтологического мира. Безусловно, образ Горловки будет значительно сложнее и многограннее образа конкретного объекта действительности (например, дерева). Однако важнейшей чертой рассматриваемой единицы является пластичность, т.е. «способность к возможным перевоплощениям» [2, с. 269]. Образ не функционирует в сознании индивидуума как нечто обособленное, он является частью картины мира, занимая своё место в общем построении и проецируя соответствующие воспринимаемой ситуации сущностные признаки объектов. «Будучи включённым в речемыслительный процесс, образ превращается в категорию языкового сознания, в контексте которого он вступает в новые ассоциативные отношения, необходимые для языкового моделирования того или иного феномена национальной культуры, для формирования языковой картины мира в виде образных представлений» [1, с. 116]. Анализ текстов, размещённых на информационном портале «Горловка News», позволяет выделить два основных коррелирующих образных представления Горловки. Это репрезентация данного объекта как района боевых действий и как мирного населённого пункта.

Образное представление «район боевых действий» актуализировано рядом текстов, объединённых заголовком *«Сводка с фронта»* [7]. В языковом опыте социума данное словосочетание эксплицирует представление о военных действиях. Ср.: «Сводка – документ, в котором подобраны и объединены какие-либо сведения, данные» [9]; «Фронт – место, район военных действий и расположение действующих войск во время войны» [9].

Рассматриваемое представление вербализировано в текстах СМИ лексическими единицами тематической группы «Война»: *обстрел, артиллерия, миномётный, гранатомётный, боеприпас, оружие, граната, весеннее перемирие* и др. Кроме того, оно формируется и противопоставлением «свой – чужой». Ср.: ***ВСУ*** *готовят* ***провокации*** [7]; ***На позициях ВСУ*** *в районе* ***Горловки*** *были зафиксированы артиллерийские установки "Гвоздика"* [7]; *Согласно информации от* ***разведки ДНР****…* [7]; *…грубое нарушение со* ***стороны украинской армии*** [7]; *…****силовики*** *выпустили в направлении Саханки противотанковую управляемую ракету* [7]. Выделенные языковые единицы эксплицируют представление о двух сторонах конфликта, одна из которых воспринимается как «своя», а вторая – как «чужая». Отметим, что

рассматриваемое противопоставление требует более детального изучения, что и составит перспективу дальнейшего исследования.

Образное представление «район боевых действий» зафиксировано и в звании, присвоенном г. Горловке: *Указом главы Донецкой Народной Республики* ***Горловке*** *присвоено почётное звание* ***"Города воинской славы"*** [7].

Однако в языковом сознании человека и/или социума образ Горловки репрезентируется и как представление о мирном городе. Так, Горловка воспринимается как важный железнодорожный узел. На карте города зафиксировано несколько названий железнодорожных станций: *станция Горловка, станция Байрак, станция Никитовка* [3]. Также данное представление эксплицировано в текстах: *С 14 по 16 ноября, в связи с ремонтными работами, ограничится движение пригородных* ***поездов*** *на* ***маршруте Горловка*** *– Дебальцево* [7]; ***Поезд*** *№ 6608* ***сообщением*** *Иловайск-Углегорск будет следовать до* ***станции Горловка*** [7]; *На участке Байрак –* ***Горловка поезд*** *не в ходу* [7] – лексическими единицами *поезд, маршрут, сообщение, станция.*

Образное представление о Горловке как о мирном населённом пункте репрезентировано в группе текстов, объединённых заголовком «*Социальные уведомления*» [7], т.е. информация, связанная с жизнью социума. Ср.: «Социальный – относящийся к обществу, связанный с жизнью и отношениями людей в обществе; общественный» [9]; «Уведомление – письменное или устное сообщение, извещение о чем-либо» [9].

Данное представление эксплицируется посредством освещения различных аспектов жизнедеятельности социума – культурной, политической, бытовой и т.п. Так, культурная сфера объективирована языковыми единицами, номинирующими различные мероприятия, творческие коллективы, кинотеатры, музеи, дворцы культуры. Ср.: ***Дворец культуры «Кочегарка»*** *приглашает жителей и гостей города* ***Горловка*** *посетить* ***концертную программу*** *«Восток собирает друзей»* [7]; *6 апреля* ***в Горловке*** *на базе КСКЦ «Стирол» прошёл* ***фестиваль талантов*** *«Время Победы»* [7]; *В* ***Горловском институте иностранных языков*** *пройдёт* ***праздничный концерт*** *вожатых* [7]; *В детских дошкольных учреждениях* ***Горловки*** *прошёл* ***танцевальный конкурс*** [7]; ***Горловский Музей Миниатюрной Книги им. В.А. Разумова*** *с 5 апреля представляет* ***литературное ассорти*** *«Волшебный мир Андерсена»* [7].

Отметим, что оним *Дворец культуры «Кочегарка»* объективирует в языковом сознании индивидуума и/или социума представление об одном из старейших культурно-архитектурных памятников города. Согласно архивным данным, размещённым на официальном сайте администрации г. Горловки, он долгое время «был единственным местом, где проводились важнейшие торжественные городские мероприятия» [4]. Другой ойкодоним *Горловский институт иностранных языков* эксплицирует представление об одном из старейших высших учебных заведений, расположенных в г. Горловке и имеющих богатую историю. Наконец, наименование *Горловский Музей Миниатюрной Книги им. В.А. Разумова* выражает представление об одном из

уникальнейших музеев края, в котором собрана богатейшая коллекция книг различного формата.

Политическая сфера жизни города вербализована языковыми средствами *выборы, избирательный участок, горловская городская администрация, избирательные комиссии* и т.п. Например: *Согласно уведомлению* ***горловской городской администрации****, в день* ***выборов*** *с 9.00 до 18.00 на некоторых* ***избирательных участках*** *будет организована развлекательная программа* [7]; *Многие учебные заведения будут заняты* ***избирательными участками****, а преподаватели войдут в состав* ***избирательных комиссий*** [7].

Наконец, бытовой аспект образного представления о Горловке как о мирном населённом пункте объективирован словосочетаниями *отключение электроэнергии, прекращение подачи водоснабжения*, а также различными годонимами и микротопонимами. Ср.: *Планируется* ***отключение электроэнергии*** *у потребителей, проживающих по улицам:* ***Просолова, Истомина, Пастушья, Озёрная, Антакольского, Холода*** [7]; ***Вода*** *будет* ***отсутствовать*** *в* ***посёлке Октябрьский*** [7].

Итак, образ Горловки репрезентирован когнитивными признаками размер, степень населённости, государственная принадлежность объекта онтологического мира. В самом названии, объективирующем данный образ в языковом сознании человека и/или социума, зафиксирована фамилия одного из инженеров, внёсших значительный вклад в развитие Донецкого края и в основание города. Анализ новостных текстов информационного портала Донецкой Народной Республики «Горловка News» позволил выявить два коррелирующих образных представления Горловки в языковом сознании индивидуума и/или социума: это представление о городе как о районе военных действий и как о мирном населённом пункте.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. М.: Гнозис, 2005. 326 с.

2. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 352 с.

3. Горловка. Карты Google: https://www.google.ru/maps/place/Горловка,+Донецкая+область/@48.3335223,37.9519649,11z/data=!3m1!4b1!4m5!3m4!1s0x40e0771768f45635:0xf32c9f2b30776f2c!8m2!3d48.3071!4d38.029633(Дата обращения: 06.04.2019 г.).

4. Горловка. Официальный сайт администрации города: https://admin-gorlovka.ru(Дата обращения: 06.04.2019 г.).

5. Горловка. Поисковая система Google: https://www.google.ru/search?client=opera&q=горловка&sourceid=opera&ie=UTF-8&oe=UTF-8 (Дата обращения: 06.04.2019 г.).

6. Горловка. Поисковая система Яндекс: https://yandex.ua/search/?text=горловка&lr=142&clid=9582 (Дата обращения: 06.04.2019 г.).

7. Информационный портал Донецкой Народной Республики «Горловка News»: http://gorlovka-news.su

8. Отин Е.С. Происхождение географических названий Донбасса. Донецк: Юго-Восток, 2014. 199 с.

9. Словарь русского языка: В 4-х т. // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). М., 2005. http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm(Дата обращения: 06.04.2019 г.).

УДК 811.161.1

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ПОСТРОЕНИЯ ИМИДЖА ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА В ВЫСТУПЛЕНИЯХ В.В. ПУТИНА

ЕГОРОВА ОЛЬГА ИГОРЕВНА
аспирант кафедры русского языка и литературы,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Россия, г. Липецк, olgalip85@gmail.com

В статье анализируются речевые стратегии и тактики, используемые Президентом Российской Федерации в публичных выступлениях с целью создания образа демократического лидера и коррекции нежелательных ассоциаций с авторитарными лидерами.

Ключевые слова: авторитарный лидер, речевые стратегии, самопрезентация.

Одна из важнейших составляющих имиджа политика – это то, что он говорит, и то, как он это говорит, иными словами, его речевой портрет. Речевой портрет, в свою очередь, является воплощением в речи языковой личности. Речь служит (в числе прочих) целям самопрезентации, таким образом, речевые тактики позволяют создавать желательный образ политика в массовом сознании и корректировать нежелательные ассоциации.

Не секрет, что образ В.В. Путина в массовом сознании имеет некоторые авторитарные черты. С одной стороны, это хорошо, этого желает большинство населения. Россияне хотят видеть «сильную руку», сильного лидера [5]. С другой стороны, существует либерально настроенная часть населения, прозападные СМИ и зарубежные СМИ, и они транслируют образ Владимира Владимировича как авторитарного лидера уже со знаком минус. Яркие примеры – словосочетание «режим Путина» и популярный в англоязычных СМИ термин «Putin'sregime» (по аналогии с режимом Чаушеску, режимом Пиночета), термин «путинизм», введенный политологом Вячеславом Никоновым в 2003 году, и его англоязычный аналог putinism (сравните *бонапартизм, сталинизм* и многие другие «измы»).

В данной статье мы проанализировали некоторые речевые приемы, помогающие Президенту отстраниться от образа авторитарного лидера в

массовом сознании. Материал для анализа был отобран по двум критериям: временной промежуток с 2014 года по настоящее время и ориентированность на внутреннюю аудиторию, а не выступления на внешнеполитической арене. В основном были использованы материалы Посланий Федеральному Собранию, встреч с общественностью и выступлений на всероссийских форумах и конференциях.

По утверждению О.С. Иссерс, «речевое взаимодействие всегда определяется неречевыми задачами. Социальные отношения, политическая ситуация, групповые и общественные интересы находят отражение в языке, в частности в конструировании модели мира, желательной говорящему» [3, с. 51]. Рассмотрим, как конструируется образ демократического лидера в речи Президента.

По данным «Нового частотного словаря русской лексики» местоимение «я» – самое частотное слово в русском языке, если говорить о самостоятельных частях речи (его «обгоняют» только союз «и», предлоги «в» и «на» и частица «не») [4, с. 419]. Это и неудивительно, невозможно выразить свою позицию, то и дело не упоминая себя как субъект речи и действия. В то же время все хорошо знают такие выражения, как «я – последняя буква в алфавите», «не якай», то есть чрезмерно частое использование местоимения «я» вполне может вызвать раздражение и отторжение аудитории. Рассмотрим несколько цитат: «В Послании прошлого года предложил реализовать программу по борьбе с онкологическими заболеваниями» (Послание Президента Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года); «В январе посещал, как вы знаете, детский хоспис в Петербурге, говорили о проблемах» (Там же); «Это очень сложная задача. Уверен, мы готовы эту задачу решить» (Встреча с общественностью Крыма и Севастополя 18 марта 2019 года); «Все проекты, приоритеты, о которых говорил сегодня: пространственное развитие, инвестиции…» (Там же) [1]. Таким образом, в цитируемых отрывках местоимение «я» иногда пропущено, причем даже там, где оно совсем не лишнее. Этот прием позволяет несколько «увести в тень» личность говорящего, выдвинуть на первый план те проблемы, о которых он говорит, а не его личное участие в их решении.

Одной из важных черт, характеризующей специфику общения оратора с аудиторией, является выбор обращения. Выбирая неформальное, фамильярное или официальное обращение, говорящий с первых же слов задает тон всему последующему выступлению. Если говорить о выступлениях Президента, в них преобладают официальные обращения, что неудивительно, если учесть уровень, на котором ему приходится выступать. Например: «Уважаемые члены Совета Федерации! Уважаемые депутаты Государственной Думы! Граждане России!» (Послание Федеральному Собранию 20 февраля 2019 года). Аналогичное обращение используется при оглашении Послания ежегодно. Если же мы рассмотрим такое событие, как Большая пресс-конференция – событие также высочайшего уровня, но, благодаря участию журналистов и более живому формату «вопрос-ответ», несколько менее формальное, – на ней Президент использует уже другую формулу обращения: «Добрый день,

уважаемые коллеги, друзья!» (Большая пресс-конференция 20 декабря 2018 года, 23 декабря 2016 года, 17 декабря 2015 года) и просто «Добрый день!» (Большая пресс-конференция 14 декабря 2017 года). Если же ситуация и характер события позволяют, Президент использует вежливые, но достаточно неформальные обращения: «Добрый день, дорогие друзья!» (встреча с общественностью Крыма и Севастополя 18 марта 2019 года); «Уважаемые друзья, добрый день!» (Встреча с учеными и общественными деятелями Севастополя и Крыма 18 августа 2017 года); «Дорогие друзья, добрый день! Всех вас сердечно приветствую» (Встреча с победителями конкурса «Лидеры России» 19 марта 2019 года); «Дорогие друзья!» (Митинг «Мы вместе!» в поддержку принятия Крыма в состав Российской Федерации 18 марта 2019 года).

Способы речевой самопрезентации заслуживают, на наш взгляд, особенно внимательного отношения. По мнению О.С. Иссерс, самопрезентация «в той или иной степени реализуется практически в любом речевом действии» [2, с. 73]. Полностью соглашаясь с этой мыслью, мы все же рассмотрим только прямые упоминания своей персоны и отступления «о себе». Например: «Вы знаете, что и ваш покорный слуга, многие коллеги пользовались и до сих пор еще пользуются автомобилями «Мерседес» (выступление на церемонии открытия завода «Мерседес-Бенц» 3 апреля 2019 года). Этикетный фразеологизм «ваш покорный слуга» несет здесь многоплановую смысловую нагрузку. Любопытно, что употребление данного фразеологизма Президентом в основном вызывает два типа эмоциональной реакции у аудитории: положительную («Хорошее воспитание старой ленинградской закваски»; «Хорошо хоть Путин может красиво и правильно разговаривать») и резко отрицательную («Говорить о себе в третьем лице – это мания величия»; «Верный слуга довольно узкого круга лиц и олигархии»), хотя и нейтральная реакция тоже встречается («Эту фразу не он придумал, и все прекрасно знают, в каком смысле ее употребляют»). На примере данных реакций хорошо видно, как прямая функция фразеологизма «ваш покорный слуга» – заменить слово «я», не принятое в деловых выступлениях, – отступает на задний план, и гораздо важнее становится иронический посыл всей фразы, особенно заметный, если вспомнить, что речь идет о передвижении на статусном автомобиле «Мерседес».

Если Президент прибегает к самоцитированию, это опять-таки облачается в максимально скромную форму, без лишнего «якания». «Неловко себя цитировать, но просто сегодня это будет к месту. Итак, было сказано…». Сравним эту фразу с аналогичной по смыслу, но выстроенной от первого лица: «Как я уже говорил, и еще раз вам скажу, потому что мои слова по-прежнему актуальны, не грех и повторить…», и разница в самопрезентации этих двух ораторов (одного реального и другого условного) станет очевидна.

Тактика присоединения к аудитории – простое, но надежное средство завоевать симпатии, «стать своим». Нет, пожалуй, такого политика, который ее не использовал, и Президент – не исключение. Ключевые слова в этой тактике –

«мы», «вместе»: «…мы обязательно всё сделаем, потому что, когда мы вместе, мы огромная сила, способная решать самые сложные задачи»; «Когда мы вновь можем с полным основанием, например, вспомнить слова известной песни о том, что Севастополь – город славы русских моряков» (Визит в Севастополь 14 марта 2018 года).

Более сложный способ присоединиться к аудитории – выразить отношение к занимаемому посту: «Кто бы ни был избран Президентом, каждый гражданин России, все мы вместе должны прочувствовать и понять, что происходит в мире, вокруг нас и какие вызовы стоят перед нами» (Послание Федеральному Собранию 1 марта 2018 года).

Помимо посыла «я – один из граждан» Президент зачастую транслирует посыл «я – один из чиновников на службе у граждан»: «Мы решим этот вопрос» в ответ на обращенную лично к нему просьбу (Встреча с общественностью Крыма и Севастополя 18 марта 2019 года); «…коллеги убеждали нас и меня в том числе…» (Послание Федеральному Собранию 1 марта 2018 года).

Формулы вежливости украшают любую речь, но особенно позитивно воспринимаются там, где не являются обязательными по статусу, когда главный ведет себя как равный: «Если Вы не против, я предоставил бы слово нашему Министру культуры Владимиру Ростиславовичу Мединскому» (Встреча по вопросам развития российско-белорусских гуманитарных связей 15 февраля 2019 года); «Вы знаете, когда Вы начали говорить, я позволил себе Вас прервать, за что прошу меня извинить» (Всероссийский молодежный образовательный форум «Таврида», 20 августа 2017 года).

В попытках отстроиться от авторитарного имиджа Президенту порой приходится пояснять, казалось бы, очевидные факты: «…за короткое последнее время у нас на уровне руководителей регионов появилось очень много молодых людей, молодых, которые уже себя зарекомендовали. И они сейчас, многие, возглавляют, я надеюсь, вот сейчас выборы пройдут и за них люди проголосуют, во всяком случае, я надеюсь на это, и возглавят регионы. (Всероссийский молодежный образовательный форум «Таврида», 20 августа 2017 года). Из этого примера видно, что говоря о региональных выборах, Президент вынужден пояснить, что он имеет в виду лишь свои личные чаяния относительно итогов этих выборов, но точным знанием не располагает (ведь точное знание в этой ситуации равносильно признанию в том, что он имеет непосредственное влияние на итоги выборов). Этот речевой прием не выглядит настолько удачным, как рассмотренные выше, но хорошо иллюстрирует, насколько щепетильно Президент относится к каждому сказанному слову и насколько тщательно следит за производимым на свою аудиторию впечатлением.

Итак, говоря о речевых стратегиях, используемых Президентом для формирования своего образа как демократического лидера, можно выделить простые и безотказные средства: формулы вежливости, обращения, присоединение к аудитории, редукция и замена слова «я».

Список литературы

1. Информационный ресурс Президента России. URL: http://kremlin.ru/ (дата обращения: 4.04.2019).
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ. 2008. 288 с.
3. Иссерс О.С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета. 1997. Вып. 2. С. 51-54.
4. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. 1090 с.
5. Фонд Общественное Мнение. URL: https://fom.ru/Politika/11568 (дата обращения: 28.03.2019).

УДК 80

ПЕРЦЕПТИВНАЯ МОДЕЛЬ НОЧНОГО ПЕЙЗАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА РАССКАЗОВ И.С. ТУРГЕНЕВА «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»)

ЗУБЦОВА МАРИЯ ЛЕОНИДОВНА
учитель русского языка и литературы,
средняя общеобразовательная школа № 1,
Россия, г. Ливны, kafedra.tirj@mail.ru

В центре внимания автора статьи находится семантика звуообозначений «ночь», «ночевать» и относящихся к ним однокоренных слов, используемых в цикле рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника». В контексте произведения писатель актуализирует не только денотативное значение, свойственное данным лексемам в языке, но и коннотативные смыслы слов, обозначающих время отсутствия дневного света.

Ключевые слова: перцептивная модель, семантика, художественный текст, цикл рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника».

В современной лингвистике интерес к изучению языковой картины мира (ЯКМ), отраженной в художественном тексте, достаточно высок, потому что помогает увидеть как узуальное, так и окказиональное в семантике текста. Однако воспроизвести полную картину в абсолютной целостности одному исследователю не под силу. Поэтому вполне закономерно стремление сосредоточиться на каком-либо фрагменте, который будет индикатором авторского мировидения.

Значимым компонентом текста выступает пейзаж – «окружающий человека физический мир» [2, с. 20]. Он отражает не только природную действительность, но и ценностные приоритеты автора, его языковые, в первую очередь лексические и синтаксические, предпочтения, за которыми, несомненно, стоит языковая личность автора, индивидуально-авторская концептосфера и художественная картина мира: «“возможный мир”

художественного произведения часто включает литературный пейзаж как элемент <…> субъективно творимого мира, а русская литература в целом позволяет представить эстетически, эмоционально, а нередко и философски осмысленный мир русской природы» [6, с. 10].

Одним из возможных способов изучения пейзажа в художественном тексте является его языковое моделирование, то есть «моделирование семантической и структурной организации описания природного мира в художественном тексте» [4, с. 115].

Выделяются различные аспекты рассмотрения пейзажа в художественном тексте.

Это может быть пейзаж как показатель традиции литературного направления [7; 10] или индивидуального стиля поэта [12], писателя [15]. Нередко пейзаж изучают через проявляющуюся взаимосвязь природы и психологического состояния героя [13].

Частотно обращение к пейзажу в его временных характеристиках – времени года или времени суток. Последнее направление концентрирует внимание на темпоральных природных деталях в человеческом познании. Это особенно ценно, так как открывает культуру восприятия физического мира через призму человеческого сознания автора и его героя. Подобный акцент фокусирует внимание на пейзаже «как элементе культурной картины мира» [3, с. 5], что предполагает прямое или опосредованное «включение человека как смыслозадающего и формоопределяющего начала по отношению к внешнему и “чужому” пространству природы» [Там же, с. 4].

Первичной основой восприятия природы человеком является перцепция, которая предполагает активную деятельность всех органов чувств – зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса. Каждый перцептивный модус демонстрирует чуткость к природной жизни, способность к особому видению, которые сливаются «с чуткостью любви, и одно усиливает другое» [8]. В исследованиях художественного пейзажа особое место занимает цветовая картина мира [5, 18 и др.].

Среди пейзажей, картины которых обусловлены временем суток, выделяются ночные пейзажи [1, 5, 15, 16]. Возможно, это объясняется тем, что концепт ночь в человеческом сознании определяется целым рядом факторов психологического, природно-культурного, социального плана и выступает как обширное поле формирования культурных архетипов коллективного бессознательного [14]. В целом это приводит к общей теории концепта ночи как космо-культурного явления [Там же].

Пейзажные зарисовки в цикле рассказов И.А. Тургенева «Записки охотника» [17] всегда привлекали к себе внимание. При этом чаще всего в поле зрения исследователей попадает цветовая гамма, хотя отмечается, что не только цвет важен при описании пейзажа [2].

Рассмотрим особенности реализации в этом цикле различных перцептивных модусов, имея цель – установить, какую роль в описании ночного пейзажа играет перцептивная лексика, отражающая результаты

восприятия мира зрением (свет, цвет, форма) и другими органами чувств (обонянием; слухом; осязанием; возможно, вкусом).

Словарное значение слова ночь следующее: ночь – ‘часть суток от захода до восхода солнца, между вечером и утром’ [10, с. 433].

В картинах природы представление о временно́м промежутке (между вечером и утром) тесно переплетается с представлением об отсутствии солнечного света (от захода до восхода солнца). Поэтому ночной пейзаж создается с помощью светообозначений, фиксирующих непроницаемость для взгляда окружающего мира.

И.С. Тургеневым активно используется слово категории состояния темно, в том числе в сравнительной и превосходной степени. Это способствует реализации признака ‘отсутствие света в меньшей / большей степени’. Вербализованный в описании, он помогает дифференцировать картину наступления ночи: *В лесу все темней да темней* (Ермолай и мельничиха) – от картины ее апогея: <…>*уже стало совсем темно*<…> (Певцы).

Прилагательное темный в одних случаях реализует семантический признак ‘лишенный света’; в других – признак ‘со слабым, скудным светом’. Ср.: *И пойдет Ермолай с своим Валеткой в темную ночь, через кусты да водомоины* <…> (Хорь и Калиныч) – <…> *небо стояло кругом все чистое и прозрачно-темное, тихо мерцая бесчисленными, но чуть видными звездами* (Певцы). В последнем варианте тёмный «указывает на общее ощущение отсутствия света при наличии некоторого источника светового излучения» [9, с. 416].

Существительные *темнота, тьма, мрак*, а также словосочетание *сумрак ночи* помогают в описании пространства, лишенного света: <…> *казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота* (Бежин луг); *Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину* (Бежин луг). Пространственные характеристики соединяются с перцептивными, и изображение отсутствия света связывается с определенным местом. Сочетание перцептивного и локативного обусловливает сочетаемость перцептивных лексем, к примеру, с глаголом движения подниматься, литься, употребление в перцептивном описании ночи наречия отовсюду, локативного существительного с вышины. Вместе с тем каждое существительное номинирует большое / меньшее количество света относительно другого существительного, что помогает сделать картину достаточно конкретной в отношении изображения характера темноты. Например, мрак рисует полное отсутствие света: *Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака* (Бирюк).

Глаголы *темнеть, потемнеть* изображают динамическую картину смены светового состояния природы от света – к темноте: *Между тем на дворе совсем стемнело* (Бурмистр).

Для усиления экспрессии в наглядной обрисовке наступления темноты автор прибегает к изобразительно-выразительным средствам. Между тем ночь

приближалась и росла, как грозовая туча (Бежин луг). Сравнение как грозовая туча в сочетании с метафорой росла дает картину движения ночи во времени и особенно – пространстве. Это и горизонтальное движение темноты навстречу рассказчику, и вертикальное разрастание от неба до земли.

В художественной картине мира И.С. Тургенева ночь не лишает повествователя и других персонажей способности к восприятию цвета, однако цветовая гамма ограничена.

Среди колоративных лексем в описании ночи востребованы лексемы *темный, черный, серый*, которые создают ахроматическую картину мира: <…> *слышится мерный взмах проворных крыл, – и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу* (Ермолай и мельничиха); *На темно-сером небе кое-где мигают звезды* (Лес и степь).

В создании хроматической картины мира используются цветообозначения синего.

И.С. Тургенев использует синий цвет в обрисовке стихии воздуха и воды. С помощью глагола *синеть* он передает изменение цвета неба во времени, а словосочетание *синева ночи* (цветообозначение с существительным ночь в родительном падеже) вербально фиксирует ночь как статичное состояние: *Побледневшее небо стало опять* ***синеть*** *– но то уже была* ***синева ночи*** (Бежин луг). Писатель номинирует синий цвет волны реки: *Река катила* ***темно-синие*** *волны* <…> (Хорь и Калиныч). Примечательно, что автором используется сложное прилагательное, подчеркивающее темный оттенок.

В описании ночи лексемы модуса зрения существенно дополняют лексемы модуса слуха.

Автором создается картина единства тишины и редкого звука: *Все кругом быстро чернело и утихало, – одни перепела изредка кричали* (Бежин луг). Глаголы *утихать* – кричать выступают антонимами, с помощью которых И.С. Тургенев формирует парадоксальный звуковой образ движения к тишине и ее нарушения. В другом случае подобный образ основывается на синтаксическом повторе слов с корнем шум: *Кругом не слышалось почти никакого шума… Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснет большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной*… (Бежин луг). Аллитерация глухого *ш* и сонорного *м* усиливает эффект звуковых противоположностей в картине ночной природы.

Однако в авторском представлении о звуках ночи особо выделяется период перед рассветом. Он отличается от всей ночи абсолютной тишиной: <…> *все совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает все только к утру: все спало крепким, неподвижным, передрассветным сном*. Подобное описание тишины не ограничивается использованием звукообозначения затихнуть и повтором однокоренного глагола затихать в конструкции сравнения. Только олицетворение спать, эпитеты *крепкий, неподвижный, предрассветный* и метафора *сон* создают образ абсолютной ночной тишины и спокойствия.

Отсутствие света и наличие тишины усиливают осязательные ощущения. Поэтому в ночном пейзаже И.С. Тургеневым используются лексемы, обозначающие характер влажности или ее отсутствие, например: <…> *воздух густел, отягченный ночной влагой* <…> (Хорь и Калиныч); <…> *даже за час до ночи вы не чувствуете сырости* <…> (Бежин луг). Использование перцептивного глагола густеть помогает в обозначении изменений ночного воздуха, создает динамичную картину ночи.

Ночь – природное время, которое в рассказах И.С. Тургенева неотделимо от человека. Поэтому восприятие ночи связано с температурой воздуха, она влияет на то, где проведет герой это время суток. В таком случае в контекст описания природы включается глагол *ночевать* и температурные существительные и прилагательные:

- с прилагательным *теплый* в предикативном значении: *«Ночуем здесь, – сказал я, – на дворе* ***ночь теплая****; мельник за деньги нам вышлет соломы»* («Хорь и Калиныч»);

- с атрибутивным словосочетанием *сильные морозы*: <…> *в сильные морозы ночевал на сеновале* <…> (Малиновая вода).

Обоняние, как и осязание, обостренно доносит до человека природные запахи, которые источаются гораздо сильнее, чем днем. Восприятие человеком одорической картины мира подчеркивается существительным запах, глаголом пахнуть, наречиями меры и степени сильно, отрицательной частицей *не*: *Лесной запах усиливается* (Ермолай и мельничиха); *В воздухе уже не так сильно пахло* (Бежин луг).

Богатство обонятельных ощущений порождает синестезию запаха и вкуса, поэтому в описании одорической картины используется лексема сладко, относящаяся к модусу вкуса: *Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах – запах русской летней ночи* (Бежин луг).

Таким образом, семантика описания ночной природы в рассказах И.С. Тургенева из цикла «Записки охотника» включает все модусы – зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса.

В языковой модели тургеневского ночного пейзажа художественных текстов этого цикла нами выделяются следующие основные перцептивные признаки: ‘отсутствие света’, ‘наличие ахроматического цвета; ‘наличие хроматического (синего) цвета’; ‘наличие осязательных ощущений’; ‘наличие обонятельных ощущений’; ‘синестезическое ощущение вкуса’. Их реализация указывает на то, что в описаниях ночная природа неотрывна от человека, так как она дана ему в модусном восприятии, характеризующемся динамикой.

Список литературы

1. Абузова Н.Ю. Вечер и ночь в русской поэзии (Жуковский, Тютчев) // Филология и человек. 2007. № 3. С. 70-82.

2. Барковская Н.В. Анализ литературного произведения в школе: Учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2004. 96 с.

3. Дьякова Т.А. Историко-культурная семантика и поэтика пейзажа: Автореф. дис. … д-ра культуролог. наук. Воронеж, 2005.

4. Кочнова К.А. Языковая модель пейзажа писателя: аспекты исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): В 3-х ч. Ч. I. С. 115-117.

5. Кочнова К.А. Цветопись ночного пейзажа А.П. Чехова // Вестник Мининского университета. 2016. № 1-1 (13). С. 7.

6. Куликова И.С. Мир русской природы в мире русской литературы. Слова – названия растений в русской художественной картине мира. СПб.: Наука: Сага, 2006. 479 с.

7. Лобанова Г.А. Тип описания в рассказе И.А. Бунина «Мелитон» // Новый филологический вестник. 2009. № 4 (11). С. 59-63.

8. Мещерина Е.Г. «Се красота из синего эфира...» (К проблеме эстетики цвета в поэзии серебряного века) // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2009. № 1. С. 63-90.

9. Мещерякова О.А Реализация семантического признака ‘наличие / отсутствие света' при описании природы (на материале произведений И.А. Бунина) // Творческое наследие И.А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сборник научных трудов. Елец, 2015. С. 413-419.

10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений // Российская Академия Наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.

11. Парфёнов А.И. Романтическая традиция в чеховских пейзажах // Русская речь. 2013. № 6. С. 12-18.

12. Пустовалова А.А. Эпитет как средство репрезентации концепта «природа» (на материале поэтических текстов Н. Рубцова) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 6 (62). С. 32-36.

13. Сарсенова И.Ж. Пейзаж как средство выражения психологических состояний души героев в художественной прозе А.И. Герцена // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2013. № 1 (45). С. 250-260.

14. Сиюхова А.М. Проблематика концепта ночи в дискурсе научного анализа // NB: Культуры и искусства. 2013. № 1. С. 13-60. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_192.html.

15. Станичук И.А. Образы ночи в «Мёртвых душах» Н.В. Гоголя // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 1. С. 293-297.

16. Тихомирова Л.Н. «Ночная» поэзия в русской романтической традиции: генезис, онтология, поэтика: Дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.

17. Тургенев И.С. Записки охотника. М.: Детская литература, 2008.

18. Ха Чун Чжи Лингвострановедческий аспект колоративной лексики в пейзажах рассказов К.Г. Паустовского // Актуальные проблемы русского языка

и методики его преподавания: IX студенческая научно-практическая конференция: Москва, 2012. М.: Российский университет дружбы народов. 2012. С. 129-131.

УДК 81

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ СИМВОЛА-ОБРАЗА *СВЕТЛАНЫ* В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (В.А. ЖУКОВСКИЙ И А.С. ПУШКИН)

КОЛЕСНИКОВА СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА
д. филол. наук, профессор кафедры русского языка,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва, sm.kolesnikova@mpgu.su

Сема-компоненты «светлая» и «чистая» становятся основными смыслообразующими началами имени *Светлана*. Образ-символ ***Светланы*** в одноименной балладе В.А. Жуковский создал разными языковыми средствами через номинацию и предикацию: ключевым словом «*свет*» и его производными; качественно-характеризующими словами (качественными именами прилагательными и наречиями, оценочными номинациями; предикативами). Искренность чувств, мыслей и поступков выражается глагольными интенсивами и обращением *Светланы* к *Спасителю* через молитву; важное место играют образы животных, птиц и природы, а также символический сон. Гадания и символические сны – судьбоносные параллели *Светланы* и *Татьяны* Лариной у А.С. Пушкина. Создатель текста баллады (В.А. Жуковский) точно подбирает изобразительные средства (эпитеты, метафоры, сравнения) и отражает русскую лингвокультуру (передает приметы русского национального обихода, использует элементы фольклора и народного стиха).

Ключевые слова: сема-компоненты, образ-символ, ключевое слово, изобразительные средства, лингвокультура.

Что в имени тебе моем? ***Светлана*** (славянского происхождения) – «светлая, чистая». Сема-компоненты «светлая» и «чистая» становятся основными смыслообразующими началами владельца данного имени: 1) **яркая**, наполненная светом (перен.); 2) радостная (высок.), благородная (высок.). Ср.: в отношении **места** – «хорошо освещенный, яркий, наполненный светом» (*место, комната, зал, коридор, класс, двор*); **времени** суток (*день, ночь*); в отношении **события**, действия (*быть, стать, казаться, оказаться... **светлым***); **предмета** (*волосы, глаза; платье, костюм, брюки, пальто; туфли; краска, обои; стены, полы, мебель; кора; тон, оттенок* и др.); **лица/личности, образа, эмоций, идей/мыслей** и проч. (*личность, образ, лицо, улыбка, чувство, стремление, воспоминание, мечты, идеалы, цели, будущее, жизнь, сторона жизни, дорога, путь* и т.д.); на синтагматическом уровне образует градационный ряд (*очень, совсем, слишком* и т.д.) [2, с. 587-588].

В.А. Жуковский создал неподражаемый образ-символ ***Светланы*** в одноименной балладе, опубликованной в первых номерах журнала «Вестник Европы». Баллада «Светлана» стала отражением русской картины мира: через

номинацию и предикацию представлены приметы русского национального обихода (*за ворота башмачок, сняв с ноги, бросали; ярый воск топили...; расстилали белый плат/ И над чашей пели...; клали перстень золотой, / Серьги изумрудны* и др.), включены элементы фольклора (*гадали; пели в лад / Песенки пдблюдны...* и т.д.), народного стиха (*туманит очи; пели в лад; расстилали белый плат...; судья лукавый; Будь, создатель, ей покров! / Ни печали рана, / Ни минутной грусти тень / К ней да не коснется...* и др.) и живого русского слова (*в лад*; *вран – ворон; стар и млад* и проч.). Хоть сюжет произведения был заимствован у немецкого романтика Г. Бюргера, но успех данного произведения был ошеломляющим – его заучивали наизусть, слова и выражения стали крылатыми: «*Раз в крещенский вечерок...»* героиня гадает на жениха – ей **снится *страшный сон, ... она просыпается***.

В начале текста образ ***Светланы*** перед нами **печальный** и **встревоженный**, так как ей не известна судьба любимого; этот образ **положительный, образцовый**, но не идеальный. На фоне главной героини появляются образы второго планы – подружки, характеры которых не прописываются, - они «растворяются» на фоне ***Светланы***, играют роль декораций (https://literaguru.ru/analiz-ballady-svetlana-v-zhukovskij/ - Дата обращения 18.04.2019). В сердце *Светланы* нет места девичьим забавам, она не поддается их беспечности: *Как могу, подружки, петь? / Милый друг далёко...* В течение года девушка находит в себе силы **молиться** и **надеяться**, что **все будет хорошо:** *Год промчался – вести нет!... / Ах! а им лишь красен свет, / Им лишь сердце дышит... / Я **молюсь** и слёзы лью! / Утоли печаль мою, / Ангел-утешитель.*

Но в «крещенский вечерок» она совершает *грех* – **гадает**, чтобы выведать судьбу своего жениха: *Раз в крещенский вечерок / девушки гадали...*; *Вот красавица одна; / К зеркалу садится; / В зеркало глядится; / Тёмно в зеркале; кругом/ Мёртвое молчанье; Свечка трепетным огнем / Чуть лиет сиянье.../ Робость в ней волнует грудь, / Страшно ей назад взглянуть, / Страх туманит очи...*

Во время гадания ***Светлана*** нечаянно **засыпает**, где видит она **страшные мертвые тела, черных всадников** и прочий ужас: *Кони торопливы / Чутко смотрят в тёмну даль, / Подымая гривы; ...В избушке гроб; накрыт / Белою запоной; /...*

Важную роль в тексте играют символические образы **животных** *(кони),* **птиц** (*вран, голубок*) и **природы** *(степи)*, тоже ***свет***, ср., омоним ***Свет 2*** в 1-м значении – «Земля с ее растительной и животной жизнью» [3, с. 82]. Создатель текста (В.А. Жуковский) точно подбирает изобразительные средства (эпитеты – *Молчалива и грустна/ Милая Светлана; милый друг; В чистом зеркала стекле...; Тихий легкий шепот; Яркими глазами; Яркий свет; Снег глубокий; Все в глубоком, мертвом сне, / Страшное молчанье...* и т.д.; метафору – *снег пололи; занялся дух; влетает шепот; То прольет дрожащий свет* и т.д.; сравнения – *с тайной робостью она / В зеркало глядится; Входит с трепетом, в слезах; Пред иконой пала в прах; Как приятный ручейка / Блеск на лоне луга, /*

Будь веселость, как была и т.п.), выделяя каждую деталь: *гадание* – страшный *грех*; садясь к зеркалу, ***Светлана*** уже ощущает **напряжение**, ей «***страх туманит очи***», ср.: *крещенский вечерок*. Обстановка сна, в который она потом погружается, не предвещает ничего хорошего и несет отрицательную семантику: «*На луне* ***туманный*** *круг… Снег* ***валит клоками***».

Над санями ***Светланы*** появляется ключевой **мрачный** образ «***черного врана***», ставшего предвестником страшной трагедии: «*Ворон* ***каркает: печаль***!» У читателя рождается сочувствие героине — хочется ей помочь или просто поддержать, так как **атмосфера сна** с каждой строкой становится **всё более жуткой** за счет употребления качественно-оценочных слов с отрицательной семантикой, глагольных слов с прерывистой и «затяжной» семантикой, лексических и смысловых повторов и т.д.: *Сердце вещее* ***дрожит; / Робко*** *дева* ***говорит****: / «Что ты* ***смолкнул****, милый?»/* ***Ни полслова*** *ей в ответ: / Он* ***глядит*** *на лунный свет, /* ***бледен*** *и* ***унылый****...// На средине* ***черный гроб****; / И* ***гласит протяжно*** *поп:/ «Буди взят могилой!»/* ***Пуще*** *девица* ***дрожит****; / Кони мимо; друг* ***молчит, /Бледен*** *и* ***унылый****».// Виден ей в избушке свет; /В дверь с молитвою* ***стучит****... / Дверь* ***шатнулася... скрыпит****.../Тихо* ***растворилась.//*** *Что ж?... В избушке* ***гроб; накрыт / Белою запоной...// Страшен хижины пустой / Безответный житель.***

Но вот ***Светлана***, девушка **светлая** и **чистая** (ср., 6-е знач. и 7-е (перен.) у Д.Н. Ушакова [3, т. IV, с. 81-82]: ***свет*** 1. – «символ истины, счастья, свободы» (6) и «символ дорогого, любимого, дорогого существа» (7, например, *свет жизни, свет очей*)), понимает, что совершила *грех*, и «*в дверь* ***с молитвою*** *стучит*» - «***Вера*** *в* ***провиденье***»: ***Виден*** *ей в избушке* ***свет****: / Вот* ***перекрестилась****; / В дверь* ***с молитвою*** *стучит*... Данный фрагмент сюжетный линии по замыслу создателя текста становится **ключевым** к **спасению** героини: "*Лучший друг нам в жизни сей /* ***Вера в провиденье****".*

В момент страшного видения душевное состояние *Светланы* характеризуется скорее как испуг, а не как отчаяние (обстоятельства образа действия – *с трепетом, в слезах; (пред иконой) пала в прах, Робко притаилась*): она не винит Бога, а готова смириться со своей «*горькой судьбиной»*; молится Спасителю с надеждой, что он ее услышит, - *Ах! Светлана, что с тобой?/В чью зашла обитель?/ Страшен хижины пустой /Безответный житель./ Входит с трепетом, в слезах; /Пред иконой пала в прах, /* ***Спасу помолилась****; / И* ***с крестом*** *своим* ***в руке, / Под святыми в уголке / Робко притаилась.***

Слово «*свет*» и его производные – ключевые слова поэтического текста В.А. Жуковского: *Светлана, светится луна, светлица, свет моих очей, дрожащий свет, С светлыми глазами, Свет – судья лукавый, жизнь светла.* Текстовые синонимы широко используются повествователем для создания светлого образа*: светлый – чистый – белый.*

Баллада пронизана языковыми единицами, относящимися к божеству, духовности и ритуалам: *свеча, творец, прорицатель, божий храм; Спасов лик, свечка пред иконой; с крестом в руке, Под святыми в уголке; поп, дьякон,*

дьячки; венчальна песнь, хор поет; перекрестилась, свеча тлится, венец, верные обеты; Ангел; зиждителя закон; создатель, покров.

Динамика событий, его остросюжетность и накал передаются глагольными интенсивами: *Вдруг в ее влетает слух / Тихий, легкий шепот; Укротились небеса; Сели... кони с места враз; / Пышут дым ноздрями; /От копыт их поднялась / Вьюга над санями. / Скачут...// Кони мчатся по буграм; / Топчут снег глубокий...// Вдруг метелица кругом; / Снег валит клоками; / Черный вран, свистя крылом, / Вьется над санями...// Вот примчалися... и вмиг/ Из очей пропали/ Кони, сани и жених // Будто не бывали. // Голубочек белый. / Встрепенулся, развернул / легкие он крылы;/ К мертвецу на грудь вспорхнул.../ Всей лишенный силы, / Простонав, заскрежетал / Страшно он зубами/ И на деву засверкал/ Грозными очами* и др.

Постепенно **пейзаж меняется**. Природа уже благосклонна к ***Светлане***: «*Все утихло… вьюги нет*»; образ **белоснежного голубка**, символизирующий **надеждуна спасение**, помогает понять, что ***Светлану*** ждет ***светлое* и *счастливое* пробуждение,** ср.**,** *белоснежный голубок* = белый: светлый образ; *Светлана* = свет – светлый образ: *Все утихло... вьюги нет.../ Слабо свечка тлится, / То прольет дрожащий свет, / То опять затмится.../ Все в глубоком, мертвом сне, / Страшное молчанье.../ Чу,* ***Светлана****!... в тишине/ Легкое журчанье.../* ***Белоснежный голубок****/ С* ***светлыми глазами****, / Тихо вея, прилетел, / К ней на перси тихо сел,/ Обнял их крылами.*

Девушка просыпается (*Глядь, Светлана... о творец!/ Милый друг ее – мертвец!/ Ах!.. и пробудилась*) – на дворе **прекрасная погода (***В тонкий занавес окна / Светит луч денницы...// Все блестит...// Снег на солнышке блестит, /Пар алеет тонкий...*), к дому **подъезжают сани** (*Чу!... в дали пустой гремит / Колокольчик звонкий;...// Мчат, как будто на крылах, санки кони рьяны...*), а в них – долгожданный «*милый друг*», живой и невредимый: *Статный гость к крыльцу идет.../ Кто?... Жених Светланы.* **Возвращение** жениха из дальних странствий – **награда *Светлане*** за ее стойкость. Он **человек слова, верный и честный:** «*Та ж любовь в его очах*».

Реальный мир У В.А. Жуковского, как и поэтов-романтиков, **реальный мир – печальный, страшный** и **тяжелый**; он почти никогда **не становится источником радости**, однако «**Светлана**» – исключение; в данном тексте **явь** *утешительнее* **сна:** *Благ зиждителя закон:/ Здесь несчастье – лживый сон; Счастье – пробужденье***.**

Все образы в балладе «Светлана» носят символический характер и вместе составляют прекрасную картину: они дополняют друг друга, заставляя читателя глубже проникнуть в содержание произведения, подумать о дальнейшей судьбе героини и постичь сокровенные мысли автора. В.А. Жуковский в ***Светлане*** воплотил *характерные черты* **русского женского типа**: **постоянство** и **верность в любви, нежность, ласка, высокая светлая душа:** *О! не знай сих страшных снов/ Ты, моя Светлана.../ Будь, создатель, ей покров! / Ни печали рана, / Ни минутной грусти тень/ К ней да не коснется; / В ней душа как ясный день...*

Светлый образ *Светланы*, созданный В.А. Жуковским, стал объектом сравнения с *Татьяной* Лариной у А.С. Пушкина в «Евгении Онегине» (*та..., как Светлана*): *Скажи: которая **Татьяна**? / - Да та, которая **грустна** / И **молчалива**, как **Светлана**, / Вошла и села у окна…* // ключевые слова образа Светлана соотносятся и с образом Татьяны – *грустна, молчалива*. Такое сравнение со *Светланой* в то время было «живым и исполненным прозрачного смысла» [1, с. 54-55] – «*как Светлана*».

В пятой главе «Евгения Онегина» прослеживаются судьбоносные параллели Светланы и Татьяны – **гадания** и **символические сны,** см.: *Татьяна, по совету няни / Сбираясь ночью **ворожить**, / Тихонько приказала в бане / На два прибора стол накрыть; / Но стало страшно вдруг Татьяне... / И я – при мысли о **Светлане** / Мне стало страшно – Так и быть ... / С Татьяной нам не ворожить*.

В беседе с Онегиным Ленский (третья глава романа в стихах) использует целую поэтическую цитату из баллады В.А. Жуковского: *Тускло светится луна / В сумраке тумана - / **Молчалива** и **грустна** / **Милая Светлана***. Крылатые слова-эпитеты, оценочные предикативы «*молчалива и грустна*» стали у Ленского характеристикой *Татьяны*: переставленный порядок слов – «*грустна и молчалива*»: *- Да та, которая **грустна / И молчалива**, как Светлана, / Вошла и села у окна*.

В качестве эпиграфа к пятой главе «Евгения Онегина» и к повести «Метель» А.С. Пушкин взял строки из баллады В.А. Жуковского «Светлана»: *О, **не знай сих страшных снов**, / Ты, **моя Светлана***!

Таким образом, сема-компоненты «светлая» и «чистая» становятся основными смыслообразующими началами имени *Светлана*. Образ-символ ***Светланы*** в одноименной балладе В.А. Жуковский создал разными языковыми средствами через номинацию и предикацию: ключевым словом «*свет*» и его производными; качественно-характеризующими словами (качественными именами прилагательными и наречиями, оценочными номинациями; предикативами). Искренность чувств, мыслей и поступков выражается глагольными интенсивами и обращением *Светланы* к *Спасителю* через молитву; важное место играют образы животных, птиц и природы, а также символический сон. Создатель текста (В.А. Жуковский) точно подбирает изобразительные средства (эпитеты, метафоры, сравнения) и отражает русскую лингвокультуру (передает приметы русского национального обихода, использует элементы фольклора и народного стиха). Гадания и символические сны – судьбоносные параллели *Светланы* и *Татьяны*.

Светлана В.А. Жуковского и *Татьяна* А.С. Пушкина – светлые символические образы, пронизанные тонким и прозрачным смыслом, с характерными чертами чистых русских женских типов. *Татьяна* соотносится с образом *Светланы* (*грустна и молчалива, ... как Светлана*).

Список литературы

1. Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я. О Культуре русской речи. М.: Знание, 1987. С. 54-55.

2. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. Изд-е 3-е. М.: Астрель: АСТ, 2005. С. 587-588.

3. Толковый словарь русского языка [ТСРЯ] / Под ред. Д.Н. Ушакова: В 4-х т. М.: ТЕРРА, 1996. Т. IV. С. 81-82.

УДК 821.161.1

ПОРТРЕТ КАК ТЕКСТ В ПУШКИНСКОЙ ПРОЗЕ 30-Х ГОДОВ

КРЫЛОВА ЛЮДМИЛА АНАТОЛЬЕВНА
д. пед. наук, профессор кафедры русского языка и литературы,
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Республика Казахстан, г. Петропавловск
lyutc85@mail.ru

В статье рассматривается специфика пушкинского портрета как текста на материале повестей «Выстрел», «Пиковая дама» и «Капитанская дочка». Внешний портрет главных героев автор перепоручает другим персонажам. На первый взгляд, портрет создаётся по романтическим лекалам, но все образы реалистические. Писатель создаёт портрет-интригу, ложный внешний портрет героя, скрывающий идею образа. Его следует рассматривать как способ увлечь читателя, чтобы в дальнейшем эффектно разоблачить или доказать внутреннюю суть героя.

Ключевые слова: внешний портрет, портрет-интрига, бытие имени, вещный мир, личное пространство, ситуация выбора, символика цвета.

Внешность человека, по определению польского литературоведа Ежи Фарыно, «будучи одним из самых интенсивных семиотических явлений, в то же время почти не поддается прочтению» [1, с. 282]. Однако семиотика литературного портрета далеко ещё не исчерпана и нуждается в дальнейшем изучении. На сегодняшний день нет единой схемы анализа портретного описания или поэтапного плана реконструкции авторской концепции произведения с опорой на семиотику портретного текста.

В реалистической прозе XIX века выделяются два вида экспозиционного портрета: статичный и развёрнутый. Параллельно существовал тип реалистического портрета, «где индивидуально-неповторимое в герое преобладало над социально-типическим. Подробное перечисление черт наружности уступало место краткой выразительной детали» [1, с. 304]. Этот тип портрета органичен для творчества Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, но первооткрывателем этого типа портрета является всё же А.С. Пушкин.

Вклад Пушкина в систему изобразительно-выразительных средств русской классической литературы неизмерим. В период 1823-1830 годы

Пушкин в поисках стиля и темы, как точно заметил В.С. Непомнящий, «начинает перемещаться из области литературно-идеологических задач в область «тайн бытия», из сферы эмпирической практики в сферу сущностей и смыслов» [2, с. 256]. Меняется и структура внешнего портрета пушкинского героя этого времени. Он стал лаконичным, состоящим из нескольких выразительных деталей. Внешний портрет у Пушкина-прозаика не отражает сущности героя. Не случайно он перепоручает его другим персонажам произведения и подаёт его через их впечатление или оценку. Авторское же видение героя, его сущность, соль образа проявляются в других деталях и подходах.

В пушкинской прозе 30-х годов, помимо внешнего портрета, есть многогранный «внутренний портрет» героя, раскрывающий его подлинное лицо, увидеть которое можно на бытийном уровне анализа пушкинского текста. Он позволяет снять накопившиеся стереотипы в оценке главных героев, многое понять в их характере и мотивах поведения, осмыслив бытие имени героя и тайну его жизни, окружающий вещный мир, символику цвета одежды, личное пространство, рассмотреть его место в сюжете произведения и в ситуации выбора. Рассмотрим художественные особенности пушкинского реалистического портрета в прозе 30-х годов XIX века на материале повестей «Выстрел», «Пиковая дама» и «Капитанская дочка». Главные герои этих произведений являются самыми загадочными и дискуссионными из всех пушкинских героев.

Бытие имени героя и тайна его жизни.

Сущность имени глубоко исследовал философ А.Ф. Лосев, доказавший, что «Имя есть жизнь» [3, с. 617]. Главным героем повести «Выстрел» является бывший гусар, с необычным для русского уха именем – Сильвио. Интересно, что все остальные герои повести безымянны. Это знаковое имя, которое поможет понять героя, жизненная позиция которого выражена в словах: «Я привык первенствовать» [4, с. 52]. Эта страсть была ему свойственна смолоду. Для всех в полку жизнь Сильвио окружена тайной. Никто не знал, откуда он родом, никто не может подтвердить или опровергнуть, что его имя является настоящим. Существует три версии толкования имени героя повести.

Версия первая: настоящее имя героя не было знатным. Чтобы завоевать первенство среди гусар, молодой человек незнатной фамилии должен обладать отменным военным искусством. В полку Сильвио наслаждался заслуженной славой редкого стрелка. Звучное иностранное имя потребовалось герою, чтобы отвлечь внимание от своих незнатных корней. Имя восходит к латинскому слову «silva» - лес» [5, с. 341]. Сильвио – значит «лесной». Такое имя может обозначать стремление рассказчика подчеркнуть во внешнем портрете героя ярко выраженные романтические черты.

Версия вторая: имя героя созвучно с именем, которым нарекли его родители. Пушкин признавался, что имеет привычку ставить даты создания своих произведений. В повести «Выстрел» зафиксирована дата написания второй её части: 14 октября. Это день памяти священномученика Сильвана

Газского, распространителя Христовой веры, который был обезглавлен вместе с сорока воинами-христианами в рудниках Палестины. Его история, возможно, высветит трагический финал жизни пушкинского героя. Русское имя Сильван, которым был назван герой родителями, имеет то же значение, что и итальянское имя Сильвио.

Версия третья: многие интерпретаторы связывают имя героя с латинской пословицей *in**silvam** lignaferre* («носить дрова в лес»), в русском варианте - «носить воду в решете», в английском - «носить сов в Афины». Все варианты этой пословицы в европейских языках используются для характеристики пустого безделья. Однако пушкинского героя нельзя назвать бездельником, поскольку он с гусарских времён оттачивал технику военной стрельбы. Данная версия противоречит мотивам поведения пушкинского героя.

Выбор автором имени своему герою – это онтологический символ его судьбы. Первые две версии дополняют одна другую. Гнездо романтических мотивов, обрамляющих образ героя: гордыни, одиночества, тайны имени, неизвестность происхождения – всё это романтическая маска, за которой у автора скрывается реалистический персонаж.

Герой повести «Пиковая дама» – русский немец, названный древнегерманским именем Германн, восходящим к немецкому Hermann, изменённому двухосновному имени *Harimann/Herimann*, образованному сложением компонентов *heri/hari* – «войско» и *mann* – «человек» [5, с. 77]. Это имя не надо путать с русским именем Герман латинского происхождения – от *Germanus* – «единоутробный», «родной» [5, с. 77]. Долгое время все интерпретаторы считали, что герой носит немецкое имя. Профессор В.В. Коровин уточняет, что это не имя, а фамилия героя. Однако её семантика остаётся прежней. Герой Пушкина воин, но не на поле брани, а на зелёном поле карточной игры.

В «Капитанской дочке» самозванец Пугачев – самый трагический персонаж повести. Донской казак Емельян Пугачев – личность незаурядная. Он участник Семилетней войны, уже в первом сражении русско-турецкой войны получает чин хорунжего, а в 1772 году объявляет себя спасшимся императором Петром Фёдоровичем. Добровольная замена собственного имени самозваным становится для Пугачёва роковым, и герой это понимает.

Портретная характеристика героя

Внешний портрет Сильвио даёт рассказчик, называя доминантные черты героя: «обыкновенная угрюмость», «крутой нрав» и «злой язык» [4, с. 48]. Есть слухи, но никто не может привести ни одного факта о его «крутом нраве» или «демоническом зле. После отставки роскошную гусарскую форму герой сменил на черный сюртук. Черный цвет в одежде Сильвио стал постоянным, он «ходил вечно пешком, в изношенном черном сюртуке…» [4, с. 49]. В этом описании чёрный цвет приобретает негативный оттенок, являясь «цветом неизвестности, конца, и в общем, физической смерти в будущем» [6, с. 154].

Внешний портрет Германна даёт внук графини Томский: «лицо истинно романтическое; у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. Я думаю, что на его совести, по крайней мере, три злодейства» [4, с. 244]. Здесь, как и в повести «Выстрел», фигура главного героя окружена слухами и мифами. Ядро личности героя затемнено. Сам же повествователь называет впечатление Томского «мазурочной болтовнёй», словно призывает читателя не доверять словам светского мота [17, с. 244]. Томский и не предполагал, что нарисовал не просто портрет, а портрет-фантом, который увидит и поразится сходством воспитанница. Это подтвердит сам автор: «на фоне бледного света, сложа руки и грозно нахмурясь», он повторяет «удивительно портрет Наполеона» [4, с. 245].

Автор отмечает его сходство и с Сен-Жерменом. Это историческая личность, знаменитый алхимик и авантюрист XVIII века, участник дворцовых интриг в Европе и России. Оба обладают редкой способностью перемещаться в пространстве. По слухам, Германн может появиться неожиданно, словно из-под земли, а Сен-Жермен, минуя двери, входил и выходил из здания. Эта внешняя деталь открывает черту «внутреннего портрета» героя. В повести именно он, обладая демонический силой, открыл тайну трёх карт молодой графине. Германн догадывается, что здесь дело не обошлось без заклятия души, ибо карточный долг никогда не списывается и не прощается.

Портрет Пугачёва и вся его история даются в повести глазами недоросля Гринева. «Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Черты лица его правильные и довольно приятные, не изъявляли ничего свирепого» - таким воспринял Гринёв портрет вожатого [4, с. 236]. Его «ястребиные глаза» бывают разными: добрыми, когда он видит в людях искренность, прямоту и благородство, но тотчас становятся «огненными», когда видит обман.

В Пугачёве живёт дух двух русских исторических фигур, а именно: самозванца Гришки Отрепьева и царя не по крови Бориса Годунова, избранного народом. Образ Пугачёва овеян романтическим ореолом, это характер человека бесстрашного, готового к риску, натура широкая, вбирающая благородство и доброту, способность к милосердию и жестокости. Он хочет воли и власти. «Улица моя тесна, воли мне мало! – признаётся Пугачёв» [4, с. 302].

Вещный мир героя и его личное пространства

Обратим внимание на вещи, окружающие героев повестей, передающие грани их «внутреннего портрета». Многое могут открыть потаённого в Сильвио его книги, «большею частью военные, да романы» [4, с. 49]. Герой зачитывался военными событиями, именно здесь он учился храбрости и твёрдости духа, волновали его и истории любовных романов. В книгах герой находил разные модели жизненного и военного первенства.

В повести есть три сквозных онтологических мотива, отражающих реалии быта и жизни гусарского полка: мотив пьянства, мотив карточной игры и мотив игры с собственной жизнью. Герой признается, что в полку его молодости все «пили очень много» и « хвастались пьянством». Все играли в

карты, поэтому «дуэли в полку случались поминутно» [4, с. 54]. Главной ценностью признавалась только храбрость, как «верх человеческого достоинства», прощающая и списывающая все имеющиеся у гусара пороки [4, с. 94].

С молодости Сильвио усвоил психологию гусарского полка. Его внутренняя сущность никому не была неизвестна. По своей природе он был добрым человеком, на это неоднократно указывал рассказчик, но эти качества были непопулярны в среде офицерства. Герой прячет от чужих глаз свою подлинную сущность. Успех сопутствовал ему до тех пор, пока не прибыл в полк блистательный «молодой человек богатой и знатной фамилии…», обладающий «бешенной храбростью» [4, с. 52]. Сильвио показалось, что он оттеснил его первенство в полку. Всё привело к дуэли, которая поставила крест на гусарской карьере Сильвио.

Герой всегда имеет при себе оружие. Повествователь отмечает, что «единственной роскошью его бедной комнаты» было «богатое собрание пистолетов. Стены были все источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные» [4, с. 49]. В онтологии оружия ключевой оппозицией является «жизнь-смерть», тесно связанная с категорией выбора. Металлы, из которых сделано оружие и пули – сталь и свинец, относятся к огнестойким и долговечным металлам, потенциально несущие всему живому смерть. Порой с человеком, имеющим постоянно в руках оружие, происходит метаморфоза. Он словно переносит свойства металла на себя, и его сердце становится стальным. Однако с Сильвио такой метаморфозы не произошло.

Анализ онтологии личных вещей героя подводит к пониманию того, что герой становится пленником своего выбора. Шесть лет тренировок и отшельничества, но не ради убийства, а во имя успокоения собственной амбиции.

В «Пиковой даме» перед читателем первый в русской прозе характер «наполеоновского» типа. Такой герой никогда не мог появиться в пространстве Москвы, это детище Петербурга. Он был «скрытен и честолюбив», в нем пылали «сильные страсти», он обладал «огненным воображением» [4, с. 205]. Иронично называет автор жилище героя «смиренным уголком» [4, с. 199], но в этом угловом пространстве рождаются мрачные идеи, овладевает порочная одержимость и наполеоновские желания. В кабинете графини его взору впервые предстали обстановка и вещи XVIII столетия. Богатый старинный интерьер не только ослепил бедного инженера, но и околдовал.

Обратим внимание на контрасты речевого портрета героя в спальне графини. Он интересен по своей стилистической наполняемости. Герой предстаёт в разных номинациях: как грабитель и любовник, как сын и наследник тайны. В монологе звучит страстная мольба, поклонение и уговоры, переходящие в насильственные угрозы.

В день похорон он пришел в монастырь, чтобы попросить у неё прощения. Здесь поражает его неистовое поклонение гробу. Несколько минут он лежал на холодном полу, усыпанном ельником. Холод и ельник – символы

соприкосновения с миром мёртвых Герою показалось, что мертвая графиня прищурилась и усмехнулась. Утром его больное сознание рисует её приход в белом одеянии со своими условиями, назвав ему три числа, но не по её воле. В узком пространстве комнаты герою мерещится несметное богатство – «непрекращающееся прибавление в результате безостановочной игры» [4, с. 206]. В этом психологическом рисунке намечен исход его будущего безумия, физической лихорадки и затмения разума.

Вещный мир «народного царя» помогает увидеть в герое казачье начало. В эпизоде на постоялом дворе Гринёв предлагает «вожатому» чашку чая, а он просит «поднести стакан вина», мотивируя тем, что «чай не наше казацкое питьё» [4, с. 243]. Автор особое внимание уделяет описанию его царской одежде: «на нем был «красный казачий кафтан, обшитый галунами», «высокая соболья шапка с золотыми кистями» [4, с. 252]. Это есть народное представление царского одеяния. Пугачёв-казак не может быть без коня. Трижды появляется он на белом коне, но каждый раз в абсолютно новой роли. Пугачёв торжественно предстал как государь перед народом «в красном кафтане, на белом коне, с обнаженной саблей в руке». Второй раз «ему подвели белого коня, украшенного богатой сбруей», когда жители окрестности присягали самозванцу. В третий раз он «проворно вскочил на белого коня киргизской породы и не пожелал, чтобы казаки подсадили его» [4, с. 247]. Здесь он уже в роли главнокомандующего. Пушкиным было отмечено и казачье красноречие Пугачева. Его указ построен в форме прямого обращения, с опорой на психологию и ценности казачества. Реакция белогородских казаков на его воззвание была незамедлительной: ночью все покинули крепость.

Он прекрасно осознаёт свою участь, понимает, что должен дорого заплатить за бунт снизу. Не случайно любимая им песня «Не шуми, мати зеленая дубравушка» стала его судьбой. Эта народная песня и врачевала Пугачева, и жалела, и оттягивала грозную плаху.

Герой в сюжете произведения и в ситуации выбора

Перед отъездом на вторую дуэль Сильвио доверительно признаётся рассказчику о причинах дуэли с графом Б. Он уже восхищается им и осуждает себя. Нельзя не почувствовать, что это уже другой человек. Правда, в момент известия глаза героя сверкают, он мечется по комнате, словно «тигр». Поведение героя в усадьбе показало, что душевный перелом произошёл. Графа же в этой встрече поражает в портрете Сильвио новая деталь. Он «увидел в темноте человека, запыленного и обросшего бородой». Неожиданное его появление вызывало у графа чувство страха, поэтому восприятие портрета Сильвио подаётся им в демоническом ореоле, контрастируя со светлыми сторонами героя, о которых ему поведал рассказчик. Герой приехал не убивать графа, а за психологическим мщением, которое принесло ему успокоение.

Что побудило героя стать предводителем отряда под Скулянами: жажда славы, желание покончить с бременем жизни или защитить право других на свободу? В.Э. Вацуро справедливо отметил, что жизнь героя, отданная за освобождение греков, «бросает на его фигуру дополнительный героический свет, но жизнь его ему более не нужна. Он осуществил свою маниакальную

идею мести и в ней себя исчерпал» [7, с. 52]. Добровольное затворничество в захолустье, где нет «ни одного открытого дома, ни одной невесты» [4, с. 48] – это плата за страсть первенствовать.

В романтическом сюжете повести лежит история Германна и Лизаветы. Оба испытывают социальную ущемлённость и одиночество в обществе. Он никогда не играл в карты, а она никогда не танцевала на балу. Соблазнитель своё первое послание берёт из романа Гёте «Вертер». Она отвечала романтическими шаблонами, стремясь поскорее выйти из-под опеки графини. В последующих посланиях героем руководит не любовь, а страсть идеи. Ночное свидание «к двенадцати часам» назначено самой героиней. Символика этого временного рубежа находится в границах добра и зла. С этого момента инфернальное начинает сопровождать героя. Германн идёт к дому графини в «ужасную погоду» и попадает «в темный, пустой дом». Комната воспитанницы находится «налево» [4, с. 240].

Есть общее между графиней и Германном: оба обладают способностью окаменевать. Прячась в спальне, он «окаменел». Сидящая на кровати графиня напоминает окаменевшего истукана. Окаменение героя произойдёт и в больнице: «не отвечал ни на какие вопросы врачей» [4, с. 213]. Это свидетельствует о том, что наступило полное духовное омертвение героя.

Пугачёв – государственный злодей – в сюжете повести предстаёт спасителем влюбленных и их посаженым отцом. Суровая душа Пугачева была тронута бесстрашием недоросля и чистотой души капитанской дочки, и он проявил милость. Милость – русская ментальная ценность. В.В. Кожинов отмечал, что и она «почти не присуща людям Западной Европы» [8, с. 454]. Милость – это не психологическое состояние человека, а дар души.

Сразу после первой встречи с вожатым Гринев видит сон, в котором «чернобородый мужик» [4, с. 241] самозвано занимает в постели место его законного отца, а затем, размахивая топором, наполняет комнату трупами. Сон оказался вещим. Пугачёв стал его духовным отцом и вожатым по страшному инфернальному пространству русского бунта. В 30-е годы Пушкин ценит в исторической личности способность проявлять человеческую милость. К этому времени у Пушкина – историка сложилось глубокое понимание того, что простота составляет основу величия. Не случайно в повести Екатерина II, которую он сравнивал в своё время с «Тартюфом в юбке», дарует Гриневу милость.

Проследим финалы судеб главных героев повестей. Для Сильвио кризисное состояние души во второй дуэли разрешилось нравственным просветлением. Его финал жизни затемнён. С одной стороны, «сказывают, что Сильвио был убит в сражении под Скулянами» [4, с. 59], с другой стороны, рассказчик утверждает, что «никаких сведений о гибели Сильвио он не имеет». Возникает вопрос: «Был ли Сильвио в том сражении или не был?». Подробно сражение под Скулянами было описано Пушкиным в рассказе «Кирджали». Работая с историческими документами, писатель знал, что в нем не было произведено ни одного выстрела. Следовательно, Сильвио не мог в этом сражении воспользоваться отменной техникой стрелка.

Была резня, и бывший гусар, возможно, был зверски зарезан. В контексте этого исторического факта некоторые интерпретаторы считают, что гибель Сильвио нельзя воспринимать в свете героики. Напомним, что герою было 35 лет, когда произошла его первая дуэль с графом Б., а во второй дуэли ему уже 41 год. Смысл жизни был им потерян, ключевые ценности жизни были упущены. Ему оставалось только одна военная стезя, где можно легко потерять свою уставшую от одиночества жизнь.

Германну будущее сулило сумасшествие. Приезд в Петербург Черкалинского, который провел за картами всю жизнь, нажив миллионы, воспринимается героем как знак судьбы. Во второй день он ставит сумму 94.000, её эквивалент – тринадцать! Опьяненный выигрышем в 188.000 тысяч, герой не ощущает карточной и собственной катастрофы. Сумма выигрыша в своём эквиваленте равна числу семнадцать, а это номер психической больницы, куда и будет помещён герой. В третий день игры все карты Германна ложатся «налево», и только в последний момент туз ложится «направо», а дама «налево». Произошёл роковой сбой в колоде карт и в духовном выборе героя.

Донской казак осознавал свою будущую катастрофу и измену соратников, но не отступил от намеченного пути. Жизненная мудрость героя выражена им «с диким вдохновением» в сказке об орле и вороне, которая проникнута романтической идеей. Русский бунт страшен тем, что затравленная жертва возводит себя в ранг палача. Гринева поразил облик безъязыкого башкирца, прошедшего через царские пытки, который яростно вешает капитана Миронова. В этом корень бессмысленности и беспощадности русского бунта. Исследователь Сквозников В.Д. отмечал, что «В “Истории Пугачёва” Пушкиным было найдено суждение, которое позволило ему выразить народную идею бунта словами крестьянского вождя: «Богу было угодно наказать Россию через моё окаянство» [9, с. 177].

Таким образом, рассматривая специфику пушкинского портрета в прозе 30-х годов, мы пришли к следующим выводам: портреты его героев нередко создаются по романтическим лекалам: необычное имя, интригующая внешность, загадочное прошлое, странные привычки. Сведения о персонаже поступают не от автора, а от свидетелей, которые не располагают правдивыми фактами. Их сведения, как правило, носят характер слухов и мифов. Автор создаёт портрет-интригу, ложный внешний портрет героя, скрывающий идею образа. Портрет-интригу следует рассматривать как способ увлечь читателя, чтобы в дальнейшем эффектно разоблачить или доказать внутреннюю суть героя, «ядро» образа, подлинный портрет его души. Выход из интриги может быть двояким: герой или избавляется от таинственности и демонизма или полностью поглощён бесовской страстью, ведущей героя к безумию. Во всех трёх портретах главных героев повестей присутствует романтический ореол или романтическая маска, но все образы являются реалистическими.

Список литературы

1. Чернец А.В. и другие. Введение в литературоведение. М., 1999. 556 с.
2. Непомнящий В.С. Поэзия и судьба. М., 1983. 368 с.
3. Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос. М., 1993. 958 с.

4. Пушкин А.С. Выстрел. Пиковая дама. Капитанская дочка // Сочинение: В 3 т. Т. 3. М., 1987. 527 с.
5. Суперанская А.В. Современный словарь личных имён. М., 2005. 384 с.
6. Серов Н.В. Цвет в культуре. М., 2004. 672 с.
7. Вацуро В.Э. Пушкин А.С. Повести Белкина. М., 1991. 356 с.
8. Кожинов В.В. История Руси и русского слова. М., 1999. 512 с.
9. Сквозников В.Д. Пушкин. Историческая мысль поэта. М., 1999. 230 с.

УДК 821.161.1:93/94 (510)

ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИИ КИТАЯ В ОБРАЗНОЙ СИСТЕМЕ ЛИРИКИ А.А. АХМАТОВОЙ

ЛЕОНТЬЕВА АННА ЮРЬЕВНА
к. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
Северо-Казахстанский государственный университет
им. Манаша Козыбаева,
Республика Казахстан, г. Петропавловск, e-mail: aleontieva13@mail.ru

Цель статьи заключается в рассмотрении особенностей репрезентации истории Китая XX века в поэзии и прозе А.А. Ахматовой. Культурно-исторический и топосный текстуальный комплекс анализируется в нескольких аспектах: историческом, культурологическом и художественном. Для углублённого анализа произведений А.А. Ахматовой используется метод культурологического комментария. Данный метод позволяет выделить особенности художественного отражения истории Китая XX века в творческой практике поэтессы и прийти к выводам о сопряжении истории с такими значимыми категориями эстетики акмеизма, как художественное время и пространство, архитектура, культурная память, творческий процесс и своеобразие лирической героини. Следовательно, анализ поэтического осмысления истории Китая XX века способствует углублённому постижению художественного мира А.А. Ахматовой.

Ключевые слова: акмеизм, история, лирическая героиня, пантопизм, китайский (синологический) текст.

История. Время. Пространство.
Людские слова и дела.
Полвека войны.

Г.В. Иванов

От Нила до Невы, от Эльбы до Китая…

Ф.И. Тютчев

Актуальной проблемой сегодняшней филологической науки является вопрос формирования и репрезентации культурного топосного текста, этого, по определению М.М. Бахтина, «субъективного отражения объективного мира» [2,

с. 292]. Поэтому наша цель заключается в рассмотрении особенностей рецепции китайского текста в творческой практике А.А. Ахматовой.

Категорию культурного синологического текста мы интерпретируем в традициях М.М. Бахтина: «Текст – первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины» [2, с. 292]. По нашему мнению, спецификой китайского текста в художественном мире А.А. Ахматовой является мотивация его появления и обусловленность репрезентации основными событиями истории Китая первой половины XX века. А.А. Ахматова в Китае никогда не была, непосредственных впечатлений от пейзажей и достопримечательностей страны получить не могла. Её знакомство с китайской культурой происходит посредством научных, публицистических и художественных источников. Она переводит китайских поэтов, причём её переводы включаются в такие солидные издания, как «Библиотека всемирной литературы», «Поэзия эпохи Тан. VII-X вв. (Библиотека китайской литературы)», активно общается с востоковедами и китаистами. Следовательно, синологический текст ею воссоздаётся опосредованно – как объект познания и «отражение отражения» [2, с. 292]. Мы рассматриваем китайский текст на материале оригинальной лирики А.А. Ахматовой. Её топосный китайский текст отличается особой целостностью и единством, он воссоздаётся на протяжении всего творческого пути поэтессы. Интерес к Поднебесной соответствует настроениям эпохи и вечному русскому вопросу о соотношении Востока и Запада. Об этом размышляет О.Э. Мандельштам в статье «Девятнадцатый век»: «В сущности, Япония и Китай совсем не Восток, а крайний Запад: они западнее Лондона и Парижа. Минувший век углублялся именно в направлении Запада, а не Востока и встретился с крайним востоком – западом в своём стремлении к пределу» [7, с. 118]. В составе ахматовского синологического текста выделяются и переплетаются «связные знаковые комплексы» [2, с. 281]: эпитеты, аллюзии, архитектурные образы, административный хороним Китай, которые позволяют узнавать культурные коды и сохранять культурную память.

Процесс формирования китайского текста в творческой практике акмеистов обусловлен сущностью художественной системы как «тоски по мировой культуре», по определению О.Э. Мандельштама [7, с. 725]. А.А. Ахматова вспоминает выступление О.Э. Мандельштама в Воронеже с докладом об акмеизме в 1937-м году: «На вопрос, что такое акмеизм, Мандельштам ответил: "Тоска по мировой культуре"» [1, т. V, с. 47]. Сама А.А. Ахматова на протяжении всего своего творческого пути неизменно сохраняет верность эстетическим принципам акмеизма. В автобиографии «Коротко о себе» (1965) она рассказывает: «В 1910 году явно обозначился кризис символизма и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие – в акмеизм. Вместе с моими товарищами по Первому Цеху поэтов – Мандельштамом, Зенкевичем и Нарбутом – я сделалась акмеисткой» [1, т. V, с. 238]. Свою творческую практику А.А. Ахматова чётко сопрягает с акмеистической эстетикой: «… нас оказалось акмеистов 6 человек (Н. Гумилёв, А. Ахматова, С. Городецкий, О. Мандельштам, М. Зенкевич и

В. Нарбут). Конечно, творчество моё и Мандельштама оказало влияние на Н. Гумилёва, когда он формулировал основные положения акмеизма, манифест акмеизма. Разве мои "Чётки" имеют что-нибудь общего с символизмом? Где тут символизм?» [1, т. V, с. 297].

В ахматовской мемуаристике акмеизм и творческое признание воспринимаются синонимами. Вспоминая о подготовке книги стихотворений «Вечер», поэтесса показывает реакцию Н.С. Гумилёва: «…он сразу сказал: "Ты – поэт, надо делать книгу". И если бы он хоть чуть-чуть в этом сомневался, неужели бы он пустил меня в акмеизм. Надо попросту ничего не понимать в Гумилёве, чтобы на минуту допустить это» [1, т. V, с. 101]. Она много размышляет об акмеизме в «Листках из дневника», отмечая его значимость для развития филологии: «Никаких народников и природников нет и в помине, а вопрос об акмеизме обсуждается на всех языках» («К "Вопросу об акмеизме"», 1961) [1, т. V, с. 98].

Типологической особенностью эстетики акмеизма является глубинный культурно-исторический контекст, мышление культурно-историческими эпохами. Причём художественное творчество акмеисты воспринимают как движущую силу постижения истории. Например, О.Э. Мандельштам в статье «Слово и культура» утверждает: «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозём, оказываются сверху. Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днём, тоскуя по глубинным слоям времени, как пахарь, жаждет целины времён» [7, с. 51]. А.А. Ахматова, подводя итоги, завершает автобиографию «Коротко о себе» (1965) выводом о единстве поэтического творчества с историософией, о единстве лирического и гражданского постижения мира: «Я не переставала писать стихи. Для меня в них – связь моя со временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных» [1, т. V, с. 240]. Историософское мышление А.А. Ахматовой обусловливает её интерес не только к отечественной, но и ко всемирной истории, к единому контексту мирового и национального культурно-исторического процесса. Этим интересом мотивировано, на наш взгляд, её обращение к синологическому культурному тексту.

Традиционное ахматоведение связывает зарождение гражданско-исторической темы к творчеству поэтессы периода Первой мировой войны (1915): «Думали: нищие мы, нету у нас ничего, / А как стали одно за другим терять, / Так что сделался каждый день / Поминальным днём, - / Начали песни слагать / О великой щедрости Божьей / Да о нашем бывшем богатстве» [1, т. I, с. 228]. Однако анализ китайского текста позволяет отнести появление историософской тематики к более раннему периоду – к поэзии 1911-го года. Первое упоминание Китая относится к ноябрю 1911 года. В стихотворении: «Меня покинул в новолунье / Мой друг любимый. Ну так что ж! / Шутил: "Канатная плясунья! / Как ты до мая доживёшь?"», - появляется яркая деталь вещного мира лирической героини: «Пусть страшен путь мой, пусть опасен, /

Ещё страшнее путь тоски… / Как мой китайский зонтик красен, / Натёрты мелом башмачки!» [1, т. I, с. 82]. Образ китайского зонтика активизирует визуальное читательское воображение и фиксирует на себе внимание. Возникает контраст с другой конкретной вещной деталью – прощальными подарками, которые показаны лишь с помощью количественной характеристики: «Ему ответила, как брату, / Я, не ревнуя, не ропща, / Что не заменят мне утрату / Четыре новые плаща». Акмеизму свойственно бережное отношение к слову, поэтому эпитеты, сопровождающие детали вещного мира («китайский», «красен», «четыре новые плаща»), отличаются особой выразительностью. Красный цвет, цвет страсти, крови, опасности – это единственное колористическое пятно стихотворения, которое, как уже отмечалось, фиксирует внимание, подчёркивая характерный ахматовский конфликт «невстречи», «нелюбви»: «Оркестр весёлое играет, / И улыбаются уста. / Но сердце знает, сердце знает, / Что ложа пятая пуста!»

Эпитет «китайский» вводит топосный и культурный текст, актуализируя тему Китая. Интерес к нему подчёркивается прозой поэтессы. В «Листках из дневника» и «Pro domosua» она воссоздаёт культурную атмосферу 1910-х годов и обращает внимание на 1911-й год, год создания стихотворения, включая эпоху в мировой культурно-исторический процесс: «…а вокруг бушевал недавно победивший кубизм, оставшийся чуждым Модильяни. Марк Шагал уже привёз в Париж свой волшебный Витебск, а по парижским бульварам разгуливало в качестве неизвестного молодого человека ещё не взошедшее светило - Чарли Чаплин. («Великий немой» (как тогда называли кино) ещё красноречиво безмолвствовал). «А далеко на севере»... (См. Пушкин: «Каменный Гость») в России умерли Лев Толстой, Врубель и Вера Комиссаржевская, символисты объявили себя в состоянии кризиса, и Александр Блок пророчествовал: "О, если б знали, дети, вы / Холод и мрак грядущих дней… / И ..... / Земле несущий динамит". И в прозе "Когда великий Китай двинется на нас" (1911 г.)»; «1911 – год Китайской революции, изменившей лицо Азии, и год блоковских записных книжек, полных предчувствий...» [1, т. V, с. 14, 177]. Поэтесса упоминает А.А. Блока и Синьхайскую революцию, ходом которой живо интересовалась российская интеллигенция. Получается, что А.А. Ахматова изначально рассматривает единый культурно-исторический процесс Запада и Востока. И важная роль в достижении этого единства отводится современной истории Китая.

Дневниковая запись А.А. Блока от 29-го октября 1911-го года посвящается Синьхайским событиям как потрясению основ цивилизации: «Сегодня газеты полны волнения. Рост китайской революции – там приходит конец не только манчжурской династии, но и абсолютизму ("Два изречения сбылись – пролог разыгран, и драма царская растёт" - "Макбет")» [3, с. 78]. Как и А.А. Ахматова, поэт-младосимволист органично сопрягает Восток и Запад в едином контексте мировой культуры, на что указывает упоминание трагедий В. Шекспира, и всемирной истории. В записи А.А. Блока от 10-го ноября

1911-го года узнаётся неточно воспроизведённая А.А. Ахматовой цитата: «Это «американское» проявится, когда на нас пойдёт великий Китай…» [3, с. 85].

«Прологом», по А.А. Блоку и В. Шекспиру, можно считать то, что в Китае «первая половина 1911 г. прошла под знаком углубляющегося общественного кризиса», который перерастает в вооружённые столкновения с правительственными войсками: «Углубление и обострение кризиса Цинской империи в течение 1911 г. привело к тому, что осенью того же года мощный социально-политический взрыв уничтожил империю» [6, с. 363-365]. Как следует из дневниковых и биографических записей А.А. Блока и самой А.А. Ахматовой, российская творческая интеллигенция живо откликается на события Синьхайской революции. Поэтому поэтесса опосредованно вводит китайскую тему в стихотворение 1911-го года «Меня покинул в новолунье…».

1915-й год – это второй год Первой мировой войны в Европе. Он ознаменован в истории Китая борьбой за власть разных политических сил и агрессией Японии: «Воспользовавшись занятостью западных держав войной в Европе, Япония попыталась вытеснить их из Китая, превратив его фактически в свой протекторат» [6, с. 380]. И А.А. Ахматова дважды использует китайские архитектурные детали в стихотворениях «Милому» (27.02.1915) и «Господь немилостив к жнецам и садоводам» (лето 1915). Архитектура – один из видов искусства, наиболее родственный акмеистической поэзии. В эстетике акмеизма слово уподобляется камню, целостное произведение – зданию, а поэт – зодчему и строителю. О.Э. Мандельштам в манифесте «Утро акмеизма» утверждает: «Акмеизм для тех, кто, обуянный духом строительства, не отказывается малодушно от своей тяжести, а радостно принимает её, чтобы разбудить и использовать архитектурно спящие в ней силы. Зодчий говорит: я строю, значит, я прав» [7, с. 23].

Лирическая героиня ахматовского стихотворения «Милому» из «зелёного рая» созерцает Царское Село: «И отсюда вижу городок, / Будки и казармы у дворца, / Надо льдом китайский жёлтый мост. / Третий час меня ты ждёшь – продрог, / А уйти не можешь от крыльца / И дивишься, сколько новых звёзд». Эпитет «китайский» относится к мосту, а на символическом уровне мост – соединение и переправа из мира живых в мир мёртвых. А.А. Ахматова использует мотив ожидания мёртвой невесты: «Лебедью тебя я стану звать, / Чтоб не страшно было жениху / В голубом кружащемся снегу / Мёртвую невесту поджидать» [1, т. I, с. 223]. Китайский жёлтый мост усиливает мотив смерти благодаря цветовой символике. Жёлтый цвет в китайской культуре на эстетическом уровне - «цвет спелых хлебов – обозначает Землю и её плоды – результат слияния с Небом» [5, с. 156]. Лирическая героиня созерцает земной мир из рая. И китайская цветовая символика позволяет объединить земной мир с потусторонним, российское пространство с китайским, способствуя формированию акмеистического пантопизма.

В стихотворении «Господь немилостив к жнецам и садоводам. / Звеня, косые падают дожди» А.А. Ахматовой используется другая деталь парковой архитектуры – китайская беседка в Царском Селе, созерцаемая сквозь струи

дождя: «И сквозь густую водяную сетку / Я вижу милое твоё лицо, / Притихший парк, китайскую беседку / И дома круглое крыльцо» [1, т. I, с. 244]. Беседка создаёт оппозицию дому по принципу «не жильё» - «жильё»: «Беседка (тин) – не жильё, а защита от зноя и дождя, место уединённого отдыха и созерцания, она как бы завершает пейзаж» [5, с. 81]. Особенность китайского текста в ахматовской лирике 1915-го года – его архитектурность, укоренённость в русском культурном пространстве и, как следствие, участие в формировании акмеистического пантопизма.

Следующий этап формирования топосного китайского текста А.А. Ахматовой – 1944-й год. Для Китая это часть третьего этапа (1941-1945) национально-освободительной войны против Японии (1937-1945), для России – Великая Отечественная война, идущая уже за рубежами Родины. В 1944 году японская армия проводит наступательную операцию, но не добивается капитуляции, а между политическими силами Китая ведётся борьба за власть. Эвакуированная в Ташкент А.А. Ахматова в это время пишет два стихотворения – «Разве я стала совсем не та» (16.01. – до 14.03.1944) и «Ты, Азия, родина родин!» (1944, 1955). В первом из них Китай включается в «свой» пантопизм: «На этой древней сухой земле / Я снова дома. / Китайский ветер поёт во мгле, / И всё знакомо…». Лирическая героиня уверена в скорой победе: «И звук какой-то ветер мчит / На крыльях ночи - / То сердце Азии стучит / И мне пророчит, / Что снова здесь найду приют / В день светлый мира. / …И где-то близко здесь цветут / Поля Кашмира» [1, т. II, кн. 1, с. 62]. Цветущие «поля Кашмира» контрастируют с «древней сухой землёй» Ташкента и напоминают райские поля. Китай и китайский ветер связывают земной и райский топосы, позволяя лирической героине услышать «сердце Азии» и пророчество о будущей встрече в идеальном времени («в день светлый мира»). Как и в стихотворении «Господь немилостив к жнецам и садоводам», Китай сопрягается с земным миром и аллюзией дома. Китайский топосный текст, как и другие значимые тексты, обеспечивает единство художественного мира А.А. Ахматовой, связывая стихотворения разных лет повторяющимися темами и мотивами, введением эпитета «китайский» и административных хоронимов *Азия, Китай, Кашмир*.

Стихотворение «Ты, Азия, родина родин! / Вместилище гор и пустынь» (1944) дописывается в конце 1940-х – 1950-е гг. Столь неоднозначное время создания подтверждается образами Бирмы и Китая: «Невиданной сказочной ширмой / Соседний мерещится край, / И стаи голубок над Бирмой / Летят в нерушимый Китай». Голубь, голубка символизируют душу в её зримом воплощении, посланника, вестника Божественной милости, прощения и мира. Такой символ мог появиться только в преддверии и после освобождения страны. Бирма и Китай переживают японскую оккупацию, Китай ведёт восьмилетнюю национально-освободительную войну. С 1930-х годов Бирма угнетается Великобританией и Японией: «Разгром и капитуляция Японии в августе 1945 г. означали конец тихоокеанской войны и Второй мировой войны. Что касается непосредственного положения Бирмы – самом активном

сухопутном фронте войны на Тихом океане в регионе Юго-Восточной Азии, то указанные события… означали освобождение этой страны от японских оккупантов, возвращение англичан и создание…новых, возможно, более благоприятных условий для дела национального освобождения» [4, с. 154]. 4-го января 1948 года провозглашается независимость Бирмы «в Рангуне у правительственной резиденции с опусканием английского и поднятием бирманского флага, а также возле священной пагоды Швэдагоун, где собрались большие толпы народа» [4, с. 219].

Что касается «нерушимого Китая», то такой эпитет не может быть использован до окончания национально-освободительной войны и формирования стабильной государственности: «1 октября 1949 г. на митинге на пекинской площади Тяньаньмынь торжественно была провозглашена Китайская Народная Республика». СССР первым её признаёт как независимую страну и вступает с ней в дипломатические отношения: «16 декабря 1949 г. в Москву прибыла правительственная делегация КНР во главе с Мао Цзэдуном для дальнейшего укрепления и расширения взаимовыгодного сотрудничества. 14 февраля 1950 г. был подписан "Договор о дружбе, союзе и взаимопомощи"» [6, с. 617, 632]. На волне побед появляются финальные строки стихотворения: «Но близится светлая эра / К навеки священным местам. / Где ты воспевала Гесера, / Все стали Гесерами там. // И ты перед миром предстала / С оливковой ветвью в руках - / И новая правда звучала / На древних твоих языках» [1, т. II, кн. 1, с. 74]. Гесер (Гэсэр) у монгольских, тюркских и тибето-бирманских народов – эпический герой, «объект развитого религиозно-мифологического культа», «универсальное охранительное божество, которое, подобно большинству шаманских божеств, выступает как покровитель воинов, защитник стад, победитель демонов, податель счастливой судьбы» [8, с. 91]. Его корни можно найти и в китайской культуре: «На сегодняшний день существует четыре основные версии личности Гэсэра: герой эпоса – китайский бог войны Гуань Ди; это кесарь Александр Македонский; это Чингисхан; это историческое лицо, которое жило и совершало подвиги в самом Тибете». Кроме того, «при желании можно найти реальные аналоги в истории Китая тому, что описывается в эпосе» [8, с. 93]. А.А. Ахматова, упоминая эпического героя, воссоздаёт единый героический образ Азии – носительницы «новой правды» и мира благодаря финальному символу оливковой ветви.

Завершающий этап освоения китайского текста приходится на послевоенную эпоху. В 1946-м году «Т. В<ечеслов>ой», известной балерине, посвящается «Надпись на портрете», где впервые китайские мотивы представлены аллюзией: «Роковая девочка, плясунья, / Лучшая из всех камей. / От таких и погибали люди, / За такой Чингиз послал посла, / И такая на кровавом блюде / Голову Крестителя несла» [1, т. II, кн. 1, с.124]. Китайские аллюзии навеяны партией китаянки Тао Хоа из балета Р. Глиэра «Красный мак» и романом В.Г. Яна «Чингиз-хан» (1939): «Новые танцовщицы, только что прибывшие после двух лет пути из китайской столицы, разодетые в золотистые шелковые одежды, бегали по тёмно-лиловым афганским коврам. Они показывали искусство танца, размахивая длинными руками, подражая полету

ширококрылых птиц, или, свиваясь клубками, как змеи, разворачивались и кружились в хороводах» [9, с. 291]. 1946-й год отмечен в истории Китая противостоянием Гоминьдана и Коммунистической партии, приведшим к гражданской войне. Военный подтекст стихотворения вводится образом Чингиз-хана и финальной перифразой Саломеи. Объединение китайской и библейской символики имманентно поликультурному художественному миру А.А. Ахматовой.

Последнее стихотворение китайского текста приходится на 1959-й год, кризисный для экономики Китая, показавший несостоятельность политики «трёх красных знамён». Мао Цзэдун сталкивается с открытой оппозицией, восстанием на Тибете, его правительство развязывает пограничные конфликты, обостряет отношения с СССР [6, с. 662-693]. Неудивительно, что стихотворение «Наследница» обрамляется мотивом смерти, заданным темой Г.Р. Державина, символикой спетой песни и «замогильной сирени»: «Казалось мне, что песня спета / Средь этих опустелых зал. / О, кто бы мне тогда сказал, / Что я наследую всё это: / Фелицу, лебедя, мосты / И все китайские затеи, / Дворца сквозные галереи / И липы дивной красоты» [1, т. II, кн. 2, с. 21]. Лирическая героиня ощущает себя наследницей русской классической поэзии XVIII-XX веков. Под «китайскими затеями» подразумеваются архитектурные памятники – павильон «Каприз» и Китайская деревня в парке Царского Села. С красотой и культурной памятью контрастируют страх и смерть. Лирическая героиня наследует: «И даже собственную тень, / Всю искажённую от страха, / И покаянную рубаху, / И замогильную сирень» [1, т. II, кн. 2, с. 21].

Итак, китайский текст репрезентируется в лирике А.А. Ахматовой с 1911-го по 1959-й год, опосредованно акцентируя важные моменты истории Китая XX века – от Синьхайской революции до политического кризиса и обострения отношений с СССР. Поэтесса использует вещные детали, архитектурные образы, цветовую символику, эпического героя, аллюзии, административные хоронимы в своей поэтической географии, сопрягает китайский топосный текст с эстетикой акмеизма, его пантопизмом и поликультурой. Китай А.А. Ахматовой – это воплощение голоса и сердца Азии, «родины родин», которая: «…вечную юность скрывала / Под грозной своей сединой».

Список литературы

1. Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Эллис Лак, 1998-2005. Т. 1. Стихотворения. 1904-1941. 1998. 968 с.; Т. 2. В 2 кн. Кн. 1. Стихотворения. 1941-1959. 1998. 640 с.; Т. 2. В 2 кн. Кн. 2. Стихотворения. 1959-1966. 1999. 528 с; Т. 5. Биографическая проза. Pro domosua. Рецензии. Интервью. 2000, 2001. 800 с.

2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с. (Из истории советской эстетики и теории искусства).

3. Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. Автобиография 1915. Дневники 1901-1921. М. - Л.: Художественная литература, 1963. 548 с.

4. Васильев В.Ф. История Мьянмы / Бирмы. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009. 431 с. (История стран Востока. XX век).

5. Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. + доп. том. Т. 6 [дополнительный]: Искусство. М.: Восточная литература, 2010. 1031 с.

6. История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. 736 с.

7. Мандельштам О.Э. Собр. соч. и писем: В 3 т. Том второй. Проза. М.: Прогресс-Плеяда, 2010. 760 с.

8. Сун Гуйцзюань. Гэсэриада как уникальный памятник культуры // Вестник МГУКИ. 2010. № 3 (35). С. 91-94.

9. Ян В.Г. Собр. соч.: В 4-х томах. Т. 2. Чингиз-хан. Батый. М.: Правда, 1989. 542 с.

УДК 81

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ РАССКАЗА ЧЕХОВА: АРХИЕРЕЙСКОЕ И МИРСКОЕ НАЧАЛА

ЛЮТЦ АЛЛА ПАВЛОВНА
магистр педагогических наук, преподаватель
кафедры русского языка и литературы,
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Казахстан, г. Петропавловск, lyutc85@mail.ru
ШИПИЛОВА ЮЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА
магистр педагогических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка и литературы,
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Казахстан, г. Петропавловск, shipilova.yuliya@mail.ru

В статье демонстрируется применение нарратологического анализа на материале рассказа А.П. Чехова «Архиерей». В рассказе прослеживается четкая связь с библейским текстом, которая в основном выражается в построении сюжетной линии, а также в символике, толковании имен и пейзажных описаниях.

Ключевые слова: нарратология, нарратив, сюжет, символ.

Современная наука нарратология исследует сюжетно-повествовательные дискурсы, в обязательном порядке содержащие некую фабулу.

Согласно нарратологическим исследованиям, «все события неразрывно соединены в едином сложном событии» [1]. Анализ отдельного текста является исходным и самым распространенным форматом нарративного литературоведения. В культурно-историческом контексте нарратив может осмысляться как одна из регулярных дискурсивных форм.

«Нарративное творчество в контексте большого времени культуры сохраняет своё основное предназначение – оставаться мостом, соединительным звеном, скрепой между архаикой (мифом), теряющимся в прошлом, и авангардом (проектом), устремлённым в неопределенное будущее» [1].

Все это позволяет воспринимать нарратологический анализ В.И. Тюпы в целом «как одно из направлений поисковой аналитики объединяющих начал культуры, поиска, который, безусловно, заслуживает продолжения и открывает перед исследователем широкие перспективы».

Благодаря нарратологическому анализу, то есть рассмотрению текстов сквозь призму сюжетов, мы можем видеть не только время описываемых событий. Сквозь него проглядывают события давно минувших дней, события, обладающие символическим значением. Так, в рассказе А.П. Чехова «Архиерей» в своеобразный диалог вступают три сюжета: смерть и воскресение Лазаря, жизнь Иисуса Христа и события из жизни главного героя. Автор указывает, что сюжет последней недели жизни Христа независимо от человеческой воли отражается и на нашей жизни: «Белые стены, белые кресты на могилах, белые берёзы и чёрные тени и далёкая луна на небе, стоявшая как раз над монастырём, казалось теперь жили своей особой жизнью, непонятной, но близкой человеку. Был апрель в начале, и после тёплого весеннего дня стало прохладно, слегка подморозило, и в мягком холодном воздухе чувствовалось дыхание весны» [4, с. 15]. Предположительно, Иисус был распят 8 апреля.

В.В. Максимов говорил о возможности нарративного анализа фрагмента текста. Мы решили попробовать разбить рассказ А.П. Чехова на фрагменты согласно смысловому членению и исследовать согласно принципам нарратологического анализа.

Эпизоды.

1 глава.

1. Всенощная в Старо-Петровском монастыре.

На время всенощной Петр был болен уже три дня. В этот день пришел к нему Сисой. В этот же день, то есть в субботу, Лазарь был мёртв, и к нему пришел Иисус. Здесь мы видим пересечение с евангельским сюжетом о воскресении Лазаря. Совпадает время воскресения Лазаря и путь от жизни к смерти архиерея, только наоборот. По-видимому, А.П. Чехов пытается нам донести о вечной жизни души архиерея Петра.

В 32 года его посвятили в архимандриты, 32 года – максимально возможный возраст Христа. «Тогда же стал он болеть, похудел очень, едва не ослеп».

2. Встреча с матерью во время всенощной: «точно во сне или в бреду, показалось преосвященному, будто в толпе подошла к нему его родная мать Мария Тимофеевна, которой он не видел уже девять лет, или старуха, похожая на мать, и, принявши от него вербу, отошла и всё время глядела на него весело, с доброй, радостной улыбкой, пока не смешалась с толпой. И почему-то слезы потекли у него по лицу» [4, с. 17]. Эта сцена напоминает въезд Иисуса в Вифанию:

«4 Они пошли, и нашли молодого осла, привязанного у ворот на улице, и отвязали его.

5 И некоторые из стоявших там говорили им: что делаете? Зачем отвязываете осленка?

6 Они отвечали им, как повелел Иисус; и те отпустили их.

7 И привели осленка к Иисусу, и возложили на него одежды свои; Иисус сел на него.
8 Многие же постилали одежды свои по дороге; а другие резали ветви с дерев и постилали по дороге.
9 И предшествовавшие и сопровождавшие восклицали: осанна! Благословен Грядущий во имя Господне!» [Ев. от Марка, 11: 4-9].

В то время к нему подходит Мария. Неслучайно тезоименитство двух матерей.

3. Всеобщий плач: «Слёзы заблестели у него на лице, на бороде. Вот вблизи ещё кто-то заплакал, потом дальше кто-то другой, потом ещё и ещё, и мало-помалу церковь наполнилась тихим плачем. А немного погодя, минут через пять, монашеский хор пел, уже не плакал, всё было по-прежнему» [4, с. 18].

4. Архиерей едет домой, вокруг него идут богомольцы: «Дорога от монастыря до города шла по песку, надо было ехать шагом; и по обе стороны кареты, в лунном свете, ярком и покойном, плелись по песку богомольцы. И все молчали, задумавшись, всё было кругом приветливо, молодо, так близко, всё – и деревья и небо, и даже луна, и хотелось думать, что так будет всегда» [4, с. 18].

5. Молитва и воспоминания о детстве, размышления о матери. «Он внимательно читал эти старые, давно знакомые молитвы и в то же время думал о своей матери. У нее было девять душ детей и около сорока внуков» [4, с. 19]. Эти числа – числа завершенности, целостности, в данном случае указывают на то, что его мать является главой рода.

Архиерей вспоминает священников.

Отец Симеон соотносится с Симеоном Богоприимцем, который ждал, когда Христа принесут в Иерусалим, чтобы посвятить его Богу. Он просил Бога дать ему должить до этого момента.

Отец Демьян-Змеевидец («покоритель, усмиритель») соотносится с Георгием-Победоносцем.

Отец Матвей - «божий дар», соотносится с евангельским апостолом.

Иларион – смиренность и чудеса исцеления.

До Сисоя на пути архиерея было 5 священников, которых он помнил и при которых он приобщился к церкви.

Архиерей Петр признается в том, что болен.

2 глава.

1. Вербное воскресенье, обедня.

2. Обед с матерью и Катей. Они не виделись с матерью 8 лет. Число «9» - христианский символ порядка внутри порядка; отсюда деление ангелов на 9 чинов или хоров. Имя Екатерина означает «вечно чистая». А.П. Чехов придаёт ей черты, характерные для ангела: «Волоса у неё поднимались из-за гребенки и бархатной ленточки и стояли, как сияние» [4, с. 19]. На картине Кранаха, изображающей распятие, написаны Дева Мария, Ангел и Иоанн Богослов.

Мать говорит архиерею, что за девять лет он совсем не изменился.

3. Вечерня.

4. Сисой мажет его свечным салом, что носит символическое значение.

«1 Через два дня надлежало быть празднику Пасхи и опресноков. И искали первосвященники и книжники, как бы взять Его хитростью и убить;

2 но говорили: только не в праздник, чтобы не произошло возмущения в народе.

3 И когда был Он в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, - пришла женщина с алавастровым сосудом из нарда чистого, драгоценного и, разбив сосуд, возлила Ему на голову.

4 Некоторые же вознегодовали и говорили между собою: к чему сия трата мира?

5 Ибо можно было бы продать его более нежели за триста динариев и раздать нищим. И роптали на нее.

6 Но Иисус сказал: оставьте ее; что ее смущаете? Она доброе дело сделала для Меня.

7 Ибо нищих всегда имеете с собою и, когда захотите, можете им благотворить; а меня не всегда имеете.

8 Она сделала, что могла: предварительно помазала Мое тело к погребению». Согласно Библии, это событие случилось в четверг вечером [2].

Значение имени Сисой - «шестой». Шестым апостолом является Иоанн Богослов, который на всех иконах находится рядом с умирающим Иисусом.

3 глава.

1. Понедельник.

Архиерей принимает людей вместо другого архиерея: «его поражала пустота, мелкость всего того, о чем просили, о чем плакали; его сердили неразвитость, робость; и все это мелкое и ненужное угнетало его своею массою, и ему казалось, что теперь он понимал епархиального архиерея, который когда-то, в молодые годы, писал «Учения о свободе воли», теперь же, казалось, весь ушел в мелочи, всё позабыл и не думал о боге». В Великий понедельник Церковь вспоминает евангельское повествование о проклятии Иисусом бесплодной смоковницы, символизирующей душу, не приносящую духовных плодов. Покрытая богатой листвой, но бесплодная смоковница служит образом лицемерных книжников и фарисеев, у которых, несмотря на их внешнюю набожность, Господь не нашел добрых плодов веря и благочестия, а только лицемерную тень Закона. Всякая душа, не приносящая плодов духовных – истинного покаяния, веря, молитвы и добрых дел, подобна бесплодной, засохшей смоковнице.

2. Вторник. Приезд домой.

3. Принимает купца Еракина.

4. Вечерня.

4 глава.

1. Чистый четверг.

Обедня, омовение ног. Согласно Новому Завету, в этот день состоялась Тайная вечеря. «Истинно говорю вам: Я уже не буду пить от плода

виноградного до того дня, когда буду пить новое вино в Царствии Божием» [Ев. от Марка, 14: 25]. Архиерей также не ест до самой смерти из-за болезни.

В четверг Христос омыл ноги своим апостолам. После литургии в Чистый четверг совершается обряд омовения ног, напоминающий о Тайной вечере.

2. Приезд домой. Архиерей слышит следующее: «Из соседних комнат сквозь стену доносились голоса, звук стаканов, чайных ложек» [4, с. 20].

3. Разговор с Катей. Радуется, что Катя разговаривает с ним по-простому, искренне, как с человеком.

4. Разговор с мамой.

Вечером в четверг проводится уже пятничная служба. Страсти Господни – особая служба, последовательное чтение двенадцати отрывков из четырех Евангелий, повествующих о последних часах жизни Спасителя [3]. Архиерей почувствовал, что он не стоит на земле, не чувствует своих ног, в чем можно усмотреть отсылку к распятию Христа, который висел на кресте: «Когда прочли уже восьмое евангелие, он почувствовал, что ослабел у него голос, даже кашля не было слышно, сильно разболелась голова, и стал беспокоить страх, что он вот-вот упадет. И в самом деле, ноги совсем онемели, так что мало-помалу он перестал ощущать их, и непонятно ему было, как и на чем он стоит, отчего не падает...» [4, с. 21].

5. Приезд домой, отдых. Понимает, что не хочет быть архиереем.

6. Разговор с Сисоем, который обтирает его водкой с уксусом.

7. День Великой пятницы посвящен воспоминанию осуждения на смерть, Крестных страданий и смерти Спасителя. В богослужении этого дня Церковь как бы поставляет верующих у подножия Креста Христова и изображает спасительные страдания Господа.

Болезнь. В пятницу вечером у архимандрита начинается кровотечение.

8. Мать плачет, называет его Павлушей (детское и мирское имя).

9. Приезд докторов.

10. Суббота. Смерть. В ночь на субботу архиерей умирает (до заутрени), то есть время его смерти совпадает с субботой из Нового Завета, когда умер Лазарь.

При кресте Спасителя стояли Дева Мария (ей соответствует Мария Тимофеевна), апостол Иоанн (шестой апостол, соотносится с Сисоем), Мария Магдалина и еще несколько женщин, почитавших его. Параллель Сисоя с Иоанном подчеркивается тем, что Сисой служил при одиннадцати архиереях до Петра (двенадцать апостолов и Иисус).

11. Пасха – день Воскресения Иисуса.

12. Пролог. Назначение нового архиерея, прежнего все забыли, кроме матери. По ходу движения сюжета архиерей меняется. Он понимает со временем, что чин архиерея мешает ему жить так, как он хочет, мешает его душевной свободе.

Перемены начинаются со встречи с матерью, воспоминаний о мирской жизни. Он вспоминает свое детство, молодость, когда он жил душой и был

счастлив. В то время Павел понимал, что его призвание – служить Богу, но ошибался, думая, что с карьерным ростом он приблизится к Господу.

13. Архиерея все боятся, и мало находится людей, способных искренне с ним разговаривать. Перед смертью Петр жалуется Сисою: «Хоть бы один человек, с которым можно было бы поговорить, отвести душу!». Даже мать отдаляется от него.

14. Пролог показывает, что и для народа архиерей – это только высокий церковный чин. Главный герой изображен как честный, трудолюбивый человек, которому слишком тяжела его ноша. Возможно, автор хочет показать силу веры архиерея, который настолько близко к душе принимает страдания Христа, что заболевает и умирает.

Нарратологический анализ позволяет «вскрыть» ключевую ситуацию, которой в данном случае является духовное воскресение человека, что отличается от фабулы рассказа, в которой описана смерть архиерея. Петр вновь становится Павлом, приобретает себя, потерянного девять лет назад: «казалось тогда преосвященному, что радость дрожит в воздухе, и он (тогда его звали Павлушей) ходил за иконой без шапки, босиком, с наивной верой, с наивной улыбкой, счастливый бесконечно». Перерождение подчеркивается переменой отношения матери, которая в архиерее вновь увидела своего Павлушу: «Увидев его сморщенное лицо и большие глаза, она испугалась, упала на колени пред кроватью и стала целовать его лицо, плечи, руки. И ей тоже почему-то казалось, что он худее, слабее и незначительнее всех, и она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного» [4].

Таким образом, мы продемонстрировали, каким образом рассказ «Архиерей» может быть разбит на 28 эпизодов для последовательного соотнесения с текстом Библии.

Список литературы

1. Максимов В.В. (Томск). Актуальность научного поиска (нарратологическая концепция В.И. Тюпы). Narratorium, 2012. № 1 (3). http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2626152

2. После Вербного воскресения наступает самая строгая неделя поста. http://annews.ru/news/detail.php?ID=248232

3. Епископ Александр (Милеант). Иисус Христос: жизнь господа Иисуса Христа. http://www.pravmir.ru/xristos

4. Чехов А.П. Проза. Избранное. М., 1986.

УДК 81’37

О ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕРЦЕПТИВНОЙ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СЕМАНТИКИ

МЕЩЕРЯКОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА
д. филол. наук, доцент, профессор
кафедры литературы и русского языка,
Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина,
Россия, г. Санкт-Петербург, Пушкин, kaflr@lengu.ru

В статье рассматривается вопрос о взаимодействии перцептивной семантики, отражающей особенности восприятия человеком зрительных, слуховых, одорических и осязательных признаков внешнего мира, и пространственно-временной семантики. Подобное взаимодействие, обнаруживаемое как в содержании отдельного перцептивного слова, так и в его контекстном окружении, обусловлено субъектом восприятия – человеком, поэтому имеет специфические функции в паремиологическом и художественном дискурсах.

Ключевые слова: перцептивная семантика, пространственно-временная семантика, слово, предложение, контекст, паремиологический дискурс, художественный дискурс.

Современная лингвистика, имея множество научных направлений, обладает одним общим для них свойством – изучать то, как в языке отражается человек, как в системе знаков преломляются его знания о мире и о себе самом.

Перцептивная единица обозначает признак, который воспринимается зрением, слухом, обонянием, осязанием, вкусом. Информация, поступающая от органов чувств, обрабатывается вплоть до уровня семантики, включая и оценку воспринимаемого, связанную с ее телесным «содержанием». Так, при сопоставлении слов-синонимов *тепло – жара – зной*, обозначающих температурные ощущения, выясняется, что они разнятся не только семантикой уровня температур, но и семантикой оценки этих температур человеком: *жара, зной* обозначают «такую высокую температуру воздуха, что человеку и животному трудно ее переносить» [3, с. 332], *тепло* указывает «на температуру воздуха, достаточно высокую, чтобы человек чувствовал себя комфортно» [Там же].

Семантика перцепции формируется в ее тесной взаимосвязи с представлением о пространстве и времени, т.к. свойства внешнего мира, воспринимаемые человеком сенсорно, зависят от времени и пространственных характеристик места, что отражается в содержании перцептивных слов или в контексте предложения.

В когнитивном аспекте взаимосвязь семантики перцепции с темпорально-локативной семантикой чаще всего определена *универсальными* знаниями человека о мире. Так, взаимосвязь лексем, обозначающих свет, с представлением о времени и пространстве обусловлена знанием о природных источниках света. Солнце, луна, звезды находятся вверху, и время их присутствия на небе отличает такие временные промежутки, как день и ночь.

Подобные знания определяют номинативные и стилистические возможности перцептивной единицы. Например, благодаря этим знаниям, единицы светового субмодуса (как части зрительного модуса) служат для перифрастического обозначения места: *Быть может, сон мой — это /Невнятный стук колес /Там, на мосту, за речкой, / Где* ***светится звезда****, / И кануло колечко /В криницу навсегда* (А. Тарковский. Мне в черный день приснится...). Они могут также участвовать в противопоставлении природного и артефактного пространства: *Изломалась сирень, поредела, // И заглохли куртины давно, // Но, как прежде, и пышно и смело //* ***Светят звезды, а в доме темно*** (Ю. Верховский. Только вечер настанет росистый...) или в противопоставлении звездного пространства всему природному: *Надо мной* ***в лазури ясной / Светит звездочка*** *одна, / Справа — запад* ***темно-красный****, / Слева —* ***бледная*** *луна* (А. Пушкин. Надо мной в лазури ясной...). Взаимодействие перцептивной и локативной семантики определяет возможность формирования символического значения, например, у словосочетания *светлая звезда* появляется значение ‘недосягаемое’, ‘божественное’ на основе взаимосвязи пространственной (вектор ‘*вверх’*) и световой семантики: *О, в этот сияющий вечер / Ты будешь всё так же прекрасна,/ И, верная темному раю, /Ты будешь мне* ***светлой звездой***! (А. Блок. Под ветром холодные плечи...).

Перцептивная единица на основе метонимии и / или метафоры участвует в описании времен года. Например, цветовое слово *зеленый* соотносится с представлением о весне; выражение *серебро морозное*, соединяя цветовое и температурное ощущения, дает представление о зиме: *Вновь* ***зеленеть****, и вновь терять свой лист, / И красоваться* ***в серебре морозном*** <…> (А. Твардовский. Береза).

Взаимосвязь перцептивного ощущения с представлением о времени и пространстве может отражать не только универсальное, но и *национальное* знание, которое проявляется в узуальной семантике перцептивного слова. Так, у однокоренных словах *тепло – теплынь* семантика последнего чаще всего связана с представлением об открытом природном пространстве [Там же]. Эту особенность смыслового содержания лексемы нередко использовали русские поэты: *И все жарче, шире веет из степей* ***теплынь*** (И. Бунин. К востоку). Слово *теплынь*, имея значение температурного ощущения, которое испытывает человек, призвано подчеркнуть его единство с природой: *Стихи мои из мяты и полыни, // полны степной прохлады и* ***теплыни*** (Н. Асеев. Стихи мои из мяты и полыни...). Особенно ярко эта семантическая особенность проявляется в стихах С. Есенина: *На плетнях висят баранки, // Хлебной брагой льет* ***теплынь*** (С. Есенин. На плетнях висят баранки...); *Синий май. Заревая* ***теплынь.// Не прозвякнет кольцо у калитки*** (С. Есенин. Синий май. Заревая теплынь...). Как видно из примеров, поэт идет дальше конкретного теплового ощущения, связывая перцептивное чувство с русской природой и – шире – родиной, что будет эксплицировано в стихотворении «Спит ковыль. Равнина дорогая…»: *Никакая родина другая // Не вольет мне в грудь мою* ***теплынь*** (С. Есенин. Спит ковыль. Равнина дорогая...).

В содержании слова также находит отражение зависимость перцепции от места, где находится человек. Например, цветовой признак, воспринимаемый человеком издалека, фиксируется глагольными цветословами *синеть, чернеть* и т.п.: *Светает – побелел восход / И озарил вершины гор, И* ***стал синеть*** *безмолвный бор (М. Лермонтов. Последний сын вольности).*

Взаимосвязь семантики перцептивного ощущения и семантики времени / пространства проявляется через соединение слов с подобным смысловым содержанием в контексте. Так, холодная зима с морозами свойственна климату России, поэтому в создании ее образа может использоваться перцептивное слово *мороз*: *Я по снегу уже доберусь / Из приморского края на* ***Русь****, / Где* ***морозы*** *звончей и синей* (Д. Самойлов. Тот же вялый балтийский рассвет...).

При этом функции семантической обусловленности перцептивного и пространственно-временного в разных типах дискурса различны.

В паремиологическом дискурсе соединение перцептивного и пространственно-временного нацелено на прогнозирование, что составляет основу приметы, которая базируется на «презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни» [7, с. 14].

Внимание человека к объективной действительности определяет среди этого жанра паремий особую группу примет «Явления природы». Внутри группы их можно разделить на приметы-прогнозы и приметы-толкования [5], но соединение перцептивного и хронотопического характерно для обеих подгрупп.

Особенно актуально наблюдение, отражающее зависимость перцептивного от темпорального, – их единство обозначается эксплицитно через номинацию как перцептивных, так и временны*х* характеристик внешнего мира.

Приметы-прогнозы обращают внимание на перцептивные признаки, которые проявляются в течение какого-то промежутка времени и одновременно указывают на природные или социальные явления в будущем. Например, в примете *В сочельник перед Рождеством как по дороге звездочки блестят, то грибы и ягоды будут* [4, с. 14] лексемы светового субмодуса *звездочки блестят* соединяются с «точечной» характеристикой времени *В сочельник перед Рождеством,* их совокупность определяет прогноз хорошего урожая грибов и ягод. В примете *Сух январь – крестьянин богат!* [Там же, с. 15] временны*е* рамки гораздо шире и указывают не на отдельный день, а на весь месяц, при этом *сухой* с семантикой перцептивного ощущения метонимически указывает на отсутствие влаги в воздухе, которая бывает при оттепели. Так представляется зависимость хорошего урожая (*крестьянин богат)* от погоды, в условиях которой осуществляется восприятие осязательного признака воздуха *сухой / влажный*.

Приметы-толкования обращены не на будущее, а на настоящее. Временно*й* точкой отсчета в них выступают, как правило, даты церковного календаря, так как «наблюдения за погодой крестьяне на протяжении веков

соотносили с церковными праздниками» [2, с. 122]. К примеру, паремия *С Ильина дня на деревьях лист желтеет, а вода стынет* увязывает цветовой и температурный признак внешнего мира, наступающий со 2 августа (по новому стилю), с церковным днем памяти пророка Илии. Подобные представления появляются в соответствие с пониманием цикличности природного времени, когда человеком осознается, что то или иное явление природы повторяется, но не хаотично, а в определенных временных рамках.

Часто связь перцепции со временем складывается в условиях какого-то региона. Для жителей Урала и Сибири прогнозирование урожая было связано с наблюдением за формой кристаллов инея (субмодус формы): <…> *чем куржавина* ***крупнее****, тем урожай обильнее***.** В подобных паремиях встречаются диалектные слова (*куржавина* – ‘изморозь’[1]), которые имплицитно представляют зависимость наблюдаемого перцептивного признака от места, где данная примета складывалась.

Точное наблюдение крестьянина за светом, цветом, температурой того или иного календарного дня вызывало неподдельное восхищение у Глеба Успенского, который за способностью крестьянина тонко различать цветовой или другой признак окружающей природы в зависимости от времени суток видел способность к глубокому мышлению. Изучив народные календари, он писал: «…*в полдень синие облака*… может быть эта примета ровно ничего не стоит, но неужели же, чтобы создать эту примету, чтобы августовский хлеб привести в связь с цветом облаков в Крещенье, да еще в полдень, не надо было много и своеобразно думать?.. (Цит. по: [4, с. 27]). Конечно, глубина мышления была в первую очередь следствием хозяйственных нужд русского земледельца, поэтому далее писатель отмечает: «Один этот пример, взятый совершенно случайно, – а таких примеров мы могли привести поистине великое множество, – один может показать, до какой степени крестьянин тратит много времени на природу и землю и на все, что с ними связано: мало отметить день какой либо приметой – отмечается даже час, полдень, отмечается цвет облаков и т.п.» [Там же].

Таким образом, соединение перцептивного и темпорального в таком жанре паремии, как примета, обусловлено прагматикой самой приметы, от которой требуется сделать прогноз, для того чтобы предусмотреть характер последующего поведения человека в прогнозируемой ситуации.

В художественном дискурсе соединение перцептивного и хронотопического зависит от художественных задач, в первую очередь – от задачи создания эстетического образа, соответствующего замыслу автора.

Время и пространство выступают «конституирующими категориями» [6, с. 7] не столько внешнего мира, сколько мира субъективного, онтологически обусловленного авторской художественной когницией. Основой выражения познанного автором выступает не столько отдельная лексическая единица, обозначающая перцепцию, сколько контекст, в который она помещается, так как именно в контексте реализуются потенциальные оценочные признаки, коррелирующие с признаками интерпретационного поля авторского перцептивного концепта.

Например, для обозначения перцептивного чувства автором может быть употреблена лексема осязательного температурного ощущения *мороз*. В семантику слова входит сема природного времени – ‘зима’ – и природного пространства – ‘вне дома’. Однако в художественном тексте употребление лексемы *мороз* сопровождается конкретизацией времени и пространства, порождающей индивидуальный перцептивный образ и соответствующую семантику.

В стихотворении И.А. Бунина «Первый утренник, серебряный мороз!» слово *мороз* включено в первую строку. Здесь номинация времени зимы как периода года, для которого характерен мороз, с помощью одной лексемы *мороз* не только не устраивает автора, но и противоречит его авторскому взгляду на мир. С зимним морозом связано стереотипное представление о холоде, а стихотворение, напротив, отражает индивидуально-авторское понимание взаимопроникновения, смешения времен года и перцептивных ощущений, с ними связанных. Для реализации авторской интенции используется словесный ряд, в котором, наряду с лексемой *мороз,* употребляется словосочетание *первый утренник* как более точная номинация для обозначения не вообще холода, а первого прихода заморозка в осенние дни. Последующие строки конкретизируют авторское представление о влиянии первого осеннего мороза на природу. В них автор соединяет различные модусы перцепции еще и с пространственными характеристиками: *Первый утренник, серебряный* ***мороз****! // Тишина и звонкий холод на заре. // Свежим глянцем зеленеет след колес// На серебряном просторе, на дворе* (Бунин. Первый утренник, серебряный мороз!). Возникает образ морозного утра, которому присущ не только признак холода, но и света (*глянцем*), цвета (*серебряный, зеленеет*), звука (*тишина, звонкий*). Сочетания слов *На серебряном просторе, на дворе* актуализируют представления о пространственной протяженности воздействия мороза и одновременно вводят человека. Он и субъект восприятия перцептивного ощущения, и субъект хозяйственной деятельности, поэтому природное пространство (*простор*) оказывается неотделимо от пространства человека (*двор*) и его перцептивного восприятия. Взаимодействием перцептивной и пространственно-временной семантики формируется и особый эстетический образ мороза, и антропоцентрическая семантика текста в целом. Данный пример доказывает, что в соединении перцептивной и пространственно-временной семантики особенно наглядно проявляется интерпретирующая деятельность автора.

Перцептивный процесс в рамках индивидуально-авторского времени и пространства предстает весьма субъективным, что находит отражение в трансформации существующих локативно-темпоральных стереотипов. Так, восприятие запаха травы в традиционных представлениях существует в рамках циклического времени природы – весны, лета, осени. Но авторское осмысление ольфакторного восприятия способно соединять перцепцию с историческим временем – временем, существовавшим до начала развития цивилизации: *Дикою пахнет травой, //* ***Запахом древних времен*** (Бунин. Поздно, склонилась луна…).

Таким образом, и в языке, и в различных типах дискурса семантика перцептивных единиц коррелирует с пространственно-временной семантикой. Подобная связь обусловлена субъектом восприятия – человеком.

Список литературы

1. Гринкевич С.А., Коноплева М. Мы собираем забытые слова. URL: http://www.encyclopaedia.lysva.ru/12/12-2-20.pdf (07.04.2019).

2. Кузьмина М.И.Семантика агионима *Николай* (на материале русских паремий и православных молитв) // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 116-126.

3. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / Под общ. рук. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. 1488 с.

4. Полуянов И.Д. Деревенские святцы (по устным народным календарям). М.: Технологическая школа бизнеса, 1998. 352 с.

5. Санарова Е.Г.Лексико-семантический анализ народных примет-прогнозов и примет-толкований немецкого языка группы «природные явления» // Научный вестник Южного института менеджмента. 2015. № 2. С. 59-62.

6. Толстая С.М. Пространство и время в этнолингвистической перспективе // Пространство и время в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Изд-во «Индрик», 2011.С. 7-12.

7. Харченко В.К., Тонкова Е.Е. Лингвистика народной приметы. Белгород: Белгородская областная типография, 2008. 224 с.

УДК 81

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НЕВЫРАЗИМЫХ СМЫСЛОВ В РОМАНЕ Ф. СОЛОГУБА «МЕЛКИЙ БЕС»

МИХАЙЛОВА МАРИНА ЮРЬЕВНА
д. филол. наук, профессор кафедры иностранных языков,
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Самара, m.mikhajlova@pgsga.ru

В статье рассматриваются вопросы репрезентации невыразимого в сфере эмоций и восприятия инфернального в художественной речи. На материале романа Ф. Сологуба показано, что на периферии средств передачи функционально-семантической категории невыразимого наблюдается тесное взаимодействие, вплоть до кластерного бытования, данных средств со средствами выражения семантики ужасного ирреального и функционально-семантической категории неопределенности.

Ключевые слова: художественный текст, семантика невыразимого, функционально-семантическая категория, семантика ужасного ирреального, авторский неологизм

В устной и письменной коммуникации, а также художественной речи нередко наблюдается асимметрия между семантикой языковой единицы и

способом её выражения. Асимметрия представлена в ситуациях коммуникации, в которых смысл остается невыраженным прямым способом, ср.: [3, с. 489].

Одним из косвенных способов репрезентации невыразимых смыслов является обращение к функционально-семантической категории невыразимого (ФСКН). Эта категория располагает своим планом содержания и планом выражения.

План содержания ФСКН – ‘невозможно выразить словами’; план выражения представлен на разных уровнях языка, однословными номинациями (*невыразимый, неописуемый* и проч.), фразеологизмами (*нет слов* и др.), описательными оборотами (*нигде не найти таких слов, чтобы описать…* и др.). ФСКН – самостоятельная категория русского языка, она принципиально паралогична, так как средства её передачи всё же словесно передают невыразимые смыслы.

Ранее было замечено, что константными денотативными сферами ФСКН являются: 1) внутренний мир человека и 2) мир запредельного, инобытия [8, с. 39].

Роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» написан более ста лет назад, но продолжает волновать умы читателей и филологов заданной загадкой (или лингвистической задачей?), что такое – недотыкомка?

Материалом настоящего исследования послужил вышеназванный роман, поскольку в нем как нельзя более удачно сочетаются средства передачи ФСКН в сфере потустороннего (обозначений инфернального существа) и чувств главного персонажа Ардальона Передонова, испытывающего страх, ужас, нервное напряжение, которые трудно или невозможно передать словами.

В художественной речи существуют разные способы обозначения инфернальных существ: 1) родовые номинации (*нечистая сила, нечистое племя* и т.п.), см.: [1, с. 8-9]; 2) видовые номинации (*леший, русалка, черт, бес* и др.); 3) имена собственные, инфернонимы (*Азазелло, домовёнок Кузя* и т.п.); 4) прономинальные номинации (*оно, нечто, что-то, кто-то* и др.), см.: [5, с. 150 и далее]; 5) окказионализмы, призванные восполнить лексические и семантические лакуны языка [9, с. 295], напр., *недотыкомка*.

Что касается прономинальных номинаций, то употребление местоимений разных разрядов в функции имен существительных, обозначающих существ запредельного мира, вероятно, можно считать языковой универсалией, см., к примеру, название романа С. Кинга «Оно».

В целом в отношении номинаций-инфернонимов как лексики ирреальных предметов в лингвистике существует две точки зрения. Согласно одной из них, - это единичные понятия, которые являются мыслительным конструктом с пустым денотатом (Уфимцева). Согласно другой точке зрения, номинации типа *русалка, бес, леший* вызывают конкретные целостные образы, сформированные культурой художественной речи. В таком случае не следует полагать, что это номинации с пустым денотатом, И.М. Кобозева уточняет, что это объекты вымышленного мира [6, с. 85].

Вернемся к вопросу о репрезентации инфернонимов в художественной речи. Заметим, что не все виды подобных номинаций относятся к средствам выражения ФСКН. Для того чтобы инфернонимотносился к средству передачи ФСКН, он должен иметь сему ‘не могу выразить’. Например:

Она оглядывается: такое чувство, будто ***оно*** *шевелится. Большое и темное, как огромный панцирь* (Е. Чижова. Планета грибов). Главная героиня романа находится в лесу, чувствует и наблюдает что-то ужасное, боится даже мысленно идентифицировать это, следовательно, местоименный субстантиват *оно* содержит сему ‘не могу выразить’. Ср. также:

Наиль, забери меня, пожалуйста./ Слишком громко прошептала./ ***Оно*** *услышало* (Н. Измайлов. Убыр). В романе «Убыр» фрагмент передает точку зрения девочки, которая находится в странном доме, чувствует присутствие чего-то страшного, невыразимого, героиня не может определить или назвать инфернальное существо. Следовательно, в примере с местоименным субстантиватом *оно* актуализирована сема ‘не могу выразить’.

Итак, анализ языкового материала показал, что номинации инфернальных сущностей, бытующие в художественной речи и бытовой коммуникации и являющиеся средством реализации ФСКН, сопряжены с экстериоризацией невыразимого ужаса, когда адресант устной или письменной речи боится даже для себя как-то определить наблюдаемое.

Г.С. Сырица полагает, что способом передачи семантики невыразимого может быть индивидуально-авторский неологизм. Мы считаем, что окказиональные слова, выражающие ФСКН, относятся к периферии поля семантики невыразимого.

В романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» обозначение инфернального существа осуществляется при помощи лексемы *недотыкомка.* Это индивидуально-авторский неологизм, т.к. в словарях такое слово не фиксируется. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля представлено слово *недотыка* как синоним к слову *недотрога* с толкованием «кого или чего нельзя дотронуться» [4, с. 516]. Всё же это другое слово.

Примечательно, что на протяжении всего романа номинация инфернального существа сохраняет сему ‘не могу выразить’, являясь средством передачи ФСКН. В романе представлено всего 26 словоупотреблений окказионализма *недотыкомка.* Однако ни в одном контексте прямо не названо, не охарактеризовано это инфернальное существо.

Название романа как сильная текстовая позиция осуществляет подсказку – «мелкий бес». Но по отношению к кому представлена эта номинация? Безобразное поведение главного героя Передонова наводит на мысль, что это его можно назвать данным словосочетанием (ябедничает на учеников, стравливает людей, способствует тому, чтобы учеников били, совращает родительницу ученика, сладострастничает, наблюдая порку или мечтая о ней, и проч.).

Косвенное указание на природу недотыкомки дано в первом эпизоде появления инфернального существа после второго словоупотребления

номинации *недотыкомка* сообщается: *Тоскливо и холодно стало Передонову./ «И к чему вся эта нечисть на свете?» - подумал он.*

В примере представлен другой вид обозначения инфернального существа – родовой, что является второй подсказкой о природе существа, обозначенного окказионализмом.

Отсутствие конкретизации природы недотыкомки дало возможность А. Блоку (безусловно, прозорливому читателю и теоретику символизма) написать, что яркое мгновение хаоса становится у Сологуба образом, залетевшим из мира преисподней, и, наконец, воплощается в какое-то полусущество [2, с. 77]. Ср. с другим высказыванием А. Блока о том, что перед героем романа, «мелким бесом», — уже вертится в дорожной пыли воплощенный ужас <…>. Это – и существо и нет, если можно так выразиться, — «ни два ни полтора» <…> [2, с. 77].

Цитаты из высказываний А. Блока свидетельствуют о неснятой неопределенности номинации в романе «Мелкий бес».

Осуществленный нами анализ обозначений вымышленных существ, которые передаются при репрезентации ФСКН, показал, что средства ФСКН тесно взаимодействуют (наблюдается кластерное бытование) со средствами выражения функционально-семантической категории неопределенности, а также со средствами передачи категории ужасного ирреального, о последней см.: [1].

Между тем тот факт, что читатели так и не идентифицируют окончательно, что это за существо (отсутствуют какие-либо прямые указания, высказывания типа: недотыкомка – это бес) является творческой удачей Ф. Сологуба.

Отсутствие определенности не препятствует формированию яркого ужасного образа, данного в динамике внешнего вида и поведения: сначала ведет себя тихо-тихо, свернулась в комок и укатила, дальше хихикает, потом визжит, бегает, беззвучно смеется, вся сотрясается от смеха; изменяется состав действий, начинает кусать и жрать. Нарастает зооморфное начало инфернального существа: повизгивала, визгливо хохотала, наконец, хрюкала!

В соответствии с поведением меняется внешний вид инфернального существа: из серой и безликой при первом появлении (сходство с мышью или крысой) становится грязной и пыльной. Так, к визуальному и слуховому модусам перцепции добавляется осязательный (пыльная), затем обонятельный: *Она была грязная, вонючая, противная, страшная.*

Анализируя творчество Н.В. Гоголя, Т.Ю. Алленова показывает, что среди средств выражения категории ужасного ирреального представлена лексико-семантическая группа с семантикой страха, ужаса. В романе Ф. Сологуба эпизоды с недотыкомкой также развивают тему ирреального ужаса. Это передается при помощи описания психофизических реакций Передонова, а также с помощью специальных грамматических маркеров ирреальности описываемого.

Уже в первом эпизоде с недотыкомкой *Тоскливо и холодно стало Передонову.* Это психофизическая реакция свидетельствует о появлении страха у персонажа. Третье словоупотребление данной номинации сопровождается констатацией: *Его досадовало и страшило<…>.*

Четвертый эпизод: *Передонов бормотал что-то неразборчивое, и зубы его стучали от страха. Мрачные опасения и предчувствия томили его. Он ходил, хмурясь, а серая* ***недотыкомка*** *бегала под стульями и хихикала.*

Пятый эпизод: *По земле быстро ползла тень от тучи и наводила на Передонова страх. В клубах пыли по ветру мелькала иногда серая недотыкомка.* Заметим, что расширяется пространство бытования недотыкомки: из закрытых помещений она перемещается на открытое пространство. Пространство при этом увеличивается не только горизонтально, но и вертикально.

Эпизод девятый. *А* ***недотыкомка*** *юлила вокруг, беззвучно смеялась и вся сотрясаясь от смеха. Она напоминала Передонову о разных страшных обстоятельствах.*

В десятом эпизоде природа недотыкомки подается с другой стороны. Если в первые 38% эпизодов с недотыкомкой делался акцент на её поведении и внешних данных в динамике, то теперь оказывается, что это не просто непонятное, ужасное существо, но и существо искусственно «сделанное», наговоренное: ***Недотыкомка*** *бегала под стульями и по углам и повизгивала. Она была грязная, вонючая, страшная. Уже ясно было, что она враждебна Передонову и превратилась именно для него, а что раньше никогда и нигде не было её. Сделали её – и наговорили. И вот живет она ему на страх и на погибель, волшебная, многовидная, - следит за ним, обманывает, смеется, - то по полу катается, то прикидывается тряпкою, лентою, веткою, флагом, тучкою, собакою, столбом пыли на улице <…>.*

Тема страха нарастает и распространяется темой гибели. Для главного героя обозначен его антагонист – недотыкомка. При этом оказывается, что недотыкомка – многовидная, приобретает вид разных неодушевленных предметов, следовательно, окружающие Передонова предметы также включаются в число врагов главного героя. После определения врага Передонов вступает в борьбу: мажет пол клеем, *чтобы* ***недотыкомка*** *прилипла.*

В 11-м и 12-м эпизодах с недотыкомкой актуализируется ассоциация этой номинации с региональной лексемой, фиксируемой словарем В.И. Даля, – *недотыка* (синоним: *недотрога,* «кого или чего нельзя дотронуться»). Здесь оказывается, что *Прилипали подошвы у сапог да подолы у Варвариных платьев, а* ***недотыкомка*** *каталась свободно и визгливо хохотала. Варвара злобно ругалась.*

И.А. Фигуровский отмечал, что «сообщение начинается с содержания, с мысли, которую нужно передать; восприятие начинается с формы» [11, с. 28]. Отметим и мы, что при восприятии форма способна сигнализировать читателю о тех или иных значимых аспектах, в данном примере внутренняя форма слова

недотыкомка организует ассоциации с региональным словом *недотрога*, главному герою не удается физически побороть инфернальное существо.

В эпизодах 13, 14, 15 значение приобретает ассоциативно-семантическая сеть романа, которая включает в себя разные номинации, соотносящиеся с миром потустороннего (черный кот, его зеленые глаза, игральные и гадальные карты). Наблюдается метаморфоза людей в игральные карты: [Карты кажутся Передонову людьми] <…> *может куда-то отвести, в какой-то страшный участок. А под столом сидела* ***недотыкомка****. И Передонов боялся заглянуть под стол или за дверь*.

В аспекте аксиологии карты характеризуются как нечистое занятие. М.Ю. Лотман отмечал, что карты – это определенная культурная реалия, карты и карточная игра в русской художественной литературе XVIII-XIX вв. приобретают черты универсальной модели – Карточной Игры, становясь центром мифообразования [7, с. 788]. Ученый считал, что в художественной литературе нередко карты символизировали сторону хаоса в отличие от космоса; поведение героя, отдающего внимание картам, характеризуется как отступление от нравственных основ, обусловленное надеждой на быстрое обогащение. Такое поведение наблюдается и у главного героя повести Ф. Сологуба, мечтающего о скором обогащении за счет невесты.

Актуализация узлов ассоциативно-семантической сети романа сопряжена с нарастанием семантики ужаса и невыразимого: *Вертлявые мальчишки-восьмёрки дразнили Передонова, – это были оборотни-гимназисты. Они поднимали ноги странным, неживым движением, как ножки у циркуля, но только ноги у них были косматые, с копытцами. Вместо хвостов у них росли розги, мальчишки помахивали ими со свистом и сами взвизгивали при каждом взмахе.* ***Недотыкомка*** *из-под стола хрюкала, смеючись на забавы этих восьмерок.*

Эпизоды 16, 17, 18 – близки к кульминации романа. *Наконец Передонов не вытерпел её злобного, нахально-визгливого смеха. Он принес из кухни топор и разрубил стол, под которым* ***недотыкомка*** *пряталась.* ***Недотыкомка*** *пискнула жалобно и злобно, метнулась из-под стола и укатилась. Передонов дрогнул. «Укусит!» - подумал он, завизжал от ужаса и присел. Но* ***недотыкомка*** *скрылась мирно.*

Заметим, что большинство эпизодов с недотыкомкой сопровождается номинациями *злобный, злобно, злоба.* Злоба воспаленного разума порождает инфернальное существо, его действия. Нарастает ужас главного героя. То, что недотыкомка – это порождение разума Передонова, подтверждается общностью поведения этого героя и инфернального существа, ср. у недотыкомки нахально-визгливый смех, а Передонов *завизжал от ужаса.*

Далее автор готовит контраст для восприятия читателя. В 19-м эпизоде *она была беззвучна и смеялась только дрожью всего тела. Но она вспыхивала тускло-золотыми искрами, злая, бесстыжая, – грозила и горела нестерпимым торжеством.* Контраст заключается в отключении слухового модуса перцепции и наращивании информации по визуальному модусу.

В следующих эпизодах наблюдается нарастание хаоса запредельного мира. Эпизод 20-й: *На всём были чары и кудеса. Визжала дикая* ***недотыкомка,*** *злобно и коварно смотрели на Передонова и люди, и скоты.* Уже очевидно, что не только инфернальное существо, но и весь мир теперь враждебен главному герою.

В 21-м эпизоде мир заменяется бредом: *Передонов, всё более погружаясь в свое помешательство, уже стал писать доносы на карточные фигуры, на* ***недотыкомку****, на барана, что он, баран, самозванец, выдал себя за Володина* <…>.

22-й эпизод – нарастание семантики ужасного ирреального во взаимодействии с ФСКН: *Во всем чары да кудеса мерещились Передонову, галлюцинации его ужасали, исторгая из его груди безумный вой и визги.* ***Недотыкомка*** *являлась ему то кровавою, то пламенною, она стонала и ревела, и рев её ломил голову Передонову нестерпимою болью.*

В эпизоде 22-м содержатся подтверждения единой природы миропонимания и чувств Передонова и недотыкомки: и главный герой, и инфернальное существо издают одинаковые звуки визга, воя, рева.

Номинация *недотыкомка* всё больше приобретает символическое значение, предстает как персонификация мира хаоса в душе Передонова.

Изменились атрибуты недотыкомки, вместо серой теперь – *кровавая, пламенная.* Актуализированы метафорические значения этих атрибутов: *кровавая* является предвестником близкого преступления, *пламенная* – символизирует неукротимость хаоса.

Эпизод 23-й – маскарад. *Передонов смотрел на веющий в толпе веник. Он казался ему* ***недотыкомкою.***

В эпизоде представлен маркер мира потустороннего (*казаться*). Ученые отмечают, что в художественной речи в жанрах хоррора или триллера при описании мира инобытия, особенно инфернального, частотно присутствуют маркеры инобытия: безличные глаголы (*казаться, мерещиться, чудиться, видеться* и др.), вводные конструкции (*как казалось* и др.), союзы с семантикой ирреальности (*как бы, будто бы, будто* и т.п.), вопросительные предложения с семантикой предположительности (*ли, что ли*). В романе Ф. Сологуба для эпизодов со средством ФСКН *недотыкомка* также характерны названные маркеры, напр.: *Шевелилась ли трава по ветру, а уже Передонову казалось, что серая* ***недотыкомка*** *бегала по ней* <…>.

Эпизоды 24, 25 – главный герой уже не хозяин своего разума. Ситуация усугубляется внешними низменными событиями, подобное притягивает подобное: *Уже скандал в клубе начал затихать, – но вечер завершился новою бедою. Пока в коридоре травили гейшу, пламенная* ***недотыкомка****, прыгая по люстрам, смеялась и навязчиво подсказывала Передонову, что надо зажечь спичку и напустить её,* ***недотыкомку*** *огненную, но несвободную, на эти тусклые, грязные стены, и тогда, насытясь истреблением, пожрав это здание, где совершаются такие страшные и непонятные дела, она оставит Передонова в покое.*

В конце романа главный герой полностью одержим порождением своего безумия: <…> *Передонов с утра приготовил нож, небольшой, садовый, в кожаных ножнах, – и бережно носил его в кармане.* <…>***недотыкомка*** *весь день юлила вокруг Передонова.*

Подведем итог. Анализ репрезентации невыразимых смыслов в романе Ф. Сологуба показал, что автор, применив окказионализм *недотыкомка,* осуществил блестящий языковой эксперимент. В романе этот репрезентант ФСКН является средством экстериоризации невыразимого чувства ужаса, испытываемого главным героем, и номинацией инфернального существа, природа которого обусловлена болезненным разумом Передонова.

Список литературы

1. Алленова Т.Ю. Категория ирреального ужасного и способы её выражения в художественном пространстве Н.В. Гоголя (На материале языка повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2000. 23 с.
2. Блок А.А. Творчество Фёдора Сологуба // Полное собрание сочинений. Т. 5. Очерки, статьи, речи. М. - Л., 1962. С. 160-163.
3. Гак В.Г. Отображение сокровенного смысла // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст. М., 2004. С. 489-496.
4. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 2. 779 с.
5. Иванян Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М., 2015. 328 с.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учеб. пособие. М., 2000. 352 с.
7. Лотман М.Ю. Пиковая дама и тема карт и карточной игры в русской литературе // М.Ю. Лотман. Пушкин. Биография писателя; Статьи и заметки 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб., 1995. С. 786-814.
8. Михайлова М.Ю. Семантика невыразимого в языке и речи. Самара, 2017. 244 с.
9. Сырица Г.С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // Славянские языки и культуры в современном мире. М., 2009. С. 294-295.
10. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. М., 1986. 239 с.
11. Фигуровская Г.Д., Фигуровский В.И. И.А. Фигуровский: ученый и педагог (к 110-летию со дня рождения) // Педагогическое образование и наука. 2010. № 7. С. 26-32.

УДК 811.161.1

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ С ВИДЕОИГРОВЫМ ГЕНЕЗИСОМ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ОМЕЛЬЯНЧУК МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА
аспирант,
Институт языкознания им. А.А. Потебни Национальной Академии Наук,
Украина, Киев, mar.rihter@yandex.ru

Компьютерные игры – современный источник устойчивых выражений, которые органично вливаются в экстраигровую коммуникацию. В статье предлагается классификация продуктивных источников этих идиом, механизм их фиксации в речи. Рассматриваются наиболее известные сегодня высказывания, часть из которых уже может быть названа крылатыми выражениями.

Ключевые слова: устойчивое выражение, крылатые слова, компьютерные игры, эптоним, виртуальное пространство.

То, что в компьютерной игре отражаются реально существующие крылатые слова, объясняется её способностью отражать мир. Причем они могут быть как адаптированными и видоизмененными (например, запись в дневнике персонажа «Великое начинается с малого» восходит к афоризму Лао-Цзы «Преодоление трудного начинается с легкого, осуществление великого начинается с малого, ибо в мире трудное образуется из легкого, а великое – из малого»), так и заимствованными в виде константы («Ворон ворону глаз не выклюет» полностью копирует пришедшее из латыни выражение «Comix cornici nunquam confodit oculum»).

С другой стороны, и сама игра, будучи своеобразной вариацией художественного текста, становится источником устойчивых выражений. Можно ли назвать их крылатыми словами? Вопрос спорный. Ответ кроется в определении самого термина «крылатые слова». Традиционно для соотнесения выражения с КС оно должно соответствовать трем параметрам: иметь связь с источником, быть устойчивым и распространенным. Ф.П. Филин подчеркивает, что «большинство исследователей» выделяют эти свойства [6, с. 118]. Причем количественный порог этой «распространенности», как справедливо отмечает А. Крылов [4], нигде строго не обозначен. Устойчивые выражения с видеоигровым генезисом соответствуют всем требованиям:

- связь с источником легко восстанавливается в сознании говорящего и реципиента (как следствие – копируется вплоть до интонации и телодвижений героя, который ее произнес, что характерно и для КС из кино);
- имеют высокий показатель устойчивости; возможны мелкие трансформации для экономии речевых усилий, что актуально и для многих признанных КС;
- широко распространены в интернет-пространстве и за его пределами.

Технически всё входит в рамки определения. Но, обратившись к словарной статье, читаем такое замечание: «Устойчивые выражения только в том случае относятся к разряду К.С., если они известны практически каждому, т.е. являются «общим знанием» для носителей языка» [6, с. 118]. Исследуемые выражения таковыми не являются. Их принято называть просто единицей культурной информации – «мемом». И причина этого в том, что большинство этих фраз известны только молодому поколению. Для этой возрастной группы они действительно крылатые, но для всех носителей языка тем самым «общим знанием» быть названы не могут. С другой стороны, многие устойчивые выражения, которые стали наследием советского кинематографа, уже сегодня также не воспринимаются как прецедентные для всех носителей языка. «Поколение мемов» уже не прослеживает их связь с источником. Между тем, такие выражения фиксируются в специальных словарях как крылатые слова. То есть вполне естественно предположить, что с течением времени они будут дополнены или даже вымещены устойчивыми выражениями из современной действительности, в том числе и из видеоигр.

Причин, из-за которых некоторые фразы становятся популярными в русскоязычной виртуальной (и не только) действительности, оказывается несколько. Самыми «плодотворными» факторами стали:

- Грамматически неправильное построение фразы аналогично оригиналу. «All your base are belong to us» - «Вся ваша база принадлежать нам».
- Искривление смысла вследствие машинного перевода. «Потрачено», «Опасно идти одному, возьми это» (игра была выпущена на японском, и искажение произошло уже на уровне перевода на английский – «It's dangerous to go alone! Take this»: в оригинальной фразе «ヒトリデハキケンジャ　コレヲサズケヨウ» речь шла о мече и том, что он поможет герою выполнить квест).
- Множественное, навязчивое повторение внутри игрового процесса:
  - В речи главного героя. «Шевелись, Плотва».
  - В речи множественных подчиненных (для стратегий). «Жизнь за Нерзула», «Нужно больше золота», «Нужно построить зиккурат».
  - В речи второстепенных персонажей. «Когда-то и меня вела дорога приключений, а потом мне прострелили колено», «Скайрим для нордов!».
- Важность в игре, использование в сильных позициях текста. «Проснитесь и пойте, мистер Фримен, проснитесь и пойте», (начало), «Спасибо, Марио! Но принцесса в другом замке!» (концовка каждого уровня); «Ничто не истинно, все дозволено» - собственно, кредо ассасисинов, обозначенное в названии игры.

Устойчивые выражения с видеоигровым генезисом распространяются во внеигровом виртуальном пространстве по пути: игровой форум – социальная сеть – средства массовой информации. Ввиду того, что массовое общение переместилось в соцсети, первый этап сегодня может опускаться. На игровых форумах (в специальных ветках обсуждений в социальных сетах) связь с источником максимально сильна, его фраза используется для шутки, то шутка эта о самой игре или околоигровом пространстве. На втором и третьем этапе

эта связь истончается. Выражение начинают использовать в том числе для описания совершенно иных, никак не связанных с источником или компьютерными играми вообще ситуаций.

В отличие от крылатых слов с другим генезисом (от античного философского наследия до современного кинематографа), видеоигровые выражения в большинстве случаев используются для экспликации комического (средств любого уровня – от мягкого юмора до сарказма). Причин этому не менее двух:

1. Источник (а значит и всё, что из него происходит) изначально носит на себе аспект несерьёзности, что лежит в самой феноменологии явления игры.

2. Как показано выше, устойчивые фразы из компьютерных игр часто переходят в экстраигровое виртуальное пространство в результате ошибок переводчиков либо как следствие граничащего с гротеском навязывания этой фразы сценаристами.

Причем это касается и тех фраз, которые в источнике носят серьёзный, а при анализе и острый социальный характер. К примеру, выражение «Скайрим для нордов» - очевидная аллюзия на националистические лозунги. В игре как в художественном тексте действительно поднимается проблема превосходства одних рас над другими, что и воплощается в этой фразе. В то же время во внеигровом общении данное устойчивое выражение используется как насмешка над аналогичными лозунгами, для демонстрации ироничного отношения к идее национализма.

Перспективу перехода к разряду полноценных крылатых слов, очерченную выше, будет справедливо подвергнуть сомнению под предлогом того, что распространённость фраз с таким генезисом может оказаться недолгосрочной, ведь игровое пространство как таковое ещё сравнительно молодо. Однако следует отметить, что многие устойчивые выражения остаются таковыми уже более 30 лет. К примеру, фраза «Опасно идти одному, возьми это» восходит к игре 1986 года. Сразу после релиза она стало употребляться для обозначения чего-либо произвольного (и чаще бесполезного), что предлагается использовать в качестве инструмента спасения. Очевидно, что компьютерные игры как продукт довольно быстро устаревают, а значит, не получают новых реципиентов и должны утрачивать узнаваемость с новым поколением игроков (которые сменяются быстро). Если добавить аргументы об ускорении информационного потока, увеличению количества виртуального контента и о специфике восприятия текста игры (реципиент должен потратить куда больше времени, чем на просмотр фильма), логично предположить, что устойчивые выражения из игр начнут забываться в разы быстрее фраз из кино. Однако на деле оказалось, что выражение не забыто. Напротив, оно было много раз обыграно в видеоиграх последних лет (например, в Fable III можно раскопать могилу с аналогичной надписью, в которой будет лежать игрушечный меч). Это можно было бы назвать частным случаем, но фраза широко используется в виртуальном общении и юморе. В русскоязычном сегменте Сети это выражение распространено в двух языковых вариантах:

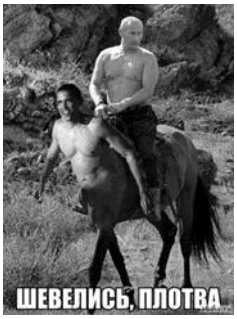
Учитывая, что история этого выражения восходит ко времени, когда не только интернет, но и персональное игровое устройство ещё не были доступны повсеместно, витальность этих фраз в качестве устойчивых выражений действительно высока. Сегодня же они получили благоприятную почву для распространения и использования. Это можно увидеть на примере одного из самых известных выражений последних лет.

Фраза «Шевелись, Плотва» (источник – «Ведьмак 3») обрела большую популярность в сети в 2015 году. Именно под таким названием выходят многочисленные рецензии на игру, хотя это всего лишь выражение, употребляемое главным героем Геральтом при общении со своей лошадью. Используется данная фраза для более экспрессивного выражения интенции, вложенной в первое слово фразы (комментарий об обслуживании: «“Шевелись, Плотва!”: …Официантов надо держать в тонусе и сразу ориентировать по времени.»), либо в качестве элемента юмора при изображении нелепого сочетания всадника и средства передвижения, либо когда речь идет собственно о плотве как о рыбе.

Данные выражения могут употребляться не только в игровом, юмористическом или бытовом контексте. Соотносимы они и с политической сатирой:

На представленных изображениях видно, что выражение изменяется для углубления комического эффекта. А это возможно и естественно только тогда, когда исходная фраза хорошо узнаваема социальной группой, для которой этот юмор создается. Эти картинки взяты из молодежного сообщества в социальной сети. Оно не игровое, а общетематическое. То есть выражение из компьютерной игры вышло на тот уровень узнаваемости, когда оно известно большинству русскоговорящих определенного возрастного среза. Это полноценный прецедентный феномен целого поколения.

Таким образом, зарождаясь в игре и распространившись в игровом сообществе, некоторые высказывания благодаря специализированным порталам и социальным сетям выходят в экстралингвистическое пространство. Степень распространения во многом зависит, разумеется, от популярности игры и её возраста. Оба эти параметра играют важную роль, поскольку обеспечивают охват широкого круга реципиентов: в первом случае за счет отсутствия конкуренции на рынке во время издания игры и охвата большего количества игроков (больший возрастной разброс). Разница в том, что высказывания, пришедшие из старых изданий, могут уже сегодня называться крылатыми выражениями. Более современные фразы на данном этапе правильнее назвать мемами. Спрогнозировать уровень их узнаваемости в будущем не представляется возможным: информационная среда сильно изменилась за последние годы, устойчивые выражения из 80-х годов закреплялись в сознании в других условиях, а значит, материала для подобного анализа нет.

Наличие существенного количества распространенных выражений, соотносимых с «мемами» или даже крылатыми выражениями, чьим источником стали компьютерные игры, свидетельствует о высоком уровне интеграции данного феномена в массовое сознание современного социума.

Список литературы

1. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. М.: Либроком, 2009.

2. Дядечко Л.П. Крылатые слова нашего времени: толковый словарь: более 1000 единиц. М.: НТ Пресс, 2008.

3. Дядечко Л.П. Крылатые слова в русском языке: системно-функциональный и лексикографический аспекты: Дис. … д-ра филол. наук. Киев, 2004.

4. Крылов А. Что отличает цитату от крылатого выражения? // НЛО. 2011. № 108 / Рец. на кн.: Князев Ю.П. Словарь живых крылатых выражений русского языка. М.: АСТ, 2010. http://magazines.russ.ru/nlo/2011/108

5. Петров В.К. Вопросы образования крылатых выражений в русском языке // Проблемы русского фразообразования: Сб. статей. Тула: Тульский гос. пед. ин-т, 1973. С. 113-124.

6. Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энцикл., 1979.

УДК 81-22

УКРАИНСКО-РУССКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ РУССКИХ КЛАССИКОВ

ПОЛЯКОВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА
к. филол. н., ст. научный сотрудник,
Институт языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины,
Украина, г. Киев, Polyakovamihajlina@ukr.net

В статье теоретически охарактеризован принцип украинско-русского языкового взаимодействия в русском художественном тексте конца XIX – начала XX вв. Лексические украинизмы проанализированы с позиций различной стилистической принадлежности, различных тематических групп и грамматических категорий, способов ввода в художественный текст, функционирования в прямой и авторской речи.

Ключевые слова: русский литературный язык, художественный текст, межъязыковое взаимодействие, украинско-русские языковые контакты, лингвокультура, украинизм.

Одним из факторов, способствующих обогащению словарного состава национального литературного языка, является авторское словоупотребление литературных классиков. «Под пером» выдающихся писателей в определенной мере происходит стабилизация норм литературного употребления, намечается тенденция к синтезу жизнеспособных лексических элементов, независимо от их источников [См.: 5].

Восприимчивость русских писателей к проявлениям «своего» и «чужого» в национальном аспекте впервые была отмечена в начале XX века в литературоведческих исследованиях А.А. Измайлова, П.М. Пильского, В.В. Воровского, С.А. Венгерова. Эта восприимчивость обнаруживается в широком историческом и культурном контексте художественных произведений В.Г. Короленко (1853-1921), А.И. Куприна (1870-1938), И.А. Бунина (1870-1953), в которых значительное место занимает украинская тематика.

Отражая украинскую реальность, русские писатели прибегают к вербально-опосредованному описанию, в котором ключевым элементом (инокультурным вербальным стержнем) являются украинские культуремы (украинский лингвокультурный знак), украинизмы, оригинальные вкрапления украинской песенно-поэтической или разговорной речи. При этом отмечается типичность выбора украинских лингвокультурных знаков в русском художественном тексте с украинской тематикой конца XIX – начала XX вв.

Функционирование лексических украинизмов в художественном тексте русских писателей указанного хронологического периода является одним из доказательных фактов формирования литературного языка на основании народно-разговорной лексики из общего восточнославянского фонда различной этимологии, а также на основании взаимодействия близкородственных языков. Разумеется, понятие «литературный язык» не совпадает с понятием «язык художественной литературы». Язык художественной литературы преодолевает

границы непосредственно литературного языка, поскольку насыщен индивидуально-авторским словоупотреблением, диалектизмами, архаизмами, просторечием, инокультурной или ненормативной, бранной лексикой, однако такие границы (относительно кодификации литературного языка) в силу определенных причин представляются условными и шаткими [2, с. 43]. Составление толковых словарей национального языка прежде всего на основе литературно-художественных источников связано с рядом факторов, с индивидуальным подходом лексикографов. В данном аспекте исследования решающим критерием закрепления украинизма в русском литературном языке является фиксация слова многочисленными русскими лексикографическими работами, поздними и более современными.

Особенности южного ландшафта, украинский быт, люди, их нравы, реальные исторические события послужили русским писателям богатым материалом для творчества, обозначили художественную направленность произведений: это поэзия украинской природы и лесной охоты, украинские легенды, картины жизни крестьянства, военной службы украинцев в русской царской армии, мозаика городской действительности. С проницательностью истинного художника очерчены украинские образы, подмечена своеобразность в речи, характере, мировосприятии, одежде, обрядах. Украинский компонент различного статуса номинирования служит средством выражения авторских идейных замыслов и реализует художественные принципы.

Украинские контекстуальные заимствования в наибольшей степени присутствуют в прямой речи, в той части художественного текста, где количество иноязычных элементов может не иметь рамок ограничения и восприниматься естественно (изъяснение представителей иной лингвокультуры, и в данном случае – близкородственной, на родном языке). Повествующий персонаж-украинец активно использует единицы всех частей речи, грамматические формы, синтаксические конструкции родного языка, представляя (зачастую русскоязычному действующему лицу) свою культуру, национальный тип мышления, хара́ктерную сущность.

Диалог носителей родственных и в то же время отличных друг от друга языков отражает совпадение или различие формального облика наименований сходного понятия, а также национальные особенности восприятия жизненных реалий, воплощенные в словесном знаке. В прямой речи лексические украинизмы сближаются по функциям и способам введения в текст с вкраплениями, однако благодаря этимологической близости двух восточнославянских языков их значение в большинстве случаев остается прозрачным для русскоязычного адресата (читателя или поддерживающего диалог русскоязычного коммуниканта – персонажа романа, повести, рассказа).

Состав лексических украинизмов значителен и разнообразен по тематическим классам, грамматическим категориям и представляет интерес относительно степени знакомства русских писателей с лингвокультурой украинского народа. С позиций авторского освоения и восприятия украинского языка, отбора номинаций (очевидно, что за прямой речью персонажа находится

автор), украинский языковой компонент выступает как наиболее яркий и специфичный (по формальному облику, семантическому наполнению), он служит идеальным средством художественной выразительности.

Произведения, насыщенные прямой украинской речью, различны по композиции, жанру, тематике. Классифицируя «ментальный лексикон» действующих лиц (выходцев из Украины), т.е. «совокупность лексических единиц, репрезентированных в сознании говорящих (информация о слове на всех языковых уровнях, отражение грамматических правил и т.д.)» [4, с. 381-382], можно выделить типичные по употреблению лексико-тематические группы существительных, единицы различных грамматических категорий, которые, по художественному замыслу автора, полностью погружают инокультурного адресата в украинское языковое пространство и, соответственно, в основные сферы национальной среды. Украинские языковые элементы в художественном тексте русских писателей характеризуются функционально-стилистическим расслоением.

Значительную группу используемых в прямой речи украинизмов формируют имена существительные, которые номинируют: лица (по степени родства, возрастному признаку, по социальному статусу, роду занятий, по национальности или по месту проживания), деятелей различной квалификации; понятия, характеризующие физический облик человека; предметы или детали одежды, украшения; военные принадлежности; общественно-исторические реалии; понятия, относящиеся к времяисчислению; денежные знаки; предметы украинской корчмы, продукты; заведения, бытовые объекты и предметы быта; абстрактные понятия, явления, состояния; природно-бытийные реалии, в том числе птиц, рыб, домашнюю живность.

Действенный словарь русских писателей представляет в художественном диалоге словообразовательные производные и грамматические формы исторических украинизмов, которые имеют богатый информативный объем и свидетельствуют об украинской традиции номинирования лиц по роду административно-общественных или военных обязанностей, утрачивающих к началу XX века свою актуальность.

Украинские инфинитивы и другие глагольные формы являются колоритными наименованиями действий и состояний, обладают (в сравнении с тождественными по смыслу русскими номинациями) частично или полностью отличительным формальным и звуковым обликом, дифференционным статусом активности / периферийности, в ряде случаев дифференционной акцентуацией при сходной внешней оболочке и сходному внутреннему наполнению; некоторым единицам присуща семантическая или стилистическая дифференциация в отношении лексем с идентичной формальной структурой в русской лингвокультуре (литературно-художественное отражение языковых явлений, обусловленных самостоятельным развитием ветвей восточнославянской группы языков).

Многочисленной является группа адъективных номинаций (в том числе диалектизмов, историзмов или единиц с различным перераспределением

лексико-семантических вариантов в отношении тождественных по форме русских лексем), которые служат атрибутами как русских, так и украинских литературных, разговорных и просторечных слов. Употребление украинских местоимений и наречий (в том числе разговорных или устаревших на данный момент) обеспечивает глубину украинского содержания, определяет достоверность изображения украинской действительности.

Отдельные элементы украинской речи, связанные с устно-разговорной и фольклорной стихией (образные выражения пословичного типа, стилистически выразительные образования, фразеологизмы, сравнения, устойчивые поэтические сочетания), используются в художественном тексте в качестве образцов национального словесного богатства. Как и народно-песенные строки, локальные афоризмы или украинские вводные слова, они воспроизводят образ мыслей героев (их позиционирование относительно общества и природы), экспрессивная сила украинских выражений обогащает русскую литературную речь.

Воспроизведение специфики говора в Украине связано с задачами стилизации, (речевой) характеристики персонажа, построения художественного образа. При этом русские писатели «всегда соблюдают художественный такт, избегая этнографизма в языке даже в тех произведениях, которые отражают местный колорит юга России» [7, с. 389].

Украинские персонажи могут являться так называемыми «грамотными» билингвами, в сознании которых две лингвокультуры существуют параллельно, т.е. носителями русского и украинского языков в их нормированных вариантах. Находясь среди русскоязычного социума и общаясь преимущественно по-русски, подобные герои, выходцы из Украины, в эмоциональном порыве, для усиления выразительности речи употребляют родное слово. Украинские лексемы, фразеологические конструкции вкрапливаются в русскую речь представителей простонародья и интеллигенции Украины и являются тем языковым средством, которое «переводит» восприятие окружающей среды в иную национально-культурную плоскость.

Формальная связь авторской нейтральной речи с содержанием произведений на тему украинской жизни проявляется в использовании колоритных украинских культурем и лексических украинизмов. Ощущая живописную силу украинского слова, автор «сохраняет» за традиционно-национальными объектами, явлениями их украинские наименования, позволяя адресату воспринимать предмет, состояние действующих лиц в их реалистической конкретности. Украинский быт интересует русских писателей всеми своими будничными и локальными явлениями, историческими реалиями, особенностями поведения национальных типов, их обликом, творческой деятельностью, т.е. всем, что входит в общее понятие «культура нации». Литературное воплощение объема писательских наблюдений реализуется через украинские лингвокультурные знаки, что обеспечивает впечатляющий художественный эффект.

Состав украинской лексики в авторской речи также тематически и категориально разнообразен и характеризуется различной подачей в тексте. Часть номинаций выделена графически (заключена в кавычки), т.е. подчеркивается контекстуальное употребление лексем, их инокультурная принадлежность.

Наибольший интерес представляют те украинизмы, которые органически вплетаются в русский художественный текст и характеризуются статусом так называемой контекстуально ассимилированной лексики, зачастую нейтральной и в стилистическом плане. Использование таких номинаций осуществляется непроизвольно, без какой-либо акцентуации на «чужеродность» (авторского прямого толкования, визуального выделения), такое словоупотребление преобразует фразу в картинную и поэтичную.

Наличие ряда украинских слов в русском художественном тексте и непосредственно в авторской речи связано и с трудностями отображения инокультурных реалий посредством подбора различных типов русских номинаций. Проблема заключается не столько в предметно-логических различиях межъязыковых соответствий лексем, сколько в отсутствии у них аналогичных символических функций. Именно «символические функции, свойственные украинским вокабулам, делают их скрытыми или, точнее, ассоциативными реалиями, которые не имеют прямых аналогов в других европейских языках» [8, с. 190].

Очевидно, что перед писателем, стремящимся максимально точно воспроизвести инокультурную среду (особенно перед тем творцом, который отлично осведомлен в расхождении двух культур, а также двух языковых картин мира), возникает задача, схожая с той, которую ставит перед собой переводчик: сохранить национальные колорит и атмосферу, передать ментальные особенности мировосприятия, заложенные в инокультурный языковой знак. Доступность содержания при использовании украинского языкового знака (в том случае, когда избирается такой путь решения проблемы) обеспечивается в большей степени близкородственностью двух языков, тесными межкультурными русско-украинскими связями, в отдельных случаях – авторским толкованием, что является органической составляющей творческого процесса.

Пространственная локализация описываемых событий предполагает необходимость воспроизведения фактов влияния польской культуры на украинскую, что отражается на языковом уровне. Употребление лексических полонизмов вырисовывает историческую поликультурную панораму Запада Украины. Номинации церковных храмов, бытовых сооружений, культурно-бытовых явлений, имена лиц свидетельствуют о равноправном сосуществовании православной церкви и «католического обихода» в Украине, локализируют действие во времени, акцентируют внимание на разносторонних украинско-польских контактах.

Польское влияние как следствие общественно-экономических и культурно-политических условий прослеживается в многочисленных лексемах,

которые воспринимаются как естественные элементы украинского языка. Полноценное функционирование польских лексем (или западноевропейских, заимствованных через польское посредничество) в языках восточнославянской культуры обеспечивается их адаптацией на всех языковых уровнях, в том числе и словообразовательном.

Особенности поликультурного пространства Украины и межкультурного взаимодействия подчеркиваются упоминанием еврейских бытовых реалий, для номинирования которых использовалась украинская лексика. А. Горбач определяет такие лексемы как славянизмы, имеющие признаки арготизмов. Такую функцию слову, как и многим германизмам, обеспечивал еврейский язык (точнее: еврейская речь в Украине), который являлся активатором, «распространителем» употребления слова в качестве арготизма [1, с. 345]. В авторской и прямой речи украинских персонажей еврейского происхождения фиксируются и лексические единицы, принадлежащие еврейской лингвокультуре (факт распространения в Украине инокультурных явлений с собственными инокультурными наименованиями).

Украинский языковой компонент в русском художественном тексте – это элемент поэзии с четко освещенным значением, без понимания которого эта поэзия невозможна. Толкование инокультурного компонента (или его лексико-семантического варианта, если слово многозначно) своеобразно осуществляется в творчестве писателя и является особенностью его индивидуального стиля. Используя различные методы толкования украинизма (представляя авторское очертание родственного понятия в иной культуре, которое соответствует представлению говорящего на ином языке), русские писатели «придерживаются» классических принципов передачи внутреннего наполнения языкового знака [6, с. 124-125, 137, 185]: раскрывают новое содержание, указывая на отношение мыслимой единицы к ряду других (т.е. характеризуют предмет как часть расчлененной системы, существующей независимо от нашего знания); контекстуально намекают на внутреннюю форму номинации, усиливая эстетичность образа; подбирают русский относительный эквивалент, подчеркивая несоответствие значения, какую-либо частность предмета (также в том случае, если внешняя оболочка слов совпадает) или несходство представлений о предмете в близкородственных лингвокультурах; используют комбинации слов, картин (рожденных художественным воображением), если слово одного языка не является абсолютным соответствием слова другого языка.

В. Короленко, А. Куприн, И. Бунин [11, 12, 13] не увлекаются «техническими» приемами сухой расшифровки украинского лингвокомпонента, к которым прибегают как в прямой, так и в авторской речи. Фиксируются единичные постпозитивные пояснения в скобках и авторские сноски, в которых значение номинации раскрывается лаконично, в пределах соответствующего слова, словосочетания, реже – немногим более обширно.

Русскоязычный читатель получает более богатую информацию об украинской культуреме (ее происхождении, стилистических особенностях,

диалектной принадлежности), когда авторский прямой перевод (данный в сноске) сопровождается пояснением в рамках прямой или авторской речи непосредственно в тексте изложения, в самой сноске.

Литературно-художественные приемы толкования украинизмов являются методами реализации информативно-познавательной и эстетической функции художественного текста. В творчестве русских писателей они с трудом поддаются типологизации, что свидетельствует о сугубо индивидуальной писательской манере представления инокультурного языкового знака. Среди них выделяются:

• препозитивное или/и постпозитивное пояснение языковой единицы (существительного, прилагательного, глагола, наречия, устойчивого выражения) посредством подбора русского эквивалента (русского литературного по отношению к восточнославянскому диалектизму), синонимичного словосочетания в рамках прямой или/и авторской речи (последующей, предшествующей); такой прием знакомит читателя с локальными номинациями общеизвестных реалий (предметов, действий), с местными приветствиями, выражениями и т.п.;

• подбор эквивалента на основе стилевой дифференциации, что отражает культурный уровень коммуникантов; в этом случае разговорная речь и кодифицированный литературный язык контрастно противопоставлены;

• подбор относительного эквивалента на основе градации понятия (привлекается восточнославянская культурема или общеизвестный украинизм);

• дополнительный подбор синонима или соответствующего синонимичного словосочетания с учетом ареальной дифференциации употребления;

• поочередное использование украинизма и его относительного эквивалента на протяжении повествования в рамках отдельного произведения, что представляется неброским и оригинальным методом пояснения культуремы;

• относительное толкование украинизма посредством перечисления стилистически однородных русских номинаций (словосочетаний), имеющих общий семантический компонент в своих значениях;

• препозитивное развернутое пояснение культуремы в рамках прямой или авторской речи с возможным прямым указанием на ареал употребления;

• постпозитивный (с частичным препозитивным началом) буквальный перевод или толкование лексемы, фразы с возможным развернутым освещением содержания (фиксируется в авторском пересказе «услышанного»);

• толкование инокультурного компонента с элементами лингвистической характеристики (указание на фонетические особенности произношения, пути возникновения, ареал и сферу употребления);

• непрямое освещение украинской культуремы в предложении, во фрагменте текста, которое содержит обширные намеки на семантику единицы, достаточные для формирования представления о предмете для русскоязычного адресата;

• толкование номинации посредством диалога, в котором коммуникантами являются представители украинской и русской лингвокультур (они передают или уточняют знания о той или иной украинской культуреме).

В русском художественном тексте нередко фиксируются моменты, когда семантика украинизма становится очевидной благодаря реализации совокупности приемов.

Таким образом, смысл украинской лексемы в произведениях русских классиков уточняется с опорой на авторскую реплику, реплику персонажа, на толкование его значения одним из персонажей, на прозрачное содержание текстового фрагмента или произведения в целом. Использование различных приемов предоставления фоновых знаний об инокультурном языковом знаке способствует тому, что текст нейтрализует, констатирует или стимулирует культурный компонент, значение слова, т.е. организация художественного текста обеспечивает активный поиск признаков инокультурного явления, их восприятие со стороны адресата [3, с. 385], сам же текст приобретает некоторую внутреннюю силу, которая ограничивает его некоторыми рамками лингвистического знака (в нашем случае – инокультурного) и в то же время соединяет его с идеальными и материальными вещами возможной культурной вселенной [10, с. 479-482].

Привлечение украинизмов в русский художественный текст, их системное авторское толкование обусловили расширение лексического состава русского литературного языка, способствовали закреплению в нем значительного слоя областной или восточнославянской народно-разговорной лексики различного происхождения (*ватага*, *дивчина*, *де/и/вчата*, *молодица*, *кухарь*, *клуня*, *ветряк*, *криница*, *корчма*, *хата*, *шлях*, *магарыч*, *цигарка*, *шматок*, *квиток*, *панталык*, *кожан*, *лихо*, *рудый*), что подтверждается рядом русских лексикографических источников [9]. Использованные украинизмы в произведениях русских классиков (*пан*, *панна*, *панночка*, *панство*, *гетман*, *сердюк*, *чумак*, *хлопец*, *кацап*, *москаль*, *бандурист*, *кобзарь*, *вирши*, *думка*, *канты*, *гопак*, *бурса*, *шинок*, *галушки*, *кунтуш*, *плахта*, *бебехи*, *приватный*, *кошт*, *чинш*, *шляхетство*, *шляхетский*, *ясновельможный*) органически вошли в новый социокультурный контекст и постепенно преобразовались в культурно-языковую норму.

Список литературы

1. Горбач О. Арго в Україні / Олекса Горбач. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип’якевича НАН України, 2006. 686 с.

2. Горбачевич К.С. Принципы нормализации языка в современной русской лексикографии // Современность и словари. Л.: Наука, 1978. С. 33-45.

3. Иванищева О.Н. Функционирование культурно-коннотативного слова в тексте // Actalinguisticpetropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Наука, 2003. Т. I. Ч. 3. С. 383-405.

4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения: роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

5. Лексика русскоголитературного языка XIX – начала XX века / [Отв. ред. Ф.П. Филин]. М.: Наука, 1981. 359 с.

6. Потебня А.А. Мысль и язык // Полное собрание сочинений. Одесса: Гос. изд-во Украины, 1926. Т. I. 205 с.

7. Русские писатели: биобиблиографический словарь / Ред. коллегия: Д.С. Лихачев, С.И. Машинский, С.М. Петров, А.И. Ревякин; сост. А.П. Спасибенко, Н.М. Гайденков. М.: Просвещение, 1971. 728 с.

8. Чередниченко О.І. Про мову і переклад. Київ: Либідь, 2007. 248 с.

9. Словари: (БТС) – Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 2000. 1536 с.; (Ожегов) – Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1984. 797 с.; (ССРЛЯ) – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Пред. ред. кол. Ф.П. Филин. М. - Л.: Наука, 1950-1965; (Ушаков) – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-воиностр. и нац. словарей, 1935-1940.

10. Bozhenkova N.A., Bozhenkova R.K. Real and possible in the boundaries of the common language and cultural universe // Middle East Journal of Scientific Research Volume 18, Issue 4, 2013. P. 479-482.

Источники

11. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1965-1967.

12. Короленко В.Г. Собр. соч.: В 9 т. СПб.: Изд. т-ва А.Ф. Маркс, 1914.

13. Куприн А.И. Собр. соч.: В 6 т. М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1957-1958.

УДК 81.371

ЭКСПРЕССИВНЫЕ ОБРАЗЫ В СТИХОТВОРЕНИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ «НЕ ВЕТРОМ ВЕТРЕНЫМ – ДО – ОСЕНИ…»

САПРЫКИНА МАРГАРИТА ВЛАДИМИРОВНА
магистрант института филологии,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, sapryckina.margarita@yandex.ru

В статье рассматривается традиционная для мировой литературы и глобальная для творчества М. Цветаевой тема поэта и поэзии через экспликацию цветосимволики, образов, восходящих к Священному Писанию, а также образов воздушной и огненной стихий, связанных в цветаевской модели мира с образом поэта – глашатого высших истин на земле.

Ключевые слова: поэт и поэзия, образ ветра, воздушная стихия, образ огня, интертекстуальность.

Образ воздушной стихии достаточно востребован в творчестве писателей XX века, имеет многообразные проявления в тексте и всегда, наряду с узуальным содержанием, несет свою неповторимую индивидуально-авторскую трактовку.

Ветер и связанная с ним метеолексика, обладая множеством символических значений и культурологических смыслов, объективизируется в текстах художественной литературы, где под влиянием индивидуально-авторского восприятия актуализируются конкретные смыслы лексем, которые из произведения в произведение представляются порой диаметрально противоположенными.

Образ ветра в художественной литературе полисемантичен, что обусловлено его многообразными, порой полярными, культурологическими толкованиями.

В зависимости от контекста и художественного мировосприятия автора в тексте могут актуализироваться то негативно коннотированные представления о ветре как колдовской, бесовской воздушной стихии, связанной с областью смерти, то положительно коннотированные, связанные с представлениями, где ветер становится мостиком между миром живых и миром мертвых, либо воздушной стихией, символизирующей божественное откровение, присутствие божества или вдохновение поэта.

Стихотворение «Не ветром ветреным – до – осени…» открывается образом *ветреного ветра.* Такая пространственная близость однокоренных слов и/или слов, созвучных друг другу, характерна для творчества Цветаевой (напр., *гора горевала*) и усиливает семантику рядом стоящих лексем, расширяя пространство воздушной стихии в тексте стихотворения. Корневой повтор в поэзии М. Цветаевой, как отмечает Л.В. Зубова, – «это и средство анализа слова в системе его образно-понятийных связей, и средство познания вещей в процессе их называния» [1, с. 13].

Однако такое нарочитое привлечение внимания читателя к лексеме *ветер* продиктовано не только этимологической игрой поэта. Стихия воздуха, эксплицированная помимо образа *ветреного ветра* образом *выси,* местом обитания крылатой души поэта, наряду со стихией огня, выраженного посредством семантически связанной лексемы *жглись,* становятся эмблемой поэта в тексте.

Образ огня в тексте не случаен и связан с цветосимволикой: красный цвет, как отмечают исследователи, наиболее частотен в поэзии М. Цветаевой. В красном цвете «первобытный человек узнавал кровь, **огонь**, тепло, солнце», а «в Священном писании Богу сопутствует также красный цвет, который назван **огненным**, цветом божественной энергии, цветом животворного тепла» [2, с. 184].

Еще одним цветом, привлекающим внимание, становится голубой:

По голубым и голубым *лестницам*
Повел в высь.
Под голубым и голубым *месяцем*
Уста – жглись.

Являясь одним из цветов синего спектра, голубой цвет в поэзии М. Цветаевой можно трактовать как «слияние с абсолютом, бессмертие, бытие духа» [1, с. 187], связь с Богом.

Надо отметить, что способы присутствия божественного начала в тексте стихотворения обнаруживаются посредством лексики, обозначающей воздушную стихию *(ветер, небесный, высь),* лексики, семантически связанной с огнем *(уста – жглись),* и образа виноградаря.

В образе виноградаря, «человека, занимающегося виноградарством» [3, URL], таинственного гостя, пришедшего к лирической героине стихотворения, угадывается образ Бога («Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь» (Иоанн 15:1-5). Образ винограда, фигурирующий в небольшом тексте дважды (*снять* ***гроздь, виноградарем*** *<…> пришел гость*), отсылает нас к библейским текстам, где виноград – символ Божьего благословения. В тексте М. Цветаевой виноград становится эмблемой вдохновения и божьего дара поэта.

В лексеме *виноград**арь*** можно уловить особую экспрессию. Суффикс ***-арь-*** при добавлении к основе существительного выражает значение «лицо, характеризующееся объектом или предметом деятельности, названным мотивирующим именем существительным» (напр., *виноград → виноград**арь,** ложка → ложк**арь**).* Однако при чтении текста стихотворения в потоке речи совершенно четко вычленяется сема **дар**, подчеркивающая божественное происхождение вдохновения и поэтического таланта лирической героини.

В нескольких стихотворениях М. Цветаевой прослеживается особая связь между такими понятиями, как «вдохновение», «воздушная стихия» и «огонь»:

В поте – пишущий, в поте пашущий!
Нам знакомо иное рвение:
Легкий ***огнь*** *над кудрями пляшущий, –*
Дуновение – Вдохновения!;

Вздох: выдышаться в стих!

Не случайно исследователь творчества М. Цветаевой В.А. Маслова подчеркнет: стихия воздуха – «место поэта» [1, с. 79].

«Выделение корня слова и построение художественного текста на актуализации этого корня в ряде котекстуально соположенных слов – значительный прием в поэтической системе Марины Цветаевой», отмечает Л.В. Зубова, – «а ее языковое чутье настолько глубоко, что вполне естественны в ее произведениях многочисленные факты соположения родственных, но деэтимологизированных в языке слов – своеобразного этимологического анализа, выполняемого непосредственно в стихотворной строке или строфе» [1, с. 31]. Так, в контексте стихотворений сближены этимологически родственные слова: *душа – дыхание – дуть – вдохновение – вздох – веять*. Интересно, что слово *ветер* тесно связано с однокоренными словами *дух* и *дыхание* не только в

русской языковой картине мира, но так же, например, в арабской и еврейской, где слово *ruh* означает одновременно *дыхание* и *дух* [4, с. 242].

Такое количество лексем, этимологически родственных со словом *душа*, продиктовано в поэзии М. Цветаевой не только традиционной центральной антитезой [1, с. 32] – противопоставлением духовности и бездуховности, но и особым местом инспирации в творческом процессе.

Согласно воззрениям Цветаевой, поэзия – «высшая степень подверженности наитью» [2, с. 79], а стих – «божественная невнятица», **странные** едва слышные напевы, но которые поэт должен услышать, принять и аккумулировать в стих. Отсюда в тексте возникает один из немногочисленных глаголов стихотворения – глагол второго катрена *шептал:*

Небесным странником – мне – страннице
Предстал – ты.
И ***речи странные*** *– мне – страннице*
Шептал *– ты.*

Поэт – медиатор, вдохновенный посредник между небом и землей, его задача внимать божьему гласу, наполняясь высшей истиной. «Верно слыхать – вот моя забота», – напишет однажды Цветаева. Особое отношение поэта к звучанию обусловило не только резкость поэтических ритмов, изломанность линий, телеграфичность поэтической речи Цветаевой. Она указывала на звук как первоисточник поэзии: «...утверждаю: звук всегда есть. Только вам его **простым ухом**... не слыхать» [Цит. по: 2, с. 217]. Простым ухом – то есть ухом человека глухого к посланиям свыше особой волны, обычного человека, не поэта – человека тонкой душевной организации. «Из этой какофонии звуков», – отметит позже В.А. Маслова, – «поэт "по наитию" выбирает нужное звучание, нужную мелодию, на которую и ложатся слова и смыслы» [2, с. 217].

Нельзя не отметить, что текст стихотворения М. Цветаевой диалогичен и реминисцирует к стихотворению А.С. Пушкина «Пророк». Лирическая героиня стихотворения М. Цветаевой называет себя *странницей*, человеком ищущим, что ассоциируется с образом самого пророка, влачившегося в пустыне, томимым духовной жаждою. Связь с пушкинском текстом поддерживает и образ огня: так, в стихотворении поэтессы *уста* – ***жглись*** созвучно с миссией пушкинского пророка – «глаголом **жечь** сердца людей».

Таким образом, в стихотворении реализуется традиционная для мировой литературы тема поэта и поэзии и «глобальный концепт "поэт" в цветаевской модели мира» [2, с. 79]. Поэт для М. Цветаевой – это «глас божий на земле» [2, с. 81]. А воздушная стихия, соединяясь со стихией огня и другими атрибутами божественного начала в тексте, становится в мировосприятии М. Цветаевой контекстуальным синонимом самому божественному вдохновению поэта.

Список литературы

1. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989. 264 с.

2. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой: Учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 256 с.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: портал https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/23794 (дата обращения: 25.03.2019).

4. Токарев С.А. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. А-К. 671 с. с ил.

УДК 811.111' 276.6.001,4

ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПА АНТРОПОЦЕНТРИЗМА В ЯЗЫКЕ ЭВРИСТИЧЕСКОГО НАУЧНОГО ИЗЛОЖЕНИЯ (МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ)

СТЕВАНОВИЧ РАИСА ИВАНОВНА
к. филол. наук, доцент кафедры теории и практики перевода,
Черноморский национальный университет им. Петра Могилы,
Украина, г. Николаев

В данной статье представлен антропоцентрический подход к исследованию явлений языка в английском подъязыке науки эвристики. Доказывается, что принцип антропоцентризма объединяет исследования в области современной лингвистики и эвристики. Подчеркивается, что принцип антропоцентризма находит лексическое и иное языковое выражение в терминологии эвристики. В статье показана ценность концептуального исследования как метода, приводятся примеры метафорической интерпретации ментального мира человека простым обыденным языком.

Ключевые слова: эвристика, антропоцентризм, метафоричность, концептуальное исследование.

На смену сравнительно-исторической и сменившей её системно-структурной парадигмы приходит парадигма антропоцентрическая. Смена парадигм была вызвана пониманием того, что «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [2, с. 5]. Принцип антропоцентризма роднит когнитивную науку с эвристикой – наукой об оптимальной организации творческой деятельности и управлении ею. Когнитивная наука поставила в центр внимания «человеческий фактор», предполагающий изучение языковых феноменов в тесной связи с человеком, его мышлением. Центральной категорией эвристики является ученый – творец нового знания.

В данном исследовании, выполненном на материале английского языка с привлечением для сопоставления фактов русского языка, уделяется внимание особенностям представления когнитивно-коммуникативной парадигмы и принципа антропоцентризма в идиостиле эвристического научного изложения.

Сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстах. Текст стал ключевым понятием для антропоцентризма. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и

потенциальный)» [3, с. 30]. В языке все направлено на осуществление коммуникации, единицей которой является текст. Е.А. Попова отмечает: «Все языковые реалии обретают свой подлинный смысл только в тексте» [5, с. 73].

Научный стиль автор понимает в контексте использования языка в особой функции как совокупность ресурсов общелитературного языка, получающих определенное функциональное назначение – стать средством репрезентации нового научного знания, полученных учеными выводов и результатов.

Язык эвристики, как русский, так и английский вариант, отражает развитие самой этой науки. Понятия «язык науки» и «подъязык» отождествляются: «Синонимом термина «язык науки» <…> является «подъязык»» [4, с. 25]. Автор разделяет точку зрения Н.И. Андреева, что подъязык – это «совокупность языковых единиц, выделенных тематически» однородной областью социального функционирования языка» [1, с. 36].

Особенности английского подъязыка науки эвристики исследуются нами на основе эвристического научного изложения, которое представлено в форме текстов, отражающих понятийное содержание науки эвристики. Основными категориями эвристики являются творящая науку творческая личность и сам процесс творчества, его процедуры и методы. Вся лексика эвристических научных текстов группируется в пределах данных категорий. Метаязык, используемый в эвристическом научном изложении, содержит донаучную, практическую подсознательную рефлексию над естественным языком сознании и стимулирует роль научной, теоретической, метаязыковой рефлексии в науке. Метаязык, являясь подсистемой естественного языка, использует все имеющиеся в языке внутренние ресурсы: когнитивные, коммуникативные, лексические, грамматические, структурные, системные (метафору, метонимию, словообразование, синонимию, антонимию, аналогию, заимствования) [7, с. 448].

«Донаучный» язык осмысления рациональной сферы человека, ««донаучные» научные образы» (термин Н.К. Рябцевой, обозначившей так когнитивные метафоры) широко используются в языке науки, комментируются им, развиваются. В научном изложении они образуют особый, научный метаязык, служащий средством интерпретации знания, познания, мышления, коммуникации и способом объяснения научного содержания текста. «Донаучный» прием описывать идеальные ментальные сущности физическим языком» способствует развитию лексической, грамматической сочетаемости и является продуктивным средством познания и описания ментальной сферы человека. В самом научном языке образуется особая «метапарадигма», упорядочивающая и организующая способы описания и изложения научного знания, формируется стиль научного мышления, который находит отражение в научном изложении [7, с. 77]. Именно лингвистика способствует выявлению противоречивости человеческой натуры, познанию внешнего и внутреннего мира человека. Метаязыковая рефлексия предстает как инструмент познания не только языка, но и его носителя.

Лексика научного изложения делится на терминологическую и нетерминологическую. «Термин – это свернутое знание, результат познания». Эвристика представляет собой такой объект исследования, который не имеет сформировавшейся терминологии, ее специальный терминологический фонд очень мал. Терминология эвристики характеризуется отсутствием изолированности, обособленности. В общем лексическом составе она не автономна. В границах естественного языка эвристика имеет сегодня формирующуюся терминологическую систему. В английском подъязыке эвристики переплетаются четыре лексических уровня: общелитературная лексика, общенаучная лексика, межнаучная терминология и специальная эвристическая терминология, которая включает термин *heuristic* – «эвристика», обозначения методов коллективного творческого мышления (*brainstorming* – «мозговой штурм», *synectics* – «синектика», *Delphymethod* – «дельфийский метод») и методов тестирования интеллекта (*intelligencetest* – «тест на сообразительность», *creativitytest* – «тест на креативность», *intelligencescale* – «шкала измерения сообразительности», *Intelligence Quotient* – «коэффициент» сообразительности, *screening* – «отсев, отбор»). Данная терминология составляет специфический эвристический фонд.

Язык науки эвристики развивался на базе общелитературного языка, поэтому основу ее языка составляет лексика, принципы словообразования, грамматика общелитературного языка. Все в языке науки эвристики, прежде всего в словарном составе, максимально подчиняется задаче выполнения его функции – быть средством познания. Слова общелитературного языка – они же термины (*человек, ученый, проблема, решение, задача*) – это значительный пласт лексики, связанный тематически с образом ученого. Они одновременно принадлежат к широкому общелитературному фонду и к узкой области эвристического языка. В результате процесса терминологизации общелитературного слова фактически происходит омонимизация, основанная на использовании старой «языковой оболочки» для нового означаемого. Процесс терминологизации общелитературного слова сводится к использованию одного из лексико-семантических вариантов слова, имеющего эвристическую ориентацию, и играет главенствующую роль в формировании терминологии эвристики.

Общенаучная лексика – слова, при помощи которых можно описать и охарактеризовать явления и процессы в разных науках, – это слова, составляющие костяк научного изложения и образующие категориальный аппарат эвристики в целом: *science, investigation, problem, knowledge, experiment*. Большую часть своей терминологии эвристика заимствует у психологии, на которой, собственно, и базируется. Но эти общие термины в ходе развития подъязыка эвристики наполняются качественно новым содержанием, применяясь к предмету науки и к разным аспектам содержания понятий. Например, *imagination* («воображение») – психологический термин, но в эвристике подразумевается особое воображение, настроенное на решение творческих задач. Или memory («память») – также психологический термин, но

в эвристике – «эвристическая память». Психологические термины в эвристике актуализированы, обусловлены целью, подчинены общим задачам науки. На этом основании их можно назвать «акцентированными терминами», которые по своей форме идентичны общенаучному или конкретно научному термину, но в подъязыке эвристики приобретают эвристическую ориентацию.

Межнаучная лексика представлена терминологией наук, на стыке которых родилась эвристика: психологии (*memory, intuition, intelligence, talent, thinking*), логики, философии (*induction, deduction, logic, syllogism, reasoning*). Общелитературная лексика является фоном для функционирования общенаучной терминологии и межнаучной лексики.

Эвристический текст в научном изложении носит монологический характер, построен в форме рассуждения, имеет дескриптивный характер. Дескриптивный режим использует разные формы монолога: сообщение, повествование, описание. Но вместе с тем эвристический текст диалогичен, так как обращен к адресату. Адресат научного текста – не просто читатель и «наблюдатель», но партнер и сомыслитель. Научному общению требуется взаимопонимание. Стилистические средства, в свою очередь, реализуют потенции естественного языка. Авторы научного эвристического текста апеллируют к чутью читателя и к его научной эрудиции. Текст, содержащий информацию, рассчитан на понимание, а значит, на извлечение этой информации. Научный текст по своей архитектонике и организации, по всем использованным в нем языковым средствам должен обеспечить формирование у адресата ментальной модели. Воздействие на эмоциональную сферу адресата осуществляется путем сообщения о ситуации случайного или неслучайного открытия и сопровождается большой метафоричностью, например: «*Mad as a hatter is a term of high praise when applied to a person of marked intellectual abilities. But "divine madness" that the Greeks considered a gift of the God*» [8, с. 73]. (= «Сумасшедший – это слово высокой похвалы применительно к человеку с исключительными интеллектуальными способностями, но это «божественное сумасшествие» греки считали даром Богов»). Ненаблюдаемость творческого процесса ученого связывали с таинственностью, с волей Бога: «*Creative products that are brought into existence arose a sense of mystery*» [10, с. 62] (= «Продукты творческой деятельности, получившие практическое применение, связаны с загадочностью их создания»). *The gift of the God – «дар Бога», by the favor of the God – «по воле Бога»*. Иногда в научных текстах для привлечения внимания адресата приводятся некоторые данные из биографий известных ученых, философов, их творческой деятельности: «*Socrates although regarded as crazy by his contemporaries developed novel ideas»* [10, с. 142] (= «Хотя современники считали Сократа сумасшедшим, он развил новаторские идеи»).

Научное познание стремится к объективности, но оно неотделимо от субъекта познания – автора научного текста. Присутствие субъекта в научном изложении выражается в наличии «ментальной лексики», фиксирующей референцию исследователя к своим «ментальным состояниям», и

соответственно в использовании «ментальной грамматики» как связующего средства. Принцип антропоцентризма, который является ведущим во всех лингвистических исследованиях, ставит во весь рост человеческий фактор: коммуникативная направленность научного текста становится главенствующей. В связи с этим стилистика приобретает черты коммуникативной стилистики, становится на службу индивидуального художника. Перестраиваются общепринятые каноны изложения. Субъективный фактор в эвристических научных текстах получает выражение в появлении антропоморфных метафор для характеристики творческого процесса ученого. «Олицетворение метафоры – это не просто, уподобление человеку, это антропологизация всего действующего, единство человека и природы» [7, с. 101]. Примером «олицетворения метафоры» (термин Н.К. Рябцевой) могут служить субъективно-предикативные конструкции: *idea comes like a foreign guest* – «идея приходит как иностранец», *to welcome a new idea* – «приветствовать новую идею», *ideas rose in crowds* – «идеи появились толпами», *greedy heuristic* – «жадная эвристика». Эти выражения передают мысль о том, что процесс познания и научный текст в высокой степени уникальны, индивидуальны у каждого исследователя.

В эвристических научных текстах встречаются и неологизмы, которые не зафиксированы в лексикографических источниках, например новый термин PO, обозначающий психологический метод, который позволяет прийти к новому решению (это промежуточная фаза решения задачи): «*Placed before a statement PO indicates that the statement is being used as an intermediate impossible. This means that the statement may actually be wrong, but is being used as a stepping stone to new ideas»* [9, с. 145]. В эвристических научных текстах встречаются многокомпонентные словосочетания: *a completely – out-of-the-blue insight* – «неожиданный инсайт», *highly creative solution people* – «люди с высоким творческим потенциалом». Н.К. Рябцева называет такие комплексы «эмоционально-оценочными фигурами» [6, с. 14]: эти «издержки научного изложения» объясняются стремлением автора к максимальной экспрессивности, желанием изложить все сразу, а не «по-порядку» [6, с. 14].

Эвристический научный текст становится инструментом познания в системе реальной ситуации, воплощением единства лингвистического и внелингвистического. Научное суждение теоретично. Стилистика обычно рассматривает набор средств научного изложения, но необходимо учитывать их риторическую нагрузку. В риторическом отношении научный текст имеет модель познавательной ситуации: «завязку» (постановка проблемы) и «развязку» (выдвижение гипотезы).

Отражение коммуникативного аспекта лингвистических исследований находит отражение в стилистике, стилистика выходит из риторики, а риторика растворяется в стилистике.

В английских эвристических текстах широко используются словосочетания, которые носят метафорический характер: *the magic key to solve the problem* – «магический ключ решения проблемы», *flash through mind* –

«проблеск ума», *to see the soul of the fact* – «видеть душу факта». Метафора в науке выполняет экспрессивно-гносеологическую функцию, служит решению задачи объяснить новые, зарождающиеся понятия.

В лингвистических научных текстах субъективный фактор проявляется в оценочности рассуждения, вопреки сложившемуся мнению о «бесстрастности» изложения. Оценочность не снимает качество изложения, но позволяет его организовывать: неясный – надо разъяснить, недостаточный – надо дополнить. В практической жизни за оценкой всегда стоит дескрипция: *gifted person* – «одаренный человек», *a person of high intellectual abilities* – «человек с высокими интеллектуальными способностями» и др.

Благодаря развитию когнитивной лингвистики, концептуального анализа, стало ясно, что лексическая сочетаемость объясняется особенностями восприятия мира человеком. Восприятие человеком своего ментального мира ассоциативно, строится по аналогии, основанной на эмпирическом опыте донаучных представлений об окружающем мире. Главный принцип языкового освоения мира – осознание и представление неочевидного через образы физического воспринимаемого мира, опредмечивание абстрактного через конкретное (метафоризация).

Мыслительные операции и их результаты уподобляются физическим сущностям – «механическому» (динамическому, технологическому) движению, естественному природному развитию, строительству, военным действиям и др.

Технологическая метафора представляет науку как активную деятельность и воплощается в сценарии «источник – путь – цель». Согласно ему познание имеет исходную точку (*hyposesis* – «гипотеза») и конечную цель (*to come to a conclusion* – «прийти к выводу», *to solve a problem* – «решить проблему»), данный сценарий развивается во времени, при этом показательна связь движения, пути, цели и препятствия.

Метафора «познание – построение здания науки» обнаруживается в выражениях: *to build the theory* («построить теорию»), *to lay the foundation to a construction* («заложить основы конструкции»), *partial solutions serve us as buildings blocks* («частичные решения играют роль строительных блоков»). Биологическая концепция языка состоит в уподоблении его живому развивающемуся организму, отождествлении составляющих познания с особенностями развития растения или иного живого организма. Цветение ассоциируется с появлением мыслей, идей: *idea is blossoming* – «идея цветет», *conclusion is fading* – «вывод увядает», *problem is riping* – «проблема зреет», *fruitful hyposesis* – «плодотворная гипотеза», *fruits of the incubation stage* – «продукты стадии инкубации».

Познание как борьба, «военные действия» концептуализируется в метафорических выражениях: *to attack a problem* – «начать решение проблемы», *to fight with a problem* – «бороться с проблемой», *front of solutions* – «фронт решений», *to capture the idea* – «поймать идею».

Активен образ «процесс мышления – поток»: *flood of illumination* – «поток иллюминаций», *thought stream* – «течение мысли», *ideas flow* – «идеи текут».

Показательно, что между соответствующими русскими и английскими выражениями, словосочетаниями нет однозначного соответствия. Это объясняется неполным совпадением стоящих за ними «физических» образов. Поэтому при переводе научного текста с русского языка на английский необходимо восстанавливать и соотносить аутентичные для каждой из культур представления. Например, *to meet constrains* (букв. «встречать ограничение») – «соответствовать ограничениям», *to supply arguments* (букв. «поставлять аргументы») – «представлять аргументы», *to light a problem* (букв. «пролить свет») – «прояснить проблему», *to anchor a problem* (букв. «пришвартовать проблему») – «остановиться на проблеме».

Английский и русский научные стили кардинально различаются. Русская научная традиция склонна к классической официальности, в то время как английский научный стиль характеризуется компрессией, эмоциональностью: *I err* – «я ошибаюсь», IQ – «Коэффициент интеллекта» (Intelligence Quotient), *Cr* – «творчество» (Creativity), *to see the light* – «видеть решение», *crazy idea* – «сумасшедшая идея», *to face a problem* – «рассмотреть проблему», *idea arises* – «идея возникает», *Carry on*! – «Продолжай», *Fill the gap*! – «Заполни пробел», *Link up*! – «Соедини», *World of data* – «Мир данных», *leap frog* – «скачок жабы», *a good idea is a piece of good fortune* – «хорошая идея – большая удача».

Для русских текстов характерно использование беспредложных генитивных конструкций, например: проблема поиска решения задачи, исследование способности ученого. В английском языке генитивные конструкции маркированы предлогом ***of***: *creativity of an individual* – «творчество ученого», *kind of a solution of a problem* – «вид решения проблемы». Близкими по значению к предложному генитиву в английском языке являются именные группы, состоящие из нескольких существительных: *heuristic search strategy* – «стратегия эвристического поиска», *problem solving ability* – «способность решения проблем»; они могут видоизменяться (*strategy in heuristic search ability in problem solving*). Для англичан более приемлем вариант с предлогом. Это свидетельствует о том, что английский язык предпочитает конкретизировать отношения между объектами при помощи многозначных средств.

Таким образом, можно сказать, что в эвристическом научном тексте ярко отражается принцип антропоцентризма, человек-субъект оказывается в центре всех событий. Это отражается на формировании и функционировании языковых, стилистических средств. Когнитивно-коммуникативная парадигма накладывает отпечаток на организацию научного эвристического изложения, сочетание форм диалога и монолога, использование возможностей метафоризации для формирования научной картины мира.

Список литературы

1. Андреев Н.И. Подъязыки как область взаимодействия социального и системного в семантических структурах. М., 1971. С. 36.

2. Арутюнова Н.Д. Вторичные и истинностные оценки: правильно, верно. М.: Наука,1993. 160 с.

3. Бахтин М.Н. Эстетика словесного творчества. М., 1986. 186 с.

4. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки: на материале лингвистики / Отв. ред. Н.А. Слюсарева; АН СССР, Институт языкознания. М., 1987. 216 с.

5. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки». № 3. 2002. С. 69-77.

6. Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения (научный доклад на соискание ученой степени доктора наук). М., 1996. 42 с.

7. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 630 с.

8. Barron F. Creative person and creative process. N.Y., 1969. 212 p.

9. Bono de E. Practical thinking. New York: Harmondsworth,1986. 83 p.

10. Vernon P.E. Creativity. U.K., University Press, 1964. 400 p.

УДК 81-139

ИНТЕРНЕТ КАК СРЕДА ДИСКУРСИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЖАНРА

УСАЧЕВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА
д. филол. наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Липецкий филиал,
Россия, г. Липецк, logus777@yandex.ru

В статье рассматривается вопрос соотношения первичных и вторичных речевых жанров в свете общей проблемы дискурсивной изменчивости жанров, источником которой выступает интернет-среда как онтологически вторичное пространство социальных коммуникаций. Под дискурсивным изменением жанра в среде интернет понимается процесс преобразования первичного жанра под влиянием техногенных особенностей коммуникационной среды интернет. Результатом преобразования становится появление вторичного жанра, сочетающего в себе как признаки исходного жанра, так и других жанров, что является предметом рассмотрения в исследовании.

Ключевые слова: коммуникационная среда, формат, речевой жанр, гипержанр, интернет-жанр, дискурсивные изменения, дискурсивная вариация, дискурсивная модификация, дискурсивная трансформация.

Проблема первичности/вторичности речевого жанра (далее РЖ), восходящая к идеям М.М. Бахтина, достаточно давно привлекает внимание лингвистов, предлагающих различные классификации и модели процесса образования вторичных жанров. В своей статье, посвященной актуальным вопросам теории вторичных речевых жанров, В.В. Дементьев указывает на то, что «при изучении вторичных РЖ наиболее принципиальными оказываются такие вопросы, как методика исследования вторичных РЖ, способы выявления речежанровой вторичности, определения, где мы имеем новый жанр, где – вариант, инновацию старого» [2, с. 36-37].

В широко известной работе Т.В. Шмелевой [12] был поставлен вопрос о регулярных реализациях РЖ в различных сферах общения, что созвучно идее интерпретации исходной жанровой интенции в различных типах дискурса, разграничение которых предложено В.И. Карасиком [4]. Действительно, при смене сферы общения (=дискурса) можно наблюдать определенные преобразования РЖ, которые представляют собой реализацию базовой жанровой модели.

Несомненно ценной является идея рассмотрения проблемы речежанровой вторичности в двух принципиально разных аспектах – синхронном и диахронном [6]. Диахроническая речежанровая вторичность предполагает отношения хронологической (исторической) последовательности между первичными и вторичными жанрами (жанры речевые и риторические, прямые и косвенные, выучиваемые и невыучиваемые). Синхроническая вторичность предполагает различия между первичными и вторичными жанрами не в историческом, а в структурном аспекте – как разноуровневых речевых единиц (речевой акт, субжанр, жанр, гипержанр).

Также заслуживает внимания мысль о еще одной разновидности речежанровой модификации – гибридности жанров, понимаемой как «использование в тексте признаков разных жанров» [11, с. 31].

Проблема соотношения первичных / вторичных РЖ получила новый импульс благодаря появлению и распространению новейших технических средств связи и телекоммуникационных сетей (интернета, мобильной телефонии, мессенджер-каналов) и возникновению на их основе новых коммуникационных сред (пространств коммуникации).

Коммуникационная среда – это пространство (как физическое, так и социальное, а также и ментальное), в котором осуществляется вербальное и невербальное взаимодействие коммуникантов. Пространство интернета понимается нами как особая среда коммуникации, имеющая когнитивно-знаковую природу, в связи с чем она во многом построена на отображении внесетевой коммуникационной реальности и использовании моделей коммуникации, сложившихся в досетевом общении, с наложением на них специфических дискурсивных условий [8, с. 16]. Появление коммуникационных сред, производных от технических средств связи и медиаканалов, обусловливает целый комплекс изменений в организации и протекании коммуникации, в том числе касающихся и жанровых форм дискурса.

В связи с этим уместно использовать понятие *дискурсивного изменения жанра в среде интернет,* которое можно определить как *процесс преобразования уже существующих жанров в изменившихся дискурсивных условиях и как результат перемещения жанра из одного дискурса (исходного для его появления) в интернет-дискурс, а также как изменение уже существующего интернет-жанра в развивающемся пространстве интернет-дискурса*.

Дискурсивное изменение жанрав интернет-среде представляет собой процесс и результат изменений, детерминированный не столько социально, сколько техногенно релевантными условиями коммуникации, а именно – ее технической оболочкой, предполагающей определенные программные средства. Конкретная конфигурация технических параметров как специфических технико-экстралингвистических условий коммуникации может быть обозначена как *формат.*

Влияние формата, как значимого дискурсивного фактора, на жанровые изменения, выявление конкретных параметров влияния и видов таких изменений требуют внимательного изучения.

Задача данной статьи – выявить и рассмотреть виды дискурсивных изменений, претерпеваемых жанрами при их переносе в коммуникационную интернет-среду.

Предварительно укажем на необходимость разграничить понятия «речевой интернет-жанр» и «интернет-гипержанр» как единиц разных структурных уровней: низшего и высшего соответственно. Их соотношение отражено в определении гипержанра (ГЖ) *как совокупности речевых жанров, формирующейся на базе того или иного интернет-формата для реализации доминантной коммуникативной цели и обладающей специфической тематической и социально-коммуникативной организацией речевого взаимодействия.* Гипержанр объединяет в себе превербальные и собственно вербальные (текстовые) характеристики, что присуще как досетевому, так и сетевому общению.

В зависимости от структурного уровня, которому принадлежит исходная жанровая форма, можно различать (1) дискурсивные изменения на уровне РЖ (в нашем случае – речевого интернет-жанра) и (2) дискурсивные изменения на уровне ГЖ (в нашем случае – на уровне интернет-гипержанра).

1. Дискурсивные изменения на уровне РЖ (низшего уровня).

Данный вид изменений охватывает простые и комплексные РЖ досетевого происхождения. Это могут быть РЖ, реализующие все 4 типа коммуникативных целей (по Т.В. Шмелевой), т.е. информативные, императивные, этикетные и оценочные [12].

1.1. Примером дискурсивного изменения низшего уровня может служить этикетный комплексный РЖ поздравления, перенесенный в дискурсивные условия интернет-среды: РЖ поздравления→речевой интернет-жанр поздравления.

Наше исследование, проведенное на материале двух социальных сетей – «Одноклассники» и «Фейсбук» (Facebook), – показало, что в интернет-среде тексты данного РЖ размещаются в трех форматах: в формате форума, в том числе и в виде специально созданной «поздравительной» темы одной из закрытых групп (сеть «Одноклассники»), в формате комментариев под фото участника и, наконец, в формате статуса пользователя [9, с. 188].

В результате было установлено, что изменению подверглась только фактура дискурса: она становится электронной, в то время как

жанрообразующих признаков РЖ поздравления (композиционных, стилевых, диктумных) изменения не коснулись. Сохранила свои инвариантные характеристики и стандартная речевая реакция на поздравление со стороны адресата, если говорить о включенности данного РЖ в диалогическую коммуникацию. Таким образом, в качестве фактора изменчивости в данном случае выступил не конкретный формат как таковой, а интернет-дискурс в целом.

Данный вид дискурсивного изменения можно условно определить как *дискурсивную вариацию РЖ,* не затрагивающую дифференцирующих жанрообразующих признаков, т.е. модели жанра.

1.2. Другим примером дискурсивного изменения низшего уровня является перенос в интернет-среду комплексного РЖ письма: РЖ письма →РЖ электронного письма.

Инвариантные параметры РЖ (композиционные: включает приветствие, обращение, основной текст, формулы прощания и сворачивания контакта; стилевые: зависят от степени близости, дистанции между отправителем и получателем) сохраняются при *однократном обмене* посланиями.

Вариациями РЖ электронного письма с точки зрения ведущей коммуникативной цели могут выступать письмо-сообщение, письмо-просьба, письмо-поздравление и др. Вариации, таким образом, не меняют дифференциальных признаков жанра, но уточняют, конкретизируют их.

Фактором же дискурсивного изменения более существенного характера в рассматриваемом случае выступает возможность быстрого установления и возобновления контакта между адресантом и адресатом (темпоральный технологический фактор на основе интерактивного режима коммуникации), благодаря чему возможна *серия обменов письмами* в течение относительно короткого времени (обычно – в течение суток). В случае серийного обмена (если соответствующая возможность реализуется) возникают заметные изменения в композиционной структуре РЖ: отсутствие приветствия, обращения, подписи. Объем (развернутость текста) сокращается, текст письма приближается *к реплицирующему режиму интернет-диалога* [7, с. 404-405]. Наблюдается редукция языковых средств, типичная для устной разговорной речи: неполнота синтаксической структуры, используются лексические средства разговорности на основе усечения, универбации и др.

Как видим, данный вид дискурсивного изменения жанра обязан своим появлением реализующимся возможностям формата электронной переписки, а именно – ускорению частоты интеракций и, как следствие, – нарастанию дискурсивности речевой деятельности и сокращению деятельности текстовой, а тем самым – «запуску» процессов диалогизации в реплицирующем режиме. Результирующий текстовой продукт характеризуется преобладанием межрепликовой связности над внутрирепликовой (текстовой когезией), что означает возрастание несамостоятельности текста электронного послания, его зависимость от иллокутивного потенциала чужого высказывания [10].

Таким образом, существенные изменения претерпевает структурно-языковая составляющая РЖ письма, т.е. его жанрообразующий, дифференциальный признак. В результате отмечается жанровая близость между серийным обменом электронными письмами и смс. Налицо признаки гибридности вторичного РЖ электронного письма в условиях неоднократного обмена письмами.

Для обозначения данного вида дискурсивного изменения можно предложить термин *дискурсивная модификация*, имея в виду определенный характер изменений, приводящих к модификации жанрообразующих признаков. Термин «модификация», первоначально использованный для обозначения деривационных отношений в лексике, в 1980-х гг. был перенесен на область синтаксической деривации и деривации текста. М.А. Кантурова предлагает использовать его также применительно к деривации речевых жанров. «Процессу модификации соответствуют внутрижанровые изменения – когда жанр остается тем же самым, но приобретает какие-тоновые оттенки смысла» [3, с. 16]. Автор цитируемого текста связывает указанный процесс с изменением сферы функционирования жанра, что близко и нашему пониманию значимости среды коммуникации как дискурсивного фактора.

1.3. Еще одним примером дискурсивной модификации на речежанровом структурном уровне может служить перенос в интернет-дискурс РЖ делового письма → РЖ делового электронного письма.

При дискурсивном переносе сохраняется такой параметр РЖ делового письма, как ориентация на официально-деловой стиль речи (стилевой жанрообразующий признак). Можно также считать, что сохранена и обобщенная композиционная структура жанра письма, предусматривающая наличие этикетно-контактных элементов, обрамляющих основной текст послания.

Принципиальное изменение коснулось опознавательных маркеров исходного РЖ: в электронном интернет-жанре отсутствуют реквизиты делового письма, такие как название организации, от имени которой ведется переписка, исходящий или входящий номер письма, официальное обозначение адресата (с указанием должности, фамилии). Тем самым осуществляется функционально-стилистический сдвиг в зону полуофициальности или даже неофициальности делового взаимодействия.

На структурно-языковом уровне этот сдвиг отражается в виде появления особого этикетного комплекса: приветствие + обращение к адресату (что исключено для традиционного делового письма, в котором приветствие никогда не используется). При этом само обращение может носить и не строго официальный характер (например, используется только имя, а не имя и отчество). Индивидуализированный способ оформления характерен и для второго этикетно-рамочного компонента – подписи адресанта. Выбор средств языковой репрезентации этих компонентов диктуется не требованиями жанра, а степенью личного знакомства коммуникантов, размерами социальной

дистанции между ними (в то время как РЖ досетевого делового письма характеризуется строго оговоренными формулами обращения и подписи).

В остальном же дискурсивная модификация носит тот же характер, что и в случае неделовой электронной переписки. Серийность обменов приводит к сокращению времени, которое тратится на языковое оформление письма. Отсюда – снижение формальности общения, которое приобретает стилистику разговорной речи в ее устной деловой разновидности (допускаются разговорные элементы, профессионализмы: *сбросьте / скиньте файл, инфо прилагаю* и пр.).

Важно отметить, что деловое электронное письмо в норме предполагает обязательный ответ, в котором подтверждается получение письма и содержится благодарность. Это явление можно расценивать как дополнительный (интегральный) признак вторичного РЖ.

Вместе с тем правомочно поставить вопрос о составе прототипических (первичных) РЖ, поскольку могут быть установлены соответствия сразу по нескольким направлениям: со стороны а) исходного РЖ 1 – традиционное деловое письмо), б) со стороны исходного РЖ 2 – деловая беседа, в) со стороны РЖ 3 – телефонный деловой разговор (он функционально замещает РЖ 2 по параметру дистантности и предполагает опосредующий канал связи; при этом оба указанных РЖ отличает устная фактура); г) со стороны РЖ 4 – деловое смс-послание. Наличие в тексте РЖ электронного делового письма признаков указанных смежных жанров позволяет отметить *гибридность* этого РЖ как его интегральную характеристику.

2. Дискурсивные изменения на уровне ГЖ (высшего уровня).

Дискурсивные изменения ГЖ также широко распространены в интернет-среде, поскольку на основе интернет-форматов продуцируются, как правило, не просто отдельные РЖ, а целые полижанровые комплексы, объединенные гипертемой, доминантной коммуникативной гиперцелью и обладающие специфической тематической и социально-коммуникативной организацией речевого взаимодействия.

2.1. Рассмотрим следующее дискурсивное изменение: ГЖ дружеский разговор →ГЖ дружеский разговор в мессенджере.

Дискурсивное изменение данного ГЖ детерминировано сиюминутностью, актуальностью контакта, т.е. условиями формата – онлайн-общение, – что отражается на таком жанровом признаке, как образ прошлого и будущего: «Разговор в мессенджере всегда приурочен к моменту речи, поэтому в отношении данного речевого жанра следует говорить об образах ближайшего прошлого и ближайшего будущего: коммуниканты не вспоминают о делах давно минувших дней и не составляют прогнозы на дальнейшую жизнь. В этом отличие данного жанра от устного жанра «разговор по душам» [1, с. 211].

Таким образом, перед нами снова тот вид дискурсивного изменения, который мы определили выше как дискурсивную модификацию жанра (теперь – на гипержанровом уровне).

Ближайшими для ГЖ дружеский разговор в мессенджере являются прототипическими, помимо исходного, ГЖ чата, смс, телефонного разговора. Следовательно, интегральным признаком вторичного ГЖ выступает такая характеристика, как *гибридность*.

2.2. Завершим наш анализ еще одним примером дискурсивного переноса жанра, каким является изменение: ГЖ блога →ГЖ блога-канала.

Данный тип изменений жанра описывает, в частности, А.Г. Кириллов [5], чьи наблюдения легли в основу наших выводов.

Важным жанрообразующим признаком ГЖ блога выступает его структурное членение: авторский текст, или запись (первый компонент структуры) + комментарии к нему (второй компонент структуры). Данное членение задано форматными условиями: наличием в интерфейсе программы соответствующих субформатов, причем функция второго из них обозначается либо глаголом «комментировать», либо существительным «комментарий», либо оборотом типа «оставьте свой комментарий». Между обоими структурными компонентами наличествует тесная структурно-семантическая связь, в своей основе опирающаяся на межрепликовую связь диалогического единства. При этом первый компонент содержит иллокутивное вынуждение, оставаясь иллокутивно независимым (от комментария) высказыванием. Второй же компонент, напротив, не обладает иллокутивной самостоятельностью, т.к. является продуктом иллокутивного вынуждения.

Под влиянием такого техногенного фактора, как расширение функционала программ обмена мгновенными сообщениями, в них становится возможным инкорпорировать формат блога. Совмещение форматов мессенджера и блога позволило создать новый формат интернет-дискурса: формат публичных каналов (соответствующие возможности предоставляет, в частности, сервис Telegram). Оказывается, что переход ГЖ блога в новый формат осуществляется с определенными «потерями»: в нем отсутствует возможность комментирования, т.к. для обратной связи необходимо знать контактные данные автора. Из этого принципиального форматного различия вытекают и некоторые другие: меняется визуальный способ представления публикаций (новые записи появляются в низу ленты, тогда как в блоге они размещаются наверху), возникает не присущая блогам анонимность автора, ограничена внешняя гипертекстуальность и т.д. [5, с. 263-264].

Итак, в итоге переноса в коммуникационную среду, доступ к которой обеспечен за счет мобильного канала связи и его клиентской программы, возникает вторичный ГЖ блога-канала, в котором реализованы не все жанровые признаки ГЖ блога, а только те из них, которые имеют отношение к первому структурному компоненту – авторской записи, и то при обнаружении у него ряда особенностей. Сам А.Г. Кириллов в своей работе ставит закономерный вопрос: «Считать ли блоги (каналы) в Telegram разновидностью жанра блога или выделять в новый жанр?» [5, с. 263].

По нашему мнению, описанный тип дискурсивных изменений следует отличать как от жанровых вариаций, так и от жанровых модификаций.

Принципиальное отличие заключается в том, что в процессе подобных изменений затрагиваются не просто жанрообразующие признаки, что обусловливает вариантность жанровой модели в пределах инварианта, но происходит устранение (нейтрализация) некоторых дифференциальных признаков, вследствие чего возникает принципиально новый жанр. В этом случае первичный и вторичный жанры находятся в отношениях *межжанровой изменчивости.*

Любопытно, что ГЖ блога претерпевает все три вида дискурсивных изменений. Так, появление видеоблога знаменует собой внутрижанровую вариацию (изменению подлежит фактура авторского текста). Появление рекламных, корпоративных блогов, микроблога (формат Twitter) связано с дискурсивным изменением по типу модификации (меняются отдельные параметры жанрообразующих признаков: доминантная жанровая интенция, образ автора, языковая репрезентация жанра). Наконец, с появлением блога-канала осуществляется, как было показано, дискурсивная трансформация.

Итак, после рассмотрения дискурсивных изменений жанра в среде интернет мы пришли к следующим выводам.

Вторичные жанры, возникающие в результате переноса исходных (первичных) жанров в новую коммуникационную среду интернет (=новые дискурсивные условия), демонстрируют явную зависимость от технически релевантных факторов общения, т.е. от формата интернет-коммуникации. Иначе говоря, они являются продуктом дискурсивных изменений ранее существовавших жанров.

Дискурсивные изменения проявляются на двух структурных уровнях: на уровне речевого жанра (низший уровень) и на уровне гипержанра (высший уровень).

Дискурсивные изменения имеют неравнозначный характер и представлены несколькими разновидностями.

Дискурсивные изменения, не затрагивающие жанрообразующих (иначе – дифференциальных) признаков, минимальны и могут быть названы *дискурсивными вариациями жанра.*

Дискурсивные изменения, касающиеся жанрообразующих признаков, влекут за собой определенные изменения жанровой модели и находят проявление в композиционной структуре жанра, языковом оформлении дискурса. Некоторые из таких изменений находят соответствие в смежных (сетевых и несетевых) жанрах, т.е. сопровождаются явлениями *гибридизации*. Кроме того, в ходе дискурсивного изменения могут появляться новые, ранее отсутствовавшие характеристики (обязательное заполнение поля «Тема» в деловых электронных письмах, обязательный ответ на электронное деловое письмо даже в случаях, которые не предусматривает первичный жанр делового письма). Такого рода внутрижанровые дискурсивные изменения предложено называть *дискурсивными модификациями жанра.*

Дискурсивные изменения, также затрагивающие жанровую модель и при этом приводящие к изменению самого характера взаимодействия

коммуникантов, имевшего места в первичном жанре, приводят к максимальному видоизменению жанра, которое не просто затрагивает жанровую модель, но приводит к нейтрализации дифференциальных жанровых признаков. Такой вид дискурсивных изменений предлагается называть *дискурсивной трансформацией.*

Рассмотренные виды дискурсивных изменений могут быть положены в основу типологии первичных и вторичных жанров в коммуникационной среде интернет.

Список литературы

1. Голошубина О.К. Разговор в мессенджере как специфический жанр интернет-коммуникации // Вестник Омского университета. 2015. № 1 (75). С. 208-212.

2. Дементьев В.В. О некоторых актуальных вопросах теории вторичных речевых жанров // Медиалингвистика. 2015. № 3(9). С. 35-45.

3. Кантурова М.А. Деривационный процесс модификации всистеме речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 354. С. 16-18.

4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.

5. Кириллов А.Г. Трансформация жанра блога в программах обмена мгновенными сообщениями // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 260-267.

6. Рогачева Н.Б. Типы вторичных речевых жанров в интернет-коммуникации // Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. С. 34-39.

7. Усачева О.Ю. Динамическая организация диалогического взаимодействия в формате русскоязычного интернет-форума // XII Конгресс Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы «Русский язык во времени и пространстве» / Под ред. Вербицкой Л.А., Лю Лиминя, Юркова Е.Е. В 2-х т. Т. 2. Шанхай, 2011. С. 403-408.

8. Усачева О.Ю. Дискурсный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации: Дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01 / Елецкий государственный университет. Елец, 2013. 531 с.

9. Усачева О.Ю. Речевой жанр поздравления в межличностной интернет-коммуникации (на материале социальных сетей) // Вторые Щеулинские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Василия Васильевича Щеулина (Липецк, 30 марта 2018 года). Липецк: ЛГПУ, 2018. С. 186-193.

10. Усачева О.Ю. Текстовая и дискурсивная деятельность в интернет-диалоге // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания русского языка: Сборник научных статей, посвященный

110-летию со дня рождения профессора И.А. Фигуровского. Липецк - М.: ЛГПУ, 2009. С. 78-84.

11. Щипицина Л.Ю. Виды гибридности в компьютерно-опосредованной коммуникации // Известия Саратовского университета. 2014. Т. 14. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 3. С. 30-35.

12. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 88-98.

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОМ, ФУНКЦИОНАЛЬНОМ И СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

УДК 81

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ГЛАЗА» (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТОВ М.М. ПРИШВИНА)

АБРЕИМОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА
к. филол. наук, доцент кафедры русского языка,
методики его преподавания и документоведения,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, kafedra.tirj@mail.ru

В статье рассматриваются трансформации фразеологизмов с опорным компонентом «глаза», выделенные в дневниках и произведениях М.М. Пришвина. Целью статьи является анализ структурно-семантических преобразований выделенных фразеологических единиц. Выявлены способы и приемы творческого преобразования фразеологизмов с опорным компонентом «глаза» в текстах писателя, как элемента авторской фразеологической картины мира.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформация, замена, расширение, преобразование.

В последнее время фразеологические единицы русского языка становятся объектом исследования многих ученых. Изучаются разные аспекты фразеологизмов: семантика, структура, процессы фразообразования.

Фразеологический состав текстов М. Пришвина богат и разнообразен как в семантическом, так и в лексико-грамматическом плане. В случаях, когда замена компонентов и видоизменение формы общеязыковых оборотов нарушают семантическую целостность, образ и характер ФЕ, имеет место трансформация. Так, Т.С. Гусейнова под трансформацией понимает «любое отклонение от общепринятой нормы, закрепленной в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях» [1, с. 7]. Иначе говоря, трансформант ФЕ понимается как его окказиональный вариант со структурой и/или семантикой, отличными от представленных в словарях, измененными в целях усиления его экспрессивности и достижения дополнительного смыслового эффекта. Ряд фразеологических единиц, выделенных в текстах писателя, представляет собой трансформированные фразеологизмы, что является важной составляющей идиостиля М.М. Пришвина. Преобразование фразеологических сочетаний позволяют М.М. Пришвину разрушить границы обыденного миропонимания. Установка на «узнавание» сменяется удивлением перед новыми необычными словесными сплетениями.

В предлагаемой статье представлена семантическая характеристика группы ФЕ, а именно, фразеологизмов, включающих в свой состав компонент

«глаза». Мы рассмотрим внутрисистемные отношения фразеологизмов, так как именно такие ФЕ способны передать индивидуальную и самобытную манеру писателя. «Само видоизменение фразеологической единицы принимает определенную форму лишь под рукой творца, лишь в результате художественного осмысления текстового материала» [2, с. 15].

При включении в структуру текста выделенные фразеологизмы выстраиваются в синтагматические отношения с другими единицами текста и подвергаются изменениям в компонентном составе и структурной организации. В данной статье описано 30 употреблений фразеологических единиц с опорным компонентом «глаза», выделенные в произведениях и дневниках М. Пришвина. По своему содержательному наполнению анализируемые фразеологизмы являются обозначениями явлений, непосредственно связанных с процессами зрительного восприятия (например, *смотреть во все глаза, в глаза не видеть, быть на глазах, впиваться глазами* и др.), номинациями действий и особенностей поведения человека (например, *вертеться перед глазами/на глазах, лезть в/на глаза* и др.), его физического и психического состояния (например, *глаз не смыкать, делать большие/круглые глаза* и др.), а также являются наименованиями абстрактных явлений и понятий (связанных с пространством, местом, временем, быстротой проявления чего-либо: например, *куда ни кинь глазом, глазом моргнуть не успел* и др.)

Одним из видов трансформаций является увеличение числа компонентов ФЕ, т.е. включение в ее стабильный лексический состав новых слов. Если сокращение фразеологизма является следствием избыточности значения, то расширение его, напротив, «стимулируется недостаточностью семантики, необходимостью усилить утраченную словом (или словосочетанием) экспрессию, обновить мотивировку» [3, с. 103]. Большинство фразеологов, признавая эксплицитность на уровне перехода слов в сочетания, недооценивают данный тип трансформации в области фразеологических единиц. Вводимые окказиональные слова-компоненты помогают конкретизировать значение, активизировать эмоционально-экспрессивный потенциал фразеологизма или интенсифицировать представление о предмете или явлении, увеличить степень проявления признака, т.п. Речевое расширение компонентного состава ФЕ (экспликация) может происходить за счет наречий, прилагательных, местоимений, частиц.

Во фразеологизмах *мозолить/намозолить глаза, видеть своими глазами, раскрывать глаза, смотреть другими глазами, бросаться в глаза, не верить глазам, впиваться глазами, оторвать глаза* происходит экспликация с помощью наречий следующих семантических групп: времени, образа действия, меры и степени.

Наибольшее количество ФЕ с расширением наблюдается с помощью наречий времени *долго, впервые, сразу, сначала, теперь, ежедневно*: *«Так что долго* ***мозолить глаза****, сидя на одном месте, нельзя»* (дневники); «*Теперь, вступая в университет по-настоящему, без сопутствующего образа невесты под зеленой вуалью, Алпатов впервые только* ***глаза раскрывает*** *как студент, и*

ему из редеющего тумана пережитого показываются очертания великого храма германской науки» (Кащеева цепь); «*Я принадлежу ко вторым и верно могу говорить только о том, что впервые* ***увидел своими глазами*** *и удивился»* (дневники); «*Среди человеческого материала в газете сразу* ***бросалась в глаза*** *статья о подводном растении»* (Журавлиная родина); *«Капельки здоровой крови моей матери не дали мне прыгнуть в Неву, и первая удача сразу же* ***открыла*** *мне* ***глаза*** *на моральное ничтожество моего «демонизма»* (Журавлиная родина); *«Потом я* ***не поверил*** *сначала* ***глазам****, мне думалось, я это вижу во сне: в трех шагах от меня, по ту сторону костра, старик вырезал те самые, два раза в разных местах уже встреченные мною, буквы: 0-Н-Ч-К-Н-Д-С»* (Мох); «*Это «естественный» процесс и не новый, ново только одно, что* ***видишь*** *теперь* ***своими глазами*** *то самое, о чем только слышал, о чем с детства долбили нам, детям, без всякого нашего внутреннего отклика: о родине, отечестве, о властях предержащих и о всем, что идет «родителям на утешение, церкви и отечеству на пользу»* (дневники); «*Смутно нечто подобное пронеслось в голове мальчика, потому что он же это ежедневно* ***видел своими глазами****: одни стоят и думают, а другие по их указанию делают»* (дневники).

Встречаются также случаи употребления фразеологизмов с компонентом «глаза», где расширение происходит за счет наречий образа действия *пытливо, пристально, мудро, трудно, непременно: «Случалось, в разгаре их бурной деятельности они вдруг оба, как по сигналу, останавливались в позах прекращенного движения, вглядывались в людей с внезапной молчаливой настороженностью,* ***впивались*** *в них* ***глазами*** *так пытливо, так пристально и мудро, как будто внезапно догадались, что люди вовсе не такие, как они, бобры, и им надо поэтому немедленно прийти к какому-то решению»* (В краю непуганых птиц); «*До того было темно и тихо, что трудно* ***оторвать глаза*** *от реки: тянет и тянет самого в эту тишину и раздумчивость»* (дневники); «*Все это (что идет против машины и т. п.) идет от художников, которые хотят все* ***видеть*** *непременно* ***своими глазами***» (дневники).

Крайне редко у М. Пришвина наблюдается расширение фразеологической единицы с опорным компонентом «глаза» с помощью наречий меры и степени, которые весьма частотны в книжной и разговорной речи: *«Совсем* ***другими глазами смотрел*** *я, участник прошлого этого края»* (Осударева дорога).

Включение прилагательных *жадный, зоркий, степной, ястребиный, человеческий* в состав устойчивых сочетаний *впиваться глазами* и *по глазам* конкретизируют их семантику ФЕ: «*Но когда идешь в лес за грибами, то находишь именно то, чего желал, а если найдешь гриб белый, то он всегда бывает лучше того, что себе представлял, и жадными* ***глазами впиваешься*** *в него, стараясь выпить навсегда из него прелесть, и не выпьешь: новый гриб в следующий раз является опять таким, будто его никогда не видал»* (Времена года); «*Со всех сторон* ***впиваются*** *зоркие степные* ***глаза***» (Черный араб); *«Одна бледная женщина протянула было свою пару, а он и не посмотрел, будто это была спящая дева с погашенным светильником; другая отдернула*

руку – верно, догадалась ***по*** *ястребиным* ***глазам****, что такие непременно разглядят под кожей бумагу»* (Башмаки); «*У Дунечки все надрыв... Это ты берешь из Достоевского и* ***смотришь*** *на жизнь его больными* ***глазами****»* (Кащеева цепь); «*Одни старики, вроде Коноплянцева, как выражаются, «сдают» или просто на людях разваливаются, другие отходят в сторону,* ***долой с глаз*** *человеческих*» (дневники).

Во фразеологизме *посмотреть своими глазами*, помимо расширения с помощью местоименного прилагательного, происходит изменение изъявительного наклонения глагола на повелительное: *«Соберись же с духом, Михаил, этими* ***глазами своими погляди*** *на людей, как на птиц»* (дневники).

Весьма интересным трансформациям у М. Пришвина подвергается фразеологизм *впиваться глазами*: «*Серыми маленькими* ***глазками****, как стальными клинками, краснорядец* ***впивался*** *в ясные глаза Алпатова все глубже и глубже, вызывая в них новую боль»* (Кащеева цепь). В данном примере наблюдается, помимо расширения объема фразеологизма прилагательными, словообразовательная трансформация (замена лексемы *глаза – глазками* с уменьшительно-ласкательным суффиксом), что в сочетании с определениями *серые, маленькие* и сравнительным оборотом *как стальными клинками* создает образ въедливого, пристально смотрящего красноармейца. Существительное *глазками* в данном контексте меняет положительную коннотацию на отрицательную.

В узуальных фразеологизмах *открыть/открывать глаза*, *отвести/отводить глаза, не (не мочь, нельзя) оторвать глаз* в текстах М. Пришвина происходит увеличение компонентного состава за счет притяжательного местоимения *свой*: «*И, вернувшись домой,* ***открывает*** *свои* ***глаза*** *на знакомое и тем самым обогащает и расширяет свою родину»* (*Глаза земли*); «*Не вдали, а возле тебя самого, под самыми твоими руками вся жизнь, и только это ты слеп, не можешь на это, как на солнце, смотреть,* ***отводишь глаза*** *свои на далекое прекрасное...»* (дневники); *«Но я* ***не мог оторвать*** *своих* ***глаз*** *от чудесных холмиков молодого женского тела и понял крота, который за время отсутствия людей, выбрасывая глину из темной норы, создал подобие того холмика»* (дневники). Употребление данного местоимения объясняется тем, что значения данных фразеологизмов имеет отношение к самому говорящему.

К фразеологизмам *глаза в глаза*, *на глазах* и *перед глазами* может примыкать частица *прямо*, стоящая в препозиции и имеющая утоняющее значение: *«Я обернулся и вдруг прямо* ***глаза в глаза*** *встретился: те самые мучившие меня все лето оленьи глаза теперь перешли на лицо женщины в зеленом платье, и это было сразу ответом на все»* (Из книги «Золотой рог»); *«Это был небольшой островок, прямо* ***на глазах*** *от прибывания воды меняющий свои очертания»* (Неодетая весна); «*Прямо* ***на глазах*** *моих вода, прибывая, поедала сушу и земля уходила под воду со всем плотным слоем своих прелых листиков»* (Неодетая весна); «*И в этот момент прямо* ***перед*** *моими*

***глазами**, перед носом показывается роскошная ткань паутины и самое главное – сам громадный хозяин паук посередине»* (дневники).

Известно, что значение некоторых устойчивых сочетаний обладает большой семантической емкостью и абстрактностью. Контекст призван конкретизировать это общее значение в значение частное применительно к данной речевой ситуации. Этой конкретизации часто служит и замена одного из компонентов сочетания синонимом или словом того же тематического ряда. Такая замена может способствовать появлению у фразеологизма дополнительных, более конкретных оттенков смысла, необходимых для его «вписывания» в контекст. Обычно при этом наблюдается и оживление образной основы фразеологизма.

Субституция компонента во фразеологизмах *увидеть своими глазами* происходит замена глагольного компонента синонимом: *«Но когда пришел Разумник и полуслепыми **своими глазами разглядел**, что буква К при зарастании надреза образовалась из Х...»* (дневники); *«И все только для того, чтобы утвердить Тихонова, вернее, **увериться своими глазами** в назначении Тихонова»* (дневники);

В контексте у М. Пришвина в нормированном обороте ***не в бровь, а в <самый> глаз***, построенном на противопоставлении, наблюдается замена компонента *глаз* на лексему другой семантической группы (*борода*): «*Вслед за этим она шепчет жене что-то вовсе ужасное и уже **прямо в бровь и бороду**»* (дневники). Данная ФЕ характеризует изобразительно-усилительной функцией в несвойственной фразеологизму структурной форме.

Во фраземах *правда глаза колет, вырасти в глазах* кроме расширения с помощью наречий, местоимений и прилагательного, происходит замена глагольного компонента на близкую по значению лексему: *«Бывает, еще поют запоздалые синицы, бывают и люди такие, еще живут сказками, когда **правда** уже всем **режет глаза**»* (дневники); ***«**В этих встречах мы как будто уничтожаем границы, лежащие между народами и всегда **поднимаемся** в своих собственных **глазах**»* (дневники).

Морфолого-синтаксическое преобразование, не влияющее на семантику фразеологическое оборота, является простым приемом деформации частотным для М. Пришвина. Об этом свидетельствует большое количество примеров его употребления как в чистом, так и в комбинированном виде.

Данный тип преобразования в большинстве случаев представляет собой деформацию глагольного фразеологизма следующим образом: глагольный компонент принимает форму причастия или деепричастия, что приводит к изменению его синтаксической функции в тексте. Морфологическая трансформация наблюдается в таких фразеологизмах, как *смотреть во все глаза, бросить в глаза, впиваться глазами, увидеть своими глазами, вытаращить глаза*, основанные на замене глагольного компонента причастием или деепричастием: «*Борец приложил лапу к ушибленному месту, лег и так долго лежал и все держал лапу на ухе, как бы вызывая сострадание у **глядящей** на него **во все глаза** с гнезда самки*» (дневники); «*Алпатов, заражаемый всеми,*

*тоже поглядел на человека, **бросающего в глаза** тень, и, как только глянул, тоже забыл о картине: странствующий по комнате человек был его друг Ефим Несговоров*» (Кащеева цепь); «*За те дни, когда друзья, **впиваясь** в непроницаемую стену **глазами**, стучали друг другу, великие события совершались на воле»* (Кащеева цепь); *«Наш невинный роман кончился тем, что и царевна и я, оба на близком расстоянии, она выпучив, я **вытаращив глаза**, безмолвно глядели друг на друга»* (Неодетая весна); *«Диву даешься, как люди могли, прочитав это, спокойно устраивать свою жизнь в деревнях, как могли они растить свои виноградники, уже **видя своими глазами**, какой выходит чад и смрад из вулкана»* (дневники).

Морфологическое преобразование ФЕ *закрыть глаза* и *открыть глаза* основано на замене глагола *закрыть* причастием *закрывающий* и глагола открыть деепричастием *открывая* с расширением их компонентного состава местоимениями: «*Нет другой такой **силы, закрывающей** нам **глаза** на добро человеческих достижений, как сила привычки*» (Глаза земли); *«Тут надо прежде всего научиться различать похвалу, которая просто помогает работе **открывая** тебе самому **глаза** на свой путь, и ту похвалу, которая навертывается на твое имя, как мокрый снег, и превращает в баловня или просто в болвана, для того чтобы в один прекрасный день, когда ты растаешь, посмеяться над твоей глупостью»* (дневники).

В ФЕ *глазом не моргнуть* происходит изменение глагольного компонента близким по значению деепричастием: «*Проходили какие-то лица: и разноглазая, и другая, красноглазая, вечно мигающая и страшная девка Анютка Вырви Глаз, какой-то китаец в косе; какой-то старый каторжник заявил, **не мигнув глазом**, что он на арбузной корке с Сахалина по Тихому океану вокруг света приплыл»* (Осударева дорога).

Изменение состава фразеологизма может быть вызвано обновлением грамматических форм, употребление которых в устойчивых словосочетаниях закреплено традицией. Замена множественного числа существительного во фразеологизме на единственное не влечет за собой существенных семантических изменений. Однако в подобных случаях происходит усиление образности ФЕ за счет того, что глаза – это парный орган зрительной системы человека. Автор, используя синекдоху, стремится достичь дополнительного выразительного эффекта: Во фразеологизме *смотреть своими глазами* наблюдается изменение множественного числа опорного существительного на единственное: «*Иначе говоря, нужно **посмотреть** на вещь **своим глазом** и как будто встретиться с нею в первый раз, пробил скорлупу интеллекта и просунул свой носик в мир»* (Глаза земли).

В оборотах *смотреть своими глазами* и *увидеть своими глазами* помимо изменения числа опорного существительного на единственное, происходит расширение или замена с помощью прилагательного: «*Но можно думать – это не жизнь врасплох застаешь, а самого себя узнаешь, каков ты есть, когда **смотришь** на мир **своим** собственным первым **глазом**, как первый человек, вступивший на новую землю»* (Глаза земли); *«На свете есть вещи до того*

привычные, что они уже и не кажутся нам столь отвратительными, но если бы удалось кому-нибудь ***посмотреть*** *на них* ***первым глазом!»*** (дневники); ***«****Тогда в этом стремлении удержаться все предметы, схватываемые духом, становятся такими, как будто ты сам только что родился и* ***увидел*** *их* ***своим*** *первым* ***глазом»*** (дневники).

Во фразеологизме *хоть глаз выколи* происходит усечение союза с изменением числа опорного компонента на множественное: «*Ночь темная –* ***глаза выколи****, власти где-то под мостом: возвратились в лоно своего истинного призвания»* (дневники).

В текстах М. Пришвина устойчивые единицы способны приобретать противоположное исходному значение. Стоит отметить, что у писателя преобладает такая разновидность этого приема, как переход утвердительной формы этого высказывания в отрицательную. Прием перехода используется автором как в чистом, так и в комбинированном виде.

Переход утвердительной формы в отрицательную можно выделить во фразеологизмах *закрывать/закрыть глаза, увидеть своими глазами, показываться на глаза*: «*Пришвин* ***не закрывал глаза*** *на невозможную трудность обстановки тех лет: это были годы тотального насилия и неразрешимых для честной мысли гражданских противоречий»* (дневники); *«Не вижу я таких зверств,* ***своими глазами не видел****»* (дневники); «*И ушел, вовсе не зная, что за спиной лиса приказала детям убираться и до ее разрешения* ***не показываться на глаза*** *леснику»* (Глаза земли).

Переход утвердительной формы в отрицательную может осложняться расширением с помощью наречия: «*Часто* *нарочно* ***не поднимаешь глаз****, чтобы не увидеть себя в зеркале»* (дневники) (ср. поднимать глаза).

Во фраземе ***попадаться на глаза***, кроме изменения утвердительной формы на отрицательную, происходит изменение изъявительного наклонения на повелительное: «*Ничего бы Мануйло снизу и не заметил,* ***не попадись*** *ему* ***на глаза*** *один мальчишка на дереве*» (Корабельная чаща).

В обороте *закрывать / закрыть глаза* переход утвердительной формы в отрицательную сопровождается расширением с помощью местоимения: «*Но сильная и закаленная женщина, работая на промыслах,* ***не закрывала*** *себе* ***глаза*** *на жестокости своей новой профессии*» (В краю непуганых птиц).

Во фразеологизме ***увидеть своими глазами*** наряду с переходом утвердительной формы в отрицательную, происходит расширение его состава с помощью наречия и изменение глагольного компонента на лексему в разговорной форме (видали): «*Скажите, друг, если вы в жизни своей* ***своими глазами*** *никогда* ***не видали»*** (дневники).

Таким образом, анализ фразеологизмов с опорным компонентом «глаза» позволяет сделать вывод о том, что типы структурно-семантических изменений представленных единиц весьма разнообразны. Наибольшее количество трансформаций компонентного состава связано с расширением объема фразеологизмов. Субституция, как прием преобразования, наблюдается крайне редко в подобных устойчивых оборотах. Довольно часто встречаются

морфолого-синтаксические изменения ФЕ и переход утвердительной формы в отрицательную. Все преобразования выполняют определенные функции, которые сводятся к следующему: М.М. Пришвин в своих текстах, трансформируя устойчивые обороты, получает возможность уточнить, конкретизировать содержание общеизвестной единицы, актуализировать отдельные компоненты значения; по-своему расставить смысловые акценты путем инверсии или дистантного расположения частей фразем, кроме того многим общеязыковым фразеологизмам писатель придал новое художественное звучание.

Список литературы

1. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии (на материале центр. газет, 1990-1996 гг.): Дис. … канд. филолог. наук: 10.02.01. Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 1977. 188 с.

2. Ломов А.Г. Проблемы фразеологической стилистики русского языка. Самарканд: Издательство Самаркандского ун-та, 1982. 58 с.

3. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов. М.: Высш. школа, 1980. 207 с.

4. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. Т. 1: А – М. М.: Цитадель, 1997. 391 с.

5. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. Т. 2: Н – Я. М.: Цитадель, 1997. 396 с.

УДК 811.1.2

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «ТУРИЗМ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВОЕВОДИНА ГАЛИНА АЛЕКСАНДРОВНА
к. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка,
методики его преподавания и документоведения,
Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, kafedra.tirj@mail.ru

В статье рассматривается интернациональная лексика тематической сферы «Туризм». Исследование процесса интернационализации лексики, получившей распространение и закрепление в туризме как одной из отраслей, активно развивающейся в России, представляется актуальным в настоящее время в связи с возрастающей значимостью использования лексических номинаций названной сферы. Особое внимание при этом уделяется вопросу расширения состава интернациональной лексики туризма как наименее изученному в лингвистическом отношении.

Ключевые слова: интернациональная лексика туризма, ложные друзья переводчика, русский язык, язык туризма.

Язык туризма остается одной из сфер, получающей динамичное развитие в современном обществе. Изучение взаимоотношения лингвистики со сферой туризма позволяет установить расширение состава иноязычных слов и роли ценностных смыслов интернационализмов в языке туризма, что составляет предмет исследования в нашей работе**.**

Обращаясь к рассмотрению причины активного использования заимствований из английского языка в сфере туризма, исследователи учитывают экстралингвистические факторы, среди которых преобладают активизация связей с западными партнёрами, изменения в менталитете русскоговорящих людей, потребность русских в социализации в европейском сообществе. Граждане всех стран считают туристскую деятельность одним из наиболее предпочитаемых способов провождения свободного времени. Вполне естественно и закономерно, что развитие туристской отрасли обусловило необходимость обособления целого пласта лексических единиц в терминосистему туризма. Подтверждением тому служит принятие Федерального закона Российской Федерации «Об основах туристской деятельности» (1996) [11], где приведена основная, базовая терминология данной сферы.

Роль терминов, которые относятся к современным иноязычным заимствованиям, упоминается В.А. Бельчиковым [2, с. 66]. Современный русский язык выступает в роли распространителя интернациональных слов в сфере туризма, что показывает анализ данных различных словарей русского языка и понятие концепта «туризм», представленное в специальной литературе: «это одна из важнейших сфер деятельности современной экономики, нацеленная на удовлетворение потребностей людей и повышение качества жизни населения» [3, с. 6].

Определяя интернационализмы как проявление интернационализации лексических единиц, В.В. Акуленко подчеркивает: «Тем самым очерчивается группа явлений, играющих особую роль в международном обмене информацией» [1, с. 53]. Ученый относит непосредственное соответствие элементов в «контактирующих языках» [1, с. 52] к интернациональным свойствам лексем.

Интернационализмы – «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учётом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трёх) языках» [7, с. 197]. Например, следующее заимствованное из английского языка слово можно считать интернациональным, т.к. оно совпадает с русским по звуковому составу и совпадает по значению: рус. *караванинг* – «автомобильный туризм, путешествие с проживанием в автодомах или автоприцепах» (англ.*caravanning*).

В.И. Кодухов относит процесс интернационализации к одной из причин «взаимодействия языков» [6, с. 190-201], так как, по его мнению, культурное развитие общества и создание общих ценностей способствует обогащению словарного состава контактирующих языков.

Ведущие учёные-лингвисты обсуждают вопросы, посвящённые процессу интернационализации в современных славянских языках. Особое внимание в их работах уделено недостаточно исследованной проблеме эволюции интернациональной лексики. Для того чтобы процесс лексической интернационализации получил распространение, нужны определенные причины. На них обращает внимание Л.В. Рацибурская, причем в поле зрения ученого находятся социокультурные факторы, связанные «с модой на употребление англо-американизмов, с “рекламизацией” языка <…>» [9, с. 190].

В языке туризма используется интернациональная лексика как туристской, так и других тематических сфер: международных отношений, моды, развлечений, национальных обычаев и традиций, которая может быть представлена и терминологическими, и общеупотребительными словесными знаками, включая разговорные слова. Важным представляется факт, что русский потребитель туруслуг приобщается к западному представлению о мире и языковым реалиям: *сухой паёк – ланч пакет; встреча и перевозка – трансфер услуги.*

Кроме того, отмечается также использование интернациональной лексики в рекламе туризма, так как турпродукт призван осуществлять мечту о модном образе жизни и незабываемых впечатлениях: *кемпинг* в значении ‘турбаза’, *паркинг* ‘стоянка’, *бонус* ‘подарок’, *фитнес* ‘оздоровление’.

В языке туризма к интернациональным словам относится лексема *хедлайнер,* получающая употребление в специальном значении:

Хедлайнеры из мировых туристических и IT-гигантов и самые продвинутые российские компании – на одной площадке [4, с. 1].

В русском языке появление лексемы *хедлайнер* относится к периоду начала XXI века: слово было зафиксировано не в специальном, а общеупотребительном значении ‘наиболее привлекающий внимание публики участник представления, концерта, фестиваля, имя которого стоит в заголовке афиши, выступающий, как правило, в конце’ [10, с. 1056].

В нашем материале лексема *отельщик* и стилистически маркированная в русском языке интернациональная лексема *отельер* (hotelier), с пометой “разг.” – ‘владелец или представитель владельца (топ-менеджер) гостиничного предприятия, имеющий право представлять интересы этого предприятия в отношениях с третьими лицами’ – рассматриваются в группе специальной лексики:

Отельеры Хургады и Шарм-эль-Шейха не собираются повышать цены на гостиницы после открытия египетских курортов для россиян в 2018 году, – сообщил советник министра туризма Египта Амр эль-Эзаби [4, с. 2].

Среди терминологических наименований, входящих в тематическую группу «Туризм», приводятся названия реалий современной туриндустрии, которые являются интернациональными элементами терминосистемы. Общество включается в единую туристическую сеть, и турфирмы в этом процессе выступают средством формирования тенденции сближения английского и русского языков. Система терминологии туризма включает известные термины: *тур* ‘туристический маршрут’, *аннуляция* ‘отказ от поездки’.

Терминосистема туризма, фиксируя в русском языке новые туристские реалии, находится в постоянном динамическом обновлении. Процесс интернационализации лексики и терминологии тематической сферы «Туризм» отражает языковые реалии, благодаря чему взаимосвязанными оказываются и внеязыковые факты современной действительности. Во-первых, в процессе высокой частотности употребления в русском языке заимствованных из латинского языка лексем подтверждается процесс интернационализации языка туристской сферы. Например, лексема *инфраструктура* является в сфере туризма наименованием новой заимствованной реалии. Во-вторых, происходит распространение туристических ценностей, что способствует закреплению заимствованных слов, получивших интернациональный характер. Например, *дайвинг, треккинг, тюбинг* и т.п. В-третьих, в международном туризме усиливается распространение культуры туризма как образа мышления. Туризм становится очень важным наполнением содержания жизни человека, её качества. Например, *ботель, бунгало, кемпинг, пентхаус, ротель, таунхаус, франчайз, хостел* и т.п.

Интернационализмы языка туризма распределяются тематически в нашем материале по следующим группам: сельский туризм и событийный туризм. Досуг в сельской местности позволяет узнать местные традиции, культуру и обычаи жителей сельской местности. Такое рассмотрение лексических единиц, основывающееся на «классификации самих предметов и явлений» [12, с. 20], позволило установить в нашем исследовании интернационализмы современного туристического дискурса.

Заимствованные русским языком слова из английского языка *бренд, кластер,* из французского языка *фестиваль, отель* есть как в русском языке, так и в других языках: их значение ассоциируется с туристическим путешествием, отдыхом.

Понятие «путешествие» [5] в современном туризме может определяться входящими основными семантическими компонентами: развлечения в сельской местности; знакомство со спецификой русской национальной среды. Так, следует отметить распространение широкого употребления наименования следующего вида туризма: событийный туризм – ‘один из видов туризма, ориентированный на посещение местности в определенное время, связанный с каким-либо событием’ [3, с. 49]. В рамках этого мероприятия проводятся:

фестивали национально-этнических традиций и промыслов. Так, знакомство гостей с традициями *псовой охоты* является современным развлечением на празднике:

Деревня Масловка находится рядом с усадьбой дворян Нечаевых, где по заведенной Екатериной II моде в XVIII веке процветала *охота* [4, с. 3].

Общеславянское слово *пёс* имеет, вероятно, первоначальное сходство со значением слова *specio*, заимствованным из латинского языка в значении «сторож» [13, с. 335];

фестивали, в которых участие принимают не только профессиональные спортсмены, но и все желающие, – увлекательные спортивные мероприятия. В современном русском языке распространена реалия, получившая закрепление в языке туризма: играть в *футбол* зимой *в* русских *валенках*:

Необычный футбольный матч состоялся в минувшие выходные на территории спортивной базы, построенной к ЧМ-2018 на Бору – все его участники играли не в привычных бутсах, а в русских *валенках*! [4, с. 4];

фестивали декоративно-прикладных искусств, раскрывающих особенности культур различных народов и коренных жителей регионов России: сходство в культурах стран, использующих в языке туризма интернациональную лексику, отражено в языковых реалиях праздников, фестивалей. В них имеется ряд интернациональных наименований: слово *ремесло* известно ‘ввост.- и зап.-слав. яз.’ [13, с. 388]; *промысел – рукоделие; валяльная мастерская;*

рост популярности одного из туристических событий связан с брендом сельской местности. Так, гастрономический туризм в мире приобретает большую популярность: проводятся фестивали гастрономические, погружающие туристов в «ароматный и вкусный мир» местных традиций. В нашем материале следует отметить также знакомство с деревенским туризмом, репрезентируемое в пищевом коде – имидже местности: *кукурузный хлеб, сало.*

Лексема *хлеб* считается общеславянским заимствованием из герм. яз. Современная форма возникла из др.-русск. хлѣбъ [13, с.477]. Известно вст.-слав. хлѣбъ ἄρτος (Остром.), сербохорв. хлѐб, хљѐб, словен. hlẹ́b, чеш. chléb, слвц. chlieb, польск. chleb) [5]*; сало* (общеслав.др.-русск. сало, болг. са́ло, сербохорв. са̏ло, словен. sálọ) [13, с.399].

Уточняя понятия ‘интернациональное слово’ и ‘международное слово’, которые не следует смешивать [8, с. 46], исследователи выделяют их отличие в использовании в профессиональных сферах деятельности. К международным словам в сфере туризма будут относиться общеупотребительные и специальные слова в русском языке. Например, слово *футбол* оказывается международным, так как является заимствованным и получающим в нескольких языках различие в написании в соответствии с их национальными особенностями. В языке туризма лексемы *дегустация,* заимствованное из французского языка, и *рекреация,* заимствованное из латинского языка, имеющее общеупотребительное синонимичное слово *отдых*, можно считать международными словами.

В русском и английском языках есть слова, которые на двух языках звучат одинаково, но имеют разное значение. Например, англ. «*voucher*» в переводе на русский значит «расписка, поручительство», а рус. «*ваучер*» имеет

в языке туризма другое значение: ‘документ, выданный туристской или транспортной фирмой в подтверждение того, что турист оплатил конкретные виды услуг: проживание в гостинице, питание, экскурсионное обслуживание, проезд на транспорте и т.д., и являющийся основанием для получения этого обслуживания’ [5]. Таких слов, которые похожи на русские слова, в английском языке много, они называются ложными друзьями переводчика.

Таким образом, в интернациональных словах в языке деревенского туризма главные значения совпадают в исторически тесно взаимосвязанных языках. Рассматриваемые нами интернациональные названия относятся к общеупотребительной в русском языке и терминологической лексике туризма. В нашем материале определяются две тенденции: одна из них усиливает национальные элементы словарного состава, вторая же усиливает в русском языке интернациональный лексический фонд.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Лексические интернационализмы и методы их изучения // Вопросы языкознания. 1976. № 6. С. 50-63.

2. Бельчиков Ю.А. Интернациональная терминология в русском языке. М.: Учпедгиз, 1959. 78 с.

3. Биржаков М.Б. Специальные виды туризма: конспект лекций. СПб.: СПбГИЭУ, 2011. 70 с.

4. Источники языкового материала // 1. Портал для профессионалов турбизнеса. Елец, Россия. Статьи. 2019. 6 февраля. URL: https://profi.travel/articles/2 (дата обращения: 23.03.2019);

2. Портал для профессионалов турбизнеса. Елец, Россия. Новости. 2018. 15 марта. URL: https://profi.travel/news/33892/details (дата обращения: 23.03.2019);

3. Праздник псовой охоты «Отъезжее поле-2017» в деревне Масловка Данковского района и торговые ряды с местной продукцией кооперативов. Липецк. Новости. 2017. 16 декабря. URL: http://liptorg-cp.ru/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/prazdnik-psovoy-ohotyi-otezzhee-pole-2017-v-derevne-maslovka-dankovskogo-rayona-i-torgovyie-ryadyi-s-mestnoy-produktsiey-kooperativov/ (дата обращения: 23.03.2019);

4. Футбольный матч в валенках провели в Нижнем Новгороде в преддверии ЧМ-2018. Нижний Новгород. Новости 24. Спорт. 2018. 22 января. URL: https://www.nnov.kp.ru/daily/26784.5/3818444/(дата обращения: 23.03.2019).

5. Карта слов и выражений русского языка. URL: https://kartaslov.ru/(дата обращения: 09.02.2019).

6. Кодухов В.И. Общее языкознание. М.: Высшая школа, 1974. 302 с.

7. Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е (репринтное) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 года / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1998. URL: http://tapemark.narod.ru/les/197a.html (дата обращения: 09.02.2019).

8. Маковский М.М. К проблеме так называемой «интернациональной» лексики // Вопросы языкознания. 1960. № 1. С. 44-51.

9. Рацибурская Л.В. Динамика языковых изменений: интернационализация в современном русском словообразовании // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13-20 сентября 2015 года) / Ред. кол.: Л.А. Вербицкая, К.А. Рогова, Т.И. Попова и др.: В 15 т. Т. 5. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. 248 с.

10. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.

11.Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/

12. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Языковедческие исследования в честь академика Стефана Младенова. София: Бълг. *акад*. на науките, 1967. С. 523-538.

13. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. чл.-кор. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1971. 542 с.

УДК 81 '373.2

ОТОНИМНЫЕ ГЕЙТ-ПРОИЗВОДНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАТЕКСТЕ

ГУРОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА
к. филол. наук, старший преподаватель кафедры дошкольного образования,
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Самара, gurova@pgsga.ru

В статье рассматриваются особенности бытования в русском и английском масс-медийном дискурсе отонимных *гейт*-производных. В рамках сравнительно-сопоставительного метода исследуются структурно-семантические и функциональные характеристики данных языковых единиц; приводятся статистические данные. Делается вывод о превалировании оценочной функции отонимных *гейт*-производных в русском масс-медийном дискурсе; номинативной, аттрактивной и людической – в английском медиатексте.

Ключевые слова: элемент *-гейт*, отонимные *гейт*-производные, коннотативный оним, медиатекст.

Повышенный интерес языковедов к современному медиатексту объясняется его особыми характеристиками: 1) типом и характером информации (важная, необходимая обществу как массовому потребителю; быстротечная, «одноразовая»); 2) «вторичностью» (медиатекст «перерабатывает» другие виды текста, «первичные»), возможностью разнообразных интерпретаций; 3) интегративностью (объединение нескольких

семиотических кодов); 4) многофункциональностью (воздействие на аудиторию путём информирования, убеждения, внушения и т.д.) [5; 7].

Немаловажная роль в приобретении медиатекстами названных свойств принадлежит словообразовательным неологизмам, в том числе созданным на базе онимов. Безусловно, новые производные единицы представляют собой результат лингвокреативной деятельности авторов. Примечательно, что в русском масс-медийном дискурсе нарастает тенденция употребления онимов в качестве производящих слов для неолексем [2; 4; 11]. При изучении данной закономерности следует учитывать фактор, на котором акцентируют внимание Е.П. Иванян и С.И. Айтасова: «Под влиянием различных внеязыковых и собственно языковых факторов онимы приобретают добавочные значения, коннотации, имеющие ассоциативно-образный и эмоционально-оценочный компоненты» [6, с. 131]. Для обозначения таких единиц в лингвистической литературе применяется термин «коннотативные онимы» [12].

Ярким примером коннотативного онима является хрононим *Уотергейт* (в терминологии Е.С. Отина – интерлингвальный, т.е. межъязыковой, узуальный коннотативный хрононим). В «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина фиксируются два значения этого слова: «1. Политический скандал, вызванный раскрытием того факта, что во время подготовки к президентским выборам 1972 года представители правящей республиканской партии США пытались незаконно установить подслушивающую аппаратуру в отеле «Уотергейт», где располагалась штаб-квартира демократической партии (в ходе этого скандала вскрылись многочисленные факты коррупции, лжесвидетельства и т.п., и президент Р. Никсон под угрозой *импичмента* вынужден был в 1974 г. уйти в отставку) <…> 2. *перен.* Вообще какой-нибудь политический скандал, вызванный вскрывшимися фактами неблаговидного поведения (тайной слежки, подкупа, коррупции и т.п.) представителей верховной власти» [8, с. 806]. Уточним, что значение ʻполитический скандалʼ приобрёл и отделившийся от коннотативного онима *Уотергейт* элемент *-гейт*, имеющий в настоящее время статус интернационального словообразовательного форманта. В русском дискурсе данный элемент функционирует как в транслитерированной (*-гейт*), так и в нетранслитерированной (*-gate*) формах.

Цель статьи состоит в изучении структурно-семантических и функциональных особенностей отонимных *гейт*-производных – слов, в которых *-гейт* выступает в качестве второго компонента, а оним – в функции первого. Отапеллятивные *гейт*-производные в настоящей работе не рассматриваются. Источниками исследования послужили: 1) материалы Национального корпуса русского языка; 2) печатные и электронные версии российских газет за период с 1970-х гг. по 2019 г. Наша картотека насчитывает 231 отонимную *гейт*-производную единицу, бытующую в русском дискурсе (общее количество дериватов с компонентом *-гейт* – 349). В рамках реализуемого в исследовании сравнительно-сопоставительного подхода привлекаются материалы английской лексикографии [14; 15] и примеры слов с

-gate из текстов англоязычных электронных СМИ первого и второго десятилетий XXI в. (всего 382 единицы, из них отонимных *гейт*-производных – 204).

Прежде всего отметим ёмкость семантической структуры анализируемых дериватов: они обозначают некую скандальную ситуацию, которая характеризуется мотивирующим онимом. И в английском, и в русском языках оним способен называть участников ситуации (*Малахов-гейт*; *Друзь-гейт*; *Clintongate*; *Camillagate*); её географическую локализацию (*Самара-гейт*; *Пермь-гейт*; *Panamagate*; *Libyagate*), предмет скандала (*Исаакий-гейт*; *Whitewatergate*). Интересно, что, по мнению некоторых учёных-германистов, прототипическое значение суффикса *-gate* (деривационный статус элемента установлен Л.В. Кульгавовой) в английском языке на протяжении сорока лет модифицировалось и в настоящее время определяется как ʻскандалʼ или ʻсекрет, который нужно раскрытьʼ [9, с. 96]. Мы отрицаем бытование в русском масс-медийном дискурсе слов с компонентом *-гейт* в значении ʻсекрет, который нужно раскрытьʼ. При этом утверждаем, что *-гейт* в результате семантического развития подвергся генерализации и участвует в образовании дериватов, обозначающих всякие, не только политические, скандалы.

Проведённый анализ показал, что элемент *-гейт* способен сочетаться с именами собственными практически всех разрядов. Как известно, ядро ономастического пространства языка составляют антропонимы [13]. В примерах из нашей картотеки языкового материала данный разряд имён собственных представлен:

1) фамилией: <...> *в пресловутом* ***«Серебренников-gate»*** *мощно и неожиданно для многих проявило себя низовое общественное мнение* <...>(http://ruskline.ru/opp/2017/sentyabr/13/paradoksy_andropova/;

2) гипокористической формой имени: *Главному демократу Кавказа грозит* ***Миша-гейт*** (Свободная пресса, 20.01. 2010);

3) полным личным именем: ***Шалва-гейт*** (http://www.compromat.ru/page_28202.htm);

4) прозвищем: <...> *и нет ничего удивительного в том, что комментируя* ***«Горбигейт»*** *пресс-служба сослалась на союзное положение от 1970 г.* (Коммерсантъ, 17.10.1992);

5) псевдонимом: *А с наступлением рабочей недели за* ***Кончита-гейт*** *взялись и другие политики* (Газета.ру, 05.12.2014).

Приведём соответствующие номинации с первым компонентом-антропонимом, представленные в английском дискурсе:

а) фамилия: *Reagangate*;

б) гипокористическая форма имени: *Billygate*;

в) полное личное имя: *Penelopegate*;

г) прозвище: *Teflongate*.

Заметим, что антропонимы характеризуются наибольшей частотностью употребления (80%) в качестве первого компонента отонимных *гейт*-производных в русском дискурсе. Между тем, согласно результатам

осуществлённого исследования, в английском дискурсе доля имён собственных этого разряда, участвующих в образовании дериватов с компонентом *-гейт*, существенно меньше (50%). Полагаем, что данный факт объясняется тем, что в современных русских медиатекстах антропонимия становится оценкой общественных явлений, процессов и др. [8]. Считаем возможным признать отонимные *гейт*-производные репрезентацией отмеченного А. Вежбицкой оценочно окрашенного отношения к миру и людям, присущего русской языковой картине мира [3, с. 33-34]. При этом разделяем позицию лингвистов, утверждающих, что в английском дискурсе превалируют номинативная, аттрактивная и людическая функции дериватов с компонентом *-гейт* [10].

Проиллюстрируем другие онимные компоненты *гейт*-производных:

1) хороним: *Ирак-гейт*; *Chinagate*;
2) астионим: *Ульяновск-гейт*; *Scrantongate*;
3) эргоним: *АНТгейт*; *FIFA-gate*;
4) идеоним: *Тангейзергейт*;
5) астроним: *Луна-гейт*;
6) прагматоним: *Кольчуга-гейт*.

Согласно нашему исследованию, в функции мотивирующего онима не представлены зоонимы, мифонимы и теонимы, составляющие околоядерную зону ономастического пространства, а также фалеронимы (названия орденов и медалей), геортонимы (названия праздников) и некоторые другие разряды, относящиеся к периферии.

Несомненно, декодирование отонимных *гейт*-производных и в русском, и в английском дискурсе может представлять сложность для адресата медиатекста. По словам М.Б. Антоновой, дериваты данной структуры являются частично лексикализованными, поскольку суть произошедшего инцидента не ясна [1, с. 176]. В большинстве случаев декодирование отонимных *гейт*-производных возможно только при анализе содержательно-концептуальной информации всего медиатекста.

Резюмируя, назовём общее и особенное в бытовании дериватов с компонентом *-гейт* в русских и английских медиатекстах. В английском дискурсе современное прототипическое значение словообразовательного форманта *-gate* определяется как ʻскандалʼ или ʻсекрет, который нужно раскрытьʼ. В русских медиатекстах фиксируем только значение ʻскандалʼ.

В качестве первого компонента отонимных *гейт*-производных в русском и в английском дискурсе способны выступать имена собственные, составляющие как ядро, так и периферию ономастического пространства языка. Доминирующие функции отонимных *гейт*-производных различны: в русских медиатекстах – оценочная; в английских – номинативная, аттрактивная и людическая.

Список литературы

1. Антонова М.Б. Лексическая номинация на базе малых словообразовательных моделей в современном английском языке: Дис. … канд. филол. наук. М., 2006. 190 с.

2. Бекетова Н.А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах (на материале суффиксальных имен существительных): автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2014. 23 с.

3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

4. Гарбовская Н.Б. Онимные и отонимные новообразования в современных масс-медийных текстах: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 21 с.

5. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь). М.: Флинта, 2014. 264 с.

6. Иванян Е.П., Айтасова С.И. Семантика и функции коннотативных онимов в русском дискурсе // Высшее гуманитарное образование XXI века: Проблемы и перспективы. Материалы шестой Международной научно-практической конференции. Самара: Изд-во Самарского государственного социально-педагогического университета, 2011. С. 131-137.

7. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста // Современный дискурс-анализ. 2012. № 1(6). С. 30-41. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml (дата обращения: 15.03.2019).

8. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2006. 944 с.

9. Кульгавова Л.В. Прототипическое значение слова в динамике (этнокультурные и субъективные аспекты категоризации) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3(21). Часть 1. С. 95-98.

10. Кульгавова Л.В. Динамика концептуальных смыслов и языкового содержания суффикса -gate // Актуальные проблемы современного словообразования: Сборник науч. статей. Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета, 2011. С. 242-247.

11. Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С. и др. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 1. URL: http://evestnik-mgou.ru/en/Articles/Doc/799 (дата обращения: 19.03.2019).

12. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. М: ООО «АТемп», 2006. 440 с.

13. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 43 с.

14. Ayto J. The Longman Register of New Words. Special edition. M.: Русский язык, 1990. 434 p.

15. The Oxford Dictionary of American Political Slang; Edited by Grant Barrett. OxfordUniversityPress, NewYork, 2006. 322 p.

УДК 81

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ АКТУАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

ДАРБАЕВА ЖАНАР КАБДУШЕВНА
к. филол. наук, доцент кафедры русского языка,
Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева,
Казахстан, Петропавловск, zhanara74@inbox.ru

В статье рассматривается актуальная лексика социальных сетей, являющаяся отражением новых возможностей для пользователей интернета в связи с развитием информационных технологий, раскрываются особенности происхождения и функционирования новой лексики, как правило, англоязычного происхождения на материале частной переписки. Сетевой сленг активно осваивается русским языком, в статье отмечается вариантность написания, новые словообразовательные связи, лексическая сочетаемость неологизмов. Актуальная лексика соцсетей отражает не только внутрилингвистические активные языковые процессы, но и направления образования сетевого сленга и сетевой культуры.

Ключевые слова: актуальная лексика, язык, общество, неологизмы, эмодзи.

В наши дни глобальной империи Интернет-индустрии, которая является источником колоссальной информации, невозможно представить современную жизнь без гаджетов, обеспечивающих доступ в социальные сети. Мировая паутина являет собой не только поисковую систему типа Google, но и прежде всего используется как площадка для общения, в первую очередь, представителями молодежи. Социальные сети в русскоязычном Интернете появились не так давно, однако сразу завоевали невероятную популярность, особенно среди молодого поколения. Цель посещения социальных сетей разная: кто-то пытается найти своих одноклассников и друзей, кто-то слушает любимую музыку, кто-то читает новости и хочет быть в курсе частной жизни своих знакомых, а для кого-то соцсети являются удобным способом поддержания дружественных связей. Потребность использования социальных сетей увеличивается с каждым днем, ежедневно в них регистрируются пользователи самой разной возрастной категории. Психологи бьют тревогу, отмечая, что общение в социальных сетях становится опасным времяпровождением, превращаясь в образ жизни многих современных людей. Виртуальное общение породило особый язык – язык виртуального общения. К причинам появления и распространения сетевого языка исследователи относят прежде всего скудность лексического запаса пользователей, сильное желание казаться оригинальным.

На наш взгляд, актуальная лексика соцсетей является объектом пристального внимания лексикологов. Широкое изучение получила профессиональная общесетевая интернет-лексика: «чайник» – молодой программист без опыта, «движок» – основное ядро компьютерной программы. Слово «тачка» раньше обозначало автомобиль, а в сетевой культуре имеет значение «компьютер», «админ» – администратор соцсетей, «вирус» – мельчайший микроорганизм, возбудитель заразной болезни в компьютерах.

Наблюдается тенденция трансформации терминов посредством сокращений: компьютер – комп, винчестер – винт, клавиатура – клава. Повсеместно используются термины английского происхождения, имеющие эквивалент в русском языке: админ, модератор, аккаунт, аватара, хард драйв, хард диск, хард, тяжелый драйв-harddrive (жёсткий диск, винчестер), онлайн, спам, бот, флуд.

Актуальная сетевая лексика – одна из самых открытых и изменчивых систем в современном русском языке, пополняется как посредством внедрения иноязычных заимствований (фэйсбук-лента, фолловер, твипл, лайк) и семантического переосмысления известных слов, так и за счет активных словообразовательных процессов, а также путем намеренного искажения звуковой формы слова:

Имхо – заимствование с английского: in my humble opinion – означает по моему скромному мнению:

Имхо, ей здесь не место (*WhatsApp).*

Аффтар – переиначенное слово автор;

11.04.18: Аффтор,ну ты даешь!!!Япацстолом!!!!Ржунимагу!!!! (INSTAGRAMM).

Тормозить, виснуть – крайне медленная работа программы или компьютера;

08.04.18: Компы зависли, тормозят (*WhatsApp).*

Крыса - компьютерная мышь;

03.05.18: Крыса моя сдохла, ей уже 3 года (*WhatsApp).*

Стрелялка – вид игры;

01.09.18: Ну хоть в свои стрелялки перестанет играть, за ум возьмется (*WhatsApp).*

Аватарка (ава) – (от англ. avatar) – графическое представление пользователя, его альтер-эго, игрового интернет-персонажа;

04.03.19: Смени свою аватарку (*WhatsApp)*.

Свайп (от англ. swipe) – проводить не отрывая, скользить по изображению;

03.08.18: Свайпните вверх по ссылке, друзья, и вам откроется доступ к моей новой странице (*WhatsApp).*

Бан – (от англ. ban, /bæn/ – запрещать, объявлять вне закона) – запрет на общение (общее или только через микрофон);

10.06.18: Забанить можно за оскорбление (*WhatsApp).*

Юзер (от англ. User) – рядовой пользователь компьютера;

09.05.18: Юзать в гугле умеешь? Ищи себе хобби по душе (*WhatsApp).*

Чат (chat) – виртуальное место встречи в Интернете;
15.03.18: Приглашаю к себе, здесь уютно и пахнет выпечкой. Можно чатиться днем и ночь (FACEBOOK).

Спам (от англ. Spam) – ненужные адресату электронные послания, рекламные письма и т.п., рассылаемые отдельными фирмами по интернету или электронной почте;
16.02.19: Хватит спамить. Займитесь делом (FACEBOOK).

Троль (от англ. Troll) – пользователь, осуществляющий троллинг, под которым понимается форма социальной провокации или издевательства в сетевом общении;
05.02.18: Ребят, я к вам с печалькой, у нас появился тролль, прошу, если вы видите сообщения негативного типа, нажмите на кнопку «пожаловаться» (FACEBOOK).

Френд (от англ. Friend) – друг в социальной сети;
05.02.19:Алиса и Макс засветились в ленте, теперь всем ясно, что они зафрендились, а ведь недавно были злейшими врагами (FACEBOOK).

Лайк (от англ. like ') – выражение признания и одобрения опубликованной пользователем фотографии, поста, осуществляющееся посредством нажатия кнопки, в результате чего появляется знак «сердечко». Есть производное слово лайкнуть; 04.07.18: Лайков мало, ребята, инстаграмм не пропускает публикацию, и мы не в топе. Лайкните, пожалуйста, мой новый пост! (FACEBOOK).

Репост (repost от англ. re - 'снова, ещё раз'; post) – повторная публикация поста в пределах одного ресурса;
05.06.18: Репосты приветствуются, друзья. Репостите, чтобы как можно больше людей видели мои публикации(INSTAGRAMM).

Лук – аналог английского «look», что можно перевести как «внешность»;
04.03.19: Лучок мой красивый, да? (INSTAGRAMM).

Обращает на себя внимание, что существительные в форме ед.ч. приобретают окончания форм множественного числа: френд – френды, бот – боты, тролль – тролли, админ – админы, модер – модеры.

Степенью освоения актуальной лексики является и то, что новые слова полностью подчиняются законам словообразования русского языка, спряжения или склонения: коммент (сущ.) – комментить (гл.); френд (сущ.) – френдить (гл.), френдовый (прил.); спам (сущ.) – спамить (гл.); блог (сущ.) – блоговый (прил.); фэйсбук (сущ.) – фэйсбуковский (прил.); лайк (сущ) – лайкать (гл).

Социальные сети представляют собой продукт развития интернет-технологий, посредством которых любой пользователь может иметь в Интернете свою личную аватарку, персональную страницу, которая включает портрет его личности. Вследствие этого безграничная возможность загрузить в соцсети личные фотографии диктует появление модных направлений фотосессии и появление наименований таких направлений:

Селфи (от англ. self) – автопортрет, снятый на переднюю камеру мобильного телефона, производное слово от него – селфить;

02.03.19:Я немного поспамлю, сегодня в ленте будет много селфи (INSTAGRAMM).

Лук (от англ. look) – образ, стиль в одежде;

03.03.19:И как вам мой новый лук? (INSTAGRAMM).

Мамфи (от англ. mother + selfie ') – фотография с мамой;

01.09.18: Моя мамочка, и наш нежный мамфи (INSTAGRAMM).

Белфи (от англ. butt - 'ягодицы, попка' и selfie) – фотография с участием ягодиц.

Лифтолук – разновидность лука, снимок, сделанный в зеркало лифта; одно из самых популярных проявлений селфи;

09.08.18: Давно я вам не показывала лифтолук, зацените-ка (INSTAGRAMM).

Дакфейс (от англ. duckface ') – вид снимка в стиле селфи с так называемым «утиным лицом», когда человек неестественно надувает и вытягивает губы при позировании для фото;

12.09.18: запарила она со своими дакфейсами, губы-то накачанные (INSTAGRAMM).

Релфи (от англ. relationship selfie ') – фотография с любимым или близким человеком.

12.03.19: Ловите наше релфи с Игорем (INSTAGRAMM).

Особенностью написания слова в виртуальном пространстве стало то, что их часто употребляют без подчинения правилам правописания. Интернет-тексты пишутся «второпях», в них пропускаются знаки препинания, прописные буквы, используются многочисленные сокращения и опечатки: «компьютер», его пишут через «а», потому что в интернет-сленге это слово звучит «капм»; короче» – сленг «кароч»; «конечно» – сленг «конеш»; «пожалуйста» – сленг «пжлст»; «спасибо» – сленг «спс»; «сейчас» – сленг «щя» и т.д. Так же изо дня в день растет количество людей, использующих в электронной переписке хэштеги и эмодзи (emoji). Эмодзи – язык нового поколения, графический язык, где вместо слов используются сочетания картинок, широко используемые при общении в интернете. В последние пять-десять лет эмодзи в качестве аналога знакомого смайлика стал популярным в современных социальных сетях и используется миллионами людей в интернет-программах для отправки сообщений, как WhatsApp, при записях на стене, комментировании в сетях VK, Facebook и выставлении фотографий в сети Instagram. Бум в использовании графических символов в современном обществе приводит к тому, что эмодзи стали неотъемлемой частью культуры. Современные ученые предлагают изучать язык смайликов, эмодзи и других средств «невербальной коммуникации» в сети для определения настроения авторов сообщений и выявления черт характера их личностей. Современные борцы за чистоту языка отмечают, что эмодзи выявляют неспособность вербального выражения своих мыслей и совершенно не побуждают молодое поколение работать над своим стилем и слогом, что заметно останавливает подростков в развитии вербальных умений. Употребление смайлов и эмодзи – своеобразный костыль, которым пользуются люди, так и не освоившие грамматику языка. Информативность и

краткость современных сообщений приводят к обеднению языка, исчезновению из активного словаря актуальных слов и понятий. Интересно отметить, что в ходе исследования многие современные школьники не видят принципиальной разницы между использованием грамотно составленных предложений и сокращенных слов, и на вопрос о сокращении слов получаем однозначный ответ «Зачем писать грамотно? Всё равно Word подчёркивает, словарь Т9 заменяет. Возникает печальная тенденция: язык смайликов – сокращение речевых единиц – частичный отказ от языка – нарушение развития речи у детей – передача своих дел технологиям – введение новых правил – полный отказ от языка – поколение, которое не владеет навыками построения грамотной речи.

Анализ актуальной лексики соцсетей показывает, что обычные слова находятся на втором плане, а неологизмам присуща экспрессия и эмоциональность. Особенными чертами языка современности является американизация, следование окказиональной моде, а также осознанный отход от литературной нормы.

Список литературы

1. Козыревская А.В., Осипов В.Е. Современное информационное пространство, его влияние на образование и социализацию человека // Вестник восточно-сибирской государственной академии образования. Иркутск, 2010. Вып. 12. С. 24-30

2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005.

3. Алябьева Е. О социальных функциях блоггов в современной России // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet. Блоги: новая реальность / Под ред. Волохонского В.Л., Зайцевой Ю.Е., Соколова М.М. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006.

УДК 811.161.1.37; 811.161.1.28

СЕМИОТИКА ЛЕКСИКИ, РЕАЛИЗУЮЩЕЙ ВЕРОУЧИТЕЛЬНЫЕ ИДЕИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ДУБРОВИНА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА
д. филол. наук, профессор,
профессор кафедры русского языка,
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов, post@tsutmb.ru

В настоящей статье анализируется семиотическое содержание лексики, эксплицирующей идеи христианства в русском языке, как явления языкового и духовно-религиозного плана. Определяется языковая картина мира народного христианства; в связи с

этим формируется лексический состав диалектных данных русского языка, намечаются возможности их распределения и систематизации в общей классификационной схеме.

Рассматривается реализация ключевых образов и обрядового опыта вероучения в повседневном (обыденном) сознании, вобравшем в себя за многие века существования христианства на восточнославянской территории его конфессионально-религиозное содержание. Исследуется влияние религиозных форм на язык и народную культуру.

Ключевые слова: лексика христианства в русских диалектах, тематический состав, семантические поля, репрезентанты.

В последние десятилетия изучение народного христианства стало одной из самых популярных тем этнолингвистики и других антропологических направлений. Вопросы соотношения языка и культуры, языка и религии находятся в плоскости «общего места» многих лингвистических исследований, с разных позиций выявляющих закономерности народной картины мира.

На протяжении ряда лет мы проводили исследования, целью которых являлось выявление и комплексный анализ лексики христианства, утверждающей представления о вере и православии в русских народных говорах на фоне общей лексической системы русского языка. Подробное изложение работы и результаты содержатся в соответствующих теме публикациях – монографиях «Народное православие на Тамбовщине (опыт этнолингвистического словаря)» (2000), Тамбовщина в контексте духовной культуры (филологические очерки) (2001), «Христианская лексика в русском диалектном изводе» (2005), «Состав и системная адаптация лексики православия в русских диалектах» (2012), филологических очерков «Тамбовщина в контексте духовной культуры» и статьях.

Разнообразие денотативной соотнесённости лексики, эксплицирующей христианство в диалектах русского языка, предопределило пристальное внимание к её тематике. Тематический состав христианской лексики чрезвычайно разнообразен: это языковые реализации сложившихся в христианстве представлений о вере, храме, службах и требах, конфессиях, книгах, праздниках, святых небожителях и силах зла, иконах, молитвах, правилах поведения и семейного уклада, церковном этикете. Область народной религии в диалектном языке представляют самые разнородные по содержанию реалии и объекты мыслительной сущности – качества и свойства, числа, обозначения обрядов, действий и состояний, объекты природного мира, материальные предметы и вещества, топонимия. Тематические группы лексики совпадают с разделами традиционной народной культуры.

«Лексика веры и церкви» или «христианская (православная) лексика» носит антропоцентрический характер, так как направлена на человека, осмысляющего духовные ценности религии в пространстве жизнедеятельности. Антропоцентризм лексики, эксплицирующей представления о вере и церкви в русском континууме, заключается в разнообразии тематики народного православия и образности его языкового выражения, формирующих отношение человека к миру природы и окружающим людям. Лексические единицы (в первую очередь это положение касается вторичных номинаций), во-первых,

выявляют ценностное отношение человека к реалиям с точки зрения их соответствия его интересам и потребностям и, во-вторых, эксплицируют познавательное отношение к действительности. Познавательный смысл имеет изучение денотативного ряда семантических полей и идеограмм с аксиологических и когнитивных позиций, «возвращающих» человека в язык, активно развиваемых в современной лингвистике (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, О.В. Белова, В.Д. Бондалетов, А. Вежбицкая, Т.И. Вендина, А.Ф. Журавлев, Е.С. Кубрякова, Ю.М. Лотман, С.А. Мызников, С.Е. Никитина, Т.М. Николаева, Н.И. Толстой, С.М. Толстая, А.Д. Шмелев, Т.Б. Юмсунова и мн. др.).

Полагая полное представление христианской лексики по всем областным словарям русского языка затруднительным, осуществимым только теоретически, мы сосредоточили свои усилия на региональном уровне и обратились, во-первых, к собирательской практике на основе составленной программы, далее ограничиваясь фактами личной картотеки по Тамбовской области и выборками региональных фактов из различных источников. Задача презентации лексического массива христианства была выполнена на основе отдельных выразительных, контекстуально подтверждённых примеров.

В качестве основных источников мы прибегали к следующим «областным» словарям: «Словарю русских народных говоров» под ред. Ф.П. Филина, «Архангельскому областному словарю», «Псковскому областному словарю с историческими данными», «Словарю говоров Подмосковья» А.Ф. Ивановой, «Словарю русских говоров Башкирии», «Словарю брянских говоров», «Словарю вологодских говоров», «Словарю русских донских говоров», «Словарю русских говоров Забайкалья», «Словарю областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» Г.И. Куликовского, «Словарю русских говоров Карелии и сопредельных областей», «Словарю русских говоров Новосибирской области», «Словарю русских старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби», «Словарю просторечий русских говоров Среднего Приобья», «Словарю говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», «Словарю смоленских говоров», «Словарю говоров Соликамского района Пермской области», «Смоленскому областному словарю» В.Н. Добровольского. Активно использовался также уникальный этнолингвистический словарь «Славянские древности» (1995-2012), разработанный коллективом сектора этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.

Исходя из того, что языковая концептосфера христианства объединяет три семиотические системы – языка, религии, культуры и представляет синтез языка и ментальных представлений о мире, мы составили иерархическую картину лексики народного православия, распределив имеющиеся у нас данные по семантическим полям с учётом перспективного структурного расширения при возможном вводе нового материала. Идеографическая картина лексики народной веры показала, что в семантические поля войдут, во-первых, обозначения, именуемые «церковной практикой» (названия служб, реалий),

названия праздников, именослов христианства и др.); во-вторых, словарные образования, не имеющие отношения к семантике христианства, но формально привязанные к ключевым словам религиозной сферы через исходную лексему (*бог, аминь, благо*). Последние можно назвать «формальными» единицами христианской лексики. Речь идёт о таких номинациях, как *божок* в значении ʻидолʼ; *аминь,* башк. ʻокончание работʼ; *амишка,* псков. ʻошибка, промахʼ; *сблаговестить,* твер. ʻукрастьʼ. Ср. также *пёстрая неделя,* забайк. ʻнеделя перед Масленицейʼ.

Весь лексический состав, все диалектные данные были распределены и систематизированы в общей классификационной схеме, представленной иерархически с распределением в семантические поля (крупные объединения) и идеограммы (детальные объединения). Были определены 18 семантических полей лексики и 99 идеограмм, объединяющие более 1760 лексических единиц. В составе идеограмм представлены также слова и словосочетания, ни семантически, ни формально не связанные с библеизмами или церковью, «религиозно не отмеченные», но «встроенные» в нравственный и обрядово-религиозный комплекс народной традиции. Среди них такие, как *убогие блины* ʻблины, специально изготовленные для нищихʼ; *тоща,* урал. ʻвремя великого говеньяʼ; *суди Бог* ʻсудить, осуждатьʼ и др.

Самый общий взгляд на семантические поля не оставляет сомнений в разности их объёма. Частотный анализ собранного материала показал, что к обширным семантическим полям относятся «календарь», «акции», «артефакты», «конфессии», далее идут «люди», «признаки и свойства», «локусы», «этикет», «флора» и др. (в порядке убывания по количеству приведённых манифестантов). Отдельные номинации имеют такую широту и всеохватность, что их лексическая представленность является «сквозной» для всех других полей и идеограмм. Таковыми являются обозначения обрядовых действий, церковных служб, главных праздников, локусов, молитв. Важное место в ряду христианской лексики занимают артефакты, называющие святые предметы и известные диалектам предметы церковного обихода. Наиболее выразительными реализаторами оппозиции крайних ценностей добра и зла являются «концепты», «силы небесные», «люди». Важнейшую общекультурную, ценностную и языковую информацию о вере содержат слова-концепты, номинации которых являются первичной базой для вторичных образований по всем семантическим полям и идеограммам. Разность объёма семантических полей наводит на мысль о том, что в ходе дальнейшего исследования следует, по-видимому, уделить более подробное внимание сравнению количественного состава семантических полей.

Тематическое распределение полей нарушается переходом слов одних групп в семантические пространства других при их тесном культурно-семантическом сближении. Так, основные концепты народного православия (*Бог, Христос, Богородица, ангел, святость*) составляют «персонажи и образы народной веры» и являются исходными лексемами других идеограмм. Слово «ад», относящееся к концептам, можно рассматривать также в сакральном

пространстве «локусов». Дата церковного новолетия ʽпервое сентябряʼ интерпретируется народной легендой, записанной в среде старообрядцев, и раскрывается в семантическом поле соматизмов (*адамово яблоко*), обращение к Богу (*Бог, Христос, Господь*) является главным лексическим элементом речевых формул в семантическом поле «этикет» и т.п. Границы семантических полей пластичны, идеограммы пересекаются между собой.

Идеографическая картина диалектной лексики раскрывает условность термина «христианская лексика». Материал отражает лексику, по крайней мере, двух религиозных систем, сформированных в среде восточного славянства, – языческой и христианской, свидетельствует о контаминации этих систем и их взаимовлияниях. Христианская лексика, функционально призванная выражать убеждения христианства, развивалась в лоне славянской архаической народной культуры, вбирая в себя её особенности и черты. Одновременно идеи и легенды христианства влияли на формирование новых образов, воплощенных в языке. «Христианская лексика» является, собственно, не лексикой конфессии или лексикой христианства по отношению к другим религиям, а лексикой народного христианства или народного православия, отражающей духовное мировидение народа на русской (шире – восточнославянской) территории.

С другой стороны, правомерна, по-видимому, постановка вопроса о разных статусах христианской лексики. Круг понятий, касающихся концептуальных понятий христианства, церковной обрядности (службы, требы, чины, места храма и т.п.), невелик. По происхождению эти понятия представляют как заимствованную из церковнославянского, так и исконно русскую лексику (ср. диалектные церковнославянизмы «анхирей», «просвященный владыка», «диякан», «анхимандрит», «реген», «красный поп» и общеславянские слова: обращения - «владыка», «матушка», «батюшка», название литургии «обедня», вечерней службы – «вечерня»). Эти обозначения, кроме названных здесь обращений, являются «церковными», они эксплицируют вероучение и церковную обрядность. Терминологию данного плана, развившуюся из обычаев церковной практики, можно назвать христианской лексикой в узком смысле.

Переосмыслению могут быть подвергнуты и другие малопонятные заимствованные слова: *мефимоны* (греч. μεθήμῶν) – название церковной службы, совершаемой вечером в понедельник, вторник, среду и четверг первой недели великого поста, когда читается покаянный канон святого Андрея Критского.

По нашим данным, в тамбовских говорах (кстати, как и в северных говорах русского языка, например, по данным О.А. Черепановой) слово *ефимоны*, мн. [йиф’имо′ны] осмысляется со значением ‘персонажи зла’. «*Ефимоны – зло, сатана*» (Домнинососн.). «*Йиф’имо́ны – стра́шныи сущиства́ ти́па драко́на. Ничи́стыи. Вы ни далжны́ гавари́ть тако́е сло́ва . Э́та жа гре́х како́й!!!*» (село Перкино, Сосновский район). Эти заимствования, наряду с положительными образными номинациями, такими, как *боговый конёк* ʽкузнечикʼ, *божья коровка* ʽCocinellasemptempunctataʼ (ср. болгарское

божакравичка ʻобозначение кроткого добродушного человекаʼ) моделируют элементы народного традиционного сознания посредством языка. Они составляют поле христианской лексики в широком понимании.

К ним примыкают языковые единицы, выступающие как знаки языческой культуры, которые невозможно признать исконной по происхождению лексикой христианства, но в то же время сложно отделить от устоявшейся культуры христианства, так как они вошли в народную культуру и притягиваются к реалиям, устойчиво связанным в крестьянском сознании с календарем и обрядностью православия (*приземлять*; *спустить воду* с иконы, *пастухи* (на Рождество); *каток, крашеное яйцо* на Пасху). Эти языковые единицы (слова, словосочетания) тесно «встраиваются» в тот или иной обрядовый комплекс и приурочены к той или иной дате церковного календаря. По функции и употреблению они являются, прежде всего, знаками традиционной культуры, выполняя определенные семиотические функции, а в языке – общеупотребительной лексикой (зерно, яйцо) и терминологией народного обряда («засевать зерно», «христовское яйцо»). В то же время их невозможно отделить от символов, агионимии, идей христианства, так как они тесно коррелируют с ними, поддерживая языковой симбиоз архаических и христианских мотивов, сложившийся в течение веков.

С этими словами связаны несвойственные для канонического значения обрядовые функции вещей – случаи «суеверного» употребления церковных реалий в народном обряде. Речь идёт о таких явлениях, как «языческое» употребление благовещенской просфоры при первом севе («благовещенская просфора» и архаическое, ритуальное битьё лошади *благовещенской просфорой*, навязанной на кнут); употребление иконы или свечи в магии заговора, лечения, ворожбы. Показательно в этом плане зафиксированное В.И. Далем обращение к «завесе» при царских вратах храма при её открытии - «отдёржке» (*Шаркни, Господи… по моему здоровью*).

Пример В.И. Даля далеко не единичен. Случаи суеверной магии во время богослужения живут в сельской местности и по сей день. В 1999 году нами было записано одно из таких сообщений продуцирующей магии от информаторов из деревни Тёкино Сампурского района Тамбовской области. Судя по сообщению, «…ранее, во время пасхальной службы все девушки, желающие выйти замуж, тихонько пришёптывали такой приговор: «*Воскресенье Христово , пошли мне жениха холостого в чулчóнках , да в порчóнках. Дай Бог жениха хорошего, в сапогах да с калошами, не на корове, а на лóшаде*». Именование таких действий-приговоров не зафиксировано, они не отмечены терминологически. По характеру, это языческие ритуалы: происходит замена молитвы как главного обращения ко Господу и вера в молитву на некий продуцирующий ритуал, наложение обыденного сознания (по сути, языческого, чуждого христианству) на христианский праздник, службу, святыню великого дня, но было бы неверным заключить, что само сознание носителя диалекта является языческим и «отменяет» понимание значимости предстояния на литургии святой Пасхи. Диалектоносителем подобная просьба

рассматривается как благопожелание в сопутствующей «благу» обстановке храма. Для исследователя ритуальные окказионализмы подобного плана составляют региональную диалектологию обрядов.

В идеографическом синопсисе единиц номинации нашли отражение все сферы народной религиозной ментальности. Приоритеты креативного сознания «народного православия» номинируют явления материального и духовного миров, базируясь на истинности официального вероучения. Христианской лексике присущи тенденции адаптации книжных слов и тенденции корреляции с «обычными» (культурно и религиозно не отмеченными) словами.

В соответствии с перечисленными теоретическими подходами изучаются тенденции, действующие внутри лексики народного православия. В настоящее время ведущим методологическим подходом современной лингвистической мысли становится парадигма антропоцентризма, предоставляющая возможность преломить лексическую систему языка сквозь призму мировосприятия человека. «Христианская лексика» находится в кругу антропоцентрических проблем, но ее характеристика будет односторонней, если мы не обратимся к действующей внутри нее тенденции теоцентричности. Теоцентричность является основной функцией и особенностью христианской лексики, определяя тем самым и русский язык как язык-носитель божественной истины христианства в целом. Она проявляется в вовлечении именуемых объектов в сферу христианской сакральности, что избирательно отражено, например, в качественных именованиях людей (*христов человек, христорад, божа, божанин, душа-человек)*, групп людей (*христолюбивое воинство*), фразах народного этикета (*Оборони Бог! Помогай Бог трудиться!),* церковных действий (*оход* 1) ‘просто обход’, 2) ‘крестный ход’), названиях небесных светил (*Дорога Господня* ‘Млечный Путь’), метеорологии, топонимии и других группах лексики.

Лексика народного православия теряется вместе с исчезновением диалектов русского языка и уходом из жизни форм народной традиционной культуры. Русский язык уникален, велик своим прорывом по вертикали ввысь и достоин бережного сохранения. Христианское вероучение не осталось в пределах церковнославянского языка, не составило особого закрытого арго в литературном языке, оно заполнило все сферы живого русского языка, отражая языковую реальность в мыслительной и познавательной практике народа – носителя этого языка, преемника своей этнической культуры, истории и продолжателя христианской традиции.

Список литературы

1. Бадаланова Ф. Болгарская фольклорная Библия // Живая старина. 1999. № 2 (22). С. 5-7.

2. Бартминьский Е. Образ мира в польской народной традиции // EthnolinguisticaSlavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. М., 2013. С. 26-41.

3. Белова О.В. Библейские сюжеты в восточнославянских народных легендах // Восточнославянский этнолингвистический сборник: Исследования и материалы. М., 2001. С. 118-151.

4. Белова О.В. «Народная Библия»: Восточнославянские этиологические легенды / Белова (сост. и коммент.); отв. ред. В.Я. Петрухин. М.: Индрик, 2004.

5. Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

6. Королева Е.Е. Этнолингвистический аспект диалектологических исследований // Проблемы современной русской диалектологии: Тез. докл. межд. конф. (23-25 марта 2004) / Ред. колл.: Л.Л. Касаткин (отв. ред.), О.Г. Ровнова, Т.Б. Юмсунова. М., 2004. С. 79-80.

7. Черепанова О.А. Кем «полохали» детей на Руси // Живая старина. 1994. № 1. С. 23-26.

8. Юмсунова (Моррис) Т.Б. Современный язык староверов Орегона // Язык, книга и традиционная культура позднего русского средневековья в жизни своего времени, в науке, музейной и библиотечной работе XXI в.: Труды II международной научной конференции. (Мир старообрядчества. Вып. 8). Москва, 2011. С. 328-346.

УДК 81-26

УРОВНИ ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ С ПОЗИЦИЙ АСИММЕТРИИ ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ

ЕВГРАФОВА СВЕТЛАНА МАРАТОВНА
к. филол. наук, доцент кафедры русского языка,
Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, г. Москва, evgraffs@yandex.ru

В статье язык рассматривается как асимметрично организованная система, различные уровни которой ориентированы либо преимущественно на обеспечение процесса понимания высказываний, либо на обеспечение процесса их порождения. Синтаксис и механизмы формообразования нацелены в первую очередь на порождение высказывания; лексика обеспечивает понимание даже в условиях асинтаксического построения высказывания, при некорректном использовании окончаний. Механизмы словообразования ориентированы двояко: изосемические дериваты помогают пониманию, а неизосемические являют собой особый словообразовательно-синтаксический механизмом, который обеспечивает вариативность вхождения некоторого закрепившегося в языке лексического значения в тексты.

Ключевые слова: грамматика, языковые механизмы, понимание текста, порождение высказывания, словообразование, неизосемический.

Невероятная сложность языка как системы неизбежно приводит к тому, что описание отдельных языковых феноменов заставляет пренебрегать межуровневыми связями; однако обращение к тексту убеждает в том, что без

изучения глубинных отношений между лексикой, морфологией, словообразованием, синтаксисом и семантикой нельзя решить ни вопросы понимания текста, ни вопросы его порождения, ни проблемы методики обучения родному языку.

Наблюдения за пониманием и порождением текста выявляют асимметрию языковой системы. Психологи установили, что среди семи базовых интеллектуальных способностей человека две связаны с речью – это способность понимать речь («переводить» линейную последовательность слов в образное представление о ситуации) и способность порождать речь (это способность быстро формировать линейную последовательность слов, отображающую адекватное представление о ситуации) [7, с. 17].

Асимметрия обнаруживается и при анализе ошибочных высказываний. Исследуя ответы студентов на вопрос по содержанию лекции[2], можно заметить, что порождение высказывания нередко происходит без понимания ситуации или при частичном ее понимании; при этом пишущий подбирает синтаксически оформленные клише, которые он к этому времени освоил, к ключевым словам заданного вопроса – и ни о каком умении быстро преобразовывать глубинную структуру в поверхностную речь не идет. Пожалуй, единственный вид речевой деятельности, при котором говорящий / пишущий порождает текст, глубоко анализируя все оттенки смысловой структуры, – это творчество для самовыражения.

Компоненты языковой системы по-разному ориентированы на процессы понимания и порождения, хотя и тесно связаны между собой: синтаксис формирует высказывание; лексика является ключом к когнитивным структурам – фреймам, понятиям и проч. [7, с. 92]; формообразование (система окончаний) примыкает к синтаксису, организуя последовательность слов в тексте. Однако у формообразования есть важное свойство – контролировать правильность готового текста – своего и чужого.

Окончания помогают разметить синтаксически связанные слова, которые должны быть связаны и семантически: *Мы побывали на экскурсии **в** Ботаническом **саду** Московского университета «Аптекарский огород», заложенн**ом** еще Петром Первым в 1706 году*. Эта разметка особенно важна при чтении сложно организованных текстов. На практике в условиях господства спонтанной устной и необработанной письменной речи синтаксический контроль за текстом ослабления функция контроля чаще остается невостребованной [2, с. 242]. Все преподаватели отмечают, что в текстах диктантов и собственных сочинений пишущие стали часто делать грамматические ошибки – нарушать правила согласования и управления; например, в Тотальном диктанте 2019 г. было много работ, в которых вместо *обещая обитател**ям** ночлежки светлое будущее* было написано *обещая обитател**ем** ночлежки светлое будущее*, хотя управление *обещать – кому* является сильным.

Сбои в такой «синтаксической разметке», конечно, несколько затрудняют понимание. Сравним неправильные варианты: *Мы побывали на экскурсии **в***

Ботаническом ***саду*** *Московского университета «Аптекарский огород», заложенн****ого*** *еще Петром Первым в 1706 году* и *Мы побывали на экскурсии* ***в*** *Ботаническом* ***саду*** *Московского университета «Аптекарский огород», заложенн****ый*** *еще Петром Первым в 1706 году*; первый вариант приписывает императору честь основания университета, второй грамматически недопустим (в русском языке приложение не может перехватывать управление синтаксическими связями, приписанными к их хозяевам).

Если все участники коммуникации хорошо знакомы с ситуацией, то такая асинтаксичность высказывания не мешает пониманию [2, с. 241]. Но при работе с более сложными текстами, в которых надо устанавливать отношения между абстрактными понятиями, то есть при восприятии научного, официально-делового, публицистического стиля, этот дефект речепорождения иногда становится критическим. Приведем пример: на этапе разработки «Стратегии развития воспитания…» (https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html) в Интернете был размещен вариант текста, содержавший такой фрагмент:

Именно стратегия должна определить ***комплекс действий****, направленных* ***на обеспечение воспитания*** *подрастающего* ***поколения****, адекватн****ой*** *динамик****е*** *социально-экономическ****им*** *и социально-политическ****им*** *изменени****ям*** *в жизни России* (rospsy.ru›…Strategiya_razvitiya_vospitaniya.pdf)

– точно интерпретировать такой некорректно оформленный текст невозможно.

Судя по данным онтолингвистики, в бытовом общении понимание первично и всегда опережает речь [6, с. 39]: в частности, для освоения падежной системы необходимо вначале освоить субъектно-объектные и прочие отношения. Ошибки в использовании словоформ свидетельствуют не о том, что пишущий не может справиться с установлением субъектно-объектных отношений в обсуждаемой ситуации, а о том, что при порождении текста он использует готовые синтаксические клише, не контролируя корректность семантико-синтаксических соответствий в итоговом тексте.

Итак, механизмы формообразования ориентированы в большей степени на порождение текста, в том числе на контроль правильности его порождения. Теперь обратимся к механизмам словообразования. На первый взгляд, словообразование – это способ пополнения лексикона, и потому словообразование должно быть ориентировано на асинтаксичное понимание, а не на синтаксически ориентированное порождение текста; это подтверждается вниманием к внутренней форме слова – см. [3, с. 201]. Однако это не совсем так.

Следует отметить, что количество производных слов в русском языке в десятки раз превосходит количество непроизводных; даже заимствования имеют шанс закрепиться, только если они порождают словообразовательные гнезда [5, с. 211]. Дериваты часто меняют частеречную принадлежность: *белый – беловатый, белизна, бельё – бельишко, бельевой – бельевая* (помещение), *белеть, белить / побелить – побелка, белила, отбелить / отбеливать – отбеливание, отбеливатель*; при освоении заимствований: *компьютер –*

компьютерный, компьютерщик, компьютеризовать – компьютеризация и проч.

Здесь мы сталкиваемся с одним из языковых феноменов, обнажающих системную сущность языка; речь идет о словах, находящихся на морфологической периферии, у которых общеграмматическое, частеречное значение (значение действия, предмета, признака) противоречит их частному значению; в терминологии школы Г.А. Золотовой приблизительно это явление называется неизосемическими подклассами слов [4, с. 44].

Присмотримся: деривация в пределах одной части речи выполняет преимущественно номинативную (*библиотека – библиотекарь, красный – красноватый*) и/или экспрессивную функцию (*книга – книжка – книжечка – книжонка*); такие дериваты связаны в первую очередь с механизмами понимания текста. Однако дериваты с измененными частеречными характеристиками всегда выполняет не только номинативную, но и синтаксическую функцию: радикально меняется синтактика слова, расширяются возможности вхождения слова в текст (*Я слушал, как он читает, и восхищался тем, как красиво звучит немецкий текст // Я слушал его* ***чтение*** *и восхищался* ***красотой звучания*** *немецкого текста*).

При использовании дериватов с нестандартным соотношением грамматического частеречного и лексического значения говорящий / пишущий указывает на то, что поверхностная синтаксическая и глубинная семантическая структуры данного высказывания находятся в нестандартном соотношении. Например, при стандартном соотношении субъект действия должен выражаться подлежащим, а при нестандартном он может оказаться выражен и косвенным падежом, и определением; само действие вместо глагола может быть выражено определением или подлежащим и проч. Трансформации синтаксических конструкций средствами словообразования позволяют переносить смысловые акценты с ролевых отношений между участниками ситуации (это важно для понимания) на «синтаксическую разметку» (это важно для порождения текста). Например, в русском языке существительное очень легко превращается в прилагательное:

Мне подарили новый ***компьютер.*** *– О! Давай я подарю тебе на Новый год беспроводную* ***мышь для*** *твоего* ***компьютера.*** *– Спасибо!* ***Компьютерная мышь*** *– вещь полезная.*

Превращение существительного в прилагательное часто облегчает построение высказывания. Если несколько участников ситуации обозначены как существительные, эксплицитное обозначение связей между ними может сделать высказывание неоднозначным: например, предложение ***Мышь * для компьютера ****** *вещь полезная* синтаксически двусмысленно, все решает паузация. Такого рода дефекты нередко возникают в официально-деловых текстах, ср.: *Наша фирма занимается организацией поставок мешков из джута из Индонезии для компаний по транспортировке сухофруктов→ Наша фирма поставляет компаниям, транспортирующим сухофрукты, джутовые мешки из Индонезии*; *Обеспечьте отправку кабеля из оптоволокна с завода в*

Новомосковске в филиал фирмы «Электроникс» в Королеве→ Отправьте оптоволоконный кабель с Новомосковского завода в филиал фирмы «Электроникс» в Королеве.

Аналитическое словосочетание эксплицирует семантический характер отношения между объектами: *мешок из джута* (изделие – материал), *рюмка для коньяка* (объект – предназначение), *иллюстрации в книгах* (объект – место), но затушевывает их синтаксическую природу – атрибутивность (ср. *джутовый мешок, коньячная рюмка, книжные иллюстрации*), а тем самым мешает свободно комбинировать компоненты высказывания.

Образование прилагательного подчеркивает атрибутивность отношений между теми или иными участниками ситуации и позволяет строить сочетания, более удобные с точки зрения синтаксиса. Даже если одна и та же синтаксическая структура имеет несколько смыслов (см.тж. понятие синтаксемы в [4, с. 38], ср.: *телефонный зарядник – зарядник для телефона*, *контейнерные перевозки – перевозки в контейнерах, оптоволоконный кабель – кабель из оптоволокна* и др.), многозначность снимается контекстом, вычисляется по ситуации.

Активность адъективных отсубстантивных моделей доказывает, что соответствующая синтаксическая трансформация является неотъемлемой частью грамматических механизмов русского языка, и мы осваиваем ее в раннем детстве. Важно, что предложно-падежный и словообразовательный варианты сосуществуют, причем мы выбираем тот, а не другой либо ради удобства построения предложения, либо ради точности высказывания (*Это что за агрегат под столом валяется, зарядник* ***для телефона****? – Не-а // не обращай внимания, он* ***от*** *моего старого* ***телефона****, я на всякий случай не выбрасываю…* – противопоставлены предназначение нужного предмета и деталь от ненужного предмета, ср.*: Это что,* ***телефонный зарядник****? – Не обращай внимания, он* ***от*** *моего* ***старого телефона*** – здесь противопоставление невозможно). При освоении синтаксиса родного языка мы формируем представление о критериях выбора подобных альтернативных моделей.

Широко используются в иных словообразовательно-синтаксических трансформаций: субъект (сущ. И.п.) + действие (гл.) → действие (сущ.) + субъект (сущ. Р.п.) (*друзья спорят → спор друзей*, *жители вернулись → возвращение жителей* и т. п.); действие (гл.) + объект (сущ. В.п.) → действие (сущ.) + объект (сущ. Р.п.) (*сообщают новости → сообщение новостей*, *рисую пейзажи → рисование пейзажей* и т.п.). Нередко трансформации выстраиваются в цепочку: субъект (сущ. И.п.) + действие (гл.) → действие (сущ.) + субъект (сущ. Р.п.) → субъект (прил.) + действие (сущ.) (*друзья спорят→спор друзей→дружеский спор*, *мама предложила → предложение мамы → мамино предложение* и др.).

Особую роль играют девербативы, позволяющие строить полипредикативные конструкции (ими много занимаются авторы «Коммуникативной грамматики русского языка» – [4, с. 163]).

Разберем приведенный выше пример. Если бы пишущие использовали при написании текста придаточные предложения, получилось бы примерно следующее:

Мы предлагаем стратегию, которая сформулирует, что нужно делать, чтобы воспитать подрастающее поколение в соответствии с теми изменениями, которые происходят в политике, экономике и общественной жизни России.

Придаточные предложения и система союзов выявляют субъектно-объектные отношения внутри каждой из элементарных ситуаций и отношения между этими взаимосвязанными ситуациями. Однако – согласно традициям официально-деловой речи (этому стилю свойственно обезличенное обозначение действий) – в предложении использованы трансформации словообразовательно-синтаксического и лексико-синтаксического характера, в результате которых субъектно-объектные и межситуационные отношения утрачивают эксплицитность выражения:

(1) **Стратегия должна определить**… <Мы разработали стратегию + стратегия должна определить… (значение слова *определить* неясно: «выяснить, разобраться» или «выбрать, назвать»);

(2) …**комплекс действий, направленных на обеспечение воспитания подрастающего поколения**… <как нужно действовать, чтобы [гарантировать, что] молодежь была воспитана…;

(3) …**адекватной динамике**… <…в правильном соответствии с изменениями в…;

(4) …динамике **социально-экономических и социально-политических изменений в жизни России** < …изменениями в политике, экономике и общественной жизни России.

Поскольку в официально-деловой речи с ее установкой на обезличенность часто используется прием, при котором девербатив преобразуется обратно в глагол при помощи десемантизированного глагола, выполняющего ту или иную лексическую функцию (*работать – участвовать в работе, работать – организовывать работу, воздействовать – осуществлять воздействие* и под.), а эти десемантизированные глаголы, в свою очередь, трансформируются в существительные, то возникают сложные для понимания и к тому же малоинформативные полипредикативные структуры.

Обратим внимание: желая сообщить, что меняются политика, экономика и вся жизнь общества, пишущий использует цепочку стандартных трансформаций: *меняется экономика → изменение экономики → экономические изменения*; *меняется общество → изменение общества → социальные изменения* (с использованием синонимов *общественные ≈ социальные*) → *социально-экономические изменения*. В данном случае нагромождение прилагательных, к тому же сложных, затушевывает характер отношений между политикой, экономикой и общественными отношениями, что мешает читателю задуматься над смыслом сказанного: остается неясным, в чем

именно старая модель воспитания не соответствует нынешней российской действительности.

Итак, мы видим, что словообразование, при котором меняется частеречная принадлежность слова, ориентировано в первую очередь на механизмы порождения текста, но при их некорректном использовании они могут порождать семантически обесцененные тексты.

Совершенно иначе работают те же механизмы в художественных текстах. Рассмотрим, чем отличается творческий подход к использованию тех же трансформаций. М.Л. Гаспаров обратил внимание на то, как влияет атипичное оформление высказывания на систему образов – [1]; в [4] показаны семантические отличия неизосемических предикатов от стандартных; в [3] говорится о трудностях понимания безглагольных предикативных конструкций.

Способы применения словообразовательно-синтаксических трансформаций многообразны; некоторые авторы просто разнообразят ими свои тексты, используя стандартные модели:

Вокруг – кобальт и пурпур, мрачное золото и старое серебро венецианских тканей, леденцовый ***пересверк*** *цветного стекла,* ***трепет*** *черных и белых вееров, невесомое* ***колыханье*** *желтых, лиловых, лазоревых и винно-красных перьев и опахал* (Д. Рубина)

– здесь трансформация субъект (сущ. И.п.) + действие (гл.) → действие (сущ.) + субъект (сущ. Р.п.) позволяет автору сконцентрировать внимание читателя не на движении, а на многолюдности карнавала.

Намного сложнее строит высказывание Б.Л. Пастернак, который сочетает такие трансформации со сложными конструкциями из метафор:

Гроза близка. У сада пахнет / Из ***усыхающего*** *рта / Крапивой, кровлей,* ***тленьем,*** *страхом. // Встает в колонны* ***рев*** *скота.*

Лексема *гроза* открывает вход во фрейм «гроза», через который читатель проникает к образам дождя, воды и страха. Через образ дождя – с помощью лексемы *усыхающий*, которая объединяет фреймы «засуха» и «смерть», – он вызывает образ засушливого лета, которое старит и почти убивает сад (пунктирно, вперемежку с садом и крапивой, дана тема смерти: *пахнет из усыхающего рта тленьем*); скотина, услышав рокот грозы, от страха ревет, и этот дружный рев – благодаря словосочетанию *встает в колонны* – вызывает образ грядущей битвы. Образный текст – альтернативный, противостоящий стандартному способ построения высказываний, а отказ от глагольности позволяет сделать такой текст более кратким и емким.

Любящий глаголы и гениально вписывающий стандартно выстроенные предложения в любой стихотворный размер А.С. Пушкин (*Сквозь волнистые туманы / Пробирается луна, / На печальные поляны / Льет печально свет она. / По дороге зимней, скучной / Тройка борзая бежит, / Колокольчик однозвучный / Утомительно гремит…*) ломает монотонность фраз, расцвеченных только эпитетами; вдруг появляются нестандартные способы указания на объекты и отношения между ними: ***Звучно стрелка часовая*** */ Мерный* ***круг*** *свой* ***завершит*** (часы → *стрелка часовая*, метонимический перенос; час пройдет →

стрелка круг завершит, используется прием идиоматизации, при котором способ указания на денотат усложнен; зазвонят куранты → *стрелка звучно завершит круг*). Вкус и чувство меры не позволяют поэту злоупотреблять подобной нестандартностью способов выражения – для него это лишь прием, позволяющий привлечь внимание читателя к «смене декораций», к мечте о завтрашнем свидании, к внезапному смятению лирического героя.

Выводы. Несомненно, использование атипичных способов оформления высказываний в различных стилях, и в частности в художественной литературе, нужно серьезно исследовать. Но уже при поверхностном взгляде видно, что писатели, опираясь на стандартные трансформации, обычно увеличивают информационную емкость высказывания за счет образности, в то время как в официально-деловой речи при использовании тех же приемов информационная емкость высказываний снижается из-за многократного применения одной и той же трансформации и применения десемантизированных глаголов. В целом, мы убедились, что неизосемические дериваты ориентированы на механизмы порождения речи, но могут сильно затруднять понимание, поскольку мешают видеть глубинную структуру высказывания. При этом они открывают нестандартные, альтернативные возможности построения текстов, более емких и образных. Незнание принципов действия этого грамматического механизма приводит к порождению непонятных текстов, поэтому и школьников, и студентов, и начинающих профессионалов, и чиновников необходимо учить правильному использованию словообразовательно-синтаксических трансформаций и редактированию текстов, содержащих неизосемическую лексику.

Список литературы

1. Гаспаров М.Л. Фет безглагольный // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 21-32.
2. Евграфова С.М. Грамматика понимания и грамматика порождения текста и проблемы вербального обучения // Труды ИРЯ им. В.В. Виноградова. Вып. XIII. Культура русской речи. М., 2017. С. 238-246.
3. Евграфова С.М. Лексическая семантика в эпоху виртуальной коммуникации: к проблеме освоения терминологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2018. № 189. С. 199-210.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Изд. ИРЯ РАН им. В.В. Виноградова, 2004. 541 с.
5. Кузнецова А.И. Периферийные явления в морфологии русского языка // В сб.: Проблемы теоретической и прикладной лингвистики. М.: МГУ, 1977. С. 210-223.
6. Лепская Н.И. Язык ребенка (онтогенез речевой коммуникации). М.: МГУ, 1997. 151 с.

7. Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. 2-е изд. СПб.: Питер, 2002. 264 с.

УДК 81

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

ИОСИФОВА ВЕРА ЕВГЕНЬЕВНА
д. филол. наук, профессор,
Шаньдунский профессиональный институт иностранных языков,
Китай, iosifova.vera@yandex.ru
教授，语文学博士（俄罗斯, 中国）
（中国山东外国语职业学院）
China, Rizhao City, iosifova.vera@yandex.ru

Побудительные предложения составляют значительную часть речевой продукции человека. Лингвистами русского и китайского языков большое внимание уделяется исследованию различных способов речевого побуждения и их грамматическому выражению. В каждом языке категория побудительности обладает чрезвычайно богатым арсеналом выразительных средств, посредством которых можно выразить все оттенки эмоционально-побудительных значений – от самых мягких, просительных, вежливых до самых резких, грубых, настойчивых. В статье раскрываются особенности выражения побуждения в русском и китайском языках.

Ключевые слова: речевой акт, побуждение, побудительное предложение, императив, волеизъявление, говорящий, побудительная частица, интонация.

Каждое современное общество уделяет большое внимание правилам, которые необходимо соблюдать в процессе речевого общения. Побудительные предложения составляют значительную часть речевой продукции человека, с их помощью регулируется общественно-производственная деятельность в обществе. В каждом языке категория побудительности обладает очень богатым арсеналом выразительных средств, посредством которых можно выразить все оттенки эмоционально-побудительных значений – от самых мягких, просительных, некатегоричных, вежливых до самых резких, грубых, настойчивых. Побуждение может быть высказано в виде **приказания, распоряжения, требования, предложения, просьбы, совета, мольбы, приглашения, пожелания, призыва, запрещения, предостережения** и т.д.

Каждый вид побуждения обладает определёнными признаками. Эти признаки самые различные: некоторые из них существенны в одной ситуации и не существенны в другой. Из всех этих различных признаков самым существенным, превалирующим будет признак «отношение Говорящего к действию».

Языки классифицируются по множеству различных критериев.

Китайский и русский языки относятся к разным семьям языков: русский – к индоевропейской, китайский – к китайско-тибетской. Они принадлежат к принципиально различным типам языков: русский язык – к флективному (это языки, словообразование в которых строится путём добавления к основе слова различных флексий с многообразными и многозадачными значениями), китайский – к изолирующему (грамматические значения выражаются или с помощью примыкания одних слов к другим, или с помощью служебных слов).

Лингвистические характеристики изначально обусловливают большую разницу между ними, особенно в разговорной речи и в конкретных выражениях.

Средства выражения побуждения в русском языке многочисленны и разнообразны. Одни из них являются специализированными (например, формы повелительного наклонения; формы повелительного наклонения, выражающие побуждение к совместному действию; побудительные междометия; перформативные высказывания глагольных и именных классов). Они всегда и при всех условиях являются побудительными. Другие же – неспециализированными (это такие конструкции, которые могут быть побудительными или непобудительными в зависимости от ситуации).

Основным способом выражения побуждения в современном русском языке являются императивные конструкции, представленные формами синтаксического побудительного наклонения. Это естественно, так как повелительное наклонение глагола выражает волю говорящего, «побуждающую собеседника стать производителем, субъектом какого-нибудь действия» [3, с. 590].

Грамматическое ядро [2, с. 5] сферы императива составляет система повелительного наклонения: парадигма глагольных форм, служащих для побуждения (*делай(те), пусть делает(ют), сделаем(те), давай(те) делать, давай(те) сделаем(те), будем(те) делать, давай будем делать* и др.

– Остановитесь, я приказываю. (М. Булгаков. Дон Кихот); *- Не ходи сегодня, - робко попросила Мирра. – Пожалуйста, не ходи* (Б. Васильев. В списках не значился); *– Говорите же, умоляю вас! – продолжает она, задыхаясь и дрожа всем телом* (А. Чехов. Скучная история); *Говори громче, плохо слышно; - Ночами работай, друг, ночами! – посоветовал один из курсантов. (К. Воробьев. Убиты под Москвой); - Не читай, пожалуйста, так быстро; Спой эту песню!* (из разговорной речи); *- Я прошу, выйдете и не мешайте работать, - повторил военврач.* (В. Кондратьев. Сашка).

Периферия императива – все другие способы повелений: например, инфинитив, наречие, существительное, междометие. Например:

- Айда! – потянул меня Вава. (В. Бахревский. Футбол); *- Прочь из моей гимназии!* (В. Паустовский. Повесть о жизни) (междометие);

- Воздух! – крикнул круглоголовый боец. (Б. Васильев. В списках не значился) (существительное).

- Стой! Рота, стой! Назад! В траншею, назад! (В. Быков. Атака с ходу); *– Вперед! За Родину!* (Б. Васильев. В списках не значился) (наречие).

- *Греться! Греться! Смелее! – настаивал лейтенант…* (В. Быков. Дожить до рассвета); - *Каски! – вспомнил Плужников. – Каски надеть всем!* (Б. Васильев. В списках не значился); - *А вы – стоять на крыльце, и ни с места* (Н.В. Гоголь. Ревизор) (инфинитив).

Для многих частных значений, выражаемых побудительными предложениями, характерны грамматические признаки (морфологические: употребление спрягаемых и неспрягаемых глагольных форм; синтаксические: способ выражения действующего лица, односоставность и двусоставность, порядок слов, интонация) и лексико-грамматические признаки (употребление экспрессивно-побудительных частиц, обращения).

В китайском языке формы наклонения глаголов не выражаются морфологически, поэтому не существует и императивной формы глагола. В связи с этим побуждение в китайском языке чаще всего передаётся побудительными предложениями с разными лексическими средствами, но по значению они равны императивной форме русских глаголов [4, с. 88; 5, с. 108; 6, с. 7]. При этом в китайском языке, как и в русском, побудительные высказывания могут передавать **просьбу**, **совет**, **предложение**, **приглашение** и т.д. при помощи перформативного глагола, например:

我们邀请你们尝尝新奇的水果– 榴莲! (Приглашаем вас попробовать этот экзотический фрукт – дуриан!); 我们*请求*你们节约能源! (Просим вас экономно расходовать энергетические ресурсы!); 我们邀请您尝尝这些不寻常的白菜卷! (Приглашаем вас попробовать эти необычные рулетики из жареной пекинской капусты!); 您的孩子有问题，试着去找心理医生! (У вас проблемы с ребёнком, попробуйте обратиться к психологу!).

Повелительное наклонение, в отличие от других наклонений, имеет особую побудительную интонацию, которая в системе повелительного наклонения является неотделимой и важной частью глагольных форм. Важность интонации в процессе побуждения подтверждается тем, что в разговорной речи императивная интонация может придать побудительное значение самым различным словам (- *Огонь!;* - *Воды!;* - *Вон!* и т.д.). Например: – *Полный ход,* - *командовал Остап* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок); – *Вперед! За Родину!* (Б. Васильев. В списках не значился); – *По местам! Бегом!* – *отчужденно и властно крикнул он.* (К. Воробьев. Убиты под Москвой); Мать – сыну: *Домой! Живо!*

В этих случаях интонация является основным средством, выражающим побуждение.

В художественных произведениях характер интонации и связанные с ней оттенки значений побудительных предложений могут быть выяснены из описания отношения между людьми и конкретной ситуацией, вызвавшей данное побудительное предложение. Большое значение имеют авторские замечания. Например:

- *Идите, вымойте его,* - *попросила она, закрыв лицо руками.* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); - *Приходите скорей,* - *сказала она странным тоном, как бы приказывая.* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); - *Идите за мной,* -

сурово сказал он и повёл их в хату. (А. Толстой. Хождение по мукам); - *Заходи, заходи! – жуя закуску, по-хозяйски пригласил Гуж.* (В. Быков. Знак беды); *Она ещё не поняла, зачем он так сделал, и испугалась, увидев его по колени в воде, откуда он требовательно протянул к ней руки.* - *Прыгай, ну!* (В. Быков. Пойти и не вернуться); - *Давай! – с последней решимостью вполголоса потребовал Стёпка, но, тут же поняв, что напрасно подался к Маслакову.* (В. Быков. Круглянский мост); *Но тут уже за раненого ухватился Данила, и Бритвин, громко дыша, закомандовал:* - *Так! Потом… Понесли!..* (В. Быков. Круглянский мост).

Как видно из авторских замечаний, произношение этих фраз очень разнообразно. В нём отражается разный характер побуждения: **приказы** разной степени строгости, **приглашение**, **просьба** и т.д.

Как показывают исследования интонации различных языков многие показатели, трактуемые как национально-специфичные, оказываются, в конечном счете, общеязыковыми, присущими и другим языкам, расширяя тем самым сферу универсального в интонации. Тем не менее, нельзя отрицать наличие специфического в интонации любого языка. О существовании специфического слоя интонации говорит влияние интонации одного языка на интонацию другого, а также и тот факт, что интонация является одним из наиболее сложных моментов в усвоении иностранного языка [1, с. 11-13].

Для китайского языка характерна сильная эмоциональная окраска речи, поэтому использование правильной интонации способно изменить способ высказывания. Интонация при выражении различных видов побуждения характеризуется усилением или уменьшением интенсивности звучания, повышением или понижением голоса, изменением длительности звучания и так далее: 王放还他窟! (Вы, Царь, велите вернуть ей гнездо!); 告诉她立刻到我这儿来! (Скажите ему, чтоб немедленно шёл ко мне!). А в текстах художественной литературы также большое значение имеют авторские замечания.

В китайском языке для выражения побуждения употребляются побудительные предложения, добавление к основной структуре предложения особых частиц, которые кардинально меняют смысл высказывания. Употребление частицы в побудительном предложении имеет оттенок вежливости, а её отсутствие – приказ или требование. Также присутствуют в таких предложениях повторы сказуемого, что означает вежливое приглашение или просьбу.

В русском языке частицы могут включаться в высказывания с формами повелительного наклонения, выражающие любой вид побуждения: категорический, нейтральный и смягчённый. При этом они вносят различные дополнительные значения: смягчают или усиливают побуждение, придают речи оттенок вежливости, фамильярности и т.д. Но изменять вид побуждения на другой они не могут. Независимо от того, присутствует ли частица в данном высказывании – **приказе** или **просьбе**, **приказ** останется **приказом**, **просьба-просьбой**.

В побудительных предложениях часто употребляется фразовая частица 吧ba. Например: 我们一同去吧! (Пойдемте-ка вместе!); 我们看电影吧! (Давай посмотрим фильм!); 快做吧！ (Давай пойдём быстрее!); 吃鸡吧！(Кушай курицу!); Помогите мне помыть одежду. !); 帮我洗衣服吧！Помогите мне помыть одежду）;回家吧！(Или домой!). Для выражения побуждения в китайском языке используются и другие частицы. Например, 啊 – выражает рвение или нетерпение: 救命啊! (Спасите!); 啊:快点出去啊！(Уходи быстрей!).

Существуют фонетические эквиваленты 啊 a: 呀 ya, 啦 la, 嘞 lei, 喽 lou и др. Например: 快来呀！(Приходи быстрей!); 起床啦! (Встань с кровати);

去商店喽! (Сходи в магазин!).

着 в китайском языке выражает побуждение адресата сделать что-то, либо занять какую-либо позицию. Часто употребляется с глаголами движения. Например: 记着！(Помни!); 坐着,别站起来！(Сиди, не вставай!); 拿着！(Держи!); 握住孩子的手 (Держи ребёнка за руку!); 认真听着！(Слушай меня внимательно!); 看着黑板！(Посмотри на доску!）想着！Вспомни!).

Часто в китайском языке в значении побуждения в конце предложения употребляется частица 了. В таких высказываниях 了 обычно имеет оттенок завершения действия: 不要吃这个了！ (Не кушай это); 别做这个工作了！Неделай эту работу!); 你太累了，不要再写了！(Вы уже устали, не пишите больше!).别玩了! (Не играй!); 在课堂上别说话了! (Не болтай на уроке!).

Если условие было уже установлено, в китайском языке используется конечная частица 呗. Например: 你不同意，那你就走呗! (Если ты не согласен, уезжай!); 错了就改呗! (Если у вас есть ошибки, исправьте!); 想去就去呗! (Если хочешь, пойдём); 不懂，就好好学呗！ (Если не понимаешь, то лучше выучи).

Для выражения запрещения в китайском языке употребляются отрицательные частицы:不要,别, 不用, 甭,莫, 休, 勿: 不要走，戏剧还没演完呢! (Не уходи, спектакль ещё не закончился!);请别这么近看电视!(Не смотри близко телевизор!); 你不用知道这个，你还太小了! (Тебе не нужно знать это, ты ещё маленький!); 甭掂记我! (Не надо заботиться обо мне!); 莫哭! (Не плачь!); 休得胡言! (Не говори так!); 请,勿打扰!(Не беспокойте!).

Открытое требование могут выражать слова 别, 请. Часто они используются в случаях, когда говорящий непосредственно знаком с собеседником. Например: 请, 你说说原因. (Пожалуйста, объясни причину); 请, 你出去以后叫他进来 (Пожалуйста, позови его, когда выйдешь); 请, 您回答这个问题! (Пожалуйста, ответьте на этот вопрос!); 别说话. (Не шуми!). В таких предложениях требование выражается не только словами 别, 请, но и интонационно. 请обычно употребляется в устной речи и в текстах художественной литературы.

Обычно в предложениях со словом 请 отрицание ставится после побудительного глагола, а подлежащее, выраженное личным местоимением

1-го или 2-го лица, обычно опускается: 请别客气! (Пожалуйста, не надо церемониться!); 请不要忘记! (Пожалуйста, не забудьте!).

В китайском языке побуждение, не выраженное никакими частицами, имеет оттенок грубого приказа или команды. Например: 起来! (Встань!); 快睡! (Спи!); 别动! (Не двигайтесь!).

Однако, если в таких высказываниях употребляется повторение или удвоение императива, то даже при отсутствии каких-либо частиц такое предложение имеет оттенок вежливого приглашения или просьбы: 求求你快点走吧! (Прошу тебя, иди быстрей!); 说说吧! (Говори!).

Китайский язык как язык аналитического строя и русский язык как язык синтетического строя отличаются друг от друга формально-структурными характеристиками, которые предопределяют типологически значимые различия в лексике, представляющие собой одну из главных причин отсутствия полной эквивалентности в лексической системе двух языков.

В русском языке средства выражения побуждения многочисленны и разнообразны. В китайском языке существуют свои способы выражения побуждения: использование побудительных глаголов, частиц, интонации.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. 28. 1969. № 1. С. 11 – 23.

2. Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.

3. Виноградов В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове): [Учеб. пособие для высших учебных заведений]. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

4. Чжан Мэйлань. Различия между силовыми уровнями побудительных предложений и повелительных актов в «Цзу Тан Ди» // Вестник университета Цинхуа, Пекин, 2003. № 2. С. 88-95 (张美兰，(祖堂集)祈使句及其指令行为的语力级差. 清华大学学报（哲社版）, 2003(2), 第88-95页).

5. Чжао Вэй. Исследование побудительного акта и побудительного предложения китайского языка. Шанхай, 2005 (赵微. 指令行为与汉语祈使句研究. 上海, 2005).

6. Юань Юйлин. Изучение побудительного предложения современного китайского языка. Пекин, 1993 (袁毓林. 现代汉语祈使句研究. 北京, 1993).

УДК 81:82-84

СЛЕНГ КАК КУЛЬТУРНО-ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
д. филол. наук, профессор кафедры английской филологии, профессор,
Кубанский государственный университет,
Россия, г. Краснодар, kaf_rgf@mail.ru

В статье рассматривается сленг как культурно-поведенческая категория. Считается, что сленг является неотъемлемой частью любого развитого естественного языка и возникает как неизбежное следствие кодификации национального языка. Являясь наиболее динамичным пластом лексико-семантической системы языка, он очень быстро обновляется, поэтому представляет в концентрированном виде базовые концепты, своего рода лингвистический полигон, на котором проверяются многие новые элементы языка и затем частично усваиваются стандартным, литературным языком.

Ключевые слова: сленг, субстандартная лексика, язык, культура, общество.

«...Литературный язык меньше сам создает,
чем берет созданное жизнью,
а языковая жизнь бьется и кипит главным образом
в разговорном языке
отдельных человеческих группировок»
Л. Щерба

Сленг – важнейший из пластов субстандартной лексики. По определению В.А. Саляева, «…сленг представляет собой особый лексико-фразеологический слой, который включает слова и выражения, некогда бывшие достоянием ограниченной сферы употребления, но впоследствии перешедшие в общий обиход, где подверглись семантической и экспрессивно-стилистической обработке, понятийная неопределенность сленга неким образом стирается» [5, с. 105].

Язык – динамическая, коммуникативная система, это речевая деятельность, обмен мыслями, передача информации. Слово – основная единица языка. Для успешной коммуникации, кроме хорошего знания языка нужны общие фоновые знания. Цель коммуникации – установление взаимопонимания в многообразной человеческой деятельности, возможность оказывать влияние на поведение собеседника, добиваться выполнения своих интенций и целей. Как правило, коммуникация на бытовом уровне всегда в динамике и в дискурсе активно функционируют лексико-фразеологические единицы [1].

Сленг занимает совершенно особенное положение среди социальных диалектов в английском языке, под понятием «сленг» часто представляются самые разнородные явления лексического и стилистического плана.

Крупнейший сленголог мира Эрик Партридж в течение всей своей жизни собирал огромный фактический материал и опубликовал ряд работ, в том числе

словари. Э. Партридж и его последователи определяют сленг как «бытующие в разговорной сфере весьма непрочные, неустойчивые, никак не кодифицированные, а часто и вовсе беспорядочные и случайные совокупности лексем, отражающие общественное сознание людей, принадлежащих к определенной социальной или профессиональной среде» [9]. Сленг рассматривается как сознательное, преднамеренное употребление элементов общелитературного словаря в разговорной речи в чисто стилистических целях: для создания эффекта новизны, необычности, отличия от признанных образцов, для передачи определенного настроения говорящего, для придания высказыванию конкретности, живости, выразительности, зримости, точности, краткости, образности, а также чтобы избежать штампов, клише. Это достигается использованием таких стилистических средств, как метафора, метонимия, синекдоха, литота, эвфемизм.

Основным мотивом сленга Ю.Д. Дешериев называет выражение чувства эмоциональной общности среди членов социальных групп или субкультур, их приверженности к одним ценностям и установкам [3].

Наиболее объективную оценку понятия «сленг» мы находим в книге С. Робертсона «Развитие современного английского языка», хотя и его оценка не проливает света на само содержание этого понятия. С. Робертсон приходит к выводу, что под сленг подводятся совершенно разнородные явления, ничего общего с ним не имеющие, и что сленг состоит из особых слов, изобретаемых отдельными людьми и непонятных всем членам общества [10].

Сленг – это «особый периферийный лексический пласт, лежащий как вне пределов литературной разговорной речи, так и вне границ диалектов общенационального английского языка, включающий в себя, с одной стороны, слой специфической лексики и фразеологии профессиональных говоров, социальных жаргонов и арго преступного мира, и, с другой, слой широко распространенной и общепонятной эмоционально-экспрессивной лексики и фразеологии нелитературной речи» [6, с. 42]. Сленг определяется В.А. Хомяковым как «относительно устойчивый для определенного периода, широко распространенный и общепонятный слой лексики и фразеологии в среде живой разговорной речи (иногда с фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями), весьма неоднородный по своему генетическому составу и степени приближения к литературному языку, имеющий ярко выраженный эмоционально-экспрессивный оценочный характер, представляющий часто протест, насмешку против социальных, этических, эстетических, языковых и других условностей и авторитетов» [6, с. 57-58].

Аналогичной точки зрения придерживается Ю.К. Волошин, который рассматривает сленг как неизбежное следствие кодификации национального языка и как неотъемлемый компонент и наиболее динамичный пласт в части обновления лексико-семантической системы языка, представляющий в концентрированном виде базовые языковые концепты. Сленг также индицирует тенденции возможного развития языка в будущем [1, с. 22-23].

Сленг нередко рассматривается в психологическом аспекте как продукт «духовного» творчества (в том числе и индивидуального) представителей отдельных социальных и профессиональных группировок, служащий выражением определенного «духа» или «ступени сознания» людей, принадлежащих к той или иной общественной среде. Большую роль в распространении этой концепции сленга сыграло известное положение В. Гумбольдта о том, что «видение мира», использование и интерпретация (самооценка) языка у представителей отдельных социально-профессиональных групп не совпадает полностью с «видением мира» и владением языком на уровне всего языкового коллектива [3].

Словарь Вебстера определяет «сленг» совершенно с иных позиций: под «сленгом» понимается здесь употребление слов, неапробированных нормами письменной речи, но которые делают речь яркой и живой. Это и кант воров, нищих (“cant of thieves, beggars, gypsies, etc”), и социально-профессиональные жаргоны (“the jargon of particular calling or class society; popular cant”), и современный, но недолговечный язык (“language comprising certain widely current but usually ephemerical terms (esp. coined or clipped words of special senses or phrases, usually metaphors or similes) having a forced, fantastic or grotesque meaning or exhibiting eccentric or extravagant humour or fancy”) [11]. В этом определении под «сленгом» имеется в виду то же, что и в русской лексикографии принято называть «просторечием»; однако это просторечие ограничивается только эмоционально окрашенными словами.

В энциклопедическом словаре Д. Кристала сленг определяется как неформальный вокабуляр, понятный только определенным группам людей, а так же как профессиональный жаргон (informal, nonstandardvocabulary, usuallyintelligibleonlytopeoplefromaparticularregionorsocialgroups; alsothejargonofspecialgroup, suchasdoctors, cricketers, orsailors”) [8]. Парадокс сленга, по мнению Д. Кристала, заключается в том, что люди смотрят на этот слой лексики свысока, однако вряд ли могут избежать его.

Очень часто в лингвистике можно услышать об эфемерности, недолговечности, мимолетности сленга, так как часть сленговых единиц входит и выходит из языка гораздо быстрее стандартных. Как в письменном литературном, так и в бесписьменном (нестандартном) языке далеко не все, происходящее в реальном мире, находит свое отражение, а если и находит и если это не имеет существенного значения для носителей языка, то такие лексические единицы могут выйти из языка очень быстро. Это подтверждают исследователи, когда говорят, что язык воспринимает далеко не все из того, что имеет место в жизни: преходящие, случайные, периферийные явления появляются и исчезают без следа в языке. Вместе с тем наблюдения показали, что в языке почти ничего не исчезает бесследно, а лишь на время переходит в другие пласты языка – в сленг, жаргон, коллоквиализмы, социальные диалекты и т.д.

А.Д. Швейцер утверждает, что сленг в США вышел за пределы сферы бытового общения и используется в качестве стилистического средства в

различных жанровых и функционально-стилистических разновидностях языка [7].

Данную точку зрения поддерживает и И.Р. Гальперин, говоря о том, что в литературном английском языке в Америке широко используются воровской жаргон, профессионализмы и даже случайные словообразования. В особенности это касается языка американской прессы, который использует «языковой шлак» разных социальных групп. В этом отношении язык американской газеты далеко отходит от норм литературной речи, что ведет к сильному засорению английского газетного языка в США [2].

Сленг, будучи изначально приметой закрытого сообщества, может стать в значительной своей части достоянием общего употребления, превратиться в полностью дешифруемый код. Генеральное направление развития сленга состоит, с одной стороны, в дальнейшей дискретизации в локально-территориальном и профессионально-корпоративном планах, а с другой – в интеграции в рамках общего сленга.

Для современных лингвокультур характерно расширение естественной сферы бытования сленга, его экспансия в письменные формы коммуникации. Проницаемость литературного языка для сленгизирования проявляется не только в диахронии и не только в связи с изменением статуса отдельного сленгизма, но и в синхронии, на уровне текста и дискурса. Соответствие сленгизмов в литературном тексте риторической категории уместности обусловлено особенностями сленговых номинаций и, прежде всего, их связью со спецификой социально-институциональных условий жизни, с эмоциогенными областями социального бытия.

Наблюдения над сленгизмами показывают, что многие из них коррелируют с понятиями языковой моды и престижа, а некоторое способны даже претендовать на роль «ключевых слов эпохи», то есть лексических маркеров, репрезентирующих ключевые концепты, которые находятся в фокусе социального внимания [4, с. 10-11].

Своеобразная «живучесть» некоторых слов общего сленга свидетельствует о гибкости и жизнестойкости языка, несмотря на многие радикальные изменения в английской социокультурной жизни. Но естественный язык находится в постоянном движении, в динамике, особенно его лексико-семантическая система: появляются новые слова, уходят старые, уже хорошо известные слова приобретают новые значения. Язык существует в постоянном коммуникативном движении. Благодаря этому язык выполняет одну из своих основных функций – быть средством общения, адекватно обслуживать потребности коммуникантов в передаче, обработке и хранении информации. Этот процесс в одинаковой степени релевантен как для литературного стандарта, так и для нестандартного национального языка.

В современной сленгологии обнаруживается тенденция к снятию противопоставления «главного» и «второстепенного» в языке и стремление оценить значимость явлений, исследование которых позволит обосновать действие

механизмов трансформации языка. Такой подход представляется перспективным, учитывая тенденцию к возрастающей «раблезиации», отмечаемую многими исследователями. Сегодня сленгология движется от фиксации своих единиц на уровне словаря (а точнее – словника) к исследованию всех аспектов их функционирования (в том числе – письменного) в различных стилях и жанрах современной коммуникации.

Список литературы

1. Волошин Ю.К. Общий американский сленг: состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. … д-ра фил. Краснодар, 2000. 43 с.

2. Гальперин И.Р. О термине «сленг» // Вопросы языкознания. 1956. № 6. С. 107-114.

3. Гумбольдт В. фон. Философия культуры. М.: Прогресс, 1990. 448 с.

3. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика: к основам общей теории. М.: Высшая школа, 1977. 284 с.

4. Редкозубова Е.А. Сленг в современном коммуникативном пространстве: дискурсивные практики: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Ростов н/Д., 2014. 31 с.

5. Саляев В.А. Два источника и две составные части русского сленга // Социальные варианты языка: Материалы междунар. научн. конф. (Н. Новгород, 25-26 апреля 2002 г.). Н. Новгород, 2002. С. 105-108.

6. Хомяков В.А. Введение в изучение сленга – основного компонента английского просторечия. М.: Либроком, 2009. 106 с.

7. Швейцер А.Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 3-16.

8. Crystal D. An Encyclopedic Dictionary of Language and Languages. London: Penguin Books, 1992. 428 p.

9. Partridge E. Slang today and yesterday: With a short historical sketch; andvocabularies of English, American, and Australian slang. London: Routlege&KeganPaul, 1979. 476 p.

10. Robertson S. The development of modern English. New York, 1950. 284 p.

11. Webster’s New International Dictionary. N.Y., 1959.

УДК 811.161.1’373.423

ОМОНИМЫ-ЭВФЕМИЗМЫ *БЮДЖЕТНО* В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ: КОММУНИКАТИВНЫЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ, СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ*

ЛЕДЕНЁВА ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЬЕВНА
д. филол. наук, профессор кафедры современного русского языка,
Московский государственный областной университет,
Россия, г. Мытищи, fakul-rf@mgou.ru

Статья посвящается анализу располагающего омонимами слова *бюджетно* в коммуникативном, прагматическом, словообразовательном аспектах. Материалом исследования послужили данные Национального корпуса русского языка. Использовались методы наблюдения, элементы компонентного и контекстуального анализа. Получила оценку эволюция синтагматики единиц. Сделан вывод о роли первичной эмоциональной реакции, указывающей на изменение менталитета социального субстрата под воздействием экстралингвистических факторов, на развитие качественной семантики и амбивалентного оценочного потенциала наречия и предикатива *бюджетно,* что приводит к их использованию как эвфемизмов. Материал и выводы по итогам наблюдений могут иметь практическое значение для лексикографии.

Ключевые слова: омонимимы-эвфемизмы *бюджетно*, синтагматика, прагматика, коммуникативный аспект, оценка, качественный комопнент семантики.

Человек XXI века решительно реализует намерение дать в тексте / речи оценку всему, о чём повествует, составляет суждение, что описывает, если нечто стало предметом его внимания, вызвало интерес, породило эмоциональную реакцию, и это яркая черта современной ментальности, обеспечиваемая в раскрытии и закрепляемая возможностями свободного, полифункционального общения в социальных сетях, блогах, ЖЖ, в интерактивных программах радио и телевидения, СМИ и т.д. Например: *В качестве верха сгодится любой комбидрес: хотите более открытый вариант – возьмите кружевное боди, тяготеете к закрытому – подойдет зимняя водолазка, как у Кати.* ***Оригинально и бюджетно!*** [Наталья Тубольцева. У Лопес платье из фольги, а у Кати Ли – из полиэтилена // Комсомольская правда, 2013.07.17] (здесь и далее использован материал Национального корпуса русского языка – НКРЯ [9]).

Отмеченная черта указывает на сдвиги в эмоционально-оценочной сфере социального субстрата и проявляется в том, что актуализируется или возбуждается, благодаря использованию в акте оценки [см. 8], семантика ‘качества/качественности’ в структуре значения различных языковых средств [ср.: 7, с. 106-119; 6]. Например: *токсичные соседи; Примирительный тон премьера свидетельствует: Фрадков, чтобы «**бюджетно-сочинский**» инцидент считали исчерпанным, а его причину видели просто в*

* Поддержано Грантом РФФИ 17-04-00421 «Лингвистическая подготовка и создание электронного «Живого стилистического словаря русского языка».

эмоциональности министров, которые болеют за дело [Старорежимные и талантливые // Известия, 2004.08.30] – окказионализм *бюджетно-сочинский* имеет ироническую коннотацию, передает своим значением мысль об ‘отрицательном качестве’, что выявляется благодаря синтагматическому партнёру *инцидент* (‘неприятный случай, недоразумение, столкновение’) [13]. Аналогичные оттенки актуальны в значении композита ***бюджетно-головные*** *боли* с негативной коннотацией и пейоративной оценкой ситуации, что можно связать с оценочным ореолом исходного и обыгрываемого автором фразеологизма *головная боль* (‘постоянно или часто проявляющаяся проблема’): *Трудно обвинять в чем-то глав местных администраций, имеющих непреходящие «**бюджетно-головные**» боли, но то, что эти деньги не служат прямой цели, — очевидно* [Владимир Палагутин. По эту сторону волков (2003) // «Восточно-Сибирская правда» (Иркутск), 2003.06.24].

Контекстуальные наблюдения дают возможность подтвердить, что развитие качественных, количественных, оценочных (на их основе) смыслов, приводящее к эволюции семантики, обусловлено изменениями синтагматики единиц. Но, собственно говоря, их новые валентности и указывают на появление свежих ассоциаций, трактовок содержательного объёма слова, образование в речи оттеночного или самостоятельного ЛСВ (лексико-семантического варианта), на способность какого-либо знака отражать другие понятия, вербализуя концепты иных сфер. Это уже хорошо осмысленная лингвистикой специфика возникновения переносных значений, осуществления и закрепления различных «надстроек» и/или перегруппировок сем в семантической структуре слов / ЛСВ. Так, сдвиги в составе лексограммем обусловливают лексико-грамматические изменения, например, переход имён прилагательных из разряда относительных или притяжательных в качественные, что влияет на их словообразовательные и грамматические потенции.

«В системе языковых средств огромное значение имеют грамматические формы и грамматические категории. В них заключаются трудноуловимые отвлеченные значения, которые связывают вещественные значения слов и заставляют осмысливать их строго определённым образом», – отмечал И.А. Фигуровский [14, с. 467]. Необычная сочетаемость, разрушение устойчивых в узусе валентностей, стереотипов в поисках синтагматического партнёра единицы – известный путь к формированию метафоры. Она словно призвана отразить особенности русского мышления, инициируя возбуждение оценочных смыслов. Став выразителем оценочного содержания, метафора расширяет корпус средств предикатной лексики – характеризаторов, в том числе качественных прилагательных как семантем на базе относительных, притяжательных или причастий [см.: 3; 4; 7, с. 106-119; 12 и др.].

Имена прилагательные в данном аспекте давно привлекают внимание исследователей. Ещё В.В. Виноградов указал как эволюционную тенденцию русского литературного языка интенсивный рост разряда качественных имен прилагательных с XVII в., связав «развитие категории качества» со

«стремительным процессом национализации русского языка» и усилением притока эмоциональных средств из фольклора, когда вторичное по своей природе качественное значение производных прилагательных «вытекает из качественной оценки предметного отношения или из качественного осмысления действия» [3, с. 153-154]. Принято также говорить о гибридизации, о синкретизме лексико-грамматических разрядов [например: 1, с. 168], однако подчеркнём, что сдвигу подвергаются не только гипосемы в структуре семемы, но прежде всего определяющая характер признака как качественного лексограммема. Семантика таких слов диффузна [см.: 6, с. 33].

Наречие и предикатив *бюджетно* служат иллюстрацией сказанному. Так, выделив в фиксациях НКРЯ 22 контекста (на 173 документа, 202 вхождения по запросу «бюджетный») с самостоятельным (показатель – раздельное написание в отличие от терминированных *бюджетно-финансовый, бюджетно-налоговый* и под.) знаком *бюджетно*, подкрепив наблюдения рассмотрением 45 документов и 58 вхождений по запросу «бюджетно», что увеличило число контекстов до 28, мы констатируем их омонимичность, обусловленную образованием единиц от различных производящих.

Материал показал, что частотное, следовательно, устойчивое в узусе употребление начального *бюджетно-* наблюдается в составе композитных относительных прилагательных. Они связаны с финансово-экономической, социальной сферой, на что указывают следующие единицы: *бюджетно-финансовый, бюджетно-налоговый, бюджетно-фискальный, бюджетно-бухгалтерский, бюджетно-правовой, бюджетно-ориентированный, бюджетно-шкальный, бюджетно-законодательный, бюджетно-рыночный, бюджетно-денежный.* См.: *Сложно сказать, почему в алкогольном вопросе Россия решила идти таким путем, — скорее всего, по* ***бюджетно-финансовым*** *причинам*. [Дмитрий Михайлин. Односолодовая водка // «Русский репортер», 2015]; *Из двух известных альтернатив* ***бюджетно-экономической*** *политики — американско-прагматической и либерально-деструктивной – российское правительство, кажется, выбрало третью: внимательно наблюдать за мировыми ценами на нефть* [Александр Дейкин. Конфликт будущего (2003) // «Время МН», 2003.11.24]; *Несмотря на это, все ещё со всей остротой стоят проблемы реформирования* ***бюджетно-налоговой*** *системы и усовершенствования фискальной политики* [Т. Маглакелидзе. Необходимость регулирования межбюджетных отношений в переходной экономике (2003) // «Финансы и кредит», 2003.05.19] и т.д.

Этимология и история функционирования слова это подтверждают: «***Бюджет*** – смета доходов и расходов государства, предприятия или учреждения на определённый срок; совокупность личных доходов и расходов на определённый срок. ▲ В формах буджетъ и бюджетъ изв. в рус. языке с начала XIX в. ▲ Из франц. budget, восходящего к англ. budget [badžit] «кожаный мешок для денег», в свою очередь заимствованного из ст.-франц. bougette «мешочек», производного от bouge. Первоисточник: лат. bugla «кожаный мешочек»» [17; ср.: 16; 15].

Анализ материала показал, что для наречия *бюджетно* производящей может выступить, во-первых, основа полисемантичного слова *бюджет* в значении ‘роспись доходов и расходов государства, предприятия или отдельного лица на определённый срок’ [13], так как оно реализуется в языке СМИ в значении ‘бюджетом’ (1), ‘по бюджету’ (2), ‘из средств бюджета’ (3), а потому его можно считать чересступенчатым дериватом, который сохраняет в полной мере семантическую связь с производящим именем существительным [ср. позицию: 5; 10]. См.: (1) *Например, у нас в Приморье* ***бюджетно*** *самодостаточны только Владивосток и Находка…* [Василий Буслаев. Если говорить без лукавства // «Ежедневные новости» (Владивосток), 2003]; *Кстати, логично наткнулись на то, что неготовы к этому ни* ***бюджетно****, ни с точки зрения налогов.* [Модест Колеров, Гонтмахер. «Государство не должно светиться» // «Отечественные записки», 2003]; (2) *Может, потому, что Эвенкия, входя в состав края,* ***бюджетно*** *от него отделена и является субъектом Федерации, значит – ничья?* [Рак Любовь, соб. корр. «Труда». Дети тайги // Труд-7, 2001.10.18]; *А на территории Красноярского края, где проживают эвенки, селькупы и кето (если не считать* ***бюджетно*** *отделившихся Таймыра и Эвенкии), аналогичная программа работает уже второй год, с 2000-го.* [Рак Любовь, соб. корр. «Труда». Малые народы – большие заботы// Труд-7, 2001.08.03]; (3) *И законодательно плюс* ***бюджетно*** *обеспечить выполнение одинаковых для всех россиян минимальных социальных стандартов здравоохранения, образования, соцзащиты на всех территориях страны не на уровне субъекта, то есть края, а на местном, муниципальном уровне.* [Василий Буслаев. Если говорить без лукавства // «Ежедневные новости» (Владивосток), 2003]; *Мария Киселева – учредить и открыть Дом спортсмена (по аналогии с домами композиторов, писателей); глава «Российской оборонной спортивно-технической организации – РОСТО» (ДОСААФ) Анатолий Стародубец –* ***бюджетно*** *поддерживать такого рода организации…* [Александр Садчиков. Президент атаковал ворота Третьяка // Известия, 2006.05.31].

Полагаем, что на формирование наречия *бюджетно* в выделенных случаях оказала влияние тенденция экономии речевых усилий, вследствие чего предложно-падежное сочетание с обстоятельственным значением упростилось: *отделиться (отделившиеся) по бюджету > бюджетно; поддерживать согласно бюджету, из средств бюджета > бюджетно* и т.д. Экспрессивно-стилистический потенциал единицы нейтральный: сказывается связь с производящим словом, лишённым ингерентных коннотаций.

Во-вторых, при образовании наречия и предикатива *бюджетно* в роли производящей может выступить основа ставшего качественным имени прилагательного *бюджетный*. Например: *Быстро,* ***бюджетно****, стильно… А то опять начнет башню сносить* [коллективный. Форум: Апгрейд дачной кухни (2011-2013)] – предикатив с положительнооценочным значением, поддержанным контекстуальными партнёрами *быстро* и *стильно,* которые также выражают одобрение ситуации. Можно констатировать факт

использования их в формах степеней сравнения: *Куда **бюджетней** нанять специально обученного человека за сдельную плату.* [Классика жанра в немецком исполнении // РБК Daily, 2007.01.17]; *Мы решили разобраться, в каких столовых обедать вкуснее и **бюджетнее всего**.* [Староверова Екатерина. Обед за 100 рублей или где студенту есть хорошо // Труд-7, 2010.03.04].

Ср.: *Почти столь же **бюджетно** выглядит отдых в Словакии* [Ольга Цыбульская. Лето со скидкой // «Русский репортер», № 14 (93), 16-23 апреля 2009, 2009] – мелиоративное наречие, гипосема ‘хорошо’ актуальна для контекста о приятном периоде – отдыхе, эмоциональный тон одобрения.

Наличие у оценочных слов эмоционально-экспрессивной, качественной, количественной семантики даёт им возможность вступать в парадигматические отношения. Современный мультимедийный ресурс «Словарь синонимов» фиксирует только полное имя прилагательное *бюджетный*, подтверждая развитие и функционирование его в роли качественного, демонстрируя сосуществование в этой семеме амбивалентных качественных сем (‘положительно / хорошо/ одобрение’ и ‘не очень хорошо / неодобрение’). См.: «дешёвый (40), доступный по цене (12), недорогой (18), небогатый (16), несостоятельный (40), располагающий ограниченными материальными возможностями (5), не обладающий большими средствами (55), малосостоятельный (18), скромнобюджетный (5), низкобюджетный (7), госбюджетный (1)» [11].

Частота зафиксированных в роли синонимов единиц позволяет отметить энантиосемичность рассматриваемых семем и сделать вывод, что предикатив, наречие *бюджетно*, как и качественное прилагательное *бюджетный,* от которого они произведены, стали эвфемизмами для передачи смысла ‘недорогой’, когда подразумевается приличный, не унижающий достоинства пользователя, покупателя, но доступный по цене товар или услуга и т.п. Ср.: *Стоить такой букет будет от 5 тысяч рублей, но в перерасчёте на целый класс получается очень **бюджетно*** [Ксения Конюхова. Первоклассники выбирают букеты из карандашей вместо гладиолусов // Комсомольская правда, 2013.08.29] (‘положительно / хорошо / одобрение’) и *Поясняю: БОР – отнюдь не сосновый лес, растущий на сухом возвышенном месте, а **бюджетно** ориентированный результат* [Евгений Ямбург, директор школы. 'С бора по сосенке' или 'обдирать как липку'? // Известия, 2007.12.24] (‘сдержанно, ограниченно, а потому не очень хорошо / имплицитное неодобрение’); *iPhone 5C: **бюджетно** – не значит дешево* [Дмитрий Иванов. Бюджетный телефон по Тиму Куку: AppleiPhone 5C от 549 долларов в США! // Комсомольская правда, 2013.09.11] (‘не вполне хорошо / неодобрение’).

Несомненно, знак «плюс» или «минус» при оценочном компоненте в значениях слов-омонимов *бюджетно,* качественного ЛСВ *бюджетный* зависит от того, как воспринимает современный говорящий, пишущий «объём» неких средств в реальности: ‘бюджетно’ – это ‘много’ или ‘мало’? ‘Достаточно’ – но для кого и для какой цели? За этим стоит амбивалентность первичной эмоциональной реакции, вскрывающая изменение менталитета социального

субстрата под воздействием экстралингвистических факторов (экономика, кризис, доходы и расходы), и это могут донести соответствующие имплицитные семы. Уровень жизни в эпоху кризиса и прагматика современного человека, стремящегося выглядеть достойно в процессе коммуникации, имидж удовлетворенной личности, позволяют представить причины возникновения и предпочтения в речи/текстах эвфемизма *бюджетно* (от качественного *бюджетный*) как положительнооценочного средства.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка// Избранное. 1955-2005: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. проф. К.Э. Штайн. М. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 164-169.

2. Виноградов В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык». Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова. М., 1999. [https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/istorija-slov/550]

3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М.: ВШ, 1972. 616 с.

4. Виноградова С.А. Этапы окачествления относительных прилагательных с семантико-дискурсивной точки зрения // Семантико-когнитивные исследования: Межвузовский сборник научных трудов. Министерство образования и науки Российской Федерации; Воронежский государственный университет; Центр коммуникативных исследований ВГУ; Кафедра общего языкознания и стилистики ВГУ; Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Воронеж, 2018. С. 3-7.

5. Головачева О.А. Окказионализмы – признаковые слова в идиолекте Н.С. Лескова: Монография. М.: ИНФРА-М, 2018. 128 с.

6. Губанов С.А. «Окачествление адъективов некачественной семантики в текстах М. Цветаевой: эпитетологический аспект // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. № 2 (25). С. 25-33.

7. Мао Янь Приобретение качественных значений относительными прилагательными, обозначающими материалы // Научный диалог. 2017. № 11. С. 106-119.

8. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: Монография. М.: МГУП, 2013. 300 с.

9.Национальный корпус русского языка. http://www.ruscorpora.ru (НКРЯ)

10. Серебренникова И.Г. Механизм образования качественных слов (на материале поэтических текстов К. Бальмонта) // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2000. № 3. С. 106-109.

11. Словарь синонимов. [https://sinonim.org/s/бюджетный#f] (Дата последнего обращения 1 апреля 2019 г.)

12. Тазиева Е.М. Окачествление относительных прилагательных в современном русском литературном языке: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1991. 23 с.

13. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.

14. Фигуровский И.А. О формировании грамматических понятий у детей // Избранные труды. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. С. 467-472.

15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999.

16. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Вып. 1. / Авт.-сост. Н.М. Шанский. М.: Изд-во МГУ, 1963.

17. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: В 2 т. Т. 1. М.: Флинта: Наука, 2010. 584 с.

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ КАЧЕСТВЕННЫХ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

НГУЕН МАНЬ ХАЙ
аспирант кафедры русского языка,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва; Вьетнам, г. Ханой, nmhaihn213@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые особенности синонимических рядов, членами которых являются качественные имена прилагательные. Такие синонимические парадигмы классифицируются на основе тематических групп или структурных особенностей.

Ключевые слова: качественное имя прилагательное, интенсивность, синонимический ряд, доминанта.

В качестве одной из экспрессивных частей речи современного русского языка выступают имена прилагательные (В.В. Виноградов, Ю.Н. Шведова, А.Н. Шрамм и др.). Их основным лексико-грамматическим разрядом являются качественные имена прилагательные. К качественным именам прилагательным относится то свойство, которое принадлежит самому предмету или открывается в нём, часто может отличаться различной степенью интенсивности [6, с. 539]. Например: *добрый → добрее, тихий → тише, хороший → лучше, быстрый → побыстрее, менее красный → красный → более красный* и др. Ядро качественных имён прилагательных образуют те имена прилагательные, основа которых выражает признак не через отношение к предмету. Слова данного разряда называют качественные признаки и свойства предмета: цвет (*алый, розовый, синий*), размер (*длинный, маленький, широкий*), физические признаки (*сильный, холодный, сладкий*), качества характера (*жадный, хитрый, смелый*), физиологические и умственные свойства (*здоровый, молодой, мудрый*) и др. Образование степеней сравнения (*наименее сложный → менее сложный → сложный → сложнее / более сложный → сложнейший / самый сложный / наиболее сложный / сложнее всего*) свойственно качественным именам

прилагательным, так как их качественный признак способен изменять интенсивность [10]. Имена прилагательные этого разряда комбинируются с наречиями меры и степени (***отнюдь не*** *хороший,* ***довольно*** *хороший,* ***очень*** *хороший*). Кроме того, такие имена прилагательные обладают другими признаками.

Синонимы являются вариантами структурно-функциональных единиц (инлексем), вступившими во внутрипарадигматические отношения в процессе функционирования и сложившимися в синонимический ряд (синонимическую парадигму). Синонимический ряд представляет собой упорядоченное множество функционально тождественных лексических единиц, служащих вариантами одной структурно-функциональной единицы. За данными рядами необходимо видеть функционально-структурные единицы (лексические инварианты), которые находятся в разных системных отношениях друг с другом [5, с. 49]. Компоненты синонимического ряда идентифицируются по отношению к доминанте – определяющей лексемы ряда. Доминанта (стержневое, опорное слово) представляет собой семантически наиболее простое по семному составу, как правило, стилистически нейтральное, синтагматически наиболее свободное и употребительное слово. Доминанту можно рассмотреть как своеобразную «точку отсчёта» в синонимической парадигме. В ряде случаев стержневое слово парадигмы приближается к передаче эквивалентного содержания, общего для всех членов ряда. На фоне доминанты другие члены ряда воспринимаются как семантически более сложные и стилистически окрашенные.

Материалом исследования послужил словарь синонимов русского языка А.П. Евгеньевой в двух томах [7, 8], который был издан в 2003 году. В данном словаре синонимов представлено примерно 130 синонимических рядов качественных имён прилагательных. Эти синонимические парадигмы классифицируются по различным тематическим группам, выражающим: размер (*громадный, огромный, колоссальный, гигантский, исполинский, грандиозный, циклопический*), физические характеристики и физиологические свойства (*больной, нездоровый, немощный, хворый, недужный*), психические состояния человека (*весёлый, развесёлый, неунывающий, жизнерадостный*), нравственные качества человека (*добрый, добросердечный, сердечный, душевный*), качества умственного склада (*бестолковый, несообразительный, непонятливый, недогадливый, тупой, глупый, безмозглый*), возраст (*старый, престарелый, преклонный, древний*), цвета (*зелёный, травяной, изумрудный, малахитовый*), время (*долгий, длинный, продолжительный, длительный, долговременный*), температуру (*холодный, ледяной, студёный, стылый*), вес (*тяжёлый, тяжкий, нелёгкий, грузный, веский, тяжеловесный*), звук (*тихий, негромкий, неслышный, слабый*), вкус (*вкусный, лакомый, аппетитный, смачный, сладкий*), эстетические ценности (*миловидный, милый, миленький, хорошенький, смазливый*) и др. Многочисленными среди данных тематических групп служат синонимичные качественные имена прилагательные, проявляющие нравственные качества человека, физические характеристики и

физиологические свойства, и психические состояния человека. А остальные группировки незначительные по количеству рядов.

А по структуре синонимичные качественные имена прилагательные группируются в четыре ряда: двухчленные ряды или пары (*светлый, ясный*), трёхчленные ряды (*болезненный, нездоровый, больной*), четырёхчленные ряды (*бледный, белый, серый, бескровный*) и многочленные (более четырёх элементов) ряды (*низкий, низенький, невысокий, низкорослый, малорослый, мелкорослый, короткий, коротенький*). Двухчленные ряды качественных имён прилагательных являются наименьшими по количеству рядов, а многочленные ряды – наиболее большими. Многочленные синонимические парадигмы характерны для многозначных качественных имён прилагательных.

В состав одного синонимического ряда способны входить качественные имена прилагательные, относящиеся к различным стилям речи (просторечные слова, разговорная лексика, устаревшие слова, грубо-просторечная лексика, народно-поэтическая лексика и др.). Например: *настойчивый – упорный – упрямый – напористый – настырный (разг.) – упористый (прост.); большой – великий – огромный – громадный – большущий (прост.) – здоровенный (прост.) – здоровущий (груб.-прост.)*. В разные синонимические парадигмы может вступать многозначное качественное имя прилагательное, каждый смысл которого будет проявляться в каждом конкретном ряду. Например: имя прилагательное *бледный* в значениях, соответственно, «неяркий, слабый (о свете); светящийся слабым, неярким светом; тусклый; слабо окрашенный, недостаточно интенсивный (о цвете чего-л.)» [3], «лишённый румянца, бескровный (о лице, коже); имеющий лицо без румянца (о человеке)» [3] способно вступать в два следующих синонимических ряда: ***бледный*** *– неяркий – бесцветный – блёклый – тусклый,* ***бледный*** *– белый – серый – бескровный***.** Один и тот же полисемант в своих разных смыслах может быть опорным словом одного или более синонимических рядов, которое часто стоит в начале каждой парадигмы в словаре. Так, например, имя прилагательное *старый* служит стержневым словом следующих синонимических парадигм: ***старый*** *– престарелый – преклонный – древний* (в значении «проживший много лет и достигший старости» [3]), ***старый*** *– ветхий – дряхлый – древний* (в смысле «созданный давно, существующий долгое время» [3]). Компонентами синонимических рядов качественных имён прилагательных могут стать некоторые заимствованные лексемы из других языков: *вежливый – учтивый –* ***корректный*** *– уважительный – обходительный – предупредительный – любезный –* ***галантный***. В синонимических парадигмах присутствуют только стилистически нейтральные качественные имена прилагательные: *громадный – огромный – колоссальный – гигантский – исполинский – грандиозный – циклопический*. В синонимических рядах лексем данного разряда встречается морфологическая синонимика: *багровый – багряный –* ***пурпурный*** *и* ***пурпуровый*** *– кровавый*. Элементами данной парадигмы иногда являются устойчивые выражения: *глухой – тугоухий –* ***тугой (крепкий) на ухо***. От качественных имён прилагательных синонимического ряда иногда может

образоваться синонимическое гнездо: *жадный – алчный – завистный, жадность – алчность – зависть, жадничать – алкать – завидовать*. В данный ряд могут вступать имена прилагательные в переносном значении: *слащавый – сладкий – сладенький – елейный – приторный – медовый – паточный*. В синонимических рядах нередко представлены имена прилагательные с *не* или *без*: ***бесчувственный*** – ***нечуткий*** *– равнодушный – холодный – толстокожий – твердокожий*.

Таким образом, доминирующим качественных имён прилагательных является качественный признак, который можно измерять и изменять. Две или более лексемы, вступающие в синонимические связи составляют синонимический ряд, в котором выделяется доминанта. Её характерной чертой служат максимальные семантическая простота и синтаксическая свобода. В работе представлены классификации синонимических рядов лексем этого разряда по тематике и структуре. В синонимические парадигмы качественных имён прилагательных объединены следующие: стилистически окрашенные или нейтральные лексемы; лексико-семантические варианты полисемантов; заимствованные слова; многозначные слова, способные выступать доминантой в различных рядах; слова, используемые в переносном смысле и др.

Список литературы

1. Гуднов Р.Н. Синонимические ряды глаголов интеллектуальной деятельности в современном русском языке (функционально-семантический аспект): Автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2013. 24 с.

2. Денисов Ю.Н. О некоторых подходах к проблеме выделения доминанты синонимического ряда // Вестник ТГУ. Серия Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. Тамбов, 2013. Вып. 2 (118). С. 169-174.

3. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-образовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.

4. Карандашова Н.Э. Синонимические ряды глаголов психической деятельности (функционально-семантический аспект): Дис. … канд. филол. наук. СПб., 2003. 209 с.

5. Краснов Ф.А. Структурно-функциональная теория лексической синонимии русского языка (к проблеме лексического варьирования). Фрунзе, 1987. 104 с.

6. Русская грамматика. Т. I. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 789 с.

7. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А-Н / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 680 с.

8. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 2: О-Я / ИЛИ РАН; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 856 с.

9. Современный русский язык. В 3 т. Т. 2. Морфология: Учебник и практикум для академического бакалавриата / С.М. Колесникова, Н.А. Николина, В.А. Лаврентьев [и др.]; под ред. С.М. Колесниковой. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 208 с.

10. Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л., 1979.

УДК 81'373.45

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ «СТОППЕРЫ» В ЯЗЫКЕ ТЕКСТОВ В. ПЕЛЕВИНА

НОВОСЕЛЬЦЕВА ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА
к. филол. наук, доцент, доцент кафедры романо-германских языков и перевода,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, inelsu@mail.ru

В центре исследования находится язык двух последних романов В. Пелевина «iPhuck» и «Тайные виды на гору Фудзи». Цель автора статьи – изучение использованных писателем иноязычных новообразований и окказионализмов, рассмотрение способов их введения в текст, комментирование стратегии перевода и истолкования, анализ словообразовательных типов и моделей новообразований. Затрагиваются вопросы ассимиляции иноязычных заимствований в русском языке, в связи с чем отмечены некоторые новые тенденции в его словообразовательной системе.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, ложная этимология, словообразовательные типы и модели, способы перевода и истолкования, структура и семантика новообразований, стратегия введения в текст нового слова, окказионализмы, дериваты неологизмов.

Новые слова теперь часто входят в лексикон многих языков одновременно, обозначая более или менее однородные понятия, и *стоппер*, или *ай-стоппер* (eye-stopper/i-stopper) – вообще, это бросающийся в глаза объект, резко выделяющийся из общей массы. Мы теперь можем столкнуться с этим значением в рекламе товаров, шоу-бизнесе, спорте, ресторанном деле и т.д. Под *лингвистическим стоппером* мы понимаем необычное слово или оборот речи, задерживающий наше внимание при чтении текста.

Русский вокабуляр активно пополняется англоязычной лексикой, структурно-семантический анализ которой поможет определить проявляющиеся тенденции в графическом, морфологическом и грамматическом оформлении заимствованной лексики, а также в способах передачи её семантики. *Целью* нашего исследования является установление типов и моделей регулярных словообразовательных структур, служащих для оформления иноязычных морфем в русском языке, включая псевдо-заимствования и окказионализмы. В связи с намеченной целью средоточием нашего интереса являются следующие *объекты*: а) источник и цели иноязычного заимствования или создания новой лексики; б) классификация

неологической лексики, средства и способы оформления новых лексических единиц (графические, морфологические и грамматические); в) способы введения неологизма в русский контекст и способы передачи его значения.

Материал исследования собран в процессе анализа языка романа В. Пелевина «iPhuck10» [1], с привлечением некоторых примеров из других его произведений, ссылки на которые будут уточняться в каждом отдельном случае. Наше внимание будет сконцентрировано на трёх разрядах лексики – это *слово, словосочетание, предложение* (высказывание/суждение), не касаясь более крупных структур (например, *текст в тексте*), которые в большей степени приоритетны для рассмотрения с литературно-стилистической точки зрения, мы же ограничимся лингвистической платформой. Итак, рассматриваемые языковые примеры структурно делятся на языковые единицы (1-2) и комплексы (3):

1. Слово: Тот *тиви*, который в гостиной… На мелких *скринах* я себя не *тридэчу* из самоуважения. …при плохом разрешении – только *двуха*.

2. Словосочетание: Это как бы *softpower*.

3. Предложение: *Special drawing rights are human rights*.

Цели заимствования (или словотворчества на его основе) могут быть разными – от объективной лакунарности в понятийной системе родного языка до желания автора/переводчика поиграть словами. Так, многие заимствованные из английского лексикона слова короче и экономнее в использовании печатного пространства, чем объёмные словосочетания родного языка, используемые для номинации того же объекта или явления, чем показательна и привлекательна компрессивная функция англицизмов. Необходимо также отметить, что нередко заимствуемое слово одновременно появляется в десятках других языков, отражая реалии современной жизни, общие для многих народов и культур, превращая его в понятный межязыковой термин, способствуя формированию навыков билингва у коммуникантов. Иногда вокабуляр, принимающий заимствования, вынужден осваивать новые структурные модели лексики, что обогащает словообразовательный потенциал языка-реципиента.

Роман Виктора Пелевина «iPhuck10» даёт обильный материал для исследования иноязычных вкраплений, заимствований и авторской окказиональной лексики, всего нами зафиксировано порядка пяти сотен примеров такого рода. Справедливости ради заметим, что, хотя подавляющее большинство встречающихся неологизмов пришло из английского, здесь широко представлены и другие, не только европейские языки: *Гросс Дойчланд*, *киндерпорн* (нем.); *оммаж, а труа* (франц.); *вилаят, джихади* (араб.); *манга, тамагочи, тянка* (япон.); *ширин, ханум* (иран.); *магнумопус*, *триеннале* (лат;); *майдан* (украин.); *муладхара*, *рупа* (хинди); *Дафаго* (предположительно от китайск. Fălúndàfă) и т.д. Эти языки представлены двумя вариантами графики – латиницей (*BigOther, résistance, lèsemajesté*) или кириллицей (*мэйнфрейм, бильт, Зика-3*), иногда комбинацией того и другого: *ТЭЦELITE* (аббрев.). И если в ранних произведениях автора заимствованная лексика графически отличалась от единиц регулярного русского вокабуляра шрифтом, степенью

интенсивности его окраски или размером, то этого давно уже не наблюдается в новых его текстах. Основная цель употребления этих новообразований – игра слов, создание комического эффекта с большой примесью сарказма и иронии, приправленной хулиганским желанием эпатировать читателя.

Источником заимствования может быть как литературная лексика, так и многочисленные разряды нелитературных слов. Встречаются клишированные английские выражения, знакомые большинству по работе в Интернете (*You'vegotmail*), и обиходная лексика (*лук* в значении *внешний вид*). Большим разнообразием отличается класс окказиональных онимов (*Ум**меркель**-ханум*), в том числе и топонимической лексики (*Дафаго*), названий пародируемых брендов, организаций и групп (*Самсунь, iPhuck, PussyGrab #3*).

В тексте романа имеется множество окказиональных аббревиатур различного типа, расшифрованных автором с виртуозным издевательством над современными реалиями жизни общества: *USSA – United Safe Spacesof America, NAC – Накося, coreset – плотный и длительный телесный контакт*. Особенно хорошо это ему удаётся, если инициальное сокращение звучит двусмысленно, поскольку включает в себя буквы, существующие как в русском, так и в латинском алфавите: *НЕА* – название жилтоварищества, *сапы* (*SAP*) – Second Amendment People (люди Второй поправки конституции, имеющие право на ношение оружия). Наблюдается употребление ложных паронимов сниженной стилистической окраски и эвфемизмов: American *spaces – промежности* вместо *промежутки*; *sitting – седалище* вместо *заседание*, *пенетрация, орифайс, копуляция* и др.

Иногда автор пытается вторгнуться в область английской фразеологии, по-своему трансформируя известные идиомы: мой фирменный *конёк-горбунок* (англ. *myhobby-horse*), нередко перемежая русский сленг иностранным: всемирная *вата*, *реднеки*, *nobullshit*. Наряду с этим, язык романа включает множество слов, представляющих научную и религиозную терминологию (*консумеризм, lèse-majesté, манипул, спин-офф, рупа, могендовид*), компьютерную литературную и сленговую лексику (*интнрфейс, эмоджи, айтишник, разлоченый, шутер, твит*). Нередко встречаются синонимы понятий в научной и разговорной форме (*харасмент – энтайсмент, нонбай – небинарный*), варваризмы и табуированные слова с псевдо-переводом, превращающим их в малопропизмы или обсцентную лексику в целях создания комического эффекта (*cuiprodest* и *cuibono*, как солоно шутят в Управлении, *х.. продаст* и *х.. боно*).

Но больше всего в тексте наблюдается иноязычных вкраплений с авторской ссылкой на намеренно ложную этимологию (*flyoverstates – Пролетария*) и авторских окказионализмов: *инфоаура, бутик-сексодрамахакеры-шахиды, еврошариат, гей-версия, три-дэха, дидло, огмент, андрогин.*

Несмотря на то, что была отмечена попытка учёных трактовать такие вкрапления как *использование* иноязычной лексики (Верещагин Е.М), её *трансплантированием* (В.В. Кабакчи), а сами слова *англоязычными*

окказионализмами (А.И. Дьяков), терминологического закрепления эта идея не получила, хотя во многом выручила бы лексикологов при существующих затруднениях классификации иноязычных заимствований, особенно для дифференциации неологизмов и окказионализмов, калек, безэквивалентной лексики и варваризмов. Так, акад. Щерба Л.В. именовал их *креолизованными речевыми образованиями англо-русского суржика.* Проф. Шанский Н.М. предлагал рассматривать несклоняемые иноязычные заимствования (особенно зафиксированные латиницей) как *варваризмы*, поскольку они не вписываются в систему синтаксических связей в предложении. Подобных примеров немало в произведениях В. Пелевина: интимн***ая*** proximity, учитывая, что второй член словосочетания переводится существительным женского рода ‘близость, похожесть’ [2, с. 64.]. Так постепенно, благодаря влиянию большого количества английских заимствований, в русском языке складывается благоприятная почва для развития его аналитических свойств.

Мы склоняемся к идее Верещагина Е.М. и готовы дать таким словам наименование *псевдо-окказионализмы*, или *ино-окказионализмы*, т.е. окказионализмы под видом иноязычного заимствования. Под *иноязычным псевдо-окказионализмом* мы понимаем лексическую единицу, которая не существует ни в языке-источнике, ни в языке-реципиенте, а лишь копирует (или комбинирует) в своей словообразовательной модели семантические и/или морфологические признаки иностранной лексемы.

Вопрос *классификации* подобной лексики нуждается в уточнении: это зависит от того, с какой точки зрения мы собираемся рассматривать заимствование. Если это вопрос происхождения, то существенно, *какой класс лексики* представляет слово в языке заимствования, а именно, взято ли оно из класса экзотизмов, фиксирует ли оно в иностранном лексиконе общеупотребительное слово или является неологизмом в самòм языке-источнике. Кроме того, оно может представлять класс безэквивалентной лексики, т.е. быть авторским окказионализмом под видом заимствования, (псевдо-заимствованием/окказионализмом). Именно такие окказионализмы широко представлены в языке ряда последних романов В. Пелевина.

Заимствованные слова можно классифицировать *по способу их перевода* или передачи средствами другого языка. Мы упомянули выражение «передача средствами другого языка», потому что, строго говоря, транскрипция неологизма или его транслитерация не подразумевают перевода как такового. В этом случае слово просто заимствуется в той звуковой или письменной форме, которая ему присуща в языке-источнике. Иногда цель заимствования сводится лишь к передаче семантики (особенно много проблем возникает при переводе безэквивалентной лексики): здесь может быть использовано калькирование, аналоговый, ассоциативный или описательный/экспликативный перевод. В отдельных случаях мы сталкиваемся с трансноминацией, т.е. новой/повторной номинацией уже существующего объекта, имеющего сигнификат в принимающем языке.

В некоторых работах, посвящённых переводу, мы встречаем термин *редупликация*, под которым подразумевается один из четырёх способов передачи иноязычного вкрапления – транскрипция, транслитерация, калькирование, вкрапление латиницей. Такая разноголосица в терминологии создаёт большие трудности при изучении данного класса лексики. Мы не претендуем на терминальную классификацию всех видов заимствований, но рискнём упорядочить подобранную в качестве примеров лексику по-своему.

Итак, в тексте романа В. Пелевина мы наблюдаем:

1) ***варваризмы*** – нетранскрибированные иноязычные вкрапления, зафиксированные латиницей (*Orange, red, yellow; dasKapital, physicalityclass-3; C'estlavie, singularitн),* среди которых наименования, цитаты и т.д. часто даны без перевода и истолкования («*GoldmanSachs»);*

2) ***контаминированные*** вкрапления, когда иноязычная основа сочетается с русскими словообразующими морфемами/флексиями: *один из…look'ов* (имиджей), горе *look'овое, feed'ами*;

3) иноязычные ***заимствования*** (в транслитерации или транскрипции), переданные кириллицей: *трейдмарк, оммаж, сейфер, мейл, пингвин-сьют, селебритиз, гей-энд-лесбиан, аффирмативно-миноритарный, апдейты, апгрейды, пикаперы, фича, клик*;

4) ***кальки и псевдо-кальки***: *небинарный, недочеловек, речекряк* (англ. duckspeak), body-shame – *телопозорить*, mind-shaming – *умопозорить/душестыдить*, *Пролетария* у В. Пелевина изящная псевдо-калька от «*flyoverstates*» (*пролетаемые/пролетарские* штаты – ложные паронимы);

5) ***аббревиатуры*** реальные и окказиональные, расшифрованные при помощи ложной этимологии: у Пелевина HR – *эйчары* (по названию английских букв), называют же их *хрустами* по латинским буквам «H» (X) и «R» (P) – ассоциация с хрустящими банкнотами в воровском жаргоне; в наше время *эйчрами* себя называют кадровики от словосочетания Human Resources (человеческие ресурсы);

6) ***псевдо-заимствования***, или ***окказионализмы***, возникшие в результате койнинга (словоизобретения): *виброфуршет, огмент, iPhilm, Викиолл, фантазм, тетрокаин, зоофобка, тянка, ВзломП*;

7) ***псевдо-варваризмы***, или варваризмы наоборот, когда русские слова переданы латиницей; в языке анализируемого романа мы не нашли подобных новообразований, но они встречаются у других авторов: Shtodalshe? [3]

Реальные иностранные (чаще английские) слова, нередко устоявшиеся термины, традиционно приводятся кириллицей: *эмитировать, утилиты, кредениалы, профит* и т.д. Часть из них уже вошла в профессиональный вокабуляр специалистов, работающих в различных отраслях. Нередко слова разных языков приводятся как в оригинальной, так и в транскрибированной форме в разных дискурсах одного и того же текста: *убер* и *über* (немец.) с реальным и окказиональным истолкованием.

Анализ *приёмов ассоциативного койнинга*, используемых В. Пелевиным при семантизации новообразований, выглядит следующим образом.

1) ***Фонетический способ*** – создание эхо-слов, основанных на их созвучии: *iPhuck* (Ifuck), *айфаки* (айфоны), *андрогины* (андроиды).

2) ***Морфологический/аффиксальный способ*** словообразования различных подвидов: суффиксальный – *лоерский, трипанувший (Ф), осциллирующий, мэйнстримный, валидный, дигитальный;* префиксальный – *нонбай, ресантимент, pre-caliphate;* суффиксально-префиксальный – *засингуляриться, сморфить* [4], *залоченый, разлоченый.* Иностранные корневые морфемы даются латиницей, иногда с русскими суффиксами и флексиями: *look, look'ов* (сущ. в род. падеже, мн.ч.), *look'овое* (прилаг.).

Всё большее распространение получают суффиксы -ор (-or) и -ер (-er), последний часто с удвоением последней корневой согласной заимствованной основы: *диггер, киллер, зуммер, пенетратор, сейфер; книггер* [4]. Последний пример образован по тому же словообразовательному аффиксальному типу, что и приведённые до него, но слово образовано от русского, а не от английского корневого радикала. В ряде работ учёных в этой связи уже отмечалась активизация употребления суффикса *–инг* в нашем языке: *этнодауншифтинг, траффикинг, блендинг.*

3) ***Конверсионный межязыковой способ*** – с нулевым аффиксом: *лофт, читинг.*

4) ***Аббревиация инициальная, акронимическая*** и др.: *ddos-атака* (*DoS*аббр. англ. *DenialofService* – отказ в обслуживании), *е-тянка, е-контакт, Ебэнк, е-пары n-слово, iPhilm, iPhuck, неоконы.* Сокращения различного вида представлены с расшифровкой и без неё (на русском или английском языках): *BET* и *RCP* (*Bounded Exhaustive Testing* и *Random Code Programming*), *Ph.D*. и *пи-эйч-ди* (в транслитерированном варианте). Окказиональные слова и аббревиатуры наделены обновлённой или расширенной семантикой (*USSA, орифайс)*.

5) ***Словосложение:*** *велферленд, огмент-очки, тетр**о**каин, бутик-сексодрама, Арт-истеблишмент, пингвин-сьют, суглообразный, спин-оффы.*

6) ***Словослияние*** (термины разнятся – контаминация, стяжение, гибридное словообразование, гаплология, телескопия, изоморфизм, блендинг): *зоофобка, еврошариат, акцио-эстампкидалт, прессститутки, Forex (foreignexchange), USSA (USA+USSR), дилдак*. Отметим появившиеся в интернет-рекламе бленды типа *Hostimul*(хостинг-провайдер).

7) ***Редупликация*** *– мульти-культи.*

8) ***Лексикализация*** сокращений и даже пунктуационных знаков (превращение их в полноценные лексческие единицы, представляющие единое понятие). В данном случае мы наблюдаем образование знаменательных частей речи от аббревиатур или названий пунктуационных знаков, которые трансформируются в производящую основу на базе уже ранее опробованного и устоявшегося способа (*пиарить, айтишник)*: *доткомовская* буржуазия (*dot.com. – точка* и аббревиатура слова *communication*) [5, с. 71], *гэбэшный* [5,

с. 33], *цэрэушный* [5, с.66], HR – *эйчары, тридуха, тридэчить* (существительное и глагол от аббревиатуры 3-D, т.е. от модели «числительное+лѝтера»), *двуха* (2-D), *айфачиться* (от iPhuck), *зиговать* (от немецк. Sieg Heil).

9) ***Семантический способ***, который распадается на два типа: а) ***сужение семантики*** заимствованного полисемичного слова, отграничение от остальных значений и превращение его в моносемичное. В своё время слово *драйвер* было заимствовано в значении «средство программного обеспечения» при основном значении в английском *шофёр, водитель,* которое не вошло в наш вокабуляр. Позже был заимствован корневой радикал *драйв.* То же произошло и со словом *флайер,* заимствованном в значении «рекламный листок» при наличии других значений (*окунь, маховик, лестничный пролёт* и др.); б) ***расширение семантики*** существующей лексики: *Троянская* война – *троянская* программа [4]. У В. Пелевина мы встречаем слово *триггеррно* в значении «попутно, автоматически, бездумно» от значения «нажать курок, запустить, дать толчок»; при этом способе мы отмечаем ***метонимический перенос значения***.

10) ***Синтаксический способ*** – это слияние в цепочку определений (чаще всего левых), что позволяет более сжато и ёмко передавать экспрессивно-оценочные коннотации объекта – *квадрупл-милк-кофе* (о цвете кожи).

11) ***Игра словами*** – словотворчество, каламбуры, когда русские коллоквиализмы могут быть заменены английскими синонимами: *фича* – фишка, *лингводудос* – речекряк. Среди них обильно рассыпаны вульгаризмы, жаргон и сленг: *вепонизированная* культур*ка*, отдает *мусарней*, *тиви*, всемирная *вата*, *седалище* Ебанка (заседания), ЗГЫЫН (набор кириллицей вместо латиницы, что заменяет слово *PUSSY*) [4], *Pussygrity* («феминистская философия», звучит как эхо кастанедовской *Тенсегрити*).

12. ***Контаминация*** – смешение, комбинирование части русского и части английского слова, когда каждая из морфем сохраняет оригинальное написание: *look'овое, feed'ами.*

Наша классификация не претендует на исчерпанность и терминальность, некоторые из отмеченных словообразовательных типов можно объединить с другими или, наоборот, разделить на более детализированные подвиды. Цель наша в бо̀льшей степени была связана с намерением определить наиболее распространённые словообразовательные типы, использованные для койнинга неологизмов в языке романа В. Пелевина. Мы также были заинтересованы в поиске новых для нашего языка словообразовательных моделей, если таковые найдутся.

Рассмотрев и проанализировав более пятисот вкраплений, новообразований и окказионализмов различного уровня, отметим, что среди изученных словообразовательных моделей наиболее распространёнными типами являются аффиксальный и способ словосложения. К самым экзотическим мы относим лексикализацию сокращений, контаминацию латиницы и кириллицы в одной лексической единице, синтаксический способ

создания цепочки левых определений и перераспределение в классе переходных/непереходных глаголов, о чём будет сказано чуть ниже.

По ***способу введения неологизма*** в русский текст мы также можем упомянуть несколько способов (кстати, текст романа «iPhuck» сопровождается авторскими примечаниями, но их количество (27) явно недостаточно для понимания всех неологических придумок писателя). Стратегия обеспечения понимания текста с иноязычными вкраплениями зачастую подразумевает последующее или предварительное истолкование их значения. Иногда неологизм, уже существующий в языке как заимствование, получает дополнительное значение, расширяя семантику, что трактуется как семантическая инновация или переосмысление. Поскольку иноязычный неологизм, как правило, заимствуется с узкой целевой семантикой, в принимающий язык переходит лишь его семантическая доминанта, хотя и существуют случаи, когда заимствуются второстепенные или обновлённые значения иноязычной лексической единицы (как это произошло со словом *дау*в английском языке).

Стратегия введения такой лексики в тексте В. Пелевина предусматривает:

1) параллельное истолкование неологизма или его перевод в пределах сообщения в пределах смыслового дискурса, причём порядок их презентации может быть как прямой, так и обратный (*L'Eternelretour* – Вечное возвращение, *унтерменш* – убийца-карлик, т.е. недочеловек; *муладхара* – чакра в основании позвоночника; *амиотрофический латеральный склероз* – ALS, или Lou Gehrig'sdisease; *минс – mince* по-английски *фарш*);

2) помещение описательного/экспликационного перевода к неологизму или вкраплению в постраничном примечании или в конце всего текста (см. примечания: 22. *virtuesignalling* – демонстрация добродетели; 23. *soumission* – подинение);

3) использование вкрапления или окказионализма/неологизма без перевода, если его семантика легко вычленяется из значения морфологических элементов лексемы или словосочетания (*зорро-мувиз*), или его роль не существенна для повествования, иногда это касается названий газет, фильмов, адресов и тому подобное: (*Дойче Вохеншау, Блонди, Der Karma-code, Sleepy Hollow*).

Что касается проблемы *ассимиляции* подобной лексики в системе русского языка, мы не будем касаться вопроса адаптации непривычных иностранных звуков к фонетической системе языка-реципиента: она может либо стоять на месте, либо двигаться в одном направлении (если заимствование приживается в языке), хотя и с разной степенью интенсивности для различных примеров. Мы же рассмотрим признаки морфологической и грамматической адаптации, касающейся типов и моделей новообразований, а также способы их введения в структуру сообщения и варианты семантизации в русском контексте.

В разное время учёные, занимающиеся анализом данного процесса (Аристова В.М., Кабакчи В.В., Лашкевич О.М., Листрова-Правда Ю.Т., Ефремов А.П. и др.), стремились определить основные направления, связанные с освоением/ассимиляцией английских (и не только) заимствований. Это дало им возможность отметить стремление к экономии языковых средств и к развитию аналитических черт грамматики, как общую тенденцию развития русского языка. Среди анализируемых примеров мы отмечаем лишь знаменательные части речи – существительные (*айкинематограф, унтерменша, визуал, фантазм*и др.), глаголы (*залинковаться, гуглить, зиговать, инсталлировать, айфачиться*, *трансэйджиться* и др.), прилагательные (*айфачный, мейнстримный, рандомный, гуглообразный*), одно наречие (*триггерно*) и одно местоимение (*she-зрители*).

Иноязычные заимствования по большей части представлены классом существительных, поскольку новые объекты и явления нашей жизни требуют номинации, но возросло также и количество глаголов. Признаки рода, числа и падежного склонения относятся к важнейшим характеристикам адаптации таких заимствований к системе принимающего языка. В ряде работ, посвящённых данному вопросу, уже отмечалось, что несклоняемые существительные данной группы нередко употребляются во всех трёх родах (*биеннале, пати, ноу-хау,* марки автомобилей *«Вольво», «Ауди»*), признаки рода этих существительных только складываются, проявляя подвижный и неустойчивый характер. Среди них имеется ряд несклоняемых существительных так называемого общего рода (*хиппи, беби*), которые могут относиться как к единственному, так и к множественному числу, а также группа несклоняемых существительных на *-с/-з (евроньюс, гёрлз, праймериз)*. У Пелевина мы встречаем словосочетание *мойтрейдмарк*, хотя *марка* (в значении «торговая марка») давно закрепилось в языке как существительное женского рода. Точно так же он трансформировал род существительного среднего рода *порно* в мужской: *жёсткий порн.*

Большинство заимствованных субстантивов на *-инг* причислены к мужскому роду как существительные, обозначающие абстрактные понятия и имеющие фонолого-морфологические признаки рода – консонантный исход).Субстантивы на *-инг* составляют довольно многочисленную группу и употребляются в основном в единственном числе, что вполне объяснимо при их отнесении к классу абстрактных существительных (*пирсинг, нейминг, шопинг*)*: этнодауншифтинг, брендинг*, *аутсорсинг* [5, с. 71]. К свойствам этих существительных относится не только общая для многих субстантивов способность образовывать однокоренные прилагательные (*консалтинговый, рейтинговый*), но и глаголы (*рейтинговать, кастинговать* и т.д.).

Среди важнейших тенденций отмечались следующие: появление существительных женского рода с твёрдой согласной в финале (*ресепшн, демо тейп*), демонстрирующих неспособность к словоизменению. Отметим также некоторые трансформации в употреблении уже устоявшегося рода некоторых существительных. Так, слово *фотомодель,* традиционно зафиксированное как

существительное женского рода, теперь может относиться и к объекту мужского рода, а слово *порно* (уже упомянутое выше и традиционно представляющее средний род) теперь проявляет свойства мужского рода в словосочетании *киндерпорн.*

Интенсивное употребление заимствованных слов вызывает словообразовательную активность, в результате которой наблюдается появление множества дериватов, образованных от этих неологизмов, в том числе мы уже упоминали о таком явлении, как лексикализация аббревиатур (*эйчары, тридэчить, зиговать, айфачиться* и т.п.).

Важно упомянуть и такое явление, как трансформация/перераспределение синтаксических связей слов в русском предложении по новой системе: мы встречаем согласование вместо примыкания и управления, что свидетельствует о том, что некоторые непереходные русские глаголы готовы проявлять признаки переходных: «Когда *тебя девушка обедает*? – Только когда *она меня* после этого *танцует*». Автор пытается применить систему аналитических связей между членами предложения по образцу английской. Этот пример синтаксической связи ранее уже опробованной в русском языке: в бюрократическом языке выражение *голосовать повестку дня* стало за последние десятилетия вполне приемлемым и нормативным. Прецедент зафиксирован, и под его влиянием в русском языке могут начать формироваться условия для развития его аналитических свойств.

Английский язык стал более доступным для изучения и использования. Молодое поколение писателей более сведущи в нём, им доступно чтение произведений британских авторов в оригинале, и они замечают те особенности, которые отличают наши два языка. Так, например, в произведениях Дж. Роулинг (опубликовавшей свои четыре последних романа под псевдонимом Робет Гелбрейт) можно заметить множество языковых примеров, состоящих из длинной левой цепочки безаффиксальных атрибутивов перед дополнением.

She had recently ended a *five-year-long live-in* relationship. He had been forced to break his *no-consecutive-overnights-at-a-woman's* rule. A *red-and-gold-carpeted* central staircase. He was married to *what's-her-name, lovely gel*, Annabel. the*old impossible-to-prove-a-negative* problem [6].

И вот уже у русских авторов мы можем наблюдать попытки применить этот синтаксический способ словообразования в структуре своих сочинений.

«Зато в арсенале семейного, *еще-от-бабушки*, новогоднего богатства был *человек-курилка*. …В старые времена *весь-я-не-умру* было делом выбора» [7].

«*Футбол-хоккей-фехтовальное* кино … выступал настоящий *мастер-чемпион-инструктор*… на виселицу вместо них попадает злой *шериф-кондотьер-гетьман*» [8].

«Не стал я и тем, кого на Крайнем Севере называют «неумеха», то есть Парнем-Который-Не-Умеет-Разделать-Тюленя» [9].

При изучении текста последнего из изданных романов В. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи» новых словообразовательных моделей или

примеров заимствования синтаксических структур из английского языка не отмечено. Подождём следующего сочинения этого неутомимого создателя русско-английского «новояза».

Подводя итоги, можно отметить следующее.

1. *Проблема классификации* новообразований по-прежнему остаётся нерешённой, поскольку многие слова исследуемой группы могут трактоваться одновременно как неологизмы, вкрапления, окказионализмы, варваризмы, заимствования и т.д., следовательно, данный вопрос требует дальнейшего изучения, а терминология – уточнения.

2. *Способ введения* неологизма в текст подразумевает его форму (латиницей/кирилицей) и истолкование семантики, которое может быть А) не истолковано, т.к. понятно из контекста или, напротив, не имеет значения; Б) с предварительным или последующим объяснением его значения в самом тексте или в примечании.

3. *Словообразовательные модели* новообразований, используемые автором обсуждаемого романа, представлены двенадцатью различными типами, из которых примерно половина вписывается в рамки существующих продуктивных моделей словообразования в русском языке. Среди изученных примеров подавляющее число относится к аффиксальному типу или образовано по модели словосложения. Отмечены также относительно *новаторские словообразовательные типы* (количество таких примеров не превышает 18% от общего числа), которые ещё предстоит отслеживать, чтобы выяснить перспективу их ассимиляции в русском языке (пп. 1, 3, 6, 7, 8,10, 12).

4. *Способы перевода*, используемые В. Пелевиным для иноязычных заимствований и псевдо-заимствований, вводимых в текст, включают транскрипцию, транслитерацию, калькирование, экспликативный перевод и ложную этимологическую ссылку.

5. Изучение представленного выше материала, во-первых, даёт нам возможность говорить о дальнейших перспективах развития словообразовательной системы русского языка, которую подвергает испытанию автор романа *iPhuck10*. Во-вторых, можно по-разному оценивать сближение словарного состава нашего языка с английским вокабуляром, но это абсолютно объективное явление, которое требует пристального внимания и изучения.

Список литературы

1. Пелевин В.О. iPhuck 10. – М.: Изд. «Э», 2017, 444 с. URL:https://reading-books.me/prosa/sovremennaya/597-iphuck-10.html(10.01.2019)

2. Пелевин В. Ананасная вода для прекрасной дамы. М.: Эксмо, 2010. URL:http://knizhnik.org/viktor-pelevin/ananasnaja-voda-dlja-prekrasnoj-damy/1(10.01.2019)

3. Добродеев Д.Б. Momenty.ru. М.: ОЛМА-Пресс «Звездный мир», 2005. 416 с. URL:https://spblib.ru/catalog/-/books/3213700-momenty-ru(10.01.2019)

4. Пелевин В.О. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2018. 291 с. URL:https://www.litmir.me/br/?b=624839(10.01.2019)
5. Пелевин В. Ананасная вода для прекрасной дамы.
6. Galbraith R. (J. Rowling) Lethal White. New-York, 2018. p. 28. URL:https://bookfrom.net/robert-galbraith/42342-lethal_white.html(10.01.2019)
7. Степанова М. Памяти памяти. М.: Новое издательство, 2018. С. 24. URL:https://www.rulit.me/books/pamyati-pamyati-romans-read-505419-1.html(10.01.2019)
8. Горелов Д. Родина слоников. М.: изд. Флюид, 2018. 384 с. URL: https://www.litmir.me/br/?b=613212&p=1(10.01.2019)
9. Пепперштейн П., Ануфриев С. Мифогенная любовь каст. М.: Литагент «Ад маргинем», 2002. 800 с. 2. URL:https://www.litmir.me/br/?b=1811&p=1(10.01.2019)

УДК 811.82.415.61.

ПРОСТРАНСТВО ДУШИ В ЯЗЫКОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ

ОСПАНОВА ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
Северо-Казахстанский государственный университет им. М.Козыбаева,
Казахстан, г. Петропавловск, irina.ospanova.72@mail.ru

В статье рассматриваются способы выражения эмоционального состояния в когнитивном и коммуникативном аспектах. Анализируются лексические и грамматические единицы с пространственной семантикой, репрезентирующие эмотивные смыслы художественного произведения.

Ключевые слова: эмотивные смыслы, художественный текст, концептуализация эмоций.

Растущий интерес к психологии личности делает актуальной проблему изучения способов выражения эмоций и чувств в языке и речи, так как речь – это своеобразный индикатор состояния человека и его эмоционального отношения к окружающему миру.

Лингвистическая интерпретация семантики психической сферы человека находит различные решения в работах А. Вежбицкой, Л.Н. Иорданской, В.А. Успенского, Ю.Д. Апресяна. Когнитивный подход к изучению эмоциональной сферы опирается на постулат о существовании специфической картины внутреннего мира человека. Языковая картина мира как «представление о действительности, отражённое в языковых знаках и их значениях» [1, с. 68], отражает основные черты и способы концептуализации эмоций.

Универсальными категориями внешнего мира являются пространство и время. Они формируют пределы, в которых развёртывается человеческая

жизнь. Внутренний мир человека в языковом сознании моделируется по образцу внешнего мира и представляется как пространство души, в котором эмоции и чувства получают определённую локализацию. Посредством языковых форм создаётся когнитивное эмоциональное пространство. Опираясь на язык, становится возможным определить основные представления об эмотивном пространстве в русской языковой картине мира, построить модель этого пространства. Эмоциональные концепты включают компонент локализованности, для выражения которого в языке используются формы с пространственным значением.

Эмотивное пространство включает элементы внешней и внутренней локализованности состояния. К языковым средствам внутренней локализованности относятся фразеологизированные синтаксемы «на душе», «на сердце», «в душе», «в сердце». Душа является особым идеальным пространством, представление о котором существует в сознании всех носителей языка. В восприятии эмотивного пространства человеком эталоны расположения в пространстве устанавливаются при активном участии лексем-соматизмов. Например, *В груди ныло от любви и восторга* (В. Шукшин). Если говорящий мыслит состояние как не находящее локализации в каком-то органе тела, то используется словоформа «в теле»: *Болит сердце, нет мочи терпеть, а во всём теле тоска, словно ты ведёшь за руку не старуху, а саму смерть* (А.П. Чехов). В художественном тексте встречаются и неожиданные локализаторы состояния: *В руке, которую поцеловала Кисочка, было ощущение тоски* (А.П. Чехов). Автор переносит свой «наблюдательный пункт» во внутреннее пространство человека, и эмоциональное состояние предстаёт через ощущения персонажа. Такие предложения употребляются в несобственно-прямой речи, где сообщения об эмоциях представляют самонаблюдения героя за своим состоянием. Читатель вовлекается в мир чувств героя, видит происходящее его глазами.

Элементами внешней локализации являются части человеческого тела: лицо, глаза. В языке для описания эмоционального состояния и его внешнего проявления используются структурно-семантические модели с локативами «на лице» и «в глазах». Они описывают эмоциональные состояния, вызывающие какие-либо изменения на лице человека, в его взгляде: *У девочек на лицах тревога, ужас, мольба, не знаю что* (А.П. Чехов). В качестве предицируемого компонента в предложениях этой модели употребляются конструктивно-обусловленные синтаксические формы со значением субъекта-локатива (на лице, в глазах). Субъектное значение словоформ «на + предложный падеж» и «в + предложный падеж» возникает только «в результате воздействия данной модели и невозможно в синтаксически свободных схемах или в абсолютивном употреблении (ср. В глазах оказались опилки металла)» [2, с. 96].

В художественном тексте описание внешних физиологических проявлений состояния передаёт степень состояния: *Яркий, как зарево пожара, румянец выступил на лице графини. Начиная от висков, он разлился до самого кружевного воротничка. Графиня страшно смутилась.* Наречие *страшно,*

примыкающее к эмотивному глаголу, интенсифицирует оценку состояния. Интенсивность состояния «внешне» передается сравнением (как зарево пожара) и описанием занимаемой румянцем «площади».

Наблюдаемое состояние определяется по каким-либо характерным внешним чертам, отражающим душевное состояние человека. Тем самым эмоциональное состояние предстает как наблюдаемое, воспринимаемое в его конкретном проявлении. Субъектом восприятия состояния предстаёт говорящий или наблюдающий (субъект может быть говорящим и наблюдающим одновременно). Источником информации об эмоциональном состоянии не может быть субъект, испытывающий состояние.

Ситуацию эмоционального состояния представим в виде когнитивно-пропозициональной модели, или фрейма, включающего следующие основные компоненты: субъект состояния, предикат состояния, причина состояния, внешние проявления эмоций. Все компоненты эмоциональной ситуации репрезентируются в языке синтаксемами с пространственным значением. Первый компонент обозначает носителя состояния: *Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг (*С. Есенин*); В сердце тоска и зной* (С. Есенин).

Второй компонент фрейма – предикат – может быть выражен синтаксемами с пространственным значением (Я в отчаянии). Предложно-падежная модель со значением поглощенности состоянием передаёт состояние большей степени интенсивности. Имена чувств в функции предиката обозначают сильные эмоции (восторг, отчаяние, ужас) и не сочетаются с прилагательными, градуирующими степень проявления эмоционального состояния. Состояние, обозначенное данной моделью, метафорически переосмысляется как место, идеальный ареал. В конструкции могут включаться глаголы с фазисным значением «приходить, впадать, погружаться», содержащие семантический компонент направленности движения в определённое пространство: *Кум приходит в восторг* (А.П. Чехов); *Физиономия моей жены, казалось мне, приняла торжественное выражение, я же повесил нос и впал в меланхолию* (А.П. Чехов); *Дьячок поёт плохо, неприятным глухим басом, но напев и слова так печальны, что лавочник теряет выражение степенства и погружается в грусть* (А.П. Чехов).

Компонент каузации эмоций репрезентируется локативными языковыми формами, которые в составе наречно-предикативных конструкций приобретают дополнительную семантику причины эмоционального состояния: *Дома скучно* (А.П. Чехов); *Уже не тянуло в Кузьминки, как прежде. Грустно там* (А.П. Чехов). Состояние субъекта и состояние окружающей среды находятся в определённых взаимоотношениях. Эти отношения могут быть контрастными: *Здесь хорошо, здорово, весело, но не могу…* (А.П. Чехов). Определённые переживания и чувства вызывает в человеке природа: *Приближалась осень. В старом саду было тихо, грустно, и на аллеях лежали тёмные листья* (А.П. Чехов). В тексте создаётся сложное взаимодействие двух предикатов, обогащающее смысловую структуру текста. Состояние окружающей среды

описывается через ощущения человека. *Мы долго глядели на горы и на чистое нежное небо над ними, в котором была безнадёжная грусть осени* (И. Бунин).

Дж. Лакофф считает наиболее адекватным лингвистическим описанием эмоций – описание через метафоры, посредством которых эмоции концептуализируются в языке [3, с. 387]. Метафора делает абстрактное легче воспринимаемым. Семантическое переосмысление лексем с пространственным значением формирует ассоциации, связанные с эмоциями. В поэзии С. Есенина находим пространственные образы, возникшие на основе метафоры: сердце – дом, душа – поле.

Ты сердце выпеснил избе,
Но в сердце дома не построил («Теперь любовь моя не та…»);
И душа моя – поле безбрежное – Дышит запахом моря и роз («Несказанное, синее, нежное…»).

Эмоциональное состояние человека уподобляется внешнему состоянию природы, поэтому внешнее и внутреннее пространства как бы сливаются: *И в душе и в долине прохлада* («Закружилась листва золотая…»).

В стихотворении Д. Мережковского «Одиночество» для описания душевных переживаний используется несколько пространственных метафор: душа – сосуд, чаша, наполненная до краёв влагою – тоской. Другая метафора – на дне души – помогает передать идею скрытого, сокровенного пространства, недоступного даже для друзей, где человек таит свою боль:

Поверь мне, люди не поймут
Твоей души до дна!...
Как полон влагою сосуд, –
Она тоской полна.
Но вечно дремлет в тишине,
Вдали от всех друзей,
Что там на дне, на самом дне
Больной души твоей.

В стихотворении пространство души осмысливается в категориях «своё – чужое». Внутренний мир человека – это чужой мир, его невозможно понять: *Чужое сердце – мир чужой, и нет к нему пути*! – делает вывод автор. И так как люди не могут до конца понять человека, то он остаётся один на один со своей душевной болью, замкнут в себе, в своём одиночестве, как в тюрьме: *В своей тюрьме – в себе самом Ты, бедный человек*. Метафора тюрьмы вскрывает семантику вынужденного заключения и безысходности.

Апресян Ю.Д. пишет о двух приёмах объяснения состояния: либо говорящий указывает на известную адресату ситуацию, либо он сравнивает состояние с похожим на него явлением, знакомым адресату [4, с. 461]. На пространственном образе одиночной тюрьмы строится сравнение и у А.П. Чехова: *Да, бывает убийственно, беспросветно скучно, как в одиночной тюрьме*. Интенсивность состояния скуки передаётся градацией его признаков – лексем с семантикой интенсивности и безысходности: «убийственно» –

чрезвычайный, необыкновенный по силе проявления, воздействия; «беспросветно» - очень мрачный, без надежды на что-либо лучшее.

Сравнения, которые используются для пояснения состояния, часто включают пространственные синтаксемы, обозначающие некоторое пространство внешнего мира: *На душе моей скверно и жутко, как в лесу в дождливую осеннюю ночь* (А.П. Чехов). Герой испытывает тревожное чувство страха, идентичное тому, какое он испытывал в лесу в дождливую осеннюю ночь. Ещё пример: *Пусто и одичало, как на забытом затравевшем лебедою и бурьяном гумне, стало на душе у Аксиньи* (М. Шолохов). Героиня сравнивает состояние своей души с состоянием заброшенного гумна, забытого всеми, не используемого в хозяйстве, никому не нужного. Писатель описывает переживания Аксиньи, она чувствует себя никому не нужной, брошенной, одинокой. Подобные сравнения в речи героев произведений выступают как способ представления эмоции и способ осознания состояния. Эмоциональное состояние имеет личностный характер, поэтому процесс понимания эмоций затруднён. Однако человек стремится преодолеть барьер непонимания и с этой целью использует сравнения – пояснения.

Фразеологические единицы русского языка включают в свой состав компоненты с пространственным значением: *камень на душе, гора с плеч свалилась, как на угольях*. Они участвуют в формировании образов состояния, запечатлённых в устойчивых выражениях.

Таким образом, в микромире человека можно выделить особую сферу, минимир – мир эмоций и чувств, обладающий своим пространством. Одним из способов концептуализации эмоций является их моделирование по образу внешнего пространства. Эмотивные смыслы репрезентируются в языке посредством лексем и грамматических структур с пространственной семантикой.

Список литературы

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.

2. Табакова З.П. Безглагольные предложения в современном русском языке. Алма-Ата, 1991.

3. Лакофф Дж. Джонсон Метафоры, которыми мы живём // Теория метафоры. М., 1990.

4. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. Т. 2.

УДК 81-26

ТЕРМИНЫ *ДОКУМЕНТ* И *ГРАМОТА* В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

ТУРКО УЛЬЯНА ИГОРЕВНА
к. филол. наук, доцент, доцент кафедры русского языка,
методики его преподавания и документоведения,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, kafedra.tirj@mail.ru

В статье рассмотрена этимология основных терминов делопроизводства. Различные пути заимствования лексемы «документ» объясняют существование акцентологических вариантов. Семантика слова «документ» определила его употребление в качестве родового понятия, а языковая единица «грамота» стала одним из наименований многообразия видов деловых бумаг.

Ключевые слова: терминология делопроизводства, грамота, документ, дело, служебная бумага, лист, записка, акт.

Появление документов обусловлено потребностью запечатлеть, закрепить и передать то или иное сообщение в пространстве и времени. Материальные предметы, которые в древности использовались для фиксации информации, выполняли главным образом функцию свидетельства.

Обращение к этимологии термина *документ* показывает, что он происходит от латинского слова *documentum*, которое в языке-источнике имеет следующие значения: 1) «поучение, пример, образец; предостерегающий пример, назидание, урок, предостережение»; 2) «свидетельство, доказательство» [1, с. 344-345], восходит к глаголу *doceo* – «учу, обучаю», а также «уведомляю, извещаю, ставлю в известность; «объясняю, показываю, указываю; (*юр.*) «излагаю, докладываю» [1, с. 344]. Таким образом, латинское слово *documentum,* возникшее первоначально как поучительный пример, расширило сферу употребления и приобрело юридическое значение.

Русскому языку термин *документ* стал известен в период правления Петра I, однако в деловой обиход он вошел значительно позднее. Подтверждают это и материалы «Словаря русского языка XI-XVII вв.», «Словаря Академии Российской» и других источников. В «Словаре Академии Российской», изданном в конце 18 в., в этом значении используется лексема *грамота*, употребляемая по большей части в славянских и старинных книгах и означающая: 1) «знание, искусство читать и писать»; 2) «указ, письменное повеление, исходящее от государя подданным исполнять или оберегаться чего-либо»; 3) «письменное повеление, данное от государя подданному, по которому он может иметь право владеть или пользоваться чем-либо»; 4) «духовное завещание»; 5) «договор, мирное постановление, взаимное обязательство двух государей при заключении мира или союза»; 6) «послание, письмо» [5, стлб. 317].

Древнерусское слово *грамота* представляет собой форму множественного числа греческого существительного *γράμμα* (*γράμματα*) – «черта, линия; рисунок; письменный знак, буква» [2, с. 332], – которое в языке-источнике в указанной форме имело следующие значения: «алфавит, письменность»; «умение читать и писать»; «надпись, письмена»; «письменное послание, письмо»; «запись, перечень, список»; «письменные документы»; «государственные акты, указы, грамоты»; «писаное правило»; «сочинение, книга» [Там же].

«Словарь русского языка XI-XVII вв.» включает лексику древнерусских текстов разных жанров: летописей, грамот, частной переписки, сводов законов, житийной литературы и других письменных памятников, являющихся первоисточниками познания многовековой, богатой политической и духовной жизни русского народа. В лексикографическом справочнике дается специальное значение слова *грамота* – «деловой документ, акт (грамота)» и отмечается более 130 разновидностей грамот, названия которых определяют цели их создания, характер документов [6, с. 119-120]: *вкладная грамота* – «акт, оформляющий вклад или пожертвование отдельного лица (вкладчика) церкви или монастырю», *купчая грамота* – «документ на право владения купленным (строениями, людьми, землей, промысловыми угодьями), составляемый при совершении торговой сделки», *докладная, закладная, льготная, межевая, оберегальная, оброчная, срочная, сыскная, уставная* и др.

Обращение к правовым источникам Всероссийской империи показывает, что термин «документ» в этот период почти не употребляется. В разных законодательных актах документы называются «делами», «бумагами», «актами» и др. В указе Екатерины II об «Учреждениях для управления губерний» от 7 ноября 1775 г. частотной является номинация *дело*, которое понимается и как «судебное или административное разбирательство; судебный процесс», и как «совокупность документов, относящихся к какому-либо делу, вопросу». В качестве единицы делопроизводства используются однословные термины *грамота, лист* – «документ, удостоверяющий или устанавливающий что-либо», а также описательные обороты: *181. Когда в верьхний земский суд в тяжбах от истца и ответчика все утверждающия правости их* ***грамоты****, или* ***словесныя доказательства на бумаге написанныя*** *поданы и от них преданы властному решению верьхняго земскаго суда, (то же и по уголовным делам) тогда не исключая председателя, заседатели того департамента, в котором* ***дело*** *гласно, жребий кидают между собою, кому из них достанется по сему* ***делу*** *докладывать собранию. При докладе того члена, на котораго пал жребий, прочие прилежно смотрят, дабы из* ***дела*** *ничего пропущено не было, и доклад учинен был с точностию, чистосердечно и сходно с истинною* [7, с. 201-202]; *205. Кто в уезде купит деревню, тот купчую да объявит в уездном суде, уездный же суд к судейским дверям прибьет* ***лист****, что деревня таковая куплена таким и за такую цену…* [7, с. 206].

Для указания на документы как свидетельства, изложенные в письменной форме, используют также *записки, бумаги: §119. В тех министерствах, где*

при Совете не положено особенной канцелярии, дела, следующие к его рассмотрению, в виде ***записок*** *препровождаются к директору канцелярии министра* [3, с. 103]; *§ 77.* ***Бумаги*** *секретные оставляются в канцелярии министра, где и чинится по оным исполнение* [3, с. 99].

Бумажные источники должны быть надлежащим образом оформлены: иметь подпись начальника и скрепу: *§ 96. Если по делам, производящимся в канцелярии министра, требуются справки, выписки и объяснения: то представляются оные в записках за подписанием начальника отделению и скрепою секретаря или столоначальника, по части коего дело производится* [3, с. 101].

В «Положении о письмоводстве и делопроизводстве в военном ведомстве» 1911 г. наряду с частотным термином (*служебная*) *бумага* немногочисленны случаи использования слова *документ*: *1. Для служебной переписки чиновъ военнаго вѣдомства устанавливаются три нормальных вида* ***служебныхъ бумагъ****: рапортъ, предписаніе и сношеніе* [4, с. 3]; *26. За справками, доставленіемъ* ***письменныхъ свѣдѣній*** *или какихъ-либо* ***документовъ*** *обязательно обращаться прямо къ тѣмъ лицамъ, въ* вѣдѣніи *которыхъ находятся нужныя свѣдѣнія или* ***документы*** [4, с.12].

Слово *документ* известно в русском языке в двух акцентологических вариантах с ударением на втором и третьем слогах [8, с. 523]. Наличие этих особенностей объясняется разными путями заимствования лексем. Акцентологический вариант *докуме́нт* пришел в русский язык из латинского при посредничестве немецкого *Dokument*, форма *доку́мент* – посредством польского языка, в котором ударение падает на предпоследний слог.

В «Энциклопедическом словаре» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [9, с. 898] приводится широкое и узкое толкование термина. Сближаясь в функциональном плане, трактовки термина различаются в объеме знака. Если узкое значение термина предполагает использование в качестве письменного доказательства юридических отношений и событий только бумагу, то в широком смысле эти цели реализует любой материальный знак, который может быть использован для доказательства правовых отношений и событий. Документами становятся *межевые столбы, определяющие границы владений; билеты на вход в театр; ярлык, взятый у нанятого извозчика; марка швейцара, принявшего платье на сохранение* и т.п.

Начиная со второй половины XX в. в официальной терминологии слово *документ* постепенно начинает трактоваться все более широко. Если в 50-х годах XX в. документами считали деловые бумаги и письменные удостоверения чего-либо, исторические источники и юридические решения, то в 1970-е годы документы определяются как материальные объекты, содержащие информацию для ее распространения в пространстве и времени. С начала 90-х годов XX в. этот термин принимает современное значение и используется в самом широком смысле.

Таким образом, можно сделать вывод об употреблении деловой терминологии. Слово *грамота* – более раннее и используется для обозначения умения читать и писать: *грамотный человек*; для указания на письменное

послание и письменный документ: *похвальная грамота*, однако синонимом *документу* оно не стало. В семантике лексемы *документ* заключено значение «свидетельство», оно является родовым обозначением для всего многообразия материальных объектов, содержащих информацию в зафиксированном виде.

Список литературы

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Ок. 50 000 слов. 2-е изд., переработ. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
2. Древнегреческо-русский словарь: ок. 70000 слов: В 2 т. Т. I (А-Λ) / Сост. И.Х. Дворецкий; под ред. С.И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1043 с.
3. Манифест 25 июня 1811 г. об «Общем учреждении министерств» // Российское законодательство X-XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М.: Юрид. лит., 1988. С. 92-134.
4. Положеніе о письмоводствѣ и дѣлопроизводствѣ въ военномъ вѣдомствѣ. 5-е изд., доп. всѣми изм. и разъясн., объявл. по 1-е іюня 1916 г. Петроградъ: В.А. Березовскій, 1916. 140 с.
5. Словарь Академии Российской. Ч. II. От Г до З. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1790. XIII с., 1200 стлб.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. (Г-Д). Вып. 4 / АН СССР, Ин-т рус. яз; редкол.: С.Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1977. 405 с.
7. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. М., 1775 // Российское законодательство X-XX веков. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юрид. лит., 1987. С. 170-295.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А-Д): пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
9. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XA (20). Десмургия – Домициан. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1893. 963 с.

УДК 81

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ КАТЕГОРИИ «УЖАСНОЕ» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

ФЕДОТОВА АЛЁНА АЛЕКСАНДРОВНА
ассистент кафедры гостеприимство и межкультурные коммуникации,
Поволжский государственный университет сервиса,
аспирант, Самарский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Самара, fedotova_alena1@mail.ru

В статье рассматривается функционально-семантическая категория «ужасное», исследуются средства ее выражения на грамматическом языковом уровне на материале литературы новейшего периода (М. Петросян, Л. Петрушевская, Н. Измайлов). В ходе

исследования мы пришли к выводу, что посредством грамматических средств языка авторы создают особую атмосферу неопределенности, эмоционального напряжения, активно используют средства умолчания.

Ключевые слова: семантика, грамматика, функционально-семантическая категория ужасное, художественная литература.

Издавна литература ужасов и мистики находила отклик у многих читателей. Истории о необъяснимых существах были популярны и продолжают щекотать нервы нынешнему поколению. Интерес людей ко всему неизвестному исторически привлекал многих ученых в попытках изучить ужасное с философской, литературоведческой точки зрения и в других аспектах. Однако с лингвистической стороны категория ‘ужасное’ изучена фрагментарно.

В лингвистике охарактеризовано множество самых различных категорий, например, темпоральности (Бондарко А.В.), градуальности (Колесникова С.В.), умолчания (Сеничкина Е.П.). В русле научной школы грамматики П.А. Леканта описана категория ужасного в диссертации Т.Ю. Алленовой на материале ранних повестей Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород». Исследовательница описывает категорию как «ирреальную, ужасную», в которой «ужасное сливается с категорией ирреального, т.е. с противоречащим обычному, реальному, необъяснимым с точки зрения реальности» [1, с. 4].

В настоящее время в русистике функционально-семантическая категория ужасного определяется как самостоятельное значение, имеющее план содержания (ужасное) и свои средства выражения.

Целью нашего исследования стало изучение функционально-семантической категории ужасного в современной литературе новейшего периода. Грамматические средства передачи категории ужасного выявлялись методом сплошной выборки из произведений, предназначенных для подростковой аудитории, жанр которых близок к хоррору: М. Петросяна «Дом, в котором...», Н. Измайлова (Ш. Идиатуллин) дилогия «Убыр», Л. Петрушевской (рассказы «Глюк», «Дом с фонтаном», «Фонарик», «Гигиена» и др.).

В ходе исследования мы определили следующие грамматические языковые средства функционально-семантической категории ужасного. Как средство передачи семантики ужасного неопределенные местоимения создают атмосферу неопределенности, эмоционального напряжения. В создании «ужасной атмосферы» активно участвуют местоимения с аффиксом *-то (кто-то, что-то*), которые «имеют общее инвариантное значение неизвестности» [5, с. 77]. Примеры:

Убедившись, что я нейтрализован и готов к употреблению, Стервятник улыбнулся, показав очень длинные, кривые зубы. Ощущение было таким, словно ***кто-то*** *с силой провел бритвой по стеклу* (М. Петросян. «Дом, в котором...»).

Она давила, как ***что-то*** *живое,* ***что-то****, что может задушить* (М. Петросян. «Дом, в котором...»).

Тьму содрало с лица, тут же вывернуло – неровными полосами. ***Что-то*** *взвизгнуло снова то ли в голове, то ли в животе* (Н. Измайлов (Ш. Идиатуллин). «Убыр»);

Она наткнулась на ***что-то*** *твердое и вскрикнула* (Л. Петрушевская. «Фонарик»).

Неполные предложения являются синтаксическими средствами выражения экспрессивной речи и используются как средство умолчания [5, с. 150]: *Он смеется, показывая невозможно острые, акульи зубы…* (М. Петросян. «Дом, в котором...»);

Тварь сломала сержанта в поясе как спичку. И теперь возилась… (Н. Измайлов (Ш. Идиатуллин). «Убыр»).

Единицы повторяемости также служат для выражения ужасного с целью усилить значение. Например: *Хорош рассуждать, сказал я себе, сжал зубы, чтобы придавить* ***бум-бум*** *и страх* (Н. Измайлов (Ш. Идиатуллин). «Убыр»).

Также мы выделили восклицательные частицы и предложения, которые используются авторами при описании встречи героя с существом (Убыр): *Страх какой! Чтоб я сдох! Ужас!*

Богаты стилистические возможности степеней сравнения прилагательных, которые в семантике ужасного отличаются гиперболизированными сочетаниями, такими, как, например, еще страшнее, еще значительнее:

Я сжался ***еще сильнее****, чтобы не вспоминать и не думать, и по примеру бабки зажмурился. Так было* ***еще страшнее*** (Н. Измайлов (Ш. Идиатуллин). «Убыр»).

В ходе исследования, мы пришли к выводу, что посредством грамматических средств языка авторы создают особую атмосферу неопределенности, эмоционального напряжения, активно используют средства умолчания.

Список литературы

1. Алленова Т.Ю. Категория ирреального ужасного и способы ее выражения в художественном пространстве Н.В. Гоголя: (На материале языка повестей «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 23 с.

2. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990. 262 с.

3. Глюк: повести и рассказы / Людмила Петрушевская. М.: Комсомольская правда: Директ-Медиа, 2015. 352 с.

4. Дом, в котором...: В 3-х т. / Петросян М. М.: Livebook, 2018. 1200 с.

5. Колесникова С.М. Градуальный фрагмент языковой картины мира сквозь призму словообразования: учебное пособие для студентов-филологов. М.: МПУ, 1999. 101 с.

6. Сеничкина Е.П. Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке. М.: МГОУ, 2002. 307 с.

7. Убыр: Дилогия: романы / Шамиль Идиатуллин. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 608 с.

УДК 81’367.35

ФУНКЦИИ ГЕНИТИВА В ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ

ЧОЛАН ВИКТОРИЯ ЯНОВНА
к. филол. наук, ассистент, кафедра украинского
и русского языков как иностранных,
Киевский национальный университет имени Т.Г. Шевченко,
Украина, г. Киев, victoria_cholan@ukr.net

В статье рассматриваются типы употребления генитива в совокупности окружающих его синтаксических компонентов структурных единиц церковнославянских текстов (словосочетания, синтагмы), образующих узкий лингвистический контекст.

Ключевые слова: генитив, семиотическая система, падежное значение.

Сложная семиотическая макросистема естественного языка, реализуя присущий мыслительно-языковым формально-семантическим структурам (вербальным значениям) потенциал включения категоризации мира в содержание текстов письменности и их систематической классификации, взаимодействует с рядом других сложных семиотических и знаковых системных образований (систем и подсистем), существенных для социальной коммуникации. По мнению Ч. Пирса, процесс коммуникации в непрерывно меняющемся мире схематически совпадает с целенаправленной на решение жизненно важных проблем деятельностью двух субъектов, занимающих активные позиции, сопровождается же деятельность трансляцией, восприятием и интерпретацией информационных сообщений [10, с. 87]. Передаваемая и получаемая информация, как известно, может воплощаться в разных знаковых системах, которые используются в процессе языкового развития цивилизаций, фиксируемых письмом или влияющих на организацию письменных текстов. Состав знаковых систем различен в культурных традициях и не исчерпывается звуковым языком, однако, главная знаковая система – вербальные тексты [2, с. 11, 14].

В общем контуре коммуникации текстовая организация формально-семантических структур языковой системы, концентрирующих и фиксирующих совокупный общественный ментальный опыт этноса по осознанию, упорядочению, присвоению и трансформации ценностных ориентиров миропорядка, рассматривается в качестве культурно и этнолингвопсихологически маркированных знаков. Текст как продукт коммуникативного взаимодействия конгломерата систем, субсистем и группировок знаков, локализуясь в сознании интерпретатора (и индивидуального, и коллективного), может оказывать на него воздействие, индуцирующее изменение принципов категоризации мира.

К корпусу текстов, реализовавших вербальное воздействие на коллективную ментальность восточного славянства раннесредневекового периода, принадлежат, в частности, церковнославянские тексты Триоди,

функционирование которых способствовало внедрению новых принципов формирования этноса на территории Киевской Руси.

Церковнославянская Триодь – текстовое воплощение логической последовательности разновидностей ежедневных церковных Богослужений (стихир, канонов, песнопений, библейских чтений, молитв) в период от Великого Поста, начиная с предварительных недель и до его завершения, затем от Пасхи до Троицы. По существующим в языкознании версиям, именно Триодь, входящая в комплекс переводных греческих Типикарных текстов, доставленных в раннесредневековый Киев к Крещению, была одной из первых книг, переведённых на церковнославянский язык самими Равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием, причём переводчики ориентировались на наиболее древние тексты [12, с. 113].

Можно сказать, что тексты Триоди маркированы спецификой регламентированного асимметричного взаимодействия знаково-семиотических языковых систем. Речь идёт о системах языков неродственных, неравнозначных по психолингвистическому, функциональному, социальному, статусу, представленных письменным древнегреческим языком и устным общеславянским языком, изводом которого с недавнего времени принято считать восточнославянский, или древнерусский язык в собственном смысле этой терминологической номинации [6, с. 18-36].

Хотя церковнославянский письменный язык ассоциировал общеславянский фонд лексики и базовых схем грамматического строя, что обеспечило доступность восприятия церковнославянских текстов для всех славян, богослужебные тексты представляли собой закрытое для элементов разговорного языка знаково-семиотическое системное образование. В дальнейшем развитии христианской книжности стратификация (сепарация) лексических и синтаксических единиц шла по принципу их генезиса, устранялись языковые единицы, чуждые восточнославянскому сознанию [7, с. 9, 10]. Нужно добавить, что в целом причины дифференцированного выбора тех языковых сущностей, которые заимствуются и интерпретируются коллективным пользователем языковой системы, во многом обусловлены внутренним состоянием данного языка на определённом этапе его развития. Как сформулировал Г.П. Мельников, поскольку онтологическим свойством системы языка является её локализация в головном мозге человека, языковая система имеет внутренний механизм отбора элементов по их свойствам, благодаря которым достигается устойчивая согласованность между структурой и субстанцией системы в селектирующей среде [8, с. 184-192].

Стоит упомянуть факт нивелирования влияния письменного древнееврейского языка в церковнославянских текстах: при отсутствии склонений у имён древнееврейского происхождения в славянских переводах сакральных текстов эти слова функционируют как имеющие склонения по славянским нормам, например: «*Да сбудется реченное ИСАИЕМ пророком, глаголющим*: *Земля* З*АВУЛОНЯ* и *земля НЕФФАЛИМЛЯ…*» [9, с. 22].

Предполагается, что от типа межсистемногоязыкового взаимодействия, которое, по утверждению Б. Гавранека, соответствует общим идеологическим представлениям эпохи и является как бы диагностическим показателем формы общественного сознания письменного ареала, зависит формат вербального воздействия в процессе коммуникации [3, с. 64].

При условии мотивированности имманетного языкового развития в социуме и с учётом статистики внешних и внутренних проявлений иноязычного влияния в воспринимающем языке (для определения степени влияния) тип взаимодействия языковых систем устанавливается по шкале: одностороннее влияние одного языка на другой; взаимное влияние; конвергентное развитие двух или нескольких языков.

Так, тип одностороннего влияния одного языка на другой, воспринимающий язык наблюдается в период ранней романизации большей части средневековой Европы, когда в европейском письменном ареале выделились восточный и западный секторы. В восточном секторе доминировали глаголическое, кириллическое письмо и церковнославянская письменность, в западном секторе проявилось одностороннее влияние латыни на западнославянские, частично, южнославянские и некоторые другие индоевропейские языки. Важно отметить, что это влияние простиралось не только на лексику, но и на синтаксическую структуру, прежде всего, сложноподчинённого предложения, на порядок слов, употребление причастных оборотов. Влияние же устного славянского (родного) языка на письменную и устную латинскую речь было незначительным. В то же время исследователи западнославянских языков того периода, в том числе, полабского языка, обращают внимание на устойчивость к иноязычному влиянию славянской подсистемы склонения, подсистемы падежей, в отличие от других субсистем, составляющих грамматический строй этих языков [3, с. 56, 57, 63 – 73; 2, с. 18].

В отношении славянской падежной системы было высказано предположение, согласно которому отдельные падежи, отразившиеся во всех славянских языках в их древнейшем состоянии, засвидетельствованном письменными памятниками (и церковнославянскими текстами), сложились на протяжении развития устного общеславянского (праславянского) языка. Общеславянский (праславянский) язык относится к индоевропейской семье, то есть, начиная с периода славяно-балтийского языкового единства, подсистему словоизменений характеризуют шесть падежей. Звательные формы, по мнению П.С. Кузнецова, условно не учитываются, поскольку они не образуют члена словосочетания, оставаясь синтаксически несвязанными с другими структурными компонентами любой синтаксической единицы [7, с. 25, 35].

Многие из падежей, присущих отдельным индоевропейским языкам и ранее возводимых к общему индоевропейскому языку, согласно распространённому в современном языкознании мнению, ещё не обладали парадигматическим характером. Уместно уточнить, что падежная парадигма – это комплекс глубинных синтактико-семантических отношений именных компонентов в узком контексте словосочетания или синтагмы, проецируемых

на отношения между членами логического суждения, соотносящихся с их референтами: таким образом можно типизировать характерные для этноса способы и средства категоризации мира. Не составляя сформированной определённой системы словоизменительных форм, падежные формы являлись свободными синтаксическими сочетаниями именной лексемы с некоторыми указательными частицами или представляли собой образования наречного типа [7, с. 24-25]. Значит, синтаксические отношения различных типов должны были существовать ещё до того, как в язык были введены падежные окончания для их формального выражения. Обоснованность этого утверждения поддерживается следующими условиями:

• если внутри предложения имеются легко опознаваемые отношения тех типов, которые обсуждались в исследованиях падежных систем (независимо от того, отражаются ли они в падежных аффиксах или нет);

• если можно показать, что эти отношения сравнимы по языкам;

• если предположения относительно универсальности этих отношений могут быть использованы при формулировке тех или иных прогнозов и объяснений.

Очевидно, замечают лингвисты, осознание падежей должно было предшествовать развитию падежных окончаний, что служит свидетельством предрасположенности носителей древних индоевропейских языков, в том числе, общего восточнославянского, к членению, структурированию и вербальному оформлению получаемой информации с помощью падежных значений и форм [14, с. 156-158; 11, с. 14].

Существует обоснованная Л. Ельмслевым семантическая точка зрения на разграничение падежей, когда за основу принимаются значения выражаемых ими отношений, которые Э. Бенвенист называет типами употреблений падежей. Семантические отношения между падежными формами членов синтагмы или словосочетания проецируются на отношения между членами логического суждения, соотносящихся с их референтами: таким образом можно типизировать способы характерной для этноса категоризации мира [5, с. 9; 1, с. 146-147, 148-155].

Особое место в падежной парадигме славянских языков отводится генитиву – родительному падежу, что обусловлено его наиболее ранним формированием, как свидетельствуют античные грамматики, обширным спектром его семантической структуры и выражаемыми отношениями (к формам словообразования), а также другими лингвистическими характеристиками. Именно церковнославянские тексты фиксируют не только те значения генитива, которые сформировались на общеславянской почве, но и архаичные значения родительного падежа, характерные для индоевропейских языков, в частности, древнегреческого языка и латыни, ассоциированные церковнославянскими текстовыми формами и достигшими в них высших порядков развития, или сохранившиеся в них.

Для дифференциации типовых случаев употребления генитива (родительного падежа) в церковнославянских текстах Постной и Цветной

Триоди как первичных переводных с древнегреческого языка текстах мы опираемся на классификацию категориальных падежных значений генитива, приведенную в переизданном учебнике Ф. Вольфа [4, с. 58-61].

Так, посессивное значение (значение принадлежности) представлено преимущественно в словосочетаниях при существительных и местоимениях, где показателем формы родительного падежа лексемы, означающей лицо или предмет, которому принадлежит что-либо, выступает аффикс *-ов* для мужского рода и аффикс *-ин* (*-ын*), *-ен* для женского рода единственного числа. Например: «*Да празднует убо вся тварьвостание ХРИСТОВО*»; «*ЦАРСТВИЯ ХРИСТОВА приобщимся*»; «*Како трава не опалися, рука АНГЕЛОВА огнем божества*!»; «*в неделю САМАРЯНЫНИ*» [13, с. 58, 122, 146].

Идентифицирующее или характеризующее значение представлено в синтагмах с предикатом (сказуемым), выраженным бытийным глаголом, часто с субъектным компонентом (подлежащим) – инфинитивом, где лексема в форме генитива означает лицо, которое характеризует свойство, состояние или действие, обозначенное подлежащим. Например: «*Ты бо еси Царь МИРА и Спас ДУШ НАШИХ*»; *«ПРАЗДНИКОВ Праздник* и *Торжество есть ТОРЖЕСТВ*» [13, с. 13].

Квалификационное значение представлено в именных словосочетаниях с атрибутивным компонентом, выраженным прилагательным качества, например: «*Приидите НОВАГО ВИНОГРАДА рождение, БОЖЕСТВЕННАГО ВЕСЕЛИЯ, в нарочитом дне ВОСКРЕСЕНИЯ*» [13, с. 11].

Сепаративное значение, или значение отделения, которое в некоторых древних индоевропейских языках составляло семантического поле отложительного падежа, представлено в словосочетаниях (синтагмах) при существительных, прилагательных, глаголах с семантикой удаления от чего-то, прекращения чего-то, отличия от чего-то. В этом своём значении родительный церковнославянских текстов Триоди совпадает с отложительным падежом.

Следует отметить, что как в греческом языке при глаголе *ἀκούω* (слышать, слушать), требующем сепаративного значения родительного падежа, так и в церковнославянской Триоди, это значение может осложняться за счёт инфинитива и причастия, вследствие чего образуются конструкции родительный с инфинитивом и родительный с причастием. В словосочетаниях, или синтагмах этого типа имя или местоимение в родительном падеже играют роль логического субъекта (подлежащего), а инфинитив или причастие – роль логического предиката (сказуемого). Например: «*…обретшия камень, отвален ОТ ГРОБА, слышаху ОТ АНГЕЛА….*»; «*Приидите пиво пием новое, не ОТ КАМЕНЕ НЕПЛОДНА чудодеемое*, но *НЕТЛЕНИЯ источник, ИЗ ГРОБА одождивша Христа*, в *нем же утверждаемся*» [13, с. 9-10].

Как известно, в санскрите и некоторых древних индоевропейских языках параллельно существовали родительный и отложительный падежи, совпадение или неразличение форм которых демонстрирует общеславянский язык. Уже в древнейшее время в славянских и балтийских языках употребляется один падеж, когда одной и той же падежной формой выражались значения /

отношения *части целого*, для чего служил старый *родительный* падеж, и *удаления*, для чего служил старый *отложительный* падеж [7, с. 35, 37].

В своих исследованиях Э. Бенвенист подчёркивает, что совпадение форм исторически различных родительного и отложительного падежей в большинстве индоевропейских языков является результатом позднейших, хотя и очень древних процессов, а не первоначальным неразличением. В то же время существует научная версия, что славянскую (и балтийскую) формы родительного падежа единственного числа лексем с основами на *-ŏ* следует рассматривать как формы старого отложительного падежа, принявшего функции и родительного падежа [1, с. 311, 323].

Однако в связи с недостаточной репрезентативностью фактов, свидетельствующих о возможности возведения славянской и балтийской формы родительного падежа единственного числа лексем с основами на *-ŏ* к старой форме отложительного падежа Ф.Ф. Фортунатов выдвигает предположение о связи этой формы по происхождению с греческой формой родительного падежа лексем с основами на *-ου (ион.-атт.)* и с основами на *-ω* (*дорийск.*), восходящей к общегреческой форме на *-οο*, чьё происхождение ведётся от общеиндоевропейского сочетания *-ŏi̯ŏ*. На славяно-балтийской почве в результате интервокального звука *-i̯* произошло стяжение двух кратких гласных в один долгий [7, с. 38].

Особое место в падежной парадигме церковнославянских текстов Триоди принадлежит независимому генитиву, значение которого в древнегреческих и латинских грамматиках обозначалось как «генитив восклицания» [4, с. 61].

По наблюдениям Э. Бенвениста, восклицательный генитив, присущий греческой падежной подсистеме, употреблялся в греческом языке для указания на причину того или иного движения души, передаваемого с помощью междометий и других именных частей речи, соединённых с междометиями. Такая форма генитива встречается только в единичном употреблении в греческих же нескольких поэтических текстах. В латинских текстах репрезентация «генитива восклицания» не представлена. Этот очень редкий, перенесённый из греческого языка оборот никогда не представлял собой регулярного и продуктивного случая употребления в латинских текстах, поэтому его следует упоминать среди окказиональных случаев употребления как стилистический вариант аккузатива [1, с. 171].

В различных группах индоевропейских языков это значение оформлялось по-разному, при этом неоднократно указывалось на генетическую связь индоевропейских форм «генитива восклицания» (преимущественно, в единственном числе) в структуре словосочетания или синтагмы с прилагательными и междометиями в обязательной препозиции.

Хотя в церковнославянских текстах случаи употребления независимого генитива со значением восклицания тоже редки, но они демонстрируют упразднение ограничений его употребления. В текстовых конструкциях Триоди этот уникальный независимый генитив выполнял коммуникативную функцию

эмоционально окрашенного обращения. Например: «*О ПРЕСЛАВНАГО ОБРАЗА*!» [13, с. 122].

Очевидно, что генитив восклицания – единственный независимый генитив, который не является определением какого-либо другого члена высказывания, поскольку сам по себе представляет способ высказывания. По традиции, сформированной ещё в древнегреческом коммуникативном контуре, падежная форма с этим значением употребляется после междометий и с прилагательными, которыми он сам постоянно определяется. Следует подчеркнуть, что в узком контексте структурных единиц текста прилагательные могут занимать как препозицию, например: «*О БОЖЕСТВЕННАГО, О ЛЮБЕЗНАГО, О СЛАДЧАЙШЕГО ТВОЕГО ГЛАСА!*», так и постпозицию, например: «*О ЧУДЕСЕ НОВАГО*!» [13, с. 83, 122].

Важно, что в греческом языке «генитива восклицания» не применяется к лицам. Отмечая эту традиционную особенность независимого родительного падежа, Э. Бенвенист подчеркнул, что экспрессивное значение «генитива восклицания» можно определить как выражение эмоционального отношения говорящего к чему-либо, возможно, всегда к *не-лицу*. Если же в текстах церковнославянской Триоди отмечается употребление «генитива восклицания» по отношению к лицу, то всегда к лицу, занимающему высшее место в статусной иерархии вербальной коммуникации.

Список литературы

1. Бенвенист Эмиль. Общая лингвистика / Под ред., с вступ. статьёй и комментариями Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
2. Волков А.А. Грамматология. Семиотика письменной речи. М.: Издательство Московского университета, 1982. 175 с.
3. Гавранек Б. К проблематике смешения языков // Зарубежная лингвистика. III: Новое в лингвистике / Пер. с англ., нем., франц.: Общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 2002. 352 с.
4. Древнегреческий язык: Начальный курс. Ч. III. Изд. четвёртое. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина. 2014. 168 с.
5. Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка / Пер. с англ.; Сост. В.Д. Мазо. – М.: КомКнига, 2006. 248 с.
6. Загарульскій Э.М. Заходняя Русь. Мінск: Універсітэцкае, 1998. 240 с.
7. Кузнецов П.С. Очерки по морфологии праславянского языка. Изд. стереотипное. М.: Комкнига, 2016. 152 с.
8. Мельников Г.П. Системная лингвистика // Системные исследования. М., 1972.
9. Новый Завет на греческом, церковнославянском, латинском и русском языках с историко-текстологическими приложениями. М.: Гнозис, 1993. 232 с.
10. Пирс Ч.С. Из работы «Элементы логики. Grammatica speculativa». М.: Радуга, 1983. 119 с.

11. Топоров В.Н. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка. 114 с.

12. Тахиаос А.-Э. Н. Святые братья Кирилл и Мефодий, просветители славян / [пер. с новогреч. иеромонаха Дионисия (Шлёнова), иеромонаха Леонтия (Козлова), иеромонаха Тихона (Зайцева), С. Кима; под ред. иеромонаха Дионисия (Шлёнова), В.Л. Шлёнова]. Сергиев Посад, 2008. 392 с.

13. Триодь Цветная. К.: Митрополия УПЦ, 2915. 697 с.

14. Филлмор Ч. Дело о падеже // Зарубежная лингвистика. III / [Пер. с англ., нем., франц.; Общ. ред. В.Ю. Розенцвейга, В.А. Звегинцева, Б.Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 2002. 352 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИИ

УДК 81.373.2

РОЛЬ ЛОГОЭПИСТЕМОИДОВ В ТЕКСТАХ РУССКОГО ДИСКУРСА

ВАСИЛЬЕВА ОКСАНА АНАТОЛЬЕВНА
преподаватель кафедры русского языка,
Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», филиал,
Россия, г. Сызрань, vasiliewa.oksan2014@yandex.ru

В статье рассматриваются видоизмененные логоэпистемы и их роль в текстах русского дискурса.

Ключевые слова: зоонимы, логоэпистемы, логоэпистемоиды, лингвокультурология, фоносемантика.

Логоэпистематика – новое направление в лингвокультурологии. Основатели данного направления В.Г. Костомаров и Н.Д. Бурвикова называют логоэпистемами «языковое выражение закрепленного общественной памятью следа отражения действительности в сознании носителей языка в результате постижения (или создания) ими духовных ценностей отечественной и мировой культур» [1, с. 39]. Термин образован по аналогии с лингвистическими терминами *фонема, морфема, лексема, фразема*. В одной из публикаций мы рассматривали функционирование логоэпистем как необходимого элемента межкультурной коммуникации [3]. В данной статье речь пойдет о трансформации логоэпистем на примере единого поликомпонентного зоонимического комплекса *Наф-Наф, Нуф-Нуф, Ниф-Ниф.*

В текстах русского дискурса часто встречаются видоизмененные логоэпистемы *Наф-Наф, Нуф-Нуф, Ниф-Ниф*. Н.Д. Бурвикова и В.Г. Костомаров для обозначения видоизмененных логоэпистем предлагают термин *логоэпистемоид.* Данным термином учёные обозначают результаты перифразирования логоэпистем, с помощью логоэпистемоидов можно бесконечно множить смыслы [2]. Приведем примеры: *Жили-были три поросенка – жадина* ***Них-Них****, наркоман* ***Нюх-Нюх*** *и грубиян* ***Нах-Нах*** [9]. Е. Петросян видоизменяет непредикативную логоэпистему *Ниф-Ниф, Нуф-Нуф, Наф-Наф*. За счет замены конечного согласного зоонимы приобретают выраженную семантику грубо-просторечного характера. В анекдотическом дискурсе наблюдаем иное применение логоэпистемоида: Из студенческой тетради: «Жили-были три поросенка: Ниф-Ниф, Наф-Наф и Зав. каф» [8]. В данном примере наблюдается вплетение логоэпистемоида Зав. *каф.* в логоэпистему *Ниф-Ниф, Наф-Наф, Нуф-Нуф.* Именно за счет подобного объединения достигается комический эффект.

В одном из интервью на Радио «Свобода» журналист Е. Рыковцева освещает новое общественное движение, которое писатель Д. Быков обозначил логоэпистемоидом *Нах-Нах*: *Писатель Дмитрий Быков взялся за римейк английской народной сказки «Три поросенка». В обновленном варианте этого произведения три устаревших персонажа, которых в михалковской версии сказки звали* ***Ниф-Ниф, Наф-Наф и Нуф-Нуф****, заменяются одним единственным –* ***Нах-Нахом****, отличительная особенность которого – наплевательское отношение к злому серому волку. Он не обращает на него внимания сам и предлагает аналогичным образом вести себя всем остальным. По идее, в финале заброшенный волк должен с горя раствориться в пространстве, однако же сказка еще не дописана. И не от писателя Быкова зависит, каким будет финал. А от того количества людей, которым понравится идея протестного поросенка. Насколько жизнеспособно движение «Голосуй против всех», символом которого является поросенок Нах-Нах? Это вопрос нашим слушателям сегодня* [5]. В данном примере логоэпистема структурно связана с прецедентным текстом. Логоэпистемоид занимает в тексте сильную позицию, так как заменяет всю логоэпистему. Логоэпистемоид ***Нах-Нах*** символизирует собой равнодушное, пренебрежительное отношение к результату: *Поросенок* ***Нах-Нах****, герой народного фольклора, олицетворяет собой недостаточно серьезное отношение к любому результату этих выборов* (Д. Быков) [5]. Не случайно данный логоэпистемоид выбран символом движения, призывающего голосовать против всех кандидатов на выборах.

От зоонимов единого поликомпонентного зоонимического комплекса образуются логоэпистемоиды и другим путем. Так, например, постановщики детских спектаклей часто экспериментируют с логоэпистемой *Ниф-Ниф, Наф-Наф, Нуф-Нуф*. В качестве примера приведем анонс детского спектакля «Один волк, два охотника и три поросёнка» в театре кукол «Альбатрос» (г. Москва): *Спектакль – пародия на оперетту по мотивам английской народной сказки. Волк сбежал из Лондонского зоосада, за его поимку объявлено вознаграждение в тысячу фунтов; миссис Бубль и мистер Дубль – узнали об этом и теперь они страстные охотники;* ***Наф-Наф*** *– очень серьезный поросёнок;* ***Ниф-Ниф*** *– очень несерьезный поросёнок;* ***Нуфочка*** *– их очаровательная сестричка!* [6]. Постановщики спектакля заменяют одного из братьев-поросят «сестричкой». Для замены они выбирают поросёнка Нуф-*Нуфа*.

Е.П. Иванян считает, что для выполнения качественного лингвистического анализа художественного текста необходимо применять различные методики и подходы. Учёный обосновывает необходимость естественнонаучного подхода с его математическими, статистическими методами [4, с. 57]. Одним из действенных методов лингвистического анализа текста Е.П. Иванян считает фоносемантический анализ. Применив данный метод, мы определили, что единица *Нуф-Нуф* обладает наиболее отрицательной характеристикой из трёх предложенных. Фоносемантический анализ логоэпистемоида *Нуфочка* по признаку «хороший – плохой» показал, что оним Нуфочка обладает средней оценкой 3,2. По шкале фоносемантической

значимости данная оценка находится в нейтральной зоне, в то время как зооним *Нуф-Нуф* по этому же признаку имеет среднюю оценку 3,6 и находится в зоне признака «плохой». Положительная фоносемантика логоэпистемоида *Нуфочка* дополняется характеристикой «очаровательная сестричка», что делает данного персонажа привлекательным для юных зрителей.

Постановщики спектакля «Три поросенка» в Лианозовском театре также используют логоэпистемоиды: Спектакль поставлен по пьесе Юрия Шуцкого «Три поросенка». Даже тем, кто знает наизусть сказку о трех поросятах, будет чему удивиться. В этом необыкновенном спектакле поросята самые жизнерадостные, самые озорные непоседы на свете – девчонки! Да-да, на этот раз речь идет о самых настоящих девчонках! Три единственные в своем роде хрюшки-сестрюшки: непоседа *Ми-Ми*, ненасытная *Ви-Ви* и умница *Ли-Ли* [7]. Все три зоонима в логоэпистеме заменяются логоэпистемоидами *Ли-Ли, Ви-Ви, Ми-Ми*. Трансформация основывается на общности числового компонента (три), использовании редупликации при образовании новых имён. Обратимся к фоносемантике вновь образованных ономастических единиц. По признаку «хороший-плохой» наблюдаются значительные отличия между логоэпистемой и логоэпистемоидами. Данные отличия мы отразили в таблице.

Таблица 1

Сравнительный фоносемантический анализ логоэпистем и логоэпистемоидов

Признак	Ли-Ли	Ми-Ми	Ви-Ви	Наф-Наф	Ниф-Ниф	Нуф-Нуф
Хороший – плохой	1,7	2,8	2,9	3,5	3,5	3,6
Зона проявления признака	хороший	хороший	нейтральный	плохой	плохой	плохой

Таким образом, введение логоэпистемоидов в текст сценария спектакля ослабляет негативную фоносемантику. Основываясь на знании прецедентного текста «Три поросёнка» юными зрителями, постановщики стараются сделать спектакль более жизнерадостным.

Итак, *логоэпистема* и *логоэпистемоид* являются основными понятиями логоэпистематики – нового направления лингвистики и лингвокультурологии. Логоэпистемоид является трансформацией логоэпистемы, которая основана на прцедентных феноменах. Логоэпистемы, а также их видоизменённые варианты, логоэпистемоиды, служат для создания экспрессии текста. Во многих случаях логоэпистемоиды призваны ослабить или же наоборот усилить негативную семантику логоэпистем, поэтому их можно назвать действенным средством для создания эмоциональной напряжённости текста.

Список литературы

1. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Сказав мало, сказать много… // Русская речь. 2003. № 3. С. 39-41.

2. Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г. Жизнь в мимолетных мелочах. СПб.: Златоуст, 2006. 68 с.

3. Васильева О.А. Логоэпистемы как необходимый элемент межкультурной коммуникации // Современное состояние и перспективы развития авиационного вооружения: сборник научных статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции «Академические Жуковские чтения» (25-26 ноября 2015 г.). Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2016. С. 119-122.

4. Иванян Е.П. Естественнонаучный и гуманитарный подходы в лингвистическом анализе художественного текста // Художественное сознание: консолидация естественнонаучного и гуманитарного подходов: всеросс. научн. конф., посвящ. 200-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Самара, 2014. С. 56-64.

5. Рыковцева Е. Поросёнок Нах-Нах плюёт против волка: Дмитрий Быков хочет заставить смеяться над выборами. Получится? // Радио Свобода. Час прессы от 24.08.2011 г. URL: https://www.svoboda.org/a/24305667.html (дата обращения: 05.04.2019)

6. Сайт «Театр кукол *Альбатрос*». URL: https://www.tk-albatros.ru (дата обращения: 05.04.2019).

7. Сайт «Лианозовский театр» URL:http://lia-teatr.ru/16-otzyvy.html(дата обращения: 15.11.2015).

8. Сайт «Анекдоты из России». URL: https://www.anekdot.ru/id/-9996934 (дата обращения: 05.04.2019)

9. Самые-самые цитаты из выступлений Е. Петросяна. URL: https://vk.com/topic-18300100_22771705 (дата обращения: 02.03.2018)

УДК 811.161.1′ 37

ФЕНОМЕН ХРАМА В ЛИПЕЦКОМ ПРАВОСЛАВНОМ ТЕКСТЕ*

ГОНЧАРОВА ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА
к.филол. наук, доцент, Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
г. Липецк, Россия, i.zaytseff@yandex.ru

В статье предполагается рассмотреть функционирование концепта «храм» в Липецком православном тексте, являющемся частью Провинциального сверхтекста русской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Управления образования и науки Липецкой области в рамках научного проекта «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (№ 18-412-480003).

литературы, обратив внимание на то, что концепт «храм» – это один из главных локусов данного текста, а также на соотношение семантики языковых единиц с духовно-культурным контекстом.

Ключевые слова: Липецкий православный текст, концепт, лексема, лексическое значение слова, смысловые приращения.

Данная статья продолжает изучение проблем, намеченных нами в предшествующих публикациях, где мы обосновали возможность существования в рамках Провинциального сверхтекста русской литературы Липецкого православного текста, обратившись к творчеству липецкого писателя Г.Н. Рязанцева-Седогина. (См.: [1; 2]). Данная проблема отсылает нас к особому направлению в рамках современной когнитивной лингвистики, которую В.И. Постовалова предлагает назвать религиозной концептологией, посвященной «изучению религиозных концептов в конфессиональных вариантах религиозных миропредставлений и вероучений» [7, с. 129]. Предложенная автором этой статьи классификация религиозных концептов предполагает выделение концептов двух типов: «концепты-мифологемы (реалии), отображающие важнейшие реалии «духовного космоса» православия (‘Царство Небесное’, ‘Парусия’, или ‘Второе пришествие’), а также многочисленные концепты-понятия, выражающие важнейшие представления православного вероучения о Боге, человеке и мире» [7, с. 139]. К концептам первого типа относится и концепт *храм*, который является предметом нашего рассмотрения в данной статье. Выбор данного концепта обусловлен в том числе и его значимостью в индивидуально-авторской картине мира писателя-священника Г. Рязанцева-Седогина. См. об этом: [2].

Исходя из понимания концепта как многоаспектного, многоуровневого образования, мы пойдем от его лексикографического описания, обратившись к различным типам словарей.

Этимологический анализ слова *храм* позволяет проследить семантическое развитие данной лексемы от первоначального значения «шкура, кожа» (др.-инд.), затем – «защита, заслон» (др.-в.-нем.), позже – «деревянное строение», «жилое помещение», «дом вообще» (ст.-сл.) и, наконец, – «здание, предназначенное для совершения богослужения и религиозных обрядов» [11, с. 273; 3 с. 564; 12, с. 363]. Таким образом, основной смысловой доминантой лексемы *храм* оказывается ее исконное значение «дом, жилище, строение» (ср. однокоренное восточнославянское *хоромы*).

В современных толковых словарях семантическая структура лексемы *храм* представлена следующими лексико-семантические вариантами: 1) «здание, предназначенное для совершения богослужений и религиозных обрядов; 2) «место, внушающее по каким-либо причинам чувство глубокого почтения, благоговения» // «область, сфера каких-либо высоких духовных ценностей» [9, с. 623]. В «Полном церковно-славянском словаре» Г. Дьяченко, первое издание которого вышло в 1898 г. и который в свое время был написан для самих служителей церкви как справочное пособие языка богослужебных книг, слово *храмъ* толкуется как «дом, стража, охранение, хранилище,

вместилище, соблюдение». Кроме того, в этой словарной статье находим подробный культурологический комментарий, раскрывающий суть и предназначение православного храма, где указывается, что «храм по внешнему виду напоминает ковчег или корабль, в котором верующие спасаются от суеты житейской и вечной погибели, или же крест – орудие и символ нашего спасения» [6, с. 794]. Таким образом, и современные, и исторические словари подчеркивают, что основными смысловыми компонентами слова *храм* являются «дом», «строение», «здание».

Дальнейший анализ различных словарей (толковых, синонимических) позволяет констатировать, что общеязыковой концепт *храм* репрезентируется в русской языковой картине мира следующими лексемами: *собор, церковь, монастырь, лавра, часовня, пустынь*, *скит, обитель*, в смысловой структуре которых присутствует сема «здание, строение для религиозного богослужения».

Однако описание религиозных концептов с чисто лингвистических позиций зачастую не может привести к их глубинному духовному пониманию [7, с. 135], ибо духовные смыслы религиозного концепта есть результат рефлексии, обобщения, переживания и осмысления религиозного опыта в трудах отцов Церкви, философов, писателей. При этом немаловажную роль, по мнению В.И. Постоваловой, играют «индивидуально-смысловые, личностные оттенки в интерпретации концептов в идиолектах отдельных представителей определенного религиозного исповедания. <…> В самосознании же такого религиозного человека, проявляющегося в его жизненном опыте и духовном творчестве, религиозный концепт выступает как целостное, неделимое смысловое образование»[7, с. 143]. Именно поэтому представляется интересным проследить те смысловые приращения, те коннотации, которые получает концепт *храм* в романе писателя-священника, в произведении, посвященном строительству храма Архистратига Михаила в Липецке.

Само название произведения – «Становящийся смысл» – (а заглавие, как известно, – это одна из сильных позиций текста) позволяет констатировать, что лексема *храм* в контексте романа приобретает особое значение, воспринимается как ***смысл***, как часть определенного миропорядка, как символ созидания, «созидания "становящегося смысла", понимания того, что мир создан ради Церкви!» [8, с. 185]. Являясь самым частотным из всех слов, репрезентирующих изучаемый концепт (185 словоупотреблений), слово *храм* во множестве случаев функционирует в значении «здание, предназначенное для совершения богослужений и религиозных обрядов», о чем свидетельствуют типичные контексты его употребления: *строительство храма*, *строить храм, недостроенный храм, неосвещенный храм, войти в храм, выйдя их храма, приехали ко мне в храм, главный храм нашего города, храм опустел* т.п. Храм в романе предстает и как часть пейзажа: «Здание архива располагалось за рынком, между пожаркой и храмом Преображения Господня» [8, с. 7]; «Церковь Преображения, некогда вдумчиво вписанная архитектором в пространство небольшого купеческого провинциального города, теперь

смотрелась игрушечно-сказочной на фоне городской промышленной среды. С грубым пейзажем ее роднили, пожалуй, купола, грубо и безвкусно покрашенные реставраторами ярко-синей краской» [8, с. 7]. Однако, будучи частью ландшафта, образ храма подвижен, динамичен, он меняется внутри произведения, что, в частности, проявляется в использовании лексем, указывающих на разные части храма: *алтарь, престол, трапезная, колокольня, крест, купол, главки, кокошники*, причем такой детальный показ фрагментов неслучаен: он призван подчеркнуть не только идею строительства храма, но и динамику изменений духовного мира персонажей. И храм воспринимается уже не как часть пейзажа, а как символ малой Родины («…может быть, Бог хотел, чтобы там, ***где я вырос***, был ***построен храм*** ценою таких жестоких усилий?»), как символ определенного миропорядка, как символ единения и созидания новой вселенной: «За много лет служения Богу я понял, что ***храм*** зиждется «для своих». <…> Мы горели, как свечи, готовые воспламенить других людей.<…> Это вставала Россия, а за ней загоралась святая Русь, сказочная, волшебная, таинственная страна» [8, с. 96].

Совершенно очевидно, что описание религиозных концептов предполагает, с одной стороны, знакомство с основами вероучения, а с другой – осмысление того духовного опыта, который приобретает человек, в нашем случае – главный герой романа священник Евгений Седогин. Отец Евгений – человек образованный, начитанный в святоотеческой литературе, поэтому для него храм – это прежде всего церковь, понимаемая как «только общество людей единое во всей вселенной, начавшее существовать с апостольского времени… Общество это не само собралось и устроилось, но создано Самим Богом» [6, с. 803]. (Ср. также: «***Храмом*** называется особое посвященное Богу здание, в котором собираются верующие для возношения молитв Господу и для получения благодати Божией через таинство Святого Причащения и другие таинства. Храм Божий, по причине того, что в нем собираются верующие, называется ***Церковью*** – (с греческого τκκλεσια – народное собрание), то есть тем же словом, которым именуется общество верующих во Иисуса Христа» [4]). Поэтому неслучайно, описывая строительство храма, автор-повествователь вводит реминисценции из Священной истории. Так, подобно первой храму-палатке (скинии), сооруженному пророком Моисеем за полторы тысячи лет до Рождества Христова [4], строительство храма в поселке Тракторостроителей Липецка начинается с брезентовой палатки, которую отец Евгений назвал «Кувуклией» и разместил в ней престол с жертвенником. «Это был алтарь. А ***храмом*** была вся прилегающая территория под сводами меняющего свое настроение небо. И мы служили до самых холодов» [8, с. 23].

Начало духовного служения отца Евгения совпало с изменениями, происходившими в нашей стране в начале 90-х годов прошлого века. И для многих русских людей это было время обретения веры, возможности вернуться к утраченным за годы воинствующего атеизма корням: «Василий Федорович учил, подсказывал и сам хотел ***строить храм***. Это было для него ***символом свободы***, о которой мечтал самостоятельный русский человек, загнанный в

жесткие рамки коммунистической идеологии. <…> Он хотел строить другую жизнь на тех основах, которые были враждебны Советской власти. А это была религия и ее воплощение – ***храм***» [8, с. 32].

В начале романа герой отправляется в архив, для того чтобы узнать историю возведения главного храма города – Христорождественского кафедрального собора. Храм строился 51 год «тщанием прихожан». «И самое печальное состояло в том, – пишет автор, – что не было известно ни одного имени из тех людей, которые ходили в собор во время его строительства, делом и молитвою участвуя в создании дома Божьего» [8, с. 12]. Таким образом, возникает еще одна тема произведения: храм как память. Именно стремление оставить в истории память о «маленьких людях» побуждает автора «писать документ эпохи», потому что, по его мнению, «потеря связи – это уход в небытие, это смерть» [8, с. 21].

Перед взором читателя проходит вереница персонажей, простых и не очень простых русских людей, чьим «тщанием» возводится храм Архистратига Михаила: бухгалтер большой строительной компании, «русская американка», пенсионер, ученый, бизнесмены, медсестра и даже бандит, а также множество простых прихожан. Их помощь разная: от ста мешков цемента и предоставления строительного крана до пожертвования особо ценной иконы или покупки одного кирпича за 10 рублей, на котором писалось имя человека, его купившего. Образ храма выражает христианскую философию нестяжания, бескорыстия, и тогда храм становится местом, где раскрывается красота человеческой души, ее устремленность к Богу. Так, узнав о тяжелой болезни священника, один из прихожан говорит ему:

«– Ты, отец Евгений, подлечись, работа не волк, в лес не уйдет. А мы храм не бросим. <…> Приедешь, храм не узнаешь, будет стоять как пасхальное яичко.

От слов Тихона стало спокойнее. Но дело даже не в словах, а в его отеческой заботе, исходившей из глубины его доброй души. Слова были для того только, чтобы скрыть за шутками это внутреннее движение сердца, чуткого, сострадательного» [8, с. 332-333].

Так постепенно лексема *храм* реализует новое значение – «внутренний мир человека, процесс обновления его души».

Смысловые оттенки индивидуально-авторского концепта *храм* осознаются через систему определенных символов, одним из которых является символ дома. Само понимание храма как дома Божия заложено, как было указано выше, уже в религиозном толковании лексемы *храм,* и в тексте романа не раз встречаются выражения «храм – дом Божий». Но, как отмечают исследователи, для понимания религиозного концепта важны не только теоретические и обыденные знания, но и знания мистические. «Концепт – своеобразная форма общения между Богом и человеком: оно идет концентрическими кругами, от одного уровня смысла к более высоким уровням, от сущности к сущности» [10, с. 205]. Так появляется в романе тема храма как дома, где человек преодолевает «животный страх», который

уничтожает его, где «заговаривают смерть» [8, с. 22], где творится таинство молитвы, через которую человек обретает силы, превозмогает себя, где совершается чудо исцеления не только тела, но и души. Храм как символ мистического дома предстает перед читателем в размышлении автора-повествователя о сущности священнической деятельности: «Таинство священства защищает человека-священника. Он как бы состоит из двух сущностей: одна психологическая, душевная, другая – таинственная, мистическая, связанная с божественной благодатью Духа Божьего. И там, во второй сущности, как в ***большой комнате***, похожей на ***архивное помещение*** с множеством полок, располагаются судьбы, открывшиеся в таинстве исповеди. ***От этой комнаты*** есть ***ключи*** только у посвященных в тайну жизни человека. ***В эту дверь*** может войти Бог или священник, который явился свидетелем приоткрывшейся тайны. Он непрерывно молится перед творцом, пребывая в таинстве. Эта жизнь в молитве сокрыта от людей. <…> Тайна священника заключена в том, чтобы, находясь на границе жизни и смерти, света и тьмы, времени и вечности, указать человеку путь к спасению души» [8, с. 219-220].

Языковое сознание носителей языка акцентирует в концепте *храм* аксиологический аспект, что проявляется в наличии в ассоциативно-вербальной сети слова-стимула *храм*, представленной в Русском ассоциативном словаре, реакции *прекрасный* [5, с. 712]. В индивидуально-авторской картине мира Геннадия Рязанцева-Седогина содержание данного концепта неизменно сопрягается с положительной оценкой, выраженной прежде всего словами *красота, красивый, красиво:* «Храм звучит в пространстве ***красотой***»; Из груд кирпича надо было создать эту удивительную ***красивую*** форму; Эти линии, бегущие вверх, эти колонны, и арки и эти главки с кокошниками и величественными проемами окон. Весь кирпич, а это по приблизительным подсчетам пятьсот тысяч штук, стал этой ***красотой***» [8, с. 70-71]. Для главного героя строительство храма – «это история создания ***красоты*** человеческими судьбами» [8, с. 72]. Красив «крохотный уютный храм Живоносного источника» при одном из монастырей, красивы сияющие золотом купола, прекрасны лики святых на особо чтимых иконах, пожертвованных храму, радостно-красив похожий на кузницу, темный от копоти свечей и «плачущий» от влаги нижний храм в пасхальные дни. Красота храма – это и прекрасное состояние природы во время всенощного бдения, которое происходило на стройплощадке, в котловане, это и терпение прихожан, которые вместе с батюшкой стояли на службе под проливным дождем, подобно Севастийским мученикам, которые, несмотря на холод, находились в замерзающем озере, чтобы остаться верными Христу [8, с. 122], это и аскетичная красота излучающего свет лица архимандрита Кирилла, это смирение, кротость и вместе с тем внутренняя твердость и сила инокинь. И все потому, что «храм – это место, где нет смерти, где сходятся все миры, все царства: и небо, и земля, и ад, – все соединяется в теле Христовом становящегося смысла!» [8, с. 350].

Известно, что в основе христианского вероучения лежит идея спасения, а спасение, по мнению лирического героя, приходит через красоту, красоту

жертвенного служения, смирения, покаяния. Естественно, в связи с этим вспоминается ставшая крылатой фраза из романа Ф.М. Достоевского «Идиот»: «Красота спасет мир». Размышляя о предназначении священника, отец Евгений также вспоминает слова Достоевского, но приводит их, как кажется, сознательно в несколько трансформированном виде: «”Красота ***Христова*** (выделено нами. – Т.Г.) спасет мир“, – и добавляет: Это он (Достоевский) мечтал, чтобы государство стало церковью, чтобы люди жили не в законе, а в благодати, основанной на принципах жертвенной, Христовой любви» [8, с. 59]. Таким образом, можно увидеть точки соприкосновения лексемы *храм* со словами *красота* и *любовь*. Такая трансформация вносит очень важный для автора смысл: храм – это не только место, где красиво, тепло, это место, где преображается душа человека на основе принципов любви, красоты, жертвенности, где присутствует благодать.

Следует также подчеркнуть, что одним из важнейших способов репрезентации концепта *храм* является композиция романа, событийно связанная со строительством реального храма, но внутренней пружиной развития сюжета оказывается преображение всех тех, кто прямо или косвенно оказывается втянутым в эту атмосферу «становящегося смысла» – «***церкви Христовой***, которая существует в двух реальностях, плывет, как корабль посреди моря житейского, и спасает тех, кто желает спастись» [8, с. 287].

Таким образом, концепт *храм*, употребляясь в прямом и переносном значениях и являясь результатом соединения общеязыковых и религиозных смыслов, а также духовного опыта писателя, дает возможность показать фрагмент духовной истории Липецкого края.

Список литературы

1. Гончарова Т.В. Липецкий православный текст: лингвокультурологический аспект (на материале романа Г. Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл» // Филologos. Выпуск 1 (40). Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С. 12-19.

2. Гончарова Т.В. Храм, собор, церковь как духовно-религиозные локусы провинциального (Липецкого) текста // X Поленовские чтения. Художественное творчество как феномен духовной культуры общества: материалы Международной научно-практической конференции-форума посвящены 175-летию В.Д. Поленова и юбилею Поленовского форума. Март 2019. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. С. 222-228.

3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. 683 с.

4. Калинина Г. Символика и устройство православного храма: https://azbyka.ru/simvolika-i-ustrojstvo-provoslavnogo-hrama, свободный, (дата обращения: 12. 04. 2019).

5. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции. М., 2002. 784 с.

6. Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Сост. священник магистр Григорий Дьяченко. Репринт. переизд. М., 1994. 1120 с.

7. Постовалова В.И. Религиозные концепты в православном миросозерцании (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. 2014/2. С.127-148.

8. Рязанцев-Седогин Г.Н. Становящийся смысл. Роман. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. 352 с.

9. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. С – Я. М.: Русский язык, 1984. 794 с.

10. Степаненко В.А. Слово / Logos / Имя – имена – концепт – слова (сравнительно-типологический анализ концепта «Душа.Seele. Soul» на материале русского, немецкого и английского языков). Иркутск, 2006. 312 с.

11. Фасмер М.Ф. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. / Пер. с нем. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. 864 с.

12. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1961. 401 с.

УДК 81’367

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНЦЕПТОВ «ДАВЛЕНИЕ» И «КОНТАКТ» В ТВОРЧЕСТВЕ В.М. ШУКШИНА

ЗАГВОЗКИНА ОКСАНА ВИКТОРОВНА
к. филол. наук, научный сотрудник
управления образовательной политики,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, eloctober@mail.ru

В данной статье рассмотрено взаимодействие концептов «давление» и «контакт» в произведениях В.М. Шукшина в рамках их синтаксической репрезентации структурной схемой простого предложения «кто давит что». Установлено, что связь названных концептов определяется признаками ‘динамичность’, ‘агентивность’, ‘прикосновение’, ‘усилие’, ‘результативность’, ‘целеустремленность’, ‘направленность на объект’, которые, главным образом, обнаруживаются при заполнении позиции предикатива глагольными лексемами, включающими в свою содержательную структуру семы ‘давление’ и ‘касание, прикосновение’.

Ключевые слова: концепт, структурная схема простого предложения, признак концепта.

Анализ функционирования и взаимодействия концептов как «продукта когнитивного сознания человека» [7, с. 148] в произведениях писателей приобретает огромную популярность в филологических работах последнего времени, так как художественная литература с ее функциями хранения, передачи и формирования культурно и жизненно значимых смыслов представляет неиссякаемый источник материала для исследователя. В данной статье такой базой стали произведения В.М. Шукшина. В истории и современном социокультурном, общественно-историческом и духовно-нравственном развитии народа и человека у нас в стране творчество и персональная судьба Василия Макаровича Шукшина играла особую, знаковую, одухотворяющую, мобилизирующую роль [3].

Концепт, являясь мыслительной скрытой сущностью, требует вербализации языковыми средствами. Одним из таких выступает синтаксический способ, а именно структурная схема простого предложения – синтаксический знак, означаемым которого является типовая пропозиция как смысловой конструкт ситуации, отраженной в сознании человека, а означающим – словоформы, маркирующие компоненты пропозиции: субъектив, предикатив и часто объектив со своими синтаксическими местами [2, с. 8; 5, с. 26].

Взаимодействие таких разновидностей физического действия, как контакт и давление, обнаруживается в том, что все глагольные лексемы с прямым номинативным значением `физическое давление`: *пожать, прижать, кусать* и мн. др. – включают в свою семантическую структуру сему `касание, прикосновение` – *касаться (коснуться)* значит «ухватившись за кого-, что-л., дотрагиваясь, задевать чем-л. за кого-л., обо что-л.» [1, с. 156]. Касание всегда предваряет основное действие-давление: прежде чем начать воздействовать на объект с усиленным и напряжением, необходимо осуществить с ним контакт, коснуться его. Таким образом, давление на объект возникает только тогда, когда активный производитель действия или иной предмет в данной функции, приближаясь вплотную к объекту, в результате полностью преодолевая расстояние между ними, сводя его к нулю, прилагает определенное усилие, необходимое для материализации действия.

А.В. Михайлов отмечает, что, благодаря существующей взаимосвязи между двумя этими процессами, концепт «контакт» вербализуется неспециализированной структурной схемой «кто/что давит кого/что чем», в языковой картине мира соотносимой со знаком концепта «давление» [6, с. 101], для которого указанная схема выступает специализированной.

Концепты «давление» и «контакт», выступая разновидностью концепта «действие», выражают целенаправленный процесс, осуществляемый субъектом и направленный на объект, т.е. соотносимый как с источником, так и с результатом действия [об этом: 4, с. 420-421], что определяет признаки ‘динамичность’, ‘агентивность’, ‘усилие’, ‘результативность’, ‘целеустремленность’.

Материал произведений В.М. Шукшина позволил обнаружить следующие виды глаголов, совмещающих семы ‘давление’ и ‘касание’:

1) глаголы давления, совершаемого в момент контакта с кем-, чем-либо, разной степени направленности (на весь объект или его часть, с одной, нескольких или всех сторон): *давить*, *душить*, *жать*, *прижать, комкать*, *мять: Потом* ***смял*** *бланк и бросил в корзину* (Страдания молодого Ваганова), *Он шел темной улицей, крепко* ***сжимал*** *в руке тулку* (Сураз), *Мать тормошит его,* ***прижимает*** *к теплой груди* (Далекие зимние вечера);

2) глаголы давления, совершаемого в момент контакта с кем-, чем-либо, оказываемого на некоторый предмет, в результате которого происходит разделение на части: *грызть, защемить, кусать, щипать*: ***Разломили*** *саечку и стали есть, сидя на кровати* (Из детских лет Ивана Попова), *Ванька с матерью быстро* ***распилили*** *березки* (Далекие зимние вечера); нанесение повреждений: *Леля сидела с блокнотом у борта,* ***грызла*** *карандашик и смотрела, как всходит солнце* (Леля Селезнева с факультета журналистики); причинение боли: *Петька* ***прикусил*** *губу, изо всех сил удерживая его* (Демагоги). Часто проистекает одновременное нанесение повреждений и причинение боли: *Петька согнулся пополам,* ***закусил*** *до крови губу и медленно стал выходить на берег* (Демагоги);

3) глаголы давления, совершаемого в момент касания с кем- или чем-либо, в результате которого происходит удержание объекта: *защипнуть*, *зажать*: *… Пузырек велели под мышку* ***зажать*** *– туда, мол, пот будет капать* (Беседы при ясной луне);

4) глаголы давления, совершаемого в момент контакта с кем или чем-либо, связанные с передвижением объекта: *толкать, выталкивать*: *Ему удалось наконец подтащить ее к двери и* ***вытолкнуть*** (Степка), *Игнатий легонько* ***подтолкнул*** *жену к брату* (Игнаха приехал), *Рита слабо била рукой Витьку по плечу, вроде* ***отталкивала****, а сама льнула тугой грудью и другой рукой обнимала за шею* (Материнское сердце);

5) глаголы давления, совмещенного с касанием, связанного с наличием опоры: *подпирать*, *упирать: На этот раз ему удалось* ***упереться*** *ногами в камень и сдержать невод* (Демагоги);

6) глаголы давления с одновременным касанием и перемещением, движением, связанные с процессом измельчения объекта: *тереть, растереть: Сел опять на пенек,* ***растер*** *в ладонях цветки …* (Сураз), или действием, направленным сверху на всю поверхность объекта с целью сделать его тонким и плоским: *раскатать*: *Наташка* ***раскатывает*** *лепешки, мать и Ванька заворачивают в них мясо* (Далекие зимние вечера);

7) глаголы давления, в результате которого при касании сверху происходит уничтожение, истребление ногами: *топтать*: *Петька* ***затоптал*** *костер и догнал их* (Демагоги); *Степан встал с верстака,* ***затоптал*** *окурок…* (Степка). Как правило, такое действие направлено на огонь или то, что с ним связано;

8) глаголы давления, совмещенного с касанием в одном нужном для совершения действия месте с целью выпуска наружу: *выдавить: Отец уколол себе палец иголкой,* ***выдавил*** *ярко-красную ягодку крови, стряхнул на зеркальце* (Микроскоп).

Физическое воздействие агенса на объект, связанное с контактом посредством давления, характеризуется активностью и динамичностью производителя, инициатора действия, свидетельствующими о присутствии одноименных признаков концептов «контакт» и «давление» в тексте произведений В.М. Шукшина.

Данный факт определяет номинирование агенса именительным падежом референтного личного имени: ***Егор*** *втолкнул своих спутников в какую-то нищу* (Калина красная), его субституента (агенс, как правило, человек): ***Он*** *шел темной улицей, крепко сжимал в руке тулку* (Сураз).

Также удалось обнаружить, что в произведениях В.М. Шукшина субъектив может быть репрезентирован лексемами со значением:

1) части конечности, служащие для осязания и манипуляции**:** ***Пальцы*** *до отека сжимали что-нибудь* (Калина красная);

2) наименование лица по профессии: *Нож воткнет и не задумается этот* ***бухгалтер*** (Калина красная);

3) движущийся обычно в горизонтальном направлении поток воздуха: *На воду набегал* ***ветерок****, пригибал на берегу высокую траву, шебаршил в кустарнике* (Демагоги).

Действие прикосновение, совмещенное с давлением, как правило, направлено на определенное лицо или предмет, что обосновывает признак ‘направленность на объект’ и аргументирует наличие в содержательной структуре высказывания лексем в форме винительного падежа различных лексико-семантических групп предметных имен:

1) части тела: *Ваганов вышел из-за стола,* ***пожал руку*** *Попову, усадил его на стул* (Страдания молодого Ваганова). Часто в рассказах В.М. Шукшина объектом становятся части рта как полости между верхней и нижней челюстями: зубы, губы: *Егор стиснул* ***зубы*** *и молчал* (Калина красная), *Витьке то вдруг становится жалко девушку, то до боли охота стиснуть ее в объятиях, измять, куснуть ее припухшие, влажные* ***губы*** (Материнское сердце);

2) человек, обозначенный личным местоимением в родительном падеже: *Я прижму* ***ее*** *к сердцу, голубку* (Калина красная);

3) попутчик, товарищ в пути: *Егор втолкнул своих* ***спутников*** *в какую-то нищу* (Калина красная);

4) бумажный лист определенного формата с воспроизведённой на нём постоянной информацией документа организации: *Потом смял* ***бланк*** *и бросил в корзину* (Страдания молодого Ваганова);

5) ружье: *Он шел темной улицей, крепко сжимал в руке* ***тулку*** (Сураз);

6) предметы из дерева: *Добрый Борзя начал кусать* ***деревяшку*** (Жатва); *Леля сидела с блокнотом у борта, грызла* ***карандашик*** *и смотрела, как всходит солнце* (Леля Селезнева с факультета журналистики),

7) плоское изделие из теста: *Наташка раскатывает **лепешки**, мать и Ванька заворачивают в них мясо* (Далекие зимние вечера).

В результате анализа языкового материала обнаружили, что в рассказах и повестях В.М. Шукшина корреляция концептов «давление» и «контакт» определяется признаками ‘динамичность’, ‘агентивность’, ‘прикосновение’, ‘усилие’, ‘результативность’, ‘целеустремленность’, ‘направленность на объект’. Данные признаки обославливают наличие различных групп предикативов, совмещающих семы ‘давление’ и ‘касание’. Эти же признаки формируют особенности и семантику лексического наполнения словоформ, репрезентирующих агенс и объект в составе структурной схемы «кто давит что» как синтаксического знака концептов «касание» и «давление».

Список литературы

1. Большой толковый словарь русских глаголов / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 698 с.

2. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. Воронеж: Обл. типография, 1999. 192 с.

3. Григорьев С.И. В. Шукшин: забвение или рост востребованности? // Социологические исследования. 2011. № 1 (321). С. 96-101.

4. Джусти Фичи Ф. «Действие» в русском и итальянском языках // Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. М.: Индрик, 2003. С. 420-426.

5. Казарина В.И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке (к вопросу о его формировании). Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. 225 с.

6. Михайлов А.В. Концепт «контакт» и его влияние на структуру предложения в русском языке: Дис. … канд. филолог. наук. Воронеж, 2014. 414 с.

7. Стернин И.А., Розенфельд М.Я. Слово и образ. Воронеж: Истоки, 2008. 243 с.

УДК 81-114.2

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ПАРЕМИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ М. ПРИШВИНА)

КАРАСЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
к. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
и методики их преподавания,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, karasewa79@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о языковых способах отражения национального характера русского народа. Анализ паремиологического материала в произведениях М. Пришвина (и их сопоставление с национальными русскими паремиями) позволяет

проследить специфику мировосприятия русского народа. Устойчивые языковые выражения – паремии – иллюстрируют специфику национального характера.

Ключевые слова: паремия, менталитет нации, мировосприятие, национальный характер.

В современной лингвистике язык понимается не просто как средство общения и коммуникации, но как своеобразный код нации [15]. Родной язык является одним из основных элементов национальности. В языке мы выражаем наши идеи, мировосприятие, наше сознание. Не случайно А.А. Потебня характеризует язык как «дух народа» [12, с. 100]. И если язык – это «зеркало человеческого духа» (Г.В. Лейбниц), то отражается в нем прежде всего человеческая личность. Языковая личность, представленная в художественном произведении, отражает ментальность и менталитет обобщенного носителя языка [4, с. 64-65], что позволяет нам в данной работе выявить некоторые основные черты русского национального характера.

Каждая нация в ходе своего развития создавала свой уникальный исторический и культурный фонд, словесным отражением которого стали устойчивые выражения, изречения, пословицы, паремии. Именно в них отражен и закреплен многовековой социально-исторический опыт того или иного народа. Под паремиями мы понимаем народный речевой жанр малой формы, характеризующийся устойчивостью и клишированностью. Таким образом, к паремиям относятся фразеологические единства, в том числе и пословицы. Не всякое «изречение становилось пословицей, только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей, такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой пословицей стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают – они утверждают что-либо с уверенностью, что все ими сказанное – твердая истина» [1, с. 6]. Через пословицы происходит своеобразный язык, диалог поколений, мы становимся собеседниками и единомышленниками наших далеких предков, а они – нашими современниками… с помощью пословиц можно проникнуть в образ мыслей другого народа, понять своеобразие его мышления, понять его характер» [6, с. 49].

Основной и наиболее глубокой чертой русского народа Н.О. Лосский считает его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра. Русский человек, по его мнению, обладает чутким различием добра и зла; он зорко подмечает несовершенства всех наших поступков, нравов и убеждений, никогда не удовлетворяясь ими и не переставая искать совершенного добра [10]. Абсолютное добро часто отождествляется с правдой: *В ком добра нет, в том и правды мало. Правда у Бога, а кривда на земле* [5]. Русский человек часто грешит, но обыкновенно рано или поздно отдает себе отчет в том, что совершил дурной поступок, и раскаивается в нем. Совершив преступление, он иногда кается всенародно. Многие русские пословицы призывают говорить правду и правдою жить, в таком случае и сам Бог будет на твоей стороне: *Правдою жить – от людей отбыть, неправдою жить – Бога прогневить. Кто*

правды желает, тому Бог помогает. Живи не ложью – будет по-Божьи. Правда чище ясного солнца. Правда со дна моря выносит [5].

М. Пришвин в своих произведениях правде как нравственному и философскому явлению отводит большое место. Лишь в одном романе «Кащеева цепь» слово *правда* употреблено 134 раза. Среди этих высказываний встречаются паремии: 1) ***Что правда, то правда.*** 2) *Ефимова правда – в его вечном труде, но тот* ***за правду пострадал****, и от него ничего не укроется, и он очень сильный, он решительно сильный... он – Старший.* 3) *Против него за столом сидел Осип, и лицо у него было такое, когда он задумывает во что бы то ни стало,* ***правдой или неправдой****, выпутаться из трудного положения* [13].

В произведениях М. Пришвина можно увидеть не только паремии в первоначальной форме, но и трансформированные устойчивые выражения. Подобные трансформации лингвисты-фразеологи называют по-разному: «модернизация общеизвестных изречений» (А.И. Ефимов), «трансформация фразеологических оборотов», «индивидуально-художественная обработка оборота» (Н.М. Шанский), «индивидуально-авторское варьирование» (Л.С. Вирясова), «узуальные и окказиональные изменения» (А.Г. Ломов) и т.д. Общим для них является языковое и речевое преобразование устойчивых словесных комплексов, которое сводится к тем или иным формально-грамматическим, структурным, структурно-семантическим и другим модификациям фразеологических единств.

Частым приемом трансформации паремий в произведениях М. Пришвина можно считать прием замены (субституции) слова и сокращения их компонентного состава. Рассмотрим эти явления подробнее. Всем известны русские пословицы: *Лучше печальная правда, чем радостная ложь. Маленькая правда победит* большую *неправду. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь* [5]. Как показывают наблюдения, в русских паремиях ***правда*** бывает *печальной, горькой, маленькой*. В романе «Кащеева цепь» автор наделяет это понятие и другими признаками, такими, как *маленькая, коротенькая, местная, большая, жизненная.* Например: *И Алпатову показалась в искреннем голосе Отто какая-то* ***правда, маленькая, коротенькая, местная правда,*** *но из-за которой никак нельзя, и неприлично, и глупо ставить ежом* ***большую правду****...* [13]. Другой пример: *Цифры доказывали* ***маленькую правду*** *невозможности даже простой забастовки. И эта* ***коротенькая необходимая правда*** *ему опять показалась свойством доброго немецкого пива, каким-то непостижимо простым и необходимо смиренным законом, почти вроде «хлеб наш насущный даждь нам днесь»…. Он нащупал в себе реальное, как земля, чувство* ***правды жизненной****, для чего нужны простые слова, а не модная философия* [13]. Стоит отметить, что автора очень волновал вопрос поиска правды, подтверждением этому служат его слова: *Всякая мысль о большой и коротенькой правде сопровождалась чувством личной ответственности.* Анализируя жизнь современного общества, М. Пришвин подмечает, что *Огромное большинство в Петербурге живет двойной жизнью… Я это очень понимаю, жизнь вообще*

двойная, протекает в большой и в коротенькой правде, и люди живут обыкновенно надвое. Поэтому автор призывает людей жить одной правдой, т.е. по совести: *Но я думаю, задача каждого сделать коротенькую правду большой, и человек должен соединить все правды в одну.* Ср.*: «Вот хороший человек! За ним правда»* [13].

Дневники писателя являются ключиком к разгадке недосказанного им в художественных произведениях. В одном из своих дневников автор говорит об основополагающих категориях человеческого бытия, таких как счастье, любовь и красота, правда. *«Правда – это значит победа совести в человеке»,*– говорит писатель. Становятся понятны приведенные выше высказывания из романа. Словно многовековые русские пословицы звучат слова М. Пришвина, призывающие к правде: *Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться – истину надо искать. Правда есть истина, ограниченная временем.* М. Пришвин убежден, *что Живая правда живет и пробивает, как все живое, себе путь, как весенний зеленый росток среди хлама…. А пройдет время, и все станет зеленым, правда победит, и наступит век правды* [14]. Представленные высказывания оформлены средствами генеритивного регистра, т.е. содержат обобщенную информацию. Коммуникативная задача данного регистра – «обобщение, осмысление информации, соотнося ее с жизненным опытом, с универсальными законами мироустройства, с фондом знаний» [7, с. 395]. Использование средств генеритивного регистра в данных высказываниях не случайно, автор убежден, что правда (добро) победит и вселяет в читателей эту уверенность. И мы, русские читатели, полностью согласны в этом с писателем, так как все наши национальные паремии подтверждают эти нравственные установки.

В доверительной беседе со своей матерью Алпатов говорит: – *Я, мама,* ***не о большой правде*** *говорю – я о своей* ***маленькой****, без этой* ***маленькой правды ведь жить нельзя****, я у немцев не чужими глазами смотрел, я же видел, как они своей коротенькой правдой преобразили всю свою землю. Без своего личного устройства* ***стыдно людям даже в глаза смотреть****, а не то что проповедовать* ***большую правду.*** Здесь наряду с размышлениями автора о правде встречаем паремию *смотреть в глаза*, что означает «быть смелым, мужественным в трудных, опасных ситуациях; не бояться чего-либо» [17]. В представленную паремию включаются новые компоненты, что приводит к повышению «коннотативного потенциала, усилению экспрессивности звучания» [3, с. 34], наблюдается индивидуально-авторское расширение компонентного состава фразеологического единства. Включение компонента *стыдно* М. Пришвиным не случайно. Необходимо отметить, что чувство стыда, стыдной неловкости, состояния смущения свойственны менталитету русского человека, они встречаются не только в работах М.М. Пришвина, но и в произведениях Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и других писателей. Герои произведений М. Пришвина достаточно часто испытывают чувство стыда, что позволяет им оставаться нравственными личностями. Психологи отмечают

регулирующую функцию чувства стыда [8]. Оно позволяет человеку понимать границы, за которые недозволено выходить. В словаре С.И. Ожегова *стыд* – это «чувство сильного смущения от сознания предосудительного поступка» [11, с. 714]. В некотором смысле понятие стыда тождественно понятию совести. В приведенном выше М. Пришвиным определении сущности правды вытекает понятие совести. *«Правда – это значит победа совести в человеке»,*– утверждает писатель. Совесть – «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [11, с. 681], это способность человека быть морально-ответственным [2]. Людвиг Фейербах сравнивает совесть с внутренним голосом, осуждающим недостойные поступки [16]. Главная функция совести и стыда – осуществление самоконтроля.

Рассмотрим ещё паремии в романе «Кащеева цепь». ***Стыдно под нагим глазом****, потупился, краснеет и не сводит глаза с кончика лакированного башмака с английскими брюками.* Здесь снова происходит трансформация фразеологического единства, а именно расширение и замена его компонентов. Ср. с устойчивым ФЕ *перед глазами* – что означает «в непосредственной близости, рядом» [17]. Подобные расширения паремий словом *стыдно* доказывают наше предположение о свойственном русскому человеку чувстве стыда, позволяющему ему соблюдать правила общественного и личного поведения. Ср.: *Просто ему* ***стыдно быть не самим собой*** *и произносить слова по-иностранному*. В представленном высказывании происходит расширение фразеологического единства *оставаться (быть) самим собой* (что означает быть таким, какой есть, не изменяясь) лексемой *стыдно*. Эти слова характеризуют дядю Алпатова, которому чуждо всякое притворство. Другой пример: *Извините за нескромность, а вам сколько годков исполнилось? – Много, даже* ***совестно сказать****...* В данном примере мы видим прием сокращения компонентного состава фразеологического единства и замены одного из его компонентов другим синонимичным словом. Ср.: *Стыдно сказать, а грех утаить* [5]. Говоря о «наиболее глубокой черте характера русского народа», его религиозности, Н. О. Лосский выделяет в душе человека «особую силу, влекущую к добру и осуждающую зло, эта сила – голос совести» [10].

Русские пословицы часто апеллируют к совести, чувству стыда, призывая человека становиться лучше. *В ком стыд, в том и совесть. Есть совесть – есть и стыд. В ком есть Бог, в том есть и стыд. Детей наказывай стыдом, а не кнутом. Ни бога не боится, ни людей не стыдится. Чего стыдимся, о том таимся* [5].

Таким образом, паремии иллюстрируют своеобразный образ мыслей народа, позволяют приблизиться к пониманию национального характера. Наше исследование позволило сделать вывод, что наиболее выдающейся чертой русского национального характера является его религиозность, основанная на присутствии совести и чувства стыда, оказывающих на человека несомненно позитивное влияние, а также поиск абсолютной правды (истины).

Список литературы

1. Аникин В.Н. Искусство слова в пословицах и поговорках // Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. Яз., 2002. 535 с.

2. Бердяев Н. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с. URL: http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1931_026_00.html (дата обращения 18.03.2019).

3. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Тула, 1995. 48 с.

4. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

5. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Художественная литература, 1989. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/ (дата обращения 19.03.2019).

6. Замалетдинов Р.Р., Замалетдинова Г.Ф. Язык – культурный код нации и ключ к культуре всего человечества // Вестник ТГГПУ. 2012. № 2. С. 49-53.

7. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: МГУ, 1998. 524 с.

8. Ильин Е.П. Психология совести. Вина, стыд, раскаяние. URL: https://libking.ru/books/psy-social/587904-evgeniy-ilin-psihologiya-sovesti-vina-styd-raskayanie.html#book (дата обращения 14.10.2018).

9. Лейбниц Г.В. Новая философская энциклопедия. URL:https://iphlib.ru/greenstone3/library/library/collection/newphilenc/document/HASH0171cae677531bf344fa0371(дата обращения 14.03.2019).

10. Лосский Н.О. Характер русского народа. URL: http://www.odinblago.ru/russk_harakter/ (дата обращения 14.03.2019).

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Советская энциклопедия, 1973. 846 с.

12. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка: Монография. М.: Красанд, 2012. 172 с.

13. Пришвин М.М. Кащеева цепь. Роман. URL: https://www.litmir.me/br/?b=122866&p=1 (дата обращения 14.10.2018).

14. Пришвин М.М. Дневники. Дорога к другу. URL: http://ruslit.traumlibrary.net/book/prishvin-doroga/prishvin-doroga.html#fbcont (дата обращения 10.02.2019).

15. Язык как культурный код нации / Отв. ред. А.В. Зеленщиков, Е.Г. Хомякова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 264 с.

16. Фейербах Л.А. Избранные философские произведения. URL: http://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_nemeckaja_klassicheskaja/ljudvig_fejerbakh_izbrannye_filosofskie_proizvedenija_v_dvukh_tomakh_tom_1/12-1-0-182(дата обращения 8.03.2019).

17. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. А.И. Фёдоров. 2008. URL: https://phraseology.academic.ru/ (дата обращения 11.03.2019).

УДК 808.1

ИСТОЧНИКИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В РУССКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ

КУДРЯВЦЕВА СВЕТЛАНА ВЯЧЕСЛАВОВНА
аспирант института филологии,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П.Семёнова-Тян-Шанского,
Россия, г. Липецк

В статье рассматриваются прецедентные феномены как материализованные знаки интертекстуальности, подходы к их классификации и особенности функционирования данных единиц со сферами-источниками «художественная литература», «кинематограф» и «мифология» в художественном дискурсе мемуаров А.И. Солженицына.

Ключевые слова: интертекстуальность, классификация прецедентных феноменов, сфера-источник, особенности функционирования, художественный дискурс, мемуары, А.И. Солженицын.

В последние три десятилетия в центре внимания современной лингвистики находится явление интертекстуальности, без обращения к проблемам которой в настоящее время невозможно полноценное изучение художественного текста. Рассмотрение данного явления способствует проникновению в более глубокие пласты текста «за счет установления многомерных связей с другими текстами» [1, с. 16] и помогает получить разностороннее «представление об авторе, его тезаурусе, литературных вкусах или научной ориентации» [2, с. 121]. В рамках данной статьи мы обращаемся к проблемам интертекстуальности посредством изучения прецедентных феноменов (ПФ) в динамическом аспекте с целью выявления особенностей их классификации по сферам-источникам прецедентности и функционирования как интертекстовых единиц (материализованных знаков интертекстуальности) в художественном дискурсе мемуаров А.И. Солженицына.

Прецедентные феномены являются элементами содержания сознания, обладающими особой культурной значимостью и выступающими в качестве основы взаимодействия как целых культур, так и отдельных дискурсов и текстов. Под ними понимаются имеющие вербальное выражение единицы, известные значительной части представителей лингво-культурного сообщества, актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение к которым обнаруживается в речи представителей того или иного лингво-культурного сообщества. В качестве отдельных единиц системы ПФ выделяются прецедентное имя (ПИ), прецедентное высказывание (ПВ), прецедентная ситуация (ПС) и прецедентный текст (ПТ). Данные единицы тесно взаимосвязаны: актуализация одного из них может повлечь за собой актуализацию остальных. Существенным этапом исследования ПФ является классификация данных единиц. Г.Г. Слышкин выделяет ряд критериев для

подобной типологии: носитель прецедентности, текст-источник, инициатор усвоения, степень опосредованности [8, с. 70]. Наиболее традиционной является классификация по тексту-источнику, обусловленная перспективностью изучения познавательно и эмоционально значимых текстов для представителей определенной лингвокультуры, а также важностью определения того круга фоновых знаний, который необходим читателю для правильного и полного понимания соответствующих текстов. Согласно работе С.Л. Кушнерук, в лингвистике сформировались два основных подхода к классификациям источников ПФ:

- узкий, в основе которого лежат роды, виды и жанры словесности;
- широкий, или семиотический: ПФ рассматривается как прецедентный культурный знак, содержащий фоновые знания, отражающие прошлый культурный опыт в его различных формах. Классификация источников ПФ базируется на их отношении к социально-культурным сферам или «другим текстам культуры». Мы склоняемся к применению широкого подхода, что обусловлено спецификой изучаемого художественного дискурса. Собранный нами материал позволяет распределить его по сферам-источникам, а затем объединить в области культурного знания подобно уже существующим классификациям Е.А. Нахимовой и С.Л. Кушнерук.

Мемуары Александра Исаевича Солженицына представляют собой яркое явление, имеющее в истории русской литературы XX века глубокий литературно-художественный и философский контекст. В произведениях писателя «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко между двух жерновов» четко прослеживаются широкие эстетические контакты с творчеством таких фигур русского реалистического искусства, как Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Н.С. Лесков, Л.Н. Толстой и другие. Эти пересечения не всегда определяются близостью мировидческих позиций и творческих установок автора романа «Красное колесо», хотя А.И. Солженицына, как правило, вдохновляли художественные тексты тех предшественников, которые имели писательский гений и обладали необычайно глубокими мыслительными способностями или разработали глубокие оригинальные философско-художественные системы. Возможно, тяготение к прозе названных выше писателей-классиков было связано с тем, что сам А.И. Солженицын совмещал в себе мощный интеллект с необычным художественным даром. А.И. Солженицын был одним из первых писателей в русской литературе XX века, в ряду А. Ремизова, Г. Иванова, А. Белого, А. Блока и многих других, кто сделал равноценными источниками творчества и окружающую действительность, и обширный материал культуры (в первую очередь предшествующей художественной литературы). На основе своего жизненного опыта писатель ясно осознал необходимость постоянного обращения к обогащающему духовность человека культурному наследию. Нацеленность на использование интертекста классики как материала для воплощения адекватных или полярных художественных идей связана у писателя с желанием повысить эстетическую продуктивность текста,

способного вместить в себя при этом новые глубинные смыслы. Литературные цитаты, аллюзии, знаки, символика применяются А.И. Солженицыным и в качестве средства создания литературных образов. Синтезирование литературных кодов является одновременно и способом увеличения изобразительно-выразительного и семантического потенциала художественных произведений.

Нами были выделены следующие области культурного знания ПФ изучаемых текстов А.И. Солженицына 1: • социальная область: политика (6%), религия (8%); • область искусств: художественная литература и фольклор (21%), архитектура и изобразительное искусство (6%), кинематограф (15%), музыкальная культура (8%), мифология (13%), театр (1,5%); • область науки: физика (0,5%), история (4%), философия (2%), психология (3%), маркетинг (5%).

Таким образом, превалирующие сферы-источники ПФ мемуаров А.И. Солженицына «Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни» и «Угодило зёрнышко между двух жерновов» – художественная литература и фольклор, кинематограф и мифология, составляющие область искусств. Исследуемые произведения являются типичными образцами творчества писателя. Критикой также отмечается общность и острота проблематики данных произведений, связанной с рассмотрением разных аспектов одних и тех же проблем общественно-политической жизни России. Подобный вывод следует из сопоставительного анализа элементов их художественной структуры, включая особенности функционирования лексического пласта. Интересно проследить, каким образом апелляция к ПФ, относящихся к выявленным превалирующим сферам культурного знания, работает на постановку и раскрытие проблематики произведений, на построение сложной системы смысловых связей, организующих структуры произведений.

Для удобства анализа практического материала в данной статье предлагается использовать термин интертекстема (ИТ) для обозначения инварианта восприятия ПФ, встречающегося в конкретном тексте. ИТ представляет собой «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи» [6, с. 11]. ИТ в тексте может встречаться в сочетании с интерпретаторами – элементами текста, участвующими в ее разворачивании, в таком случае ИТ обозначается как рассредоточенная. Интерпретаторы, в свою очередь, подразделяются на прямые (непосредственно указывающие на содержание ИТ) и косвенные (раскрывающие содержание ИТ опосредованно). ИТ также может быть представлена точечной версией при отсутствии интерпретаторов. ИТ могут обладать имплицитно и эксплицитно выраженным содержанием.

Исследователи творчества Солженицына обратили внимание на своеобразие заглавия книги «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной

жизни». Это начало пословицы: «Бодался телёнок с дубом, да рога запропастил». Профессор Женевского университета славист Жорж Нива писал, что «на самом деле, бодаясь с дубом, телёнок скорее отращивает себе рога» [2, с. 216]. Существует интерпретация заглавия книги как символа экзистенциального поединка одной личности и мировой силы. «Образ-символ теленка, пусть не повалившего дуб, но показавшего, что против дуба можно бороться и выжить, помогает понять, как Солженицын воспринимал свою жизнь в СССР» [8, с. 119]. Поединок Солженицына с властью напоминает библейский сюжет, когда Давид вышел на бой с Голиафом с именем Божьим на устах и одной пращой. «Очерки литературной жизни» Солженицына поведали, как это получилось у него. Писатель стремился преодолеть абсолютизм автора-повествователя, свойственный мемуарно-биографической прозе. Отнюдь не всеядный «плюралист», как бы компенсируя публицистическое «давление» своей личности на умы современников, Солженицын предоставил страницы «Очерков» Твардовскому, Лакшину, Хрущеву и другим деятелям государства и творческой интеллигенции. Последней он сделал многоголосую и многоликую главу «Невидимки», придавая повествованию своеобразный полифонизм. Это является также одним из способов включения прецедентных имен в свой текст. Ниже приводим его диалог с Твардовским в связи с идейным содержанием «Ракового корпуса»:

«– Там – неприятие советской власти. Вы ничего не хотите простить советской власти.

– Александр Трифоныч! Этот термин “советская власть” стал неточно употребляться. Он означает: власть депутатов трудящихся, только их одних, свободно ими избранную и свободно ими контролируемую. Я – руками и ногами за такую власть!. А то вот и секретариат СП, с которым вы на одном поле не сели бы – тоже советская власть?

– Да, – сказал он с печальным достоинством. – В каком-то смысле и они – советская власть, и поэтому надо с ними ладить и поддерживать их. Вы – ничего не хотите забыть! Вы – слишком памятливы!» [9, т. 19, с. 163].

Помимо главного в книге конфликта писателя с коммунистической идеологией советского строя, «Очерки» остро преломили литературную борьбу образами живых тогда классиков советской литературы: А. Твардовского и М. Шолохова. Даже «первый поэт» страны Твардовский, покровитель Солженицына, в аттестации последнего грешен советским мировидением, без прощения этого, хотя бы в качестве социалистической утопии честного человека, коммуниста-идеалиста. «Первый Писатель», «недоросток Шолохов» в глазах Солженицына невзрачен со всех сторон: «глупо улыбался», «выперся <...> как царь литературы» и т.д. [9, т. 19, с. 65].

Автор «Очерков литературной жизни» порадовался заступничеству Твардовского в подобной связи («Это – черты его стиля!»), процитировал редакционное выступление своего оппонента А. Дементьева: «С советами такому большому художнику рискуешь попасть в неловкое положение. Публицистика иногда – на грани памфлета, фельетона» [9, т.19, с. 102].

А финальные строки «Теленка» – лирическое описание панихиды в Женевском православном соборе, литературная молитва о Федоре Крюкове и Ирине Медведевой-Томашевской: «Повторялись, повторялись имена их соединенно – возносил о них архиепископ, возносил хор. Сплелись их судьбы – злочастного донского автора и его петербургской заступницы – над убийствами, над обманами, над всем угнетением нашего века» [9, т. 19, с. 592].

Во многом близкие по выражению гражданской позиции, Солженицын и Шолохов не стали соратниками в литературной жизни. Однако и конфронтация великих писателей, которые одновременно находились в центре литературной и общественной борьбы, – явление знаменательное для литературы и культуры в целом, не говоря уже о том, сколь драматическим оказалось противостояние в их личных судьбах.

«Бодался теленок с дубом» не только дает читающему прекрасный, в полный рост портрет Солженицына, как писателя и человека. Книга дает и множество острых зарисовок, – как говорит Солженицын, – «верноподданного баранства». То есть – портретов этих «инженеров человеческих душ», которые десятилетиями приросли к тоталитаризму. Тут и – первые среди равных – секретари-канцеляристы ССП: «коренастый, широчелюстный хамелеон» псевдодраматург Воронков (отсылка к рассказу А.П. Чехова «Хамелеон»), и «мурло, отчасти комическое» Сартаков, и «отъевшаяся лиса» Марков (отсылка к басне И.А. Крылова «Ворона и лисица»), и «полканистый» Соболев. Очень хороша сцена, когда эти получекисты-полуписаки («даже не писатели вовсе!» – говорит Солженицын) встречают Солженицына и Твардовского, приехавших (по настоянию Твардовского) на разговор о том: как попало за границу резкое письмо Солженицына IV-му Всесоюзному Съезду Союза Советских Писателей. В «Очерках литературной жизни» актуально пульсирует отечественная философская мысль. При этом особую ценность представляют не собственно философские рефлексии Солженицына (таковые есть тоже), а душевно-духовная реальность писателя, то есть выражение «души, знающей о себе самой» [5, с. 184].

Как ни в каком другом произведении писателя, здесь важны мысли о роли христианства в судьбе России и его личной судьбе. Солженицын особое внимание в «Теленке» уделяет ситуациям нравственного выбора: он сам их проходит с величайшим достоинством и бесстрашием, но того же хочет и от других. В писателе все больше укрепляется уверенность, что он – орудие в руке Божьей. В концовке основного корпуса «Теленка» он восклицает: «Не я весь этот путь выдумал и выбрал – за меня выдумано, за меня выбрано». И особенно точно и лаконично говорит о своем предназначении, завершая третье Дополнение такими словами: «Еще многое мне и вблизи не видно, еще во многом поправит меня Высшая Рука... То и веселит меня, то и утверживает, что не я все задумываю и провожу, что я – только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговоренный рубить ее и разгонять. О, дай мне, Господи, не переломиться при ударах! Не выпасть из руки Твоей!». Так проявляется использование прецедентных феноменов, отсылающих нас к Библии.

При этом Солженицын подчеркивал особую деликатность этого вопроса, он не посягал на свободу выбора читателя, требовал от себя и других писателей соблюдения меры в «христианской проповеди» [9, с. 169].

Глобально значительна его мысль об августе 1968 года с опорой на историческую мудрость И. Ильина об «особливости во грехах» и ответственности за них каждого народа [4, с. 330-331] и использования прецедентного имени *Колчак*. «Этот стыд за Чехословакию так долго и сильно еще горел во мне потом, что в последующие годы, когда я составлял “Жить не во лжи”, я в запале написал: “преданный нами, обманутый нами великий народ Европы – чехословацкий”. А глянуть просторней – кто кого обманул и с каким душевным величием, когда чехословацкие легионеры дезорганизовали колчаковское сопротивление, самого Колчака предали на расстрел большевикам, а через Сибирь увозили украденное русское золото? (И они не были к тому принуждаемы пулей, как наши солдаты в 1968.) Это – один из нередких в истории примеров, когда люди, группы и даже целые нации в безумной слепоте куют свое же гибельное будущее» [9, т. 19, с. 216].

А в начале «Очерков» Солженицын утверждал: «Все негодование могло укипеть только в очередную книгу, а этого тоже нельзя, потому что закон поэзии – быть выше своего гнева и воспринимать сущее с точки зрения вечности» [2, с. 14]. В статье «Колеблет твой треножник» отмечена как главная особенность гения Солженицына – писать, «все осветляя и умудряя» [3, с. 247]. Это эстетика, согласно которой искусство, по мнению И. Ильина, есть «источник озарения и умудрения», «изначально основополагающая истории русского искусства, от древне-народного до «зрело-культурного» [4, с. 36]. Эстетик-философ подчеркивал, что в основе этой «существенной и укорененной традиции русского национального искусства лежит определяющее влияние воспринятого нами из Византии греко-восточного Православия» [4, с. 36].

Солженицын осознает свое высшее предназначение, «вложенную цель»: «...моя литературная судьба – не моя, а всех тех миллионов, кто не доцарапал, не дошептал, не дохрипел своей тюремной судьбы, своих поздних лагерных открытий» (гл. «На поверхности»). Писатель остается верен ей до конца, понимая, что он не может рисковать, не может обнаружить себя раньше времени – «Надо горло поберечь для главного крика» (гл. «Прорвало!») – весьма яркие примеры прецедентных феноменов со сферой-источником – песенные тексты и лозунги советской эпохи.

Обобщая все сказанное, следует отметить, что культурное пространство книги «Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни» А.И. Солженицына чрезвычайно богато и разнообразно: в тексте встречаются прецедентные феномены, восходящие к произведениям устного народного творчества, Библии, русской классической литературе, литературе XX века, а также песенным текстам и лозунгам советской эпохи. Все это нуждается в детальном изучении. В результате синтеза различных источников расширяются

пространство и время текста. Через использование прецедентных феноменов писатель достигает творческого диалога с культурным наследием прошлого.

В результате анализа нами были выявлены следующие группы ИТ, вербализирующие ПФ со сферами-источниками «художественная литература», «кинематограф» и «мифология» в исследуемых произведениях:

1. Рассредоточенная ИТ с прямыми интерпретаторами.
2. Рассредоточенная ИТ с косвенными интерпретаторами.
3. Точечная ИТ, не имеющая интерпретаторов.
4. ИТ с эксплицитно выраженным содержанием.
5. ИТ с имплицитно выраженным содержанием.
6. Гетерогенная ИТ, состоящая из двух или более ИТ, относящихся к разным сферам-источникам.

Итак, автор вводит ПФ превалирующих сфер-источников в произведения для достижения следующих целей:

- создания иронического эффекта;
- социокультурной характеристики определенных слоев населения, общественных классов, а именно интеллигенции, художественно-артистических кругов;
- переосмысления слоя элитарной культуры в текстах массмедийной культуры, например, экспликация мотива трагичности существования может осложняться ироническим переосмыслением;
- привлечения внимания к ключевым аспектам и проблемам социально-политической, экономической и культурной жизни страны, их морально-этической оценки.

Таким образом, автор апеллирует к целому комплексу широко известных образов мировой культуры, обогащая содержательную структуру произведений введением элементов древнегреческой мифологии, пронизанного психологизмом творчества Ф. Достоевского, усложненной прозы Б. Пастернака, мирового кинематографа. Данные ПФ подчинены определенным принципам отбора, особенности их функционирования в текстах обусловлены авторским видением мира, его замыслом, концепцией романов, в частности, выявляют авторское отношение к актуальным проблемам советской жизни и общечеловеческим вопросам.

Список литературы

1. Алексеенко М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс.: Сб. науч. тр. М., 2003. С. 221- 233.

2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

3. Голубев А. «Вторичная литература А. Солженицына («Бодался теленок с дубом») // Типология литературного процесса и творческая индивидуальность писателя. Пермь, 1993.

4. Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1993.

5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука,1987. 264 с.

6. Красных В.В. Система прецедентных феноменовв контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: «Филология», 1997. Вып. 2. С. 5-12.

7. Кузьмина Н.А. Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса // Медиастилистика. 2011. № 1.

8. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Академия, 2000. 128 с.

9. Солженицын А.И. Собр. соч.: В 20-ти томах. YMKA-PRESS, 1981.

10. Спиваковский П.Е. Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд. М., 1998.

11. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17-29.

УДК 811.161.1

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОСЕННЕГО ЦИКЛА КАЛЕНДАРНЫХ ОБРЯДОВ В НИЖЕГОРОДСКИХ ГОВОРАХ

НИКИФОРОВА ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА
к. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и литературы,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Арзамасский филиал),
Россия, г. Арзамас, snegaovnik@rambler.ru

В статье на материале нижегородских говоров рассматривается народное восприятие и интерпретация осеннего периода календарной обрядности. Охарактеризованы состав и структура тематической группы «Лексика и фразеология календарных обрядов осеннего цикла».

Ключевые слова: нижегородские говоры, обрядовая лексика, народный календарь, наименования календарных обрядов осеннего цикла.

Лексика календарных обрядов годичного цикла представлена несколькими группами, среди которых выделяются наименования обрядов осеннего цикла. Осенний период народного календаря в селах Нижегородской области связан со сменой традиционно летних занятий и природных явлений (заготовка сена, купание в водоемах и т.п.) осенними (посев озимых, сбор урожая, освящение плодов и т.п.). Осенний цикл народного календаря Нижегородской области состоит из нескольких праздничных дат и представляет собой систему хрононимов, регламентирующих жизнедеятельность нижегородского крестьянина при завершении полевых работ. По-своему интерпретируя церковные положения, крестьянин приурочил к праздникам (день святых великомучеников Флора и Лавра (18/31 августа),

день усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа / 11 сентября), праздник в честь Преподобного Симеона Столпника (1/14 сентября), день преподобного Луки Глубокореченского (7/20 сентября), день великомученика Димитрия Солунского (26 октября / 8 ноября), праздник в честь Собора Архангела Михаила (8/21 ноября) и др.) те действия, которые, с его точки зрения, должны были способствовать увеличению урожая, здоровью людей и скота. Тематическая группа «Лексика и фразеология календарных обрядов осеннего цикла» включает в себя хрононимы (*Фролов день*), названия обрядовых действий (*сидеть в келье*), обрядовых агентивов (*Кузьма*), обрядовых яств (*курник*), обрядовых атрибутов (*Кузьме на бороду*).

Границей между летом и осенью был Ильин день: *«В Ильин день до обеда лето, а после обеда осень».* Народные названия дня Пророка Илии (20 июля / 2 августа) восходят к имени святого, различаясь в нижегородских говорах структурой: представляют собой как однокомпонентные (*Илья, Ильин, Ильин день),* таки двухкомпонентные (*Ильин день, Ильинской день, Илья пророк)* образования [3, с. 243-249]. Паремии и календарные приметы Ильина дня имеют ярко выраженную метеорологическую и сельскохозяйственную тематику. Так, к Ильину дню в Нижегородской области следовало завершить сенокос (сгрести сено, убрать его в стога), поскольку в это время высокая вероятность дождей. Считалось, что сено, заготовленное после Ильина дня, было невысокого качества. *«Всё сено надо до Ильина дня убрать, а то потом дожжы, холот, трава гниёт, не сохнет ужо»* (с. Уразовка Краснооктябрьского р-на). На Ильин день значительно сокращался световой день – на два часа: *«Пётр и Павел час убавил, Илья-пророк два уволок».*

Ильин день считается у нижегородского крестьянина грозным праздником. Существующие запреты купаться, работать (стирать, косить, убирать сено, шить, прясть) в Ильин день имеют различные мотивировки: моральную, этическую, религиозную. Так, запрет на купание объясняется либо похолоданием, либо порчей воды: «*Илья бросил в реку ледышку*» (с. Мухоедово Дальнеконстантиновского р-на), «*Олень хвост в реку опустил*» (с. Архангельское Шатковского р-на), *«На Илью купацца нельзя: олень рога обмочыл»* (с. Тепелево Дальнеконстантиновского р-на), *«С Ильина дня купацца не велят, вода холодна, говорят, олень рога в воду упустил»* (с. Кузьминка Сергачского р-на). Диалектоносители подчёркивают, что нарушение запретов чревато последствиями: *«Купацца нельзя после Ильина дня, а то водяной за ногу схватит, за собой утянит »* (с. Большие Бакалды Бутурлинского р-на).

В нижегородских говорах квазиантропоним *Илья* отмечен в названиях материального атрибута сложного дожинального обряда, при котором по окончании жатвы оставляли несжатыми последние колосья и завязывали их узелком. Это происходило обычно на Успение Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии (15/28 августа). Совершение в период жатвы обрядовых действий направлено на обеспечение урожая, защиты от вредоносных воздействий. Жатвенный ритуальный комплекс в нижегородской традиции представлен только обрядами, оформляющими завершение уборки

урожая. Одну из главных ролей в обряде играл материальный атрибут, который называется *Ильи борода, Илье бородка, батюшке Илье бородка, Христу бородка, Христу на бородку, Кузьме на бороду, бородка Кузьме и Демьяну, Кузьме-Демьяну на бородку, Миколе на бородку, дедушке борода, козлу борода, последний сноп.* Бородку завязывали по-разному: делали из стеблей узелок, колоски связывали крестом, в виде небольшого снопика. Форма этого снопа могла быть также разной, в одних сёлах завязывали в узел, в других завивали в «скрутку» или связывали лентой, украшали платками. В отдельных случаях после уборки хлеба, колосья, связанные пучком, оставляли на каждом углу поля. Обычно на сжатой ниве оставляли одну бородку, но в селах Починковского р-на завязывали две бородки недалеко друг от друга, и женщины кувыркались между ними. Последний сжатый сноп с особой торжественностью приносили с поля домой, ставили в красный угол, на божницу, и берегли его до следующего урожая. Данные обрядовые действия связаны с магией, способствующей плодородию земли и поддерживающей её благотворные начала. «*Илье бороду оставляли, штобы воду давал, дождём землю поил, на другой год штобы хлеб был»* (с. Акузово Сергачского р-на). Дожинальный обряд в настоящее время практически не сохранился. Чаще всего информаторы знают лишь способ «завивания бороды» и её отнесенность к тому или иному святому. Обычно на Нижегородчине бороду посвящали святому Илье-пророку: *Ильи борода, Илье бородка, батюшке Илье бородка.* Наименования образованы путём присоединения к обрядовому номинативу *борода* атрибутива принадлежности и мотивировано по принадлежности Илье Пророку.

Праздник в честь преподобного Макария Желтоводского, Унженского,(25 июля / 7 августа) в нижегородских говорах называется *Макарий, Макарий Преподобной, Макар, Макарий день, Макарьев день.* Диалектные названия дня святых великомучеников Флора и Лавра (18/31 августа) – *Фролов день, Фролы, конский праздник,* поскольку в этот день было принято кропить святой водой лошадей. День усекновения главы Иоанна Предтечи (29 августа / 11 сентября) является великим праздником, однако в этот день необходимо соблюдать строгий пост. Народное название праздника – *Иван Постный* – репрезентирует обрядовую наполненность события. Праздник в честь Преподобного Симеона Столпника (1/14 сентября) в исследуемых говорах носит названия *Семён день, Семён день, Семёнов день*. В этот день совершались обряды избавления от мух, клопов, тараканов. Наименование дня преподобного Луки Глубокореченского (7/20 сентября) – *Луков день* – говорит не столько о святом, память которого необходимо отметить, сколько о народных сельскохозяйственных традициях: в этот день нижегородским крестьянам рекомендовалось убирать лук.

Праздник в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня (14/27 сентября) – *Воздвиженье, Воздвижен день, Здвиженье, Здвиженьев день* – в говорах связывается с особым поведением (движением) зверей в преддверии зимы: *«В этот день фсе звери выходют, у них сварьба»*

(д. Вязовка Ковернинского р-на), *«В Здвиженье фсе звери движуцца, на зимофку, на спячку»* (д. Пижма Тоншаевского р-на).

Каноническое название праздника Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии (1 октября 14 октября), мотивированное чудесным событием, в нижегородских говорах пережило редукцию, то есть сократилось до двухкомпонентного словосочетания *Покров Богородицы, Покров день, День Покрова* или даже до одного слова *Покров, Покрова*. Жители Нижегородской области считают Покров Пресвятой Богородицы символом святости и света, этот праздник завершает полевые работы, начало зимы, первый снежный покров земли – защита от беды, страдания. В фольклорной трактовке названия сильна «народная этимология»: Покров покрывает землю снежком. Популярность церковного праздника обусловлена его местом в аграрном календаре, поскольку к этому времени завершались сельскохозяйственные работы. Для традиционного сознания в прямой связи находятся явления природы и переход из безбрачного в замужнее состояние, причем праздник приобретает персонификацию: *«Батюшка Покров, покрой землю снежком, а меня женишком»*. В свадебном обряде фата (покрывало) невесты выполняет магическую функцию оберега от сглаза, порчи. Таким образом, в самом культе Покрова тесно переплелись церковно-религиозная и народно-бытовая традиции, объединенные идеей милосердного заступничества и помощи.

Наименование праздника Покров выполняет в нижегородском диалектном дискурсе различные функции:

1. Описание самого праздника.

2. Обозначение времени, то есть непосредственно в функции народного календаря: *«Дожили до Петрова, дожить бы до Покрова».*

3. Указание на сроки проведения различных сельскохозяйственных работ.

4. Фиксация народных примет, касающихся погоды, будущего урожая, будущей жизни: *«Покров, святая Богородица, покрой землю снежком, а меня женишком. Если на Покрова снег, то полностью снег землю покроет нескоро».*

5. Обозначение периодов постов: *«Был Пост три дни до Покрова»* (с. Сельская Маза Лысковского р-на).

С осенним народным календарём связан фразеологизм *беседочные вечера* – «время, когда молодёжь собиралась на осенне-зимние вечерние гуляния – беседки (как правило, среда, пятница, воскресенье). Беседочные вечера были три раза в неделю, вот воскресенье, среда и пятница была» – Шахун [2, с. 119]. *Беседка, беседки, беседушка*, по Далю, «калужск. новг. твер. олон. вологодск. ниж. вечеринка, вечерница, вечорки, посиделки, посидки, супрядки, досветки; сбор девок с веретеном и куделью в один дом, обычно в круговую, на всю ночь; сходбища осенние и зимние, взамен летних хороводов, начиная от конца уборки хлеба, когда уже жгут по избам огонь: с Симеона-летопроводца (1 сентября)» [1, с. 140]. Беседки начинались после завершения сельскохозяйственных работ. В южных районах Нижегородской области молодёжь собиралась на беседки с Покрова (14 октября), в северных районах на

беседки ходили позже – с 21 ноября (Михайлов день). Беседочные вечера продолжались до Великого поста. Осенние посиделки могли иметь как праздничный, так и будничный характер. Во время осенних праздников – Семёнова дня (14 сентября), Покрова (14 октября), Дмитриева дня (8 ноября) – на посиделках собиралась молодежь, юноши и девушки плясали и пели под гармонь, балалайку. На будничные посиделки девушки приносили с собой рукоделие – занимались прядением, вязанием, шитьём.

День памяти великого подвижника русской земли Преподобного Сергия Радонежского (25 сентября / 8 октября) носит названия в нижегородских говорах *Серьгов день*, *Серьгиев день*, *Сергов день, Серьгий. «На Сергия рубили капусту, заготавляли её на зиму фсей семьёй. Взрослы очищали и секли кочаны, дети чыстили моркофь, старики её резали. Капусту и моркофь засыпали солью, толкли, мешали, закладывали в бочки»* (д. Кузьминка Сергачского р-на). День великомученика Димитрия Солунского (26 октября / 8 ноября) – *Дмитров день, Дмитрев день, Дмитрев день*. День Бессребреников Космы и Дамиана (1/14 ноября) называется на территории Нижегородской области *Кузьма*, *Кузьма и Демьян, Кузьма-Демьян, кузьминки, кузьминушки.* Обозначением праздника в честь Собора Архангела Михаила (8/21 ноября) в нижегородских говорах служит как атрибутивное сочетание *Михайлов день*, таки сложное слово *Михайлодень*, образованное из сочетания путем словосложения.

Таким образом, названия осенних праздников и сопровождающие их тексты, зафиксированные в нижегородских говорах, отражают мировидение создавших их людей, свидетельствуют о тех ценностях, которые небезразличны русскому человеку как в прагматическом, так и в духовном плане. Проанализированные наименования, функционирующие в нижегородских говорах, хотя и не обширны по своему количественному составу, но содержательно отражают культурную и духовную жизнь нижегородского крестьянина.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Рипол Классик, 2002. Т. 1. 752 с.

2. Диалектный словарь Нижегородской области. Вып. 1-2. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013-2014. Вып. 1. 199 с.

3. Никифорова О.В. Структурно-семантическое оформление календарного праздника в честь Дня пророка Илии в нижегородских говорах // Карповские чтения: сборник статей. Вып. 7. Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. С. 243-249.

УДК 811.161.1’37

АНТРОПОЦЕНТРИЧНОСТЬ ПЕЙЗАЖА В РАССКАЗЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «СВИДАНИЕ»*

ПЛЕХАНОВА ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА
к. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
plehanov1947@mail.ru

Статья посвящена анализу особенностей художественного повествования в «Записках охотника» И.С. Тургенева, относящихся к Провинциальному тексту русской литературы. На материале рассказа «Свидание» рассматривается фрагмент концептосферы текста, связанный с репрезентацией образа природы. Выявляется своеобразие тургеневского пейзажа, состоящее в его антропоцентричности, что позволяет рассматривать пейзаж как одно из главных средств выражения концептуальной информации и характеристики персонажей. Описываются лингвистические показатели антропоцентричности пейзажа и их взаимодействие в создании художественного целого.

Ключевые слова: Провинциальный текст русской литературы, концептосфера, антропоцентричность, концептуальная информация, коннотативный смысл, стилистический прием.

В последние годы одним из актуальных направлений современной лингвокультурологии становится изучение прецедентных текстов региональной направленности, оказывающих значительное влияние на формирование филологической культуры личности, на осознание человеком принадлежности к своей нации и ее культуре. Литературные произведения, связанные с историей и культурой определенного региона, представляют собой «локальные ответвления» единого Провинциального сверхтекста, который определяется исследователями как совокупность текстов, обладающих общностью культурно-мифологического кода, семантических и структурных параметров и формирующихся вокруг ядерных концептов высокой культурной значимости, преимущественно топонимов и антропонимов. Так, среди локальных составляющих Провинциального текста выделяются Воронежский, Елецкий, Нижегородский, Архангельский, Тамбовский и другие тексты. К подобным ответвлениям Провинциального текста, несомненно, относится и Липецкий текст, в рамках которого созданы многие художественные произведения, относящиеся к прецедентным текстам русской литературы. Одно из первых мест среди них по праву занимают знаменитые «Записки охотника» И.С. Тургенева.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Управления образования и науки Липецкой области в рамках научного проекта «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (№ 18-412-480003).

В содержании, структуре и языковой ткани «охотничьего» цикла рассказов и очерков отчетливо выделяются характерные элементы Провинциального текста, составляющие его культурно-мифологический код и являющиеся частью общей сверхтекстовой картины мира.

Важное место в концептосфере Провинциального текста занимает фрагмент, связанный с интерпретацией русского пейзажа, что вполне объяснимо, поскольку отношение к природе считается одним из главных ценностных ориентиров человека. Издавна социальные, нравственные и духовные устремления людей связаны с природой, а ее поэтический образ является неотъемлемой частью любого произведения искусства: живописи, музыки, литературы.

И.С. Тургенев, заядлый охотник и тонкий знаток природы, создал в своих произведениях целую галерею русских пейзажей, раскрывших специфику художественного познания окружающего мира и осознание человеком своего места в нем. Отмечено, что в городском Провинциальном тексте пейзаж не настолько значим, как в произведениях, рисующих образ сельской провинции. «Жители русских городков не слишком обращают внимание на природу, предоставляя всему идти своим чередом» [5, с. 79], поэтому интерпретация концепта «природа» не слишком отличается от стандартных представлений о нем в русской когнитивной и языковой картинах мира. Художественный образ природы, опоэтизированный русскими писателями-классиками, чаще встречается в «деревенских» произведениях Провинциального текста, где герои показаны на лоне природы и живут в полном единении с нею.

Природная сфера в «Записках охотника», на первый взгляд, представлена традиционным рядом концептов, связанных с названиями времен года, времени суток, погодных явлений, пространственных объектов, водоемов, пород деревьев и обитателей фауны и др. Однако все привычные составляющие русского пейзажа получают у Тургенева нестандартное осмысление, наполняясь коннотативными и символическими смыслами. Тургеневский пейзаж антропоцентричен в том смысле, что является не дополнительным, а основным средством характеристики персонажей, то есть он не просто углубляет художественный образ, а раскрывает самую его суть, выявляя личностные качества героев, их психологическое и эмоциональное состояние.

Композиция многих рассказов «охотничьего» цикла, развитие повествования в них организованы сменяющими друг друга картинами природы, олицетворяющими движения души человека, его мироощущение. Природа как активно действующий персонаж выступает в рассказах «Касьян с Красивой Мечи», «Хорь и Калиныч», «Певцы», «Свидание», в заключительном очерке «Лес и степь». Особенно показателен в этом отношении рассказ «Свидание».

Окаймляющие центральное событие рассказа – встречу Акулины и Виктора – картины осеннего пейзажа с удивительной глубиной и точностью передают изменение душевного состояния героини от робкой надежды на счастье до горькой безысходности. Гармоничная связь мира человека и мира

природы, их взаимопроникновение усиливают драматизм ситуации и подчеркивают участие пейзажа в раскрытии глубинного смысла заглавия как сильной позиции текста: встречу героев рассказа нельзя назвать свиданием в полном смысле слова, это, по существу, несостоявшееся свидание, так как оно не укрепляет, а разрушает отношения между персонажами.

Описание осеннего дня в начале рассказа уже выполняет композиционную роль: это не просто экспозиция, это начало сюжета, его завязка. Этот фрагмент, наполненный цветом и звуками природы, ее удивительной музыкой, содержит множество мастерски использованных писателем параллелей между миром человека и миром природы, становящихся для читателя сигналами антропоцентричности пейзажа: «Я сидел в березовой роще *осенью*, около половины сентября. С самого утра перепадал мелкий *дождик*, сменяемый по временам теплым *солнечным сиянием*; была *непостоянная погода*. Небо то все *заволакивалось* рыхлыми белыми *облаками,* то вдруг местами *расчищалось* на мгновенье, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась *лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз*. Я сидел и глядел кругом, и слушал. Листья чуть *шумели* над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не *веселый, смеющийся* трепет весны, не мягкое *шушуканье*, не долгий *говор* лета, не робкое и холодное *лепетанье* поздней осени, а едва слышная, дремотная *болтовня.* Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно *изменялась*, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком; она то *озарялась* вся, словно в ней вдруг все *улыбнулось*; <…> то вдруг опять все кругом слегка синело, яркие краски мгновенно *гасли* …» [3, с. 260].

Ключевое словосочетание фрагмента – «непостоянная погода» – обозначает не только изменения в природе, но и перемены в настроении Акулины, которое тоже непостоянно: она и ждет, и боится предстоящего свидания. Основное средство выражения антропоцентричности картины здесь – олицетворение, эксплицированное антропоморфными эпитетами и метафорами, сравнениями, антитезой, параллелизмом синтаксических конструкций с семантикой чередования. Цветопись и звукопись отрывка с их переливами и полутонами также прогнозируют смену эмоционального состояния героини.

Предваряющая появление Акулины картина созвучна настроению охотника-повествователя и пронизана предчувствием встречи с чем-то прекрасным: «…вся внутренность леса была *наполнена солнцем* и во все направленья, сквозь *радостно* шумевшую листву, *сквозило* и как бы *искрилось ярко-голубое небо*; облака скрылись, разогнанные взыгравшим ветром; погода *расчистилась,* и в воздухе чувствовалась та особенная, сухая *свежесть*, которая, наполняя сердце каким-то бодрым ощущением, почти всегда предсказывает мирный и ясный вечер после ненастного дня» [3, с. 261-262]. Антропоцентричность этого пейзажа обусловливается его двойной нагрузкой: впечатление от красоты природы сливается с впечатлением повествователя от нежного образа прелестной девушки. «Описание Тургеневым природы плавно переходит в описание молодой крестьянки, не нарушая очарования пейзажа, –

замечает Л.И. Скокова. – Природа и девушка в описании Тургенева составляют одно целое. Писатель будто подчеркивает, что девушка – часть природы, она так же естественна и прекрасна, как сама первозданная природа» [2, с. 53].

Образ девушки легко вписывается в картину природы, между ними нет даже абзацного отступа, пейзаж именно «плавно переходит» в портрет Акулины, что подчеркивается и лексическими параллелями: «березы стояли все *белые*» [3, с. 260] - «*белокурые* волосы; лоб, *белый*, как слоновая кость; чистая *белая* рубаха» [3, с. 262]; «лазурь, ясная и ласковая, как *прекрасный глаз*» [3, с. 260] – «*глаза большие, светлые и пугливые, как у лани»* [3, с. 262]; «листья *загорались* червонным золотом и *гасли*» [3, с. 260] – «взор задрожал, *зажегся* ожиданьем; она *вспыхнула* вдруг… и тотчас опять *поникла* вся*, побледнела, смутилась»* [3, с. 263].

Антропоцентричность тургеневского пейзажа проявляется и в использовании писателем такого выразительного приема, как символика названий растений и цветов, вызывающих ассоциации с чертами характера и эмоциями человека. Язык цветов (селам) возник на Востоке, а позже получил широкое распространение в аристократических салонах и в художественной литературе. Тот букет, который с любовью собран Акулиной для Виктора и который он небрежно выбросил, составлен из цветов, символизирующих лучшие качества женского характера.

«Вот незабудки, а вот маткина-душка… А вот это я для вас, – прибавила она, доставая из-под желтой рябинки небольшой пучок голубеньких васильков, перевязанных тоненькой травкой» [3, с. 265]. В поэтическом языке цветов василек символизирует изящество, незабудка – истинную любовь, трава – подчинение и покорность. «Набор растений и образ Акулины готов. Этот букет передает не только внешнее изящество девушки, но и черты характера – покорность и способность искренно любить» [1, с. 244].

Как видим, трагическая история крепостной деревенской девушки, на свое несчастье полюбившей недостойного человека, преломляется через природно-эстетическую призму и отражает глубокий социально-нравственный конфликт между природой и социумом. В соответствии со своим пониманием прекрасного как гармонии человека с окружающим миром Тургенев рассматривает природу как своеобразное мерило духовной и нравственной ценности человека. Одухотворенный повествователем пейзаж служит в рассказе не просто фоном для изображаемого, а средством выражения концептуальной информации. В «Записках охотника» отчетливо просматривается противопоставление «людей природы» - натур художественно одаренных, наделенных чувством красоты и душевной щедростью, и «людей общества», далеких от природы и испорченных цивилизацией.

В «Свидании» эта противоположность раскрывается с помощью контрастного описания внешности и духовной сущности крестьянской девушки и оторванного от своей среды избалованного лакея богатого барина: «Насколько просто, естественно, красиво, деликатно проявляет себя Акулина, настолько же черств и равнодушен, самовлюблен, безобразно карикатурен в

своей напыщенности “избалованный камердинер”» [2, с. 54]. Если образ прелестной девушки и красота пейзажа воспринимаются как гармоничное целое, то образ Виктора нарушает эту гармонию и вносит диссонанс в окружающую обстановку.

Духовная несовместимость персонажей, абсолютная невозможность каких-либо теплых отношений между ними и безответность преданной и трогательной любви Акулины подчеркивается антитезой в сочетании с параллелизмом и сравнением – стилистическими фигурами, позволяющими противопоставить героев по сходным параметрам: внешности, одежде, поведению, нравственным качествам. Противоположность двух образов «задана» уже первоначальной общей оценкой: «она была очень недурна собою» [3, с. 262] и «он не произвел на меня приятного впечатления» [3, с. 263]. Далее оба портрета детализируются: «Мне особенно понравилось выражение ее лица: так оно было просто и кротко, так грустно и так полно детского недоуменья перед собственной грустью» [3, с. 262]; «Лицо его, румяное, свежее, нахальное, принадлежало к числу лиц, которые… почти всегда возмущают мужчин и, к сожалению, очень часто нравятся женщинам» [3, с. 263]. Естественная простота и искусственная карикатурность противопоставлены в одежде персонажей: если чистая белая рубаха Акулины и ее незатейливое украшение говорят о природном вкусе и чувстве меры, то чужая, с барского плеча, одежда Виктора изобличает только «притязание на вкус и щегольскую небрежность» [3, с. 263] и делает его похожим на попугая. Контрастна и манера поведения героев: каждое слово и жест Акулины просты и естественны, тогда как Виктор, стремясь произвести впечатление на наивную влюбленную девушку, «ломался нестерпимо» [3, с. 263]. Даже в руках у героев предметы, которые говорят о разной системе ценностей: Акулина приносит возлюбленному в подарок частичку дорогой ей природы – букет любимых полевых цветов, а Виктор на время дает ей подержать лорнет – ценную для него игрушку, которую он вертит в руках, не умея с ней обращаться и напоминая мартышку из известной басни И.А. Крылова.

В сопоставлении обоих портретов Тургенев обращает особое внимание на такую важную деталь, как глаза персонажей. Известное выражение «глаза – зеркало души» получает в рассказе глубокий смысл, так как именно глаза одухотворяют лицо человека, раскрывают его внутренний мир. Глаза Акулины отражают все нюансы ее внутренней жизни, все движения ее души, всю гамму переживаемых ею чувств, описание которых актуализирует в тексте множество коннотативных смыслов. Достаточно привести лишь несколько примеров подобных описаний: «ее глаза, большие, светлые и пугливые, как у лани» [3, с. 262]; «ее внимательный взор зажегся ожиданьем» [3, с. 263]; «слеза прокатилась из-под густых ресниц, останавливаясь и лучисто сверкая на щеке» [3, с. 262]; «устремила на него испуганный взор» [3, с. 264]; «в ее грустном взоре было столько нежной преданности, благоговейной покорности и любви» [3, с. 265].

О глазах Виктора упоминается лишь дважды: подчеркивается, что он «беспрестанно щурил свои и без того крошечные молочно-серые глазки» [3, с. 263] и что он разговаривал с Акулиной, «едва удостоив девушку беглым и равнодушным взглядом» [3, с. 264]. Невыразительные глаза барского лакея, оторванного от природной крестьянской среды и «не доросшего» до цивилизации, говорят о его бездуховности и безнравственности, о тщетности притязаний на принадлежность к «обчеству». Ворвавшись в природную гармонию и будучи уже чуждым ей, Виктор не только калечит собственную жизнь, но и разрушает жизнь Акулины, лишая ее надежды на счастье и обрекая на безрадостную подневольную жизнь крепостной крестьянки, на брак с нелюбимым…

Если описания природы в начале и середине рассказа создают сложное настроение, в котором переплетаются радостные и тревожные ноты, то настроение заключительного пейзажного фрагмента более однозначно и созвучно хлынувшему потоком долго сдерживаемому горю Акулины: «Солнце *стояло низко* на бледно-ясном небе, лучи его тоже как будто *поблекли* и *похолодели*: они не сияли, они разливались ровным, почти *водянистым светом.* До вечера оставалось не более получаса, а заря едва-едва *зажигалась.* Порывистый ветер быстро *мчался* мне навстречу через желтое, высохшее жнивье; торопливо вздымаясь перед ним, *стремились* мимо, через дорогу, вдоль опушки, маленькие, покоробленные листья; сторона рощи, обращенная стеною в поле, вся *дрожала* и сверкала мелким сверканьем, четко, но не ярко; на красноватой траве, на былинках, на соломинках – всюду блестели и *волновались* бесчисленные нити осенних паутин. Я остановился… Мне стало грустно; сквозь *невеселую, хотя свежую улыбку увядающей природы*, казалось, *прокрадывался унылый страх недалекой зимы*» [3, с. 268-269]. Уподобление поблекшей, потускневшей природы настроению человека создается здесь лексическими средствами образности: эпитетами-олицетворениями, глагольными метафорами и актуализированной контекстом символикой названия времени года. Зима здесь не только обозначает этап, завершающий годовой цикл времени, но и ассоциируется с финалом жизненного пути человека. Даже реплика Виктора: «…теперь скоро зима, а в деревне зимой – ты сама знаешь – просто скверность» [3, с. 266] – приобретает двойной смысл. Отныне жизнь оставленной возлюбленным, потерявшей последнюю надежду Акулины – наполненное страхом перед неизвестным будущим безрадостное ожидание зимы с ее холодом, душевным одиночеством, нелюбовью и неуютом.

Таким образом, анализ языковой ткани рассказа «Свидание» позволяет убедиться в значимости описаний природы для выражения концептуальной информации текста и раскрытия характеров персонажей. Природа у Тургенева – один из главных героев его произведений, живущий, наряду с другими героями, своей особенной жизнью, созвучной человеческому бытию. Антропоцентричность тургеневского пейзажа, окрашенность повествования чувством гармоничной связи мира человека и мира природы находит воплощение в целом ряде изобразительно-выразительных средств,

соединенных контекстом в так называемый «пучок стилистических приемов», которые, взаимодействуя, «высвечивают друг друга и усиливают стилистическую информацию» [4, с. 178].

Список литературы

1. Зимина И.Е. Семантика литературного пейзажа и ее роль в создании художественного образа // X Поленовские чтения. Художественное творчество как феномен духовной культуры общества: материалы Международной научно-практической конференции-форума посвящены 175-летию В.Д. Поленова и юбилею Поленовского форума. Март 2019. Тамбов: Принт-Сервис, 2019. С. 239-244.

2. Скокова Л.И. Памятник двух эпох («Записки охотника» И.С. Тургенева). М.: Таус, 2013. 120 с.

3. Тургенев И.С. Сочинения: В 15 т. Т. 4. М. - Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 614 с.

4. Хазагеров Г.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д.: Феникс, 1999. 237 с.

5. Шурупова О.С. Провинция в русской и английской литературе (городские сверхтексты): Монография. Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2014. 179 с.

УДК 81-22

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И МЕНТАЛЬНО-СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ*

ПОПОВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА
д. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы,
Липецкий государственный педагогический университет имени
П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Россия, г. Липецк,rusyaz_lipetsk@mail.ru

Статья посвящена прецедентным текстам региональной направленности, связанным с Липецким краем и составляющим Провинциальный (Липецкий) сверхтекст русской литературы. В работе представлено описание этих текстов через анализ ряда концептов (*провинциальный город*, *покой*, *церковь*, *колокол*, *базар*, *тюрьма*). В заключение делается вывод о важности изучения региональных прецедентных текстов, так как эти тексты через понятие малой родины и ее составляющие позволяют современным носителям языка

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Управления образования и науки Липецкой области в рамках научного проекта «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» (№ 18-412-480003).

почувствовать свою причастность к большой Родине, ее языку и культуре и тем самым сохранить свою национальную, культурную и гражданскую идентичность, стать устойчивыми к глобальным внешним угрозам национальной безопасности.

Ключевые слова: текст, национально прецедентные тексты, прецедентные тексты региональной направленности, Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы, региональные топонимы и антропонимы, концепт, гражданская, национальная и культурная идентичность.

Иван Александрович Фигуровский занимался изучением самых разных проблем науки о языке и методики его преподавания (грамматики русского языка, общего языкознания, истории русской письменности, синтаксиса текста, структуры художественного текста, методики преподавания русского языка в школе и вузе и др.). Но «главным итогом жизни проф. И.А. Фигуровского стала разработка учения о синтаксисе и структуре целого текста и вопросов применения этого учения в школьной и вузовской методике» [14, с. 9]. И.А. Фигуровский, начавший заниматься исследованием текста в 30-е гг. XX в., посвятивший этой проблеме ряд своих фундаментальных трудов, в том числе кандидатскую и докторскую диссертации [15, с. 28-311], стоит у истоков лингвистики текста вместе с такими учеными, как Г.О. Винокур и Н.С. Поспелов. Труды Фигуровского в этой области способствовали тому, что в современной антропоцентрической лингвистике текстоцентризм признан одним из ведущих принципов.

Сегодня нет области лингвистических исследований, которая не приобрела бы антропоцентрической направленности, но наиболее ярко сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в исследованиях по тексту. Текст невозможно изучать вне человека, который является его производителем и получателем, а также главной темой сообщения. По этой причине текст стал ключевым понятием для антропоцентрической парадигмы изучения языка, главным лингвистическим объектом, который часто сравнивают с лингвистическим космосом или вселенной: «Мир текстов представляется <...> лингвистическим космосом, изучение которого будет продолжаться до тех пор, пока существует человек, деятельность и общение, причем будут возникать все новые аспекты его исследования» [16, с. 182]. Таким новым аспектом текстовых исследований является изучение прецедентных текстов. Данный термин был введен в науку Ю.Н. Карауловым в 80-е гг. XX в. Прецедентными он назвал тексты, «значимые для... личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников», тексты, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [3, с. 216].

Дальнейшее изучение прецедентных текстов привело к их различным классификациям (одной из самых распространенных является деление прецедентных текстов на универсально прецедентные, национально прецедентные, профессионально прецедентные), а также к их включению в ряд прецедентных феноменов, таких как прецедентные имена, прецедентные

высказывания, прецедентные ситуации. Одним из новых аспектов исследования прецедентных текстов и феномена прецедентности в целом является выделение среди национально прецедентных текстов прецедентных текстов региональной направленности. Это национально прецедентные тексты (в первую очередь, художественные, а также публицистические, мемуарные, эпистолярные, дневниковые), в которых речь идет о том или ином регионе (крае). В таких текстах, как правило, упоминаются региональные топонимы и антропонимы. Например, топонимы и антропонимы, связанные с Липецким краем, встречаются в произведениях А.С. Пушкина (*Елец, Дон, Марья Алексеевна Пушкина* и др.), В.А. Жуковского (*Липецк, Задонск, Усмань, Елец, Конь-Колодезь, Дворянская улица* и др.), Л.Н. Толстого (*Липецк, Лебедянь, Бегичевка, Данковский уезд, Елецкий уезд, Данков, Иван Иванович Раевский* и др.), И.С. Тургенева (*Лебедянь, Красивая Меча*), Н.С. Лескова (*Елец, Елецкий уезд, Крутое*), А.И. Левитова (*Усмань, Елец, Махоново, Дон*), И.А. Бунина (*Елец, Задонск, Данков, Липецк, Лебедянь, Васильевское, Озерки, Огневка, Становая, Чернава, Измалково, Прилепы, Пажень, Астапово, Елецкий уезд, Предтечевская волость, Воргол, церковь Михаила Архангела, Торговая улица, Соборная улица, Бабий базар, Тихон Задонский, Лермонтов, Лев Николаевич Толстой* и др.), М.М. Пришвина (*Елец, Хрущево, Елецкий уезд, Соловьевская волость, Сосна, Дон, Лучок, Красная Пальна, Долгоруково, Тербуны, Ямская слобода, Елецкая гимназия, Сретенская церковь, Бабий базар, Тихон Задонский, Семашко, Стахович, Василий Васильевич Розанов* и др.), И.И. Лажечникова (*Липецк*), Е.И. Замятина (*Лебедянь, Задонск, Елец, Троекурово, Куймань, Яблоново, Стрелецкая слобода, Покровская церковь, Толстой, Тургенев, Тихон Задонский* и др.), М.И. Цветаевой (*Усмань*), М. Горького (*Добринка, Задонск, Грязе-Царицынская дорога*), Б.Л. Пастернака (*Астапово, Толстой* и др.), К.Г. Паустовского (*Елец, Кропотово, Иван Бунин, Михаил Пришвин, Лермонтов* и др.) и других авторов XIX-XXI вв. Уже такая сильная позиция некоторых прецедентных текстов, как заглавие, включает «липецкие» топонимы: это комедия А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» (это произведение, написанное в 1815 г., стоит у истоков Провинциального (Липецкого) текста), рассказы И.С. Тургенева из цикла «Записки охотника» – «Лебедянь» и «Касьян с Красивой Мечи» и др. В число таких текстов могут быть включены роман Г.И. Николаева «Астапово», описывающий последние месяцы жизни и смерть Л.Н. Толстого на маленькой железнодорожной станции, а также очерк В.И. Немировича-Данченко «Елец», «Сказка о Липецком крае» Т.А. Алексеевой, рассказ «Эта загадочная Лебедянь» и стихотворения В.Г. Зорина («Ельцу – с поклоном», «За Каменным логом» и др.) и А.И. Тамбовской («Липецк», «Люблю бывать в старинной Лебедяни…», «Сиреневая Лебедянь!», «Раненбург», «Данковский мотив», «Старый Данков задремал тихим вечером…», «Красивая Меча» и др.).

Многие авторы национально прецедентных текстов имеют прямое отношение к Липецкому краю. На липецкой земле родились и жили несколько поколений предков А.С. Пушкина, отец М.Ю. Лермонтова, И.А. Бунин,

М.М. Пришвин, А.И. Левитов, Е.И. Замятин, А.И. Эртель и др.; бывали В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, М.А. Булгаков, Б.Л. Пастернак, К.Г. Паустовский, М. Горький, М.И. Цветаева и др.; на станции Астапово (ныне поселок Лев Толстой) прошли последние дни жизни Л.Н. Толстого. Этими и другими писателями созданы классические произведения русской литературы, являющиеся гордостью как нашего края, так и всей русской литературы.

В последние годы в лингвистике активно изучаются сверхтексты: Петербургский, Московский, Провинциальный, Киевский, Лондонский, Американский и др. Исследование этих текстов оформилось в особую дисциплину – лингвистику сверхтекста, впервые выделенную учеными Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского [см.: 7; 17; 18]. Прецедентные тексты региональной направленности, имеющие отношение к Липецкому краю, являются частью Провинциального сверхтекста русской литературы. Иными словами, данные тексты составляют Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы. В рамках проекта «Провинциальный (Липецкий) текст: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики» был составлен корпус прецедентных текстов региональной направленности, образующих Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы [10]. В данный корпус вошли национально прецедентные тексты и их фрагменты (художественные, публицистические, мемуарные, дневниковые), созданные родившимися, жившими и/или бывавшими на липецкой земле и писавшими о ней прозаиками, поэтами, деятелями русской культуры XIX-XXI вв. (А.С. Пушкиным, В.А. Жуковским, М.Ю. Лермонтовым, А.А. Шаховским, И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, А.О. Смирновой-Россет, П.Д. Боборыкиным, Н.С. Лесковым, П.И. Бартеневым, С.П. Жихаревым, А.И. Левитовым, И.А. Буниным, А.П. Буниной, А.И. Эртелем, М.М. Пришвиным, Е.И. Замятиным, С.Н. Терпигоревым, М. Горьким, В.И. Немировичем-Данченко, Б.Л. Пастернаком, М.И. Цветаевой, В.В. Розановым, К.Г. Паустовским, Ю.Н. Тыняновым, П.Н. Шубиным, Г.Н. Рязанцевым-Седогиным, Т.А. Алексеевой, А.И. Тамбовской, Э.П. Меньшиковой, Л.Н. Ширниным, В.Г. Зориным и др.). Корпус прецедентных текстов региональной направленности включает в себя предисловие («Корпус прецедентных текстов региональной направленности, составляющих Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы. Технология представления текстов»), в котором дано теоретическое обоснование проделанной работы и указаны возможности ее практического применения; 37 статей (каждая статья включает краткую информацию об авторе, о его связях с Липецким краем и фрагменты из текстов произведений (как данного автора, так и тех лиц, которые о нем писали). Завершается статья списком использованной литературы); список региональных топонимов (рек, городов, сел, деревень, улиц, площадей, парков, некрополей и др.) и агионимов (храмов и монастырей и др.), которые упоминаются в прецедентных текстах региональной

направленности. В процессе подготовки этого труда было собрано 230 региональных текстов и их фрагментов 53 авторов XIX-XXI вв.

Тексты региональной направленности оказывают сильное влияние на формирование личности, на укрепление исторической преемственности поколений, сохранение и развитие языкового богатства, литературы и культуры России. Данная разновидность прецедентных текстов является одним из средств формирования гражданской, национальной, культурной идентичности[4] в России.

Важной научной задачей является анализ Провинциального (Липецкого) текста русской литературы с позиций актуальных направлений лингвистики антропоцентризма: лингвокультурологии, лингвистической аксиологии, лингвистики сверхтекста, коммуникативной лингвистики. Цель данной статьи заключается в реализации методики описания прецедентных текстов региональной направленности, составляющих Провинциальный (Липецкий) сверхтекст, через анализ ряда концептов данного сверхтекста.

Одной из составляющих Провинциального сверхтекста русской литературы являются произведения, связанные с городами Липецк, Елец, Лебедянь и другими, которые до Октябрьской революции были уездными городами разных губерний (Липецк, Лебедянь, Усмань – Тамбовской губернии, Елец – Орловской, Данков, Раненбург (нынешний Чаплыгин) – Рязанской). Ядерный концепт Провинциального сверхтекста – *провинциальный город* – репрезентируется в прецедентных текстах региональной направленности с помощью ряда лексем: региональных топонимов *Липецк, Елец, Лебедянь* и др., нарицательных существительных и согласованных с ними прилагательных и местоимений (*уездный*) *город*,(*уездный*) *городишко*, *родина*, (*мой родной*) *город* и подобных. Например: «В глубине души она (бабушка Пушкина. – Е.П.) считала основательным местом и вообще основным местом своей жизни *город Липецк*, невдалеке от которого была усадьба ее отца и в котором она живала барышнею» (Тынянов. «Пушкин»); «И вот однажды я ехал из Москвы к себе на *родину, в Елец*» (Пришвин. «Кащеева цепь»); «…*моя родина Елец*» (Там же);

[4] Гражданская идентичность – это «1) осознание принадлежности к сообществу граждан того или иного государства, имеющие для индивида значимый смысл; 2) феномен надындивидуального сознания, признак (качество) гражданской общности, характеризующее ее как коллективного субъекта. Эти два определения не взаимоисключают друг друга, а акцентируют внимание на различных аспектах И.Г. (идентичности гражданской. – Е.П.): со стороны индивида и со стороны общности» [2, электронный ресурс]. Этническая идентичность – «результат эмоционально-когнитивного процесса осознания этнической принадлежности, отождествление индивидом себя с представителями своего этноса и обособления от других этносов, а также глубоко личностно значимое переживание своей этнической принадлежности» [5, электронный ресурс]. Культурная идентичность – личностно осознаваемая человеком принадлежность к той или иной культуре. Гражданская, этническая, культурная идентичность могут почти полностью совпадать в мононациональных государствах и регионах, например, таких, как Липецкая область, большинство населения которой русские. В многонациональных образованиях между названными понятиями полное совпадение отсутствует, хотя будут обнаруживаться точки пересечения.

«Была когда-то Россия, был снежный *уездный городишко*, была масленица – и был гимназистик Саша <…>» (Бунин. «Подснежник»); В далеком *уездном городе*, в далекой ранней молодости… (Бунин. «Аля»); «А разве я не сознавал порой, что еще никогда не ступала моя нога дальше нашего *уездного города*, что весь мир еще замкнут для меня давно привычными полями и косогорами <…>» (Бунин. «Жизнь Арсеньева»); «Из бесцветного ежедневного Петербурга (это был еще Петербург) я поехал как-то в Тамбовскую губернию, в густую, черноземную *Лебедянь*, на ту самую, заросшую просвирником улицу, где когда-то бегал гимназистом» (Замятин. «Автобиографическая заметка»); «Вообще *Липецк* очень живописен, и, сопровождавший в 1837 году Наследника Александра Николаевича, В.А. Жуковский занес в свой дорожный альбом два вида *нашего Липецка* с его прекрасным собором, об украшении которого стенною живописью заботился Петр Лукич Вельяминов, приятель Державина» (Бартенев. «Воспоминания»).

В автобиографическом романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева», рассказе «Поздний час» используется не топоним *Елец*, а нарицательное существительное *город*: «*Город* ломится от своего богатства и многолюдства <…>» («Жизнь Арсеньева»); «Я мысленно вижу, осматриваю *город*» (Там же); «… О древности *города* говорят только кое-где следы городских стен на обрыве под собором да этот мост» («Поздний час»). Часто слово *город* сочетается с притяжательными местоимениями *мой*, *наш* и прилагательным *родной*: «В *Ельце, моем родном городе*, все старинные купеческие фамилии были двойные <…>» (Пришвин. «Кащеева цепь»); «В 1919 году пришел к нам в *Елец* Мамонтов и предал *наш родной город* мечам и пожарам» (Пришвин. «Дневники»).

В русской литературе провинциальный город всегда противопоставляется столичным городам. У Е.И. Замятина в рассказе «Русь» важную роль играет антитеза *Петербург, Россия – провинция, Русь*, причем даже Москва приобретает черты, свойственные провинциальным городам: «Не Петровским аршином отмеренные проспекты – нет: то *Петербург, Россия*. А *тут – Русь*, узкие улички, – вверх да вниз, чтоб было где зимой ребятам с гиком кататься на ледяшках, – переулки, тупики, палисадники, заборы, заборы. Замоскворечье со старинными, из дуба розными названьями: с Зацепой, Ордынкою, Балчугом, Шаболовкой, Бабьегородом; подмосковная Коломна с кремлевскими железными воротами, через какие князь Димитрий, благословясь, вышел на Куликово поле; “Владимиров” Ржев, с князь-Дмитриевской и князь-Федоровской стороной, может, и по сей день еще расшибающими друг дружке носы в знаменитых кулачных боях; над зеркальною Волгою – Нижний, с разливанной Макарьевской, с пароходными гонками, с стерлядями, с трактирами; все поволжские Ярославли, Романовы, Кинешмы, Пучежи – с городским садом, дощатыми тротуарами, с бокастыми приземистыми, вкусными – как просфоры, пятиглавыми церквами; и все черноземные *Ельцы, Лебедяни* – с конскими ярмарками, цыганами, лошадьми, маклаками, нумерами для приезжающих, странниками, прозорливцами. Это – Русь <…>». В этом

фрагменте обращает на себя внимание окказиональное использование форм множественного числа топонимов *Ельцы*, *Лебедяни* и других, которые становятся олицетворением русской провинции, Руси.

Важным признаком, реализуемым концептом *провинциальный город*, является «патриархальный». По данным толковых словарей, одно из значений прилагательного *патриархальный* «такой, как в старину, верный старым традициям, чуждый новой культуре» [12, т. 3, с. 32]. Именно это значение реализуется в произведениях о Липецком крае с помощью слов *старый*, *наследственный*, *повторяемый*, *повторяемость*, *неизменный* и подобных. Например, в романе Бунина «Жизнь Арсеньева» город уподобляется человеку, который не нарушает давно заведенного распорядка даже в мелочах: «Город вставил в окна зимние рамы, топит печи, тепло оделся, запасается на зиму всем, чем полагается, с удовольствием чувствуя уже зимний уют и тот *старый*, *наследственный* быт, которым он живет столетия, – *повторяемость* времен года и обычаев». См. также пример из рассказа Бунина «Поздний час»: «Старая улица показалась мне только немного уже, чем казалась прежде. Все прочее было *неизменно*».

Околоядерным концептом Провинциального сверхтекста отечественной литературы, в том числе произведений о Липецком крае, является *покой* (соответствующее существительное в словарях имеет такие значения, как «отсутствие движения и шума», «неподвижность», «спокойное физическое и душевное состояние» [12, т. 3, с. 247]). Репрезентантами этого концепта являются лексемы, однокоренные слову *покой*, а также *пустой*, *безлюдный*, *необитаемый*, *неподвижный* и подобные: «В городе не было нигде ни единого огня, ни одной живой души. Все было *немо* и просторно, *спокойно* и печально – печалью русской степной ночи, *спящего* степного города» (Бунин. «Поздний час»); «Улица наша шла через весь город. В нашей части она была *пуста*, *безлюдна*, состояла из каменных купеческих домов, казавшихся *необитаемыми*» (Бунин. «Жизнь Арсеньева»).

В концепте *покой* представлены как положительные, так и отрицательные признаки. Положительная сторона концепта *покой* часто получает реализацию в тех составляющих Провинциального текста русской литературы, которые имеют отношение к изображению Липецка и Ельца. Так, у Ю.Н. Тынянова в романе «Пушкин» есть фрагмент, в котором изложены мысли бабушки Пушкина, готовящейся к встрече гостей, приглашенных в московский дом Пушкиных по случаю крестин недавно родившегося внука Саши. Значительное место в ее размышлениях занимает город Липецк: «В глубине души она считала основательным местом и вообще основным местом своей жизни город *Липецк*, невдалеке от которого была усадьба ее отца и в котором она живала барышнею. Город был чистый, главные улицы обсажены дубками и липами. <…> Приезжали летом самые лучшие люди, самые нарядные, сановные, из столиц − купаться в липецких грязях. На чугунные заводы посылали самых лучших и тонких офицеров из столицы с поручениями по артиллерии. И когда она выходила замуж, ей все завидовали, хотя и притворялись, что равнодушны, и

даже посмеивались, что идет за арапа. <…> А *Липецк* как был, так, говорят, и стоит». Последнее предложение в немного видоизмененном виде («А *Липецк* как стоял, так, говорят, и стоит») повторяется в романе еще раз. Все в жизни героини романа меняется, но провинциальный город, который она считает «основным местом своей жизни», остается неизменным. Патриархальным и исполненным какого-то необычайного покоя предстает провинциальный город и на страницах произведения К.Г. Паустовского «Золотая роза» (глава «Иван Бунин»), где говорится о поездке в Елец (используются лексемы *пустынность*, *тишина*, *покой*): «Город был весь каменный. Чудилось в этом его каменном обличии что-то крепостное. Оно чувствовалось и в *пустынности* улиц и в их *тишине*. Я слышал, что Елец всегда был торговым шумным городом, и удивлялся этому городскому *покою*, пока не понял, что тишина и малолюдие – следствие войны».

По данным «Русского ассоциативного словаря», слово *город* вызывает у носителей языка как положительные (*большой, герой, родной, красивый, любимый, наш, великолепный, вечный, грандиозный, детство, юность, домой, зеленый, надежды* и т.д.), так и отрицательные ассоциации (*грязный, голод, странный, в пыли, дураков, дымный, душный, надоел, неважный, не нравится, обреченный, помойка, скучно, смерти*) [11, с. 142]. В Провинциальном тексте русской литературы проявляется свойственное русскому народу двойственное отношение к провинциальному городу: с одной стороны, это милый, родной город, нередко связанный с домом, детством и юностью, семьей, первой любовью, с другой – он может предстать перед читателем и как не очень приятное, скучное место. Обращает на себя внимание способность слов *город, местечко* и других, выступающих в качестве репрезентанта концепта *провинциальный город*, к сочетанию со словами, выражающими как положительную, так и отрицательную оценку: «Есть нечто совсем *особое* в теплых и светлых ночах русских уездных городов в конце лета. Какой *мир*, какое *благополучие*! Бродит по ночному *веселому городу* старик с колотушкой <…>» (Бунин. «Поздний час»); «Боже, какой трезвон начинался тогда над нашим *убогим местечком* <…>» (Бунин. «Над городом»); «Лебедянь всегда была для меня *скучной станцией*» (Боборыкин. «Фараончики»); «Студентом первого курса, проезжая Лебедянью, я спрашивал себя с некоторой солидностью по части этнографии: почему этот город, имеющий две и даже три ярмарки, общество сельского хозяйства, скаковые и рысистые бега, являет такой *жалкий* и *мертвенный вид* в обыкновенное время? Широкая, точно купеческий поднос, улица, идущая от собора к ярмарочной площади, с *грязными*, обмазанными штукатуркой домиками, глядит всегда *какой-то степью Сахары*; а по обе ее стороны, как сделал несколько сажен вдоль какого-нибудь переулка, попадаешь сейчас в *деревню*, с *кривыми* и вовсе *не живописно грязными лачужками*» (Там же). В «Воспоминаниях» А.О. Смирновой-Россет, жившей какое-то время в Усмани после смерти отца и нового замужества матери, встречается словосочетание *гадкий Усмань*: «Поздней осенью нас повез Александр Карлович в *гадкий Усмань*<…>». Провинциальный город может

также называться словом *захолустье*, имеющего значение «глухое, отдаленное от культурного центра место» [12, т. 1, с. 592], «глухая провинция, место, удаленное от культурных центров» [13, т. 1, стб. 1068] и отрицательную оценочность: «Теперь детство кажется мне далеким сном, но до сих пор мне приятно думать, что хоть иногда поднимались мы над мещанским *захолустьем*, которое *угнетало* нас длинными днями и вечерами, хождением в училище, где *гибло* наше детство, полное мечтами о путешествиях, о героизме, о самоотверженной дружбе, о птицах, растениях и животных, о заветных книгах! (Бунин. «Над городом»).

Важным компонентом топоса провинциального города является храм. Концепт *церковь* получает репрезентацию в существительных *церковь*, *церковка*, *храм*, *собор*, *монастырь*, *колокольня*, *купол*, прилагательных *церковный, соборный, монастырский* и т.д. Собор – главная достопримечательность, украшение провинциального города – виден отовсюду. М.М. Пришвин в романе «Кащеева цепь» следующим образом описывает въезд своего героя в Елец: «Город показался сначала одним только *собором*. Эта белая *церковь* в ясные дни чуть была видна с балкона, и что-то слышалось с той стороны в праздники, о чем говорили: “В городе звон”. Теперь таинственный *собор* словно подходил сюда ближе и ближе. <…> Показалась рядом с белым *собором* синяя *церковь*, сказали: “Это старый *собор*”». Ср. с описанием Ельца в произведениях И.А. Бунина и В.И. Немировича-Данченко: «Чуть не от заставы, откуда еще смутно *виден* был он со всеми своими *несметными церквами*, блестевшими вдали в огромной низменности, уже пахло <…>» (Бунин. «Жизнь Арсеньева»); «…хорошо было и проснуться до солнца, розовым росистым утром, среди матово-зеленых хлебов, увидать вдали, в голубой низменности, весело белеющий город, блеск его *церквей*, крепко зевнуть, перекреститься на отдаленный звон <…>» (Бунин. «Деревня»); «…ехал я на так называемую Каменную гору, где на краю Ельца стоит *Знаменский девичий монастырь*. Вид *монастыря* издали замечательно красив. По горе по песку идет террасами громадная каменная лестница. Вверху, за стенами, видны *купола храмов*» (Немирович-Данченко. «Женская обитель»). Репрезентанты концепта *церковь* обязательно присутствуют в описаниях и других уездных городов: Липецка, Лебедяни и т.д.

Бунин в «Жизни Арсеньева», описывая первую поездку своего героя в город, пишет о том сильнейшем впечатлении, какое произвела на ребенка елецкая колокольня Михаила-Архангела: «Я висел над пропастью, в узком ущелье из огромных, никогда мною не виданных домов, меня ослеплял блеск солнца, стекол, вывесок, а надо мной на весь мир разливался какой-то дивный музыкальный кавардак: *звон, гул колоколов с колокольни Михаила Архангела, возвышавшейся надо всем в таком величии, в такой роскоши, какие и не снились римскому храму Петра, и такой громадой, что уже никак не могла поразить меня впоследствии пирамида Хеопса*». Различные средства выразительности, прежде всего гипербола, метафора, сравнение, антитеза, эпитеты, помогают

автору передать впечатление мальчика от храма, восхищение его красотой, величием и роскошью.

С концептом *церковь* тесно связан концепт *колокол,* в качестве репрезентантов которого выступают слова *колокол, звон, гул, колокольный, звонили* и подобные. Колокольный звон церквей города вызывает у героев Провинциального текста как чувство радости, так и чувство тоски: «…В синих прорезах сорока колоколен качнутся разом все *колокола*, и над городом, над рощами, над водой, над полями, над странниками на дорогах, над богачами и пропойцами, над грешными по-человечьи и по-травяному безгрешными – над всеми расстелется *колокольный медный бархат*, и все умягчится, затихнет, осядет – как в летний вечер пыль от теплой росы» (Замятин. «Русь»); «Отдыхая порой в городишке, где протекло мое отрочество, я вспоминаю эту чуть ли не единственную его *радость* – нашу *колокольню*. Сидя в летние вечера под окном, я слушаю зачинающийся в разных концах города, перепутывающийся и мерно дрожащий *гул колоколов* <…>» (Бунин. «Над городом»); «И однажды, сидя возле этой раковины, Кузьма так *затосковал*, что уже не шутя задумался о *самоубийстве*. Солнце садилось, свет его был красноватый, летела мелкая розовая листва по аллее, дул холодный ветер. В соборе *звонили* ко всенощной, и под этот мерный, густой *звон*, уездный, субботний, *душа ныла нестерпимо*» (Бунин. «Деревня»). В примере из произведения Замятина привлекает внимание метафора *колокольный медный бархат*, которую автор использует для описания колокольного звона.

Важное место в топосе Провинциального сверхтекста, в том числе текстов, связанных с Липецким краем, наряду с концептом *церковь*, занимает концепт *тюрьма*, который репрезентируется с помощью лексем *тюрьма, острог, решетка, острожник, каторжник* и подобных, а также однокоренных прилагательных. Например: «Я проводил уезжающих до монастыря и *острога*<…>» («Жизнь Арсеньева»); «Против монастыря – большой желтый *острог*, и из всех *решетчатых* окон его смотрят, прильнув к *решеткам*, широкие бледные лица под серыми бескозырками. У ворот *острога* тоже толпа, – сердобольные души принесли *острожникам* праздничного калачика» (Бунин. «Подторжье»). Не только храм, но и острог поразил маленького героя «Жизни Арсеньева» во время первой поездки в город: «…На самом выезде из города высился *необыкновенно огромный и необыкновенно скучный желтый дом*, не имевший совершенно ничего общего ни с одним из доселе виденных мною домов, – в нем было великое множество окон и в каждом окне была железная *решетка*, он был окружен высокой каменной стеной, а большие ворота в этой стене были наглухо заперты, – и стоял за *решеткой* в одном из этих окон человек в кофте из серого сукна и в такой же бескозырке, с желтым пухлым лицом, на котором выражалось нечто такое сложное и тяжкое, чего я еще тоже отроду не видывал на человеческих лицах <…>. Конечно, мне объяснили, какой это был дом и кто был этот человек, это от отца и матери узнал я о существовании на свете того особого сорта людей, которые называются *острожниками, каторжниками, ворами, убийцами*».

Еще один обязательный маркер пространства Провинциального (Липецкого) текста – концепт *базар*, который репрезентируется с помощью лексем, среди которых есть как имена нарицательные, так и собственные: *базар*, *ярмарка*, *ярмарочная площадь*, *Лебедянская ярмарка*, *Лебедянь*, *Тихвинская ярмарка*, *Базарная улица* и др.: «…я прибыл в Лебедянь, остановился в гостинице, переоделся и отправился на *ярмарку*» (Тургенев. «Лебедянь»); «На *ярмарочной площади* бесконечными рядами тянулись телеги, за телегами лошади всех возможных родов <…>» (Там же); «“Здесь продаются разных мастей лошади, приведенные на *Лебедянскую ярмарку* с известного степного завода Анастасея Иваныча Чернобая <…>”» (Там же); «Высмотрев теленка, Стефан, не долго думая, привязал его на веревочку и потянул в Елец на *ярмарку*: продать и пропить» (Пришвин. «Кащеева цепь»); «В Петровки в тот год Тихон Ильич пробыл четверо суток в городе на *ярмарке* <…>» (Бунин. «Деревня»); «Ехал [Тихон Ильич] сперва городом, *базаром*, потом через мелкую и кислую от кожевенных заводов речку, а за речкой – в гору, через Черную Слободу. На *базаре* он когда-то служил вместе с братом в лавке Маторина. Теперь на *базаре* все кланялись ему» (Там же); «Уже пахло на *базаре* яблоками, сливами» (Там же); «…середина ее (улицы. – Е.П.) была очень оживлена, – тут к ней примыкал *базар* и находилось все, что полагается: трактиры, ряды, лучшие магазины, лучшие гостиницы <…>» (Бунин. «Жизнь Арсеньева»); «Летом я был в городе на *Тихвинской ярмарке* и еще раз случайно встретился с Балавиным» (Там же); «На *Базарной улице* всем торгуют: тут магазины красного товара, часовой магазин, аптекарский магазин, москательные и колониальные лавки, скобяные, посудные, а еще дальше, совсем возле *базара*, те растворы и сараи, где выставлены наружу метла, гробы, лопаты, грабли, новые, черно-блестящие по втулкам колеса... Июль, будни, день сухой и жаркий, на *Базарной улице* пусто – всего один случайный покупатель, мужик из уезда: рысью прогремел от собора, снизу, – сразу видно, что по спешному делу, – и остановился перед самым большим раствором» (Бунин. «На Базарной»). О значимости базара в провинциальном городе свидетельствует следующий отрывок из рассказа Бунина «Поздний час»: «*Базар как бы другой город в городе*. Очень пахучие ряды. В *Обжорном ряду*, под навесами над длинными столами и скамьями, сумрачно. В *Скобяном* висит на цепи над срединой прохода икона большеглазого Спаса в ржавом окладе. В *Мучном* по утрам всегда бегали, клевали по мостовой целой стаей голуби. Идешь в гимназию – сколько их! И все толстые, с радужными зобами – клюют и бегут, женственно, щепотко виляясь, покачиваясь, однообразно подергивая головками, будто не замечая тебя: взлетают, свистя крыльями, только тогда, когда чуть не наступишь на какого-нибудь из них. А ночью тут быстро и озабоченно носились крупные темные крысы, гадкие и страшные».

Данный концепт представлен в такой сильной позиции ряда прецедентных текстов региональной направленности, как заглавие: «На Базарной», «Подторжье» Бунина, «Лебедянь» Тургенева. Устаревшее слово *подторжье*, вынесенное в заглавие рассказа Бунина, означает «канун ярмарки,

базара» [13, т. 3, стб. 654]. Что касается названия тургеневского рассказа, то «Лебедянь в восприятии Тургенева может быть символически охарактеризована как “город-ярмарка”, где в обозначении делается акцент на характерологическом компоненте, становящемся сюжетно-смысловой доминантой рассказа. Не случайно вначале рассказ так и назывался – “Ярмарка”» [6, с. 78]. «Лишенный индивидуальных примет, город предстает в рассказе всего лишь местом проведения знакового события, ставшего социокультурным маркером данного локуса, – Лебедянской конной ярмарки» [6, с. 75]. По этой причине топоним *Лебедянь* в Провинциальном (Липецком) сверхтексте, главным образом в произведениях XIX в., является одним из репрезентантов концепта *базар*.

Проведенное исследование на материале прецедентных текстов региональной направленности, связанных с конкретным регионом России – Липецкой областью – и являющихся составной частью Провинциального (Липецкого) текста русской литературы, позволило выявить базовые концепты в концептосфере данного сверхтекста (*провинциальный город*, *покой*, *церковь*, *колокол*, *базар*, *тюрьма*). Изучение прецедентных текстов региональной направленности, образующих Провинциальный сверхтекст, – одно из перспективных направлений современной лингвистики, позволяющих рассматривать языковые факты в тесной связи с культурой носителей языка.

Для человека мир и все в нем существующее всегда делится на «свой» и «чужой», границы между которыми часто очень условны. По словам М.М. Пришвина, «у меня свое, у тебя свое, у него … а вместе – это родина» («Раздумья») [8, с. 207]. Региональные прецедентные тексты не только отражают духовные и интеллектуальные ценности русского народа, сохраняют культурную память многих поколений, но и делают великих русских писателей и их произведения частью своего мира. Они помогают, как писал уроженец русской провинции – города Ливны – С.Н. Булгаков, окончивший гимназию в Ельце, «*познать самого себя* (здесь и далее выделено автором. – Е.П.) в своей природной индивидуальности, <…> полюбить *свое*, род и родину, постигнуть в ней самого себя» [1, с. 308].

А.И. Эртель в очерке «Степная сторона», открывающем цикл «Записки Степняка», с щемящей болью и задушевной интонацией пишет о родном крае, о своей и нашей «бедной родине» и о населяющих ее людях, которые, может быть, проигрывают по сравнению с другими местами и их населением, но «с непобедимым очарованием влекут к себе»: «Не отличается живописным разнообразием природа степного края. Нет там высоких гор, красиво увенчанных многолюдными селам и торговыми городами, потонувшими в густой зелени садов; нет и многоводных рек, с ранней весны до поздней осени горделиво несущих и дерзко свистящие пароходы, и неуклюжие дощаники, и грациозные расшивы... Нет и стекловидных озер, поэтично сверкающих среди тихих лесистых берегов, – озер, усеянных веселыми островами, богатых рыбою, чистых и глубоких... Нет ничего этого. Ни красою Поволжья, ни угрюмою прелестью замосковского северного края, ни диким величием глухого

Полесья не влечет к себе *моя родина.* Куда ни глянешь – все поля да поля... Мелькнет осиновый куст, засинеет далекий лес, зачернеют на горизонте два-три кургана, блеснет на солнышке степной прудок или поросшая коблами речка, бросится в глаза барская усадьба с ярко-зелеными и красными кровлями своих построек, вспыхнут там и сям позолоченные кресты сельских церквей, выглянет серым пятнышком купеческий хутор – и опять поля, поля.

И народ не из бойких населяет эти поля. Угрюмая низменность и томительное однообразие края словно отозвались на нем. Нет в нем той разбитной юркости бывалого человека, которою щеголяет ярославец, нет и смышлености подмосковного жителя; не блещет он сметкою и талантливостью наторевшего в отхожих промыслах рязанца, не обладает находчивостью костромича, оборотливостью владимирца, стойкостью и энергией сибиряка. Он не поет тех исторических песен, которыми славится Поволжье; он не помнит ни Стеньки Разина, ни Ермака Тимофеевича; в его песнях и сказках нет тех преданий, которыми так богаты украинские думы, олонецкие былины, поволжские песни. Вольная воля, богатырская сила, молодецкая удаль, насколько они выразились в коренном, старорусском эпосе, неизвестны ему. Его предания не поэтичны. В них, повторяю, и помину нет ни о Владимире Красном-Солнышке с его сильно-могучими богатырями, ни о новгородских укшуйниках, то разбивавших богатые торговые суда, то ретиво ратовавших за вече, за свободу, то заселявших суровое Поморье, – ни о понизовой вольнице с ее отчаянными атаманами и удалыми есаулами, разъезжающими в разукрашенных косных лодочках вдоль по матушке по Волге... <…>

Но отчего же эта бесконечная ширь полей, эта уныло-однообразная равнина, где-где перемежаемая едва заметными возвышенностями, эти там и сям рассеянные села, хутора и усадьбы, этот убогий народ, – с таким непобедимым очарованием влекут меня к себе? Отчего мне вечно мерещится *моя бедная родина* с ее безбрежными полями, вечно вспоминается ее захватывающий душу простор, ее синеющая даль? Почему предо мною неотступно встают кусты и курганы, белеют высокие колокольни и уныло звенит тоскливая мужицкая песня?..».

Как верно замечено, «в повседневной жизни мы не встречаемся с мерой, с помощью которой можно было бы измерить патриотизм. Патриотизм – это чувство гордости своим Отечеством, его историей, свершениями. Любовь к Отечеству становится силой духа только тогда, когда у человека запечатлены в сознании образы, связанные с родным краем, языком, когда появляется чувство гордости от того, что все это – твоя родина» [4, с. 116]. Прецедентные тексты, связанные с родным краем, – это одно из действенных средств формирования образа или образов Родины в сознании представителей молодого поколения, своего рода олицетворение «скрытой теплоты патриотизма». М.М. Пришвин в 1919 г., работая учителем географии в Елецкой гимназии, в которой он когда-то учился, записал в дневнике: «Вопрос: что обозначает слово родина и слово отечество, – какая между ними разница? Ответ: родина – место, где мы родились, отечество – родина, мною сознанная» [9, с. 120]. Тексты,

описывающие родной край, позволяют приблизиться к пониманию Отечества как «родины, сознанной» каждым человеком. Литература, связанная с родным краем, через понятие малой родины и ее составляющие (тексты региональной направленности, Провинциальный текст русской литературы, региональные топонимы и антропонимы и др.) поможет современным носителям языка почувствовать свою причастность к большой Родине, ее языку и культуре и тем самым сохранить свою национальную, культурную и гражданскую идентичность, стать устойчивыми к глобальным внешним угрозам национальной безопасности.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Моя родина // Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. С. 308-319.

2. Водолажская Т.В. Идентичность гражданская // Социология: Энциклопедия. Составители: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко, 2003. http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/739/identichnost-etnicheskaya.htm

3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

4. Коршакова О.В. Воспитание патриотизма на уроках музыки в начальной школе // Материалы к словарю тульских говоров: язык, история, традиции: Сб. научн. ст. / Под общ. ред. Д.А. Романова, Н.А. Красовской. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2014. С. 116–121.

5. Науменко Л.И. Идентичность этническая // Социология: Энциклопедия / Сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко, 2003. Режим доступа: http://sociology.niv.ru/doc/encyclopedia/sociological/articles/739/identichnost-etnicheskaya.htm

6. Плеханова Л.П. Концепт *ЯРМАРКА* как сюжетно-смысловая доминанта рассказа И.С. Тургенева «Лебедянь» // ФИЛОLOGOS. Выпуск 1 (40). Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2019. С. 75-82.

7. Попова Е.А., Шурупова О.С. Провинциальный текст русской литературы с точки зрения лингвистики сверхтекста // Филологическая регионалистика: Научный информационно-аналитический журнал. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. № 2(10). С. 39-44.

8. Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 7. Натаска Ромки; Глаза земли. М.: Худож. лит., 1984. 479 с.

9. Пришвин М.М. Собрание сочинений: В 8-ми т. Т. 8. Дневники, 1905-1954. М.: Худож. лит., 1986. 759 с.

10. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности: Учебное пособие / Отв. ред. Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2018. 532 с.

11. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.

12. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с. Т. 3. 752 с.

13. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т. 1, 3 / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 1. 824 с. Т. 3. 712 с.

14. Фигуровская Г.Д., Фигуровский В.И. Иван Александрович Фигуровский: научная деятельность // Фигуровский И.А. Избранные труды. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. С. 5-21.

15. Фигуровский И.А. Избранные труды. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. 483 с.

16. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. 214 с.

17. Шурупова О.С. Концептосфера городских сверхтекстов русской литературы (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2017. 54 с.

18. Шурупова О.С. Лингвистика сверхтекста: Петербургский и Московский тексты русской литературы. Воронеж: ВГПУ, 2013. 320 с.

УДК 80

ЦЫГАНСКИЙ ФЕНОМЕН В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

СОЛОВЬЁВА ВИКТОРИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА
магистрант кафедры русского языка и литературы,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Россия, г. Липецк, madlax0503@mail.ru

В статье рассматривается, как отражен образ цыган в русской лингвокультуре.
Ключевые слова: цыгане, русский язык, культура, литература.

Цыганский народ – один из самых удивительных. У большинства людей нашей страны к цыганам доброжелательное отношение, несмотря на некоторую настороженность. Начиная с XVIII века, «цыганщина особенно процветала в Москве. Дворяне и купцы тратили на цыган огромные деньги. Провинциальные помещики приезжали в Москву со специальной целью – послушать цыган. Некоторые дворяне женились на цыганках» [1, с. 228]. Например, старший брат Л.Н. Толстого – С.Н. Толстой – был женат на цыганке.

«Цыгане, исполнявшие таборные песни и пляски, выступали во дворцах Орлова, Потемкина, Зубова, Зорича, давали представления в Марьиной роще, Новинском и Сокольниках – излюбленных местах народных гуляний. Особая манера пения, когда лирические рулады сменяются выкриками, а потом

переходят в танец с притопыванием, резкими выкриками и прихлопыванием по бедрам и груди, завораживали публику» [15, с. 208-209]. «Музыка цыган, их пение не есть просто пение, а драма, в которой солист увлекает хор – безгранично и буйно. Понять легко, почему на вакханалиях цыгане делают такой эффект», – так описывает впечатления от выступления цыган А.И. Герцен в своих дневниках [4, с. 279].

Столетия минули с тех пор, как цыгане покинули свою древнюю родину и разбрелись по всему свету, и теперь едва ли отыщется государство, где бы они ни проживали.

Существует сказка, шутливо объясняющая, как цыгане разбрелись по свету: «Давно это было. Ехал цыган с семьей. Была у него лошадка слабосильная, тощенькая. Зато вещей в телеге было полно. Семья у цыгана большая была, детишек куча. Разве такую семью прокормить? Да и лошадь тоже кушать хочет, а сена достать негде. Воровать надо, а это не всегда получается. Вот так и ехал цыган по свету, горе мыкал: на возок никого не сажал, кроме детишек малых, а то лошадка совсем встала бы от непосильной тяжести. Те, кто постарше, сзади шли. От вещей и от детей стал возок широким-широким, а полозья у возка узкие-узкие, разве с таким возком управишься? То налево он качнется, то направо, то кастрюля из возка на землю упадет, то ребенок босоногий шлепнется. Днем, когда видно все, можно подобрать и вещь и ребенка, а как стемнеет – не углядишь. Да и как углядеть, когда такая пропасть детей? Как сосчитаешь всех? А цыган все стегает да стегает кобылу, все идет и идет вперед. Вот так и получилось: то один отстанет от повозки, то второй. Весь мир обошел цыган, все земли изъездил, и где он прошел, там дети его оставались. С той поры и разбрелись цыгане по свету» [5, с. 189].

Многие считают, что цыган в толпе отличить легко и просто. Бытует сформировавшийся образ типичного цыгана: облаченные в длинные цветастые юбки женщины, которые пристают на улицах с гаданиями или попрошайничают вместе со своими детьми, смуглые кудрявые мужчины в рубашках навыпуск. Интересно то, что традиционный цыганский костюм сложился во второй половине XIX – начале XX веков. Например, у замужних женщин – это пестрая кофта с расширяющимся рукавом, широкая пестрая юбка с оборками и фартук, мониста (ожерелье из золотых монет) и монеты, вплетенные в косы, косынка, закрученная по бокам и завязанная сзади. Дополнением к женскому наряду была шаль, которую цыганки носили самыми разнообразными способами: обматывали вокруг тела, завязывали через плечо, повязывали на бедра и т.д. У мужчин – украшенные вышивками – аппликациями куртки, жилетки, штаны, высокие сапоги из кожи с узорчатой выделкой, широкие кожаные пояса. Дополнительным аксессуаром мужского костюма были платок, посох и трубка [7, с. 42].

Широко известно, что тезаурусы отражают словарный состав языка на определенном этапе его развития, а также отношение общества к понятиям, которые выражает этот состав. Наиболее полно лексико-семантическая

структура слова *цыган* представлена в «Большом толковом словаре русского языка» (составитель и главный редактор С.А. Кузнецов): «1. Мужчина цыганской народности. *Ловкий, умный цыган. Цыган правил лошадью. Цыган объяснил дорогу. Темные глаза цыгана. Черный, как цыган* (о человеке с темным цветом волос, смуглой кожей). 2. *Разг.* О человеке с темным цветом волос, смуглой кожей. *Кто-л. похож на отца – такой же цыган. Приехать с юга цыганом.* 3. *Разг.-сниж.* О бродяге, попрошайке. *Жить цыганом. Больше ничего не проси, цыган какой нашелся*» [3, с. 1465]. Кроме прямого («этнического») значения, этот словарь выделяет еще 2 переносных значения, возникших на основе метафорического переноса. Именно в трех указанных значениях употребляется слово *цыган* в современном русском языке.

Словарный состав русского языка располагает словами разных частей речи с корнем *цыган-*: *цыганенок, цыганистый, цыганить, цыганка, цыганкин, цыганов, цыгановатый, цыганочка, цыганский, цыганствовать, цыганство, цыганщина*, *по-цыгански.* Почти все эти слова, кроме прямого («этнического») значения, имеют переносные значения. Например: «**Цыганочка.** 1. *Ласк*. к цыганка. 2. Название русской народной песни, а также пляски под мотив этой песни» [11, с. 649]. У глагола *цыганить* словари фиксируют 3 значения: «1. *Прост*. Скитаться, бродяжничать; часто переезжать с места на место. 2. *Прост.* Назойливо выпрашивать, клянчить. 3. *Устар*. Издеваться над кем-л., поносить» [11, с. 649]. Эти и другие производные, даже в переносном употреблении, отражают образ жизни цыган, специфику их поведения, внешности.

«Словарь современного русского литературного языка» в 17 т. отмечает употребление этнонима *цыган* в устойчивых сравнениях. В данном словаре приводятся следующие примеры употребления этого сравнения в художественных текстах: «*Староста Антип Седельников, смуглый и черный, как цыган, подошел к избе* (Чехов. Мужики); *– И лет семь я прожил цыганом – где только не носило меня!* (М. Горький. Рассказ о необыкновенном)» [12, стб. 723]. Как показывают примеры, в сравнениях отражается особенности внешности цыган и образ их жизни.

В русском языке имеется несколько фразеологизмов, включающих прилагательное *цыганский*: *цыганская жизнь*, *цыганское существование* («жизнь без постоянного пристанища, без домашнего уюта» [14, с. 316]), *цыганский романс* («особый жанр русского романса, сложившийся под влиянием особой манеры исполнения русских песен и романсов цыганским хором или солистом под аккомпанемент гитары» [14, с. 316],«русский романс, исполняемый в повышенной эмоциональной манере, с подчеркнуто экспрессивной интонацией» [13, с. 1081]), *цыганская душа, натура* («о том, кто склонен к беспокойной, кочевой жизни» [12, стб. 726]), *цыганский пот пронял* (*прошиб*) («*прост. шутл.* 1) озноб, дрожь от холода, ощущение холода; 2) сильный испуг» [2, с. 466]. В этих фразеологизмах нашли отражение образ жизни цыган (*цыганская жизнь*, *цыганское существование*, *цыганская душа, натура*) и один из видов их деятельности, имеющий отношение к песенному

искусству (*цыганский романс*). Что касается фразеологизма *цыганский пот пронял* (*прошиб*), то авторы «Словаря русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова приводят две версии происхождения данного фразеологизма: «1. Слово *цыганский* в устойчивых выражениях *цыганский загар* “грязь на лице”, *цыганское солнышко* “луна”, *цыганская жара* “сильные морозы” имеет значение “ненастоящий”. *Цыганский пот прошиби холодный пот прошиб* – синонимы. В современном языке прил. *цыганский* в этих оборотах стало непонятным эпитетом, придающим им особую экспрессию и шутливую окраску. 2. Выражение содержит намек на дырявое рубище, которое носили бедные цыгане, и на способ согреваться в мороз барахтаньем до поту» [2, с. 466]. В некоторых современных фразеологических словарях русского языка фразеологизм *цыганский пот* дается с пометой *устар*. [см. 14,с. 213].

В сборнике «Пословицы русского народа» В.И. Даля имеется 42 пословицы, в состав которых входят слово *цыган* и его производные *цыганка*, *цыганский* (тематические рубрики «Народ – язык», «Неправда – обман», «Воровство – грабеж», «Соблазн – искушение», «Жених – невеста», «Человек», «Двор – дом – хозяйство», «Забота – опыт», «Ум – глупость», «Правда – кривда» и др.) [10]. В этих пословицах отмечаются такие главные черты цыган, как ложь, обман, воровство (*Цыган раз на веку правду скажет, да и то покается*; *Цыган ищет того, как бы обмануть кого*; *Кто цыгана обманет (проведет), трех дней не проживет*; *Цыганская правда хуже православной кривды*; *Цыгану без обмана дня не прожить*; *У цыгана не купи лошади, у попа не бери дочери*; *Цыган даром мимо не пройдет*; *Краденый конь не в пример дешевле купленного обойдется*; *Слался цыган на своих детей. Вор по воре всегда порука* и др.), бесприютность, скитальчество, отсутствие дома (*Цыганский дом: три кола да посередине головня*; *Беспоместный цыган*), веселый нрав (*Цыган что голоднее, то веселее*). В пословицах *И у цыгана душа не погана*; *Не все топор, что рубит. Не все то цыган, что черно* отражено толерантное отношение русского народа к представителям данного этноса. Но все же в большинстве пословиц цыгане и все, что им свойственно, оцениваются отрицательно.

В «Большом словаре русских поговорок» В.М. Мокиенко и Н.Г. Никитиной представлено 8 выражений, в состав которых входят слова «цыган», «цыганка»: *Цыган в печку забравши* («о хлебе, растрескавшемся при выпечке»); *Цыган костырку потерял* («о Млечном пути»); *Цыган шубу продал* («о несвоевременном, запоздалом холоде»); *Цыганам кнутом не достать* («о чем-либо, находящемся очень высоко»); *Каждому цыгану мать* («о безродной женщине»); *Цыганка нагадала* («о неправдоподобных, недостоверных фактах») и др. [8, с. 728]. Большинство данных поговорок имеет помету *шутливое*. Следует отметить, что все рассмотренные нами высказывания имеют территориальную прикрепленность: псковское, одесское или курское и др. Данные пометы свидетельствуют о широком спектре употребления слова «цыган» в русских народных говорах. Этноним «цыган» также входит и в число

прецедентных феноменов, являясь одним из пушкинизмов, что отражено в «Школьном словаре крылатых выражений Пушкина» В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко: «Цыганы шумною толпой / По Бессарабии кочуют» (А.С. Пушкин. «Цыганы») – употребляется «в сравнении с цыганами, о цыганах» [9, с. 697].

Возможно, самым ранним появлением образа цыгана в русской литературе мы обязаны фольклору, русской народной сказке. Известно, что народная сказка – один из старейших фольклорных жанров, существующих с незапамятных времен. Стало быть, цыгане были известны русским людям уже тогда.

Известный собиратель русского фольклора Александр Николаевич Афанасьев (1826-1871), автор «Русских народных сказок» (1859), приводит фольклорную запись русской народной сказки «Змей и цыган». Змей – русский аналог Дракона в западноевропейских сказках – один из главных персонажей восточнославянского фольклора. Это трехглавое, горбатое, летающее и огнедышащее чудовище предстает в эпосе олицетворением зла. Итак, повадился Змей летать в одну деревушку и всех в ней пожирать. Всего один мужик остался в живых – Змей решил его съесть на завтрак. А тут приходит в деревню цыган. Мужик и говорит ему – убегай, мол, отсюда поскорей, а то прилетит Змей и нас обоих съест. А цыган мужику отвечает, что если Змей сразу двух будет есть, так он может и подавиться! «Давай, говорит, я с тобой останусь – посмотрим, что это за Змей к вам летает?» Далее в сказке происходит множество происшествий, где цыган во всем оказывается умнее и ловчее Змея. Цыган здесь – избавитель русского мужика от всемирного горя. Он свободен, находчив, умен, ловок, насмешлив. Он совершенно не боится Змея Горыныча. И этими своими чертами характера побеждает русское горе.

Очевидно, что автор оказывается на стороне цыгана. Он наделяет его свойствами лучшими, чем даже его собственные: русский мужик терпеливо ждет неминуемой гибели, а цыган не только идет навстречу опасности, чтобы спасти мужика, но и побеждает в битве со злом.

Зарождение цыганской темы в русской литературе связано с появлением образов цыган как особого типа персонажей. А это связывалось с тем интересом к местному колориту, национальной характеристичности персонажей и живописности образов, которые появились в литературе как составная часть романтического стиля [7, с. 99].

Мифологическое представление о цыганах как о «свободном племени свободных людей» сложилось в сознании людей в начале XIX века, в эпоху развивающегося романтизма, в силу двух причин: 1) в потребности найти образы, максимально раскрывающие идею свободы; 2) в повышении интереса к миру экзотики, далекому от европейской цивилизации.

Во второй половине XIX века образ цыгана, бродяги-артиста, художника втягивается в мир бытовой живописи. Он теряет философическую идеальность и становится героем артистической среды. Цыганская тема сливается с образом жизни, погруженной в искусство, но уже в бытовом смысле. То, что на ранней

стадии существовало как образные планы: артистичность, погруженность в музыку, яркость личности, полная внутренняя раскованность, свободолюбие, неприятие всего бюрократического, мертвенного, то есть верность природе человека, с одной стороны, – и пошлость, корыстолюбие, эгоистический расчет, включенность в социальную жизнь, то есть искажение характера художника, бунтаря, отщепенца, в реальной жизни общества, с другой, – теперь превращается в составные одного, сложно-противоречивого образа (например, образ цыганки Маши из пьесы Л.Н. Толстого «Живой труп»).

В цыганах всегда испытывали потребность как в некоем «камертоне души». На праздники особым шиком было пригласить цыган, воздействующих на состояние людей таким образом, что никакое иное воздействие с этим не сопоставимо. Цыганские песни – явление особое, гипнотически воздействующее.

Слово *цыган* (*цыгане*) и его производные нашли отражение в лексическом и фразеологическом составе русского языка, вошли в состав паремий и прецедентных феноменов. Обращение к цыганской теме широко представлено в русской литературе – поэзии, прозе, драматургии (произведения А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.Н. Островского, Н.С. Лескова, П.Д. Боборыкина, Я.П. Полонского, М. Горького и др.), а также в фольклоре.

Понимая, что специфика раскрытия цыганской темы в русской лингвокультуре изучена недостаточно, полагаем, что данная проблема нуждается в дальнейшем рассмотрении с учетом достижений современной филологии.

Список литературы

1. Ашукин Н.С., Ожегов С.И., Филиппов В.А. Словарь к пьесам А.Н. Островского. М.: «Веста», 1993. 246 с.

2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 2001.704 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000.1536 с.

4. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30-ти т. М.: АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горького, 1954. Т. II. 516 с.

5. Гесслер Н.А. Сказки и песни цыган России. М.: Правда, 1987. 94 с.

6. Деметр Н.Г., Бессонов Н.В., Кутенков В.К. История цыган: Новый взгляд. Воронеж, 2000. 334 с.

7. Лотман Ю.М., Минц З.Г. Человек природы в русской литератур XIX века и «цыганская тема» у Блока // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С. 99-123.

8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 784 с.

9. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. 800 с.

10. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. М.: Русская книга, 1993.

11. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. 4. С–Я. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. 800 с.

12. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 17 (Х–Я) / Гл. ред. В.И. Чернышев. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1965.2095 стб.

13. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. 1175 с.

14. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.А. Ломова. М.: Высшая школа, 2003. 336 с.

15. Ягубов Б.А. «Цыганский текст» и его место в русской культуре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 9 (27) в 2-х ч. Ч. I. С. 208-212.

УДК 811

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА И МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКОГО И БОЛГАРСКОГО МЕДИАДИСКУРСОВ)

СТОЯНОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА
д. филол. наук, профессор кафедры русского языка,
Шуменский университет им. епископа Константина Преславского,
Болгария, г. Шумен, elvikstoyanova@shu.bg

Статья посвящена изучению моделирующей функции метафоры на материале русского концепта *пирог* и болгарского концепта *баница*. В основе концептуальной метафоры лежит когнитивная модель *пирог / баница – ресурс*, которая характеризуется сходством фреймо-слотовой структуры в русском и болгарском концептах. При реализации М-модели на материале современных медиатекстов фиксируется проявление национальной специфики на уровне слотовых связей и ассоциаций.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, медиатекст, русский и болгарский языки.

В современных исследованиях метафора рассматривается на пересечении различных научных отраслей и воспринимается принадлежностью триединства «язык – мышление – культура». В науке утверждается интерпретация метафоры в качестве механизма познания, незаменимого инструмента концептуализации мира и средства кодифицирования знания в языке (Н.Д. Арутюнова, М. Блэк, М. Джонсон, Д. Дэвидсон, И.М. Кобозева, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, В.А. Маслова, М.Г. Мелентьева, З.Д. Попова, П. Рикер, Г.Н. Скляревская, И.А. Стернин, В.Н. Телия, М. Тернер, Дж. Фоконье, В.А. Чудинов и др.). В связи с развитием теории метафорического моделирования как способа

организации и представления знаний человека об окружающем мире, их упорядочения и систематизации, регулирования поведения в определенных ситуациях в научный обиход вводится понятие метафорической модели. Метафорическая модель (далее М-модель) воспринимается в качестве когнитивного механизма на уровне сознания и служит инструментом исследования процесса метафоризации.

В целях изучения понятийных структур и их языковой репрезентации современными исследователями активно используется фреймо-слотовая методика, поскольку она предоставляет реальную возможность постижения способов восприятия и осмысления мира человеком и последующего его структурирования. Указанная методика прилагается для исследования когнитивного пространства и семантической сферы языка, объединяя языковую и внеязыковую действительность посредством отражения человеческого знания и опыта в семантике языковой единицы. Фреймы относятся к концептуальным структурам для представления «стереотипной ситуации» [3, с. 7], «стереотипной значимостной ситуации» [2, с. 187], или являются «унифицированной схематизацией опыта» [5, с. 54] и содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию [1, с. 16]. Слоты представляют собой ячейки для хранения знания, это отдельные ассоциации и связи, определяющие декларативную или процедурную семантику фрейма.

Целью данной статьи в русле когнитивно-дискурсивного подхода является изучение моделирующей функции метафоры на материале русского концепта *пирог* и болгарского концепта *баница*. Выявление сходства и различий в реализации метафорических образов в рамках современной лингвокультурной ситуации (далее ЛКС) происходит на материале современных российских и болгарских медиатекстов.

Выбор когнитивной структуры для анализа является не случайным: русск. *пирог* и болг. *баница* относятся к ритуально-праздничным разновидностям хлеба, которые характеризуются символичностью и значимостью для русского и болгарского народов. В значении ‘выпеченное изделие с начинкой’ *пирог* употребляется только в русской лингвокультуре, а для южных славян, в том числе для болгарской культуры, характерны изделия из слоёного теста, типа *баница*. Включение указанных элементов в процесс метафорического осмысления современной действительности, на наш взгляд, является вполне закономерным. В процессе историко-культурного развития именно пища воспринималась в качестве основного медиатора [4, с. 427-429] в дихотомии природа – культура, посредника в преодолении противоречия свой – чужой. В последнее время наблюдается активизация действия кулинарной метафоры, которая отличается явным традиционализмом, трансляцией доступного и понятного всем знания. В основе концептуальной метафоры лежит когнитивная модель *пирог / баница – ресурс*, посредством которой происходит восприятие и представление современного мира национально-культурными общностями.

М-модель *пирог / баница – ресурс* **и ее разновидности**

Данная М-модель представлена в русском и болгарском языках двумя разновидностями: пирог/баница – материальные ресурсы (в том числе и финансовые ресурсы); и пирог/баница – нематериальные ресурсы. Образное представление *ресурсов* посредством пирога/баницы охватывает различные сферы русского и болгарского общества (русск. *национальный пирог, пирог собственности, нефтяной пирог, экономический пирог, пирог рынка / рыночный пирог, трансферный пирог, государственный пирог, космический пирог, туристический пирог, смартфонный пирог, автомобильный пирог, стальной пирог, энергетический пирог, пирог ОМС, финансовый пирог, бюджетный пирог* и др.; болг. *футболна баница, общинска баница, социологическа баница, държавна баница, баница "Данък общ доход", социална баница, партийна баница, обществена баница, баницата на местната власт, милионна баница* и др.).

И в российской, и болгарской метафоре фиксируется географическая, территориальная, отнесенность: русск. *пирог Восточной Европы*, болг. *софийска баница, африканска баница, европейска баница, нова баница за Европа* и др. Если для болгарского языкового сознания в основном характерен образ баницы в национальных параметрах или в европейском масштабе, то в российском медиадискурсе фиксируется в образе пирога специфика мирового сообщества (русск. *мировой пирог, пирог мировых грузоперевозок*), а также неоднократно встречается метафора *советский пирог* как представление ресурсов определенной исторической эпохи и государственной формации.

В болгарских СМИ фиксируются единичные примеры функционирования *баницы* для обозначения людских ресурсов (управленческие кадры, чиновничий аппарат): *„**Баницата**" управлява общините. Многоцветни коалиции по интереси крепят властта на кметовете* (Труд, 18.11.2015). Особенностью современной ЛКС в Болгарии является представление Болгарии как баницы: *Дядовците на днешните лидери на ЕС нарязаха България като **баница*** (Дневник, 07.09.2015), *България е **мазна разложена баница*** (11.12.2002; Сега, 31.12.2005).

Спецификой современного моделирования мира можно рассматривать распространение М-модели на нематериальные сферы (русск. *пирог власти / властной пирог, коррупционный пирог, технологический пирог, политический пирог, пирог карьерного развития, информационный пирог, новостной пирог, медиа пирог, рекламный пирог, медиарекламный пирог, пирог успеха, пирог безвизовый режим, пирог обязанностей* и др.; болг. *властова баница, баницата на местната власт, социологическа баница*). Функционирование данной разновидности М-модели приводит к семантической модификации и реализации значения 'обязанности, возможности, информация'.

В М-модели *пирог / баница – ресурс* можно выделить два основных фрейма, которые в свою очередь состоят из слотов: фрейм 'Производство' (слот 'Технологический процесс', слот 'Виды', слот 'Качество изделия', фрейм

‘Парцелляция ресурса’ (слот ‘Процесс парцелляции’, слот ‘Элементы парцелляции’).

Фрейм ‘Парцелляция’

Ритуал разрезания выпеченного *пирога* перед подачей на стол транслируется в рамках современной ЛКС посредством образа парцелляции ресурсов, в котором явно разграничиваются процесс деления и его результат в виде элементов парцелляции. Устойчивость образа в русской лингвокультуре подчеркивается его отображением во фразеологии: *делить пирог*; *урвать свой кусок пирога*; *пристроиться к пирогу*, *поживиться от общего пирога*. Фразеологические словари болгарского языка не фиксируют подобной устойчивости, однако в медиатекстах обнаруживается широкое употребление подобных метафор.

Слот ‘Процесс парцелляции’

Процесс парцелляции ресурса передается глаголами и отглагольными существительными (русск. *делить, разделить, изолировать, кроить, кромсать пирог, откусить*, *отхватить, оторвать от пирога*; *дележка, деление, распределение, перераспределение пирога;* болг. *разпределям, деля, разделям, дърпам, лапам, прилапа, развивам, разпределене* и др.). Интересным проявлением парцелляции ресурсов становится современный образ *удаления, отдаления, отодвигания, изолирования* кого-либо от *пирога* / *баницы* (болг. *изолирам от баница*). Культурная составляющая болгарского концепта баница – традиционное вращение баницы по часовой стрелке (по солнцу) как начало праздничной трапезы и сигнал деления баницы – отображается в медийной метафоре: *Новата* ***европейска "баница"*** *започва да се върти* (money.bg, 03.02.2011).

Слот ‘Элементы парцелляции’

Элементы парцелляции: русск. *кусок, кусочек, доля, порция, часть, верхний слой*; болг. *хапка, парче, пай* – подразумевают горизонтальное деление ресурсов. Однако в российских СМИ встречаются образы вертикали: *Основа экономического роста, включая экспорт-импорт, в любой стране – это рост личного потребления. Но это* ***верхний слой*** *экономического* ***"пирога"*** (Независимая газета, 14.11.2005).

Фрейм ‘Производство’

Технологический процесс изготовления пирога / баницы представлен следующими лексемами: русск. *печь, испечь*, болг. *пека*, *изпека.*

Слот 'Технологический процесс'

В основе различий между русской и болгарской медийными метафорами лежит осмысление техники и технологии изготовления изделий – пирог / баница (русск. *слоёный пирог*; болг. *вита баница, дърпана баница* и др.). Образ *слоёного пирога* в русском медиадискурсе актуализирует сему многослойности, разрозненности: ***Слоёный пирог*** *неравенства* (Российская Газета, 22.01.2004) и др. Собранный материал содержит единичное употребление метафоры с семантикой многослойности в болгарском медиадискурсе (несмотря на то, что *баница* – это изделие из слоёного теста): *„****Баницата****“ управлява общините.*

Многоцветни коалиции по интереси крепят властта на кметовете (Труд, 18.11.2015).

В медиатекстах обыгрываются разновидности болгарской баницы по технологии её изготовления. В образе – *вита баница* (букв. витáя баница, которая скручивается в виде спирали вместе с начинкой) на первый план выступает сема спиралевидного оформления: *Развихме се като* ***вита баница*** (БТР, 30.06.2009), а в образе *дърпана баница*, приготовление которой связано с растягиванием теста (от глагола *дърпам* ‘тянуть, тащить, дергать, рвать’), актуализируется сема рвачества: болг. ***Дърпана баница.*** *Днес един 10-месечен бюджет трябва да бъде* ***раздърпан*** *като тесто за* ***баница*** *така, че да стигне за 12 месеца* (Дума, 04.11.2013).

Слот ‘Качество изделия’

Качество оценивается как положительное при реализации семы ‘привлекательный’ (русск. *вкусный, сочный, пахнущий, лакомый, праздничный пирог*, болг. *сладки хапки, апетитно парче, топла, вкусна баница*), так ификсируется отрицательная коннотация (русск. *халявный пирог,* болг. *опоскана, мазна, разложена*). Характеризация качества включает и количественные показатели пирога / баницы, которые в условиях современной ЛКС уменьшаются в размерах (русск. *сокращающийся ресурсный пирог, сузившийся рекламный пирог, пирог перестает быстро расти, пирог сжимается, пирог-маленький, на всех не хватит, пирог становился всё меньше, пирог стремительно уменьшается*, болг. *значителносвита баница*).

Слот ‘Виды’

Различия в представлении действительности на основе указанной модели наблюдаются при использовании разновидностей *пирога* и *баницы,* которые вносят дополнительный национальный колорит в семантику метафоры. Это виды в зависимости от технологии изготовления, по размеру (*большой пирог*), а также в зависимости от начинки (русск. *сладкий пирог, пирог с начинкой*; болг. *зелник* ‘вид баницы с капустой’и др.). В русском пироге начинка представляется важной и неотъемлемой его частью: русск. *После эйфории 90-х годов сейчас складывается более или менее адекватная картина по поводу объёма* ***начинки "каспийского пирога"*** (Независимая газета, 04.11.2002). В болгарской *банице* начинка, чаще всего, является видообразующим компонентом: *зеле – зелник* (вид баницы с капустой), который определяет разновидность изделия (несмотря на то, что в болгарской кухне существуют номинации: *баница с праз, баница със спанак, баница с коприва* и др.). Например, болг. *Цачева "сервира"* ***зелник****, изяли сме били постната пица* (Дума, 16.05.2011).

Кроме того, в современном болгарском медиадискурсе обыгрывается традиция запекать в баницу (серебряную) монетку как символ достатка, веточку кизила как символ здоровья и благополучия – *късмет* (символ удачи) – это так называемая *баница* с сюрпризом (болг. *баница с късмет, баница с примамливи късметчета*). В медиатекстах болгарская *баница* также содержит сюрпризы, которые неожиданно может получить народ. Например, ***Баница с***

късмети *ще завърти и столичното парно. През следващата година бонуси ще зарадват хората, които си плащат редовно сметките* (Стандарт, 27.12.2010).

Кризисность современной ЛКС оказывает влияние на метафорическое представление действительности (болг. *кризисна баница, постна баница*): *Постната пица беше за миналата година, сега вече можем да си позволим* ***зелник***, ***баница с коприва***, ***лучник*** *и други вкусотии. Така шефката на парламента Цецка Цачева отговори на въпроса, вкусна ли е* ***кризисната баница*** (Стандарт, 14.05.2011).

Итак, в российском и болгарском медиадискурсах на современном этапе наблюдается явная активность кулинарной метафоры. Восприятие и представление мира русской и болгарской национально-культурными общностями в рамках концепта *пирог / баница* осуществляется на основе когнитивной модели *пирог / баница – ресурс*. При сходстве фреймо-слотовой структуры модели на материале русских и болгарских медиатекстов фиксируется различие в реализации слотовых связей и ассоциаций, что обусловлено спецификой развития народов и особенностями ЛКС в России и Болгарии.

Список литературы

1. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989.

2. Демьянков В.З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996.

3. Минский М. Фреймы для представления знаний / Пер. с англ. М.: Энергия, 1979.

4. Топоров В.Н. Еда. Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980.

5. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23.

УДК 81

РАЗЛИЧИЯ В КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКЕ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

СУ ЛИЦЗЕ
доцент, заведующий кафедрой русского языка,
Аньшаньский педагогический университет,
Китай, г. Аньшань, susulijie@163.com

В статье рассматриваются различия в культуре и языке между Китаем и Россией. Язык и культура оказывались тесно связанными с идеальным духовным миром человека, поэтому они воспринимались неодинаково и оценивались по-разному в Китае и в России. Язык как средство общения отражает разные фоны культуры, историю наций, социально-культурные понятия. Многозначность, существующая в языке, также оказывается одним из следствий поведения людей в определенном историко-культурном пространстве.

Ключевые слова: язык, культура, разные фоны, языковые явления.

С углублением китайско-российского стратегического партнерства сотрудничества изучение китайского и русского языков и культуры приобретает очень актуальное практическое значение. Язык, привычки и национальная культура передаются по наследству.

Каждая нация имеет свой язык, культуру, обычаи. Каждая нация воспитывается в определённой сложившейся на протяжении многих веков культурной и языковой среде. Изучать любой иностранный язык невозможно без знаний культуры страны. Русская и китайская культуры имеют долгую историю. Язык и культура оказывались тесно связанными с идеальным духовным миром человека, поэтому они воспринимались неодинаково и оценивались по-разному в Китае и в России. Язык – это инструмент, с помощью которого люди могут общаться в разных странах и регионах.

Число как знак, возникающий в процессе жизни и производства, имеет свойства языкового знака. С его помощью люди могут выражать свои мысли, чувства. Число – одна из важнейших категорий в мифопоэтическом образе, образе мира, средство упорядочения и моделирования символизации и оценки. Элементы числового ряда в своих культурных функциях неравноценны. Русские предпочитают нечётное число, считают, что нечётное число обозначает счастье, удачу, а чётное число имеет незначительную связь с миром плохого. Это, наверное, потому что на них сильно влияют христианство и верование. По российским традициям чётное количество цветов приносят на похороны, а живому человеку дарят цветы только в нечётном количестве. А в Китае чётные числа считаются более счастливыми, чем нечётные. В этом случае говорят, что «всё хорошо удваивается». Пара приносит счастье! Но исключение – четвёрка. Хотя это и чётное число, но оно созвучно с иероглифом «смерть». Это наиболее несчастливое число для людей. И китайцы всячески избегают его, особенно когда выбирают номер автомобиля. Кстати, счастливыми числами считаются восьмёрка, обозначающая богатство и процветание, и девять как знак бессмертия и долгожительства. В основном ценят цифры по их произношению.

Самая любимая цифра для русских – это цифра три. Число три относится к наиболее значимым элементам числового ряда. Оно символизирует завершенность и полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец, и чаще всего фигурирует в предписаниях трижды совершать то или иное магическое действие. Числу 7 приписывается сакральное значение у многих народов: в славянской традиции оно чаше всего относится к единицам времени или к лицам. Ещё в русском языке есть такие выражения, как семь пядей во лбу, быть на седьмом небе. Число 4 играет значительно меньшую роль в магических ритуалах, верованиях. Оно ассоциируется прежде всего с четырьмя сторонами света, четырьмя углами дома, четырьмя концами креста и т.п. То есть это число пространства. Временное значение имеет и число 9, которое воспринимается как утроенное число 3. Оно часто фигурирует также в магических текстах, где упоминаются 9 камешек, 9 щепок, 9 угольков, вода из 9 колодцев и т.п.

В китайском языке число тоже имеет национальные черты. Например, число 9 связывают с образом неба. Это число символизирует власть, счастье, славу, твердость. 9 считают самым большим мужским числом, поэтому в старом Китае только император мог ходить в одеждах, на которых рисовали девять драконов. Число 6 воспринимается как показатель гармонии, благополучия, удачи, успеха. Оно также обозначает землю, мать. И число 8 любят китайцы, потому что в произношении по-китайски 8 похоже на слово «фа», то есть предвидится большое количество денег. В отличие от китайцев русские не так любят число 13, считая его несчастливым числом. Они говорят, что тринадцатым за стол не садись – не то быть в беде. Есть ещё такое выражение «чёрная пятница». А в Китае 13 считают счастливым числом, поэтому здесь много 13-этажных зданий.

Интересные явления можно наблюдать в таких словах, которые выражают цвет. В древнем Китае желтый был свойственен одежде императора. Он имел право носить одежду желтого цвета, а простые люди могли использовать такой цвет, когда они умирали. В русском языке желтый цвет означает неверность, расставание. Русские считают, что белый – это символ чистоты, и на свадьбе невеста одевается в белый наряд. В Китае на похоронах люди одеваются в белое или чёрное. Теперь под влиянием традиций Европы невесты тоже надевают белый свадебный наряд. Однако в тот день, когда устраивается свадьба, невесты обязательно должны найти возможность надеть одежду красного цвета, потому что китайцы считают, что красный цвет символизирует удачу, счастье, благополучие, прекрасное будущее и т.д. Особенно в национальные праздники китайцы любят ходить в красном и надеются, что в будущем все будет ещё лучше, ещё прекраснее. В русском языке красный цвет тоже символизирует все хорошее. Русские считают, что в нем солнечная сила, в нём некая истина. Черный и синий цвет имеют почти одинаковое значение в русском и китайском языках: «черный рынок, черные списки, черные силы, черная душа, назвать белое черным, принимать белое за черное» и т.д., в то же время синий – символ мира.

Таким образом, язык как средство общения отражает разные фоны культуры, историю наций, социально-культурные понятия. Многозначность, существующая в языке, также оказывается одним из следствий поведения людей в определенном историко-культурном пространстве. Разные страны и разные национальности имеют разные национальные культуры, которые отражаются в истории, религии, языке и их народных обычаях. Языки и культуры всех этнических групп неразрывно связаны. Поэтому, несомненно, важно изучение языковых явлений в этом аспекте и их учет в преподавании языка.

Список литературы

1. Барау И. Я. Загадки мира цифр. М. - Донецк: Сталкер, 1997.

2. Ван Ли. Национально-культурные различия в русско-китайском языковом общении // Журнал института Hulunbeier. 2002. № 1.

3. Ван Юньюн. Семантическая передача и перевод в условиях межкультурной коммуникации // Теория и наблюдение. 2014. № 11.

4. Ли Панке. Различия и интеграция в переводе межкультурной коммуникации // Культурный журнал. 2017. № 9.
5. Лю Гуанчжун, Хуан Сухуа. Обсуждение обычаев русского и китайского языка и культуры // Пресса для преподавания и изучения иностранных языков. М., 1999.
6. У Гохуа. Русский язык и русская культура. М.: Издательство «Военная дружба», 1998.
7. Цифра Три – магическая [J]. http://www.narod.ru
8. Чжан Хуйсен. Сравнительное изучение русского и китайского языков // Пресса об образовании иностранных языков в Шанхае. М., 2004

УДК 811.161.1

О КУЛЬТУРНОЙ МАРКИРОВАННОСТИ АББРЕВИАТУР

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
д. филол. наук, профессор кафедры документоведения
и стилистики русского языка,
Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, г. Тула, grig72@mail.ru

В статье рассматривается культурная маркированность аббревиатурной номинации, которая находит своё отражение в тесной связи аббревиатуры со своей эпохой, в репрезентации её идеологем, идиоматичности семантики.
Ключевые слова: язык, культура, номинация, аббревиатура.

В данной статье мы попытаемся осветить проблему культурной маркированности аббревиатуры. Сокращение слова является одним из наиболее продуктивных способов словообразования, когнитивный смысл которого заключается в подчёркивании и фиксации актуальности поликомпонентной номинации. Аббревиатурная наименование, как и соответствующее ему поликомпонентное, всегда обозначает нечто новое в картине мира. Этому служат распространители составного названия, открывающие новые черты в уже известных вещах. *ВОКП* ‘Всероссийское общество крестьянских писателей’. Каждая культурная парадигма порождает свой набор составных наименований и соответствующих им аббревиатур. Особенно ярко это отражает «Толковый словарь языка совдепии».

Аббревиатурный знак является по природе иконическим, поскольку он находится в смежных отношениях с составной номинацией. Однако утрачивая прозрачность интерпретанты с течением времени, аббревиатура становится символом. Указанный признак аббревиатуры обусловливает идиоматичность её семантики и привязанность к информационному полю своей эпохи. Это подтверждает тот факт, что аббревиатура не прочитывается представителями другой эпохи.

Большинство аббревиатур входит в состав либо новой или устаревшей лексики. Этот тезис подтверждают, в частности, материалы названного выше словаря, большая часть словника которого состоит из неактуальной лексики. Аббревиатурные номинации отражают идеологемы своей эпохи: *Бытсовет* ‘совет жильцов общежития’, *ВАД* ‘восхваление американской демократии’, *Вилен* ‘Владимир Ильич Ленин’.

Аббревитатура может выполнять функцию эвфемизма, скрывая открытое наименование явления. *АСА* ‘антисоветская агитация’.

Для верификации названной культурной специфики аббревиатур со студентами филологического факультета ТГПУ им. Л.Н. Толстого был проведён эксперимент, сущность которого заключалась в интерпретации заданных сложносокращённых слов советского и современного периодов. Респондентам было предложено 10 распространённых в советскую эпоху сокращений: КПСС, ВЛКСМ, комсомол, обком, коминтерн, БАМ, ВДНХ, ЦК, КГБ, ДОСААФ. Никто из участвовавших в эксперименте студентов не смог дать правильные ответы. В лучшем случает респонденты пытались назвать сферу, с которой связана номинация.

Вторая группа аббревиатур, предложенных респондентам, активно используется носителями языка современного периода: узи, ИНН, СНИЛС, НТВ, ООО, ЕГЭ, собес, ООН, ЕС, СМС. Характерно, что только 30% предложенных слов было расшифровано: ИНН, ЕГЭ, ООН, ЕС. Остальные единицы воспринимались как обычные, несокращённые слова, что стало фактом идиоматичности и синкретичности их значения.

Проведённый эксперимент подтверждает культурную привязанность аббревиатуры к той или иной эпохе. Актуальность аббревиатуры обусловливает высокую степень её идиоматичности, что ведёт к утрате семантической прозрачности аббревиатуры с последующим её забвением.

Список литературы

1. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка совдепии. СПб.: Фолио-пресс, 1998. 704 с.

УДК 821.162.1

КОНЦЕПТ «ВЛАСТЬ» В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ПЕРСОНАЖЕЙ ПОЛЬСКОГО МНОГОСЕРИЙНОГО СКЕТЧА «УХО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ» (ТВ, ВАРШАВА)

ШЕТЭЛЯ ВИКТОР
к. филол. наук, доцент кафедры контрастивной лингвистики,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва, szetela@ mail. ru

В статье рассматривается речь персонажей многосерийного политического скетча «Ухо председателя» („Ucho prezesa”), пользующегося в польской общественности большой

популярностью. В сериале затрагиваются актуальнейшие вопросы политики, из которых для Председателя правящей партии и его окружения самым важным является удержание власти. Мотив «власть» прослеживается в высказываниях персонажей, скрывающимися под придуманными фамилиями и масками, идентификация которых легко раскрываема.
Ключевые слова: высказывание, изречение, концепт, пословица, речь, слово.

Несколько лет тому назад польское ТВ начало показ многосерийного политического скетча „Ucho prezesa” («Ухо председателя»), в котором в сатирическом освещении показаны правящая в стране партия «Право и справедливость» и ее председатель Ярослав Качиньски. Кстати, это уже четвертый сезон этой передачи. В интервью, которое дал накануне новых выборов в органы самоуправления Я. Качиньски для «Радио Щецин», он сказал, что смотрел два сериала передачи „Ucho prezesa” и больше всего ему в них понравились сцены, в которых показали кота. «Это не мой кот. У меня два других кота. А если люди смеются надо мной – то пускай смеются!» – подчеркнул Председатель Ярослав Качиньски.

В каждом из данных сатирических сериалов затрагиваются актуальнейшие вопросы внутренней политики, проводимой в стране правящей партией. В каждом из высказываний персонажей сериала показано, прежде всего, стремление партии укрепить свою власть и повлиять на ход событий в стране.

Авторы данного телевизионного фильма используют целый ряд языковых приемов, чтобы в сатирическом ракурсе охарактеризовать персонажей, их речь и раскритиковать их стремления.

Прежде всего, укрепление власти связывается с восхвалением Председателя. Ему адресуются эпитеты, которые должны вроде бы вознести Председателя, а, в итоге, эти эпитеты, взаимно исключающие друг друга, дают противоположный отрицательных эффект. Напр.: najlepszy w historii, jakiego wydał nasz naród – «самый лучший в истории, который породил наш народ»; Człowiek Wolności – «Человек Свободы»; Wódz Narodu – «Вождь Народа»; wielki aranżerze wnętrz – «о великий строитель интерьеров!», когда идет речь о замене на государственных должностях старых кадров собственными сторонниками; szeregowy pośle kochany – «о! ты наш всеми любимый рядовой депутат!» – как ответ на высказывание Председателя о том, что он никак не может повлиять на решение правительства, поскольку является рядовым депутатом.

В высказываниях персонажей-ставленников, которые ставятся и снимаются с должностей всемогущим Председателем, слышна трансформация газетных штампов, фразеологизмов, пословиц и поговорок (urwać się ze sznurka – «сорваться с привязи», когда речь идет о непослушном лице; odsunięci od koryta – «отодвинутые от корыта, кормушки», когда речь идет о замене на должности руководителя телевещанием). Кстати, беспокойство руководителя телевещанием о своем дальнейшем пребывании на этом посту: Nadal mogę być prezesem TV? – «По прежнему могу быть председателем ТВ?» решается императивом: Bądź! (Будь!). Руководитель ТВ обеспокоен тем, что программа

ТВ не является интересной, на что получает ответ: TV nie dlatego, żeby ludzie ją ogladali, ale, żeby płacili abonament. – «ТВ существует не для того, чтобы люди его смотрели, а чтобы платили за абонемент» (отголосок того, что в Польше введена абонентская плата за ТВ, что вызывает протесты). Ответ Председателя на вопрос, как быть с неподвластным Интернетом: Jeśli coś nie może być nasze, to zróbmy, aby było niczyje. – «Если что-то не может быть наше, то сделаем так, чтобы оно было ничьё».

Таким образом, атрибутом всякой власти в стране является сам Председатель в его новом Кабинете и новом Кресле. Новый кабинет, его меблировка – это место заседания Председателя и место приема назначенцев на видные государственные должности. Доступ к Кабинету охраняется приемной, от секретаря которой зависит, кого впустить или не впустить из желающих попасть в Кабинет. Даже президент страны не допускается в кабинет, поскольку он должен предварительно записаться на приём. “Jestem umówiony, albo nie jestem umówiony” [«Записан на приём или не записан] – вот формулировка, по которой даже официальные лица могут быть допущены или не допущены в Кабинет.

Каков Председатель по мнению секретаря: Jakion? Dla dobrych – dobry, dla złych – zły! Ибезпереводаэтисловапонятны.

Характеристика нового Кабинета – штаба партии: „To jest urząd rady ministrów i Belweder w jednym, połączenie gabinetu Pilsudskiego i karety Napoleon, połączenie ziemianki Kaddafiego …” , т.е. в данном высказывании говорится о том, что кабинет может выполнять самые разнообразные функции, которые позволят повлиять на внутреннюю политику в стране. Кабинет может выполнять функции Бюро Совета министров и ставки президента страны. Это кабинет Пилсудского, с одной стороны, и одновременно карета Наполеона – с другой. Это землянка точно такая же, как у ливийского председателя Каддафи, т.е. в ней можно безопасно, с комфортом отсидеться, а также по традиции это землянка «проклятых солдат», т.е. солдат, которые во время Второй мировой войны воевали против Германии, но в антикоммунистических соединениях. В социалистической стране выжившие бойцы этих соединений были репрессированы.

Не менее красноречиво представлено в высказываниях персонажей кресло, на котором восседает Председатель. Это должно быть «Кресло-престол» („Krzesłotron”), которое, по мнению подчиненных, должно по своей важности быть таким, как коронационный престол Карла Великого (намек на европейские традиции), и одновременно безопасным, как кресло летчика, оборудованное катапультой такой, как в американском истребителе F 16 (самое лучшее в мире только у американцев). В каждом из подобных определений можно отметить много скрытых подтекстов, которые более понятны польским телезрителям. Московский исследователь А.С. Мамонтов объясняет это явление таким образом: «Как известно, лексика и семантика – системы открытые, подвижные, отражающие нашу жизнь… и слово подчас приобретает особые семантические оттенки, поскольку его значение пронизывают

различные со-значения…, которые связывают слово с жизнью определённого языкового коллектива, определённым бытом, сложившимся социальным узусом. Так возникает национальное своеобразие языков и связанное с ним своеобразие формы выражения мысли» [1, с. 107].

В данной языковой среде – обособленной национальной группы, группы партийцев – кабинет и Кресло приобретают высокий статус, являются атрибутом власти. Эта власть осуществляется путем zarządzania przez kryzys – «управления страной через посредство создания кризисных ситуаций (чем хуже – тем лучше)»; zasianie ziarna niepokoju – «рассеивания зёрен беспокойств»; program zaciśnienia pasa – программы экономии с помощью сокращения финансирования на нужды населения.

Одновременно Председатель заявляет: Jesteśmy Radą niezależną od polityki – «являемся Советом независимым от политики». Истинная политика власти раскрывается в ряде вопросов подчиненного, на которые Председатель отвечает однозначно. См.: 1) – Za co mają mnie nie lubieć? Ja podpisałem ten papierek? – Nie! Mam czyste ręce! – «За что могут меня не любить? Я подписал эти бумаги? – Нет! У меня чистые руки!». 2) – Czyje to są samorządy? Nasze, czyich? – Ich! – «Чьё это самоуправление? Наше, или их? – Их!». 3) Kto wygra wybory? – Oni! – Kto odpowiada za to? – Prezydent! Mam czyste ręce! – «Кто выиграет выборы? – Они! – Кто за это отвечает? – Президент! У меня чистые руки!». Таким образом – «С одной стороны, сохраняем власть, а с другой – за ни что не отвечаем».

Одновременно по отношению к оппозиционерам в ходу такие непарламентские выражения, как: spaść na łeb na szyję – «полететь кубарем»; połamać się w pokłonach – дословно: «поломаться в поклонах»; kanalia, dureń, łajza (слова одного низкого порядка); festywal marionetek; cyrkwariatów – «цирк сумасшедших»; zasuwaj w podskokach – «беги во весь дух».

В данном небольшом сообщении показаны высказывания персонажей – обособленной группы людей – только двух первых фильмов. Возможно, что каждая из сценок через смех снимала в стране долю напряженности, которая возникала всегда в момент принятия очередного правительственного решения новой партией. Публика ожидает новых сериалов, что польское независимое ТВ и обещает.

Список литературы

1. Мамонтов А.С. Лингвокультурные основы обучения языку как средству межкультурной коммуникации: Учебное пособие. М.: Флинта-Наука, 2010. 160 с.

УДК 801. 73

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ «ПОВЕСТЕЙ ПОКОЙНОГО ИВАНА ПЕТРОВИЧА БЕЛКИНА» А.С. ПУШКИНА

ШИПИЦЫНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА
д. филол. наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород, shipitsyna@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются возможности произведений А.С. Пушкина (из цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина») воспитания качеств нравственно здоровой личности – ответственности за свои поступки, совестливости, честности, доброты и благородства. Отмечены также черты элитарности этих повестей как свойства подлинно художественной русской классической литературы.

Ключевые слова: классическая литература, повести А.С. Пушкина, нравственные ценности, воспитывающий характер, элитарность литературы, диалог с читателем, духовное здоровье нации.

В 2018-м году исполнилось 185 лет с момента опубликования «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина, однако они и сегодня читаются с интересом и не утратили той силы облагораживающего воздействия на личность читателя, которая исходит из подлинно художественного творения. Эти повести заряжены идеями гуманизма, высокими нравственными ценностями, проблемами чести и порядочности человека и потому обладают большими возможностями воспитания молодого человека и формирования у него лучших качеств нравственно здоровой личности. В этом аспекте мы и построим свои рассуждения в данной статье, ориентируясь прежде всего на изучение текстов этих повестей в школе.

Современники А.С. Пушкина – критики и журналисты – оценили этот цикл первых прозаических произведений великого поэта резко негативно. Они писали о неоригинальности входящих в него повестей, находя в мировой и русской литературе похожие сюжеты, о том, что темы этих повестей граничат с пошлостью, напоминают расхожие анекдоты и побасенки, во многом устаревшие, а литературные образцы этих сюжетов уже многими забыты, и только потому некоторым читателям 30-х годов Х1Х века такие повести могут показаться новыми. И даже В.Г. Белинский придерживался того же мнения: «В 1831 году вышли “Повести Белкина”, холодно принятые публикою и еще холоднее журналистами. Действительно, хотя и нельзя сказать, чтоб в них уже вовсе не было ничего хорошего, всё-таки эти повести были недостойны ни таланта, ни имени Пушкина. Это что-то вроде повестей Карамзина, с тою только разницею, что повести Карамзина имели для своего времени великое значение, а повести Белкина были ниже своего времени. Особенно жалка из них одна – “Барышня-крестьянка”, неправдоподобная, водевильная, представляющая помещичью жизнь с идиллической точки зрения» [1, с. 637]. К сожалению, критик не удостоил серьезного анализа этих произведений,

ограничившись излишне эмоциональной и бездоказательной их оценкой. Единственный аргумент о *неправдоподобности* сюжета «Барышни-крестьянки» сам по себе не выдерживает критики. Во-первых, это художественная литература, допускающая вымышленные сюжеты, а не историческое научно-правдивое изложение важных фактов-событий. Во-вторых, описываемые в этой повести события в принципе вполне возможны. Что в них собственно неправдоподобного? Что крестьянская девушка Акулина (дворянка Лиза) оказалась очень способной к усвоению грамоты? Но ведь в истории России известны многие талантливые люди из среды простого народа – артисты, художники, строители, мореплаватели и даже государственные деятели, грамотные и знающие иностранные языки (вспомним хотя бы петровскую эпоху!). Или то, что барышня решила познакомиться с молодым человеком столь необычным способом? Но если эта барышня – человек умный и предприимчивый, склонный к авантюрным шалостям, страдающий от скуки, незанятости серьезным делом, как и все барышни ее круга, то почему бы ей и не пуститься в столь увлекательную авантюру, тем более, что познакомиться с интересным барчуком (*барышни сходили по нем с ума!)* обычным для того времени способом она не могла (их отцы были в ссоре). Или повесть неправдоподобна потому, что барчук влюбился в умную и хорошенькую, опрятную крестьяночку настолько серьезно, что готов жениться на ней? Но ведь и такие случаи были и даже в среде очень известных титулованных особ в России.

Что касается фразы В.Г. Белинского «повести Белкина были ниже своего времени», то литературоведы позднейшего времени, осмыслив весь допушкинский и послепушкинский процесс становления отечественной художественной прозы и достижения ею вершин мирового величия в произведениях наших выдающихся классиков, пришли к противоположному мнению, наиболее точно выраженному известным исследователем русской литературы Ю.М. Лотманом: «Пушкин ушел настолько далеко вперед от своего времени, что современникам стало казаться, что он от них отстал. Он не мог уже быть «властителем дум» молодого поколения, ибо видел бесконечно дальше, чем оно, - его стали обвинять в консерватизме и отсталости» [2, с. 172]. Действительно, в 30-е годы А.С. Пушкин был озабочен созданием хорошей прозы в русской литературе и пытался заложить ее основы, развив все то лучшее, что уже было создано не только Н.М. Карамзиным, но и другими писателями допушкинской поры. А.С. Пушкин намеренно обратился к «низовой» литературе с изображением среды обычных людей, отбросив в художественном методе прозы все устаревшее и активизировав возможности реалистического изображения жизни средствами национального языка.

В данной статье мы обратимся к тем свойствам произведений цикла «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», которые превращают повести (сюжеты которых напоминают или элегию, народную песню («Станционный смотритель»), или эпиграмму («Гробовщик»), или водевильную идиллию («Барышня-крестьянка»), или траги-анекдот («Метель») – в классические

произведения подлинно художественной литературы и уже не с оттенком пошлости, а с противоположным ей оттенком (условно назовем его элитарностью).

Элитарный характер этим повестям придают многие их свойства. Отметим главные из них. Это, во-первых, социально-философские обобщения, в которых выражается типичность национального явления как для русского, так и для иных народов (элементы быта, культуры, традиций, (например, рассуждение о барышнях в русских помещичьих усадьбах («Барышня-крестьянка»), описание элементов немецкого быта и культуры («Гробовщик»).

Во-вторых, это повествование на фоне большого количества ссылок на произведения искусств, особенно произведений русской и зарубежной литературы, фразы из которых вплетены в ткань пушкинских повестей. Это обеспечило им краткость в описании и сгущение смыслов, поскольку смысл явной или несколько завуалированной отсылки к содержанию иного произведения словно бы входил во фразу повести, расширяя ее информативный объем (в науке это называют интертектуальностью произведения). Так, А.С. Пушкин обращается к произведениям Д.И. Фонвизина, А.А. Бестужева-Марлинского, В.А. Жуковского, Г.Р. Державина, П.А. Вяземского, А.С. Грибоедова, Н.Ф. Богдановича, А. Е. Измайлова, И.И. Дмитриева, А. Погорельского, Я.Б. Княжнина, А.А. Шаховского, Вильяма Шекспира, Вальтера Скотта, Ф. Петрарки, С. Ричардсона, Жан-Поля Рихтера, Шарля Колле. При этом А.С. Пушкин, за редким исключением, доброжелательно оценивает творения своих братьев по перу (…*в* ***прекрасной*** *балладе Дмитриева* «Станционный смотритель»). Впрочем, иногда А.С. Пушкин незлобно иронизирует над творческими принципами своих современников, противопоставляя им реалистическое изображение жизни в своих повестях, или иронизирует над излишне пространными описаниями западноевропейских прозаиков. В повестях А.С. Пушкина нет подробных описаний (деталей портрета, одежды, подробностей любовных объяснений и т.п.), сюжет развивается крайне динамично.

Кроме того, в повестях называются символические имена, например, античных богов, названий литературных произведений или их персонажей, приводятся фразы из английского, немецкого, итальянского, латинского языков, особенно много из французского, что вполне естественно для его времени. Поскольку изданные для школьников тексты анализируемых повестей обычно снабжены соответствующими комментариями о подобных реминисценциях и вдумчивый читатель имеет возможность осмыслить широту и информативность художественного пространства повестей, мы приведем только один пример:

Музыка играла ***завоеванные*** *песни: Vive Henri-Quatre, тирольские вальсы и арии из Жоконда* («Метель»). В одном предложении выражена культурная составляющая эпохи после Отечественной войны, проникновение на русскую почву целого потока образцов французского искусства. В частности, в этой фразе говорится о комедии французского драматурга Шарля Колле «Выезд на

охоту Генриха IV» и о комической опере Николо Изоара «Жоконд, или Искатель приключений». Стоит обратить внимание учащихся на определение *завоеванные (песни)*: так автор говорит и о восприимчивости русской культуры, и об особенностях нашей армии – из побежденной страны победители вывезли не материальные ценности, а духовные, то есть приобщились к искусству бывшего врага.

Во всех произведениях этого цикла А.С. Пушкин особое внимание уделяет проблеме нравственности. Общие идеи цикла «Повестей … Белкина» – это нравственная эволюция личности, зависимость судьбы человека от других людей («Выстрел», «Станционный смотритель») и даже от природы, рока, столкновение общепризнанных житейских представлений и неожиданности, парадоксальности жизни («Метель»), соседство жизни и смерти, ответственности за все совершенное, за нечестные поступки, некогда совершенные («Гробовщик»). Герои А.С. Пушкина духовно перерождаются в лучшую сторону, приобретая черты совестливого, доброго, благородного человека под влиянием пережитых коллизий, и именно это и оказывается залогом счастливого конца у повестей.

Состав персонажей, их интересов, занятий и поступков во всех повестях соответствует своему времени и своей социальной среде. Так, главный герой повести «Выстрел» Сильвио фанатично одержим идеей отомстить графу, когда-то оскорбившему его. Причем, отомстить ему он намерен в тот момент, когда тот не сможет уже, как при первой их дуэли, равнодушно принять свою смерть (*перед своей свадьбой*). Для этого Сильвио шесть лет готовился к отложенному им выстрелу, упражняясь в стрельбе в ожидании нужного момента, и даже отказался от дуэли с оскорбившим его поручиком, рискуя утратить уважение в офицерской среде, чтобы сохранить себя для главной цели жизни – осуществить отложенный выстрел в графа. Но когда долгожданный момент наступил, Сильвио пощадил графа, не убил его и со словами «*Я доволен: я видел твое смятение, твою робость, я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя* ***твоей совести***» выстрелил в картину, и *картина была прострелена двумя пулями, всаженными одна на другую* (как свидетельство о высочайшей точности стрельбы). Сильвио стало достаточно морального удовлетворения, смерть обидчика для него потеряла всякий смысл, и, главное, по-человечески ему стало жаль и графа, и его молодую жену (*Маша бросилась к его ногам*). Он проявил здесь высокое благородство и в данной ситуации, безусловно, морально возвысился над графом. Граф же после пережитого действительно устыдился своих поступков и отдает должное благородству Сильвио. Поэтому он честно рассказывает о случившемся новому знакомому. На вопрос гостя о повесе, который когда-то дал пощечину Сильвио: *Я сам, - отвечал граф с видом* ***чрезвычайно расстроенным,*** *– и простреленная картина есть памятник последней нашей встрече.* И граф рассказывает о последней своей дуэли с Сильвио после слов *он знает, как я обидел его друга: пусть же узнает, как Сильвио* ***мне отомстил.*** Фактически граф как сильный духом человек обличает себя, и сейчас это уже

совсем другой, нравственно обновленный человек, осознавший своё неприглядное поведение после последней дуэли с Сильвио. Неслучайно он уже четыре года *не брал в руки пистолета*. В этой повести А.С. Пушкин, с одной стороны, утверждает крепость здоровых начал в личности человека, а с другой стороны, - показывает, как благородные поступки человека могут преображать самосознание окружающих людей. В этой повести изображается также традиционный тип русского человека, для которого честь всегда важнее, чем сама жизнь. И это не только граф и Сильвио, есть еще и поручик Р***, который готов к дуэли с Сильвио, хотя абсолютно уверен в том, что для него это – верная смерть.

Героиня повести «Метель» Марья Гавриловна «вырастает» из своих романтических увлечений, находит в себе силы сохранить свою страшную тайну о странном венчании с незнакомым человеком и навсегда смириться с одиночеством, как это и полагалось по христианским правилам (тем самым наказать себя за допущенное некогда легкомыслие). А обвенчавшийся тогда с ней бывший ветреным повесой Бурмин (*в то время я так мало полагал важности в преступной моей проказе)* пытался-таки *отыскать ту, над которой подшутил я так жестоко* и тоже чувствует себя несчастным, и тоже приготовился к одиночеству до конца своих дней как уже обвенчавшийся, то есть женатый человек в соответствии с правилами церкви.

Еще большие страдания испытал неудавшийся жених, опоздавший на венчание из-за метели, – армейский прапорщик Владимир, когда понял, каким подлецом он выглядит в глазах Марьи Гавриловны: сам уговорил свою возлюбленную тайно с ним обвенчаться и не приехал на венчание – *он схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти.* Чувствуя себя виновным в ужасном оскорблении Марьи Гавриловны, Владимир тоже сам себя наказывает: морально он уже не смог воспользоваться *неожиданным счастьем* – согласием родителей своей возлюбленной на их брак. В ответ на их согласие он *просил забыть о несчастном, для которого смерть остается единою надеждою,* и уехал в армию. (Это было в 1812 году. Прапорщик храбро воевал и *был в числе отличившихся и тяжело раненных под Бородином. ...он умер в Москве накануне вступления французов)*. Таким образом, герои этой повести стараются быть честными прежде всего перед самим собой, не загрязнять свою душу даже тайными неблаговидными поступками. А богатые ненарадовские помещики, родители Марьи Гавриловны, видя тяжелую болезнь дочери, как им казалось, оттого, что она была *смертельно влюблена*, согласились на брак своей дочери с бедным армейским прапорщиком. То есть проявили сердечность и доброту, сочтя желание дочери более важным, чем приумножение материального достатка.

Повесть «Станционный смотритель» начинается с увещевания читателей по поводу грубого и несправедливого отношения к станционным смотрителям, которых всякий проезжающий *почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам.* Автор повести обращается к читателю с призывом: *Будем однако справедливы,*

постараемся войти в их положение и, может быть, станем судить о них гораздо снисходительнее. Далее следует подробный рассказ о сложностях служебных обязанностей станционного смотрителя, который в силу ряда объективных обстоятельств не в состоянии удовлетворить требования дать им лошадей абсолютно всех проезжающих. *Вникнем во все это хорошенько, и вместо негодования сердце наше исполнится искренним состраданием,* Автор обращается к читателю, не противопоставляя ему и себя лично (*сердце* ***наше*****),** поскольку все, кто сталкивается со станционными смотрителями, ведут себя одинаково: *Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался?* – (знаменитое начало этой повести).

Значим и конец этой повести: бросившая некогда своего отца Дуня (в конце повести – *барыня)* приезжала и ходила на могилу станционного смотрителя, *она легла здесь и лежала долго. А там барыня пошла в село и призвала попа, дала ему денег и поехала, и мне дала пятак серебром – славная барыня!* – пояснил Ванька*, оборванный мальчик, рыжий и кривой.* Нетрудно представить себе, какие чувства испытала Дуня, лежа на могиле отца, о чем она думала, вспоминая свой поступок и, возможно, прося прощение у покойного отца, и почему *лежала долго.* Понятно и то, зачем она *призвала попа:* хотя и с опозданием, но исполнила свой христианский долг в соответствии с народными традициями, то есть сделала то, что и полагалось сделать дочери умершего отца, тем самым в какой-то мере очистив свою душу.

Таким образом, и в тексте, идущем от автора, и в поступках и чувствах персонажей повествователем настойчиво утверждается мысль о необходимости быть честным прежде всего перед собой, стараться не делать того, за что после самому себе будет стыдно, но если уж случилось непоправимое – стараться очиститься от всего того, что в обществе людей считается постыдным, нечестным, подлым. Все герои повестей приходят к пониманию ценности доброты, необходимости исполнения нравственного долга человека, к пониманию ответственности за свои поступки как перед собой, так и перед окружающими человека людьми.

В повести «Барышня-крестьянка» просматривается идея ценности искренних чувств, совестливости и способности человека руководствоваться ими в принятии важных жизненных решений. Герой повести «Барышня-крестьянка» Алексей Берестов *(добрый и милый малый и имел сердце чистое),* несмотря на угрозы отца, заставлявшего его жениться на дочери помещика Муромского (*Ты женишься или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю*), готов жениться на крестьянке. Он уже избавился от наигранного байронизма и становится самим собой, искренним и настоящим, следующим за своими чувствами. Алексей отправляется в дом Муромского, *твердый в своем намерении* отказаться от предложенной ему невесты-барышни (весьма благородно по отношению к своей возлюбленной – «крестьянке Акулине»!), где и застает, к своей огромной радости, свою Акулину (Лизу). Радостно ему еще и оттого, что теперь нет причины для разрыва с отцом, что само по себе для Алексея, как и всякого

человека, очень тяжело. А вот разоблаченная обманщица Лиза, долго дурачившая Алексея, оказалась в ужасно неловком положении, ей радоваться нечему. Она испытала настоящий стыд: *закричала и хотела убежать с криком «Оставьте же меня, сударь; с ума вы сошли?»* (но кричит по-французски, как и положено было барышне, уже не крестьянке). Интересно, с каким результатом она смогла бы выйти из своей затянувшейся авантюры, если бы не появился Алексей в ее комнате этим утром да еще после тяжелой ссоры с отцом (кстати, эта ссора – следствие обмана Лизы: обман уже привел к плохим последствиям). Еще неизвестно, как Алексей отнесся бы к ее обману в иной ситуации разоблачения обманщицы. Ведь честный человек вправе требовать честности и от других. Так в этой повести провозглашается ценность искренности, честности и душевной чистоты личности. Проявленные Алексеем такие качества и привели, скорее всего, к благополучной развязке этой истории, поскольку повесть заканчивается возгласом Муромского *да у вас, кажется, дело совсем уж слажено*. Впрочем, сам ее автор не стал продолжать свое повествование *…читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку*. Возможно, автором тоже владели противоречивые чувства по поводу того, как Алексей должен был отреагировать на обман Акулины-Лизы... Хотя для А.С. Пушкина любимая женщина – *гений чистой красоты*, и не в его правилах упрекать даму, призывать ее к ответу и т.п., к тому же, если он в этих повестях убеждает читателя в ценности доброты и прощения обидчиков, иная развязка в данном случае не соответствовала бы нравственным принципам автора.

Литература становится поистине художественной только тогда, когда автор ведет диалог со своим читателем. Элитарность текста повестей А.С. Пушкина определяется также особенностями создаваемого им образа читателя. Для А.С. Пушкина читатель интеллектуально равный ему. Его читатель – это человек с развитым эстетическим вкусом, начитанный, знающий иностранные языки, он умен и образован, способен уловить отголоски произведений, включенных в ткань повествования: ***Просвещенный читатель*** *ведает, что Шекспир и Вальтер Скотт оба представили своих гробокопателей людьми веселыми и шутливыми, дабы сей противоположностию сильнее поразить наше воображение* («Гробовщик») (А.С. Пушкин рассчитывает на знание читателем шекспировского «Гамлета» и «Ламермурской невесты» Вальтера Скотта).

Читатель А.С. Пушкина обладает смекалкой, жизненной мудростью, что позволяет ему предугадывать ход событий: ***Читатель догадается****, что на другой день утром Лиза не замедлила явиться в роще свиданий* («Барышня-крестьянка»). *Алексей* ***(читатель уже узнал его)*** *между тем пристально глядел на молодую крестьянку* («Барышня-крестьянка»).

А.С. Пушкин тонко воспитывает своих читателей, пробуждает в них чувство сострадания и справедливости, избегая прямых назиданий:

Что такое станционный смотритель? Сущий мученик четырнадцатого класса, огражденный своим чином токмо от побоев, и то не всегда ***(ссылаюсь***

на совесть моих читателей) («Станционный смотритель»). Чин четырнадцатого класса присваивался людям из низов, выполняющих государственную службу, при этом продвижение по «лестнице чинов» у них было маловероятно. На протяжении долгого времени станционные смотрители вообще не имели чина: он был введен для того, чтобы избавить их от постоянных унижений со стороны чиновников более высокого класса. Но, конечно, чин не всегда спасал станционных смотрителей от рукоприкладства, поэтому А.С. Пушкин и взывает к совести своего читателя.

Писатель воспитывает и читательский вкус у своего читателя, эстетическую составляющую такого вкуса, прививает читателю сдержанность и деликатность, отмеряя границу проникновения в совершенно личные отношения между людьми, в частности, у влюбленных. При этом А.С. Пушкин иронично ставит уже себя самого ниже читателя в этом отношении:

Если бы слушался я одной своей охоты, то непременно и во всей подробности стал бы описывать свидания молодых людей, возрастающую взаимную склонность и доверчивость, занятия, разговоры; но знаю, что ***большая часть моих читателей не разделила бы со мною моего удовольствия*** («Барышня-крестьянка»). Современные А.С. Пушкину романы, преимущественно западной литературы, изобиловали подробнейшими описаниями любовных излияний. *Марья Гавриловна была воспитана на французских романах и,* ***следственно****, была влюблена* («Метель»). Словом *следственно п*исатель передает дух эпохи, когда именно любовные романы составляли единственный круг чтения дамского общества и, безусловно, формировали личности всех барышень. А.С. Пушкин же не принимает приторной сентиментальности, смакующей подробности интимных и вообще личных отношений, всем своим творчеством провозглашая принцип сдержанности и содержательности при максимальной краткости повествования.

Несомненно уважительное отношение автора повестей к читателю, доверие к нему и – как следствие – желание поделиться рассказом о человеке, с которым его сблизили обстоятельства:

Легко можно догадаться, что есть у меня приятели ***из почтенного сословия смотрителей****. В самом деле, память одного из них мне драгоценна. Обстоятельства некогда сблизили нас, об нем-то намерен я теперь побеседовать* ***с любезными читателями*** («Станционный смотритель»). Глагол *побеседовать* говорит о стремлении автора наладить диалог с читателем в самом начале своего повествования.

Таким образом, «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», написанные А.С. Пушкиным, побуждают читателя к размышлению о нравственном долге человека, об ответственности его перед другими людьми за свои поступки, о высокой цене совестливости, честности и доброты, тем самым побуждают читателя к пониманию необходимости сохранения духовного здоровья нации как опоры в противостоянии злу.

Список литературы

1. Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина // Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 3: Статьи и рецензии 1843-1848. М.: ОГИЗ: Госуд. издат. худож. лит-ры, 1948. 928 с.

2. Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя. СПб.: Искусство, 1995. С. 21 – 184.

УДК 882: 417.3

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ КОДЫ ЮЖНОГО СВЕРХТЕКСТА: ОПЫТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ШУРУПОВА ОЛЬГА СЕРГЕВНА
д. филол. наук, доцент, доцент кафедры английского языка,
Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Россия, г. Липецк, shurupova2011@mail.ru

В статье рассматривается южный сверхтекст русской литературы, подвергаются лингвокультурологическому анализу его основные культурно-языковые коды, связанные с концептами *море, воды, кипарис, луна* и т.д. Сделан вывод, что ключевой для данного сверхтекста является мифологема «город-мечта».

Ключевые слова: язык, культурологический контекст, культурный код, локальный сверхтекст, южный город, мифологема, город-мечта.

По словам Б. Уорфа, «мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком… Мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [14, с. 213]. Доступ к данным о специфике национального мироприятия может быть получен посредством сверхтекста как открытой системы текстов, которые образуют единую мифотектоническую парадигму, характеризуются сходной модальной установкой и в концептосферах которых проявляется общая сверхтекстовая картина мира. Культурно значимая информация присутствует в подобном объединении текстов как в эксплицитной форме (сверхтексты, как правило, посвящены ключевому для данной культуры феномену), так и в имплицитной, связанной с общим для всех составляющих сверхтекста восприятием какого-либо локуса.

В тексте и сверхтексте проявляются четыре основных уровня культурологического контекста: денотативный, когда культурные смыслы выражены эксплицитно; коннотативный, на котором культурно-значимая информация содержится в экспрессивно-эмоционально-оценочных коннотациях; ассоциативный, когда культуроспецифичные компоненты представлены в ассоциативных связях лексических единиц; метафорический,

объединяющий культуроспецифичные сведения, получающие отражение в тропах [3, с. 68].

По нашей мысли, денотативный культурологический контекст извлекается применительно к локальному сверхтексту из топонимов, а также слов – культурных маркеров, репрезентирующих концепты, связанные с ключевыми для культурного сознания символами данного города. Уровень коннотативного контекста предполагает, что культуроспецифичная информация содержится в семантике репрезентантов того или иного концепта. Ассоциативный уровень культурологического контекста отражает устойчивые ассоциативные связи, присущие данным лексическим единицам. Например, Петербург является у носителей русского языка культурной столицей, Москва предстает в традиционном сознании как благодатный Третий Рим и т.д. Устойчивые ассоциативные связи слов-репрезентантов, ключевых для данной лингвокультуры концептов отражают «черты того автостереотипа, который складывался в национальном самосознании на протяжении многих лет» [3, с. 69]. Метафорический контекст объединяет паремии, крылатые выражения, цитаты из литературных произведений, то есть текстовое выражение национальной культуры.

Таким образом, основной чертой лингвокультурологического исследования концептосферы сверхтекста является учет того, что в основе сверхтекста лежат культурные коды, которые могут быть интепретированы посредством анализа его языковой ткани. Подвергая анализу денотативный и сигнификативный аспекты данного текста или сверхтекста, рассматривая, из чего складывается его экспрессивность, исследователь подходит к сверхтексту как к знаку «языка» культуры.

В данной статье хотелось бы обратиться к до сих пор не подвергавшемуся систематическому исследованию сверхтексту, связанному с образом южного города. Говоря о культурном облике русских городов, Митрофанов подчеркивает, что, несомненно, в русской литературе присутствуют образы южных городов («Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Дама с собачкой» и «Дуэль» А.П. Чехова, «Белый пудель», «Гранатовый браслет», «Морская болезнь» А.И. Куприна, «Сандро из Чегема», «Школьный вальс, или Энергия стыда» Ф. Искандера и т.д.). Однако в современной науке о языке практически отсутствуют описания особенностей подобного сверхтекста, за исключением работ о Крымском тексте [10], которые носят в большей степени литературоведческий характер и посвящены преимущественно анализу поэтических текстов.

Едва ли возможным представляется говорить о самостоятельных Ялтинском, Анапском, Сухумском или Пятигорском текстах русской литературы. Однако анализ текстов, посвященных этим городам, позволяет сделать вывод, что их восприятие русским культурным сознанием имеет много сходного.

Обязательным этапом исследования локального сверхтекста с лингвокультурологической точки зрения является его реконструкция

городского сверхтекста художественной литературы, включающая определение круга составляющих сверхтекста – «профилированное чтение» текстов, в которых присутствует данный внетекстовый субстрат, связанный с образом того или иного локуса; выявление сходных культурных маркеров сверхтекста, характерных для всех его составляющих и реализующих общие культурные смыслы; выявление особенностей мифотектоники локального сверхтекста, то есть выявление его основных мифологем. В дальнейшем необходимо исследование особенностей репрезентации и интерпретации ключевых концептов сверхтекста, которое даст возможность сделать вывод о характерной для него сверхтекстовой картине мира.

Ядерным концептом этого сверхтекста может быть признан концепт *южный город*, получающий репрезентацию в словах и словосочетаниях *курорт, наш город,* в именах собственных *Ялта, Симферополь, Тамань, Пятигорск, Кисловодск, Алупка, Севастополь* и т.д., а также в выдуманных писателями топонимах, например, *Мухус.* Слово *город* сочетается в пределах сверхтекста с прилагательными *чистенький, новенький*, с одной стороны, и *скверный, маленький, скучный, пустой, вымирающий* – с другой. Связанное с подобным городом концептуальное поле включает метафоры «декорация», «амфитеатр», «сказка». Если основополагающей чертой Ташкентского текста отечественной литературы является то, что в нем описывается город прошлого, «былой город, уходящий из русской культуры» [13, с. 11], то главным в описании южного, курортного города становится его восприятие как временного места пребывания, как города, жизнь в котором нередко превращается в своего рода праздник. Такой город, в котором герои текста проводят короткое время, чтобы вновь вернуться к обыденной жизни вдали от южной экзотики, совершенно не похож на Петербург или Москву. Вошедшие в сверхтекст произведения объединены отношением к южному городу как месту отдыха, где нет такой шумной и бурной трудовой жизни, как в столице, и где возможно хотя бы на время забыть о своих обязанностях. Такими, праздничными и не похожими на другие города, кажутся южные места герою рассказа А.И. Куприна «Белый пудель»: «Там действительно места – есть на что посмотреть. Сейчас, примерно сказать, пойдут тебе *Сочи, Адлер, Туапсе*, а там, братец ты мой, *Сухум, Батум*… Глаза раскосишь глядемши… Скажем, примерно – пальма. Удивление! Ствол у нее мохнатый, на манер войлока… Да мало ли там чего? Апельцын, например, или хоть, скажем. Тот же лимон… Просто так себе и растет в воздухе. Без ничего, прямо на дереве, как у нас, значит, яблоко или груша… И народ там, братец, совсем диковинный…» [5, с. 183-184].

Подобное место воспринимается героями сверхтекста как сказочное, причудливое, театральное. Здесь невозможна обычная жизнь: праздные, нарядные люди проводят время, бесцельно прогуливаясь по бульварам, «обедая, гуляя, восхищаясь морем» [11, с. 370] и прекрасными видами: «Внизу передо мною пестреет чистенький новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа – а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все

синее и туманнее» [9, с. 510]; «Густой парк Ореанды, благородные развалины Мраморного дворца, красный дворец Ливадии, правильные ряды виноградника на горах, и вот, наконец, включенный в подкову гор, веселый, пестрый амфитеатр Ялты, золотые купола собора, тонкие, стройные, темные кипарисы, похожие на черные узкие веретена, каменная набережная и на ней, точно игрушечные, люди, лошади и экипажи [8, с. 78]. Существование данного пространства определяет основной принцип, связанный с весельем, развлечениями, отдыхом. Это не такой город, как все – здесь можно жить иначе, чем в столице, деревне, других городах. Все здесь видимым образом подчинено идее отдыха, и, на первый взгляд, главной мифологемой сверхтекста можно признать «город-рай».

Однако герои сверхтекста, как правило, остро ощущают кратковременность, непрочность, неправдоподобность той внешне беззаботной жизни, которую могут вести в подобном городе, и даже стремятся к привычному северу. Лермонтовскому Печорину шум моря напомнил «старые годы, перенес мысли… на север, в нашу холодную столицу» [9, с. 504]. Чеховский Гуров, провожая Анну Сергеевну, размышляет: «Пора и мне на север» [11, с. 372]. Прочь от моря и гор стремится и студент Воскресенский из рассказа А.И. Куприна «Корь»: «…Не люблю юга. Здесь все как-то масляно, как-то… не знаю… чрезмерно… Нет наших северных зорь с запахом молодой травки, нет поэзии сумерек, с жуками, с соловьем, со стадом, бредущим в пыли. Какая-то оперная декорация, а не природа… Скверный народишко – ленивый, сладострастный…» [7, с. 228]. На север хочет бежать и Лаевский из рассказа А.П. Чехова «Дуэль»: «К соснам, к грибам, к людям, к идеям… Колодцем представляется мне твой великолепный Кавказ» [5, с. 382]. О возвращении к привычной, обыденной жизни мечтает, находясь в Севастополе, и персонаж романа современного автора Е.В. Гришковца «Театр отчаяния. Отчаянный театр»: «Ну ничего!.. Будем жить… Будем учиться и работать… Нормально…» [2, с. 590].

Если север связан в воображении персонажей сверхтекста с обычной и вполне реальной жизнью, то юг представляет собой нечто временное, преходящее, отвлекающее от подлинной действительности. Южный город прекрасен лишь для вновь прибывших в него людей, тогда как привыкшие к нему ощущают, что в его праздной, тягучей жизни кроется нечто опасное.

Исследование локального сверхтекста предполагает выделение концептов, связанных с доминантными точками данного города – его главными зданиями, улицами и т.д. В южном сверхтексте такой точкой, бесспорно, является море (в таких городах, как Пятигорск и Кисловодск, море в какой-то степени заменяют воды, и съехавшиеся туда люди с удовольствием посещают в первой половине дня колодец, где пьют воды, чтобы затем отправиться в другие увеселительные места): «По случаю волнения на *море* пароход пришел поздно» [11, с. 367]; «Ей были видны море до горизонта, пароходы, люди на берегу, город, и все это вместе со зноем и прозрачными нежными волнами раздражало ее и шептало ей, что надо жить, жить» [12, с. 405]; «Жаркий юго-

восточный ветер развел на *море* крупную зыбь… Горячие, качающиеся волны не освежали, не удовлетворяли тела, а, наоборот, еще больше истомляли и раздражали его». Море всегда неспокойно, всегда волнуется, и это словно бы раздражает, вселяет в душу человека тревогу. Так Печорин ощущает, как волнение моря охватывает и его самого: «…Передо мной тянулось ночною бурею *взволнованное* море… *Волнуемый* воспоминаниями, я забылся» [9, с. 504]. В рассказе А.И. Куприна «Морская болезнь» волнение на море и вовсе губит героиню, наполняя ее «томительным, противным, предсмертным ощущением обморока» [8, с. 75]. В шуме волн как бы слышится нечто потустороннее, «бесконечно далекое, невообразимое время, когда Бог носился над хаосом» [12, с. 464).

Своеобразным символом юга становятся в пространстве сверхтекста кипарисы – деревья, связанные со смертью: «Город со своими *кипарисами* имел совсем мертвый вид» [11, с. 369]; «Стройные, темные, пахучие *кипарисы* медленно кивали своими острыми верхушками с задумчивым и укоряющим выражением» [5, с. 207].С одной стороны, они украшают город, с другой – таят в себе скрытую угрозу, напоминание о трауре и смерти.

О смерти напоминает и то, что действие в составляющих сверхтекста нередко происходит лунной ночью. Так, когда Гуров и Анна Сергеевна («Дама с собачкой» А.П. Чехова) впервые гуляют, они замечают, как странно освещено море: «вода была сиреневого цвета, такого мягкого и теплого, и по ней от *луны* шла золотая полоса» [11, с. 366]. Концепт луна реализует в южном сверхтексте почти исключительно негативные признаки: «А эти *лунные* ночи, черт бы их драл!.. Одно мучение. Море лоснится, камни лоснятся, деревья лоснятся… Цикады дурацкие орут, от луны никуда не спрячешься. Противно, беспокойно как-то, точно тебя щекочут по носу соломинкой» [7, с. 228]; «Сквозь широкие окна лился в комнату бледный свет месяца, стелился косым, дрожащим переплетом по полу и, падая на спящих вповалку людей, придавал их лицам страдальческое и мертвое выражение» [5, с. 205]. Впрочем, негативные признаки свойственны данному концепту в русской картине мира в целом. Луна – источник света, но тусклого, неверного, и в то же время она появляется на небе ночью, в темноте. Исследуя роман Л.Н. Толстого «Война и мир», А.И. Есаулов также подчеркивает лживость, обманчивость лунного света, который запутывает отношения между героями романа. Лунный свет в отечественной традиции обычно связан с призрачностью и уходом от истины. Обращаясь к исследованиям П. Флоренского, А.Ф. Лосева, В.В. Розанова, И.А. Есаулов доказывает, что оппозиция солнца и луны, заявленная митрополитом Илларионом, получает отражение в русской религиозно-философской мысли, которая «достаточно определенно характеризовала мифологию лунного света» [4, с. 233]. Исследователь демонстрирует, как негативная смысловая окрашенность лунного света проявляется в русской литературе: в произведениях А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.А. Булгакова.

В южном тексте отечественной литературы концепты *луна и ночь* занимает особое место. Ночь здесь – время смутной опасности, подстерегающей незадачливого путешественника. Ночью переживает различные приключения Печорин, готовится к дуэли Лаевский, ночью Сергей из рассказа А.И. Куприна «Белый пудель» предпринимает попытку вернуть украденную собаку и переживает смертельный ужас, убегая от погони. Ночью студент Воскресенский («Корь» А.И. Куприна) украдкой бежит из дома Завалишиных, а Елена из рассказа «Морская болезнь» с отвращением вспоминает «ужас и позор прошедшей ночи» [6, с. 75]. Гуров и Анна Сергеевна тоже предпринимают поездки в горы поздним вечером.

Лунной, неестественно красивой южной ночи противостоит яркий, солнечный день, когда море успокаивается и люди кажутся «успокоенными и очарованными в виду этой сказочной обстановки – моря, гор, облаков, широкого неба» [11, с. 370]. «День был жаркий, безветренный. Море лежало спокойное, ласковое, нежно-изумрудное около берегов, светло-синее посредине…» [7, с. 248]. Но именно ночью персонажам сверхтекста открывается нечто таинственное, пугающее, и они смутно понимают, что «жизнь дается один раз, не повторяется» [11, с. 462]. Днем же они праздно прогуливаются по бульвару или по набережной, представляющим собой доминантные точки городского пространства, куда приходят все персонажи сверхтекста: «спустясь в середину города, я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп» [9, с. 510]; «На *набережной*, около часовни, было у проводников нечто вроде биржи. Там они расхаживали по утрам вдоль каменного парапета» [6, с. 138]; В центре Севастополя над *набережной* поднимались белые, гордые здания. Почти античные храмы, почти римские дворцы» [2, с. 588].

Можно обратить внимание на разнообразие случаев репрезентации звуковых и одорических концептов в пределах данного сверхтекста. Южный город наполнен базарным шумом, криком цикад и кузнечиков, глухим рокотом моря. Разнообразны наполняющие город запахи, то приятные, то отталкивающие: «Моя комната наполнилась запахом цветов… Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна» [9, с. 510]; «Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка» [9, с. 510]; «Живительный горный воздух, воздух Кисловодска располагает к любви; [9, с. 551]; «Море в Ялте пахло дохлой рыбой и йодом и было похоже на грязную лоханку с глинистой водой, улицы воняли конским навозом,… в номерах пахло копотью керосинок и грязным бельем, но попадья на открытках … восторженно писала, что она наслаждается чудным морским воздухом и бальзамическим благоуханием горных лесов. И писала совершенно искренно» [6, с. 142]. Приятными звуки и запахи города являются для новичков, а привыкшие к нему, пресыщенные южной негой люди ощущают от них усталость и отвращение.

Локальные сверхтексты можно разделить на три группы: те, что строятся на основе принципа единства, бинарности или тернарности, а также на монокодовые, в основе которых лежит одна основная мифологема,

определяющая их мифотектонику, и поликодовые, организованные вокруг двух и более мифологем, благодаря которым в пределах сверхтекста можно выделить несколько мифотектонических блоков.

В данном локальном сверхтексте можно отметить случаи бинарного противостояния концептов: *день-ночь, солнце-луна, жизнь-смерть*. Его мифотектоника вряд ли может быть сведена к описанию мифологемы «город-рай», привычной, например, для Ташкентского текста русской литературы. В данном случае создается такое сверхтекстовое пространство, в котором все внешне яркое, блестящее, сказочное предстает не совсем таким, как на самом деле, где человеку легко обмануться, ошибиться, совершить серьезную ошибку. Южный город кажется раем только новичку, тогда как поживший в нем некоторое время человек ощущает тревогу и даже некую странную близость смерти и стремится домой, на север. Если обратиться к классификации связанных с городом мифологем, предложенной М.Г. Водневой, можно отметить близость к данному сверхтексту мифологемы «город-мечта» [1]. Южный город действительно представляет собой то место, о котором можно мечтать, куда можно стремиться, подобно наивному Сергею из рассказа «Белый пудель» А.И. Куприна, Лаевскому и Надежде Федоровне из «Дуэли» А.П. Чехова или попадье из рассказа А.И. Куприна «В Крыму (Меджид)». Однако эта мечта, как правило, остается недостижимой, и лишь ощутимее становятся для героев данного сверхтекста «страдания, ошибки и скука жизни» [6, с. 479].

Список литературы

1. Воднева М.Г. Национальная и индивидуально-авторская концептуализация понятия «город» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Краснодар, 2011. 22 с.

2. Гришковец Е.В. Театр отчаяния. Отчаянный театр. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. 912 с.

3. Добросклонская Т.Г. Лингвокультурная глобализация и способы передачи культурнозначимой информации в медиатекстах // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2014. С. 64-70.

4. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание. СПб.: Изд-во РХГА, 2017. 550 с.

5. Куприн А.И. Белый пудель // Собр. соч.: В 9-ти томах. М.: Б-ка «Огонек»; Изд-во «Правда», 1964. Т. 3. С. 180-211.

6. Куприн А.И. В Крыму (Меджид) // Собр. соч.: В 9-ти томах. М.: Б-ка «Огонек»; Изд-во «Правда», 1964. Т. 5. С. 136-152.

7. Куприн А.И. Корь // Собр. соч.: В 9-ти томах. М.: Б-ка «Огонек»; Изд-во «Правда», 1964. Т. 5. С. 226-249.

8. Куприн А.И. Морская болезнь // Собр. соч.: В 9-ти томах. М.: Б-ка «Огонек»; Изд-во «Правда», 1964. Т. 5. С. 59-83.

9. Лермонтов М.Ю. Герой нашего времени // Сочинения: В 2-х т. Т. 2. М.: Правда, 1990. С. 456-590.

10. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.

11. Чехов А.П. Дама с собачкой // Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Библиотека «Огонек»; Изд-во «Правда», 1970. Т. 6. С. 364-385.

12. Чехов А.П. Дуэль // Собр. соч.: В 8-ми т. М.: Библиотека «Огонек»; Изд-во «Правда», 1970. Т. 4. С. 377-479.

13. Шафранская Э.Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М.: АртХаус медиа, 2010. 304 с.

14. Whorf B.L. Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. John B. Carroll. New York: Wiley, 1956. 289 p.

УДК 81:008

КОНЦЕПТ «ЗАГРАНИЧНЫЙ» КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ В СТРУКТУРЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «МОДА»

ЯГАФАРОВА ЛИЛИЯ ТАЛГАТОВНА
к. филол. наук, доцент кафедры филологии,
Университет управления «ТИСБИ»,
Россия, Республика Татарстан, г. Казань, yagafarovaliliya06@mail.ru

Статья содержит анализ концепта *заграничный*, который рассматривается в рамках концептосферы Мода в отечественной массовой литературе XX столетия. Романы авторов современной массовой литературы (А. Берсенева, И. Стогов), будучи отражением общественного сознания современных носителей языка, являются хорошим материалом для исследования культурно релевантных концептов, таких, как *заграничный*. Концептуальный анализ показал наличие единиц, вербализующих концепт как эксплицитным, так и имплицитным способами. С помощью контекстуального метода были определены ценностные категории, а статистический анализ показал культурную релевантность концепта в отечественной лингвокультуре.

Ключевые слова: мода, заграничный, концепт, массовая литература, культура, концептосфера, ядро, периферия.

Концепт ***заграничный*** в структуре концептосферы Мода получил широкое распространение уже с начала XX века, времени появления первых дизайнеров и создания модных мировых тенденций.

Целью данной статьи является характеристика самого распространенного в современной лингвокультуре концепта *заграничный* в структуре концептосферы *Мода* отечественной массовой литературе конца XX столетия. Именно поэтому нами поставлены следующие задачи:

1) с помощью языковых единиц определить концепт *заграничный* в структуре концептосферы Мода русской лингвокультуры на основе отечественных массовых романов;

2) выявить концептуальные признаки и описать особенности языковой репрезентации концепта *заграничный*.

Реализация этих задач осуществилась благодаря применению следующих методов:

- метода концептуального анализа художественного текста (анализ осуществляется по образцу, примененному Ю.Н. Карауловым в работе «Русский язык и языковая личность» [5], уточненному в соответствии с характером материала и целью нашего исследования), предполагающего выявление концептов и способов их вербализации;

- статистического метода с употреблением приема количественного анализа, обеспечивающего точность в выявлении частотности концептов и концептуальных признаков;

- контекстуального анализа, позволяющего выявить ценностные смыслы в текстах.

Концепт *заграничный* составляет ядро концептосферы *Мода* наряду с другими концептами, определяющими ценностное пространство модного феномена: *лейбл, престиж, дороговизна, соблазнительность*. Концепт *заграничный* призван дифференцировать моду по национально-культурному признаку.

Концептуальный анализ показал, что данный концепт встречается в текстах массовой литературы очень часто, кроме того, можно считать, что *заграничный* является ключевым понятием в сфере моды, что подтверждает количественный состав лексем (68 лексем, повторяющихся 676 раз в 19 текстах). По словам Г.В. Токарева, показателем актуальности того или иного явления для лингвокультурного общества является количественный и статистический аспекты репрезентации [7].

В результате анализа было выяснено, что концепт *заграничный* имеет следующую структуру: ядро и периферию. Ядерное пространство концепта вербализуется эксплицитно – лексемами, явно, открыто актуализирующими данный концепт:

- лексемами – контекстуальными синонимами доминанты: ***импортный*** (*«Быть актрисой значило надевать каждый вечер наряды… импортные платья. Но эти необыкновенные наряды… Без них Аля жить не могла»* [2, с. 32];

- лексемами, вступающими в родовидовые отношения друг с другом и представляющими собой гипонимы по отношению к доминанте концепта: ***японский, европейский, лондонский, английский, французский, парижский*** (*«Платье … из Японии… Да оно и просто красивое было, это платье! Восточный узор сочетался с изысканным европейским изяществом, и это создавало особенный, утонченный стиль…»* [2, с. 246]; *«Лондонское платье с цветочными абрисами мелькнуло в шкафу…»* [4, с. 198]; *«…у меня промокли дорогие английские ботинки»* [6, с. 108]; *«Бутик, в котором она в прошлый раз купила восхитительное французское белье, находился поблизости, на рю Дофин»* [1, с. 151]; *«Видно было, что само количество роскошных вещей,*

которые Лола купила в свой первый приезд в Париж, доставило ему буквально физическое удовольствие. Он рассматривал все эти… туфли…как будто они могли разговаривать…» [1, с. 142].

Периферию концепта *заграничный* лексемы актуализируют имплицитным способом – лексемами, скрыто, неявно объективирующими концепт через какие-либо признаки: ***дефицитный, отличный, шанелевский*** (*дефицитный («– Видно, родители у тебя обеспеченные, – поджала губы Тамара Григорьевна, – раз имеют доступ к дефицитным товарам… Так вот, блузочка твоя… У нас тут, Аннушка, такая блузочка (батник) только у жены полковника Процевича есть»* [3, с. 241]; *«А платье было отличное, в этом сомневаться не приходилось. Оно было французское, и от него веяло той благородной простотой, которую любил Илья. Черное и одновременно дымчатое…» [3, с. 192];«Она выбрала оптимальное сочетание простоты и дороговизны: платье из черного шелка в шанелевском духе…» [1, с. 193]*.

Номинативная плотность концепта ***заграничный:*** 1) лексемы, совпадающие с доминантой концепта, и ее однокоренные слова (*заграничный*) **23 раза – 3%**; 2) *французский (153), парижский (135), итальянский (53), английский (158), японский (26), европейский (2), американский (64), югославский (6)* – **610 раз – 95%;** 3) лексемы, являющиеся синонимами к доминанте концепта *(импортный (13)* – **13 раз – 2%.**

Будучи одним из важных ориентиров, концепт *заграничный* имеет следующие признаки:

1) определение качества продукта на основе происхождения; в настоящее время тенденция приоритета заграничной моды, преимущественно французского и английского производства, отчетливо проявляется;

2) ценностный потенциал; зачастую страна производства товара определяет его значимость и ценность;

3) показатель статуса носителя модной вещи; импортность происхождения вещи подразумевает наличие возможности его обладателя приобретать ее либо за границей, либо по высоким ценам у себя в стране.

Концепт ***заграничный*** репрезентирует понятие «неотечественное производство». Говоря о мире моды, следует отметить, что импортные вещи, в частности французские, всегда играли и играют особую роль. Лидирующие позиции таких вещей в текстах массовой литературы можно проследить и по концептуальному анализу, и по количественному составу единиц, и по ценностному пространству. В оценке героев литературы также вещи заграничного производства имеют большие преимущества по сравнению с отечественной продукцией.

Список литературы

1. Берсенева А. Антистерва. М.: Эксмо, 2007. 384 с.
2. Берсенева А. Стильная жизнь. М.: Эксмо, 2010. 480 с.
3. Берсенева А. Полет над разлукой. М.: Эксмо, 2010. 448 с.
4. Берсенева А. Яблоки из чужого рая. М.: Эксмо, 2011. 448 с.

5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Издание 7-е. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

6. Стогов И. Таблоид. Учебник желтой журналистики. СПб.: Амфора, 2005. 304 с.

7. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (На материале репрезентаций концепта «труд» в русском языке): Монография. Волгоград: Перемена, 2003. 233 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСИОЛОГИИ И ОНОМАСТИКИ

УДК 81'373.2

ЭРГОНИМИКОН СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ГЕРАСИМЕНКО ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА
д. филол. наук, доцент, профессор
кафедры общего языкознания и славянских языков,
Горловский институт иностранных языков,
Донецкая Народная Республика, г. Горловка, iragerasimenko@mail.ru

В статье рассматриваются эргонимы современного Донбасса сквозь призму чистоты русской речи. Цель работы – описать языковые средства актуализации эргонимного ландшафта донецкого края и указать на возможные негативные последствия, вызванные языковой модой, экспансией иноязычных заимствований и орфографической свободой носителей русского языка.

Ключевые слова: эргоним, лингвоэкология, Донбасс, номинация, оним, транслитерация, трансонимизация, чистота речи.

Процессы глобализации, охватившие мир в к. XX – н. XXI вв., развитие деловых и культурных контактов между разными странами и регионами, взаимопроникновение языков и культур, как в зеркале, отразились в современном русском языке. Социально-экономические и политические изменения в жизни общества начала XXI в. сказались на состоянии языка, нашли отражение во всех областях его функционирования, в том числе и в сфере эргонимии.

Каждый регион представлен своим специфическим эргономиконом и способами его актуализации. Эргонимия современного Донбасса имеет своеобразные черты, обусловленные экстралингвистическими факторами – социальными и политическими процессами, происходящими в обществе. Этот пласт лексики отражает языковую моду и орфографические вкусы эпохи. Цель работы – рассмотреть языковые особенности эргонимного пространства донецкого региона сквозь призму чистоты русской речи.

Известно, что региональная ономастическая лексика выступает источником социо- и лингвокультурной информации, «эксплицирующей культурно маркированное и прагматически значимое содержание» [1, с. 44]. Эргонимия Донбасса не стала исключением. В названиях внутригородских объектов донецкого края отражены культурные представления этносоциумов, их ценностные стереотипы, информация об исторических, идейно-политических и эстетических вкусах, традициях и устоях. Кроме того, эргонимное пространство Донбасса оказалось чувствительным к языковой

моде, к экспансии иноязычных заимствований, а также к орфографической свободе носителей русского языка. Поэтому эргонимия Донбасса многослойна, что и является предметом нашего рассмотрения.

Современный Донбасс как сложный лингвосоциальный и лингвокультурный феномен существует в когнитивном контексте, который отобразился в знаменитых слоганах «*Слава шахтёрскому труду*» и «*Донбасс никто не ставил на колени*». Концептуализация Донбасса как шахтёрского и свободолюбивого края через механизмы репликации существует во множестве текстов общего регионального пространства. Среди них эргонимы *гостиница «Шахтарочка», ТРЦ «Декор-Донбасс», стадион «Донбасс Арена», кинотеатр «Шахтёр», Дворец культуры «Кочегарка», СП «Уголёк», ансамбль народного танца «Шахтёрские огоньки», заслуженный ансамбль народного танца «Горняк»*, продуктовый магазин *«Шахтёрский»*. Концептуализация шахтёрской славы Донбасса и его свободы связана с доминирующим дискурсом этого региона – дискурсом Донецкого угольного бассейна и шахтёрского труда.

В эргонимии Донбасса сохранены элементы номинации советской поры. Такими маркерами советского времени выступают номенклатурные наименования предприятий (*«Одежда», «Молоко», «Продукты», «Хозтовары», «1000 мелочей», «Дары природы»*), обладающие информативно-прагматической функцией, и стандартные названия с неявной оценкой *(«Радуга», «Родник», «Восход», «Мелодия»*). Если первая группа номинаций содержит прямое указание на сферу деятельности предприятия, то вторая не демонстрирует обусловленности выбора языковых единиц спецификой объекта наименования. При этом данные группы коммерческих названий подчеркивают связь с культурными традициями в сфере номинации Донбасса.

Отвечая реалиям современной социальной жизни, номинации нового времени обращают на себя внимание именно оригинальным и говорящим содержанием. Такие они мы не всегда сообщают необходимую информацию о предприятии, но легко запоминаются и вызывают положительные эмоции: *«Швейный мир»* (магазин тканей и фурнитуры), *«Акварель»* (салон красоты), *«Интрига»* (салон женского белья), *«Золотая рыбка»* (продуктовый магазин), *«Кофейник»* (кофейня), *«Лавка сладостей»* (кондитерский магазин), *«Розовый слон»* (турагентство) и пр.

Эргонимикон Донбасса отображает процесс глобализации, охвативший все сферы современной жизни и проявивший себя в семиотическом пространстве региона, важным компонентом которого – и одновременно коррелянтом – является коммуникативное, языковое пространство. Влияние английского языка широко представлено в номинациях *ТЦ «Green Plaza», гостиница «Liverpool», спортивный клуб «Myfitness», магазин обуви «Step», магазин одежды и обуви «Podium»* и др. Англицизмы в номинации этих и других эргонимов обладают экспрессивной функцией, придают названию иноязычный «шарм».

К числу *нетранслитерованных эргонимов* Донбасса также принадлежат наименования *Донецкий аквапарк «Aquasferra», магазины «Colin's»,«Shopping»,*

*«Zooland»*и *«Zoolife», «Onelovecoffee», «Prima», «Glance», магазины одежды «Glamour»* и *«Modi»,* салон обуви *«Podium», рестораны «Paradise» и «Barberry», ресторанный комплекс «Family Club»* и *предприятие по производству мебели «Idea».* Данные номинации характеризуются тем, что являются оригинальными языковыми знаками, которые перенесены из языка-источника в том виде, в котором существуют в момент заимствования, поэтому полностью соответствуют своим иноязычным эквивалентам в языке-источнике. Их использование является манипулятивным и, по мнению учёных, несёт реальную опасность в поликультурном мире – смещаются ценности, формируется новый образ престижности.

Иноязычные заимствования занимают значительное место в эргониконе Донбасса. Они представлены единицами разной степени освоенности. Так, существуют номинации, оформленные кириллицей и латиницей. Ср. примеры гибридизации: *Васелёк Tech* (студия веб-дизайна), *Лидер Group* (рекламное агентство). Как заметил В.Г. Костомаров, «громадную роль в определении нынешнего орфографического вкуса следует приписать рекламе и в целом масс-медиа. Формируясь на рубеже лингвистических и графических, точнее – всех изохудожественных средств (вплоть до цвета и звука), они принципиально переплетают языковую и внеязыковую стороны, что и вызывает органическую потребность в новых типах письменного оформления текста» [5, с. 281-282].

В Донбассе, как и в других регионах, понятие «иностранный» зачастую ассоциируется с качественным товаром или услугой, новейшими технологиями и последними разработками. Поэтому одна из тенденций современного эргонимикона Донбасса – оформление средствами латиницы освоенных русским языком иноязычных слов. К таким *транслитерованным эргонимам* относятся номинации, графическое оформление которых реализовано средствами русской графики. Ср.: *ТРЦ «Атриум»* (от лат. *atrium* ‘большое открытое пространство внутри здания’), *ТРЦ «Донецк Сити»* (от англ. *city*), *кинотеатр «Фунтурасинема»* (от англ. *cinema*), *гостиница «Мотель»* (от англ. *motel*), *магазин «Киндер»* (от нем. *kinder* ‘дети’). Восходят к английскому языку номинации с элементами *маркет, шоп, хит, люкс, дент;* ср.: *«Алкомаркет», «Алкошоп», «Мобихит», «Люксоптика», «Денталюкс»* и *«Денталь».*

Графическое оформление данного типа эргонимии также реализуется путём транслитерации русских и украинских слов средствами латиницы. Например: ***Dondass*** *Palace* (гостиница), ***Arkadia*** (ресторанный комплекс), ***Shakhtar*** *Plaza* (гостиница), *«Piramida», «Obyvnoy»* и *«Tuffelka»* (магазины одежді и обуви).

Наряду с влиянием англоязычной культуры, следованию западной моде в выборе языковых средств номинации в эргонимиконе Донбасса сохраняется украинская лингвокультура. Она зафиксирована в широком спектре номинаций. Среди них эргонимы *магазин спортивного питания «Проминь»* (укр. *промінь* ‘луч’), *магазины «Мрия», «Крапка», «Тютюн», «Смак», рестораны «Будьмо» и «Нова Зустріч»; ресторан фьюжен «Первак»* (от укр. *первак* ‘первач, самогон’ и англ. *fusion* – термин, обозначающий направление в искусстве, сочетающее

западно-евр. академическую музыку и неевропейский фольклор); *рестораны «Гуляй Хата», «Япона Хата»*. Как видим, региональная ономастическая лексика сохраняет особенности полилингвального региона, «культуру и традиции населяющих его народов» [4, с. 258].

Показательно, что смена ценностных ориентиров общества приводит к смене названий. Так, украинское название мясокомбината *«Щирий кум»* заменено на номинацию *«Юзовский деликатесъ»*, эргоним молокозавода *«Марічка»* – на *«Твой производитель»*. Такие процессы обусловлены преобразованиями, продиктованными сменой политических, социальных и экономических приоритетов. Также в городскую среду возвратились русские названия *лавка, ряд, терем, двор*; ср.: *«Мясная лавка», «Пивная лавка», «Колбасный ряд», «Княжий терем», «Шашлычный дворик».*

Примечательно, что используемые в языке Донбасса проприальные единицы отображают когнитивно-дискурсивные практики разных народов. Примером могут служить вовлечённые в процесс трансонимизации прецедентные имена. Ср. особенности их использования в примерах типа: *магазин вечерних платьев* «*Венеция*», *ресторан «Monet»,* названный в честь французского живописца и основателя импрессионизма Оскара Клода Моне; *магазин «Монро»* как аллюзия на имя известной личности Мерлин Монро. Типичной тенденцией ономастикона современного Донбасса можно считать включение личных имён в название коммерческих предприятий. Через эргоним номинаторы стремятся сообщить о себе и своём имени. Ср. названия парикмахерских *«Кристина», «Карина»*, магазинов *«Светлана», «Александра», «Анна», «Лия», «Ева», «Петрович»* и генитивные формы типа «*У Андрея».*

Ономастическое пространство Донбасса разнопланово и многогранно: это активно развивающееся образование, обусловленное мощными преобразованиями, продиктованными сменой политических, социальных и экономических приоритетов. Под влиянием экстралингвистических факторов происходят изменения в корпусе именуемых объектов, в номинативных моделях, вовлекаются национально и социально маркированные языковые единицы. Как следствие, в эргонимных номинациях Донбасса особый пласт представляют названия, в которых отображена история региона. Ср.: *ТЦ «Юзовский», ресторан «Юзовская пивоварня»* – названия, образованные от *Юзовка,* или *Юзово* – основанный в 1869 году «посад с упрощенным городским управлением, Бахмутского уезда Екатеринославской губернии при реке Кальмиусе и балке Скоморошке, на земле Новороссийского металлургического общества» [6, с. 327-328].

В языке современного Донбасса активно используются ретро-номинации – эргонимы, включающие элементы дореволюционой орфографии: *Ресторан «Багратионъ», ресторан «Трактиръ», магазины «Провиантъ», «Булкинъ»* и *«Подарычъ», закусочная «Бургеръная»*. Использование буквы **Ъ** вызвано воссозданием колорита старины, что ассоциируется со стабильностью, традициями и историей Российской империи. Как пишет В.Г. Костомаров,

«любование упразднёнными буквами старой азбуки есть, конечно же, проявление крайности моды на книжность» [5, с. 280].

Другой пример – *кинокофейня им. А. Ханжонкова,* названная в честь известного российского предпринимателя и организатора кинопромышленности, пионера русского кинематографа А. Ханжонкова, который родился в Макеевке (ранее – Макеевский уезд Таганрогского округа, Область Войска Донского Российской империи) в 1877 г. *Ханжонков* – прецедентное имя, используемое в эргонимиконе Донбасса и выступающее когнитивным контекстом (ментальным пространством по Дж. Лакоффу), который обеспечивает понимание данной номинации и возводит коммерческое предприятие в ранг престижных.

Одним из популярных способов образования эргонимов Донбасса является трансонимизация – переход онимов из одного подразряда имён собственных в другой. Вследствие трансонимизации от топонимов образованы следующие эргонимы: *рестораны «Куба»* и *«Пекин»*; *гостиница «Прага».* К таким единицам также принадлежит номинация *паназиатский ресторан «Адачи».* Когнитивным контекстом, который стоит за данным именем и «претендует» на его понимание, является название японского сада-музея, в котором растения выступают его основными экспонатами; в свою очередь, этот сад-музей назван по имени его основателя – Адачи Дзенко.

Еще один пример – *Донецкий дельфинарий «Немо».* Когнитивным контекстом данного названия является имя персонажа (поэтоним *Немо*) фантастического романа Жюля Верна «Двадцать тысяч лье под водой». Другие примеры: *ресторан «Остров сокровищ»* (от одноимённого названия приключенческого романа шотландского писателя Р. Стивенсона; *ресторан «Три толстяка»* (от названия одноимённой сказки Ю. Олеши).

Среди поэтонимов Донбасса встречаются названия, образованные от имён героев сказочных и мультипликационных произведений: *детский магазин «Чебурашка»* (который назван именем персонажа, придуманного писателем Э. Успенским в 1966 г., как одного из главных героев книги «Крокодил Гена и его друзья»); *магазин детских товаров «Колобок»* (использовано имя героя одноимённой русской народной сказки»); *магазин детских товаров «Умка»* (задействовано имя медвежонка из одноимённого мультфильма советского кинематографа); *магазин детских игрушек «Капитошка»* (от имени литературного и мультипликационного персонажа, созданного детским писателей Н.А. Гузеевой); *детский магазин «Gulliver»* (ототображённого латиницей имени главного героя тетралогии Дж. Свифта «Приключение Гулливера»). Данные когнитивные контексты, как справедливо пишет Н.Н. Болдырев, называя их когнитивными структурами, «стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [3, с. 23].

Безусловно, эти и подобные названия формируют ассоциативный фон, по которому составляется представление о виде деятельности объекта. Данные названия не только вызывают ассоциации с известными персонажами, но и делают эргонимы информативными, отвечают требованиям нейминга. Фоновая

информация, которую несут в себе анализируемые названия детских магазинов, выстраивается на нескольких уровнях: ментальном и эмоциональном, сознательном и подсознательном, отвечая ожиданиям покупателей.

В эргонимный «рисунок» Донбасса вплетены названия коммерческих предприятий, семантика которых прямо или ассоциативно указывает на ассортимент товаров или услуг. Ср.: магазины бытовой химии *«Золушка», «Кристалл»* и *«Мойдодыр»*; магазин табачных изделий *«Табакерка»;* магазин одежды *«Стиль»;* магазин молочной продукции *«Молоко»;* книжный магазин *«Книжный мир»;* хлебные магазины *«Булочная» и «Батон»;* магазин оптики *«Люксоптика»;* закусочные *«Блин-пельмень», «Пельменная», «Хачапурия»;* магазин питьевой воды *«Чистая Вода»;* рыбные магазины *«Океан»* и *«Водный мир»*; пивной павильон *«Пивная лавка»*, магазины обуви *«Ваша обувь»*, «*Наша пара»;* магазин косметики *«АроматИк»*; магазины сотовой связи *«МТС»*, «*Алло», «S-Tell», «Связной»*; магазин подарков «*Мир удивительных подарков*»; магазины оружия *«Охотник», «Комок», «Камуфляж»*; зоомагазины *«Кот и пёс», «Четыре лапы», «Всё для пушистиков»;* рыболовный магазин *«Рыболов»*.

В эргонимиконе Донбасса встречаются номинации, образованные от мифонимов – названий вымышленных объектов любой сферы ономастического пространства, восходящих к мифам и сказкам. Так, номинация *мобильная связь «Феникс»* восходит к имени мифологической птицы Феникс, символизирующей вечность и возрождение и ассоциирующейся с самоотверженностью и преданностью делу, обновлением и бессмертием. Другие примеры: в названии *сети магазинов «Геркулес – MoLoko»* использовано имя древнегреческого мифологического героя, символизирующего силу и здоровье; в эргониме *гостиницы «Олимп»* использовано название священной горы, на которой, согласно древнегреческой мифологии, пребывали боги во главе с Зевсом. Эти и подобные номинации А. В. Беспалова считает «чрезвычайно специфическими» и поэтому их относит к символически мотивированным [2, с. 92].

Итак, эргонимикон современного Донбасса отображает лингвокультурную полифонию и эстетические предпочтения его жителей, следование языковой моде. Наблюдается системное и неоправданное, на наш взгляд, включение иноязычной лексики и элементов латинского алфавита в коммерческую номинацию. Считаем, что названия производственных предприятий не должны определяться языковым произволом, так как это приводит к нивелировке графических, орфографических и лексических норм русского языка. Данная проблема требует дальнейшего анализа, что и будет отражено в наших последующих публикациях.

Список литературы

1. Багирова Е.П., Гаврикова Э.О. Языковой имидж современного города (на материале годонимов и эргонимов г. Тюмень) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Том 1. № 4(4) С. 43-55.

2. Беспалова А. В. Структурно-семантические модели эргонимов и их употребление в современном английском языке (на материале названий компаний): Дис. … канд. филол. наук. Одесса, 1989. 183 с.

3. Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.

4. Герасименко И.А. Эргонимное пространство современного Крыма // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24-26 мая 2018 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. Брянск: ООО «АВЕРС», 2018. С. 254-258.

5. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа; изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. 320 с.

6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XLI. СПб., 1904. 576 с.

УДК 81'42

ДЕРИВАТЫ С КОМПОНЕНТОМ *ЧУДО-* В ЗАГОЛОВКАХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

ГОННОВА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА
к. филол. наук, доцент кафедры русского языка,
культуры речи и методики их преподавания,
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Самара, gonnovanv.filolog@yandex.ru

В статье акцентируется внимание на структурно-грамматических особенностях заголовков, содержащих дериваты с компонентом *чудо-*. Рассматриваются функции заголовков; анализируются примеры заголовочных наименований, построенных на основе языковой игры.

Ключевые слова: дериваты с компонентом *чудо-*, публицистический текст, заголовок, функции заголовка, языковая игра, ирония.

Цель настоящей статьи была продиктована необходимостью выявления особенностей заголовков публицистических текстов, содержащих дериваты с компонентом *чудо-*. Предмет исследования – заголовки текстов СМИ, включающие дериваты с компонентом *чудо-*. Интерес к номинациям *чудо-ребёнок, чудо-лекарь, чудо-женщина, чудо-лекарство, чудо-порошок, чудо-чай, чудо-чадо, «Чудо-Остров», «Чудо-сад», «Чудо-дерево»* и др. вполне оправдан: подобные единицы с конца XX – начала XXI в. отличаются высокой частотностью (наряду с царь-производными *Царь-пушка, Царь-колокол, царь-девица, царь-рыба, царь-ванна, царь-книга, царь-пирог* и др., исследованию которых был посвящён ряд наших работ).

Препозитивный элемент *чудо-* в работах лингвистов рассматривается как оценочный; образования, содержащие данный компонент, занимают в уровневой системе языка особое положение: промежуточное между сложносоставным словом (с предметно-признаковым значением) и аппозитивным словосочетанием (так как могут быть представлены расчленённо; ср.: *Вдруг увидел он чудо-цветок. Этот цветок – чудо*) [5, с. 113]. Компонент *чудо-* обладает семантикой превосходной степени качества; в структуре значения рассматриваемых единиц актуализируются семы ‘лучшее’, ‘необыкновенное’, ‘нечто небывалое’, ‘выдающееся’, ‘нечто поразительное’, ‘удивляющее своей необычностью’.

Материал исследования был собран из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Анализировались заголовки публикаций центральных СМИ («Комсомольская правда», «Известия», «Советский спорт», «Труд-7» и др.) за период 2001-2014 гг. Картотека насчитывает 65 заголовочных наименований, в составе которых – дериваты с компонентом *чудо-*.

С позиций коммуникативной стилистики публицистический текст, являясь составной частью публицистического дискурса, трактуется как социальное действие адресанта, направленное на убеждение своего адресата не просто в правомерности, но в правильности авторской идеи [4, с. 6]. Н.И. Клушина относит публицистический текст к персуазивному дискурсу, в котором тесно переплетены убеждение, внушение и манипуляция. С утверждением учёного нельзя не согласиться.

Исходя из данного теоретического положения современные исследователи подходят к анализу публицистического текста (медиатекста – продукта трёх подсистем массовой коммуникации: журналистики, PR и рекламы), его составляющих компонентов, включая заголовок, см., например: И.В. Гурова [3], А.Р. Минемуллина [9] и др.

Под заголовком понимается «целостная единица речи (текстовый знак), которая является обязательной частью текста и имеет в нём фиксированное положение перед и над текстом» [6, с. 188]; «компрессионное нераскрытое содержание текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развёртывания» [2, с. 133]. Формально выделенные части текста, его конец и начало, включая заголовок, подзаголовок, первые строки абзаца, занимают сильные текстовые позиции, являются «опорными точками для вероятностного прогнозирования читателем круга возможных обобщений и стратегий смыслового восприятия текста в целом» [1, с. 31].

Заголовку публицистического текста, как, впрочем, и заглавию художественного текста, присущ ряд функций. Характеризуя их, современные учёные сходятся во мнении, что заголовок выполняет сразу несколько функций, доминирование одной из них (или нескольких) связано с интенциями автора, коммуникативными задачами, которые он перед собой ставит, жанровой природой публицистических текстов. Публицистический текст «сжато

сообщает основное содержание, тему или идею текста», т.е. реализует номинативную функцию [6, с. 188]; например: ***Чудо-финиш*** *Максима Чудова* (Советский спорт, 2009.01.11); ***Чудо-ножки*** *для Зиты и Гиты* (Комсомольская правда, 2012.03.29).

Помимо номинативной, публицистический текст (прежде всего, новостные массмедийные тексты) реализует графически-выделительную, информативную, рекламно-прагматическую и прогностическую функции [8]. Ср.: три функции газетного заголовка, номинативную, информативную, прагматическую, включающую две составляющие – рекламную и эмотивную, называет С.В. Ляпун [7, с. 58]. Г.Г. Хазагеров выделяет автономные функции газетного заголовка, характеризующие его как самостоятельное сообщение, и свойственные заголовку как компоненту текста: информирование о действительности, изображение отношение автора к предмету речи, условиям коммуникации и выразительность заголовка [11, с. 20-21].

Так, заголовки *Школьники представили миру* ***чудо-флешку*** *из оргстекла* (Комсомольская правда, 2013.10.30), *Школьница придумала* ***чудо-кровать*** (Комсомольская правда, 2003.09.16) информируют о достижениях (изобретениях) детей, дают возможность адресату предвосхитить содержание заметки, передают авторское отношение (оно явно положительное, нет имплицитной пейоративной оценки), дериват с первой частью *чудо-* придаёт заголовочному наименованию экспрессивный характер. См. также: ***Чудо-голеадор*** *Малкин* (Советский спорт, 2006.01.17).

Среди доминирующих функций заголовков, включающих дериваты с компонентом *чудо-*, следует указать рекламно-прагматическую и эмотивную: заголовки типа ***Чудо-«Ока»*** *ест 2 литра бензина на 100 км* (Комсомольская правда, 2004.03.24); ***Чудо-финиш*** *Максима Чудова* (Советский спорт, 2009.01.11) и др. привлекают внимание адресата и заставляют прочесть, нацеливают на восприятие и анализ информации, вызывают эмоции, создают определённое настроение.

Естественно, реализации указанных функций способствуют и сами индивидуально-авторские, окказиональные номинации, ставшие объектом нашего исследования. В рамках статьи приведём лишь некоторые из них. Интересно, что они строятся по модели «чудо + оним»:

1) чудо + антропоним: *И* ***чудо-Марек*** *не вытянул… Несмотря на сверхусилия чешского звена, магнитогорцы прервали победный сериал из 13 матчей* (Советский спорт, 2008.12.13). Ян Марек – профессиональный чешский хоккеист, крайний нападающий, один из лучших иностранных спортсменов, игравших в России;

2) чудо + прагматоним: *чудо-«Ока»* (см. заголовок выше). Нельзя не признать, что подобные образования отличаются большой выразительностью.

В контексте исследования обратимся к структурно-грамматическим особенностям заголовков, включающих дериваты с компонентом *чудо-*.

В большинстве случаев анализируемые заголовки публицистических текстов – это двусоставные, распространённые, полные предложения, в

которых дериваты с компонентом *чудо-* выступают в роли подлежащего или дополнения: *Автор* ***чудо-двигателя*** *учится в школе* (Труд-7, 2001.02.13); ***Чудо-кресло*** *спасло капитана Цветкова* (Комсомольская правда, 2002.03.27); *Верующие старушки украли* ***чудо-икону*** (Комсомольская правда, 2004.06.29); *Как русские* ***чудо-богатыри*** *прибалтов разбили* (Комсомольская правда, 2004.11.17); *В* ***чудо-колодце*** *и вода кипит* (Труд-7, 2006.01.28); *На Ходынском поле вырастет* ***чудо-парк*** (Комсомольская правда, 2007.07.02); *Российские медики изобрели* ***чудо-биочип*** (Известия, 2007.11.15); *Пенсионер поймал на картошку* ***чудо-рыбину*** (Комсомольская правда, 2008.12.06); *ЦСКА выиграл* ***чудо-матч*** *и вышел в финал БЕКО ПБЛ*! (Советский спорт, 2011.06.04).

В нашей картотеке представлены также заголовки – односоставные предложения:

1) неопределённо-личные: ***Чудо-мальчика*** *пригласили в университет* (Труд-7, 2002.12.26); *На день рождения омоновцам подарили* ***чудо-водомет*** (Комсомольская правда, 2005.10.05); ***Чудо-магистраль*** *из Москвы в Санкт-Петербург построят к 2018 году* (Комсомольская правда, 2012.03.06);

2) номинативные распространённые предложения: *Пленники* ***чудо-ящика*** (Труд-7, 2004.07.22); ***Чудо-тайм*** *Лоськова* (Труд-7, 2005.11.25); ***Чудо-голеадор*** *Малкин* (Советский спорт, 2006.01.17); ***Чудо-фильтры*** *денежных потоков* (Комсомольская правда, 2010.07.09). Как известно, в номинативных предложениях выражается бытие предмета в настоящем времени. Бытийное значение и указание на совпадение бытия с моментом речи проявляются в главном члене, независимо от наличия, как в приведённых заголовках, или отсутствия второстепенных членов, например: ***Чудо-окно*** (РБК Daily, 2008.08.27).

Заметим, что в ряде случаев дериваты с компонентом *чудо-* употребляются с препозитивным определением: *русские чудо-богатыри, канадский чудо-агрегат, омская чудо-арена*. Обращает на себя внимание построение заголовков по одной синтаксической схеме: подлежащее + сказуемое + прямое дополнение; прямое дополнение + сказуемое + обстоятельство и др.

В основе заголовка может лежать структурно-графическое выделение, в частности сегментированная синтаксическая конструкция, представляющая собой бинарно расчленённое построение, в котором первая часть (сегмент) обозначает актуальное для автора понятие, а вторая часть (базовая) содержит какое-либо высказывание по поводу понятия, обозначенного в сегменте:

(1) ***Чудо-оружие:*** *сомалийских пиратов пугают песнями Бритни Спирс* (Комсомольская правда, 2013.10.29). Сегмент (или его стержневой компонент) выражен формой имени существительного в именительном падеже *чудо-оружие* (номинативное предложение), в базовой части находится коррелят, являющийся заместителем сегмента, – *песни Бритни Спирс*; чудо-оружием, способным напугать пиратов, с иронией названы песни американской исполнительницы. Пауза между сегментом и базовой частью обозначается

двоеточием. Сегмент, с точки зрения актуального членения, является темой, базовая часть – ремой. Обе части экспрессивно выделенные, акцентированные.

(2) ***Чудо-тройка*** *«Лады». Ударное звено гостей организовало все три гола в ворота «Кузни»* (Советский спорт, 2005.03.22). В тексте чудо-тройку тольяттинской команды «Лада» автор называет *ударной тройкой, ударным звеном*, т.е. дериват с компонентом *чудо-* заявлен только в сильной текстовой позиции.

(3) *Резервное трио и* ***чудо-травка****. С таким набором в Москву приехала сборная Китая* (Советский спорт, 2009.02.07). Номинация *чудо-травка* получает толкование в тексте о теннисном турнире, четвертьфинале Кубка Федерации Россия – Китай; *чудо-травка* – это средства китайской медицины (за тысячу долларов), которые могут творить чудеса в процессе восстановления спортсмена.

(4) ***Чудо-династия*** *Знарока. Эксперт «Советского спорта» Виталий Славин об успехах наставника «Динамо»* (Советский спорт, 2013.03.21).Речь идёт об уникальном событии: КХЛ в шаге от рождения первой команды-династии. До Олега Знарока никто в лиге не выходил в финал три раза за четыре года. И это при одном игроке сборной России! Иначе говоря, чудо-династия – это команда-династия.

Сегмент в примерах (2; 3; 4) так же, как в (1), выражен формой имени существительного в именительном падеже, в базовой части коррелят является формальным представителем, или заместителем, сегмента; пауза между сегментом и базовой частью обозначена знаком конца предложения – точкой.

Заголовки публицистических текстов нередко строятся на основе языковой игры, позволяющей автору выразить собственную позицию и отношение к предмету речи, проявить творческий характер и т.п. Языковая игра рассматривается как определённый тип речевого поведения говорящих, основанный на преднамеренном нарушении системных отношений языка, «на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [10, с. 657].

Как показало проведённое исследование, 30% анализируемых заголовков построено на основе языковой игры, выступающей средством создания экспрессии. В подавляющем большинстве случаев элементом языковой игры является ирония – троп, переносное значение, основанное на контрасте: скрытый смысл противопоставлен явному, возможность буквального прочтения и понимания задуманного автором исключается. Ирония может имплицитно выразить оценку, убедить, воздействовать и непосредственно повлиять на подсознание адресата:

«*Продам* ***чудо-прибор*** *и таблетки от всех болезней. Дешево*!» (Комсомольская правда, 2009.02.07); *Суд вынес приговор* ***чудо-пылесосу*** (Комсомольская правда, 2010.02.12); ***Чудо-работа*** *за яхты и самолеты: в городе активизируются лжеработодатели* (Комсомольская правда,

2010.07.20); *Россиянкам под гипнозом впаривают* ***«чудо-косметику»*** (Комсомольская правда, 2012.12.07); *В Москве мошенник продал пенсионерке* ***чудо-препарат*** *за полмиллиона* (Комсомольская правда, 2013. 01.30); ***Чудо-оружие*****:** *сомалийских пиратов пугают песнями Бритни Спирс* (Комсомольская правда, 2013.10.29) и др. В ироническом смысле употребляются номинации, заключённые в кавычки, например: *«чудо-косметика»,* и весь заголовок *«Продам* ***чудо-прибор*** *и таблетки от всех болезней. Дешево!»;* косметику «впаривают», т.е. ‘вводят покупателя в заблуждение, обманывают, продают некачественный товар’. Сталкивается положительное (чудо-пылесос, значит, должен обладать лучшими свойствами) и отрицательное (вынесен приговор чудо-пылесосу, значит, он не обладает лучшими свойствами), появляется второй план высказывания.

Другие виды языковой игры в нашей картотеке представлены пока единичными примерами: ***Чудо-финиш*** Максима ***Чудова*** – языковая игра на фонетическом уровне.

Подводя некоторые итоги исследования, подчеркнём следующее. Комплексное изучение дериватов с компонентом *чудо-* видится нам весьма перспективным, поскольку в русском дискурсе они отличаются высокой частотностью. Обозначенные структурно-грамматические особенности интересно раскрыть на более широком материале.

В составе заголовков публицистических текстов дериваты с оценочным компонентом *чудо-* выполняют такие доминирующие функции, как рекламно-прагматическая и эмотивная. В основе анализируемых заголовков нередко лежит структурно-графическое выделение, сегментированная синтаксическая конструкция. Приём языковой игры уже в заголовке позволяет автору заявить о собственном видении ситуации, проблемы и выразить отношение к ним.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23-31.

2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

3. Гурова И.В. Гейт-образования в заголовках медиатекстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1(67). Ч. 1. С. 88-91.

4. Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2008. 57 с.

5. Кочеткова Т.И. Словосложение в творчестве оренбургских поэтов // Вестник ОГУ. 2002. № 6. С. 111-114.

6. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

7. Ляпун С.В. Лексико-семантические и стилистические особенности современного газетного заголовка (на материале газеты «Комсомольская правда» за 1994-1998 гг.): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 1999. 19 с.

8. Маслова А.Ю. Введение в прагмалингвистику. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2008. 152 с.

9. Минемуллина А.Р. Адъективная оценочная лексика в заголовке публицистического текста // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Том 1. С. 166-170.

10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

11. Хазагеров Г.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (по материалам «Комсомольской правды»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1984. 24 с.

УДК 81' 373.2

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА В ЗАГОЛОВКАХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ М.А. ВОЛОШИНА

ЕРОХИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА
преподаватель кафедры русского и латинского языков,
Донецкий национальный медицинский университет им. М. Горького,
ДНР, г. Донецк, tet.eroxina@yandex.ru

В статье рассмотрены специфические свойства собственных имён, функционирующих в заголовках художественных текстов. Материалом для исследования послужили стихотворения М.А. Волошина.

Ключевые слова: поэтоним, заголовочно-финальный комплекс, заголовок.

Художественное творчество М.А. Волошина богато собственными именами. В 576 произведениях, составляющих его поэтическое наследие, зафиксировано более 1200 поэтонимов. Часть из них использована автором непосредственно в поэтических текстах, а часть вошла в заголовочно-финальные комплексы, которые являются важными составляющими художественного целого. К элементам, обрамляющим стихотворные тексты М.А. Волошина, относятся заголовки, подзаголовки, посвящения, эпиграфы, указания на место и время написания произведения, если они не являются вставками редакторов издания. Данные элементы факультативны и могут быть представлены в поэтических произведениях в разных комбинациях.

Значительная роль в художественном тексте отводится заголовку, который, «являясь в проспекции лишь именем текста, в ретроспекции обнаруживает с ним тесные формально-семантические связи» [7, с. 188]. Тесная соотнесённость заголовка с основным текстом приводит к тому, что он

становится «смысловым эквивалентом текста» [9, с. 121]. При этом, «в некоторых произведениях заголовок лишь называет проблему, решение которой дается в тексте; в других – название как бы тезис самого корпуса текстов; в иных произведениях оно настолько глубоко закодировано, что его декодирование возможно только по прочтении всего произведения» [6, с. 133]. Исследователи также отмечают, что «заглавие (особенно в поэзии) чаще всего тесно связано с основным текстом не только семантически, но и структурно; так, многие заглавия стихотворений Тютчева и Пушкина анаграммируются затем непосредственно в строках их стихотворений» [8, с. 74].

В заголовках поэтических текстов М.А. Волошина чаще всего фигурируют собственные имена людей и названия топографических объектов. Антропоэтонимы указывают на представителей античности («Сократ», «Сафо» и др.), библейских персонажей («Гностический гимн Деве Марии», «Видение Иезекииля» и др.), христианских святых и религиозных деятелей («Святой Франциск», «Протопоп Аввакум», «Сказание об Иноке Епифании» и др.), исторических личностей («Диана де Пуатье», «Dmetrius-Imperator (1591-1613)» и др.), знакомых и близких поэту людей («Р.М. Хин», «Письмо в стихах Зволинскому», «Бальмонт», «Мистеру Хью», «Пра» и др.). Значительная часть топопоэтонимов обозначает объекты, входящие в тематические группы “Русь – Россия” («Святая Русь», «Китеж», «Россия», «Москва», «Петроград (1917)», «Петербург» и др.), “Крым” («Таврида», «На Карадаге», «В Коктебеле», «Сурп-Хач» и др.) и “Париж” («Парижу», «С Монмартра», «Камни Парижа», «Париж зимою» и др.).

Фонетической структурой поэтонима, функционирующего в заголовке, может быть определён лексический состав поэтического текста. Одним из примеров является стихотворение «Голова madame de Lamballe» (4 сент. 1792 г.). Имя из заголовка указывает на приближённую французской королевы Марии-Антуанетты принцессу Марию-Луизу-Терезу де Ламбаль, которая за отказ поклясться в ненависти к королеве была зверски растерзана толпой. В письме к М.В. Сабашниковой от 27 сентября 1905 года М.А. Волошин писал о том, что читал в «Истории Французской революции» Ж. Мишле, «как отрубленную голову маркизы де Ламбаль принесли к куаферу – он завил ее, напудрил и ее после понесли на пике к окну Марии-Антуанетты» [4, с. 494]. Посылая текст стихотворения Маргарите Васильевне, поэт сообщал: «Мне было почти отвратительно писать это стихотворение. Но я не мог не написать его. Это мне не давало покою» [5, с. 81]. Поэт несколько раз менял заголовок стихотворения. В разных публикациях оно называлось «Голова Princessede Lamballe», «Голова принцессы Ламбаль», «Princessede Lamballe». В заключительном варианте титул “princesse” был заменён словом “madame”, которое созвучно имени героини. Неслучайным стало и то, что поэт сохранил в названии слово “голова”, которое не только, учитывая его расположение рядом с именем женщины, с первых же строк наполняло поэтический текст трагическим содержанием, но и во многом повторило своим звукобуквенным составом имя героини, отчего то приобрело особую выразительность.

Драматизма описываемому событию придают семантически контрастные группы лексики, созвучной имени *de Lamballe*. Одна из них “уводит” далеко за пределы королевского дворца – в среду низших слоёв парижского общества («И парижская голь / Унесла меня в уличной давке, / Кто-то пил в кабаке алкоголь, / Меня бросив на мокром прилавке…» [1, с. 244]), другая – относится к сфере жизни героини («И, казалось, на бале в Версале я – / Плавный танец кружит и несёт…» [1, с. 244]). Заканчивается произведение словами:

И тюремною узкою лестницей
В башню Тампля к окну Королевы
Поднялась я народною вестницей [1, с. 245].

Апеллятив *Королева*, которым поэт обозначил Марию-Антуанетту, очевидно, также был обусловлен поиском созвучного для имени героини произведения слова. Однако, возможно, на этом функции номинации не заканчиваются, и важным является именно то, что Мария-Луиза-Тереза де Ламбаль приняла мученическую смерть потому, что до конца осталась верной своей королеве.

Выразительный пример аллитераций и ассонансов, “продиктованных” собственным именем, представлен в произведении «Париж зимою». Стихотворение буквально пронизано сочетаниями слов, которые своим звукобуквенным составом воспроизводят имя *Париж*: “дожди под вечер нежно-немы”, “как пламенные хризантемы”, “тускнеют медные пожары”, “пьянящих головокружений”, “пронизанные тротуары”, “калится рдяных углей жар”. Но особо выразительными стали финальные строки поэтического текста, в которых автор повторил имя *Париж*, вынесенное в заглавие:

А в лица дышит теплый пар
И запах жареных каштанов [2, с. 419].

Упорядочение повторений согласных и гласных звуков, обусловленное фонетическим составом “заголовочного” поэтонима, содержится и в шуточном стихотворении «На Н. С<абани>на». В произведении с помощью ряда однокоренных, а также созвучных собственному имени слов “зашифровано” слово “собака”, которым молодой поэт назвал своего одноклассника Николая Сабанина. Основанием для такой обидной номинации послужил, в первую очередь, “задиристый характер” гимназического товарища и, во вторую – фонетическое сходство онима и апеллятива:

Аллах велик! Чрез Магомета
Он древле чудо совершил:
Собаке дал сан человека
И даром слова оделил.
Сей род Сабаниных всё жив поныне,
Живет он, как и прежде жил.
И хоть один из них и учится латыни,
Но все собачьи он привычки сохранил [2, с. 441].

Собственное имя из заголовка могло стать словом-мотиватором, определяющим выбор созвучной лексики для рифмующихся строк поэтического текста. К примеру, стихотворение «Петербург»:

Над призрачным и вещим Петербургом
Склоняет ночь край мертвенных хламид.
В челне их два. И старший говорит:
«Люблю сей град, открытый зимним пургам
На тонях вод, закованных в гранит.
Он создан был безумным Демиургом.
<…>» [2, с. 417].

Отметим, что произведение было написано в виде протеста против переименования Петербурга в Петроград, «чтобы в безвыходных сонетных рифмах зафиксировать имя Петербурга» [2, с. 701]. В письме к Ю.Л. Оболенской от 25 января 1915 года поэт отмечал: «“Петрограда” я не принимаю. Зачем обижать Петра и голландцев? Что за варварство топтать исторические имена!? Меня коробит всего, когда даже улицы переименовывают. В неуважении к имени есть определенное кощунство. Что может быть уместно как шутливая вольность пушкинского стиха, совершенно неприемлемо как исторический факт» [3, с. 292].

Персонаж произведения, чьё собственное имя вынесено в заглавие, непосредственно в поэтическом тексте может быть представлен другими номинациями, что позволяет внести в семантическую ауру ключевого поэтонима “недостающие” смыслы. В произведении «Диана де Пуатье» поэт написал:

Дворцов Фонтенебло торжественный ущерб
Тобою осиян, Диана-Одалиска.
Богиня строгая, с глазами василиска,
Над троном Валуа воздвигла ты свой герб
<…> [1, с. 30].

Собственные имена *Диана де Пуатье* и *Диана-Одалиска* указывают на возлюбленную и официальную фаворитку французского короля Генриха II Диану де Пуатье. В имени из заголовка фамильная приставка “де” указывает на знатное происхождение героини стихотворения. Другая её характеристика содержится в семантике перифрастического именования *Диана-Одалиска*. Первый компонент – *Диана* (от лат. *deus* – бог) – не только повторяет имя возлюбленной короля, но, прежде всего, указывает на древнеримскую богиню охоты и женственности. Второй компонент – *Одалиска* – в переводе с турецкого означает “горничную, рабыню, служанку”. Так называли женщин, состоящих в гареме султана, статус которых был ниже статуса официальных жён. Семантика поэтонима *Диана-Одалиска* расширяется, благодаря сравнительно-отождествительной конструкции “богиня строгая, с глазами василиска”. Тем самым поэт “размывает” начальный образ: *Диана-Одалиска* – “богиня” и “безвольная наложница”, но “с глазами василиска”, то есть

с глазами опасной ядовитой змеи. По сути имя *Диана*, имеющее божественную природу, и номинация *Одалиска*, дополненная конструкцией “сглазами василиска”, являются антонимичными, но для поэта только образ, заложенный в единстве звучания этих номинация в дополнении к имени из заголовка в полной мере передаёт представление о героине произведения. Известно, что Диана де Пуатье имела огромное влияние на Генриха II. Историк Г. Шоссинан-Ногаре в книге «Повседневная жизнь жён и возлюбленных французских королей» сообщил о ней: «Придя к власти, Генрих II позволил возлюбленной осуществлять полный контроль над делами королевства. Никогда в истории этой монархии никакой фаворитке не удавалось достичь обольщением или авторитетом такого абсолютного и эффективного воздействия на особу короля, а тем более убедить иностранных государей в своем всемогуществе. Послы адресовали ей свою корреспонденцию, и она переписывалась с самим папой. Король ничего не предпринимал, не посоветовавшись с ней» [10, с. 40-41].

Особый интерес представляет собственное имя, вынесенное в заглавие произведения «Dmetrius-Imperator (1591-1613)». Первоначально может сложиться впечатление, что латинским именем поэт обозначил Лжедмитрия I, называвшего себя императором, чтобы подчеркнуть свою ориентацию на Европу, но это не так: номинация представляет другое лицо – обобщённый образ всех самозванцев в российской истории. О замысле произведения поэт написал: «Наравне с Разиновщиной, еще более жуткой загадкой ближайшего, может быть завтрашнего дня, вставала Самозванщина на фоне Смутного времени. Мне показалась заманчивой и благодарной идея написать все Смутное время, как деяния одного и того же лица, много раз убиваемого, но неизбежно воскресающего, неистребимого, умножающегося» [1, с. 531]. В письме к А.М. Петровой от 15 января 1918 года поэт назвал Дмитрия-Императора «единым русским демоном», «историческим выявлением демонизма, в свое время распыленного <…> между тысячами бесов (“имя ему – легион”)» [1, с. 531]. Произведение, которое было написано в декабре 1917 года, т. е. в то время, когда в российской истории снова наступили “смутные времена”, заканчивается “пророческими” словами Дмитрия-Императора:

Так, смущая Русь судьбою дивной,
Четверть века – мертвый, неизбывный –
Правил я лихой годиной бед.
И опять приду – чрез триста лет [1, с. 275].

В заключение краткого обзора функционирования проприальной лексики в заголовках художественных текстов отметим, что поэтические и семантические возможности собственного имени актуализироваться при обращении к широкому контексту, под которым понимается текст произведения, погружённый в культурно-историческую семиосферу (дискурс). Собственное имя, вынесенное в заглавие, зачастую становится ключевым словом-магнитом, которое определяет аллитерацию и ассонанс поэтического

произведения, а также вовлекает в сферу своего притяжения остальные поэтонимы.

Список литературы

1. Волошин М.А. Собр. соч.: В 13 т. (17 кн.). Т. 1. Стихотворения и поэмы 1899-1926 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. М.: Эллис Лак, 2000, 2003. 608 с.

2. Волошин М.А. Собр. соч.: В 13 т. (17 кн.). Т. 2. Стихотворения и поэмы 1891-1931 / Сост. и подгот. текста В.П. Купченко, А.В. Лаврова; коммент. В.П. Купченко. М.: Эллис Лак, 2000, 2004. 768 с.

3. Волошин М.А. Собр. соч.: В 13 т. (17 кн.). Т. 10. Письма 1913-1917 / Сост. А.В. Лаврова; подгот. текста, коммент. К.М. Азадовского, В.П. Купченко. М.: Эллис Лак, 2010, 2011. 832 с.

4. Волошин М.А. Собр. соч.: В 13 т. (17 кн.). Т. 11, кн. 1. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1903-1905 / Сост. К.М. Азадовский, Р.П. Хрулева; подгот. текста Р.П. Хрулевой; коммент. К.М. Азадовского. М.: Эллис Лак, 2013. 736 с.

5. Волошин М.А. Собр. соч.: В 13 т. (17 кн.). Т. 11, кн. 2. Переписка с Маргаритой Сабашниковой. 1906-1924 / Сост. К.М. Азадовский, Р.П. Хрулева; подгот. текста Р.П. Хрулевой; коммент. К.М. Азадовского. М.: Эллис Лак, 2015. 784 с.

6. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 144 с.

7. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

9. Трубникова Ю.В. Текст и его заголовок: проблема структурного и семантического взаимодействия // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2010. № 2-2 (66). С. 121-126.

10. Шоссинан-Ногаре Г. Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей. М.: «Молодая гвардия», «Палимпсест», 2003. 131 с.

УДК 811.161.1-373

СЕМАНТИКО-СТРУКТУРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕРИВАТОВ НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

ЛИТВИННИКОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА
д. филол. наук, профессор,
Украина, г. Каменец-Подольский, litvoli@mail.ru

Статья содержит описание производных глаголов разных лексических пластов как составляющей прозаического текста одного автора, выполненное в синхронном плане с позиций семантико-грамматического словообразования русского языка.

Ключевые слова: дериват, производная лексика, словообразовательная структура, словообразовательное значение, мотиватор, словообразующие аффиксы, способы словообразования.

Дериват как языковая структура представляет значения ярче, чем другие немотивированные слова. Сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово позволяет понять «привычку сознания», узнать, о чём и как думает тот или иной народ (и отдельный человек), отсылая его к концептуализации мира» [2, с. 27]. Сам процесс «означивания» предметов и явлений внешнего мира с помощью средств словообразования представляет измерение их значимости для носителей языка. Такие средства привлекаются, как правило, для называния тех реалий, которые могут оцениваться, когда необходимо актуализировать в них признаки и свойства, имеющие практическую значимость для человека в его освоении мира, что свидетельствует о приобретении этими реалиями нового, утилитарного статуса. В их числе не только связанные с биологическим выживанием человека или имеющие важное хозяйственное значение, но и те, что помогают ему ориентироваться в сложном и многоликом мире.

Производная лексика, как и непроизводная, в произведениях малой прозы А.И. Солженицына (рассказы), составивших 3-й том малого собрания сочинений [7, с. 288], соотносится с реальной действительностью – приметами времени создания произведений, по которым читатель узнаёт эпоху, когда в первом в мире социалистическом государстве создавался «новый» тип человека – «строитель светлого будущего всего человечества – коммунизма». С позиций историко-критической и аналитической точек зрения – абстрактный конструкт или утопический общественно-исторический проект, такой же, как бесклассовое общество «коммунизм» и «советский народ»; с атмосферой, переданной писателем в рассказах, как и с современным литературным языком и языком художественной литературы, где самый объективный свидетель описываемых явлений (событий) именно Язык. При этом средствами словообразования маркированы объекты, наиболее значимые для осуществления жизнедеятельности человека.

Понимание производного слова, как известно, составляет неотъемлемую часть понимания текста, для интерпретации которого нужны как знания о мире, так и о языке, о ситуации или условиях речи. Поскольку в деривате эти значения чаще всего являются отражёнными в его формальной организации, доступ к пониманию облегчают материально выраженные составляющие: мотиваторы (мотивирующая база) и словообразующие форманты, которые можно рассматривать в качестве прямых указателей определённого значения: *студене́ть* – «становиться *студёным*» = «холодным»: *Чего ты сказал, старик? – крикнула Валя Подшебякина. –* ***Студенеет****, говорю, – отозвался старик густым ещё голосом* (V, 178)*. Словообразовательная семантика прямо и непосредственно вытекает из значения мотивирующего имени прилагательного *студёный*, характерного для говоров русского языка [3, IV, с. 346], русской разговорной речи [1, с. 1283] «очень холодный (морозный) – о погоде» и словообразующего суффикса *-е-* с семантикой «становление признака…», их смысловой сочетаемости и совместимости: «Для того, чтобы соединение аффикса и основы мотивирующего слова состоялось, необходимо, чтобы они были семантически совместимы» [8, с. 126].

В рамках регламента данной статьи представляем дериваты внутри- и внешнеглагольной производности, мотивирующиеся глаголами, именами прилагательными (ИП), именами существительными (ИС), устойчивыми словесными компонентами (УСК), созданные в соответствии с активными способами русского словообразования. Описание проведено в синхронном плане с учётом живых связей единиц мотивационных пар на основе семантико-грамматического подхода, – при определении словообразовательной структуры дериватов границы смысловая и формальная совпадают. Материалом для описания является народно-разговорная лексика с её просторечной и диалектной составляющими.

Среди дериватов внутриглагольной производности преобладают единицы префиксальной структуры. Словообразующие префиксы *вы-, за-, на-, по-, про-, раз-, с-, у-*, присоединяясь к мотиваторам, сообщают глаголам значение ’результативность действия: *вы́-глядеть, за-томоши́ться, на-корми́ть, на-собира́ть, по-гре́бовать, про-сы́пать, с-озорова́ть* и т.д.

Суждение о семантике мотиваторов глагольных дериватов основано на толкованиях, представленных в словарях русского языка и словарях его говоров [1; 3], как и модификации их в самих текстах: *Но даже и эта работа была – текучка. А* ***выглядел*** *Зотов себе ещё работу такую. Вот сейчас он, человек, с высшим образованием, а в характере с задатками систематизации, работает на комендантской работе – и получает полезный опыт* (V, 183) (*вы́глядеть* – «присмотреть, наметить, найти»). Дериваты вполне органично вписываются в специфику повествования, в выбор интонации, конструирование определённого диалога с читателем.

Префикс *вз-*, участвуя в образовании глагола *взлезть*, кроме значения «результативность, законченность действия», указывает на его интенсивность и «направление движения вверх», поддерживаемого в тексте наречием *наверх*:

Иван Денисович вытянул ноги из валенок, ловко оставив там и портянки и ложку, ***взлез*** *босой наверх, расширил дырочку в матрасе и туда, в опилки, спрятал свои полпайки* (I, 19).

СЗ «поочерёдный охват действием» характерно для приставки *пере-*, участвующей в образовании диалектно-просторечного глагола *пере-лоба́нить* [3, III, с. 64], мотивирующегося глаголом *лоба́нить* – «ударять в лоб»: *И без того приземистый Фёдор Михеевич ещё осел и странно смотрел, будто его* ***перелобанили*** *прямым ударом палки* (VI, 239).

В разговорно-просторечном глаголе *приткну́ться*, мотивирующемся глаголом *ткну́ться* – «усесться или улечься» (наспех, кое-как) [1, с. 1326], префикс *при-* реализует значение «направление действия к предмету»: *...все* ***приткнулись*** *(к печке) и греются последние сладкие минуты* (I, 14).

Значение «тщательность действия» свойственно приставке *по-*, участвующей в создании деривата *пообчи́стить*, мотиватором которого является префиксальный глагол *обчи́стить*: *Тётя Фрося уже* ***пообчистила*** *фитиль, зажгла коптилку и укрепила её в фонаре* (V, 181). Приставка *до-* в глаголе *довернуть́ся* с семантикой «повернуться дополнительно» указывает на принадлежность деривата к народно-разговорной речи, хотя значение «добавочное действие» в приведённом производном характерно именно для *до-* как словообразующего префикса. В тексте рассказа значение «дополнительности» поддерживается наречием ещё: *Фёдор Михеевич* ***ещё довернулся*** *в его сторону, так что коленями упёрся в письменный стол, налёг на стол и обеими руками подпёр голову* (VI, 246). Особенностью префиксальных дериватов является «замещение» одной приставки другой при создании производных глаголов: *из-люби́ть = по-люби́ть* «предпочесть что-л. как наилучшее условие своего существования, обитания» [1, с. 912]: *И едва проблеснёт тебе оно, громадное, меж стволов, ещё ты не добежал до него, а уж знаешь, это местечко на земле* ***излюбишь*** *ты на весь свой век* (III, 148); *у-гре́ться = со-гре́ться*: *Ещё с вечера ему было не по себе, не то знобило, не то ломало. И ночью не* ***угрелся*** (I, 5); *у-грози́ть = по-грози́ть, при-грози́ть* «сделать угрожающий жест» [1, с. 857; 3, IV, с. 470]: *– Зачем по спине лупишь? – Не по спине, а по хребтине! – важно отвечал мальчишка с волейбольной камерой за поясом. Но, заметив, как Лидия Георгиевна* ***угрозила*** *пальцем, прыснул и побежал* (VI, 227).

Говорить о продуктивности образований, возникших в результате «замещения» одной приставки другой, в связи с малочисленностью таких единиц, не приходится.

Производные глаголы суффиксальной структуры включают в себя единицы двух основных типов имперфективации, характерной для русского языка, образованы при помощи суффиксов *-ыва-(-ива-)*: *ула́мывать ← уломáть* «отломить, отделить, ломая» [3, IV, с. 487], имеют значение «повторяемость (многократность) действия»: *Две буханки ржаных носил, от них временами* ***уламывал*** *и всухомятку жевал* (VII, 272); *расста́рываться ← расстара́ться* «очень постараться, вложить всё усердие и рвение, чтобы сделать что-л.,

достичь чего-л.» [1, с. 1098] и т.д. Среди дериватов на *-ыва-* имеет место случай семантического словообразования: *воспи́тывать* – «досматривать; ухаживать, заботиться» [1, с. 278]: *У самой у неё места не было (они с мужем* ***воспитывали*** *её престарелую мать), оттого она повела меня к одним своим родным и ещё к другим* (II, 114).

Глагол *схлобу́чивать* ← *схлобу́чить* – результат авторского словообразования – является антонимичным по отношению к *нахлобу́чивать* ← *нахлобу́чить* «надеть, надвинуть низко на лоб, на уши и т.п. (головной убор)» [1, с. 607]: *Не будет же милиция папиросы вырывать из зубов, не будет же она шапки с голов* ***схлобучивать****: ведь это на улице, и право не верить в Бога ограждено конституцией* (VIII, 282).

Однократные глаголы сов. вида с суффиксами *-ну- (-ану-)* единичны в рассказах А.И. Солженицына: *толкану́ть* ← *толка́ть* «побуждать к чему-л., заставлять делать что-л.» [1, с. 1328]: *Бригадир озабочен, уладить идёт. Какую-нибудь другую бригаду, нерасторопную, заместо себя туда* толкануть (I, 6); *косану́ть* ← *коси́ть* «отлынивать от работы, исполнения своих обязанностей под благовидным предлогом» [1, с. 461]: *Испыток – не убыток, не попробовать ли в санчасти* ***косануть*** *от работы на денёк освободиться? Ну прямо всё тело разнимает* (I, 6).

Немногочисленны и дериваты постфиксального типа: *гре́ть-ся* ← *греть* «нагревать себя, своё тело» [1, с. 227]: *И вообще, снаружи народу поменело, – значит, все приткнулись и* ***греются*** *последние сладкие минуты* (I, с. 14); *пере́ть-ся* ← *пере́ть* «идти, двигаться, не считаясь с препятствиями, с запрещением; ломиться» [1, с. 820]. *Все спрятались, никто не лазил на карачках под вагонами, не перелезал по вагонным лесенкам, местные* ***пёрлись*** *с вёдрами варёной картошки, а пассажиры товарных составов не бродили меж поездов, как на толкучке, развесив на плечах и руках бельё, платье, вязаные вещи* (V, 172); *распозна́ть-ся* ← *распозна́ть* «узнать друг друга» [3, IV, с. 69]: *Фёдор Михеевич был начальником связи полка, Грачиков прибыл из госпиталя уже позже и заменил убитого командира батальона. Они* ***распознались*** *тогда, что земляки, и виделись, и по телефону иногда калякали…* (VI, 244).

Значительно больше дериватов внутриглагольной производности префиксально-суффиксального и префиксально-постфиксального способов: *за-сма́тр-ива-(ть)*← *смотре́ть* «направлять взгляд на что, во что» [1, с. 1219]: *Он выдвинул ящик, сообразил, какой из трёх скоросшивателей взять, открыл (но не так, чтоб она могла туда* ***засматривать****) и нашёл сразу: пятьдесят семь восемьсот тридцать первый – на Пачелму* (V, 184); *по-бра́ж-ива-(ть)*← *броди́ть*, «ходить некоторое время без определённой цели в разных направлениях» [1, с. 850]: *Без ошибки я мог предположить, что вечером… будут по улице* ***пображивать*** *пьяные* (II, 114); *по-жу́рк-ива-(ть)*← *журча́ть* «производить монотонный булькающий звук, шум (о текущей воде)» [1, с. 308]: *Да, ветер свистел, обтираясь об угол здания, и позвенивал непримазанным стеклом в правом окне, за шторкой. И опять* ***пожуркивала*** *вода из трубы* (V, 202); *по-звё́н-ива-(ть)* ← *звене́ть* «издавать звук высокого тембра, как при

ударе по металлическому или стеклянному предмету» [1, с. 360]; *под-пы́р-ива-(ть)← пыря́ть* «ударять чем-л. Остроконечным» [1, с. 1051]: *Без ошибки я мог предположить, что вечером над дверьми клуба будет надрываться радиола, ... а по улице пображивать пьяные да* ***подпыривать*** *друг друга ножами* (II, 114) и под.

Примеры дериватов префиксально-постфиксальной структуры немногочисленны: *про-гаркнуть-ся← гаркнуть* «громко и отрывисто крикнуть» [1, с. 194]: *И тут бригадир* ***прогаркнулся****, встал и объявил: – Кончай ночевать, сто четвёртая! Вы-ходи!* (I, 19); *раз-доса́довать-ся ←доса́довать* «испытывать досаду» [1, с. 278]: *А, да что с ним говорить! –* ***раздосадовался*** *Зотов на себя больше, что встрял в никчёмный и без того ясный разговор. – Не шумите тут! Работать мешаете!* (V, 181); *раз-болта́ть-ся ←болта́ть* «много говорить (обычно вздор, пустяки или не то, что следует)» [1, с. 89]: *Вообще работа стоит, что мы* ***разболтались****?* (V, 187). Семантика приведённых производных связана с интенсивностью совершаемого действия.

Единственный глагол префиксально-суффиксально-постфиксального типа: *от-не'к-ива-(ть)-ся ←не'кать* «говорить нет»: *И хотя Матрёна вынудила меня походить ещё по деревне, и хотя в мой второй приход долго* ***отнекивалась****: – не умемши, не варёмши – как утрафишь? – но уж встретила меня на ногах, и даже будто удовольствие пробудилось в её глазах, оттого, что я вернулся* (II, 116).

Для дериватов внешнеглагольной производности мотивирующими (из однословных единиц) являются ИП и ИС; из неоднословных – УСК, включающие в себя словесные клише, фразеологизмы, пословицы и др. Из глаголов отадъективной производности наиболее привлекательными для писателя оказались единицы, мотивирующиеся качественными (по лексико-грамматическому разряду) ИП, преимущественно непроизводными (с немотивированным значением). Число СЗ таких дериватов невелико: «становление признака, названного мотиватором», «наделение признаком…», «сохранение признака…», которые в тексте (речи) могут быть откорректированы. Глаголы со СЗ «становление…» суффиксальной и префиксально-суффиксальной структур. Ср. некоторые из них: *тиш-а́-(ть)* «становиться *ти́хим* (*ти́ше / тише́е*), слабым (слабее)»: *Тётя Фрося спросила про дождь,* ***тишает*** *ли. Тот буркнул что-то и, должно быть, сел* (V, 178); *ме́н-е-(ть)← ме́не* (форма сравнит. степени ИП *ма́лый*): *Тараканов* ***менело****, но Матрёна боялась отравить вместе с ними и кошку. Мы прекращали подсыпку яда, и тараканы плодились вновь* (II, 117); *за-па́смурн-е-(ть)← па́смурный* «с облаками, закрывающими небо; сумрачный»: *Утром* ***запасмурнело****. Натягивало дождь* (VI, 248); *о-влажн-е́-(ть) ←вла́жный*, «насыщенный, пропитанный влагой»; *по-темн-е́-(ть) ←тёмный* «лишённый света, освещения; плохо освещённый»; *Капли дождя там и сям разбились на стёклах. Неровное, в бугорках пространство до переезда* ***овлажнело*** *и потемнело* (VI, 252).

Префиксально-суффиксальным является глагол со СЗ наделение признаком: *под-востр-и́-(ть)* ←*во́стрый = острый* «сужающийся к концу»*: – Ну-к,* ***подвостри*** *мне, Валюша, карандашик. Пойду семьсот шестьдесят пятый списывать* (V, 181).

СЗ «сохранение признака…» характерно для глагола префиксально-суффиксально-постфиксального типа *за-поздн-и́-(ть)-ся*, мотивирующегося формой сравнительной степени ИП *поздний* «представляющий собой какую-л. часть суток»: *...Ходикам матрёниным было 27 лет, как куплены в сельпо. Всегда они шли вперёд, и Матрёна не беспокоилась – лишь бы не отставали, чтоб утром не* ***запоздниться*** (II, 118).

Мысль о том, что ИП, активно используемые людьми в качестве жизненно необходимых, характеризуются и соответствующей словообразовательной активностью, довольно широко распространённая в лингвистической литературе, не находит подтверждения в наших материалах, кстати, не только на примере рассказов А.И. Солженицына [5, с. 276-284].

Дериваты отсубстантивной производности также представлены незначительным количеством, несмотря на то, что многоаспектность семантики ИС позволяет им вступать в широкие словообразовательные связи. Проблема определения СЗ глаголов названной производности остаётся и сегодня одной из самых сложных, поскольку смысловые отношения, складывающиеся между ИС и глагольными дериватами, отличаются чрезвычайным многообразием. Установить семантическую роль мотиваторов-ИС не всегда легко – ЛЗ ИС не предопределяет их семантическую функцию при глаголе. Она может меняться в зависимости от того, какое место занимает ИС в той ситуации, которую обозначает производный глагол. Истинным мотивирующим для производного считаем то, что помогает носителю языка понять производное слово, отыскать которое в ходе анализа можно лишь с опорой на семантику слов. И.С. Улуханов справедливо указывал, что «никакая классификация отыменных глаголов не в состоянии охватить многих уникальных значений этих глаголов, как и указать семантические границы словообразования с помощью аффиксов» [8, с. 127]. Малочисленные дериваты отсубстантивной производности являются префиксально-суффиксальными по структуре, каждый из них имеет своё СЗ: *о-кров-(ян)-и́-(ть)* «покрыть (испачкать) тем, что названо мотивирующим ИС» ← *кровь* «жидкость, что движется по кровеносным сосудам организма, обеспечивает питание его клеток и обмен веществ в них» [1, с. 472]: *Сама не видела, что* ***окровянила*** *палец о стекло* (VII, 279); *об-верш-и́-(ть)* «сделать (завершить) то, что названо мотиватором-ИС» [3, II, с. 569] ←*верх* «верхняя часть, оконечность чего-л.» [1, с. 120]; *о-зеркал́-и-(ть)* [3, II, с. 582] «сделать похожим на то, что названо мотиватором» ← *зе́ркало* «спец. поверхность, площадь чего-л.» [1, с. 364]: *Убегал, сверкая подковками ботинок, тот самый совнархоз, который пришёл на это злополучное, три года в фундаменте застывшее здание и поднял его,* ***обвершил*** *и* ***озеркалил*** (VI, 243); *обез-ле́с-е-(ть)* лишиться того, что названо мотивирующим ИС ←*лес* «множество дикорастущих деревьев, расположенных на большом пространстве;

пространство, обильно поросшее деревьями» [1, с. 493]. *Весь этот некрутой и широкий взъём на Мамаеву высоту не мог резко изменить очертаний и за шесть веков, разве* ***обезлесел*** (VII, 265); *рас-сторон-и́-(ть)* «разместить на том, что названо мотиватором» ←*сторона́ «*пространство, расположенное влево и вправо от середины чего-л.» [1, с. 1274]: *Фёдор Михеевич* ***рассторонил*** *студентов и пошёл к дверям. Лидия Георгиевна нагналаего на лестнице. Лестница такая и была как раз, чтоб только двоим идти рядом* (VI, 231).

Несколько глагольных дериватов, все суффиксальной структуры, мотивируются УСК с различной степенью слитности их компонентов: *го́рб-и-(ть)*← *гнуть горб спину, хребет) «*трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжёлой работой» [9, с. 109]: *Там за лесами* ***горбит*** *и тянет вся окружная область. А сюда, чтоб никто не мешал им, – закрыты дороги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них…*(III, 148); *клешн-и́-(ть)* ←*брать в клешни = брать за душу* «сильно, глубоко волновать, трогать, тревожить, вызывать щемящую тоску, боль» [9, с. 45]: *Но из чёрного раструба безнадёжно выползали вяземское и волоколамское направления и* ***клешнили*** *сердце: а не сдадут ли ещё и Москву?* (V, 173). Возможно, здесь искажение глагола *клещи́ть*, свойственного говорам русского Севера, «щемить, ущемлять, гнести, жать, сжимать, сдавливать» [3, II, с. 117], тогда глагол следует считать единицей суффиксального типа отсубстантивной производности; *отпова́д-и-(ть)* ←*отпова́дное зелье* «розга, плётка» [3, II, с. 746]: *В другой раз ляжь ещё так! – погрозила пятернёй тётя Дуся. – Я тебя* ***отповажу****, не очухаешься! Перила для этого сделаны, да?* (VI, 250).

Часть интересующих нас дериватов связана с множественностью (неединственностью) мотивации. Термин используем для обозначения способности производных глаголов иметь несколько мотивирующих [4, с. 317-368]: з*аду-ва́-(ть)*← *заду́ть* и *за-ду-ва́-(ть)* ←*дуть*. *Северяк* ***задувает*** *крепенько* (V, 192); *пере-голодова́ть* ←*голодова́ть* и *пере-голод-ова́-(ть)* ←*голод*. *Однако и это бы всё было горе перетерпное, они б и ещё пять дней* ***переголодовали****, если б знали, что потом за все пятнадцать получат* (V, 197); *по-ме́неть* ←*ме́неть* и *по-мен-е́-(ть)* ←*ме́не* (с наложением *-е-* конечного основы формы сравнительной степени мотивирующего ИП и словообразующего суффикса *-е-*): *И вообще снаружи народу* ***поменело****, значит, все…* (I, 14); *по-стро́жеть* ←*стро́жеть*; *по-строж-е́-(ть)* ←*стро́гий (стро́же*) и *постро́ж-е-(ть)* ←*постро́же*: *–Нет, Валя, никуда не пойду… И надел зелёную фуражку, отчего беззащитное курносое лицо* ***постро́жело*** *очень* (V, 187); *иззабо́тить-ся* ←*иззаботить, из-забо́титься* ←*забо́титься, из-забо́т-и-(ть)-ся* ←*забота*: *Притесняют меня, Игнатьич, – жаловалась мне после таких бесплодных проходок. –* ***Иззаботилась*** *я* (II, 120) (речь идёт о хлопотах Матрёны по «выбиванию» пенсии иежедневных проходках в собес).

Искусственное сдерживание политическими и идеологическими тормозами использования в произведениях художественной литературы традиционно-народной, разговорно-просторечной и диалектной лексики во многом определило её немногочисленность в рассказах А.И. Солженицына.

Вложенные в уста героев или привнесённые в текст самим писателем рассмотренные в статье дериваты «согласны» с общим фоном произведений, поддерживают непринуждённость повествования. «Пестрота» лексики не мешает восприятию текста рассказов, прежде всего потому, что живая речь функционально убедительна.

Независимо от приёмов введения глагольных дериватов в рассказы, все они способствуют установлению смысловой соотнесённости между разными типами композиционного членения текста, одновременно являясь средствами выражения его целостности [6, с. 259-263]. При этом, безусловно, сказывается и влияние на способ включения слов различных лексических пластов творческого замысла, индивидуально-авторского стиля писателя, его мировоззрения, как и накопленного опыта.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: «НОРИНТ», 2003. 1536 с.
2. Вендина Т.И. Словообразование как способ дискретизации универсума // ВЯ. 1999. № 2. С. 27.
3. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. I-IV тт. М.: госуд. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956.
4. Литвинникова О.И. Словообразовательная парадигматика русского диалектного глагола: Дис. … д-ра филолог. наук. Том 1. Киев: ИЯ им. А.А. Потебни, 1995. С. 317-368.
5. Литвинникова О.И.. Семантико-структурная организация глаголов в прозе Сергея Довлатова. Iędzyk. Czlowiek. Dyskurs. Szczecin, 2007. S. 276-284.
6. Савина А.А. Диалектизмы как фактор структурно-семантической консолидации полифонического художественного текста // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 259-263.
7. Солженицын А.И. Малое собрание сочинений. Том 3. Рассказы. М.: ИНКОМ НВ, 1991. 289 с.
8. Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы её описания. М.: Наука, 1977. С. 126; 127.
9. Фразеологический словарь русского языка. М.: Сов. Энциклопедия, 1967. 543 с.

*Примечание

Рассказы пронумерованы (при текстовых иллюстрациях) следующим образом: I – Один день из жизни Ивана Денисовича; II – Матрёнин двор; III – Крохотки; IV – Правая кисть; V – Случай на станции Кочетовка; VI – Для пользы дела; VII – Захар-Калита; VIII – Как жаль; IX – Пасхальный крестный ход.

УДК 81'373.221:801.631.5

УСТОЙЧИВЫЕ ТРОПЕИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ ДЕНДРОНИМА *КЛЕН* В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ XIX-XX ВЕКОВ

СОКОЛОВА МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА
к. пед. наук, доцент кафедры русского языка,
литературы и лингвокриминалистики,
Тольяттинский государственный университет,
Россия, г. Тольятти, msok71@mail.ru

В статье рассматриваются устойчивые семантические признаки дендронима *клен*, лежащие в основе его тропеических номинаций в поэтических текстах XIX-XX веков. Выявлен состав семантических признаков на основе ассоциативной сочетаемости дендронима *клен*. Определен состав образов сравнения, группирующихся вокруг 10 образных парадигм, участвующих в формировании семантических признаков поэтического клена. Установлено, что устойчивые семантические признаки дендронима *клен* в поэтических контекстах обусловлены конкретно-зрительными особенностями самого денотата.

Ключевые слова: поэтика семантического признака, дендронимы, образная парадигма, образ сравнения, тропы, поэтический образ.

Проблему устойчивых образных характеристик в поэтическом языке впервые обозначил А.Н. Веселовский: «поэтический язык состоит из формул, которые в течение известного времени вызывали известные группы образных ассоциаций положительных и ассоциаций по противоречию <…>. Поэтические формулы – это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов, в одном более, в другом менее; по мере нашего развития, опыта и способности умножать и сочетать вызванные образом ассоциации» [1, с. 295]. Обзор различных подходов к изучению устойчивых поэтических образов в лингвистике и литературоведении осуществлялся нами в статье, посвященной базовым понятиям, послужившим теоретической основой исследования семантического поля дендронимов в поэтическом языке [9]. В рамках данной статьи мы придерживаемся подхода к изучению устойчивых поэтических образов в аспекте их парадигматичности и инвариантности.

Как отмечают современные исследователи, поэзия XVIII – начала XX вв. располагает ограниченным количеством традиционных тропов, которые используются в своем изначальном или трансформированном виде [2; 3; 6]. Традиционные тропы группируются в образные парадигмы или гнезда тропов с общими опорными словами. Например, наиболее устойчивыми образными характеристиками деревьев в поэтическом языке являются образные парадигмы с опорными словами *существо, пространство, орудие, звук, орган, ментальное, свет, вместилище, информация, вещество, огонь, вода, стихия* и др. [6]. Данные образные парадигмы включают в себя множество частных парадигм, представленных конкретизирующими образами сравнения, например, дерево – *воин, витязь, капрал*; дерево – *зверь, вол, лисица* и т.д.

Предметом рассмотрения в данной статье стали устойчивые тропеические номинации дендронима *клен* в поэтическом языке XIX-XX веков. При определении актуальности проблемы исследования мы исходим из положения о том, что «степень и характер членения референтной области (жизнь, любовь война и пр.) в творчестве отдельного автора или целого поэтического направления, по сути, отражает концепцию его мировосприятия, семантику поэтического универсума» [4, с. 194].

Цель исследования – выявить устойчивые тропеические номинации дендронима *клен* в поэтических текстах XIX-XX веков в аспекте «поэтики семантических признаков» (по терминологии О.Г. Ревзиной). Материалом для исследования послужили фрагменты поэтических контекстов XIX-XX вв., репрезентирующих лексему *клен* в качестве предмета и источника тропеических номинаций. Объем выборки включает 343 примера поэтических фрагментов, отобранных на основе поэтического корпуса Национального корпуса русского языка [5].

По нашим наблюдениям, устойчивые, повторяющиеся у разных авторов различных поэтических периодов образы сравнения, характеризующие дендроним *клен*, объединяются вокруг семантических признаков, находящих опору в особенностях самого изображаемого денотата: цвет золотых осенних листьев, густая, раскидистая, широкая крона, резная форма листа и др.

Как показывает рассматриваемый материал, лексему *клен* в поэтическом контексте характеризуют 15 устойчивых семантических признаков. Приведем их в порядке убывания регулярности, т.е. частотности воспроизводимости: «золотой» (22%), «круглая или полукруглая форма» (9%), «спать» (8%), «кровь» (8%), «неровные края, с выступами» (8%), волосы (кудри (7%), лохматый (3%), «голова» (6%), «узорный» (6%), «сетчатый» (5%), «старый» (5%), «шептать» (4%), «резной» (3%), «пылать» (3%), «огненный» (3%).

Устойчивые образы сравнения становятся средствами поэтики данных семантических признаков, т.е. способами выражения семантических признаков на уровне ассоциативной сочетаемости. Рассмотрим далее способы выражения названных семантических признаков с помощью образных парадигм, соотносимых с тропами различных видов.

В поэзии XIX века клен как элемент сезонного пейзажа становится приметой осени, а его устойчивым цветовым признаком – «золотой». В поэзии XX века к их числу добавился цветовой признак «огненный». Реализация семантических признаков «золотой» и «огненный» связана с образами сравнения, составляющими следующие парадигмы:

– «клен – вещества, металлы, минералы»: *золото (златой, золотой, злато, золотистый, златистый, золоченый, золотиться, озолоченный, позолота, позлащать): Но клен с одеждой золотою, / Дуб в пурпуре своих листов, / И ели с зеленью густою / Прелестней взору, чем весною / Однообразный вид лесов* (А.С. Хомяков. Вадим: «День тухнет, хладен ветр над Ладогой седою, ...». 1820); *Осенний полдень светел, и на север / Уходят тучи. / Клены золотые / И белые березки у балкона / Сквозят на небе редкою листвой*

(И.А. Бунин. Отрывок (1901); *Дрогнули листочки, закачались клены, / С золотистых веток полетела пыль…* (С.А. Есенин. Буря. 1913-1915); *И вот – под ней / открытая дорога, листом посыпанная золотым – осиной / и березою, / и кленом…* (Б.П. Корнилов. Поколение Октября. 1935); *К улице Погодина Тропки привели. / Золотится кленами Роща над прудом* (М. Вега. Переделкино. 1968-1979);

– «виды энергии и внешние проявления энергии или физических процессов»: *огненный* (*Лишь помнится: осенью огненный клен / Стучал у окошка по острому краю, / Где смотрит с простенка святой Симеон* (А.Д. Скалдин. «Морозное утро. Означились четко...». 1909-1916); *Вдруг – как опаленный, / Огненный, как вино, / Лист багрово-кровавого клена / Впархивает в окно* (Д.Л. Андреев. «Холодно в замке. По переходам...» [Королева Кримгильда, 6]. 1942).

По семантической смежности с обозначенными признаками связаны признаки «пылать» и «кровь», которые репрезентируются образами сравнения в составе следующих парадигм:

– «виды энергии и внешние проявления энергии или физических процессов»: *А в бору пылают клены / От столетней плеши* (С.А. Клычков. Леший. 1910); *А вокруг еще пылают клены, / И синее неба генцианы, / И томящие, как зов влюбленной, / Звуки неба – птичьи караваны* (В.Ю. Янковская. Осень. 1938);

– «клен – части тела человека»: *кровь (кровавить, кровавый): Вон и клен, омытый кровью, / Уж не клен ли не зелён?* (С.М. Городецкий. Пожар. 1907); *Отнимите жемчуг – останутся слезы, / Отнимите злато – останутся листья / Осеннего клена, отнимите пурпур – / Останется кровь* (М.И. Цветаева. «Отнимите жемчуг – останутся слезы...». 1913-1920); *Сентябрьский день, лазурно-золотой, / Кругом сиял, и клены в синем небе / Струили кровь* (С.М. Соловьев. Троица Рублева. 1928); *Эти облитые кровью / Клены у изголовья! / Эти деревья – вымысел!* (И.В. Елагин. «Эти облитые кровью...». 1939-1953).

Форма листа и лиственного покрова клена стали источником таких семантических признаков, как «круглая или полукруглая форма», «неровные края, с выступами», «узорный», «сетчатый», «резной». Данные признаки стали обязательным элементом поэтического изображения в поэзии XIX – первой половины XX веков. Реализация названных признаков связана с образами сравнения, составляющими следующие парадигмы:

– «клен – предметы быта, имеющие круглую, полукруглую форму»: *шатер*, *корона, кольцо, свод, купол, зонт, сноп, веер, опахало* и др.: *Столпились тесно липы, сосны, клены, / Над озером смыкаются кольцом – И в синеве сплетаются венцом / Их пышные зеленые короны* (Ю.Н. Верховский. «Столпились тесно липы, сосны, клены...». 1908); *На голове – корона / Из звездных листьев клена* (С.Я. Алымов. Осенник. 1920); *А рядом – кленов опахала, / Дом в тишине, цветы, плоды…* (Саша Черный. Раненые. 1928); *И*

воткнут клен, как старомодный зонт, / У дорогой, у сгорбленной могилы! (П.Н. Васильев. Глафира. 1930);

– «клен – предметы с неровными краями, выступами»: *зубчатый, крылышки: Беру большой зубчатый лист с тугим / Пурпурным стеблем* (И.А. Бунин. «Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...». 1917); *безгласно в эту мглу вошла ты, и все, что скучно стыло встарь, все сказкой стало: клен зубчатый, геометрический фонарь* (В.В. Набоков. «Я помню в плюшевой оправе...». 1923);

– «клен – информация»: *узор, резьба* (*Я смотрю, как в ясном небе надо мной / Обнимается зеленый клен с сосной, / Как рисуется по дымке облаков / Подвижной узор причудливых листов* (К.К. Случевский. На кладбище. 1860); *Раскинет резьбу изумрудного клена / И долгою песней зеленого звона / Чарует дремотную лень* (К.Д. Бальмонт. Славянское древо [Тени богов светлоглазых]. 1907) *Клен отдает со вздохом и поклоном последний свой узорный образок* (В.В. Набоков. Осень.1922) и др.;

– «клен – сетчатое изделие»: *сеть, вуаль, кружева*: *Со друзьями ли беседуешь / Под покровом кленов сетчатым, / На ковре лугов узорчатом* (А.Ф. Воейков. К Ж<уковскому>. 1813); *Будет взорам так приятно / Утопать в сетях зеленых, / А потом на темных кленах / Зажигать цветные пятна* (И.Ф. Анненский. Миражи. 1909); *А на кленах – дымчато-сквозная / С золотыми мушками вуаль* (И.А. Бунин. Из окна. 1906); *Как светло-прозрачна синева. Листья клена – золотые кружева* (Муни (С.В. Киссин). «Веет грустью ласковой, осенней...». 1907);

– «клен – части тела человека»: *сердце Клен жужжит, звонит и сыплет / Черно-красными сердцами, / Вот появится косы плеть / И возьмет себе на память / Самый алый, самый сиплый / Червой вырезанный лист, / Звонкий и сухой, как Лист* (И.Л. Сельвинский. Осень. 1923);

– «клен – небесные явления»: *звезда* (*Усыпанных звонкими звездами кленов, / И как светляки в травянистых сцеплениях – Пятилепестковые души влюбленных* (Л.Н. Чертков. Ночная красавица. 1959); *Золотые звезды с сучьев клена на асфальте ковриком легли, и туман, серебряный и сонный, скрыл шероховатости земли* (М. Визи. Город. 1949.).

Среди представленных многочисленных ассоциаций устойчивый характер приобрела ассоциация «кленовый лиственный покров – шатер, раскинувшийся над возлюбленной», которую вводит в поэзию А. Фет.

По наблюдениям М.Н. Эпштейна [10], в творчестве А. Фета впервые в русской поэзии кленовый лист уподобляется сердцу посредством образного параллелизма: *И болью сладостно-суровой, / Так радо сердце вновь заныть, / И в ночь краснеет лист кленовый, / Что, жизнь любя, не в силах жить* (А. Фет. «Опять осенний блеск денницы…»).

В начале XX века появляется новое образное соответствие «форма кленового листа – звезда», которое будет особенно регулярно использоваться в поэзии 40-50 годов XX века.

В пейзажной лирике XIX-XX веков наибольшее распространение получила традиция антропоморфного изображения клена. Клен в поэтических контекстах становится собеседником лирического героя, свидетелем происходящих событий, самостоятельным субъектом действия. Характерными способами выражения антропоморфного изображения являются образы сравнения, выражающие устойчивые семантические признаки: «спать», «шептать», «голова», «кудри», «лохматый», «старый»:

– «клен – поведение человека»: *спать (дремать), шептать*: *Под окном моим сквозь дрему / Шелестит ветвями клен, / У корней его левкои / Погрузились в сладкий сон* (Максим Горький. «Дремлет сад... И небо дремлет...». 1895); *Песня – сладостно грустна, /Как весна / Нашим северных губерний, / В час, когда задремлет клен* (С.М. Соловьев. Пастораль. 1906); *Вдоль по речке – ни волны; / Клены – в сон погружены; / Спит под ивами байдарка; / Спит заброшенная барка; Полдень парит; всюду жарко; / Все о прошлом видит сны* (В.Я. Брюсов. Мраморная арка. 1916); *Пробуждаются клены от сна, / Чтоб, как бабочки, листья захлопали* (Н.А. Заболоцкий. «Уступи мне, скворец, уголок...». 1946);

– «клен – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»: *старый, кудри, лохматый*: *Скажи, кудрявый сын лесов священных, / Исполненный могучей красоты, / Средькамней, соковжизненныхлишенных, / Какой судьбою вырос ты*? (В.К. Кюхельбекер. Клен. 1832); *Только вдруг мой старый клен / Вскинул весело кудрями / И пошел в полупоклон, / Подбоченившись ветвями* (И.Л. Сельвинский. Клен. 1934); *Вот и сердцу легче стало, / Ветра теплая рука / По листу перелистала / Книгу клена-старика* (В.Т. Шаламов. «Упоительное бегство...». 1937-1956); *Повстречались мне в дороге два цыгана, / Два цыгана – клен кудрявый, лес густой* (В. Блаженный. Путешествие. 1979);

– «клен – части тела человека»: *Когда пылает полдень знойный / И свод небесный раскален, / Тогда вкусим мы сон спокойный, / Где ильм и ель, широколистый клен / И древний дуб, сплетаяся ветвями, / Склонят свою главу и зашумят над* нами (А.С. Хомяков. Послание к другу: «О друг мой, ты пойдешь на край земли со мною, ...». 1822); *И я знаю, есть радость в нем / Тем, кто листьев целует дождь, / Оттого что тот старый клен / Головой на меня похож* (С.А. Есенин. «Я покинул родимый дом...». 1918); *Клены длиннополые, как сваты, / Крепко спали головами врозь* (А.А. Прокофьев. «По волнам, по дням, по перекатам...». 1933); *Клен и рослый и плечистый / В дрожи с головы до пят, / Перепуганные листья /До рассвета шелестят* (В.Т. Шаламов. «Клен и рослый и плечистый...». 1937-1956); *А иногда в туманном освещенье / Евангельский сюжет изображает клен – / Сиянье, золотое облаченье / И поворот лица, и головы наклон* (Д. Самойлов. «А иногда в туманном освещенье...». 1986).

В поэзии XIX века при метафорической характеристике клена посредством уподобления человеку актуализировались возраст, голова, отдельные действия. В поэзии XX века, особенно в лирике С. Есенина,

складывается целостный антропоморфный образ клена, наделенный портретными деталями, поведением и характером. Подробнее вопрос о специфике образа клена у С. Есенина раскрыт в [8].

Таким образом, на уровне ассоциативной сочетаемости лексему *клен* в тропеическом употреблении характеризуют 15 устойчивых семантических признаков (в порядке убывания регулярности, т.е. частотности воспроизведения): «золотой», «круглая или полукруглая форма», «спать», «кровь», «неровные края, с выступами», «кудри», «лохматый», «голова», «узорный», «сетчатый», «старый», «шептать», «резной», «пылать», «огненный». Выявленные семантические признаки являются интегративными, так как они объединяют вокруг себя устойчивые образные ассоциации, характеризующие *клен* в поэтическом языке.

Данные семантические признаки, как правило, обусловлены особенностями изображаемого денотата: цвет золотых осенних листьев, густая, раскидистая, широкая крона, резная форма листа и др. Все эти особенности изображаемой реалии получили воплощение во многочисленных устойчивых, повторяющихся образах сравнения, составляющих 10 образных парадигм: 1) «клен – вещества, металлы, минералы»; 2) «виды энергии и внешние проявления энергии или физических процессов»; 3) «клен – поведение человека»; 4) «клен – части тела человека»; 5) «клен – внешние признаки и внутренние качества и свойства человека»; 6) «клен – предметы быта, имеющие круглую, полукруглую форму»; 7) «клен – предметы с неровными краями, выступами»; 8) «клен – информация»; 9) «клен – сетчатое изделие»; 10) «клен – небесные явления».

В поэзии XIX-XX веков наибольшую частотность получили антропоморфные характеристики *клена* посредством тропов, уподобляющих данную номинацию человеку. Это обусловлено тем, что в поэтических контекстах *клен* все чаще изображается не только как элемент осеннего пейзажа, но и как самостоятельный субъект действия, собеседник лирического героя или свидетель разворачивающихся событий.

Особенно ярко и полно традиция антропоморфного изображения клена воплощена в лирике С. Есенина, что проявляется в том, что *клен* у С. Есенина получает детальную портретную характеристику и наделяется своеобразным характером и особенностями поведения.

Список литературы

1. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Вступ. ст. И.К. Горского; Коммент. В.В. Мочаловой. М.: Высш. школа, 1989. 404 с.

2. Иванова Н.Н. Поэтический язык XIX-XX вв. Лексикографический аспект изучения // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста / В.П. Григорьев, И.И. Ковтунова, О.Г. Ревзина и др. / Под ред. В.П. Григорьева. М.: Наука, 1990. С. 46-56.

3. Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Избранные работы по языку художественной литературы / Сост. Е.В. Красильникова, Е.Ю. Кукушкина, З.Ю. Петрова; под общ. ред. З.Ю. Петровой. М.: Знак, 2009. С. 531-600.

4. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка: Монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. Омск: Омский гос. ун-т, 1999. 268 с.

5. Национальный корпус русского языка: http:// ruscorpora.ru (дата обращения: 25.03.2019). Все примеры приводятся по данному источнику.

6. Павлович Н.В. Язык образов. Парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., исправ. и доп. М.: «Азбуковник», 2004. 527 с.

7. Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2009. 600 с.

8. Соколова М.Г. Динамика образа клена в лирике С.А. Есенина: лингвопоэтический аспект // Русистика без границы. 2017. Т. 1. № 4. С. 35-40

9. Соколова М.Г. Сопоставление подходов к изучению устойчивых поэтических образов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 1 (178). С. 90-96.

10. Эпштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной…»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. школа, 1990. 303 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

УДК 372.881.161.1

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЕ

БЕЛОУСОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
студентка института филологии,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, kafedra.tirj@mail.ru

В статье рассматривается вопрос необходимости формирования этнокультурологической компетенции в общеобразовательной школе. Приводятся методы и приёмы формирования этнокультурологической компетенции на уроках русского языка в общеобразовательной школе.

Ключевые слова: компетенция, этнокультурологическая компетенция, культуроведческий материал, общеобразовательная школа, русский язык, урок, этапы.

В настоящее время в России одним из условий воспитания подрастающего поколения выступает формирование поликультурной личности, одновременно сочетающей в себе ориентацию на этнокультурологические духовные ценности и толерантность, а также способность к межкультурному конструктивному диалогу и партнёрству.

Современный педагогический процесс – это процесс, в котором человек и культура в поисках взаимосвязи обращаются к гуманитарным наукам, педагогическому знанию, психологии, религии, искусству, народным традициям. В современных условиях в научной литературе по проблемам обучения преобладает точка зрения о необходимости этнокультурологического подхода к изучению обществоведческих и гуманитарных дисциплин.

В настоящее время образовательное пространство России претерпевает качественные изменения, и особая роль в обновляющемся учебном процессе принадлежит филологическому образованию: русскому языку и русской литературе как предметам изучения и как явлениям национальной культуры.

Роль русского языка в общеобразовательной школе становится значительно шире предмета обучения: в современном контексте родной язык должен восприниматься как особое национальное явление, воплощающее историческую и эстетическую память народа, источник знаний в разных областях общечеловеческой и национальной культуры.

По мнению таких авторов, как А.А. Волков, Е.О. Галицких, О.А. Ганабова, И.А. Григорченко, Р.А. Дощинский, Л.В. Дудова и др., содержание учебного предмета «Русский язык» ориентировано на формирование определённых компетенций – языковой, лингвистической, коммуникативной и культурологической.

По мнению таких авторов, как А.Д. Дейкина и Л.А. Ходякова, Н.А. Туранина, Л.З. Шакирова, Л.Г. Саяхова, в современный период развития методики преподавания русского языка является востребованным этнокультурологический подход в обучении, т.е. усвоение в процессе изучения языка жизненного опыта народа, его культуры (национальных традиций, религии, нравственно-эстетических ценностей, искусства) и духовно-эстетическое воздействие на мысли, чувства, поведение, поступки обучаемых.

Одной из основных целей обучения русскому языку в современной общеобразовательной школе является формирование этнокультурологической компетенции, которая основывается на осознании языка как формы выражения национальной культуры. Этнокультурологическая компетенция учитывает специфику русского языка, овладение нормами культуры межнационального общения, взаимосвязь языка с традициями и историей народа. Изучение русского языка должно происходить неотрывно от приобщения учащихся к культуре, традициям русского народа.

Этнокультурологическая компетенция предполагает формирование у учащихся необходимых знаний учебного культурологического материала, владение минимумом общелитературной лексики, знание языковых средств (фонетических, лексических, грамматических). По мнению Е.А. Морозкиной, этнокультурологическая компетенция ориентирована на «деятельностный подход, позволяющий приобретать умение использовать полученные знания на практике в ходе межкультурных коммуникаций и в межкультурном общении» [3, с. 323].

Реализация этнокультурологического подхода в методике преподавания русского языка непосредственно связывается с понятием народной культуры. Применение культуроведческого материала в практике педагога разнообразно:

1. Использование жанров устного народного творчества в качестве дидактического материала при изучении лексико-грамматических тем.

2. Использование изделий декоративно-прикладного искусства как средства наглядности с целью развития связной речи учащихся.

3. Использование текстов с национально-культурным компонентом, содержащим сведения о русской культуре, о быте, традициях, обычаях русского народа, о духовных и материальных ценностях русского народа.

Использование культуроведческого материала обеспечивает повышение познавательной активности учащихся, расширяет коммуникативные возможности, благоприятствует созданию положительной мотивации, способствует решению воспитательных задач.

Этнокультурологическая компетенция формируется на уроках русского языка в общеобразовательной школе при работе со следующими разделами:

1. Орфоэпия – изучение постановки ударения.

2. Лексика – рассмотрение слова не только как единицы языка, но и как единицы культуры.

3. Фразеология – величайшая сокровищница и ценность любого языка, которая отражает историю, многовековой опыт и духовную деятельность народа, его нравственные ценности, религиозные воззрения и верования.

4. Грамматика – изучение строя слова, словосочетания и предложения в историческом развитии.

5. Синтаксис – изучение приёмов построения предложений.

Формирование этнокультурологической компетенции предполагает не только практическое овладение языком и основами лингвистики, но и осознание языка как феномена культуры, культурно-исторической среды, национальной специфики языковой картины мира, национально-культурного компонента значения языковых единиц.

Среди основных задач педагогического воздействия, способствующих формированию этнокультурологической компетенции на уроках русского языка в общеобразовательной школе, можно выделить:

1. Определение основных направлений и этапов педагогической работы по формированию этнокультурологической компетенции на уроках русского языка в общеобразовательной школе.

2. Подбор учебно-культуроведческих материалов в соответствии с возрастной категорией учащихся.

Предлагаемая нами методика по формированию этнокультурологической компетенции на уроках русского языка в общеобразовательной школе состоит из трёх этапов:

I. Подготовительный этап.

Включает в себя работу, направленную на овладение нормами литературного языка, обогащение словарного запаса, развитие различных видов речевой деятельности.

Нами были составлены подготовительные упражнения двух типов:

1. Упражнения, направленные на работу над словом и словосочетанием. Цели данной группы упражнений: развитие умения подбирать подходящие слова для передачи точного смысла высказываний; формирование умения составлять высказывания по аналогии; раскрывать понятия многозначности слов на конкретных примерах; закреплять в речи правильные нормы ударения в словах.

2. Упражнения, направленные на работу над предложением и текстом. Цель данной группы упражнений: сформировать умение создавать тексты, опираясь на памятки, и без них; учить анализировать тексты разных стилей; развивать умение связно излагать свои мысли.

3. Упражнения, направленные на формирование различных видов речевой деятельности.

II. Основной этап.

Предполагает проведение педагогической работы по формированию этнокультурологической компетенции на уроках русского языка в общеобразовательной школе.

Основные задачи данного этапа работы:

1. Подобрать учебно-культуроведческий материал, способствующий формированию этнокультурологической компетенции, включающей когнитивный, коммуникативный и кумулятивный (культуроносный) компоненты.

2. Показать учащимся значимость культурного и духовного наследия, освещая такие ценности, как патриотизм, сострадание, взаимопомощь и др.

3. Помочь приобрести учащимся опыт духовно-творческой личности, способной научиться ориентироваться в современном культурном пространстве.

Разнообразие учебно-культуроведческого материала определяет и разнообразие приёмов работы:

1. Культурологические комментарии, например, комментарии к устарелым словам, встречающимся в тексте.

2. Культурологическая справка – развёрнутое объяснение какого-либо явления культуры.

3. Культурологическая характеристика литературного образа.

4. Культурологический анализ литературных произведений.

На наш взгляд, использование произведений искусства в качестве дидактического, иллюстративного материала на уроках русского языка способствует формированию этнокультурологической компетенции учащихся, поскольку произведение искусства несёт в себе не только отпечаток личности автора, его индивидуальное видение мира, но и след определённой исторической эпохи, является частью национально-культурного наследия народа. Приобщение к шедеврам русского искусства постепенно формирует у учащихся чувство красоты, добра, уважения к народу, воспитывает понимание преемственности традиций, достижений мировой культуры.

III. Заключительный этап.

Предусматривает закрепление полученных знаний и умений, направленных на формирование этнокультурологической компетенции на уроках русского языка в общеобразовательной школе.

На данном этапе была организована экскурсия в краеведческий музей, после чего было предложено написать культурологический комментарий. При выполнении подобной работы главная задача школьника – правильно подобрать слова для передачи точного смысла высказывания.

Таким образом, использование учебно-краеведческого материала помогает сделать уроки русского языка интегрированными по содержанию, способствует активизации мыслительной деятельности, развитию эмоциональной сферы, совершенствованию лингвистической грамотности. Этнокультурологический подход в методике преподавания русского языка способствует нравственному и эстетическому воспитанию современной духовно-нравственной личности.

Список литературы

1. Доманский В.А. Литература и культура: Культуроведческий подход к изучению словесности в школе: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2002. 368 с.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
3. Морозкина Е.А. Русский язык в полиэтнической среде: Социокультурные проблемы лингвистического образования: Материалы Международной научно-практической конференции. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 336 с.
4. Морозов И.А. Этнокультурная компетентность и стандарты общего образования второго поколения // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2011. С. 49-52.

УДК 811.112.6

АНАЛИЗ СМЫСЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ТЕКСТА ПРИ ПОДГОТОВКЕ К ЕГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

БИРЮКОВА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
д. пед. наук, профессор кафедры русского языка,
методики его преподавания и документоведения ЕГУ им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, btg@yelets.lipetsk.ru

В статье рассматриваются приемы логико-смыслового анализа текста на уроках русского языка в старших классах. Установление смысловых отношений помогает глубже понять содержание теста, позицию автора. Такой вид работы востребован при подготовке к ЕГЭ по русскому языку.

Ключевые слова: приемы выявления содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации текста, смысловые отношения между предложениями и частями текста, ключевые слова, логико-смысловая модель текста.

Деятельность, направленная на понимание смысла, связана с умениями семантического сжатия и развертывания текста. Основу операций составляет соотнесение смысловой сферы текста с его формой, что проявляется в выделении ключевых слов и определении семантического пространства текста. Рассмотрим роль названных приемов в работе по анализу текста на уроках русского языка.

Понимание смысла высказывания связано с определением разных типов информации, содержащихся в нем. В лингвистике текста получили признание три типа информации: содержательно-фактуальная (СФИ), содержательно-концептуальная (СКИ), содержательно-подтекстная (СПИ) [см. 1]. СФИ содержит сообщения о фактах, событиях, процессах, СКИ раскрывает авторское понимание отношений между этими явлениями, фактами, событиями, реализует замысел автора, СПИ передает скрытый смысл, содержащийся в описании фактов, явлений, событий.

Данные типы информации соотносятся с уровнями значения текста: поверхностным, глубинным, собственно смыслом. Поверхностный уровень значения реализует содержательно-фактуальную информацию и связан с пониманием совокупности темы и подтем текста. Для выявления этого значения необходимо выделить ключевые слова, которые обозначают тему, отражают основное понятие текста и его логическое развитие (повторы, синонимы, однотематическая лексика). Глубинный уровень значения текста содержит подтекстовую информацию. Для ее понимания необходимо соотнесение поверхностного и глубинного уровней значения. При этом текст анализируется с точки зрения смысловых отношений между его частями. Ключевыми знаками являются различного рода несоответствия: ситуативные, структурные, стилевые, а также контрастные части, показывающие неоднозначность авторской позиции (нарушение вопросно-ответного единства, изменение структуры жанра и т.д.) [2, с. 48].

Собственно смысл текста – это его концепт. Выявление концептуальной информации связано с определением основной идеи текста, коммуникативной установки автора. Ключевыми знаками основной идеи выступают слова с оценочным, экспрессивным, коннотативным компонентами значения; а также конструкции, передающие логико-смысловые отношения между предложениями и частями текста: причинно-следственные, противительные, сопоставления, противопоставления и др.

Концепция набора ключевых слов (Л.В. Сахарный, А.Г. Штерн, Л.Н. Мурзин), согласно которой данные слова представляют собой некий минитекст, организованный, как любой текст, линейно и иерархически, и выступают результатом компрессии текста и опорой для его восстановления, имеет большое значение для методики преподавания русского языка. Важным является тот факт, что глубинные структуры текста передаются средствами языка на поверхностном уровне. Эксплицированность скрытых значений признается исследователями основной возможностью вычленения смысла, так как глубинный смысл текста выводится из совокупности поверхностных смыслов.

Таким образом, пониманию текста должен предшествовать его анализ, т.е. выявление знаков, свертывающих его информацию. Результатом анализа может стать создание логико-смысловой модели текста, которая строится на установлении смысловых отношений между ключевыми словами и концептуально значимыми частями текста. Такая работа целесообразна на уроках русского языка в старших классах, в частности при подготовке к ЕГЭ. Умение вычленять смысл текста на основе его формально-семантического анализа поможет учащимся при выполнении заданий, требующих понимания и интерпретации текста.

Контрольно-измерительные материалы ЕГЭ по русскому языку содержат два задания такого типа. Ученикам предлагаются тексты, относящиеся к разным функциональным стилям речи: научному и публицистическому или художественному. К текстам даются задания, связанные с контролем понимания их содержания.

Рассмотрим анализ научного текста, который включает три задания. Первое направлено на содержательный анализ текста. Необходимо определить смысловые отношения между предложениями, выявить основную идею. Например: Укажите два предложения, в которых верно передана **ГЛАВНАЯ** информация, содержащаяся в тексте. Запишите номера этих предложений.

(1)Диалектология теснейшим образом связана с такими науками, как история языка, этнография. (2)Историки языка всегда обращались к данным современных диалектов, поскольку в них в силу неравномерности развития нередко сохраняются архаичные элементы фонетического и грамматического строя, которые могут быть использованы при объяснении истории звуков. (3)… этнографов и историков народной культуры интересует прежде всего диалектная лексика, так как в основных тематических группах диалектной лексики выражены народные представления о мире.

Данное задание направлено на выявление в первую очередь логико-смысловых связей, так как собственно научная лексика не всегда понятна учащимся. С этой целью необходим поиск ключевых слов текста и установление смысловых отношений между ними. В приведенном примере ключевыми являются слова *диалектология, история языка, этнография.* Они образуют первую смысловую цепочку, связанную с понятием *диалектология*. Нужно выстроить смысловые цепочки к другим ключевым понятиям: *история языка – история звуков; этнография – диалектная лексика*. Главная информация текста будет содержать именно этот набор сведений. Сравним два варианта ответов:

1) Тесная связь диалектологии с историей языка и этнографией обусловлена тем, что сохраняющиеся архаичные элементы помогают историкам языка объяснить происхождение тех или иных звуков, а диалектная лексика, раскрывающая народные представления о мире, интересует этнографов и историков народной культуры.

2) Диалектология теснейшим образом связана с такими науками, как история языка и этнография, ведь современные границы диалектов позволяют с большей или меньшей степенью вероятности восстановить границы, разделявшие древние племена, а затем различные феодальные области.

Подчеркнутые нами ключевые слова показывают, что полная информация содержится в 1-м предложении, во 2-м она отражена частично, кроме того, даны сведения, отсутствующие в тексте. По такому же принципу выбирается еще одно предложение, содержащее главную информацию: «В современных диалектах сохраняются архаичные элементы, которые могут быть использованы при объяснении истории звуков, а диалектная лексика помогает понять народные представления о мире, чем и объясняется теснейшая связь диалектологии с историей языка и этнографией».

Следующее задание к этому тексту направлено на установление смысловых отношений между частями текста и поиск слова, передающего данные отношения. Учащимся предлагается вставить на место пропуска сочинительный союз. Для выбора правильного ответа следует вернуться к

выделенным смысловым цепочкам: *диалектология – история языка, этнография; история языка – история звуков; этнография – диалектная лексика.* Пропущенное слово находится в начале 3-го предложения, т.е. между второй и третьей цепочкой. Если восстановить смысловые отношения между этими цепочками, то получим предложение *Историков языка интересовала история звуков, **а** этнографов – диалектная лексика.*

К данному тексту дается еще одно задание, оно направлено на понимание значения слова. Приводятся фрагменты словарных статей, передающие разные значения или оттенки значения этого слова, которые в некоторой степени соотносятся с пониманием сферы общения, определяющей условия функционирования слова. Рассмотрим пример.

Задание. Прочитайте фрагмент словарной статьи, в которой приводятся значения слова ОБРАТИТЬСЯ (ОБРАЩАТЬСЯ). Определите значение, в котором это слово употреблено во втором предложении текста.

ОБРАТИТЬСЯ, -ащусь, -атишься; сов.

1) *вокруг чего*. Совершить кругообразное движение вокруг чего-н. *О. вокруг своей оси*.

2) *к кому-чему*. Повернуться в направлении кого-чего-н. *О. лицом к окну*.

3) *к чему*. Направить на что-л. свою деятельность, приняться, взяться за что-н. *О. к первоисточникам. О. к занятиям*.

4) *к кому*. Направиться к кому-н. с просьбой или отнестись к кому-н. с какими-н. словами, с речью. *О. к врачу. О. с вопросом, за советом к кому-н*.

5) *в кого-что*. То же, что превратиться. *Вода обратилась в пар*. *Разговор обратился в шутку. О. в слух*. (перен.: начать внимательно слушать).

Анализ примеров показывает, что 1 вариант связан с естественными науками, 2 и 4 – с бытовой сферой, 5 синонимичен слову *превратился*, которое не отвечает приведенному контексту, и лишь 3 соответствует стилю гуманитарных наук, к которым и относится данный текст.

Подводя итог, отметим, что для понимания семантически сложного текста необходим его логико-смысловой анализ, суть которого составляет переход от вещественного анализа формы текста к абстрактному пространству его структуры. В основе анализа лежат понятия *ключевые знаки* и *смысловые отношения*. Обучение приемам логико-смыслового анализа текста решает комплекс задач языкового образования: осознание учащимися динамических семантических связей текста развивает их логическое мышление, языковое чутье, формирует метапредметные умения, необходимые для понимания смысла любого высказывания.

Список литературы

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. 144 с.

2. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Издательство «Ось-89», 1999. 192 с.

УДК 378 (378.147) / УДК 81-23

РАБОТА СО СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫМИ МУЗЫКАЛЬНЫМИ ТЕКСТАМИ НА УРОКАХ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО СТУДЕНТОВ-МУЗЫКАНТОВ

ВАСИЛЕВА БОНКА ДИМИТРОВА
д-р, старший преподаватель,
Национальная музыкальная академия
имени профессора Панчо Владигерова
Болгария, София bvaszileva@gmail.com

Специализированные музыкальные тексты имеют сложный язык, который характеризуется повышенной номинативностью, богатой синонимикой и метафоричностью, высокой частотой использования терминов. Процент новых слов даже в коротком аутентичном тексте часто может превышать процент, необходимый для преодоления порога понимания. Работа с такими текстами является важной частью уроков болгарского языка для иностранных студентов-музыкантов. В статье рассматривается разработанная прикладная методология работы с адаптированнымии аутентичными музыкальными текстами, способы преодоления трудностей их понимания.

Ключевые слова: обучение болгарскому языку как иностранному студентов-музыкантов, специализированные музыкальные тексты, преодоление трудностей, методология работы.

Обучението по български език на чуждестранните студенти музиканти има за цел да подпомогне общуването им с преподавателите по време на уроците по пеене, по музикален инструмент, по актьорско майсторство и др., както и овладяването на основите на музикалния език, необходим им за тяхната теоретичнаподготовка по основните изучавани дисциплини (теория на музикалните елементи, история на музиката, инструментознание и други).

I. Езикът на музиката се развива заедно със стремежа за усъвършенстване на познанието за нея. През годините се променят подходите към изследването ú, към анализа на музикалните„текстове“, изменя се начинът на интерпретация на творбите.

Съвременния тмузикаленезиксе отличавасъс сложност и многообразиеотподстилове, породени от многоликостта и сложността на обекта на изследване, описване и изучаване – музиката, както и от целите, с които се подхождакъм него – да се овладеепеенето, свиренето, анализа на музикалния „текст“ и др. Самитемузиколози, за да изразятмузикалнитесмисли, търсятвъзможности за разширяване и обогатяване на речта, катоприбягват, например, до научнияметаезик на семантиката [вж. 1], който е приет и съществува и в другите изкуства и е предназначен да изрази значението им. Пренасянето на семантическия метаезик към музиката и нещо повече – развиването на „музикалната семантика“, според тях, е обосновано от необходимостта от единна гледна точка при изследване на многообразието от знакови системи и дискурси в културата.

Музикалният метаезик е необходим и засловесно назоваване иизразяване на музикалната семантика, тъй като „съвсем не всички значения в нея могат да бъдат преведени на словесен език“ [1, с. 1], а също и защото „езикът не разполага с изразни формули за музикалните съдържания“ [1, с. 2]. Именно поради тази семантична (лексикална) и формална (синтактична) непълнота, или може би несъвършенство, на езика се появява необходимостта от създаване на нови понятия, или от появата на т.нар. от музиковедите „вторично създадени за целите на словесното назоваване на съдържателните единици на музиката“ [1, с. 2] понятия.Тези новоконструирани„музиковедски понятия“ за назоваване на „словесно непреводимото в музикалната семантика“ или на реалности от музикалната действителност, често „остават напълно неразбираеми в системата на словесния език, ако не се познава оригиналната музикална система, в която те придобиват своя смисъл“ [1, с. 2]. Музиковедите признават, че „не е необходимо винаги да има словесни еквиваленти на музикалното значение“, но в същото време самите те запълват тази липса със свободно използване на „чисто музикологични понятия“ там, където не намират подходяща дума от обикновения език [1, с. 2]. И така, за назоваване на музикалната семантика се развива един нов език, опитващ се да изрази и назове неназовими смисли, съдържащи се в дълбинните пластове на музиката; да „преведе“ непреводимото.

Музикалният научен стил – езикът на специализираните музикални текстове (специализираните текстове на музикална тематика), не е бил предмет на лингвистично изследване в България, което затруднява използването на такива текстове в обучението по български език като чужд.

Наше проучване, направено за прагматични цели, а същои за целите на настоящото изследване, разглежда кратък текст (1 страница, 372 думи), откъс от научна статия по проблемите на вокалната методика, в която се представят основни принципи в работата с певците по време на репетиционния процес [2, с. 4]. Наблюдаваме морфологичните и синтактичните категории, необходими за разбирането на текста, и вида на употребената в него лексика, за да изведем някои характерни морфологични, лексикални и структурни особености на стила.

Текстът се отличава със засилена номинативност.Почти една трета от думите (125) са съществителни имена. Преобладават два словообразователни модела – *отглаголни съществителни с наставка -не* (и само едно съществително, образувано с наставка -ние) – общо 22 лексеми, и *съществителни с наставка -ост* (10 думи). Другата голяма група части на речта са прилагателните имена – 70 лексеми. След това са глаголите – 28, местоименията – 10. Числителните имена са само 2. Висок е броят на конекторите – 67, което е характерно за аналитичен език като българския. Най-често срещани са предлозите *на* и *за*. Употребата на първия е свързана основно с отглаголните съществителни, като номинативността последователно е предпочитана пред предикативността. Например, чест избор е използването на конструкция с отглаголно съществително, вместо с глаголна форма:

„…практиката е доказала, че усъвършенстването на певческото дишане е безполезно…“ вм. „…практиката е доказала, че да се усъвършенства певческото дишане е безполезно…“ [2, с 4]. Съюзите в текста са 21, от които преобладават съчинителните (основно *и*, свързващ еднородни части в състава на простото изречение, сложни съчинени изречения в сложното съчинено съединително, а също в значение на „също така“). Еднократно употребени са съчинителните съюзи*или* (алтернативен), *но* (противопоставителен), *както и* (присъединителен), *затова* (заключителен), *така наречената* (пояснителен). Последните три съюза, както и подчинителните обстоятелствени съюзи *освен че* (за изключване), *ако* (за условие), местоименните съюзи (*която, което, които* –за въвеждане на подчинени определителни изречения), които присъстватв текста, са характерни за научния стил като цяло.

За разбирането на текста са необходими следните морфологични категории: род и число на съществителните имена, съгласуване на съществителни и прилагателни– като много често съчетанията включват две и дори три прилагателни имена, съгласувани и несъгласувани определения от типа „икономичноплавно изразходване на въздуха“; словосъчетания от съществителни, най-често изразяващи отношения на принадлежност („отвор на устата“), предназначение („готовност за работа“); предложни словосъчетания („свобода на артикулационните органи“); отглаголни съществителни („дишане“, „озвучаване“, „задържане“); съществителни, назоваващи абстрактни имена на качества с наставка -ост („стеснителност“, „готовност“, „освободеност“); степени за сравнение; относителни, показателни, притежателни, възвратно-притежателни местоимения – най-голям е делът на относителните местоимения, употребени като съюзи; числителни редни и бройни имена; минало страдателно причастие – в състава на страдателна конструкция, и минало свършено деятелно причастие. От синтактичните особености: конструкция с *който*; конструкция от *предлог+който* (при което, върху която); конструкция с *на* (изразяване на принадлежност – свързване на две или повече словосъчетания от типа: *особена организация на певческото дишане)*.

В текста съвместно се използва общоупотребима и специализирана лексика, но и при двата вида лексика това ставапо характерен начин, със специфично значение, нерядко идващо от необичайната съчетаемост на думите („икономия на мускулна сила“). Терминологиятачесто включва: а/ сложни наименования, съдържащи две, три и повече думи: „вокално-педагогическата и изпълнителска практика“, „певческия отвор на устата“ и др.; б/ термини от различни научни области: „обем“, „напрежение“ (физика), „коремно дишане“, „артикулационни органи“ (медицина), „тренировки“ (спорт), „вокалната постановка“, „певчески методи“ (музика, педагогика) и др.; в/ думи и изрази, употребени в преносно, а не в пряко значение: „дихателнитенавици“, „еластичност на дихателните движения“, „сухите” тренировки на дишането“, „опора” на звука“, „металичност на звука“ и др.Наблюдава се и синонимикав използването на терминологията. Например, за назоваване на един и същ вид

дишане се използват поне три израза: „ниско-ребренокоремно“, „костабдоминално“, „певческо ниско-ребрено коремно“. Среща се и творческо съчетаване на термини, които назовават специфични, свързани с музиката, реалии, от типа: „сценична мускулна освободеност“, „озвучаването на въздушната струя“, „икономично плавно изразходване на въздуха“ и др.

II. Засиленатаноминативност иметафоричността на музикалните текстове, високата честота на употреба на термини, големият процент нови думи –дори в кратък текст, предполага висока степен на сложност на работата с тях.

Друг вид трудност е специализираното съдържание на текстовете, което обикновено е ново за учещите,или те само в малка степен може да се досетят за него. Поради това не може да се разчита на техен предишен социален, професионален или личенопит при възприемане на идеите в текста.

Съзнанието на учещите може да е неподготвено за възприемането и поради отдалечеността на българската певческа, инструментална, диригентска и др. традиция от културата на учещия – македонец, кипърец или китаец, украинец, сърбин или американец и т.н.

Прецизното формулиране на вида трудност енеобходимо за намиране на най-точния подход или методика за преодоляването ú, тъй като работата с такива текстове е важна част от уроците по български език на чуждестранните студенти музиканти.

III. Високата степен на трудност на текстовете предполага да се търси методика на работа, която в най-голяма степен да балансира езиковия, културния и професионалния опит на чуждестранните студенти. Затова на първо място работата ни е насочена към подбора на представителни текстове за изучаване, съдържащи високочестотна лексика, типични словообразователни модели и синтактични структури. Друг важен критерий за подбора на текстовете е тяхното съдържание – то трябва да е научно вярно, да се опира на познатото, но да носи нова, актуална и интересна информация за учещите. От особено голямо значение еда има смислови опори за възприемането на текста. Такива може да са, например, наличието на: сюжетност, развитие на действие (например, как подхожда авторът на един мотет при създаването му; как се променя оркестърът през годините; как живее и концертира един музикант през Класицизма и др.); аргументативност – да има ясно изразена теза и доказателства в подкрепа или в опровержение на нея (например, защо се променя и развива музиката; кое налага промяната на състава на оркестъра и разположението на музикантите в него и др.); в текста да се открояват добре един или повече смислови центъра (а не всяко изречение да отпраща към нова идея), за да бъдат те обект на наблюдение; понякога текстът може да описва напълно познати реалии (например тембър, регистър, преходни тонове на отделните певчески гласове) – тогава предмет на наблюдение става основно езиковият изказ; текстът може да бъде „дублиран“ в някаква степен от диалог, свързан със съдържанието му (например заболявания на носоглътката с диалог, описващ конкретни симптоми) и т.н.

Учебните текстове са три основни вида: *специално съставени* – за упражняване на определено лингвистично явление или за предлагане на речев модел или фраза заопределена комуникативна ситуация; *адаптирани* – за по-достъпно представяне на научен текст. Целта е запознаване с нова лексика и типични синтактични структури, както и придобиване на нови знания по съответния учебен проблем; *автентични* – за навлизане в музикалния език, предназначени предимно за четене с речник. Текстовете, разбира се, са подредени с нарастваща трудност и по точноопределена лексикална прогресия.

Целите на работата със специализираните музикални текстове са *конкретни*: а/ да се обогати лексикалната компетентност на учещите, като се дадат знания за нови думи и за словообразувателни модели; б/ да се разшири професионалната им информираност по основни теми от обучението им; и *дългосрочни*, насочени към: а/ формиране на умения за самостоятелна работа с други такива текстове; б/ предоставяне на стратегии за работа за преодоляване на трудностите в разбирането при четене в извънучебна обстановка; в/ развиване на комуникативната компетентност по български език.

Методиката на работа с тях отчита трудността на текста за учещите.

1. Работата с автентични и адаптиранитекстовечесто е предшествана от ***подготвителни задачи***, които целят да подпомогнатвъзприемането им. Тези задачи саняколко основни вида:

а/ предварителна *лексикална подготовка за възприеманетона текста*. Въвеждането на ключовите за разбирането на текста нови думи преди четене на текста е важна част от подготовката за възприемането им. Когатоновата лексика в един специализиран текст е над 60%, е уместно предичетенето на самия текст пред студентите да се въведеедна част от новитедуми. Критерий за подбора на тези думи е важността им за глобалното разбиране на текста.

Това става чрез предварително четене на изречения с ключовите думи от текста. Така не само се изяснява семантиката на част от новата лексика, но и се насочват студентитекъм съдържанието на самия текст. Ето напримероткъс от еднатакава „верига“ от изречения, предшестваща текст за музиката на Древността. Той започва с обяснение на „*нотно писмо = нотен текст“, „музиковед“, „сведение“, „изследвам“*: „Нотното писмо е много старо. // Линейното нотно писмо се създава през Хвек.// Нотното писмо през Античността използва по-малко знаци в сравнение с по-късните нотни писма. То е по-бедно на знаци в сравнение с тях. // Съвременното нотно писмо е по-богато в сравнение с античното.// Не съм виждал нотно писмо от Античността.// Нотното писмо се изследва от музиковедите. // Музиковед е човек, който изследва музиката (историческото развитие на музиката). // Преподавателят ми по теория на музиката е музиковед…// Има малко сведения за музиката на Античността и много повече сведения за музиката на Класицизма.// Няма сведения за фолклорната музика през Античността, защото тя не се нотира, а се предава устно – от човек на човек. // Тъй като нямат достатъчно сведения за музиката на Античността, за музиковедите е трудно да изследват тази музика“. Вижда се, че изреченията съдържат лексикални и синтактични синоними. Това

приучва към креативността на музикалния език и в същото време отпраща към новото учебно съдържание.

б/ ситуиране на текста в подходящ контекст – предварително *изясняване на културния контекст* и реалии – чрез снимки, кратък достъпен разказ на преподавателя, видеозапис, аудиозапис, кратък филм.Нужни са едно или две съждения преди възприемането на даден научен текст, за да достигне неподготвеното съзнание до съответната идея. Например, за разбиране организацията на музикалния живот през Класицизма (особено от студентите извън Европа) може да се представи замъкът Естерхази – с дейността на придворния композитор; преди текстът за създаване на операта да се разкаже за дейността на camerata Fiorentina и др.п.;

в/ паралелно представяне на *два текста по една и съща тема* – автентичен, адаптиран или специално съставен (например диалог). Това се налага, тъй като често в оригиналния текст се разглеждат идеи, нови като съдържание и посока на мислене за студентите. За да разберат текста, е необходимо „да се преборят“ не само с новите думи и синтактичните структури, но и с метафоричността и високата информативност на текста. Затова най-напред четат адаптирания текст, а след това наблюдават начина на изказ в оригиналния текст;

д/ предварително *обсъждане на проблем, свързан с текста* и др.п.

2. Работа с ***речника***. В урока се използва двуезичен и тълковен речник, като идеята е речникът да не присъства пасивно в образователния процес, а да подпомага учещия по време на възприемането на текста. Така той се приучва към използването му – например да свързваупотребената форма на думата в текста с основната ú форма, дадена в речника. Заради това, а и поради високия процент нови думи в текста,речникът може да се даде в колона встрани от текста или веднага след него. По този начин текстът може да бъде разбран глобално още при първото четене. След това се работи по всяка от новите думи, като се представят формата, семантиката, функционирането ú в речта.

Речникът може да бъде изнесен и след всяка тема, като често след това има задачи, свързани с него – основно за съставяне на изречения с думи. Така той също не остава изолиран от урока, а е важна част от него.

Една част от новата лексика от специализирания текст може да се изясниі чрез кратъктълковен речник, който същосе дававеднага след текста. Като по-усложнен вариант на тази задача може да се предложи на студентите да свържатзначението на думата с описаниетоú. Този вариант на задачата е по-добър за говорещитеславянскиезици илиезици от съседни на Българиястрани (гръцки, македонски, сръбски…). Така – чрез поставянето на учещите в откривателска ситуация, се подпомагазапаметяването на лексиката и се укрепвадоверието им в собствения опит в изучаваниябългарскиезик.

3. ***Семантизирането*** налексиката на текстовете преследва най-малко три задачи – изяснява лексикалното значение, подпомага запаметяването му, систематизира словообразувателни модели, показва съчетаемостта и употребата.

Много важно е точното изясняване на значението както на общата, така и на специализираната лексика. Ако вземем пример от калиграфията – за да изпишеш правилно един йероглиф или дадена буква, трябва да си изработиш мислен образ/ представа/ идея за нея. Ако този образ не е достатъчно ясен, няма да успееш да нарисуваш йероглифа, ще го нарисуваш изкривен. Затова, за да употребиш правилно единтермин или израз е необходимо да имаш правилно формираноразбиране за същността и употребата му.

Понякога преводът не е достатъчен, защото значението на термина е ново и неясно и на родния език. Затова е необходимо неговото изясняване да става поне по два от следните канали: чрез контекста; чрез превод; чрез представяне на значението на думите в текстове от действителността и културното обкръжение на самите студенти – например за познат празник, фестивал; за познати им жанрове, инструменти, начини на изпълнение (дълга, протяжна мелодия) и т.н.; чрезаудиозаписи (например обясняване на думата *вариантност* (на народните песни и музика) – с показване на вариантите на текста, музикалното изпълнение), чрез видеозаписи, картини.

4. В специализираните музикални текстове присъстват устойчиво няколко основни ***словообразувателни модела*** при съществителните имена. След (или преди) текста в специално съставени задачи могат да се изведат продуктивните модели. Например в задачи за образуване по модел на съществително от прилагателно, на съществително от глагол, на прилагателно от съществително и т.н. В различните варианти на задачата може да бъде или да не бъде посочен словообразувателниятсуфикс. Цели се да се работи за развиване на интуиция към езика, на езикова догадка. Тези задачи не бива да остават статични, граматикализирани, а да се търси и наблюдава употребата и съчетаемостта в текста; да се изисква попълване на съответната форма в изречение, за да се овладяват законите на съчетаемостта. Например: „Попълнете думите *представям/ представя – представление* в изреченията: ПрезоктомвриСофийската опера …… оперите „Кармен“ и „Турандот“ пред японската публика.// ……. на Софийската опера беше прекрасно. Попълнете: *инструментален/ инструменталист/ инструмент*. Днес под „оркестър“ се разбираколектив от ……., които изпълняватзаедномузикални произведения.// Монтеверди разделя …… в оркестъра на две групи: лъкови и духови.// Презгодините се променя и разположението на различните …….. групи в оркестъра.“

5. Друга отличителна особеност на текстовете са ***сложните именни словосъчетания*** (често с два, три компонента) с натрупване на предлози. За да се привиква към тяхното значение и употреба, е необходимо те специално да бъдат наблюдавани в текстовете – строеж, начин на свързване, да се превежда значението на целия израз, а не поотделно на всяка дума от израза, да се заучават целите изрази и съответно да се употребяват така.

Един голям проблем при работата със специализираните учебни текстове естеснената възможност за овладяване на реалникомуникативни умения.

Съдържанието на текстовете задава ограничена за общуване тематика – първо, поради недостатъчната информираност на студентите по нея – учебният текст представя само един или малко на брой проблеми, гледни точки и т.н., и второ – недостатъчниятобем на лексиката на учещия, което е пречка за него да изрази мисълта си. Затова напредването в езика само с работата върху специализирани теми е трудно видимо за студента. Той овладява определен лексикален запас, запознава се с нови идеи, свързани с учебното съдържание, но остава далече от реално участие в комуникацията по професионалните теми. Поради тази причина като стъпка към крайната цел – овладяване на комуникативни умения за професията, се търсят теми от всекидневната комуникация, които да са свързани с учебните проблеми и се предлагат ситуации за общуване по тях.

Сложността на музикалния езике обоснована от самата същност на музикатакато вид изкуство, в което основно средство за изразяване е звукът. Преводът на словесен език на произведения от товаизкуство, анализирането им или работата по развиването на умения за упражняванетомусамо по себе си е непосилна задача. Предложените от нас методически идеи за работа с адаптирани и автентични музикални текстове и начините за преодоляване на трудностите приразбирането им, има за цел систематизиране и споделяне на натрупаниядосега опит и може да бъде добра основа за по-нататъшнотомуразвиване и обогатяване.

Список литературы

1. Недялкова Л.П. Словесни и музикални дискурси от епохата на Барока. Смислови пространства в сравнителна перспектива.Електронна публикация на 05. януари 2015 г. 19 с.: http://www.litclub.bg/library/musikologia/nedjalkova/muz_theory.html.

2. Райчев Св. Вокално-постановъчни и естетически принципи на проф. Георги Златев-Черкин. Алманах, 2016. 15 с.: https://almanac.nma.bg/project/%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0-8-2016/

УДК 373.1.02.372.8

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ОТГЛАГОЛЬНОЙ ПРОИЗВОДНОСТИ И ИХ ИЗУЧЕНИЕ В ШКОЛЕ

ГОЛОВИНА ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА
к. филол. наук, доцент,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, qoludmila@mail.ru

В статье рассматриваются некоторые продуктивные словообразовательные модели имён существительных отглагольной производности и методика их изучения в школе.

Ключевые слова: продуктивные словообразовательные модели, отбор употребительной лексики, усвоение производных существительных на уроках русского языка.

Значение работы по усвоению производной лексики на уроках русского языка трудно переоценить. В двухтомном «Словообразовательном словаре русского языка» представлено 12,6 тысяч гнёзд родственных слов, содержащих более 126 тысяч производных [2, с. 4]. Следовательно, на каждое непроизводное слово приходится в среднем 10 производных. Отсюда следует, что словарный запас учащихся должен пополняться в основном производной лексикой, а она может усваиваться эффективно только в работе по словообразованию. Модели образования слов должны усваиваться учащимися как можно раньше, чтобы накопить знания о значении и написании словообразующих морфем, а именно в начальных классах. Большая часть орфографических правил русского языка связана с правописанием морфем: приставок, корней, суффиксов и окончаний. Поэтому работа по словообразованию будет способствовать более прочному и осознанному усвоению значений и правописания словообразующих и формообразующих морфем. По нашему глубокому убеждению, именно на начальной ступени обучения необходимо заложить правильное представление о структуре слов, о способах их образования, о значениях не только словообразующих морфем, но и словообразовательных значениях производных слов. Главная трудность в обучении младших школьников морфемике (составу слова) и словообразованию заключается в правильном отборе теоретического и иллюстративного языкового материала с учётом возрастных особенностей учащихся, их возможностей и способностей к усвоению отобранного материала. Наш многолетний педагогический опыт позволяет предположить, что дидактический материал отобран правильно. Теоретический и практический материал рассчитан на учителя начальных классов, работающего как по традиционной, так и по любой из новых программ. Поскольку нам представляется, что работа по словообразованию значительно повысит возможности усвоения грамматики и правописания, а также создаст условия для более интенсивного обогащения словарного запаса учащихся, считаем необходимым проводить эту работу регулярно и не только при изучении темы «Состав слова», в словарной работе, а в основном при изучении частей речи и повторении, так как в учебниках по русскому языку упражнений по словообразованию крайне недостаточно. Учителю следует только умело сочетать упражнения по словообразованию, представленные в статье и им подобные, с материалом учебника, отбирая доступные для своих учащихся упражнения и виды работ.

Материалы статьи могут быть полезны также учителю русского языка при проведении занятий по словообразованию в 5 классе для обогащения словарного запаса учащихся группами производной лексики.

Поскольку каждая часть речи в русском языке обладает своими специфическими словообразующими средствами, работу по словообразованию

следует связывать в основном с изучением частей речи. Учащиеся должны получить знания по продуктивным способам словообразования и усвоить наиболее типичные модели образования слов той или иной части речи.

Рассмотрим методику усвоения продуктивных словообразовательных моделей на примере имён существительных. Среди производных существительных самой большой группой являются образования от глаголов. Поскольку имена существительные отглагольной производности образованы суффиксальным способом, то при их усвоении следует проводить работу по изучению групп суффиксальных производных. Для работы с данными группами имён существительных на уроках в начальных классах следует отбирать слова, наиболее употребительные в речи, так как основной задачей обучения русскому языку в начальных классах является развитие речи учащихся, составной частью которого всегда считалось обогащение словарного запаса учащихся. В работе с группами производных, образованных по одной словообразовательной модели, создаётся возможность обогащать словарный запас учащихся в несколько раз быстрее, чем в обычной словарной работе, проводимой традиционными методами. При усвоении той или иной словообразовательной модели у учащихся формируется потенциальный словообразовательный запас. Встретив новое слово, образованное по знакомой модели, ученик догадается о его значении, если ему известно значение производящего слова и образующего суффикса. Усваивая модели суффиксальных образований, учащиеся запоминают их значение и правописание.

Рассмотрим некоторые продуктивные словообразовательные модели отглагольных образований и возможности их усвоения на уроках. При выборке материала по словообразованию использовались научные данные «Русской грамматики – 80» и других научных трудов в несколько упрощённом виде, приближенном к среднему уровню образования, чтобы данный материал был доступен учителю начальных классов как с высшим, так и со средним специальным образованием [1, с. 142 – 166].

Имена существительные с суффиксом **-тель (-итель)** обозначают лицо или предмет, производящий действие или предназначенный для действия, названного мотивирующим словом (*испытать – испытатель, хранить – хранитель*). Суффикс **–тель** присоединяется в основном к основе глаголов на **–ать** и на **–ить:** *читать – читатель, хранить – хранитель.*

Существительные этого типа могут называть лицо по профессии или по временному занятию: *писатель, преподаватель, слушатель, читатель*; предмет (машина, приспособление), производящий действие: *рыхлитель, распылитель*; предмет, предназначенный для действия: *проявитель, накопитель, распределитель*. Некоторые слова совмещают разные значения: *истребитель* – человек и *истребитель* – самолёт, *спасатель* – человек и *спасатель* – корабль.

Существительные с суффиксом **-тель** употребляются в различных стилях речи. Слова со значением «орудие, механизм» характерны для технической терминологии: *глушитель, подогреватель, отражатель, проигрыватель*.

Работу по усвоению имён существительных с суффиксом **-тель** следует проводить в несколько этапов. При изучении темы «Суффикс» можно дать учащимся группу вполне понятных употребительных в речи слов, предложив учащимся ответить на вопросы: Что общего в значении следующих слов?: *писатель, преподаватель, покупатель, строитель, водитель, учитель*. К какой части речи относятся эти слова? К какому роду? Какая часть слова у этих существительных одинаковая? Как называется эта часть слова?

Задания: Обозначьте эту часть слова как суффикс. Ответьте на вопрос: Что делает писатель? А учитель? А строитель?... Вывод: все эти существительные мужского рода обозначают деятеля. Теперь надо ответить на вопрос: какая часть речи обозначает действие? (глагол). От какой части речи образованы эти существительные? (от глаголов). Задание: запишите глаголы и образованные от них существительные попарно через тире: *писать – писатель, преподавать – преподаватель, покупать – покупатель* и т.д., обозначьте суффиксы. Теперь ответьте на вопрос: к какой части слова присоединяется суффикс **-тель**? (к основе *писа-, преподава-, покупа-* и т.д.) Какая часть слова отсекается от глаголов? (суффикс неопределённой формы **-ть**).

Так мы можем научить детей механизму образования слов, используя знакомую младшим школьникам языковедческую терминологию. При использовании в их речи этой терминологии учитель формирует языковое мышление. Затем учитель должен научить правильному словообразовательному анализу, при котором записывается производное существительное и под ним производящий глагол в начальной форме. Путём вычитания из производного производящего остаётся словообразующий аффикс – в данной группе слов это суффикс **-тель:**

водитель	мечтатель	учитель	покупатель
водить	мечтать	учить	покупать
— -тель	— -тель	— -тель	— -тель

После анализа слов ученики отвечают на вопрос «Как образованы данные имена существительные?» Ответ должен быть следующим: «Существительное *водитель* образовано от глагола *водить* с помощью суффикса **-тель**». Так объясняется каждое производное слово.

На следующем этапе усвоения производных существительных для расширения и углубления знаний учащихся по языку следует провести работу над лексическими значениями слов и употреблением их в речи.

Приведём пример из собственного опыта. Вот беседа учителя с учащимися четвёртого класса:

Учитель: Ребята, посмотрите на доску, прочтите слова в левом столбце и скажите, к какой части речи они относятся?

Ученики: Это имена существительные.

Учитель: На какой вопрос они отвечают?

Ученики: Они отвечают на вопрос «Кто?»

Учитель: А теперь прочтите слова правого столбца и скажите, к какой части речи относятся эти слова?

Ученики: Это глаголы.

Учитель: На какие вопросы они отвечают?

Ученики: Они отвечают на вопрос «Что делает?»

Учитель: Соответствуют ли глаголы существительным, напротив которых они стоят?

Ученики: Нет, не соответствуют.

Учитель: Почему?

Ученики: Потому что *учитель учит*, а *покупатель покупает*, а не наоборот.

Учитель: Давайте соединим существительные с соответствующими глаголами, проведём линии от существительного к однокорневому глаголу.

Теперь прочтите существительные вместе с глаголами: *писатель пишет, покупатель покупает* и т. д. Как мы кратко объясним значения слов *писатель, читатель, учитель* и др.? Кто такой писатель? – Тот, кто пишет? – Вы пишете упражнение. Вы писатели? Ученики: – Нет. Учитель: – А кого мы называем писателем? Ученики: – Писатель пишет книги, рассказы, сказки. Учитель: – Правильно, писатель – это человек, который пишет, сочиняет художественные произведения.

В качестве итога работы над группой существительных, образованных от глаголов с помощью суффикса –**тель,** учитель показывает модель образования подобных слов**: Г + -тель = С** (лицо, деятель).

На другом уроке учитель знакомит учащихся со следующей моделью образования существительных от глаголов с помощью суффикса **-тель.**

Данные имена существительные имеют значения «предмет, производящий действие» и «предмет, предназначенный для действия»: *обогреватель, глушитель, указатель* и др.. Существительные со значением предмета мотивируются только переходными глаголами: производить что? – продукты, производитель чего? – продуктов.

Учащимся можно предложить существительные с суффиксом **-тель** и дать задание приписать к ним глаголы, от которых образованы эти слова, отвечая на вопрос: «Что делает этот предмет?» У учащихся должны быть записаны следующие сочетания слов: *нагреватель нагревает, распылитель распыляет, проявитель проявляет, отражатель отражает, глушитель глушит, производитель производит, рыхлитель рыхлит.*

Полезно дать дополнительное задание: обозначить графически основу глагола и суффикс **-тель(-ител**ь). Работу над значениями слов можно провести с использованием толкового словаря. Для закрепления усвоения данной модели образования существительных следует дать упражнение на употребление их в речи. Например:

Производитель этих конфет – фабрика «Красный Октябрь». Мы взяли с собой в дорогу электрический нагреватель. Чтобы достать до розетки, нужен удлинитель. С наступлением холодов люди приобретают дополнительные обогреватели. Выключатель у двери нужно сделать пониже. У дороги стоит указатель «На Москву».

Учащиеся выписывают существительные с суффиксом **-тель** и объясняют их значения. Для завершения работы составляется модель данных образований: **Г + -тель= С** (предмет для действия).

Существительные с суффиксом **-ник**(**-еник**) имеют то же общее значение, что и предыдущего типа образования. Мотивирующими являются непроизводные и префиксальные глаголы. Слова этого типа – названия лица (*работать – работник, шутить – шутник, клеветать – клеветник, мучиться – мученик, обточить – обточник, учиться – ученик, трудиться – труженик*), предмета, механизма, приспособления (*плавать – плавник, окучивать – окучник, подоить – подойник, пробить – пробойник*). Возможно совмещение в одном слове значений лица и предмета (*проводник*). В некоторых образованиях выступает суффикс **-енник** *(путешествовать – путешественник, предшествовать – предшественник*).

Учитель должен объяснить детям значения некоторых слов и дать примеры их употребления в речи. В данных существительных представлены две модели. Можно предложить учащимся самим составить эти словообразовательные модели**: Г + -ник = С** (лицо, деятель), **Г + -ник = С** (предмет для действия).

Существительные с суффиксом **-льник** называют предмет, предназначенный для действия, названного мотивирующим глаголом: *паять – паяльник, будить – будильник, светить – светильник, холодить – холодильник, умываться – умывальник, купаться – купальник.* Постфикс **-ся** у глаголов отсекается. Этот тип образований продуктивен в технической терминологии. Модель образования аналогична предыдущим**: Г + -льник = С** (предмет для действия). Учащиеся могут самостоятельно образовать подобные существительные от данных глаголов. Когда усваивается модель образования, у учащихся создаётся потенциальный словарный запас. Встретив новое слово, образованное по знакомой модели, ученик догадается о его значении, если будет знать значение производящего глагола.

Существительные с суффиксом **-щик/-чик** называют лицо или предмет, производящий действие, названное мотивирующим глаголом: *летать – лётчик, танцевать – танцовщик, проверять – проверщик, резать – резчик*. Суффикс **-чик** выступает чаще после согласных **д, т**; суффикс **-щик** – после других согласных. В произношении согласные глагольной основы **д** и **т** ассимилируются с первой согласной суффикса **-чик** и на месте сочетаний **дч** и **тч** звучит [**ч**] (*наладчик, разметчик*). Если перед суффиксом **-чик** согласные **з** или **с**, то на месте сочетаний согласных **зч** и **сч** звучит **щ** [мягкий долгий **ш**] (*погрузчик,разносчик*).

Задания по усвоению существительных с суффиксом **-щик/-чик** могут быть следующими: 1. Прочитать имена существительные и ответить на вопросы: 1) что общего в значении этих слов и в их морфемном составе? 2) от какой части речи они образованы? с помощью какого суффикса? 2. Поставить вопрос кто? или что? к каждому существительному. 3. Записать данные слова в два столбика: 1) Обозначают лицо. 2) Обозначают предмет. 4. Найти слово,

которое может обозначать и лицо, и предмет. Составить 2 предложения с этим словом в разных значениях.

Слова со значением лица или предмета должны быть даны вперемешку. При чтении слов учитель следит за правильным их произношением.

Примеры слов для данного упражнения: *грузчик, счётчик, докладчик, перехватчик, погрузчик, разведчик, буксировщик, выдумщик, обидчик, разметчик.*

Данный тип образований продуктивен в профессиональной терминологии.

Поскольку в школьном курсе русского языка суффиксы **-чик и -щик** рассматриваются не как варианты одного суффикса, а как разные суффиксы, то здесь следует дать учащимся по две модели образования слов: **Г + -чик = С** (лицо, деятель); **Г + -чик = С** (предмет для действия); **Г + -щик = С** (лицо, деятель); **Г + -щик = С** (предмет для действия).

Существительные с суффиксом **-льщик** обозначают лицо, производящее действие. Мотивирующими в основном бывают глаголы несовершенного вида: *болеть – болельщик, красить – красильщик, носить – носильщик, вязать – вязальщик, веять – веяльщик, сеять – сеяльщик.*

Данный тип образования существительных является продуктивным, как и предыдущий, в основном в профессиональной терминологии. Для усвоения данной модели образования существительных задания для учащихся могут быть подобными тем, которые были предложены выше. Следует провести работу по объяснению значений малоупотребительных для детей слов. Модель образования следующая: **Г + -льщик = С** (лицо, деятель). Существительные с суффиксом **-ок** обозначают отдельный акт действия, названного мотивирующим глаголом: *бросать – бросок, кивать – кивок, зевать – зевок, звонить – звонок, глотать – глоток, прыгать – прыжок, скакать – скачок, толкать – толчок, хлопать – хлопок* и др. При изменении в суффиксе существительных наблюдается беглая **о:** *бросок – броски, глоток – глотки, звонок – звонки, хлопок – хлопки* и т.д. Образования от данных глаголов употребительны в разговорной речи и не вызывают никаких затруднений у учащихся. Модель образования: **Г + -ок = С (** акт действия). Следующая группа существительных с суффиксом **-ок** имеет общее значение «лицо или предмет, характеризующийся действием». Внутри этого типа выделяются слова со значением: а) «лицо – производитель действия»: *есть (едим) – едок, сидеть (сесть) – седок, играть – игрок, ходить – ходок, ездить – ездок, стрелять – стрелок, знать – знаток* и др.; б) «орудие или средство для действия»: *звонить – звонок, скрести (скребу) – скребок, катить – каток, мастерить – мастерок, сосать – сосок, помазать – помазок, подпилить – подпилок* и др.; в) «неодушевлённый предмет – субъект действия»: *росток, поплавок, движок*; г) «место действия»: *кататься – каток* (площадка для катания), *сажать – садок* (для рыбы*), летать – леток* (отверстие в улье для вылета пчёл). Со значением «то, что возникло в результате действия»: *подарок, обрубок, обрезок, набросок, недовесок, отпечаток, слепок, сгусток*. В данных образованиях при

изменении формы слов в суффиксе беглая **о**: *стрелок – стрелки, каток – катки, росток – ростки* и т. д. (кроме слов *едок, ездок, знаток, игрок, седок, ходок*).

Модели образования: **Г + -ок = С** (лицо, деятель); **Г + -ок = С** (орудие для действия); **Г + -ок = С** (предмет – субъект действия). Данные образования продуктивны в разговорной речи и в художественной литературе. Для активизации слов в речи учащиеся должны составить свои предложения. Учащимся следует давать слова указанными выше группами, а не вперемешку. Для усвоения словообразовательной модели, как это доказано экспериментально, необходимо для анализа брать не одно – два слова, а несколько, лучше от шести до десяти. В этом случае и модель усваивается прочнее, и словарный запас учащихся обогащается интенсивнее.

Существительные с суффиксом **-к**(а), варианты **-ушк**(а), **-шк**(а), **-чк**(а), имеют следующие словообразовательные значения: 1) «лицо – субъект действия»: а) слова общего рода: *выскочка, недоучка, зазнайка, тараторка, замарашка* (все – разг.), *лакомка;* б) слова жен. р.: *болтушка, хохотушка* (разг.); 2) «животное – субъект действия»: *наседка, квакушка, несушка*; 3) «предмет, предназначенный для действия»: *жатка, тёрка, загородка, задвижка, приманка, подпорка, ловушка, покрышка*; 4) «предмет – субъект действия»: *болячка, тянучка, катушка, висюлька*; 5) «предмет – объект и результат действия»: *похлёбка, подачка, настойка, записка*. Модели образования: **Г + -к(а) = С** (лицо, деятель); **Г + -к(а) = С** (животное – субъект действия); **Г + -к(а) = С** (предмет для действия).

В процессе усвоения данных групп существительных следует уточнить значение некоторых слов. Например: «*Наседка – курица, которая насиживает яйца и выводит цыплят». «Несушка – домашняя птица (курица, утка или другая птица), которая несёт яйца*». Следует пояснить детям слова общего рода. Слова, например, *выскочка* или *зазнайка* могут относиться как к человеку мужского пола, так и женского: *он зазнайка* и *она зазнайка*. Учащиеся должны научиться объяснять значения производных слов через производящие глаголы. Например: « *Загородка* – это то, чем загородили что-л.». «*Зазнайка* – это человек, который зазнаётся».

Имена существительные с суффиксом **-к(**а) со значением действия, состояния относятся к очень продуктивному типу образования*: варить – варка, плавить – плавка, колоть – колка, резать – резка, рубить – рубка, линять – линька, чистить – чистка, шутить – шутка, посадить – посадка, убирать – уборка* и др. Учащимся можно давать группы глаголов, от которых они образуют существительные с суффиксм **-к**(а) со значением действия или состояния. Подобные образования очень употребительны в речи, поэтому задания на образование от глаголов существительных с суффиксом **-к**(а) не вызывают у учащихся затруднений. Учителю только следует отбирать более употребительные в речи или в учебном процессе глаголы, такие, как *убирать, стирать, резать, рубить, колоть, трясти, записать, находить* и др. Существительные с суффиксами **-ний-** (варианты **-ений-, -аний-, -нье, -анье,**

-енье) и **-тий-** (**-тье**) являются самой многочисленной группой производных. Они совмещают в своём значении присущее мотивирующему глаголу значение действия или состояния со значением существительного как части речи: *решать – решение, читать – чтение, вышивать – вышивание, делить – деление, умножать – умножение; развить – развитие, прибыть – прибытие, бить – битьё, шить – шитьё* и мн. др.

Модели образования**: Г + -ний = С** (действие, состояние); **Г + -тий = С** (действие, состояние). В русском языке содержатся десятки тысяч глаголов, в большей части приставочных, от большинства которых образуются существительные с суффиксом **-ний-** и его вариантами. Поэтому очень важно познакомить учащихся с группами данных образований. На уроках русского языка встречаются часто слова: *упражнение, изложение, сочинение, произношение, написание, ударение, повествование*, *описание, рассуждение* и др. На уроках математики дети усваивают арифметические действия: *сложение, вычитание, умножение, деление, решение, уменьшение, увеличение* и др. Дети понимают, что такие слова обозначают действия. В работе с данными образованиями открывается возможность показать учащимся отвлечённость грамматического термина *«предмет»* от конкретных лексических и словообразовательных значений отглагольных существительных, обозначающих действие по мотивирующему глаголу. Слово, например, *решение* обозначает действие по глаголу *решать – решить*, а как часть речи – это имя существительное, так как отвечает на вопрос *что?* и изменяется по числам и падежам как *стол, поле, море.* Можно наглядно показать учащимся для сравнения таблицу склонения существительного на **-ние** и таблицу спряжения производящего глагола. Далее следует показать различную роль глагола и образованного от него существительного в предложении. Например: *Ученик решил задачу. Решение оказалось правильным.* При разборе предложения по членам учащиеся определят слово *решил* как сказуемое, а слово *решение* как подлежащее.

Итак, мы рассмотрели некоторые словообразовательные модели имён существительных отглагольного образования и некоторые виды работ с учащимися по усвоению данных моделей. Таким же образом можно проводить работу по усвоению многих других словообразовательных моделей, обучая правильному словообразовательному анализу, объяснению значений производных слов через производящие, обогащая речь учащихся группами производных слов, создавая у детей потенциальный словообразовательный запас.

Список литературы

1. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. 784 с.

2. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М.: Русский язык, 1985. 1554 с.

УДК 377.6

РАЗВИТИЕ ОРФОЭПИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У УЧАЩИХСЯ СПО НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

ИВАНОВА МАРИНА ЮРЬЕВНА
к. пед. наук, старший преподаватель кафедры
русского языка, методики его преподавания и документоведения,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, ivanova2112@rambler.ru
ИВАНОВ ГРИГОРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
учитель МБОУ «Школа № 18 города Ельца»,
Россия, г. Елец, ivanova2112@rambler.ru

Статья посвящена проблеме развития орфоэпических навыков у студентов СПО, обучающихся по направлению подготовки 44.02.02 Преподавание в начальных классах.

В работе представлена система заданий, которая включает в себя как упражнения, предусматривающие использование словарей, так и задания репродуктивного и творческого характера. Данная статья будет актуальна при изучении темы «Орфоэпические нормы».

Ключевые слова: орфоэпия, акцентологические нормы, собственно произносительные нормы, орфоэпические навыки, культура речи.

Вопросы орфоэпии являются важными для современного человека. Выпускники школ, средних профессиональных учреждений, вузов должны овладеть рядом ключевых компетенций, которые способствуют наиболее эффективному взаимодействию человека с обществом. Развитие коммуникативной компетенции, которая предполагает овладение знаниями, умениями и навыками общения с людьми, - одна из основных задач уроков русского языка.

Владение культурой речи – важный показатель культуры человека. Поэтому умение правильно произносить слова, ставить нужное ударение необходимо формировать на ранних этапах обучения языку в школе.

Орфоэпия – раздел лингвистики, изучающий «совокупность правил устной речи, обеспечивающих единство ее звукового оформления в соответствии с нормами национального языка, исторически выработавшимися и закрепившимися в литературном языке» [1]. Орфоэпия включает в себя акцентологические нормы и собственно произносительные. Комплексное изучение этих норм способствует оптимальному решению задач формирования и развития произносительных умений и навыков.

В задачи обучения орфоэпии входит: 1) формирование и развитие речевого слуха учащихся, т.е. способности фиксировать внимание на фонетических особенностях звучащей речи, а также анализировать ее с точки зрения соблюдения норм литературного языка; 2) систематическая и целенаправленная работа по формированию орфоэпических умений и навыков на основе соответствующих знаний; 3) развитие у школьников языкового вкуса

и чутья, неравнодушного отношения к ненормированному произношению, формирование навыков речевого самоконтроля; 4) налаживание единого речевого режима в школе; 5) языковое самообразование, речевое самосовершенствование учителя [3].

Трудности, связанные с усвоением орфоэпических норм на уроках русского языка, - это результат недостаточной разработанности методики обучения орфоэпии.

Типичные ошибки у студентов:

1) смешение звуков и букв;

2) неумение анализировать собственную речь, а также речь других носителей языка с точки зрения произносительных особенностей;

3) частые ошибки в произношении наиболее употребительных слов типа *звонишь, ходатайство, каталог, квартал, баловать* и др.

Работа по развитию орфоэпических навыков должна быть направлена не просто на формирование определённых знаний. В задачи преподавателя входит знакомство обучающихся с эффективными приёмами, облегчающими запоминание и способствующими развитию языкового чутья:

1. Познакомить учащихся с нормами произношения и ударения, то есть составить опорный конспект по теме «Орфоэпические нормы», в котором будут рассмотрены случаи постановки ударения в именах существительных, прилагательных, глаголах, причастиях, деепричастиях, наречиях, а также особенности произношения трудных слов.

2. Изучение орфоэпии должно осуществляться с опорой на фонетику.

3. Предложить учащимся вести орфоэпический словарик, куда записываются по алфавиту все слова.

4. В результате изучения орфоэпии учащиеся должны овладеть определённым количеством слов, поэтому преподавателю необходимо составить акцентологический минимум, включающий наиболее употребительные слова.

5. Можно ввести в практику занятий орфоэпический разбор слов, который включает в себя следующие этапы:

1) орфографическая запись слова;

2) указание ударения в слове;

3) указание особенностей произношения некоторых звуков;

4) разделение на слоги;

5) рекомендованный перенос.

Например:

Катало́г – ударение падает на третий слог, так как существительное называет неодушевлённый предмет; последний слог произносится [лок]; всего три слога: ка-та-лог; рекомендованный перенос: ка-та-лог.

6. Использование рифмы – один из наиболее действенных способов, обеспечивающих запоминание материала.

Например:

*Девочки надели б**а**нты*
*И играют дружно в ф**а**нты.*

*Мама сына балов**а**ла,*
*Вместо супа торт дав**а**ла.*

*За труд не надо забыв**а**ть*
*Работников премиров**а**ть.*

*Мы прошли нем**а**ло —*
*Целых два кварт**а**ла.*

*В бухгалтерии авр**а**л —*
*Завершается кварт**а**л.*

*Несу в корзине **и**вовой*
*Пирог с начинкой сл**и**вовой.*

7. Необходимо научить студентов слушать и анализировать звучащую речь.

Если на занятиях по русскому языку систематически проводить работу с орфоэпическими упражнениями, формировать навык пользования орфоэпическими словарями, то речь обучающихся со временем будет грамотной и правильной.

При изучении темы «Орфоэпические нормы» можно использовать следующие задания:

Задание 1. *Произнесите заимствованные слова. Обратите внимание на то, что согласный перед **е** в них произносится твёрдо. Обоснуйте твёрдое произношение согласного. Значение незнакомых слов уточните в словаре.*

Альтернатива, амбре, анестезия, аутсайдер, вальдшнеп, вундеркинд, гофре, дельта, денди, диадема, идентичный, инертный, интеграл, карате, кафе, менеджер, падре, панель, стенд, регби, стетоскоп, термос, тест, фонетика, шимпанзе, энергия.

Задание 2. *Вставьте пропущенные буквы.*

Д...кольте, цитад…ль, ранд…ву, с…р, бизн...с, тонн…ль, куз…н, м…р, Морз…, тир…, …вкалипт, про…кт, карат…, Улан-Уд…, турн…, юбка-плис…, галиф…, ало…, парт…р, кашн…

Задание 3. *Найдите варианты, соответствующие норме, и составьте с ними предложения.*

Инциндент – инцидент; констатировать – констатировать; грейпфрут – грейпфрукт; компроментировать – компрометировать; бадминтон – бамбинтон; явства – яства; крыжечка – крышечка; уплочено – уплачено; эспрессо – экспрессо; скурупулёзный – скрупулёзный; будующий – будущий; понпон – помпон.

Задание 4. *Разделите слова на две группы: 1) слова, где на месте буквы Е произносится звук [О]; 2) слова, где на месте буквы Е произносится звук [Э].*

Атлет, безнадежный, маневр, афера, бытие, гололедица, новорожденный, осетр, гренадер, житие, забредший, острие, отцветший, одноплеменник, опека, оседлый, перенесший, трехведерный.

Задание 5. *Запишите по три слова, в которых: а) написание не совпадает с произношением; б) написание совпадает с произношением; в) букв больше, чем звуков; г) звуков больше, чем букв.*

Задание 6. *Объясните значения слов с разными ударениями, составьте предложения.*

Атлас – атл**а**с, заброн**и**ровать – забронирова**т**ь, тр**у**сить – трус**и**ть, в**я**занка – вяз**а**нка, хар**а**ктерный – характ**е**рный, кл**у**бы – клуб**ы**, м**у**ка – мук**а**, язык**о**вый – языков**о**й, в**и**дение – вид**е**ние, без**о**бразный – безобр**а**зный.

Задание 7. *Поставьте ударение в следующих словах.*

Акварель, антенна, алфавит, асимметрия, ателье, атлас (ткань), апостроф, астероид, афера, балованный, баловать, баржа, безудержный, банты, бомбардировать, бюрократия, вероисповедание, видение (*способность видеть*), согнутый, газированный, газопровод, гофрированный, диспансер, дремота, жалюзи, завсегдатай, задолго, звонит, знамение, камбала, каталог, кладовая, красивее.

Задание 8.*Отметьте нарушения норм ударения. Составьте с данными словами предложения.*

КрасивЕе, ходатАйство, ломОта, бармЕн, звонИт, свеклА, каталОг, облЕгчить, исчЕрпать, углУбить, жалюзИ, мусоропрОвод.

Задание 9. *Распределите слова на группы:1) с ударением на первом слоге; 2) на втором; 3) на третьем.*

Алфавит, щавель, километр, сироты, договор, обеспечение, мышление, квартал, кухонный, августовский, аналог, искра, аргумент, арест, досуг, ржаветь, тотчас, столяр, включит, торты, звоним, туфлями, шарфы, пуловер, простыня, принудить, клялась, истерия, запершись, баловать, банты.

Задание 10. *Составьте предложения с использованием слов, вызывающих трудности при произношении.*

Например: *Ирина испачкала красивые банты грушевым вареньем.*

Комплексное изучение акцентологических и собственно произносительных норм может способствовать формированию и развитию орфоэпических навыков у учащихся СПО на занятиях по русскому языку. Результаты во многом будут зависеть от видов упражнений, регулярности их проведения. Поэтому каждому преподавателю необходимо разработать систему упражнений, которые будут способствовать быстрому усвоению и запоминанию правильности в произношении слов и постановке ударения.

Список литературы

1. Аванесов, Р.И. Русское литературное произношение: Учебное пособие. М., 1984. 384 с.

2. Иванова М.Ю., Сотникова Е.А. Фонетика. Орфоэпия: Учебно-методическое пособие. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2018. 92 с.

3. Львов М.Р. Обучение нормам произношения и ударения в средней школе: 5-9 классы. М., 1989.

УДК 811.161.1’42

ФРАЗЕОЛОГИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ: ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ИВАНЯН ЕЛЕНА ПАВЛОВНА
д. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка,
культуры речи и методики их преподавания филологического факультета,
Самарский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Самара, ivanyan@pgsga.ru

В статье осуществляется попытка определить лингвоэкологичность / нелингвоэкологичность фразеологизмов педагогической речи как в общетеоретическом аспекте, так и на эмпирическом материале оценочной педагогической речи на уроке (записи уроков, диктофон, анкетирование), анализируются фразеологизмы (в широком понимании) педагогической речи общего плана и педагогического дискурса, приводится модель рассуждения для аргументации лингвоэкологичности или нелингвоэкологичности речи педагога. Статья представляет собой продолжение цикла исследований автора по данной теме.

Ключевые слова: лингвоэкология русской речи, фразеологизм, жаргонизм, педагогическая речь

Благодарна судьбе за предоставленную возможность опубликовать статью в сборнике, посвященном памяти ученого, о котором слышала со студенческой скамьи в своей alma mater . Тогда ещё мне рекомендовали читать и цитировать Ивана Александровича Фигуровского как специалиста, который стоял у истоков формирования новой области науки – лингвистики текста. Свою кандидатскую диссертацию уважаемый И.А. Фигуровский защитил в нашем Куйбышевском государственном педагогическом институте им. В.В. Куйбышева (ныне Самарский государственный социально-педагогический университет), см.: [7].

И.А. Фигуровский большое внимание уделял методике обучения и преподавания русского языка. В настоящее время актуальной является проблема лингвоэкологии педагогической речи. Лингвоэкология – молодая область междисциплинарного знания, формирующаяся в последней четверти XX в. В настоящее время бурно пополняется понятийный аппарат данной науки, появляются всё новые ответвления. В целом лингвоэкология – новая аксиологическая наука, оценочный характер которой вызывает неприятие у некоторых лингвистов, намеревающихся осуществлять научный поиск безотносительно ко времени и пространству. Между тем

экстралингвистический фактор в развитии языка, проблемы языковой политики государства никто не отменял. В свете сказанного актуальным представляется дальнейшее развитие этой науки и её прикладных аспектов, в частности, лингвоэкологии педагогической речи.

Во втором десятилетии XXI в. вышло в свет несколько знаменательных работ [6; 9] и др. Уже обозначенные в этих работах главы как ведущие проблемы современной русской лингвоэкологии (лексико-фразеологические утраты в языковом сознании носителей русского языка; проблема внешних заимствований; проблема жаргонизации языка и речи; русский язык и литература в сфере образования; творческий потенциал русского языка, см.: [6]; перспективы сбережения языка и практика оздоровления речи; языковая личность как объект и субъект экофилологии [9]) свидетельствуют о том, что данные проблемы животрепещущи в педагогической речи.

Наше исследование является фрагментом тотального изучения лингвоэкологии педагогической речи, нацелено на выработку критериев лингвоэкологичности / нелингвоэкологичности того или иного высказывания, языковой единицы.

Предмет настоящей статьи – фразеология в речи педагога на уроке, оценка лингвоэкологичности употребления той ли иной устойчивой единицы. Прежде чем перейти к собственно исследовательской части, следует оговорить теоретическую сторону лингвоэкологии. Рассматривая проблему творческого потенциала современного русского языка, А.П. Сковородников характеризует новые фразеологизмы постсоветского времени [6, с. 293, 298], экспрессивные, в том числе образные: *ниже плинтуса*; *сесть (подсесть) на иглу*; вариант последнего – *подсесть на что-либо* и некоторые другие как неообразования, которые соответствуют критериям экологичности. В заключении монографии ученый делает вывод о том, что с лингвоэкологической точки зрения <…> представляется необходимым пересмотреть отношение к жаргонным заимствованиям, которые в условиях отмирания территориальных диалектов становятся вместе с разговорной речью одним из главных источников пополнения лексики и фразеологии русского литературного языка [6, с. 352].

Аргумент необходимости поддерживать лексику типа *зачистка, беспредел* и фразеологию из воровского жаргона обусловливается через сохранение самобытности русского литературного языка. Возражения таким аргументам представлено в [9, с. 62, 63]. Примером огрубления речи можно считать употребление в публичном выступлении таких слов, как *сука, падло, отмазать, вешать лапшу на уши.* Подсчитано, что к 2013 г. в публицистической речи закрепилось почти две тысячи лексем, ранее принадлежавших воровскому арго. При этом 30% современного жаргона составляют наркотики и способы их употребления [1, с. 881]

Не беремся высказывать свое мнение и оценочное суждение по глобальному вопросу ресурсов самобытности русского литературного языка в силу сложности обозначенной проблемы. Но в аспекте лингвоэкологии

педагогической речи полагаем, что решение однозначно не в пользу воровского жаргона и жаргона из среды наркоманов.

Всякое внимание к языку преступных группировок для молодежи может оказаться губительным, всякое внимание не проходит бесследно. Как заметил Ф. Ницше, и если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя. Тот факт, что во втором десятилетии XXI в. в России возникла и набирает силу А.У.Е (российское неформальное объединение банд, состоящее из несовершеннолетних), которое пропагандирует среди несовершеннолетних воровские понятия российской криминальной среды и тюремные понятия. При этом эстетизация преступного мира, объяснение вымогательства денег необходимостью «реальной» поддержки заключенных в колонии (романтизация такой помощи) приводят к тому, что в социальных сетях в «Одноклассниках», «ВКонтакте» данное объединение насчитывает сотни тысяч подписчиков [5].

Под влиянием пропаганды А.У.Е подростки и молодежь учатся говорить, мыслить и жить по воровским законам. Так, уже в студенческой среде нередко наблюдается сдвиг в восприятии того или иного слова не в общепринятом значении, а с учетом «понятий», языка воровского жаргона. Напр., услышав от однокурсника слово «спросить», студент неадекватно реагирует возражением: «Не тебе спросить с меня!» (актуализируется воровское понятие «спрос»).

Усугублять сложившуюся ситуацию в аспекте педагогической лингвоэкологии неправомерно. Напротив, в педагогических вузах необходимо всемерно углублять знания будущих учителей по лингвоэкологии речи.

Между тем в 2019 г. наблюдался такой пример: в курсовой работе по методике преподавания русского языка с целью развития коммуникативной компетенции школьников средних классов среди других заданий студент-бакалавр предложил задания на изучение тюремного жаргона и жаргона из речи наркоманов на основе обращения к соответствующим словарям. Далее предлагались задания на проверку усвоения значения этих слов и фразеологизмов; было предложено задание «постройте предложения, используя данные слова и фразеологизмы». В таком случае будущий учитель-филолог предлагает нравственно неподготовленному обучающемуся ещё и ещё раз заглянуть в бездну. Будто нет для школьника окружения, которое поневоле воспроизводит многие лексемы и фразеологизмы преступного жаргона.

Что касается собственно исследовательской части, то она является фрагментом нашего исследования последних лет [2; 3; 4] и др. Сбор эмпирического материала осуществлялся в течение 2014-2018 гг., применялись диктофонные записи уроков, практических и семинарских занятий, метод включенного наблюдения и анкетирование. Опрос-анкетирование охватил около 1.950 информаторов из г. Самара, Тольятти, Сызрань, Кинель, Уральск, Москва и др., а также проживающих в Уральске (Казахстан), Киеве (Украина). Картотека оценочных высказываний педагогов составила 2170 единиц.

Мы не рассматривали высказывания, грубо нарушающие нормы литературного языка, примеры с обсценной лексикой, поскольку в таком случае

о педагогическом профессионализме не может быть и речи. Своей задачей видим составление строгих требований к педагогической речи, уточнение критериев лингвоэкологичности / нелингвоэкологичности высказываний педагога (здесь и поможет эмпирическая база, содержащая примеры на грани нормы и девиации).

Различаем русскую фразеологию общего плана и фразеологию педагогического дискурса. Последняя характеризуется как педагогические штампы, привычна, но это не оправдывает нелингвоэкологичность многих примеров. Таковы фразеологизмы с зооморфной семантикой, с номинациями животных и птиц, содержащих отрицательную коннотацию: *пишешь как курица лапой*; *встали (что стоите) / ходите как стадо баранов*; *как свинья в апельсинах (свинья в апельсинах)* – о растерявшемся у доски ученике, о чересчур нарядной полной ученице; *смеяться, как лошадь*. Заметим, что большинство приведенных нелингвоэкологичных фразеологизмов – это узуальные сравнения.

Узуальные сравнения в педагогической речи могут иметь развернутый характер, всё же обладать признаком нелингвоэкологичности: *как собака (всё понимает, а сказать не может)*. Известен случай, когда родители обратились к директору с жалобой: «Наших детей называют собаками!» в связи с рассуждением учителя на родительском собрании: «А ваши дети, как собачки, понимают, а сказать не могут! Они должны лучше выполнять домашнее задание!». Каков аргумент в пользу нелингвоэкологичности педагогической речи? Высказывание содержит зооморфную номинацию (*собака*) с отрицательной коннотацией.

Если же фразеологизм не содержит отрицательную коннотацию в номинации животного или птицы, то его рекомендуем употреблять в педагогической речи (расширяет лексико-фразеологический запас обучающегося), напр.: *Не надо ему* ***оказывать медвежью услугу***.

Кроме номинаций птиц и животных в педагогической речи встречаются упоминания об амебах и медузах в составе узуальных сравнений. Данные сравнения содержат отрицательную оценку поведения ученика (вялость ответа, действий): *Ну что ты мямлишь, растекся,* ***как медуза****...*; *Иногда ты совсем,* ***как амёба****. Давай, плечи расправил и вперед, к доске!* Высшее создание, человек, сравнивается с низшим, представлена порицающая аксиология, следовательно, высказывания не лингвоэкологичны.

Недопустимы фразеологизмы, содержащие в своем составе обсенную семантику: *смотрит в книгу, видит фигу.* Или фразеологизмы, имплицирующие инвективу, см. пример с прецедентным текстом: «Это не сочинение, а «записки сумасшедшего!». Прецедент – отсылка к названию повести Н. Гоголя. Импликация высказывания учителя: ученик написал, как сумасшедший, ученик – сумасшедший.

Ранее мы отмечали, что учитель, большую часть времени находящийся на работе, здесь же осуществляет лингвокреативную деятельность (а не только институциональную). Между тем лингвокреативная деятельность реализует

потребность индивида в творчестве, при этом нравственно-эстетические критерии не всегда сформированы у того или иного учителя. В таких случаях встречаются примеры употребления иронической фразеологии:

(1) *Поздно пить Боржоми, когда почки отказали*;

(2) *Ну что, дети, сделаем перекур?* (г. Чапаевск, 2011 г.);

(3) *Смотрите на меня, как Ленин на буржуазию.* Не всем ученикам понятна подобная ирония. Пример (1) потенциально знакомит учеников с неприглядной стороной взрослой действительности – последствиями алкоголизма; (2) знакомит школьников с возможностями табакокурения; (3) является лакуной для школьников или требует исторического экскурса. Данные фразеологизмы не рекомендуются в коммуникации со школьниками, особенно в младших и средних классах, они нелингвоэкологичны.

Нелингвоэкологичны сравнения, метафоры с такими субъектами сравнения, как дерево, изделия из него, пни, напр.:

(1) [Класс не подготовился к уроку] *Ну, чего смотрите,* ***пеньки с глазами****?!* (Самарская обл., с. Каменный Брод, 2010 г.);

(2) ***Хоть кол на голове теши****, а он всё бездельничает!* (Новокуйбышевск, 2015 г.).

Заметим, в настоящее время (2) из фразеологического единства мигрирует во фразеологическое сращение, поскольку требуется объяснение этимологии фразеологизма (когда-то тесали колы на пне для изготовления оружия). Примечательно, что как в (1), так и в (2) голову человека сравнивают с пнем (уничтоженным деревом).

В современных интернет-источниках при разъяснении этимологии (2) приводится аналогия: *Школьнику, например, совершенно все равно, что после 9 класса его за хулиганство сошлют в колледж (понятно, что колледж в данном случае – это среднее специальное образование, а не высшее, как было бы в Америке). И как тут не вспомнить поговорку «хоть кол на голове теши»?* [8].

Следовательно, часть фразеологизмов общего плана в настоящее время воспринимается носителями русского языка как фразеологизмы педагогического дискурса.

Современный школьный дискурс формирует новые речевые штампы учителя, так распространен пример-угроза: *Тому, кто болтает, заклею рот скотчем!* Педагоги высшей школы расценивали такой новый речевой штамп как эффектную метафорическую угрозу. Однако выяснилось, что учителя нередко буквально осуществляли данную угрозу.

Подведем итоги. Второе десятилетие XXI в. характеризуется насущной потребностью в развитии лингвоэкологии педагогической речи, которая должна стать важной составной частью языковой политики государства. Данная необходимость продиктована значительным вторжением в современный русский дискурс лексики и фразеологии преступного мира, отсутствием обязательного курса лингвоэкологии в педагогических вузах, недостаточное осознание угрозы внедрения культуры преступного мира в сознание подростков и молодежи. Стертая образность, клишированность многих

нелингвоэкологичных фразеологизмов педагогической речи (с зооморфной семантикой, метафорами дерева или пня, обсценной лексикой или импликацией отрицательной оценки объекта воспитания педагога) не делают такие высказывания допустимыми.

Каждый человек отвечает за свою речь с точки зрения лингвоэкологии. Но педагог ответствен вдвойне.

Список литературы

1. Еникополов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. и др. Агрессия в обыденной жизни. М., 2014. 493 с.
2. ИванянЕ.П. Лингвоэкологияпедагогическойречи // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. Вена. 2016. № 11-12. С. 48-56.
3. Иванян Е.П. Метафоры педагогической речи: лингвоэкологический аспект // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 85-летию Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного профессора Московского государственного областного университета, доктора филологических наук, профессора П.А. Леканта (г. Москва, 24-25 ноября 2017 г.) / Ред. кол.: Н.Б. Самсонов (отв. ред.), М.В. Головня (зам. отв. ред.), П.А. Лекант и др. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 331-333.
4. Иванян Е.П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива // Уральский филологический вестник / Урал. гос.пед. ун-т. Вып. 2: Материалы второй международной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления» 27-28 апреля 2018 г. / Гл. ред. проф. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2018. (Серия: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. Вып. 2 (27)). С. 209-215.
5. Казимирко-Кириллова А. АУЕ: Почему подростки снова хотят стать бандитами? // Первый русский. Царь-град. 10.02.2017. https://tsargrad.tv/articles/aue-pochemu-podrostki-snova-hotjat-stat-banditami_48612. Дата обращения: 15.03.2019.
6. Сковородников А.П. Экология русского языка. Красноярск, 2016. 388 с.
7. Фигуровская Г.Д., Фигуровский В.И. И.А. Фигуровский: ученый и педагог (к 110-летию со дня рождения) // Педагогическое образование и наука. 2010. № 7. С. 26-32.
8. «Хоть кол на голове теши»: значение фразеологизма и примеры употребления. http://fb.ru/article/270773/hot-kol-na-golove-teshi-znachenie-frazeologizma-i-primeryi-upotrebleniya. Дата обращения: 15.03.2019.
9. Хроленко А.Т. Введение в экофилологию: Учебн. пособие. М., 2017. 264 с.

УДК 372.881.1

МЕТОДИКА РАБОТЫ ПО ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ К РЕФЕРИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

КАРТАШОВА ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА
д. пед. наук, профессор, директор института филологии,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, cartashova.vale@yandex.ru

В статье представлена методика подготовки обучающихся к реферированию иноязычного текста с позиции системного подхода, поскольку одной из важных задач изучения иностранного языка в вузе, определенных в ФГОС, является обучение студентов реферированию оригинальной литературы по специальности. В статье представлен комплекс заданий, направленный на формирование определенной модели речевой деятельности как системы, состоящей из отдельных уровней, каждый из которых, в свою очередь, представляет собой единство, разложимое на некоторые составляющие его элементы. В статье приведены примеры заданий, имеющих свою иерархию. В рамках освоения дисциплины «Иностранный язык» будущие педагоги обучаются целостному восприятию профессионально направленного текста, основам его компрессии и созданию вторичного текста, содержащего основную информацию о тексте-оригинале.

Ключевые слова: текст, иноязычный текст, реферирование, системный подход, система упражнений, иностранный язык.

В настоящее время иноязычное образование призвано сыграть ведущую роль в становлении профессионализма будущего специалиста, расширении его образовательного кругозора. В процессе обучения иностранному языку происходит передача и овладение обучаемыми социально и профессионально значимой информацией. Основными путями, эффективно обеспечивающими быстрый обмен новой информацией, полученной из различных источников, в том числе и из иноязычных, являются аннотирование и реферирование. Сущность аннотирования и реферирования заключается в максимальной компрессии объема первоисточника информации при существенном сохранении его основного контента. Избыточность языка и возможность оформления той или иной мысли неоднозначными формами речевого произведения являются основанием для этого процесса. Созданный путем реферирования вторичный текст передает самую сущностную информацию, освобождаясь от всего второстепенного, несущественного, поясняюще-иллюстративного.

Особенность вузовского этапа изучения иностранного языка заключается в том, что текст выступает в качестве «уникальной обучающей единицы» [3, с. 73]. «Статус текста как универсальной дидактической единицы подтверждается самой способностью текста объединять главные функции обучения – образовательную, развивающую, воспитательную и, кроме того, контролирующую функцию, вытекающую из логики образовательного процесса и традиционно приписываемую тексту» [2, с. 117]. «На основе понимания текста формируется готовность к осуществлению

интерпретационной деятельности, продуктом которой становится новый текст, имеющий в своей структуре некоторые компоненты предыдущего, но облеченный в другую форму» [4, с. 59].

Неотъемлемой частью вузовского обучения является подготовка курсового проекта, выпускной квалификационной работы. На занятиях надо обучить будущего учителя использовать в этих работах иноязычные источники. Важным для будущего учителя являются созданные реферированные иноязычные тексты, поскольку именно этим видам отчетной документации «характерна бóльшая степень творческой аналитико-синтетической переработки информации нескольких источников» [1, с. 53].

В Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (уровень бакалавриата) в качестве требований к результатам освоения программы бакалавриата у выпускника должна быть сформирована универсальная компетенция (УК-4) «способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)» [5]. Помимо знания лексических единиц, наиболее употребительных в сфере профессионального общения и основных грамматических структур родного и иностранного языков, характерных для профессиональной речи и правил вербального и невербального поведения в профессиональной сфере, выпускник бакалавриата должен уметь аннотировать и реферировать иноязычные тексты профессиональной направленности. В результате обучения формируются навыки применения в своей профессиональной деятельности зарубежного опыта, заимствованного из иноязычных источников. В связи с этим актуальным становится вопрос о разработке методики формирования у обучающихся умений и навыков реферирования иноязычного текста.

В настоящее время в методике обучения иностранным языкам не существует единого системного подхода, технологии поэтапного формирования механизмов, позволяющих осуществить процесс реферирования иноязычного текста по оптимальным параметрам. На наш взгляд, разрозненные упражнения и методические приемы, пусть даже удачные и эффективные, не смогут оптимально решить задачу обучения реферированию иноязычного текста, если их не привести в систему. Процесс реферирования – сложный речемыслительный акт, и, с методической точки зрения, необходимость составления системы упражнений диктуется тем, что отсутствие или недостаточный объем упражнений приводит к тому, что в процессе реферирования сознание обучающегося не может охватить весь комплекс возникающих трудностей. Мы считаем методологически оправданным использовать системный подход при разработке технологии, направленной на развитие у обучающихся умения реферировать иноязычный текст. Системный подход позволяет системно рассмотреть объект действительности, выявить его состав и структуру, определить функции, выделить из них главные. Методика предусматривает разработку системы заданий, предусматривающих формирование умений и навыков восприятия языковой формы и ее

одновременной переработки и непосредственного понимания и смысловой переработки воспринимаемой информации.

Методика работы с текстами основывается на принципе компрессии прочитанного текста на смысловом и структурном уровнях. Разработанная методика включает несколько этапов, каждый этап предполагает развитие групп умений, соответствующих стратегий чтения текста, навыков изложения первоисточника в компрессионном виде.

На первом этапе идет подготовка к реферированию/аннотированию текста. Преподаватель предлагает задания, направленные на отработку языковых явлений, которые вызывают у обучающихся трудности в процессе их восприятия и дальнейшего воспроизведения, а также возможности их компрессии. Задания сводятся к обобщению прочитанного, например:

- replace each of the following phrases with a generalized word;

- use the term (from a group of termsin parentheses) to denote each of these processes;

- find synonyms of these words in the text.

На втором этапе идет анализ текста по формальным признакам: логика изложения, средства связи, аргументация, конкретизация, доказательство:

- emphasize all means of formal connectionin this extract;

- emphasize formal means by which the cause-effect relationship is expressed in this extract;

- search for the extract that connects thesesentences.

На третьем этапе происходит отработка приемов по ориентации в тексте. Третий этап предполагает выполнение ряда заданий, направленных на определение темы сообщения, оценки ее информативной ценности, выделение ключевых слов, логической связи в изложении, выделение смысловых отрывков, основной идеи текста, обобщение информации. Например:

- answer questions to the text;

- on the basis of the text content finish the sentences;

- find in the text a passage, which contentcorresponds to the proposed Illustration;

- mark structural semantic blocks in the text;

- divide the text into semantic passages, entitle them;

- combine the material;

- ask questions to the text in a strict logical order;

- find a nonlogical sequence in the text and arrange the text.

На последнем четвертом этапе – продуктивном – происходит создание вторичного текста. Преподаватель предлагает задания, направленные на выработку умения критического осмысления информации, создание своего собственного суждения о содержании текста:

- prove that this statement is false;

- determine the purpose of the study, determine the degree of its novelty;

- group similar points of view from thetext, express your opinion;

- what facts you find disputable, argue your conclusion.

После выполнения упражнений в результате повторного, многократного выполнения операций вырабатывается определенная схема, перечень узловых моментов, пунктов, которые могут служить внешней опорой будущей модели речевой деятельности. Эта схема непременно должна войти в реферат, составление которого является заключительным этапом обучения реферирования. Перед выполнением этого упражнения студентов следует знакомить с образцами рефератов, взятых из реферативных журналов по специальности, а также дать им предметную схему реферата, то есть перечень пунктов, которые обязательно должны войти в реферат.

В заключение хотелось бы отметить, что работа по созданию вторичного текста ведется в следующих направлениях:

- прогнозирование содержания текста, извлечение основной информации;
- семантико-структурная компрессия основного материала;
- организация вторичного текста на основе извлеченной информации.

Данная серия структурированных алгоритмизированных заданий позволяет выработать определенную схему, которая может служить внешней опорой будущей модели речевой деятельности.

В рамках освоения дисциплины «Иностранный язык» будущие учителя обучаются целостному восприятию учебных текстов и созданию новых текстов, содержащих основную информацию о тексте-оригинале. В результате такой переработки получается вторичный текст, в котором представлены основные оптимальные для восприятия идеи первичного текста.

Список литературы

1. Бабаева И.А. Обучение реферированию научно-технического текста // Вестник ТГПУ. Выпуск 1 (103). 2011. С. 53-58.

2. Клеменцова Н.Н. Роль текста в системе языкового образования в неязыковом вузе Проблемы современного образования. 2017. № 6. С. 114-126.

3. Мазунова Л.К. Текст как культурно-языковое пространство и единица обучения иностранному языку // Вестн. Башкирского ун-та. 2001. № 4. С. 70-74.

4. Салосина И.В. Текстовая компетентность: от восприятия к интерпретации // Вестн. Томскогогос. пед. ун-та (TomskStatePedagogicalUniversityBulletin). 2007. Вып. 10 (73). С. 55-59.

5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Приказ № 125 Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 г.

УДК 811.112.6

ВИДЫ ИНТЕГРАЦИИ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

НОВИКОВА ЕВГЕНИЯ ЭДУАРДОВНА
учитель русского языка и литературы,
МБОУ СШ № 35 г. Липецка,
Россия, г. Липецк, nowikowa.jenya@mail.ru

В статье рассматриваются актуальность межпредметных связей в школьном обучении и эффективные направления интеграции уроков русского языка с другими учебными предметами: литературой, изобразительным искусством, музыкой.

Ключевые слова: интеграция в учебном процессе, развитие системного мышления и научного мировоззрения, развитие речи и эмоциональной сферы на уроках русского языка.

Интеграция – от лат. *integer* – целый, восстановление. Это понятие является относительно новым в образовании (интеграция пришла в российскую педагогику в 80-е годы и стала обозначать наивысшую форму межпредметных связей), оно востребовано в современной школе, где ведутся активные поиски инновационных педагогических технологий. Исследования таких ведущих методистов, как М.Т. Баранов, В.Н. Федорова, В.Н. Максимова, И.Д. Зверева, Д.М. Кирюшкина, А.В. Усова, Е.Е. Менчикова, В.Р. Ильченко, В.В. Маткин, посвящены проблеме интеграции русского языка с другими учебными предметами в средней школе.

По мнению ученых, интеграция – одно из важнейших дидактических условий повышения научного уровня преподавания дисциплин и эффективности всего учебного процесса. Многие методисты рассматривают интегративные связи, реализуемые в процессе изучения русского языка, как наиболее оптимальный способ формирования научного мировоззрения учащихся и одновременно средство формирования различных приемов умственной деятельности.

Интеграция даёт возможность вырваться за рамки одной учебной дисциплины, наглядно, в действии показать, как всё в мире взаимосвязано, и одновременно усилить мотивацию изучения своего предмета. Как итог, «интеграция должна способствовать воссоединению целостности мировосприятия учащихся» [1, с. 19]. Необходимо отметить, что процесс интеграции имеет общегуманистическую основу, т.е. современный человек должен понимать свою роль и своё место в социальной и природной среде. Благодаря интегрированной базе преподавания в сознании учеников формируется более объективная и всесторонняя картина мира, они начинают активно применять свои знания на практике, где знания легче обнаруживают свой прикладной характер. Помимо этого, учитель по-новому видит и раскрывает свой предмет, яснее осознавая его соотношение с другими науками.

Все школьные дисциплины обладают своеобразным интеграционным потенциалом, но их способность сочетаться, эффективность интегрированного

курса зависят от многих условий. Поэтому, прежде чем создавать общую программу, педагогам необходимо учесть те обстоятельства, которые помогут сделать вывод о возможности и необходимости интеграции.

В методике и практике обучения русскому языку проявляется все большее стремление осуществлять связи своего предмета с другими дисциплинами в целях более эффективного преподавания. Вопросы связи курса русского языка с изучением истории, иностранного языка, родной литературы и других предметов рассматривались во многих исследованиях. Эта интеграция строится на поиске сходства в объектах изучения родного языка и других учебных предметов. Исследователи отмечают познавательно-практическую направленность курса русского языка: с одной стороны, язык изучается как особая область действительности (социальные функции, строение, особенности функционирования в разных сферах общественной жизни, нормы литературного языка, элементы его развития), с другой – у учащихся формируются различные умения и навыки. Содержание предмета, таким образом, складывается как из системы лингвистических понятий, фактов и закономерностей, так и из набора правописных навыков и речевых умений.

Отмечено, что лингвистические понятия, которые связаны с функциями языка и его строением, изучаются в других языковых предметах, например, в курсе иностранного языка; художественная функция языка – на уроках литературы; происхождение и развитие языка – на уроках истории; звуковая сторона речи – на уроках музыки; понятие о мышлении и речи даётся на уроках анатомии; о языковых семьях и многообразии народов мира учащиеся узнают на уроках географии.

Безусловно, изучение лексических понятий и формирование необходимых лексический умений идет более целенаправленно и даёт лучшие результаты при учете интеграции с предметом «Литература». Художественная литература знакомит с лучшими образцами использования языка. «Литературные произведения дают примеры удачного употребления слов в переносном значении – поэтических метафор, вызывая интерес к образному слову, позволяют отрабатывать понятия синонимии, расширять и углублять понимание учащимися основных свойств синонимов, способствуют формированию умения дифференцировать различные группы слов, выделять слова эмоциональной и экспрессивной лексики» [4, с. 15]. Таким образом, исследователи приходят к выводу, что изучение лексики путём организации взаимосвязи русского языка с литературой должно способствовать совершенствованию речевых умений.

Обучение языку и речи в школе – это процесс единый. Следовательно, задача учителя заключается в том, чтобы показать, каким образом текст – произведение речевое – формируется с помощью языковых единиц, как определенная смысловая информация находит форму выражения в зависимости от задач и целей коммуникации, замыслов авторов текста и т.д. Обычно на уроке русского языка обучение продуцированию текста предваряет выработку умения проводить анализ текстов-образцов, в качестве которых традиционно

выступают произведения классической литературы. В методике обучения русскому языку применяется комплексный, лингвистический и филологический анализ текста. Именно последний (филологический) анализ способен сблизить два учебных предмета – русский язык и литературу, так как при этом особое внимание уделяется способу выражения содержания, иными словами, анализ содержания и языкового оформления требует одновременности. При филологическом анализе текста у школьников развивается чувство языка, формируется дар слова, ведь понятие «филология» означает «любовь к слову». Итак, программа учебного предмета «Литература» позволяет разработать целую серию уроков, интегрирующих эти гуманитарные учебные предметы. На таких уроках можно использовать сведения из истории языка, стилистики, литературоведения и других дисциплин.

Еще одна область для интеграции русского языка – искусство, прежде всего изобразительное (ИЗО), а также декоративно-прикладное (ДПИ). Знакомство, близкое соприкосновение с образцами живописи и предметами народного декоративного искусства позволит воспитанникам глубже осознать свою причастность к родной земле, дополнить нравственное сознание новым содержанием, приблизиться к пониманию этики народной жизни и тем самым почувствовать в нашем противоречивом мире некую устойчивость, нравственную защищенность. Обращение к ИЗО и ДПИ целесообразно на уроках развития речи, например, при написании сочинений, так как истинное искусство никого не оставляет равнодушным. Школьнику, как и поэтам, композиторам и художникам, нужны запасы наблюдений, острота восприятия, опыт переживания, которые заставили бы его начать говорить и писать. «Обращаясь на уроках русского языка к опыту и знаниям предшествующих поколений, заключенных в произведениях искусства, мы воспринимаем народный взгляд на жизнь в самых важных его компонентах» [8, с. 9]. Уместно выяснить на уроке, с каким материалом предпочитали работать мастера и почему; о чем рассказывает изделие сквозь призму времени; какие чувства вызывает предмет; какое значение слова (например, *оберег*).

Информационное содержание предмета искусства, переданное с помощью художественных знаков, на уроках развития речи получает свое второе воплощение через другую знаковую систему – словесный язык. Перекодирование смыслов с одной знаковой системы на другую вызывает значительные затруднения у школьников. Успешность такой работы в значительной мере зависит от умения говорящего включать в речь термины искусства. Эффективным способом актуализации слова в речи обучаемых является предоставление говорящему готовых лексических и грамматических кодов языка, в частности моделей словосочетаний и грамматических основ предложений, что и сделано в Толково-сочетаемостном словаре [5].

Музыкальное произведение, звучащее на уроке подготовки к художественному описанию, облегчает поиск языковых средств, которые передают впечатления, активизирует лексику чувств и оценки в детском словаре. «Оно улучшает атмосферу урока развития речи, повышает интерес

учеников к предмету речи, оказывает общее педагогическое воздействие, которое проявляется в готовности класса идти на контакт с учителем, в желании ответить на вопросы, оценить высказывания одноклассников, поделиться впечатлениями об услышанном и пережитом» [2, с. 28].

Опытные словесники всегда стремились использовать музыку на уроках развития речи. Г.Б. Вершинина выпустила специальное пособие [3], ориентированное на формирование коммуникативных умений, в котором музыка используется не только для создания определенного эмоционального настроя, но и как самостоятельный источник высказываний. К числу несомненных методических достоинств звукового пособия Г.Б. Вершининой относится реализация межпредметных связей с уроками литературы и изобразительного искусства. В методических рекомендациях к отдельным музыкальным записям мы находим ссылки на литературные произведения (например, повесть В. Короленко «Дети подземелья» в связи с музыкальной пьесой Э. Грига «В пещере горного короля»). Кроме того, автор звукового пособия уместно напоминает о произведениях живописи, близких по своей тональности той или иной музыке: «Заросший пруд» И. Левитана (об этой картине говорится в связи с «Волшебным озером» А. Лядова).

Итак, интегрированным называется урок, в ходе которого реализуется взаимосвязь (от минимальной до максимальной) смежных учебных дисциплин, в результате чего образуется неразрывное целое, обусловленное разумным взаимодополнением знаний по разным предметам.

Интегрированные уроки русского языка, не отменяя традиционных предметов, а «надстраиваясь» над системой традиционного предметного преподавания дисциплин, позволяют обращаться к изучению тех явлений, фактов, вопросов, которые остаются за рамками дифференцированных учебных предметов, восполняя системность филологического знания. Данные обстоятельства обусловливают значимость интегрированных уроков русского языка и других предметов в школе как особой формы организации процесса обучения, отвечающей потребностям современного образования, стремящегося к формированию у учащихся системных знаний, целостного мировоззрения, единой картины мира.

Список литературы

1. Баранов М.Т. Межпредметные связи русского языка в учебном процессе // Русский язык в школе. 1979. № 4. С. 18-24.

2. Вершинина Г.Б. Музыка на уроках обучения описанию // Русский язык в школе. 1990. № 3. С. 34-38.

3. Вершинина Г.Б. Музыка на уроках развития речи в 5-7 классах: Звуковое пособие: В 3-х частях. СПб., 1992.

4. Дейкина А.Д. Межпредметные связи русского языка и литературы и пути их реализации // Русский язык в школе. 1979. № 3. С. 14-19.

5. Денисов П.Н., Морковкин В.В. Словарь сочетаемости слов русского языка. М.: АСТ, 2002. 816 с.

6. Остренкова М.А. Лингвокультуроведческие проекты на уроках русского языка // Русский язык в школе. 2014. № 11. С. 6-9.

7. Селиванова О.Г. Русский язык: уроки инновационного типа // Русский язык в школе. 2014. № 8. С. 3-5

8. Ходякова Л.А. Приобщение школьников к национальной культуре средствами изобразительного искусства // Русский язык в школе. 2004. № 6. С. 8-15.

УДК 378.147

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ СТУДЕНТАМИ-БАКАЛАВРАМИ СЛОВ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В ЭЛЕКТРОННОЙ ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВУЗА

СЕЛЕМЕНЕВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА
д. филол. наук, доцент, профессор кафедры русского языка,
методики его преподавания и документоведения,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, selemeneva1@rambler.ru

В статье рассматривается вопрос разработки и внедрения в процесс преподавания дисциплины «Современный русский язык» дистанционного учебного курса, посвященного словам категории состояния.

Ключевые слова: дистанционное обучение, грамматика русского языка, слова категории состояния, модуль «Задание».

Вследствие значительного сокращения аудиторных часов на учебную дисциплину «Современный русский язык» при переходе на двухступенчатую систему образования в рабочих программах, предназначенных для направлений подготовки бакалавриата 45.03.01 – *Филология* и 44.03.05 – *Педагогическое образование*, ряд ключевых тем курса грамматики выносится на самостоятельное изучение обучающимися. Эффективной организации этого процесса способствует внедрение дистанционного обучения, основанного на принципах интерактивности, стартовых знаний, индивидуализации, идентификации, гибкости, открытости и др. [1, с. 29-31].

В ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина» уже несколько лет функционирует электронная информационно-образовательная среда, которая обеспечивает не только доступ к библиотечным ресурсам, учебным планам, рабочим программам и т.д., но и организацию занятий, процедур оценки знаний и умений обучающихся посредством разработки преподавателями при помощи программного обеспечения с открытым исходным кодом LMS Moodle различных дистанционных курсов.

Проанализировав и выбрав методы, используемые в традиционном обучении при изучении дисциплины «Современный русский язык» (работа с

текстом, письменные упражнения и задания, обсуждение, реферирование, подготовка презентаций, ведение терминологического словаря и др.), мы сопоставили их с возможностями используемого в информационно-образовательной среде нашего вуза программного обеспечения и смоделировали дистанционный курс «Слова категории состояния в русском языке» для организации самостоятельной работы студентов-бакалавров. Отметим, что функциональные возможности этой инструментальной среды очень широкие. Можно использовать различные типы материалов (глоссарий, лекции, задание, опрос, форум, чат и др.) и множество специальных настроек (управление временем, настройка маршрута и др.).

Для перестройки аудиторного курса по словам категории состояния был использован тред «от традиционного – к виртуальному» [2, с. 16]. Самостоятельное изучение материала по словам категории состояния мы предложили начать студентам с интерактивной лекции. По сравнению с текстом традиционной лекции по этой же теме текст интерактивной претерпел трансформацию и был преобразован в четыре самостоятельных информационных блока. Отбор материала в них осуществлялся исходя из принципа «от общего – к частному» и с учетом связи семантики, морфологии и синтаксиса. Так, в первом блоке «Состояние как семантическая категория. Предикаты состояния» рассмотрены вопросы об одной из фундаментальных категорий русской языковой картины мира – категории состояния, «узкий» и «широкий» подходы к ее пониманию, ряд признаков, отличающих предикаты состояния от действий и свойств (темпоральная локализованность, квантифицируемость, фазовый характер, перцептивность, каузированность и др.), морфологическая природа предикатов состояния; указано, что среди частей речи, способных выражать семантику состояния, особую роль играет сравнительно «молодая» часть речи – слова категории состояния, происхождение которой возводят к XV веку – древнерусскому языку периода письменности. Во второй блок «Лексико-семантические особенности слов категории состояния» включен материал о семантических группах слов категории состояния, о синкретизме значения некоторых из них, соотношении слов категории состояния с другими частями речи. В третьем блоке «Грамматические особенности слов категории состояния» представлен материал о показателях форм наклонения, времени, вида слов категории состояния, степенях сравнения, специфике присловной и предложенческой связи с некоторыми падежными (дательным, предложным, родительным) формами, синтаксической функции в предложениях. В четвертом блоке «Употребление слов категории состояния в современных текстах» приводятся сведения о функционировании изучаемой единицы в разговорной и научной речи, в художественных произведениях и в публицистике.

Пространственно-плоскостное, шрифтовое варьирование текста интерактивной лекции «работает» на привлечение внимания студентов к вводимым терминам, иллюстративным примерам, ключевым положениям; а гиперссылки на материалы видехостинга «YouTube», посвященные изучаемой

теме (лекции «Категория состояния» к.ф.н. С.А. Наумова, «Грамматическая омонимия» к.ф.н. Косицына Е.Ф. и др.), дополняют и расширяют полученную информацию, облегчают процессы усвоения и запоминания.

Однако ключевая роль в изучении слов категории состояния посредством дистанционной технологии обучения принадлежит все же не теоретическому модулю, поскольку студенты могут скачать и прочитать рекомендованные в блоке курса «Электронная библиотека» учебники, учебные пособия и научные статьи, а модулю «Задание». Этот компонент включает несколько видов работ:

а) тренировочные упражнения, необходимые для закрепления изученной теории;

б) задания для формирования навыков научно-исследовательской работы;

в) тестовые задания текущего контроля знаний.

Все тренировочные упражнения к разделу «Слова категории состояния как часть речи» сформированы в 4 группы, коррелирующие с выделяемыми информационными блоками лекции: «Предикаты состояния в русском языке: признаки и морфологическая природа», «Общая характеристика слов категории состояния. Лексико-грамматические разряды», «Грамматические особенности слов категории состояния. Слова категории состояния и другие части речи», «Функции слов категории состояния в современных текстах. Морфологический разбор слов категории состояния как части речи». Каждый выделенный блок содержит пять-семь упражнений небольшого объема, чтобы избежать при выполнении рассеивания и ослабления внимания студентов. Формулировки заданий предполагают наблюдение над изучаемой частью речи и изолированно, и в контексте, в отдельных высказываниях или текстах.

Например:

Упражнение 3. *Определите, от каких частей речи образовались данные слова категории состояния: от наречий и кратких форм имен прилагательных*; *от имен существительных*; *нет соответствия среди других частей речи.*

Упражнение 4. *Определите значение слов категории состояния* ***хорошо***, ***светло***, ***темно*** *в следующих предложениях*.

Упражнение 5. *Прочитайте тексты. Определите тип текста с учетом сферы общения и характера отражения действительности*: *художественный или нехудожественный текст* (*обиходно-бытовая сфера функционирования*, *официально-деловая*, *учебно-научная*, *публицистика и др*.). *Найдите слова категории состояния. Каковы функции слов категории состояния в данных текстах?*

Поскольку в обучении всегда важна последовательность, преемственность материала, часть упражнений ставят целью не только подготовку к восприятию курса синтаксиса дисциплины «Современный русский язык», но и подготовку студентов к обучению в магистратуре и освоению дисциплин «Теория и практика анализа языковых единиц» и «Семантика языка». Именно поэтому в блоке тренировочных упражнений встречаются следующие задания:

Упражнение 2. *Спишите предложения. Определите онтологический тип семантики состояния*: 1 – *психологическое состояние одушевленного субъекта*; 2 – *физиологическое состояние одушевленного субъекта*; 3 – *состояние природы*; 4 – *состояние окружающей среды*; 5 – *физическое состояние неодушевленного предмета*; 6 – *социальное состояние субъекта*.

Упражнение 3.*Выпишите из предложений слова со значением носителя состояния. Дифференцируйте их на группы*: 1 – *лица, живые существа, способные испытывать психологические и физиологические состояния*; 2 – *предметы*; 3 – *природное пространство в целом или его часть*, 4 – *природные объекты*; 5 – *среда в искусственно созданных человеком помещениях или какая-либо часть этой среды. В каких предложениях носитель состояния не вербализуется*? *Почему?*

Особое внимание уделяется заданиям, которые направлены на разграничение слов категории состояния и омонимичных частей речи.

Например:

Упражнение 2. *Определите, какой частью речи являются слова* ***тихо*** *и* ***красиво*** *в данных предложениях, укажите их синтаксическую функцию.*

Упражнение 5. *Употребите приведенные ниже слова в контекстах как разные части речи*: **а)** *слово категории состояния*; **б)** *наречие*; **в)** *краткое прилагательное.*

Весь фактический материал для упражнений подобран преимущественно из художественных произведений отечественных авторов XIX–XX веков.

Например:

Упражнение 5. *Спишите предложения. Определите морфологическую природу предикатов состояния в предложениях* (*безличные глаголы, личные глаголы в безличном употреблении, личные глаголы, причастия, имена прилагательные, слова категории состояния, признаковые имена существительные*).

1. В четвертом часу светало, становилось зябко… (*Варламов А. Купавна*) **2.** Уже вся река застыла… (*Астафьев В. Последний поклон*) **3.** Болен хоть пустяково, но на самом деле. (*Геритейн Э. Мандельштам в Воронеже*) **4.** Безмолвие. (*Коваль Ю. Веселье сердечное*) **5.** Очевидно, небо покрыто облаками. (*Чехов А. Огни*) **6.** Она б и оттаяла, земля-то. (*Солженицын А. Один день Ивана Денисовича*) **7.** В мелколесье душно, пахнет прелью. (*Паустовский. Золотая роза*) **8.** Неподвижный воздух был густо насыщен запахом сирени и черемухи. (*Чехов А. Дачники*) **9.** …На улице было светло. (*Прошкин Е. Эвакуация*) **10.** Дорога шла серединой глубокой и широкой балки, подле берега небольшой речки, которая в это время играла, то есть была в разливе. (*Толстой Л. Набег. Рассказ волонтера*) **11.** Пахнет полынью. (*Неверов А. Гуси-лебеди*) **12.** Где сегодня холод, там завтра жара. (*Паустовский К. Парусный мастер*) **13.** …Экран сплошь усеян электролампочками разного цвета. (*Введенский Б., Никаноров С. Лазеры в телевидении*) **14.** Какое великолепие и спокойствие! (*Бунин И. Сосны*) **15.** – Но ведь… море же спокойное, – смущенно произнес я, тем не менее не спеша выбраться из ее объятий. (*Попов В. Ужас победы*)

После выполнения тренировочные упражнения с ответами в виде файла автоматически отсылаются преподавателю, который их проверяет, оценивает, комментирует ошибки.

Поскольку современный образовательный процесс «настоятельно требует… усиления внимания к индивидуализации учебно-воспитательной работы, организации самостоятельного учебно-исследовательского труда» студентов [4, с. 23-24], второй блок практических заданий в дистанционном курсе при изучении слов категории состояния представлен заданиями для формирования навыков научно-исследовательской работы. Они способствуют развитию аналитических и классификационных умений обучающихся.

Например:

Задание 1.*Соберите из художественных текстов 30 предложений со словами категории состояния. Создайте авторскую картотеку примеров по изучаемой теме. Примеры оформите по приведенному образцу.*

Задание 2. *Составьте аннотации двух статей по проблеме изучения слов категории состояния в русском языке из журналов «Филологические науки», «Русский язык в школе», «Вопросы языкознания». Оформите аннотации по приведенному образцу.*

Задание 3. *Познакомьтесь с работами Л.В. Щербы «О частях речи в русском языке» (Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1957. С. 63-84) и Е.М. Галкиной-Федорук «О категории состояния в русском языке» (РЯШ. 1957. № 4. С. 6-18). Создайте презентацию, включающую 10-12 слайдов, на которых в виде схем или таблиц представьте идеи авторов, изложенные в приведенных работах.*

Тестовые задания текущего контроля знаний носят практико-ориентированный характер и направлены на формирование навыков опознания изучаемого явления в фактическом языковом материале.

Например:

Задание 19. Укажите номера предложений, в которых слово *тихо* является словом категории состояния.

1) Тихо отступив на шаг, он поднял голову к небу. (*Варламов А. Купавна*)

2) Тихо и мирно жили Антон и Елена в бабушкиной квартире. (*Улицкая Л. Казус Кукоцкого*)

3) Дверь тихо закрылась, и снова стало совсем темно. (*Волос А. Недвижимость*)

4) В лесу было так хорошо, так тихо и спокойно, что преступления казались выдумкой досужих сочинителей с воспаленным воображением. (*Белоусова В. Второй выстрел*)

5) И тихо было на хуторе, пустынно: ни людей, ни машин. (*Екимов Б. Фетисыч*)

Задание 29. Укажите номера предикатов состояния.

1) Бежать;

2) рисовать;

3) знойно;

4) дремать;

5) красивый.

Задание 30. Укажите номера предложений, в которых именная часть составного сказуемого представлена словами категории состояния.

1) На дворе знойно. (*Островский Н. Как закалялась сталь*)

2) В раскрытое окно кабинета предисполкома заглядывает ветка вишни. (*Островский Н. Как закалялась сталь*)

3) Летние московские вечера бесконечны, темнеет только к одиннадцати, и вот ждешь, ждешь – ее все нет. (*Бунин И. Степа*)

4) Тут было темнее и прохладнее, чем на открытой воде. (*Куприн А. Поединок*)

5) Здесь не больно ветрено… (*Горький М. Тронуло*)

Такие задания закрытой формы с выбором нескольких правильных ответов из множества помогают избежать механического заучивания теории, нивелируют эффект угадывания правильного ответа, максимально объективно оценивают знания обучающихся, сформированные умения и навыки.

Для контрольных тестов не предусмотрено ограничений по времени выполнения и количеству попыток. После выполнения они проверяются автоматически, т.к. правильные ответы уже заданы в системе. Каждый студент видит свою оценку, допущенные ошибки и правильные ответы.

Имеющийся у нас опыт создания подобных дистанционных курсов свидетельствует о ряде сложностей, возникающих в процессе их разработки и внедрения. Так, учебный материал по современному русскому языку обладает «сложно формализуемым характером», а преподаватель-филолог не всегда компетентен «в вопросах использования новых информационных и коммуникационных средств и современного программного обеспечения» [3, с. 76-77]. Студенты считают подобную самостоятельную работу (при отсутствии личного контакта с преподавателем) необязательной, невыполнение заданий объяснят плохим качеством связи. Преодоление пассивности студентов, на наш взгляд, возможно при условии выбора разнообразных форм подачи материала (использование видеолекций и их фрагментов, презентаций, таблиц, схем, рисунков, тестовых заданий и др.). Представленный таким образом учебный материал способен активизировать познавательную деятельность студентов бакалавриата, развить личностные качества, сформировать навыки планирования самостоятельной работы.

Список литературы

1. Андреев А.А. Дидактические основы дистанционного обучения. М.: РАО, 1999. 120 с.

2. Вайндорф-Сысоева М.Е., Грязнова Т.С. Педагогические аспекты разработки электронного образовательного ресурса практикующим педагогом: краткий путеводитель: Учебно-методическое пособие. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 64 с.

3. Валеева Р.З., Валеев Э.Р. Дистанционное обучение как фактор повышения качества образования в системе высшего профессионального образования // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 4-2. С. 75-79.

4. Иванченко Д.А. Системный анализ дистанционного обучения: Монография. М.: Изд-во РГСУ «Союз», 2005. 192 с.

УДК 373.1.02.372.8

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВА КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ШКОЛЬНИКА

ТЕЛКОВА ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА
к. филол. наук, доцент кафедры русского языка,
методики его преподавания и документоведения,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
Россия, г. Елец, telkova.2014@bk.ru

Статья знакомит читателей с методами и приемами изучения языка как средства когнитивной деятельности современного школьника. В центре внимания автора – прием учебного концептуального анализа.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, учебный концептуальный анализ.

Для языкознания конца XX – начала XXI веков характерно повышенное внимание к носителю языка, о чем свидетельствуют новые лингвистические исследования. В центре внимания по-прежнему остается системно-структурный подход к изучению языковых единиц, но появились новые тенденции в исследованиях: лингвокультурологическое, когнитивное, аксиологическое, антропоцентрическое, гендерное, эмотивное, квантовое и др. направления. Антропоцентрический характер лингвистики проявился в тесной взаимосвязи с такими гуманитарными науками, как философия, культурология, социология, психология, психолингвистика, этнолингвистика, лингвокраеведение и т.д. Когнитивная лингвистика занимается вопросами: как язык участвует в познании мира; как язык помогает человеку узнавать мир; как язык связан с ментальными процессами человека: с восприятием, памятью, воображением, эмоциями, мышлением; как информация о мире обрабатывается, хранится, извлекается в случае необходимости в сознании человека; каким образом на основе языка создается новая информация [1]. Когнитивная лингвистика назвала новые подходы к лингвистическому исследованию языковых единиц и явлений, отражающие сегодняшнее состояние и возможности современной лингвистики: аксиологические исследования; гендерные характеристики; специфика жанра, стиля; когнитивистика; корпусная лингвистика; семантика; национальная специфика; перевод; функциональная лингвистика; эмотивная

лингвистика; методы, приемы в обучении языку. Расширились рамки традиционных методов лингвистической науки, включившей методы исследования, свойственные иным наукам. Итак, в центре внимания ученых – понимание языка как когнитивного механизма, используемого мозгом человека, во-первых, для переработки информации о воспринимаемой им окружающей действительности, во-вторых, для закрепления и хранения в сознании воспринятой информации, в-третьих, для передачи в случае необходимости полученной информации другим личностям.

Определены базовые категориальные понятия когнитивной лингвистики: картина мира, языковая картина мира, концепт. Человек воспринимает картину мира, закрепляет ее в сознании посредством системы языка. Под языковой картиной мира понимаем фрагмент картины мира, отраженный в сознании человека средствами языка. Рамки статьи нам не позволяют рассмотреть другие семиотические системы, используемые человеком для понимания, выражения какой-либо картины мира. Не коснемся мы и вопросов соотношения языковых и неязыковых средств, к которым прибегает человек в процессе закрепления им в своем сознании полученной информации о картине мира.

В нашей методике обучения языку и речи мы исходим из традиционной теории науки о языке [2]. 1. Язык предназначен «служить орудием общения людей, быть средством обмена информацией и ее накопления». Если знаний нет, то нет и мотива, основы для обмена информацией. 2. Структура языка «подчинена задачам коммуникации, которая состоит в передаче и приеме мыслей об объектах действительности», под которыми понимаем: фрагменты какой-либо *картины мира.* 3. «Чтобы осуществить свое назначение, язык должен соответствовать строю мышления». «Язык формирует и организует знания человека об объективном мире, расчленяет их и закрепляет их в человеческом сознании и памяти» [2, с. 439]. Когнитивная лингвистика тоже утверждает: язык является средством закрепления и хранения в сознании картины мира.

Признание главенства когнитивной (познавательной и мыслительной) функции языка ориентирует педагогов-словесников на работу с языковыми единицами не ради усвоения их самих по себе с целью понимания устройства языковой системы, но еще и в связи с постижением на основе языка экстралингвистических знаний о мире, т.е. лингвистический курс должен быть направлен на постижение языковой картины мира. Основная же доля этих знаний хранится в нашем сознании в виде различных когнитивных (мыслительных) структур – концептов разной степени сложности. Концепт называют содержательной единицей мышления, квантом структурированного знания.

Метод концептуализации стал приоритетным в нашей методике обучения языку и речи. Поскольку человек познает мир и размышляет о нем на основе мыслительных структур, учителю надлежит учить воспитанников пользоваться концептом как основным когнитивным способом, с помощью которого усваивается концептуальная картина мира. При мышлении человек пользуется

не только знаниями слов, но и их образами-представлениями. Следовательно, при обучении языку и речи эффективнее заниматься расширением не одной, а двух сторон когнитивных структур знаний: экстралингвистическими структурами – концептами, представляющими мир, и лингвистическими структурами. В этом случае работа будет заключаться в организации восприятия образов, в обращении к воспоминаниям и затем в обозначении новых смыслов-концептов языковыми знаками, т.е. в переводе образов-концептов в долговременную память обучаемых. Сущность метода заключается в осмыслении поступающей извне информации и в ее невербальном и вербальном обозначении: 1) в представлении учащимся фрагментов картины мира; 2) в закреплении картины мира в сознании школьников средствами языковой системы; 3) в актуализации языковых единиц в речевой деятельности обучаемых [3].

Полный учебный анализ концепта включает следующие этапы.

1. Определение имени концепта (ключевого слова). Как правило, им становится абстрактное имя существительное, поскольку оно обладает широким значением. Типичными именами концептов культуры являются: «Долг», «Честь», «Любовь» и т.д. Понимание концепта как принципа культуры не допускает, чтобы концепты именовались конкретными существительными. Поэтому выражение «концепт “Рыба” будет некорректным.

2. Определение этимологии ключевого слова. На данном этапе осмысляется первичное осмысление концепта.

3. Анализ семантической структуры ключевого слова в диахроническом срезе, что позволяет проследить пути развития концепта.

4. Анализ семантических отношений ключевого слова: синонимических, антонимических, родо-видовых, синтагматических.

5. Анализ специфики грамматического выражения концепта. (Следует обращать внимание на такие категории имени существительного, как одушевленность, род, число, синтаксическая позиция в предложении.)

6. Анализ регулярных и нерегулярных языковых явлений.

7. Особенности выражения концепта в различных дискурсах (Особое внимание здесь уделяется рассмотрению идеологем, ценностей, коммуникативных установок, языковой специфики прецедентных текстов).

Концептуальный анализ обращен прежде всего к лексическим единицам, поскольку «выражение культурной информации осуществляется прежде всего значениями слов и отношениями, в которые они вступают» [4, с.10].

Интеграция когнитивной лингвистики и методики русского языка позволяет вывести обучение на новый методологический уровень обновления мотивационного, лингвистического, воспитательного, дидактического компонентов курса. Школе необходима новая лингвистическая парадигма.

Список литературы

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Наука, 2004. 367 с.
2. Русский язык: энциклопедия. М.: Наука, 1979. 432 с.

3. Сычугова Л.П. Язык и искусство в формировании методической компетенции будущих учителей-словесников. Киров: КГУ, 2005. 208 с.
4. Токарева И.Ю. Новое в обучении русскому языку: учебный концептуальный анализ // Русский язык в школе. 2010. № 7. С. 27-35.

УДК 811.112.6

ТРУДНЫЕ СЛУЧАИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОМОНИМИЧНЫХ СЛОВ НА -О И БЕЗЛИЧНЫХ ГЛАГОЛОВ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

ФЕДЮШИНА ГАЛИНА АЛЕКСЕЕВНА
учитель русского языка и литературы,
МБОУ СОШ п. Солидарность – «Филиал ООШ с. Большие Извалы»,
Россия, Елецкий район,
fedyushina.96@mail.ru

В статье рассматриваются способы разграничения функциональных омонимов на –о, а также слов категории состояния и безличных глаголов на –о на уроках русского языка. Анализируются семантические и грамматические особенности данных частей речи, приводятся примеры проблемных заданий.

Ключевые слова: грамматические омонимы, слова категории состояния, безличные глаголы, проблемное обучение.

Раздел «Морфология» в школьном курсе русского языка является одним из наиболее сложных для изучения. Трудности связаны с количеством частей речи, разнообразием грамматических категорий, форм, рядом исключений, выходящих за рамки системных отношений. Сложности в анализе частей речи также связаны с явлением переходности, наличием грамматических омонимов. В частности, к подобным случаям относится разграничение омонимичных слов на -о.

В современном русском языке функционирует группа омонимичных слов на -о, которая состоит из кратких прилагательных среднего рода, наречий, слов категории состояния. Их также называют функциональными омонимами и определяют как одинаково звучащие этимологически родственные слова, относящиеся к разным частям речи [1, с. 351], например: *Он говорит* ***тихо.*** – *На улице* ***тихо.*** – Море **тихо**. Правильная квалификация данных морфологических единиц важна не только для языкового анализа, но и для понимания смысла текста или предложения.

Для того чтобы определить принадлежность слова на -о к какой-либо части речи, обучающиеся должны знать критерии разграничения данной группы омонимов. Главным разграничителем являются грамматические особенности. Омонимичные формы имеют разные морфологические признаки, выполняют разные синтаксические функции в зависимости от того, к какой части речи принадлежат. Разграничение проводится на основе определения

категориального значения, морфологических и синтаксических признаков. Наиболее четким признаком, позволяющим определить частеречную принадлежность данных форм, является синтаксический, поэтому целесообразно начинать анализ именно с этой функции.

1. *Синтаксическая функция*: краткое прилагательное среднего рода является именной частью сказуемого в двусоставном предложении; наречие – обстоятельством; слово категории состояния – сказуемым в односоставном предложении.

2. *Категориальное значение*: краткое прилагательное обозначает признак предмета; наречие – признак действия; слово категории состояния – состояние.

3. *Морфологические категории*: краткое прилагательное имеет форму среднего рода, изменяется по родам и числам; наречие, слово категории состояния – не изменяются.

Данные критерии помогут учащимся различать названные типы функциональных омонимов. Но в ходе проведения морфологического разбора могут возникнуть трудности с квалификацией еще одной формы на -о, которая имеет сходные признаки со словами категории состояния. Это безличные глаголы, в частности, формы, которые оканчиваются на -о.

В русском языке безличные глаголы называют действия, происходящие без участия лица или предмета. Выделяют семантические типы безличных глаголов, обозначающие: 1) явления природы: *светает, морозит*; 2) стихийные явления: *горит, веет;* 3) ощущения от внешних явлений (чувственные восприятия и внешние явления как объект этих восприятий): *пахло, несет;* 4) физическое состояние: *тошнит, рвет;* 5) невольное проявление какого-либо действия: *не спится, нездоровится.*

Безличные глаголы также классифицируют с точки зрения их происхождения: собственно-безличные, которые не соотносятся ни с одним субъектом: *вечереет, смеркается, знобит;* безличные, образованные от личных с помощью постфикса *-ся: хочется, думается, не сидится*; личные глаголы в безличном значении: *от окна дует*, ср.: *ветер дует; в ушах шумит,* ср.: *вода шумит*.

Безличные глаголы могут употребляться в разных грамматических формах. Во-первых, это начальная форма глагола (*подморозить, смеркаться)*. Во-вторых, формы изъявительного (*подморозит*) и сослагательного (*подморозило бы*) наклонений. В изъявительном наклонении имеют свойство изменяться по временам. Безличная форма глагола может совпадать с формой глагола в 3-м лице единственном числе настоящего или будущего времени *(моросит, будет моросить; смеркается, смеркнется*), а также с глаголами прошедшего времени среднего рода (*подморозило, взгрустнулось*). Синтаксическая функция безличных глаголов состоит в том, что они не сочетаются с подлежащим и используются в качестве сказуемого односоставных безличных предложений: *На улице подморозило* [2, с. 296].

Среди безличных глаголов есть такие, которые в прошедшем времени имеют формы на -о. В большей степени это относится к глаголам, выражающим действия и состояния:

1) явления природы: *морозило, светало; холодало*;

2) физическое или психическое состояния человека: *знобило, тошнило*.

В этом значении они сходны со словами категории состояния. Для разграничения данных форм учащимся предлагается проблемное задание: проанализировать два предложения со словами *светло-светало*, определить частеречную принадлежность этих слов и сделать выводы.

За окнами ***светло****: взошла луна.* (В.М. Шукшин). – *Уже* ***светало****, и когда волчиха пробиралась к себе густым осинником, то было видно отчетливо каждую осинку…* (А.П. Чехов).

Для разграничения безличного глагола и слова категории состояния учащимся предлагается выявить их основные морфологические и синтаксические признаки. Синтаксическая функция данных форм совпадает: они являются сказуемыми в безличном предложении. Следовательно, в основе разграничения лежат морфологические признаки. С этой целью учащиеся пытаются определить, сколько словоформ имеет каждое слово. Так как словоформ больше у глагола, то слова изменяются с учетом морфологических признаков данной части речи.

В результате выясняется, что слово *светало* имеет начальную форму – *светать*. Оно может употребляться не только в изъявительном, но и в сослагательном наклонении: *светало бы*. Кроме того, изменяется по временам. Наряду с формой среднего рода прошедшего времени – *светало*, имеет другие временные формы: *светает, будет светать.*

У слов категории состояния также есть грамматические категории наклонения и времени, но они выражаются аналитически с помощью соответствующих глаголов-связок: *быть, становиться* и др. Им присуще изъявительное и сослагательное наклонение: *На улице стало* ***светло***; *Скорее бы стало* ***светло.*** Образуются формы настоящего, прошедшего и будущего времени. Настоящее время выражается при помощи нулевой связки: *В комнате* ***светло***. Прошедшее и будущее – при помощи глаголов-связок: *Недавно* ***было*** *еще* ***светло***; *Скоро* ***станет светло***.

Таким образом, на основе сопоставления упомянутых признаков учащиеся делают выводы, что в первом предложении представлено слово категории состояния (*светло*), а во втором – безличный глагол (*светало*).

В качестве закрепления предлагается обобщающая таблица, которая поможет запомнить признаки слов, относящихся к исследуемым частям речи, и уяснить их общие и дифференциальные признаки. Таблицу также можно использовать как прием проблемного обучения. В этом случае признаки определенной части речи не указываются, учащимся их нужно будет определить самим.

Таблица разграничения омонимичных форм на -о

Семантические, морфологические, синтаксические признаки	Часть речи			
	Имя прилагательное (краткая форма среднего рода)	Наречие	Категория состояния	Безличный глагол (форма прош. вр. среднего рода)
1. Грамматическое значение	Признак предмета	Признак действия, состояния	Состояние кого-чего-л.	Действия или состояния, происходящие без участия деятеля
Вопрос	Каково?	Как?	Каково?	Что делало? Что сделало?
2. Изменяемость/ неизменяемость	Изменяется по родам и числам	Не изменяется (кроме форм степеней сравнения)	Не изменяется (кроме форм степеней сравнения)	Изменяется по родам, числам и времени
3. Наличие-отсутствие глагольной связки	Есть	Нет	Есть	Нет
4. Синтаксическая функция в предложении	Сказуемое двусоставного предложения	Обстоятельство	Сказуемое односоставного безличного предложения	Сказуемое односоставного безличного предложения

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Избранное. 1995-2005: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. проф. К.Э. Штейн. М. - Ставрополь, 2005.

2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник / Под ред. Н.С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2002.

3. Шершакова Н.Е. Приемы разграничения функциональных омонимов на -о // Русский язык в школе. 2006. № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И.А. ФИГУРОВСКОГО И РАЗВИТИЕ ЕГО ИДЕЙ СОВРЕМЕННЫМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Бурцев В.А. Понятие текста и единицы текста в концепции И.А. Фигуровского …….. 5

Романов Д.А. И.А. Фигуровский и славянская палеография …. 10

Свиридова Т.М. Вопросы славянского языкознания в трудах И.А. Фигуровского и А.М. Селищева ……... 16

Факторович А.Л. Роль концепции И.А. Фигуровского в развитии лингвистики текста: аспект имплицитной семантики ……. 23

Фигуровская Г.Д. Отношения и связи между предложениями в синтаксисе целого текста И.А. Фигуровского и в современной лингвистике текста …….. 30

Харченко В.К. Заключительные абзацы публицистических текстов в свете идей И.А. Фигуровского …….. 39

Шаталова О.В. «В диалоге с мэтром»: об одном концептуальном подходе в синтаксических воззрениях И.А. Фигуровского ……. 42

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА

Аль Хаснави А.Р. М. Семантика временных форм структурообразующего компонента схем «что светит чем», «кто/что освещает что» …… 48

Волкова Е.П. Повествовательные восклицательные и невосклицательные неполные двусоставные конструкции со значением необдуманного действия ……... 55

Грозян Н.Ф. Теоретические концепции изучения членов предложения в традиционном и новейшем языкознании ……. 60

Инькова О.Ю. О некоторых синтаксических свойствах коннекторов: количественные методы анализа ... 66

Киреева Е.З. План выражения поля модальности текста (на материале регионального законодательства) ….. 74

Коростова С.В. Эмотивный синтаксис ранних рассказов А.П. Чехова …….. 82

Котова Ю.С. Функции эмотивных номинативных конструкций в произведениях А.П. Чехова ……. 88

Кручинкина Н.Д. Функциональная семантико-синтаксическая категоризация инвариантов простых предложений …… 92

Мельниченко Н.П. Грамматические средства выражения ограничительных отношений в тексте …….. 100
Мисяченко С.В. Роль синтаксических средств языка в рекламном тексте …… 106
Огольцева Е.В. Предикативная конструкция в функции образа устойчивого сравнения …….. 113
Папуша И.С. Специфика функционирования сложного синтаксического целого в поэтических текстах .. 122
Прудникова Т.И. Детерминантные члены предложения в современной лингвистике (на материале украинского языка) …… 129
Шаповалова Т.Е. Темпорально-персуазивная семантика русского предложения …… 135
Шереметьева Е.С. О служебном потенциале модели $B+N_6$ ……... 141

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Авксентьева А.М. Заголовочный комплекс в структуре масс-медийного текста (на примере интернет-версии «Российской газеты») …… 148
Дмитриева Ю.Л. Образ Горловки в местных СМИ …….. 152
Егорова О.И. Речевые стратегии построения имиджа демократического лидера в выступлениях В.В. Путина ……. 157
Зубцова М.Л. Перцептивная модель ночного пейзажа (на материале цикла рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника») …….. 161
Колесникова С.М. Языковые средства создания символа-образа *Светланы* в поэтическом тексте (В.А. Жуковский и А.С. Пушкин) …… 167
Крылова Л.А. Портрет как текст в пушкинской прозе 30-х годов ……. 172
Леонтьева А.Ю. Отражение истории Китая в образной системе лирики А.А. Ахматовой ……. 180
Лютц А.П., Шипилова Ю.В. Главный герой рассказа Чехова: архиерейское и мирское начала …… 188
Мещерякова О.А. О взаимосвязи перцептивной и пространственно-временной семантики ……... 194
Михайлова М.Ю. Репрезентация невыразимых смыслов в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» …… 199
Омельянчук М.В. Устойчивые выражения с видеоигровым генезисом в виртуальном пространстве ……... 207
Полякова Т.М. Украинско-русское языковое взаимодействие в художественном тексте русских классиков ……. 212

Сапрыкина М.В. Экспрессивные образы в стихотворении Марины Цветаевой «Не ветром ветреным – до – осени…» …….. 220
Стеванович Р.И. Отражение принципа антропоцентризма в языке эвристического научного изложения (межъязыковой аспект) …….. 224
Усачева О.Ю. Интернет как среда дискурсивных изменений жанра …… 231

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ В СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОМ, ФУНКЦИОНАЛЬНОМ И СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Абреимова Г.Н. Преобразование фразеологических единиц с опорным компонентом «глаза» (на примере текстов М.М. Пришвина) …….. 241
Воеводина Г.А. Проявление интернационализации лексики тематической сферы «туризм» в русском языке .. 248
Гурова И.В. Отонимные гейт-производные в современном медиатексте ……. 254
Дарбаева Ж.К. К вопросу изучения актуальной лексики социальных сетей …… 259
Дубровина С.Ю. Семиотика лексики, реализующей вероучительные идеи в русском языке …… 263
Евграфова С.М. Уровни языка и языковые механизмы с позиций асимметрии языковой системы ……. 270
Иосифова В.Е. Особенности выражения побуждения в русском и китайском языках ……. 278
Катермина В.В. Сленг как культурно-поведенческая категория .. 284
Леденёва В.В. Омонимы-эвфемизмы *бюджетно* в современной речи: комммуникативный, прагматический, словообразовательный аспекты ……. 289
Нгуен М.Х. Особенности синонимических рядов качественных имён прилагательных в современном русском языке …….. 295
Новосельцева Л.А. Лингвистические «стопперы» в языке текстов В. Пелевина ……. 299
Оспанова И.В. Пространство души в языковом представлении .. 310
Турко У.И. Термины *документ* и *грамота* в их историческом развитии …….. 315
Федотова А.А. Грамматические средства языковой выразительности категории «ужасное» в русской литературе новейшего периода ……. 318
Чолан В.Я. Функции генитива в церковнославянских текстах …….. 321

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ И ЛИНГВОКОГНИТОЛОГИИ

Васильева О.А. Роль логоэпистемоидов в текстах русского дискурса ……... 329

Гончарова Т.В. Феномен храма в Липецком православном тексте …… 332

Загвозкина О.В. Взаимодействие концептов «давление» и «контакт» в творчестве В.М. Шукшина ……... 339

Карасёва Е.В. Отражение национального характера в паремиях (на материале произведений М. Пришвина) …… 343

Кудрявцева С.В. Источники прецедентных феноменов в русской мемуаристике …….. 349

Никифорова О.В. Представление осеннего цикла календарных обрядов в нижегородских говорах …… 356

Плеханова Л.П. Антропоцентричность пейзажа в рассказе И.С. Тургенева «Свидание» …….. 361

Попова Е.А. Провинциальный текст русской литературы: лингвокультурологические аспекты и ментально-сущностные характеристики …….. 367

Соловьёва В.В. Цыганский феномен в русской лингвокультуре .. 381

Стоянова Е.В. Концептуальная метафора и моделирование мира (на материале российского и болгарского медиадискурсов) ……. 387

Су Лицзе Различия в культуре и языке между Китаем и Россией ……. 392

Токарев Г.В. О культурной маркированности аббревиатур …. 395

Шетэля Виктор Концепт «власть» в высказываниях персонажей польского многосерийного скетча «Ухо председателя» (ТВ, Варшава) ……... 396

Шипицына Г.М. Воспитательный потенциал «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А.С. Пушкина ……. 400

Шурупова О.С. Культурно-языковые коды южного сверхтекста: опыт лингвокультурологического исследования 408

Ягафарова Л.Т. Концепт «заграничный» как основополагающий в структуре концептосферы «Мода» …… 415

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОНОМАСИОЛОГИИ И ОНОМАСТИКИ

Герасименко И.А. Эргонимикон современного Донбасса: лингвоэкологический аспект ……. 419

Гоннова Н.В. Дериваты с компонентом *чудо-* в заголовках публицистических текстов ……. 425

Ерохина Т.А. Собственные имена в заголовках поэтических текстов М.А. Волошина ……. 431

Литвинникова О.И. Семантико-структурная организация дериватов народно-разговорной речи в малой прозе А.И. Солженицына ……. 437
Соколова М.Г. Устойчивые тропеические номинации дендронима *клен* в поэтическом языке XIX-XX веков ……. 445

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Белоусова А.В. Особенности формирования этнокультурологической компетенции на уроках русского языка в общеобразовательной школе ... 452
Бирюкова Т.Г. Анализ смысловых отношений текста при подготовке к ЕГЭ по русскому языку ……. 456
Василева Б.Д. Работа со специализированными музыкальными текстами на уроках болгарского языка как иностранного студентов-музыкантов 460
Головина Л.И. Имена существительные отглагольной производности и их изучение в школе ……. 467
Иванова М.Ю., Иванов Г.В. Развитие орфоэпических навыков у учащихся СПО на занятиях по русскому языку …… 476
Иванян Е.П. Фразеология педагогической речи: лингвоэкологический аспект ……. 480
Карташова В.Н. Методика работы по подготовке обучающихся к реферированию иноязычного текста …… 486
Новикова Е.Э. Виды интеграции на уроках русского языка …… 490
Селеменева О.А. Самостоятельное изучение студентами-бакалаврами слов категории состояния в электронной информационно-образовательной среде вуза ……. 494
Телкова В.А. Изучение языка как средства когнитивной деятельности школьника …… 500
Федюшина Г.А. Трудные случаи разграничения омонимичных слов на -о и безличных глаголов на уроках русского языка ……. 503

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ И МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Сборник материалов Международной
научно-практической конференции,
посвящённой 120-летию со дня рождения профессора
Ивана Александровича Фигуровского

Технический редактор – Г.Н. Бурганская
Техническое исполнение – В.М. Гришин
Книга печатается в авторской редакции

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 х 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная
Печ.л. 32,0 Уч.-изд.л. 29,8
Тираж 500 экз. (1-й завод 1-110 экз.). Заказ 66

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28,1